РУССКОЕ СЛОВО

1861.

ФЕВРАЛЬ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ НИКОЛАЯ ТИБЛЕНА И КОМП.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ I.

Пятна жизни (повѣсть). А. Г. ВИТКОВСКАГО.
Поэтъ и цвѣточница (стихотв.). А. Н. МАЙКОВА.
О значеніи критическихъ трудовъ *К. Аксакова* по русской исторіи. Н. И. КОСТОМАРОВА.
Гдѣ ты? (стихотв.). Л. А. МЕЯ.
Венгрія въ современныхъ ея отношеніяхъ къ Австріи. С. Н. ПАЛАУЗОВА.
Къ Нѣману (стихотв.) В. Г. БЕНЕДИКТОВА.
Украинка въ Краковѣ (стихотв.) А. С.
Добрые люди (повѣсть). Ж. ЛИНСКОЙ.

ОТДѢЛЪ II.

Политика. Обзоръ современныхъ событій. Г. Б. Ц. . . 1
Письмо изъ Парижа. ЖАКА ЛЕФРЕНЯ 18
Русская литература. Историческіе очерки русской народной словесности и искусства. Соч *Ѳ. Буслаева.* Изд. *Д. Е. Кожанчикова.* Спб 1861. Д. Л. МОРДОВЦОВА 1
Уличные типы. *А, Голицынскаго,* съ 20—ю рисунками *М. Пикколо.* Изд. *К. Рихау.* М. 1860. Д. И. ПИСАРЕВА. 58
Записки нѣкоторыхъ обстоятельствъ жизни и службы сен. *И. В. Лопухина.* М. 1860. В. К—АГО . . . 71
Житіе Ивана Яковлевича, извѣстнаго пророка въ Москвѣ. Соч. *И. Прыжова.* П. РУДНАГО 90
Очерки заграничной жизни. *А. Забѣлина.* Р. Р. . . 95

Отъ редакціи.

1) Февральская книжка Русскаго Слова запоздала по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ, которыя также не позволили приложить къ ней шахматный листокъ.

Мартовская книжка выйдетъ въ самомъ непродолжительномъ времени, къ ней будетъ приложено два № шахматнаго листка.

2) По случаю значительнаго прибавленія числа подписчиковъ, въ редакціи не достало отдѣльныхъ оттисковъ «Прикащика», «Понизовой Вольницы» и «Маркизы д'Эскоманъ»; извиняясь передъ г.г. подписчиками, не получившими ихъ своевременно, редакція считаетъ долгомъ извѣстить, что ею приняты мѣры къ немедленному ихъ удовлетворенію.

3) Въ отдѣльныхъ оттискахъ «Маркизы д'Эскоманъ» въ нѣкоторыхъ экземплярахъ, по ошибкѣ, не сброшюровали послѣдняго листка 4-й части Маркизы д'Эскоманъ; этотъ листокъ прилагается къ настоящей книжкѣ.

Отъ редакціи.

1) Фотографическая снимка [illegible] Слова запоздала по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ, которыя задержали по независящимъ причинамъ въ ней помѣщаемые листы.

Мартовскій номеръ [illegible] въ [illegible] непродолжительномъ времени, къ нему будутъ приложены два [illegible] недостающіе листа.

2) По случаю значительнаго продолженія числа подписчиковъ, въ редакціи не осталось оригинальныхъ оттисковъ «Пересвѣта», «Московской Вольности» и «Ласточки» [illegible]; оставшійся портретъ Г.Г. подписчикамъ, не получившимъ ихъ своевременно, редакція считаетъ долгомъ извѣстить, что ею приняты мѣры къ немедленному ихъ удовлетворенію.

3) Въ отдѣльномъ изданіи «Морскихъ Разсказовъ» въ нѣкоторыхъ экземплярахъ, по ошибкѣ, не отпечатаны послѣдніе листы 4-й части «Морскихъ Разсказовъ»; этотъ листокъ прилагается къ настоящей книжкѣ.

лись виноваты. А вы развѣ такую роль разыграли передъ маркизой?

— Но виноватъ ли я, что разлюбилъ ее?

— Не мнѣ вамъ ставить это въ преступленіе. Еще въ то время, когда вы разсыпались передъ ней въ страшныхъ клятвахъ, пускавъ ихъ на воздухъ, какъ мыльные пузыри, я уже предвидѣлъ исходъ вашей любви. Но во всякомъ случаѣ, я думалъ, что, поступая такъ, какъ обыкновенный смертный, вы не забудете, чѣмъ пожертвовала вамъ эта благородная женщина и хоть сколько нибудь оцѣните довѣренность, съ которой она такъ безгранично отдалась вамъ; что вы не допустите ее сказать впослѣдствіи: «онъ ведетъ себя какъ.....»

— А чтожъ мнѣ было дѣлать? прервалъ Лудовикъ.

— Быть откровеннымъ. Разсказать ей все, что призошло въ вашемъ сердцѣ. Положимъ, что это убило-бы ее съ разу, если уже ей суждено умереть; но съ вашей стороны все же это было-бы честнѣе, чѣмъ играть роль ничтожнаго тартюфа.

— Эмма ничего не подозрѣваетъ.

— Вы думаете? Ну, такъ знайте же, что ей все извѣстно,—въ этомъ я могу увѣрить васъ честнымъ словомъ! А вы, вы одни только не видите, что происходитъ въ глубинѣ ея сердца. Слушайте, прибавилъ швалье, смягчая голосъ: — вотъ вамъ послѣдній мой совѣтъ. Вы не любите маркизу д'Эскоманъ, — это ея несчастіе, а еще болѣе ваше; — но за отсутствіемъ любви, старайтесь же, по-крайней-мѣрѣ, не забыть вашихъ обязанностей; вы, конечно, помните, что она отдала вамъ все, и замокъ, и честь, и состояніе и даже положеніе свое въ обществѣ. Она не могла ничего больше сдѣлать для васъ, какъ умереть у вашихъ ногъ, въ ту минуту, какъ вы обнимаете Маргариту. Ваша собственная польза, такъ же какъ и чувство состраданія къ ея несчастію, заставляетъ меня такъ говорить съ вами. Одно только сознаніе долга, можетъ еще спасти васъ на вашей скользкой дорогѣ. Будьте же человѣкомъ; обдумайте хорошенько свое положеніе и постарайтесь честно выйдти изъ него. Вспоминайте почаще, мой другъ, что вы бѣдны и что у васъ два кредитора: — маркиза д'Эскоманъ, пожертвовавшая вамъ своимъ именемъ и жизнью, и бѣдная кормилица, которая недалѣе какъ сегодня принесла вамъ послѣднюю свою копѣйку; вамъ слѣдуетъ расплатиться съ ними. Посвятите себя труду и берегитесь сдѣлаться вторымъ швалье де-Монгла, тѣмъ болѣе, что въ васъ нѣтъ ни моей пылкости, ни моей смѣлости, ни той веселости, которыми хотя сколько нибудь да выкупались мои проступки. Въ заключеніе, мой другъ, я совѣтую вамъ примириться съ вашей собственной совѣстью и обойдти ту вѣрную гибель, которую такъ искусно гото-

вятъ вамъ черныя руки шатоденской гризетки. Вспомните меня, когда будете рвать на себѣ волосы отъ досады и разочарованія.

Молодой человѣкъ склонилъ голову и не отвѣчалъ ни слова.

Друзья прошли вмѣстѣ нѣсколько шаговъ въ глубокомъ молчаніи; но потомъ шевалье де-Монгла вдругъ остановился и проговорилъ:

— Головная боль моя рѣшительно невыносима и я никакъ не могу вернуться въ оперу. Потрудитесь засвидѣтельствовать мое почтеніе прелестнѣйшей маркизѣ и передать ей мое искреннее сожалѣніе, что я долженъ отказаться отъ чести проводить ее домой. На случай, если я буду нуженъ маркизѣ или вамъ, — то я живу въ гостинницѣ Риволи. И такъ до свиданья, любезный другъ.

И шевалье де-Монгла, не пожавъ даже руки молодаго человѣка, быстро исчезъ въ толпѣ. Лудовикъ возвратился къ Эммѣ въ ложу, удивляясь внезапной строгости правилъ своего стараго друга.

КОНЕЦЪ 4-Й ЧАСТИ.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, АЛЕКСАНДРЪ ВТОРЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ

ВСЕРОССІЙСКІЙ,

ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКІЙ,

И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ.

Объявляемъ всѣмъ Нашимъ вѣрноподданнымъ.

Божіимъ Провидѣніемъ и священнымъ закономъ престолонаслѣдія бывъ призваны на прародительскій Всероссійскій Престолъ, въ соотвѣтствіе сему призванію Мы положили въ сердцѣ Своемъ обѣтъ обнимать Нашею Царскою любовію и попеченіемъ всѣхъ нашихъ вѣрноподданныхъ всякаго званія и состоянія, отъ благородно владѣющаго мечемъ на защиту отечества до скромно работающаго ремесленнымъ орудіемъ, отъ проходящаго высшую службу государственную до проводящаго на полѣ борозду сохою или плугомъ.

Вникая въ положеніе званій и состояній въ составѣ Государства, Мы усмотрѣли, что государственное законодательство, дѣятельно благоустрояя высшія и среднія сословія, опредѣляя ихъ обязанности, права и преимущества, не достигло равномѣрной дѣятельности въ отношеніи къ людямъ крѣпостнымъ, такъ названнымъ потому, что они, частію старыми законами, частію обычаемъ, потомственно укрѣплены подъ властію помѣщиковъ, на которыхъ съ тѣмъ вмѣстѣ

лежитъ обязанность устроять ихъ благосостояніе. Права помѣщиковъ были донынѣ обширны и не опредѣлены съ точностію закономъ, мѣсто котораго заступали преданіе, обычай и добрая воля помѣщика. Въ лучшихъ случаяхъ изъ сего происходили добрыя патріархальныя отношенія искренней правдивой попечительности и благотворительности помѣщика и добродушнаго повиновенія крестьянъ. Но при уменьшеніи простоты нравовъ, при умноженіи разнообразія отношеній, при уменьшеніи непосредственныхъ отеческихъ отношеній помѣщиковъ къ крестьянамъ, при впаденіи иногда помѣщичьихъ правъ въ руки людей, ищущихъ только собственной выгоды, добрыя отношенія ослабѣвали, и открывался путь произволу, отяготительному для крестьянъ, и неблагопріятному для ихъ благосостоянія, чему въ крестьянахъ отвѣчала неподвижность къ улучшеніямъ въ собственномъ бытѣ.

Усматривали сіе и приснопамятные Предшественники Наши и принимали мѣры къ измѣненію на лучшее положеніе крестьянъ; но это были мѣры, частію нерѣшительныя, предложенныя добровольному, свободолюбивому дѣйствованію помѣщиковъ, частію рѣшительныя только для нѣкоторыхъ мѣстностей, по требованію особенныхъ обстоятельствъ, или въ видѣ опыта. Такъ Императоръ Александръ I-й издалъ постановленіе о свободныхъ хлѣбопашцахъ, и въ Бозѣ почившій Родитель Нашъ Николай I-й постановленіе о обязанныхъ крестьянахъ. Въ губерніяхъ западныхъ инвентарными правилами опредѣлены надѣленіе крестьянъ землею и ихъ повинности. Но постановленія о свободныхъ хлѣбопашцахъ и обязанныхъ крестьянахъ приведены въ дѣйствіе въ весьма малыхъ размѣрахъ.

Такимъ образомъ Мы убѣдились, что дѣло измѣненія положенія крѣпостныхъ людей на лучшее, есть для Насъ завѣщаніе Предшественниковъ Нашихъ и жребій, чрезъ теченіе событій, поданный Намъ рукою Провидѣнія.

Мы начали сіе дѣло актомъ Нашего довѣрія къ Россійскому Дворянству, къ извѣданной великими опытами преданности его Престолу и готовности его къ пожертвованіямъ на пользу Отечества. Самому Дворянству предоставили Мы, по собственному вызову его, составить предположенія о но-

вомъ устройствѣ быта крестьянъ, при чемъ Дворянамъ предлежало ограничить свои права на крестьянъ и подъять трудности преобразованія, не безъ уменьшенія своихъ выгодъ. И довѣріе Наше оправдалось. Въ губернскихъ комитетахъ, въ лицѣ членовъ ихъ, облеченныхъ довѣріемъ всего Дворянскаго общества каждой губерніи, Дворянство добровольно отказалось отъ права на личность крѣпостныхъ людей. Въ сихъ Комитетахъ, по собраніи потребныхъ свѣдѣній, составлены предположенія о новомъ устройствѣ быта находящихся въ крѣпостномъ состояніи людей, и о ихъ отношеніяхъ къ помѣщикамъ.

Сіи предположенія, оказавшіяся, какъ и можно было ожидать по свойству дѣла, разнообразными, сличены, соглашены, сведены въ правильный составъ, исправлены и дополнены въ Главномъ по сему дѣлу Комитетѣ; и составленныя такимъ образомъ новыя положенія о помѣщичьихъ крестьянахъ и дворовыхъ людяхъ разсмотрѣны въ Государственномъ Совѣтѣ.

Призвавъ Бога въ помощь, Мы рѣшились дать сему дѣлу исполнительное движеніе.

Въ силу означенныхъ новыхъ положеній, крѣпостные люди получатъ въ свое время полныя права свободныхъ сельскихъ обывателей.

Помѣщики, сохраняя право собственности на всѣ принадлежащія имъ земли, предоставляютъ крестьянамъ, за установленныя повинности, въ постоянное пользованіе усадебную ихъ осѣдлость, и сверхъ того, для обезпеченія быта ихъ и исполненія обязанностей ихъ предъ Правительствомъ, опредѣленное въ положеніяхъ количество полевой земли и другихъ угодій.

Пользуясь симъ поземельнымъ надѣломъ, крестьяне за сіе обязаны исполнять въ пользу помѣщиковъ опредѣленныя въ положеніяхъ повинности. Въ семъ состояніи, которое есть переходное, крестьяне именуются временно-обязанными.

Вмѣстѣ съ тѣмъ имъ дается право выкупать усадебную ихъ осѣдлость, а съ согласія помѣщиковъ они могутъ пріобрѣтать въ собственность полевыя земли и другія угодья, отведенныя имъ въ постоянное пользованіе. Съ таковымъ

пріобрѣтеніемъ въ собственность опредѣленнаго количества земли, крестьяне освободятся отъ обязанностей къ помѣщикамъ по выкупленной землѣ и вступятъ въ рѣшительное состояніе свободныхъ крестьянъ-собственниковъ.

Особымъ положеніемъ о дворовыхъ людяхъ опредѣляется для нихъ переходное состояніе, приспособленное къ ихъ занятіямъ и потребностямъ; по истеченіи двухлѣтняго срока отъ дня изданія сего положенія, они получатъ полное освобожденіе и срочныя льготы.

На сихъ главныхъ началахъ составленными положеніями опредѣляется будущее устройство крестьянъ и дворовыхъ людей, установляется порядокъ общественнаго крестьянскаго управленія, и указываются подробно даруемыя крестьянамъ и дворовымъ людямъ права и возлагаемыя на нихъ обязанности въ отношеніи къ Правительству и къ помѣщикамъ.

Хотя же сіи положенія, общія, мѣстныя, и особыя дополнительныя правила для нѣкоторыхъ особыхъ мѣстностей, для имѣній мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ и для крестьянъ, работающихъ на помѣщичьихъ фабрикахъ и заводахъ, по возможности приспособлены къ мѣстнымъ хозяйственнымъ потребностямъ и обычаямъ: впрочемъ, дабы сохранить обычный порядокъ тамъ, гдѣ онъ представляетъ обоюдныя выгоды, Мы предоставляемъ помѣщикамъ дѣлать съ крестьянами добровольныя соглашенія, и заключать условія о размѣрѣ поземельнаго надѣла крестьянъ и о слѣдующихъ за оный повинностяхъ, съ соблюденіемъ правилъ, постановленныхъ для огражденія ненарушимости таковыхъ договоровъ.

Какъ новое устройство, по неизбѣжной многосложности требуемыхъ онымъ перемѣнъ, не можетъ быть произведено вдругъ, а потребуется для сего время, примѣрно не менѣе двухъ лѣтъ; то въ теченіе сего времени, въ отвращеніе замѣшательства, и для соблюденія общественной и частной пользы, существующій донынѣ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ порядокъ долженъ быть сохраненъ дотолѣ, когда, по совершеніи надлежащихъ приготовленій, открытъ будетъ новый порядокъ.

Для правильнаго достиженія сего, Мы признали за благо повелѣть:

1) Открыть въ каждой губерніи Губернское по крестьянскимъ дѣламъ Присутствіе, которому ввѣряется высшее завѣдываніе дѣлами крестьянскихъ обществъ, водворенныхъ на помѣщичьихъ земляхъ.

2) Для разсмотрѣнія на мѣстахъ недоразумѣній и споровъ, могущихъ возникнуть при исполненіи новыхъ положеній, назначить въ уѣздахъ Мировыхъ Посредниковъ, и образовать изъ нихъ Уѣздные Мировые Съѣзды.

3) За тѣмъ образовать въ помѣщичьихъ имѣніяхъ мірскія управленія, для чего, оставляя сельскія общества въ нынѣшнемъ ихъ составѣ, открыть въ значительныхъ селеніяхъ волостныя управленія, а мелкія сельскія общества соединить подъ одно волостное управленіе.

4) Составить, повѣрить и утвердить по каждому сельскому обществу или имѣнію уставную грамоту, въ которой будетъ исчислено, на основаніи мѣстнаго положенія, количество земли, предоставляемой крестьянамъ въ постоянное пользованіе, и размѣръ повинностей, причитающихся съ нихъ въ пользу помѣщика, какъ за землю, такъ и за другія отъ него выгоды.

5) Сіи уставныя грамоты приводить въ исполненіе по мѣрѣ утвержденія ихъ для каждаго имѣнія, а окончательно по всѣмъ имѣніямъ ввести въ дѣйствіе въ теченіе двухъ лѣтъ, со дня изданія настоящаго Манифеста.

6) До истеченія сего срока, крестьянамъ и дворовымъ людямъ пребывать въ прежнемъ повиновеніи помѣщикамъ, и безпрекословно исполнять прежнія ихъ обязанности.

7) Помѣщикамъ сохранить наблюденіе за порядкомъ въ ихъ имѣніяхъ, съ правомъ суда и расправы, впредь до образованія волостей и открытія волостныхъ судовъ.

Обращая вниманіе на неизбѣжныя трудности предпріемлемаго преобразованія, Мы первѣе всего возлагаемъ упованіе на всеблагое Провидѣніе Божіе, покровительствующее Россіи.

За симъ полагаемся на доблестную о благѣ общемъ ревность Благороднаго Дворянскаго сословія, которому не можемъ не изъявить отъ Насъ и отъ всего Отечества заслуженной признательности за безкорыстное дѣйствованіе къ

осуществленію Нашихъ предначертаній. Россія не забудетъ, что оно добровольно, побуждаясь только уваженіемъ къ достоинству человѣка и христіанскою любовію къ ближнимъ, отказалось отъ упраздняемаго нынѣ крѣпостнаго права и положило основаніе новой хозяйственной будущности крестьянъ. Ожидаемъ несомнѣнно, что оно также благородно употребитъ дальнѣйшее тщаніе къ приведенію въ исполненіе новыхъ положеній въ добромъ порядкѣ, въ духѣ мира и доброжелательства; и что каждый владѣлецъ довершитъ въ предѣлахъ своего имѣнія великій гражданскій подвигъ всего сословія, устроивъ бытъ водворенныхъ на его землѣ крестьянъ и его дворовыхъ людей на выгодныхъ для обѣихъ сторонъ условіяхъ и тѣмъ дастъ сельскому населенію добрый примѣръ и поощреніе къ точному и добросовѣстному исполненію государственныхъ постановленій.

Имѣющіеся въ виду примѣры щедрой попечительности владѣльцевъ о благѣ крестьянъ, и признательности крестьянъ къ благодѣтельной попечительности владѣльцевъ, утверждаютъ Нашу надежду, что взаимными добровольными соглашеніями разрѣшится большая часть затрудненій, неизбѣжныхъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ примѣненія общихъ правилъ къ разнообразнымъ обстоятельствамъ отдѣльныхъ имѣній, и что симъ способомъ облегчится переходъ отъ стараго порядка къ новому и на будущее время упрочится взаимное довѣріе, доброе согласіе и единодушное стремленіе къ общей пользѣ.

Для удобнѣйшаго же приведенія въ дѣйствіе тѣхъ соглашеній между владѣльцами и крестьянами, по которымъ сіи будутъ пріобрѣтать въ собственность, вмѣстѣ съ усадьбами, и полевыя угодья, отъ Правительства будутъ оказаны пособія, на основаніи особыхъ правилъ, выдачею ссудъ и переводомъ лежащихъ на имѣніяхъ долговъ.

Полагаемся и на здравый смыслъ Нашего народа.

Когда мысль Правительства о упраздненіи крѣпостнаго права распространилась между не приготовленными къ ней крестьянами: возникали было частныя недоразумѣнія. Нѣкоторые думали о свободѣ и забывали объ обязанностяхъ. Но общій здравый смыслъ не поколебался въ томъ убѣжденіи,

что и по естественному разсужденію, свободно пользующійся благами общества взаимно долженъ служить благу общества исполненіемъ нѣкоторыхъ обязанностей, и по закону христіанскому, *всякая душа* должна *повиноваться властямъ предержащимъ* (Рим. XIII. 1), *воздавать всѣмъ должное,* и въ особенности кому должно, *урокъ, дань, страхъ, честь* (7); что законно пріобрѣтенныя помѣщиками права не могутъ быть взяты отъ нихъ безъ приличнаго вознагражденія или добровольной уступки; что было бы противно всякой справедливости пользоваться отъ помѣщиковъ землею и не нести за сіе соотвѣтственной повинности.

И теперь съ надеждою ожидаемъ, что крѣпостные люди, при открывающейся для нихъ новой будущности, поймутъ и съ благодарностію примутъ важное пожертвованіе, сдѣланное Благороднымъ Дворянствомъ для улучшенія ихъ быта.

Они вразумятся, что получая для себя болѣе твердое основаніе собственности, и большую свободу располагать своимъ хозяйствомъ, они становятся обязанными, предъ обществомъ и предъ самими собою, благотворность новаго закона дополнить вѣрнымъ, благонамѣреннымъ и прилежнымъ употребленіемъ въ дѣло дарованныхъ имъ правъ. Самый благотворный законъ не можетъ людей сдѣлать благополучными, если они не потрудятся сами устроить свое благополучіе подъ покровительствомъ закона. Довольство пріобрѣтается и увеличивается неиначе, какъ неослабнымъ трудомъ, благоразумнымъ употребленіемъ силъ и средствъ, строгою бережливостію, и вообще честною въ страхѣ Божіемъ жизнію.

Исполнители приготовительныхъ дѣйствій къ новому устройству крестьянскаго быта и самаго введенія въ сіе устройство употребятъ бдительное попеченіе, чтобы сіе совершалось правильнымъ, спокойнымъ движеніемъ: съ наблюденіемъ удобности временъ, дабы вниманіе земледѣльцевъ не было отвлечено отъ ихъ необходимыхъ земледѣльческихъ занятій. Пусть они тщательно воздѣлываютъ землю и собираютъ плоды ея, чтобы потомъ изъ хорошо наполненной житницы взять сѣмена для посѣва на землѣ постояннаго пользованія или на землѣ пріобрѣтенной въ собственность.

Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ, и призови съ Нами Божіе благословеніе на твой свободный трудъ, залогъ твоего домашняго благополучія и блага общественнаго.

Данъ въ Санктпетербургѣ, въ девятнадцатый день Февраля, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ шестьдесятъ первое, Царствованія же Нашего въ седьмое.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

«АЛЕКСАНДРЪ».

РУССКОЕ СЛОВО.

II.

РУССКОЕ СЛОВО

ЛИТЕРАТУРНО-УЧЕНЫЙ

ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

ГРАФОМЪ ГР. КУШЕЛЕВЫМЪ-БЕЗБОРОДКО.

1861.

ФЕВРАЛЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ НИКОЛАЯ ТИБЛЕНА И КОМП.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ, 9-го Марта 1861 года.

Ценсоры *В. Бекетовъ.*
Ѳ. Рахманиновъ.
П. Дубровскій.
Е. Волковъ.

ПЯТНА ЖИЗНИ.

I.

Въ отдаленномъ петербургскомъ закоулкѣ, въ ветхомъ, полуразвалившемся деревянномъ домишкѣ, въ небольшой, душной, грязной комнатѣ съ двумя покосившимися окнами и дверью, обитою рогожей, со стѣнами, мѣстами оклеенными остатками пестрыхъ обоевъ, съ мебелью, состоявшею изъ засаленаго клеенчатаго дивана, стола передъ нимъ, двухъ или трехъ сломанныхъ стульевъ, темнокраснаго комода съ разбитымъ зеркаломъ и уродливой кровати, покрытой одѣяломъ сшитымъ изъ тысячи треугольныхъ кусочковъ самаго разнообразнаго ситца, медленно ходилъ, изъ угла въ уголъ, понуривъ голову и заложивъ руки въ карманы, человѣкъ лѣтъ пятидесяти. По временамъ онъ останавливался, неопредѣленно, но пристально смотрѣлъ въ зеркало, точно не узнавалъ въ немъ самого себя, шевелилъ губами, издавая какіе-то несвязные, хриплые звуки безъ словъ, потомъ подходилъ къ комоду, дрожащей рукой бралъ стоявшій на немъ полуштофъ, наливалъ рюмку, подносилъ ее ко рту, опрокидывалъ, но не вдругъ проглатывалъ, потому что на нѣсколько секундъ щеки его надувались въ видѣ пузырей, посоловѣвшіе глаза выкатывались, затѣмъ наружность вдругъ принимала обыкновенный, плоскій видъ, человѣкъ вздыхалъ, точно сваливалъ тяжелую ношу, завертывалъ въ ближайшій уголъ, клалъ на грудь красную растопыренную пятерню и продолжительно плевалъ и кашлялъ. По костюму его, состоявшему изъ стараго, засаленаго вицъ-мундира, съ двумя или тремя

бронзовыми пуговицами и истертымъ темнозеленымъ бархатнымъ воротникомъ, можно было догадаться, что человѣкъ этотъ принадлежалъ къ разряду людей, съ титуломъ *благородія* или даже *высокоблагородія.* Наружность ходившаго взадъ и впередъ отличалась какой-то одеревенѣлой грубостью; все въ ней было вяло, блѣдно, безжизненно, все повисло — и синій небритый подбородокъ, и полуразинутый ротъ, и носъ, и щеки, и вѣки и остатки волосъ на головѣ; тусклые стеклянные глаза смахивали на телячьи и, казалось, не смотрѣли, а только были открыты; ни выраженія, ни мысли, ни чувства нельзя было отыскать въ нихъ; они походили на открытые глаза покойника, только багровыя пятна, на всѣхъ выпуклостяхъ лица, придавали ему нѣкоторый видъ жизни.

У окна комнаты, за небольшими пяльцами, съ нагорѣвшимъ сальнымъ огаркомъ, помѣщалось другое существо, совершенно противуположное первому: — дѣвушка лѣтъ пятнадцати. Нѣжное, фарфоровое ея личико дышало свѣжестью, сквозило свѣтло-розовой бѣлизной; черезъ тонкую кожу, казалось, видно было какъ кровь играетъ и бьется въ каждой жилкѣ. Черты были тонкія, и если не строго правильныя, то за то такъ гармонировали, что самые ихъ недостатки казались достоинствами; не будь двухъ ямочекъ у оконечностей небольшаго рта, родимаго пятнушка на правой щекѣ, нѣсколько широкаго носика съ двумя небольшими изломами, слишкомъ поднятыхъ кверху тонкихъ бровей, частности физіономіи, быть можетъ, выиграли бы, но взятая въ цѣломъ она непремѣнно утратила бы свою симпатичность, свое *нѣчто* привлекающее. Глядя на эту головку съ гладко-зачесанными назадъ, свѣтлыми, какъ ленъ, золотистыми волосами, на большіе голубые глаза съ длинными, также золотистыми рѣсницами, не хотѣлось видѣть ничего лучшаго или, вѣрнѣе, рѣдко найдешь и увидишь что-нибудь лучшее. Она походила на полевую утреннюю лилію, еще не распустившуюся, на такой цвѣтокъ, которому позавидовала бы и пышная камелія и махровая роза. Дѣвушка одѣта была бѣдно: черный суконный платокъ покрывалъ ея плечи и шею, и еще рѣзче обозначалъ бѣлизну послѣдней; черный, съ бѣлыми мушками, ситецъ, очевидный признакъ траура, гладко охватывалъ лежавшія на

пяльцахъ руки. Дѣвушка очень прилежно работала; повидимому, она не обращала никакого вниманія на ходившаго взадъ и впередъ господина;—точно съ этой походкой, съ этой цинической обстановкой сжилась, свыклась, стерпѣлась; только иногда, не поднимая головы, она косила глазами въ его сторону, какъ будто боялась, что онъ остановится, подойдетъ къ ней, помѣшаетъ работать; да когда вицъ-мундиръ стучалъ рюмкой, дѣвушка наклонялась ближе къ пяльцамъ, руки ея работали проворнѣе, судорожнѣе, брови высоко поднимались; казалось, она прислушивалась къ чему-то страшному, или со страхомъ ждала чего-то.

Прошло съ четверть часа. Господинъ въ вицъ-мундирѣ продолжалъ путешествовать изъ угла въ уголъ, прикладываться къ рюмкѣ, плевать и кашлять; дѣвушка работала и молчала. Во все это время она только поспѣшно сощипнула со свѣчки, откусила конецъ нитки, украдкой взглянула на темнокрасный комодъ, тихо вздохнула, опустила голову и принялась шить еще прилежнѣе. Вицъ-мундиръ сдѣлалъ еще нѣсколько шаговъ, но вдругъ, неожиданно, повернулъ въ сторону, остановился у пялецъ, при чемъ покачнулся такъ, что чуть ихъ не опрокинулъ и ткнулъ пальцемъ въ работу. Дѣвушка подняла голову и съ боязнью взглянула на подошедшаго.

— Папенька! робко, умоляющимъ голосомъ произнесла она.

Господинъ снова покачнулся. Дѣвушка крѣпко, обѣими руками, схватила пяльцы.

— Папенька! повторила она.

— Знаю, что папенька, знаю, несвязно, не отнимая пальца, не поднимая головы пробормоталъ вицъ-мундиръ:—а ты мнѣ вотъ что скажи, скажи мнѣ: зачѣмъ ты шьешь?... Я тебѣ говорю—ты гуляй, а ты шьешь, продолжалъ онъ, слегка покачиваясь и съ трудомъ раскрывая посоловѣвшіе глаза;—ты должна слушать отца, я тебѣ говорю спой пѣсню, а ты шьешь, спой!

— Что вы, папенька, до пѣсень-ли, работать надо.

— Молчать! хриплымъ и дикимъ голосомъ крикнулъ господинъ, выпрямился и уставилъ глаза на дѣвушку. — Ты

должна услаждать отцовскую душу, продолжалъ онъ:—я гулять хочу, и никто мнѣ не мѣшай.... Родитель гуляетъ, ну!... какое тебѣ до этого дѣло, говори, какое дѣло?

— Мнѣ завтра надо работу кончить, вѣдь денегъ ничего нѣтъ.

— Денегъ?!... я денегъ могу сколько хочешь дать, сколько потребуется, столько и дать могу, на деньги плевать!

Онъ съ трудомъ плюнулъ и попалъ на край пяльцевъ, потомъ принялся шарить въ карманахъ, вытащилъ нѣсколько мѣдной монеты, серебра двугривенный, засаленую рублевую бумажку и бросилъ на шитье.

— Вотъ тебѣ деньги, что хочешь, то и дѣлай, мнѣ денегъ не жаль; а ты не шей, ты должна помнить, что у тебя отецъ благородный, дворянинъ; когда я тебѣ говорю не шей, ну, и кончено, не шей, а то нѣтъ тебѣ моего родительскаго благословенія! довольно громко крикнулъ онъ, сильно покачнулся и сбросилъ на полъ подсвѣчникъ.

Въ комнатѣ совершенно стемнѣло, слышно было, какъ дѣвушка выскочила изъ-за пялецъ; господинъ въ вицъ-мундирѣ продолжалъ бормотать «не шей», но вдругъ споткнулся на что-то и грохнулся на земь. Дѣвушка слегка вскрикнула, остановилась на секунду, потомъ опрометью бросилась вонъ изъ комнаты, перебѣжала небольшой дворикъ и стала стучаться въ сосѣднюю дверь.

— Агафья Ильинишна, Агафья Ильинишна, отоприте! кричала она, дрожа всѣмъ тѣломъ.

Дверь отворила пожилая, дородная женщина въ исподницѣ и поношеной мантильѣ на плечахъ.

— Агафья Ильинишна, голубушка, помогите, папенька упалъ! со слезами говорила дѣвушка, схватила женщину за руку и потащила ее за собой.

— Какъ упалъ, пьянъ небось? спросила послѣдняя.

— Выпивши, очень выпивши, грустно отвѣтила дѣвушка. — Все ходилъ, знаете, взадъ и впередъ, по комнатѣ, да водку пилъ; я-то сказать ничего не смѣю, потому, сами знаете, какой человѣкъ онъ; только шью себѣ, вдругъ онъ остановился, браниться началъ; говоритъ—зачѣмъ шью, да какъ хватитъ подсвѣчникъ на полъ, я-то вскочила, а онъ, должно

быть, задѣлъ что ли за что, такъ и растянулся! живъ ли ужъ? пойдемте, Агафья Ильинишна.

— Не умретъ, проспится, безпутный человѣкъ, съ полною увѣренностью отозвалась женщина.

Онѣ вошли въ комнату. Господинъ въ вицъ-мундирѣ лежалъ на полу и тяжело храпѣлъ. Агафья Ильинишна довольно сильно толкнула его ногой.

— Ишь нализался-то, свѣту божьяго не видать, замѣтила она, качая головой. — Положить на кровать развѣ, пущай дрыхнетъ.

Дѣвушка остановилась близь отца и съ какимъ-то тупымъ, безсильнымъ отчаяніемъ, съ полными слезъ глазами смотрѣла на него; казалось, ей было стыдно самое-себя, стыдно всего окружающаго. — Господи! и отъ чего это онъ пьетъ?! со вздохомъ, тихо произнесла она.

— Нравится стало быть, такъ и пьетъ, рѣшила Агафья Ильинишна. — Ты, Настенька, возьми-ка его за плечи, пособи на кровать перетащить. Эка грузный какой! прибавила она, ухватившись за ноги лежавшаго и передвинувъ его на цѣлую сажень.

Не безъ труда обѣ женщины успѣли кое-какъ приподнять и уложить чиновника, при чемъ послѣдній только тяжело вздохнулъ, что-то промычалъ, вѣроятно сердился зачѣмъ его безпокоили, и захрапѣлъ снова громче прежняго.

Агафья Ильинишна только встряхнула руками....

— Ну, Настенька, за этакую работу и угостить не грѣхъ, ужъ я остаточки порѣшу, сказала она, указывая на темно-красный комодъ.

— Спасибо вамъ, — порѣшите, отозвалась дѣвушка, налила рюмку и подала женщинѣ.

— За твое здоровье, голубушка. Полно тебѣ, цвѣтику, плакать-то, глазки-то вотъ покамѣсть хорошенькіе, такъ приберегла бы, пригодятся небось, этакіе глазки дорого стоятъ.

Агафья Ильинишна какъ-то глупо засмѣялась, довольно медленно осушила рюмку, сплюнула и утерла рукавомъ губы.

— Я лучше къ вамъ ночевать приду: я боюсь здѣсь, еще проснется неравно, нерѣшительнымъ голосомъ замѣтила дѣвушка.

— Приходи, родимая, приходи, у меня кстати и пирожокъ есть, — купецъ съ имянинъ прислалъ. Меня-то въ гости не звалъ, потому все холостые господа были, свои прiятели, такъ пирожка прислалъ, кушайте, говоритъ, въ свое удовольствiе. Лакей сказывалъ сильно кутили, извѣстно, со средствами человѣкъ, со средствами! Послѣднiя слова Агафья Ильинишна произнесла съ особымъ ударенiемъ, скрививъ ротъ на сторону и нѣсколько прищуривъ глаза, точно хотѣла чѣмъ-то похвастаться. — Такъ приходи, прибавила она, уходя изъ комнаты.

Оставшись одна, дѣвушка осмотрѣла свои пяльцы, сняла съ нихъ все лишнее, взяла брошенныя отцомъ деньги, пересчитала, заперла въ комодъ, оправила висѣвшую передъ образомъ лампаду, при чемъ три раза перекрестилась, схватилась за полуштофъ, вѣроятно тоже спрятать хотѣла, но найдя его совершенно пустымъ, успокоилась и оставила на прежнемъ мѣстѣ, взглянула на отца, осторожно подвернула подъ его голову почти свалившуюся съ постели подушку, осмотрѣлась, погасила свѣчу и вышла изъ комнаты.

Агафья Ильинишна, между тѣмъ, взяла съ окошка тарелку съ пирогомъ, остатокъ колбасы, сдунула налетѣвшiй на нее соръ, поставила на столъ, покрытый синей грязной салфеткой, сняла пальцами съ нагорѣвшей сальной свѣчи, закурила окурокъ папироски, взяла засаленую колоду картъ и, въ ожиданiи гостьи, занялась гаданьемъ на червоннаго короля.

— А ты, Настенька, сама своему горю причина, говорила она только что вошедшей дѣвушкѣ,—сказано тебѣ плюнь, какой онъ отецъ, скаредъ этакой, что выработаешь, все, прости Господи, въ его же утробу на водку идетъ; вонъ глядѣть срамъ, оборвалась вся, платьишка нѣтъ, работой извѣстно много ли достанешь, въ этакiе невинные годы да жизнь-то свою терять, за что, ну, ты разсуди только, какая надобность, подумай ты это?... Отецъ, эка невидаль отецъ, ну отецъ, такъ пущай отцомъ и будетъ, а только я бы этакого безстыжаго человѣка на порогъ бы къ себѣ не пустила, вотъ что!... Да дай-ка мнѣ твою молодость, да красоту такую, да я бы чудесъ понадѣлала, право! добавила она съ достоин-

ствомъ, швырнула папироску и, какъ бы въ подтвержденіе сказаннаго, крѣпко ударила ладонью въ грудь. — Садись, съѣшь пирожка-то, сладенькій!

— Ничего мнѣ не хочется, дайте отдохнуть только, устала я, все согнувшись сидѣла, грустно отвѣтила Настя, сѣла за столъ, положила руки на колѣни и выпрямилась.

Агафья Ильинишна принялась за пирогъ.

— Охъ ты дѣвица, дѣвица, принцесса да и только, говорила она, нѣсколько спустя, качая головой, — сказала бы я тебѣ словечко, да только языкомъ попусту молотить не хочется.

— Чѣмъ же я-то виновата, ужъ и безъ того скучно, кажется лучше и на свѣтѣ не жить!

— Вонъ куда понесла, путнаго-то ничего не придумала; смотрѣть не могу, потому и говорю. Ты мнѣ вотъ что скажи: вѣришь ты мнѣ, худа иль добра я тебѣ желаю?

Хозяйка утерла рукою ротъ и пристально взглянула на дѣвушку.

Послѣдняя молчала.

— Если худа, значитъ подлая женщина, вотъ что, такъ и скажи.

— Господь съ вами, Агафья Ильинишна, за что вамъ худого мнѣ желать?

— Ладно! стало быть худа не желаю, отвѣтила женщина, подперла рукою подбородокъ и уставила долгій, пронзительный взглядъ на свою гостью.

Послѣдняя отвернулась. Въ комнатѣ смолкло.

— Вотъ что ты скажи мнѣ, начала Агафья Ильинишна съ разстановкой, — гдѣ у тебя теплый салопишка? Продала, знаю, все знаю, на отцовскую водку вымѣняла, въ чемъ зимой-то бѣгать будешь, а?... Башмаки тоже расползлись, небось живой подошвой мостовую трешь, платьишко чай развалилось, вонъ весь гардеробъ на плечахъ торчитъ, а капиталовъ тоже немного. Выработаешь?... на водку хватитъ, да и то безъ посудины пожалуй, а кушать тоже нужно, хошь квасъ, да капуста, все же денегъ стоятъ, да подъ часъ и чайку захочется, папенька потребуетъ; ну, и голой тоже ходить нельзя, въ часть возьмутъ; что небось отецъ накор-

митъ, одѣнетъ, онъ чиновникъ, жалованье получаетъ, какъ же, легко сказать въ самомъ дѣлѣ, два гроша безъ гривны каждый мѣсяцъ приноситъ, а лавочнику много задолжали?

Во все это время дѣвушка сидѣла, потупивъ голову; на щекахъ ея выступилъ румянецъ, слезы текли изъ глазъ, она чувствовала, сознавала горькую правду; но въ этой правдѣ ей тяжело было признаться.

— Что-жъ, отецъ пропьется?... Да, какъ синимъ огонькомъ выгоритъ, такъ и пропьется, по прежнему продолжала хозяйка, — ну, а потомъ что?... небось замужъ выйдешь, за полковника, аль купца богатаго?... Что-жъ, хорошо бы, одна бѣда, какъ жениха найти, пожалуй что не найдешь его!

Настенька горько улыбнулась.

— Что вы смѣетесь, Агафья Ильинишна, до замужства ли мнѣ?!... произнесла она со вздохомъ.

— Какой смѣхъ, голубушка, до смѣху ли?... Что у меня сердца что ли нѣтъ, кажется душу бы выложила, говорила хозяйка,—потому, вижу, пропадешь, изведешься, такъ вотъ ни за что и сгинешь, куда дѣнешься?... въ гувернантки не возьмутъ, нужно тоже ученой быть; одна и есть дорога, что въ горничныя, барскія юпки крахмалить, башмаки подавать, съ кучерами да лакеями амурничать.... нешто для этого рождена ты, подумай только, птичка ты моя райская, вонъ и ручки-то у тебя бѣлыя да нѣжныя, личико словно атласное!...

Она вздохнула и покачала головой.

Настенька ничего не отвѣчала; она сидѣла облокотясь на столъ, закрывъ глаза руками; казалось, эта суровая, но справедливая рѣчь взволновала ея душу: она сама не знала, что говорить и не смѣла взглянуть на свою сосѣдку.

— Жалко мнѣ тебя, такъ жалко, продолжала послѣдняя,— чужая ты мнѣ, а словно къ родной привязалась, такая ужъ судьба видно; извѣстно сирота, сиротское дѣло трудное, беззащитное. Она не договорила и, какъ осеннее ненастье, нахмурилась.

Настенька вскочила и бросилась къ Агафьѣ Ильинишнѣ.

— Голубушка, родная, добрая вы моя! говорила она, обнимая хозяйку.

Послѣдняя неожиданно прослезилась. Нѣсколько минутъ

обѣ женщины не могли успокоиться; наконецъ Агафья Ильинишна усадила возлѣ себя Настеньку и взяла ее за руку.

— Нечего плакать, слезами ничего не поможешь, слезы вода, произнесла она, стараясь улыбнуться. — Слушай, Настенька, мое дѣло сторона, твое дѣло — выручить себя, хочешь съ хорошимъ человѣкомъ познакомлю? добавила она такимъ тономъ, какъ будто предлагала что нибудь съѣсть или выпить.

Дѣвушка подняла глаза и вопросительно взглянула на хозяйку.

— Благодарить будешь! замѣтила послѣдняя.

— Съ какимъ человѣкомъ, Агафья Ильинишна?

Сосѣдка осклабилась и какъ-то особенно моргнула глазами.

— Съ купцомъ! торжественно произнесла она.—Барыней будешь, генеральшѣ не уступишь, такой человѣкъ, что всякое удовольствіе сдѣлаетъ, не то что безпардонная шаромыга какая нибудь, наградитъ по порядку, по чести и совѣсти, и платьевъ и салоповъ, всего надѣлаетъ.... что, небось военщину любишь, знаю, а ужъ какой купецъ-то, никакому офицеру не уступитъ, и усы есть:—наслажденіе, да и полно! добавила она, приторно улыбаясь, и сдѣлала ручку.

— Какая военщина, Агафья Ильинишна, что вы, развѣ я знаю кого?

— Не твоего ума дѣло, Настенька, вотъ что, знаешь ли не знаешь ли — все одно, узнать не долго, потому для тебя же хлопочу, изъ-за чужой бѣды бьюсь, не могу, жалость беретъ, что мнѣ корысть тутъ что ли какая, сама разсуди, корысть?... на дареный кофій рвусь что ли, да мнѣ не то что кофію, да и золотыхъ горъ не нужно, только бы тебя успокоить. Что счастье-то упускать, изъ-за чего.... подумай ты это.... Тутъ человѣкъ полюбитъ тебя, и заступу и утѣшеніе себѣ найдешь.

— Про кого вы говорите, Агафья Ильинишна, кто полюбитъ, за что?

— За то, что ты добрая и хорошая дѣвушка, за то и полюбятъ; да нешто я про тебя дурное что ли скажу или въ

обиду дамъ,—пойми ты это; да разорвусь за тебя, если нужно, вотъ что!

— Вѣдь не хорошо это, грѣшно, отвѣтила Настенька, сомнительно покачавъ головой.

Агафья Ильинишна захохотала.

— Ну, что святость-то корчить; небось ты и не грѣшна; извѣстно, человѣкъ на то живетъ, такой ужъ удѣлъ его.

— Я слышала, Агафья Ильинишна, что такъ только самыя скверныя дѣвушки дѣлаютъ; ужъ если пришлось въ горѣ да несчастіи жить, стало быть такъ и нужно, не смѣло замѣтила Настя.

Физіономія хозяйки нѣсколько покоробилась.

— А если нужно, такъ и живи, кто неволитъ, замѣтила она недовольнымъ тономъ, — извѣстно, отъ добра добра не ищутъ, стало быть и стонать да жаловаться нечего.

— Агафья Ильинишна! да не попрекайте вы меня, чѣмъ же я-то виновата! умоляющимъ голосомъ произнесла Настенька.

— А тѣмъ и виновата, что ни за что ни про что человѣка обижать вздумала, человѣкъ-то тебѣ добра хочетъ, а ты коришь его!... Да что-жъ я-то по вашему выхожу совсѣмъ подлая женщина, такъ-таки подлая и есть, коли на нечестное веду тебя; воровать что ли учу?... Такъ плюнь ты мнѣ въ лицо, возьми, да и плюнь, а меня никто этакимъ словомъ не попрекалъ, всю жизнь съ господами водилась, слава-те Господи, никто не брезговалъ, еще за удовольствіе считали, а тутъ, за свою же добрую душу въ подлыя попала.... Вы думаете ужъ лучше васъ и на свѣтѣ нѣтъ, какъ же! А коли я подлая, такъ ты и не говори со мной, и дѣла со мной не имѣй, кто четвертаки-то будетъ взаймы давать, что?... Кому продавать, да закладывать станешь?... Вишь ты, подлая! — Она съ сердцемъ отодвинула отъ себя тарелку и грозно взглянула на дѣвушку.

— Агафья Ильинишна, да за что-жъ вы браните меня? простите, голубушка, я вѣдь знаете вотъ говорю только, а что и сама не знаю, жизнь-то моя очень горемычная, простите! говорила Настенька, обнимая хозяйку за плечи.

Лице послѣдней нѣсколько прояснилось.

— Ну, вотъ не глупая-ли ты, сердце-то у тебя доброе, а умъ дѣтскій, право дѣтскій, сама разсуди,... ну, придетъ мужчина, скажетъ: Настасья Семеновна, такъ и такъ, люблю васъ, безъ васъ молъ жить не могу!».. Ну, что ты ему на это скажешь»?...

— Да какой мужчина?... вы шутите все!

— Суженый ряженый, выразительно повторила хозяйка.

Настенька пристально на нее посмотрѣла. Агаѳья Ильинишна, въ свою очередь, шутя погрозила пальцемъ, нагнулась къ гостьѣ и что-то шепнула. Послѣдняя опустила глаза, улыбнулась и слегка покраснѣла.—Вишь волосики-то, какъ шелкъ мягкіе,—говорила сосѣдка совершенно ласково, гладя рукою по головѣ дѣвушки, «купидонъ да и все тутъ, только бы ходить, что въ бархатѣ да золотѣ»!...

— Ложись-ка спать лучше, намаялась, ну его горе-то, все поправится! Вонъ на диванѣ и ложись, подушку я дамъ, а одѣнешься бурнусишкомъ. — Охъ дѣвица, дѣвица, бѣда да и только! добавила она, ухмыляясь и уходя въ другую комнату.

Оставшись одна, дѣвушка вздохнула свободнѣе; нѣсколько минутъ она просидѣла неподвижно на диванѣ, въ глубокомъ раздумьи; быть можетъ просидѣла бы и дольше, но голосъ Агаѳьи Ильинишны невольно разбудилъ ее.

— Настенька, легла что-ли? свѣчку не забудь погасить, кричала она изъ другой комнаты.

«Погашу», отвѣтила дѣвушка, потомъ какъ-то неохотно встала, хотѣла раздѣться, но сняла одни башмаки и легла въ платьѣ, свернулась кренделемъ и одѣлась грязнымъ бурнусомъ.

— Вотъ все хотѣла я разсказать тебѣ, да случая не было, продолжала между тѣмъ сосѣдка, «была у меня подруга, хорошенькая такая, кто значитъ изъ мущинъ не увидитъ такъ съ ума и сойдетъ, бѣдная была дѣвушка, сирота круглая, путнаго платьишка на себѣ не имѣла, такъ только работишкой и пробавлялась. — Не знаю какимъ манеромъ, а только вышло ей счастье, понравилась она одному господину, богатѣйшій былъ человѣкъ, изъ себя гаденькій, старенькій, а только богатѣйшій. Познакомилась она съ нимъ,

ну, извѣстно озолотила себя, мать у ней была, такъ и мать успокоила. — Завела это лошадей, карету, квартиру наняла такую, одно слово наслажденіе, старичекъ ее любитъ, души въ ней не слышитъ; только года три этакъ прошло, старикъ захворалъ да и умеръ; все состояніе, значитъ и деньги и билеты и домъ каменный на ея имя переписалъ. — Надѣла она, матушка, траурное платье и богачихой стала, сама то молода еще, цвѣтокъ этакой, потужила о покойникѣ, потому все же для приличія нужно; годикъ спустя да за полковника замужъ и вышла, генеральша теперь, такой барыней стала, что и настоящихъ такихъ не много, вотъ что!... была у ней сестра, такъ и ту обезпечила, тоже замужъ выдала... Настенька, слышишь?... спишь, что-ли? добавила Агафья Ильинишна продолжительно зѣвая.

— Слышу, отвѣтила дѣвушка и перевернулась на другой бокъ. Долго не могла заснуть она, мысли бродили въ головѣ, по временамъ она вздрагивала, крестилась и прислушивалась къ малѣйшему шороху, точно боялась чего-то. Въ сосѣдней комнатѣ сама хозяйка давно храпѣла, наконецъ заснула и гостья; но сонъ ея возмущали какія-то тревожныя грезы; она то стонала, то вскрикивала и просыпалось отъ своего собственнаго крика.

Семенъ Семенычъ Чечеткинъ, отецъ Настеньки, числился мелкимъ чиновникомъ для письма въ какомъ-то министерствѣ, получалъ крошечное жалованье и держался на службѣ только благодаря снисходительности и великодушію своего начальства. — Несчастная страсть къ вину одолѣла и разрушила его окончательно, убила въ немъ и физическія и нравственныя силы. — Нѣсколько разъ ему грозили отставкой, уговаривали, давали добрые, дружескіе совѣты, представляли всю гнусность его положенія... но ничто не помогало, ничто не могло пробудить отуманенный, заглохшій разумъ человѣка, — рѣдкая копѣйка не *проматывалась* на вино. Только временно, — послѣ сильнаго перепоя или болѣзни — онъ переставалъ пить, но тогда дѣлался мраченъ и золъ; малѣйшая бездѣлица тревожила, раздражала, бѣсила его; иногда имъ овладѣвало полное отчаяніе, онъ рвалъ на себѣ волосы, плакалъ, метался изъ угла въ уголъ; но проходило

нѣсколько дней, Семенъ Семенычъ прорывался, забывалъ все и запивалъ снова, сильнѣе прежняго. — Самый *недостатокъ* денегъ не останавливалъ несчастнаго; ихъ часто замѣняли сапоги, брюки, платья дочери, что первое попадалось подъ руку. — Бѣдная Настенька, почти ребенокъ, ни слова не смѣла сказать отцу; она не знала, не помнила его ласки, не видала въ немъ ничего отцовскаго; въ пьяномъ видѣ онъ или бранился или пошло любезничалъ съ ней; въ минуты трезвости становился мрачнымъ, почти свирѣпымъ; только названіе отца говорило дѣвушкѣ о дѣтской обязанности, любви и уваженіи. — Она молча, безъ устали день и ночь работала, что могла, получала кое-какія деньги, но и онѣ выходили, большею частію, на туже водку, да притомъ ихъ и не достало-бы на самую скудную пищу. — Если и удавалось дѣвушкѣ на заработанный грошъ пріобрѣсти какую нибудь необходимую для себя вещь, обновку къ торжественному празднику, то въ цѣлости послѣдней она не могла быть увѣрена: отецъ насильно возьметъ, не то унесетъ обманомъ, продастъ и пропьетъ ее. — Вся матеріальная забота не только о своемъ, но и объ отцовскомъ существованіи лежала на Настенькѣ. Семенъ Семенычъ ничего знать не хотѣлъ; онъ рѣшительно отложилъ всякое попеченіе о всѣхъ жизненныхъ мелочахъ. Пробьется, напримѣръ, новая прорѣха на его вицъ-мундирѣ, онъ же упрекаетъ дочь, и Настенька штопаетъ прорѣху, какъ умѣетъ. Захочется папенькѣ чаю, дочь доставай гдѣ хочешь; обѣдъ нужно приготовить, а денегъ нѣтъ, папенька спокойно садится за готовую чашку щей, не спрашивая откуда взялась она. — А между тѣмъ, бѣдная дѣвушка иногда почти Христа ради выпрашивала въ долгъ у ближайшаго лавочника на грошъ капусты, иногда оставляла въ закладъ послѣдній шейный платокъ, иногда бѣгала по сосѣдямъ, чтобъ достать какой нибудь гривенникъ, иногда на пролетъ ночи просиживала за работой, чтобъ только обезпечить себя кускомъ хлѣба на завтрашній день. Не будь отца она, быть можетъ, просидѣла бы въ иной день и голодомъ, а тутъ какъ быть? отецъ требуетъ, все что нибудь да похлебать нужно; не приготовь — браниться будетъ; чего добраго, въ злой часъ, и

ударитъ пожалуй; боится его Настенька, трясется передъ нимъ, да опять же и жаль отца, какой ни на есть — а все отцомъ роднымъ называется, чтожъ дѣлать ужъ если такая его судьба злосчастная!

А было время когда Чечеткины жили если не богато, то по своему положенію безбѣдно; онъ не пилъ, исправно служилъ и приносилъ домой жалованье. Мать Настеньки своими трудами пополняла недостатокъ казеннаго содержанія, жизнь текла мирно, тихо, ровно, безъ раскаянія о прошедшемъ, безъ думы о будущемъ. — Настенька ласкалась отцомъ, лелѣялась матерью, выросла она на ея глазахъ, подъ ея неусыпной заботой. — Покойница передала дочери свои обиходныя правила, научила ее тому, чему можетъ научить добрая любящая мать своего ребенка; потомъ Настеньку посадили за книгу, отдали въ дешевенькій пансіонъ; училась она кой-чему, но вдругъ надъ Чечеткинымъ ударила гроза и разнесла эту мирную жизнь; вышелъ на него какой-то казенный начетъ, онъ лишился мѣста, а вмѣстѣ съ нимъ и всѣхъ средствъ къ существованію. — Съ горя бѣднякъ началъ заливать за галстухъ, сначала довольно умѣренно, потомъ больше и больше. — Жена сердилась, плакала, уговаривала мужа — но напрасно. Она удвоила свою работу, но не могла обезпечить цѣлое семейство; имущество Чечеткиныхъ убывало мало по малу; что̀ закладывалось, что̀ продавалось, что̀ приходило въ ветхость. Настеньку взяли изъ пансіона, потому что платить было нечѣмъ. Семенъ Семенычъ получилъ наконецъ какое-то мѣстишко для переписки бумагъ, но не оставлялъ разыгравшейся страсти. Такъ протянулись два, три года жизни, исполненной всевозможнаго горя и лишеній. — Тяжелые труды, отчаяніе за мужа, раздумье о будущемъ дочери, свели наконецъ мать въ могилу. — Семенъ Семенычъ запилъ пуще прежняго, запилъ до того положенія, въ которомъ засталъ его читатель въ началѣ разсказа. — Лишившись матери, Настенька потеряла все на землѣ: у нея не было ни друга ни покровителя; она осталась одна, лицомъ къ лицу съ суровыми опытами жизни, съ пьяницей отцомъ, да сосѣдкой Агафьей Ильинишной.

Послѣдняя, по образцу своей жизни, принадлежала къ тѣмъ женщинамъ, которыя послѣ бурно-проведенной молодости, послѣ безсонныхъ ночей, веселыхъ пикниковъ, буйныхъ попоекъ, утративъ свѣжесть силъ и блескъ ланитъ, переходятъ къ другому, болѣе матеріальному ремеслу, скупаютъ разными путями старыя вещи, передѣлываютъ, спускаютъ ихъ за новыя, даютъ небольшія деньги подъ большіе проценты и залогъ всевозможнаго хлама, любятъ иногда выпить, чтобъ разогнать черныя думы; подъ старость толстѣютъ, благодаря пиву и глупости; затѣмъ умираютъ, не оставляя по себѣ никого изъ наслѣдниковъ, развѣ двѣ или три комнатныхъ собаченки и никакого состоянія, кромѣ стараго тряпья, пріобрѣтеннаго еще въ молодости. Она прожила свою жизнь между армейскими офицерами и холостыми купцами, переѣхала въ домъ, гдѣ жили Чечеткины, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, поселилась въ двухъ маленькихъ комнатахъ, въ одной поставила высокую, широкую кроват съ безчисленнымъ множествомъ подушекъ, въ другой — оборванный диванъ, туалетъ съ разбитымъ зеркаломъ, украшенный восковыми цвѣтами и двумя гипсовыми амурами; здѣсь же развѣсила нѣсколько литографированныхъ картинъ, надѣла на себя широкій пеньюаръ и такимъ образомъ, если не познакомилась, то тотчасъ же дала о себѣ знать всему ближайшему околодку. — Мать Настеньки, съ перваго взгляда, не взлюбила сосѣдку; сначала она избѣгала всякихъ съ нею сношеній, но несчастіе и нужда заставили ее поневолѣ сблизиться съ нелюбимой женщиной. — Скоро Чечеткина даже сдѣлалась обязанной Агафьѣ Ильинишнѣ: какъ-то выпросила она у ней цѣлковый, потомъ другой, далѣе заложила нѣсколько серебряныхъ ложекъ, затѣмъ салопъ, платокъ, платье и т. д. — Агафья Ильинишна, съ своей стороны, повидимому, была такая добрая, ласковая, предупредительная, такъ соболѣзновала о Семенѣ Семенычѣ, такъ охотно отдавала, по словамъ ея, послѣднее, чтобъ только помочь чужому горю, что почти насильно навязывалась на нѣкоторое вниманіе и благодарность и заставляла смотрѣть сквозь пальцы на темное ремесло свое. — По временамъ она стала даже посѣщать Чечеткиныхъ, сначала рѣдко, подъ

предлогомъ какого нибудь дѣла, забѣжитъ на минуту, два-три слова сказать; потомъ визиты участились, сдѣлались продолжительнѣе; иногда долго просиживала она, болтала безъ устали всякій вздоръ, безпощадно врала и хвастала, ласкала Настеньку, носила ей грошовые гостинцы. Сильно не нравились матери эти посѣщенія; скрѣпя сердце выслушивала она пошлую болтовню сосѣдки, отворачивалась, когда послѣдняя протягивала свою руку къ кудрявой головкѣ дочери, нѣсколько разъ давала себѣ слово рѣшительно избавиться отъ Агафьи Ильинишны, прекратить съ ней всѣ сношенія, но для этого нужно было отдать, хоть и ничтожный, а все же долгъ, ничѣмъ не обязываться впередъ; а между тѣмъ на завтра было ѣсть нечего и долгъ не только не уменьшался, а увеличивался; новая вещь переходила въ сундукъ сосѣдки.

Такъ день ото-дня, болѣе и болѣе, скрѣплялась связь между двумя женщинами, совершенно противуположными по характеру и образу чувствъ.

Заболѣла Чечеткина: Агафья Ильинишна достала какого-то знакомаго доктора, почти насильно ухаживала за больной, просиживала подлѣ нея ночи, посылала отъ себя за лекарствомъ, кормила на свой счетъ Семена Семеныча, уговаривала Настеньку. — Бѣдная больная протягивала сосѣдкѣ свою холодную руку и, со слезами на глазахъ, благодарила ее. — Умерла Чечеткина; Агафья Ильинишна бѣгала, хлопотала, суетилась до-нельзя, даже плакала вмѣстѣ съ Настенькой.

Нельзя сказать, чтобъ въ этомъ усердіи, въ этомъ желаніи сблизиться, Агафья Ильинишна видѣла какую нибудь опредѣленную цѣль; въ душѣ она была не злая женщина, но смотрѣла на добро и зло съ своей исключительной точки зрѣнія; ея самолюбію льстило, что, вотъ дескать, и благородные люди ей обязаны; она втерлась въ незнакомую для себя, чистую, семейную жизнь, заявила въ ней нѣкоторое значеніе и, въ свою очередь, дорожила и гордилась своимъ положеніемъ; вліяніе ея съ каждымъ днемъ росло болѣе и болѣе и утвердилось окончательно по смерти хозяйки. — Въ этомъ сближеніи Агафья Ильинишна даже пренебрегла сво-

ими матеріальными выгодами; правда, почти все имущество Чечеткиныхъ перешло въ ея руки, но перешло безъ всякаго личнаго интереса.

Настенька, съ своей стороны, скорѣе боялась, чѣмъ любила свою сосѣдку; быть можетъ, эта боязнь была наслѣдствомъ, перешедшимъ отъ матери; быть можетъ, нѣкоторыя слова Агафьи Ильинишны иногда оскорбляли самолюбіе дѣвушки или тревожили ея молодое и чистое чувство. Часто, возвратясь отъ сосѣдки, наслушавшись ея болтовни, Настенька плакала, съ отчаяніемъ смотрѣла на окружавшую ея бѣдность, сердце ея сильно билось; она тяжело задумывалась и вдругъ, какъ бы боясь своихъ мыслей или желая разсѣять ихъ, начинала молиться, но снова молитвы уступали другимъ тревожнымъ помысламъ; губы дѣвушки бормотали одно, на умѣ и душѣ бродило другое. — Незнакомое съ жизнію, чистое, непорочное, простое сердце Настеньки выслушивало сосѣдку съ сомнѣніемъ, иногда даже съ негодованіемъ, а между тѣмъ невольно заражалось ея словами, ея косымъ взглядомъ на жизнь людей. Съ одной стороны, она боялась этихъ словъ, инстинктивно находила въ нихъ что-то зловѣщее, съ другой они щекотали, щемили, волновали ее, грезились во снѣ, отзывались на яву. — До сихъ поръ взглядъ дѣвушки на жизнь ограничивался избитыми понятіями, принятыми съ дѣтства, но не провѣренными самымъ опытомъ жизни. Она смотрѣла впередъ довѣрчиво и смѣло, какъ юный морякъ, еще не бывавшій въ морѣ; она не знала и даже не предчувствовала, какой страшной борьбы, какихъ усилій и слезъ стоитъ эта жизнь, лежавшая передъ ней такимъ далекимъ и смутнымъ пространствомъ. Иногда просыпалось въ ней сомнѣніе или новое желаніе, но она не умѣла ни объяснить его, ни передать близкому человѣку. Кругомъ ея была та нравственная пустота, въ которой глохнетъ одинокая жизнь. А между тѣмъ душа ея просила друга, взаимнаго отклика, теплой руки и сочувствующаго сердца. Но кромѣ Агафьи Ильинишны она никого не видѣла близь себя; и вотъ Настенька стала пристальнѣе вглядываться въ людей и окружающую ее жизнь, вглядываться съ той стороны, на которую наво-

дила ее сосѣдка. Иногда на улицѣ она останавливалась, зорко смотрѣла на какую нибудь встрѣчную нарядную женщину, точно хотѣла насквозь проникнуть ее, точно спрашивала у ней что-то для себя новое, непонятное. Иногда украдкой, со страхомъ она поднимала глаза и на мужчину, но въ ту же минуту опускала ихъ, краснѣла и торопилась пройдти мимо. Тамъ заглянетъ въ окна магазина, полюбуется на выставленную дорогую матерію и мысленно примѣряетъ ее на себя; потомъ вдругъ вспомнитъ разсказы Агафьи Ильинишны — и забьется сердце Настеньки.... Не съ кѣмъ ей раздѣлить свои невѣдомыя чувства, передать неясные вопросы... душа рвется, проситъ высказаться, и томится одиночествомъ; устаютъ руки ея отъ тяжелой работы, примелькалось глазамъ дырявое платьишко, опротивѣла бѣдность лютая: зорко засматривается она на блестящую мишуру и улыбается; прибѣжитъ домой, прямо къ сосѣдкѣ, сама говорить ничего не смѣетъ, а только все слушаетъ, да слушаетъ.

Агафья Ильинишна, съ своей стороны, дѣйствовала систематично вкрадчиво; наученная опытомъ, она яркими красками описывала самую темную жизнь, золотила грязь, болѣе спутывала робкую и неопытную дѣвушку и торжествовала, гордилась своимъ успѣхомъ. Практическій умъ отжившей женщины угадалъ, что Настенька мѣшается, говоритъ не то, что думаетъ; что если иногда и противорѣчитъ ей, то не по убѣжденію, а такъ, съ непривычки, ради стыда и страха. «Глупа еще», думала сосѣдка, «образумится, сама навяжется». — Агафья Ильинишна не желала зла дѣвушкѣ, дѣйствовала не исключительно изъ своихъ матеріальныхъ выгодъ; напротивъ, еслибъ она была убѣждена, что эти дѣйствія нехороши, подлы, она бы сама отказалась отъ нихъ.... Она любила Настеньку, сожалѣла о ея участи, желала ей того, что по своимъ убѣжденіямъ, по своему взгляду на жизнь привыкла считать дѣломъ обыкновеннымъ, совершенно естественнымъ. Будь дочь у Агафьи Ильинишны: она и дочери не пожелала бы ничего лучшаго....

Проснувшись утромъ, Настенька тотчасъ побѣжала къ отцу; Семенъ Семенычъ сидѣлъ на кровати, свѣсивъ ноги и опустивъ голову, плевалъ и кашлялъ; надѣтый на немъ

вицъ-мундиръ былъ весь въ пуху. Онъ мутно взглянулъ на вошедшую, посидѣлъ еще нѣсколько минутъ, потомъ всталъ, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ и опустился на стулъ.

— Самоваръ! вполголоса и отрывисто произнесъ онъ. «Небось раньше не могла поставить, что.... работы много?.. баклуши била... отецъ въ несчастіи, а тебѣ и горя мало. Чего этого лѣшаго на комодѣ оставила! травить, что-ли, меня хочешь?» добавилъ онъ, указывая на полуштофъ.

Настенька ничего не отвѣчала, она взяла полуштофъ, потомъ схватила стоявшій въ углу самоваръ и вышла въ сѣни. Черезъ нѣсколько минутъ она воротилась, лице ея горѣло, она обѣими руками тащила самоваръ, съ усиліемъ приподняла его, поставила на столъ, достала стаканъ и чайникъ, вынула изъ комода нѣсколько кусковъ сахару, завернутыхъ въ синюю сахарную бумагу, небольшой свертокъ съ чаемъ, заварила и налила стаканъ отцу.

Семенъ Семенычъ принялся промывать горло горячимъ чаемъ.

Настенька сѣла въ сторонѣ и разсѣянно смотрѣла въ окно.

— А ты что не пьешь?... Небось приглашать нужно, произнесъ онъ, нѣсколько спустя, искоса оглядывая дочь.

— Послѣ, папенька, успѣю еще.

— Пей! повторилъ Семенъ Семенычъ громче прежняго.

Настенька встала, взяла чашку и налила.

Семенъ Семенычъ, неожиданно, протянулъ ей свою руку, прямо къ губамъ. — «На!» отрывисто произнесъ онъ.

Настенька молча поцѣловала руку отца.

Въ комнатѣ настало молчаніе, нарушаемое только прихлебываньемъ и плеваньемъ Семена Семеныча.

— А деньги гдѣ? вдругъ произнесъ послѣдній, въ какомъ-то недоумѣніи, всталъ и полезъ рукой въ карманъ.

— Деньги я спрятала, робко отвѣчала дѣвушка.

— То-то спрятала, отъ отца ничего не уйдетъ, ничего!.. семь копѣекъ подай, больше не давай! повторилъ онъ.

Настенька повиновалась. — Вы въ должность? спросила она.

— Въ должность! грубо отвѣтилъ Семенъ Семенычъ'

взялъ шапку, отворилъ дверь въ сѣни и остановился на порогѣ. — «А тебѣ какое дѣло, что ты меня попрекать что-ли вздумала?... вонъ куда!» добавилъ онъ сиплымъ голосомъ, щелкнулъ рукою по галстуху, повернулся и вышелъ.

Настенька тяжело вздохнула и стала прибирать чай.

Недѣлю спустя, въ комнатѣ Агафьи Ильинишны, полусидѣлъ и полулежалъ на диванѣ мущина лѣтъ тридцати. Наружность его такъ и вѣяла тѣмъ желѣзнымъ здоровьемъ, которое смѣется надъ природой; послѣ прорѣзу зубовъ въ младенчествѣ, не знаетъ никакихъ болѣзней, котораго не сокрушаютъ ни шумныя холостыя оргіи, ни ночи на пролетъ пропиваемыя, ни безконечные обѣды и ужины. Видно было, что этотъ человѣкъ если не много лѣтъ жилъ, то по-крайней мѣрѣ, въ эти немногіе годы много прожилъ; напивался до самозабвенія, и въ грязныхъ трактирахъ, и на постоялыхъ дворахъ; на ярмаркахъ и за городомъ съ цыганками, вездѣ куда только заносила его разгульная и праздная жизнь. Это былъ рослый, разлѣзшійся дѣтина, принадлежавшій къ купеческому сословію, съ недурнымъ, пухлымъ, и до пошлости безжизненнымъ лицомъ, съ довольно толстыми, но правильными губами, нѣсколько нахальнымъ взглядомъ, и большими красными руками, на пальцахъ которыхъ блестѣли дорогіе перстни. Вообще наружность, манеры и даже самый костюмъ господина, не отличались изысканностью, а носили на себѣ отпечатокъ какой-то исключительной особенности, чего-то своеобычнаго, черезъ-чуръ рѣзкаго, трактирнаго, привыкшаго за свои деньги бить, кричать и ломать, сколько душѣ угодно. На немъ былъ коротенькій, сѣраго цвѣта съ искрой сюртукъ, самаго фантастическаго покроя; изъ подъ него выглядывала пестрая, бархатная жилетка, украшенная неимовѣрно-толстой цѣпью отъ часовъ, клѣтчатый галстухъ на красной шеѣ былъ полуразстегнутъ и еле держался. По мутнымъ глазамъ гостя, его небрежной усталой манерѣ, безпрестанной зѣвотѣ, даже лѣнивому куренью сигары и такому же поплевыванью, можно было догадаться, что онъ пріѣхалъ сюда послѣ тяжелаго, жирнаго обѣда, съ неимовѣрнымъ количествомъ блюдъ и вина. Голосъ господина вполнѣ отвѣчалъ его наружности; онъ

говорилъ зычно, громко, какъ-то повелительно и, вмѣстѣ съ тѣмъ, весело, безпрестанно хохоталъ, точно сознавалъ, что здѣсь ему можно кричать какъ угодно, что здѣсь этотъ крикъ, эта наглая развязность необходимы, пожалуй даже нѣкоторый тонъ даютъ.

На креслѣ, около дивана, съ папироской въ зубахъ, сидѣла Агафья Ильинишна.

— Благодарить будешь! говорила она, моргая глазами и осклабляясь во всю ширину рта.

Господинъ продолжительно зѣвнулъ.

— Да вѣдь ты врешь все, шельма ты старая! Эка бестія, произнесъ онъ шутливо, дружескимъ тономъ.

— Полно тебѣ ругаться: что это за человѣкъ такой, безъ худого слова разинуть рта не можетъ!...

Гость захохоталъ.

— Вотъ поди, говори ты съ нимъ!.. Нѣтъ, Василій Прохорычъ, съ вами бѣда, угомону нѣтъ, право!... Сами знаете, ко мнѣ тоже благородные господа ѣздятъ, другая дама этакіе манеры увидитъ, со стыда сгоритъ... Вотъ и нонче сосѣдка зайти хотѣла, дѣвица благородная, деликатная, такая дѣвица, что можетъ другой подобной и на свѣтѣ нѣтъ.

— Что-жъ, милости просимъ, лицомъ въ грязь не ударимъ! произнесъ Василій Прохорычъ, ударивъ по карману, какая такая дѣвица?

— А такая дѣвица, что красота неописанная, вотъ что! отвѣтила хозяйка, выпрямилась, потомъ быстро нагнулась къ уху гостя и что-то ему шепнула.

Послѣдній улыбнулся и довольно грубо оттолкнулъ ее.

— Пошла! чего лезешь, цѣловаться что-ли съ тобой? замѣтилъ онъ недовольнымъ тономъ.

— Нацѣловалась! была молода, да хороша, такъ не бось ваша братья сами лѣзли, а теперь, вотъ, такая-сякая стала... угостите хоть портеркомъ-то, что въ сухомятку сидѣть! добавила она неожиданно.

— Поди свою благородную притащи! замѣтилъ гость.

— Больно прыткій! погоди; неужто обману въ самомъ дѣлѣ: кажется, можно слову повѣрить, или ужъ крѣпко скупъ сталъ! Дадите что-ли?—Она протянула руку.

Гость показалъ ей кулакъ, потомъ вынулъ изъ кармана бумажникъ, вытащилъ ассигнацію и отдалъ хозяйкѣ.

— Вотъ такъ-то лучше, весело произнесла она и сдѣлала ручку.

— Живо! на перекладныхъ! въ свою очередь крикнулъ гость.

— Духомъ слетаю... вы посидите, сигарку выкурите,.. замѣтила Агафья Ильинишна, накинула на голову платокъ и стремглавъ вылетѣла на улицу.

На возвратномъ пути она толкнулась въ дверь Настеньки, махнула ей рукой и вызвала въ сѣни.

— Заходи сей часъ ко мнѣ, нужно... слышишь, безпремѣнно заходи.

— Хорошо, приду, отвѣтила дѣвушка, сомнительно поглядѣвъ на свою сосѣдку.

— Что? одна прилетѣла? спрашивалъ гость у вошедшей Агафьи Ильинишны.

Послѣдняя моргнула и улыбнулась.

— Экій безпокойный человѣкъ! да что тебѣ, въ самомъ дѣлѣ, неужто въ карманѣ принести,.. ступайте-ка въ ту комнату, тамъ посидите, вишъ усищи-то распустили, кто посторонній увидитъ — убѣжитъ пожалуй, ступайте! говорила она, дергая гостя за руку.

Василій Прохорычъ лѣниво всталъ и оттолкнулъ хозяйку. — «Пошла! сказано своими руками не касайся, знай свое мѣсто.... куда-жъ тутъ?» произнесъ онъ, остановившись въ дверяхъ.

— Да, вонъ на сундукѣ, что-ли посидите,... идетъ кто-то! замѣтила хозяйка и отскочила къ противуположной двери.

Василій Прохорычъ скрылся. Въ комнату вошла Настенька, она остановилась у двери и подозрительно оглядѣла вокругъ себя. Сердце ее сильно билось, точно предчувствовало что-то недоброе.

— Зачѣмъ вы звали меня?... говорите, Агафья Ильинишна, папенька дома, мнѣ некогда, робко произнесла она.

— Охъ, ужъ и некогда, поди ты какія занятія, съ пьянымъ-то сидѣть,.. вонъ пивца нехочешь ли, да присядь,

неужто стоять тутъ! говорила хозяйка, толкая гостью и тихонько запирая на ключь двери.

Замокъ щелкнулъ. — Настенька обернулась.

— Агафья Ильинишна! произнесла она съ ужасомъ и пристально взглянула на хозяйку.

— Настасья Семеновна! подхватила последняя, присѣла и приторно улыбнулась, потомъ подскочила къ дѣвушкѣ и шепнула ей что-то на ухо.

— Полно тебѣ дурить то, продолжала она вполголоса, и себя и меня срамишь только!

Въ сосѣдней комнатѣ послышался шорохъ.

Настенька вздрогнула.

— Агафья Ильинишна, что вы со мной дѣлаете, побойтесь Бога, я вонъ и не одѣта совсѣмъ,.. отпустите меня!

Хозяйка пронзительно захохотала.

— Василій Прохорычъ, выходите голубчикъ! кричала она, утѣшьте барышню, стыдится, извиняется, не одѣта вишь!

Настенька кинулась въ уголъ комнаты.

Въ дверяхъ показалась фигура купца.

Войдя въ комнату, онъ остановился, тряхнулъ головой, прищурилъ глаза и уставилъ ихъ на дѣвушку.

Послѣдняя сидѣла отвернувшись, лицемъ къ стѣнѣ.

Агафья Ильинишна мигала, указывая на уголъ, и занялась откупориваньемъ портера.

— Ужъ вы извините, Василій Прохорычъ, глупость-то наша велика больно, стыдно видите, а чего стыдится — сама не знаетъ! добавила она злобно и съ усиліемъ дернула пробку.

Василій Прохорычъ опустился на диванъ и подвинулся въ ту сторону, гдѣ сидѣла Настенька.

Въ комнатѣ на минуту воцарилось молчаніе.

— Чего вы отвернулись, посмотрите, я вѣдь ничего, не страшный, началъ гость разбитнымъ тономъ гостинаго двора.

Настенька молчала.

— Скажите что нибудь, утѣшьте! повторилъ онъ.

— Извините меня,.. я право,.. я совсѣмъ не знала...

— Чего не знали?

— Не знала, что гости здѣсь...

— Такъ что, что гости, на гостяхъ веселѣе, замѣтилъ Василій Прохорычъ, протянулъ къ Настенькѣ руку и взялъ ее за плечо.

— Дѣвушка смѣло подняла голову и отодвинула руку гостя.

— Хорошенькая! протяжно произнесъ послѣдній, пристально вглядываясь въ лице Насти.

— Нечего хвалить-то, безъ васъ знаютъ, отозвалась въ свою очередь Агафья Ильинишна, наливая стаканъ, то-то хорошенькая!.. За здоровье милыхъ гостей!... Настасья Семеновна, да полно тебѣ! крикнула она довольно громко и осушила стаканъ.

— Хорошенькая, Настасья Семеновна, очень хорошенькая! повторилъ гость и опять хотѣлъ взять Настеньку за руку.

Бѣдная дѣвушка сидѣла какъ на иголкахъ: она не смѣла пошевельнуться, не знала куда смотрѣть ей, куда повернуть голову, щеки ея горѣли, на глазахъ блестѣли слезы.

— Да вы чего трясетесь, не хорошо это, я вѣдь человѣкъ добрый, не кусаюсь, вонъ и она знаетъ, ничего... вы посмотрите на меня!

Настенька невольно подняла голову и взглянула въ лице гостя, точно просила сжалиться надъ ней, пощадить ее.

Василій Прохорычъ ухмыльнулся.

— Чего-же! не страшно небось, не съ рогами же я; хорошенькая, а боится,.. вамъ который годъ?

— Эка выдумали года спрашивать, никакой деликатности нѣтъ, что она лошадь что-ли,—ты бы еще въ зубы посмотрѣлъ, точно самъ не видитъ! вмѣшалась Агафья Ильинишна.

Василій Прохорычъ показалъ ей кулакъ.

— Настасья Семеновна, присядьте на диванъ, осчастливьте! произнесъ онъ, хлопая одной рукой по подушкѣ, другой придвигая къ себѣ дѣвушку.

Она уперлась ногами и успѣла вытащить руку.

— Мнѣ здѣсь хорошо, сказала она какъ то глухо, точно въ горлѣ у ней пересохло.

— Тамъ хорошо, а здѣсь лучше, замѣтилъ гость улыбаясь.

— Настасья Семеновна, да будьте умницей; полноте святостью-то прикидываться, вмѣшалась снова хозяйка.

Василій Прохорычъ опять показалъ ей кулакъ.

— Послушайте, Настенька, вы мной не брезгайте, потому, тутъ и разговаривать нечего: я васъ любить буду, шляпку вамъ подарю, вмѣстѣ въ каретѣ поѣдемъ и денегъ дамъ, обновъ разныхъ себѣ надѣлаете, шелковыхъ, бархатныхъ, какихъ хотите; денегъ надо, берите сколько хотите: посмотрите, добавилъ онъ, развертывая туго набитый бумажникъ.

У Агафьи Ильинишны засверкали глаза.

— А ты чего?!. зарябило небось?.. видѣла! онъ сдѣлалъ пальцами какую-то фигуру и показалъ хозяйкѣ.

Послѣдняя плюнула и отвернулась.

Настенька сидѣла молча, опустивъ голову; она только искоса взглянула на приманку Василія Прохорыча.

— Да вы посмотрите только, не нравится такъ и ненужно, одно слово и шабашъ, вонъ пестренькія какія, взгляните, барышня?

Настенька вдругъ засмѣялась, но такъ, что въ этомъ смѣхѣ слышалось что-то отчаянное, точно она хотѣла заплакать, да не смѣла и разразилась какимъ-то насильнымъ, внутреннимъ хохотомъ.

Гость самодовольно улыбнулся.

Агафья Ильинишна торжествовала.

— Вотъ давно бы такъ, а то ужъ куда церемонна не кстати, произнесла она съ радостью. — Возьми бумажку-то, возьми, чего боишься, не краденая, благо позволяютъ такъ и тащи; вонъ крайнюю, крайнюю-то!

Василій Прохорычъ грозно взглянулъ на хозяйку, небрежно перекинулся черезъ диванъ, и еще ближе подсѣлъ къ дѣвушкѣ.

— Пустите! прошептала послѣдняя.

— Куда пустить?.. неужто вы идете? возьмите, какую хотите, такую и возьмите, сами выберите, у меня денегъ много, много денегъ, говорилъ гость, вертя передъ Настенькой бумажникъ, но вдругъ неожиданно притянулъ ее къ себѣ и крѣпко схватилъ обѣими руками.

— Настя! раздался хриплый голосъ Семенъ Семеныча.

Настенька вздрогнула, рванулась и бросилась къ двери.

— Пустите, папенька зоветъ! произнесла она повелительно, дрожа всѣмъ тѣломъ.

— Ну ее ступай, держатъ что-ли, что посторонняго человѣка увидѣла, такъ и бѣда ужъ! отвѣтила Агафья Ильинишна.

— Когда увидимся?.. за деньгами приходите, крикнулъ Василій Прохорычъ.

Настенька ничего не слыхала: она выскочила на дворъ, оглянулась назадъ, перевела духъ и ощупью, дрожащею рукою, отыскивала свою дверь.

— Увидитесь! съ увѣренностію отвѣчала за нее Агафья Ильинишна и махнула рукой. — А вотъ что, Василій Прохорычъ, шутки шутками, а дѣло-дѣломъ, какъ вы ее теперь видѣли, сами понимать можете... расплачется боюсь, напугали вы ее!

Василій Прохорычъ всталъ и ударилъ кулакомъ по столу.

— Характеръ мой знаешь? рѣшительно произнесъ онъ, ну, стало быть и разговаривать нечего!.. хочу сей часъ вотъ этотъ самый домъ разнесу, и тебя самое прибью, человѣческаго образа не оставлю и заплачу за такое дѣло, понимаешь!

— Какъ не понимать! отвѣтила совершенно довольная Агафья Ильинишна.

Гость сталъ собираться. Она почтительно проводила его со свѣчей, увѣрила, что въ слѣдующій разъ Настенька снова завернетъ къ ней, выпросила рубль серебра на кофей, при чемъ получила, въ видѣ шутки, не совсѣмъ галантерейное названіе.

— Ругатель, а добрый человѣкъ! замѣтила она улыбаясь и захлопнула дверь.

II.

Прошло нѣсколько дней. — Настенька не только перестала навѣщать Агафью Ильинишну, но повидимому избѣгала даже встрѣчи съ ней. — Послѣднее свиданіе съ сосѣдкой и ея гостемъ сильно напугало бѣдную дѣвушку, надолго взволновало ея душу, раскрыло въ ней сознаніе женскаго

стыда и безобразіе порока. — «Нѣтъ, говорила она сама съ собой, какъ же я теперь пойду къ ней, мнѣ стыдно, какъ я стану смотрѣть на нее, Богъ съ ней совсѣмъ!.. вѣрно правду говорятъ люди, нехорошая она женщина стало быть, недоброму учитъ, и что ей до меня?.. вѣдь я ей чужая... А богатъ онъ, очень богатъ и добрый можетъ, много денегъ у него, много, этакихъ денегъ кажется и дѣвать некуда... и за что ему любить меня, пара ли я ему?.. вонъ у него и карета своя, а я то что!.. говоритъ вмѣстѣ кататься поѣдемъ! какъ же это, развѣ можно?.. всѣ узнаютъ, всѣ, съ чужимъ мужчиной ѣдешь, сраму-то сколько, вѣдь и на свѣтѣ не проживешь, отъ сраму никуда не уйдешь, никуда!.. Господи, и неужто все такъ на свѣтѣ дѣлается; видишь мужчину первый разъ, страшно!..» Она задумывалась и отрицательно качала головой.

Настенька отнюдь не желала ссориться съ своей сосѣдкой, напротивъ, она дорожила ею, привыкла къ ней, какъ къ единственному человѣку, съ которымъ могла поболтать, кое какъ раздѣлить свое горе. Она помнила ее заботы о матери, знала что въ крайности только и можно обратиться къ Агафьѣ Ильинишнѣ: она хоть побранитъ, а никогда не откажетъ, дастъ что̀ можетъ, четвертакъ или горстку чаю, да нѣсколько кусковъ сахару, избавитъ и отъ голода и отъ отцовскаго гнѣва.—Только одна какая-то безотчетная боязнь останавливала дѣвушку: она вспоминала слова Агафьи Ильинишны, всѣ ея разсказы и дѣйствія и не знала на что рѣшиться, что дѣлать, подходила къ ея двери и снова ворочалась, а какъ-то вечеромъ пошла рѣшительно, но не застала дома и обрадовалась. Настенькѣ хотѣлось объясниться, оправдать себя, поговорить по душѣ съ Агафьей Ильинишной, а какъ и что говорить — она сама не знала и боялась, что это объясненіе только окончательно разсердитъ сосѣдку.— Послѣдняя, съ своей стороны, каждый день ждала Настеньку, каждый день заглядывала въ ея окна, но ничего не видѣла, выходила на дворъ, думая хоть здѣсь повстрѣчаться съ пропадшей.—Нейдетъ, говорила она сама съ собой, какъ-то подозрительно улыбаясь и тотчасъ-же, съ полною увѣренностію прибавляла, понадобится: придетъ! Конечно Агафья Ильиниш-

на и сама могла бы навѣстить дѣвушку: прежде она зачастую къ ней хаживала, но теперь своего рода самолюбіе затронуло женщину; ей хотѣлось умыть руки и достигнуть цѣли какъ бы невольно, не по собственному стремленію, а по просьбѣ другихъ. Она дала своей жертвѣ веревку, научила ее какъ затянуться, но требовала, чтобъ она затянулась сама, не насильно, не въ слѣдствіе ея убѣжденій, а по своей доброй волѣ.

Однажды утромъ, въ отсутствіи отца, Настенька то ходила взадъ и впередъ по комнатѣ, то останавливалась въ недоумѣніи, обводила вокругъ себя глазами, разъ—другой отворила ящики комода, безсознательно перевернула лежавшее въ нихъ тряпье и опять затворила: точно искала чего-то и была увѣрена, что ничего не найдетъ. Лице ея выражало полное страданіе... по временамъ она закрывала глаза, терла рукою лобъ, какъ будто рѣшала трудную, невозможную для своего ума задачу.

— Господи, что мнѣ дѣлать, что дѣлать?! повторяла она, ломая себѣ руки. Вѣдь и гроша мѣднаго нѣтъ, хлѣба купить не на что, ни продать, ни заложить нечего!.. Папаша придетъ, что сказать ему?.. ну, пусть бьетъ, пусть что хочетъ то и дѣлаетъ, я ни въ чемъ не виновата, откуда же взять мнѣ, откуда?!. Она подняла глаза, взглянула на висѣвшій въ углу небольшой образъ, въ серебряной ризѣ, и на минуту задумалась; какая-то новая мысль сверкнула въ головѣ ея. Нѣтъ, продолжала она, какъ бы испугавшись, ужъ лучше что угодно вытерплю!. Она подошла къ окну и снова задумалась. Сама виновата, зачѣмъ перестала ходить къ ней, зачѣмъ?.. чего боялась, чего беречь себя, за одно пропадать, гибнуть такъ гибнуть, на самое дно броситься, вотъ бы и деньги были, много, много денегъ! Съ деньгами такъ весело. И глаза дѣвушки заблистали яркимъ огнемъ! Она на минуту замолчала. Теперь и кайся, теперь какъ пойдешь, ѣсть нечего такъ и прибѣжала. Господи! да чтожъ мнѣ дѣлать?! заключила она съ отчаяніемъ... потомъ накинула платокъ на голову, вышла изъ комнаты, перебѣжала дворъ, при чемъ искоса взглянула на окна Агафьи Ильинишны, поспѣшно

отворила калитку и медленно перешла на другую сторону улицы къ мелочной лавочкѣ.

— Здравствуйте барышня, какъ поживаете, давно не видать что-то, лукаво произнесъ рыжебородый лавочникъ, увидѣвъ вошедшую дѣвушку.

— Здравствуйте Иванъ Карпычъ, тихо отозвалась послѣдняя, и отвернулась.

— Офицерша! вполголоса замѣтилъ лавочникъ, стоявшему у прилавка деньщику, въ казакинѣ съ краснымъ воротникомъ.

— Всякія есть! флегматически отозвался послѣдній, приложилъ къ носу большой палецъ и высморкался.

— Должокъ что-ли изволили принести? снова обратился лавочникъ.

Настенька ничего не отвѣтила, щеки ея покраснѣли, она разсѣянно смотрѣла на лежавшіе на окнѣ яблоки.

Иванъ Карпычъ занялся съ деньщикомъ.

— Вамъ русскаго масла что-ли? спросилъ онъ, опуская пятакъ въ сдѣланную на прилавкѣ дыру.

— Четверку, гордо отвѣтилъ деньщикъ.

— Иванъ Карпычъ, пожалуйста, подойдите сюда, мнѣ нужно сказать вамъ, нѣсколько спустя, робко произнесла дѣвушка.

Иванъ Карпычъ вылѣзъ изъ за прилавка и подставилъ ухо Настенькѣ. Она что-то прошептала. Лавочникъ поднялъ голову.

— Смѣетесь что-ли? только время задерживаете, говорилъ онъ, ворочаясь на свое мѣсто, по пустякамъ требуете, экихъ плевыхъ денегъ отдать не могутъ, а ты имъ еще въ долгъ вѣрь, нешто это порядокъ! коли вы благородными прозываетесь, такъ и дѣйствовать должны, а не то что обманомъ, да подлостью, экимъ манеромъ не много наживете, разъ—другой надуете, а тамъ и чрезъ порогъ выпроводятъ, на гробъ себѣ что-ли оттягиваете!.. Отойдите отъ окна-то, чего стойте! тамъ товаръ лежитъ, не къ добру засмотрѣлись видно! добавилъ онъ, подозрительно оглядывая дѣвушку.

Настенька надвинула платокъ на лице и опрометью выбѣжала изъ лавки.

— Стрѣкулистка! пожалуй стянула что! въ свою очередь замѣтилъ деньщикъ и выглянулъ вслѣдъ бѣжавшей.

— Никакъ плачетъ? добавилъ онъ, возвращаясь въ лавку и вопросительно взглядывая на ея хозяина.

Бабьи слезы, прохныкается! равнодушно отозвался послѣднiй.

— Но Настенька не плакала: только всхлипыванье безъ слезъ невольно вырвалось изъ груди ея; закрывъ платкомъ лицо, она быстро бѣжала чрезъ улицу точно въ самомъ дѣлѣ совершила преступленiе и стыдилась свѣта божьяго, боялась людей, встрѣчавшихся съ ней. Она сильно ударила въ калитку, какъ будто спасалась отъ чего-то, проворно перескочила на дворъ и вдругъ очутилась предъ Агафьей Ильинишной.

Настенька на минуту остановилась, съ испугомъ подняла глаза, точно просила помилованiя, точно грозный нежданный судья стоялъ предъ ней.

Агафья Ильинишна молчала и съ какимъ-то торжествомъ, пристально, съ ногъ до головы осматривала дѣвушку.

— Пустите, съ трудомъ произнесла послѣдняя, сдѣлала шагъ впередъ... но вдругъ, какъ бы въ изнеможенiи, облокотилась на деревянныя перила лѣстницы и громко зарыдала.

Нѣсколько секундъ она не могла ничего говорить.

Агафья Ильинишна также молчала и, казалось, радовалась слезамъ своей жертвы; точно въ этихъ слезахъ видѣла какую-то для себя пищу, точно думала: горче поплачешь, скорѣе утѣшишься.

— Да полно тебѣ, полно! наконецъ произнесла она, этимъ ничего не поможешь, говорю тебѣ не поможешь, полно!

— Простите меня! тихо отвѣтила Настенька и взяла сосѣдку за руку.

— Да чего простить, что ты, обидѣла что ли меня, развѣ неволитъ кто, да мнѣ плевать на все дѣло это, вотъ что!.. и не заикнусь теперь, отсохни языкъ, коли заикнусь, и не проси, просить будешь, все одно, знать ничего не хочу, пропади онъ совсѣмъ!.. Полно, полно, небось опять отецъ разобидѣлъ, о чемъ плакать-то, полно!

Настенька кое-какъ передала свою исторію съ лавочникомъ.

Агафья Ильинишна пришла въ рѣшительное негодованіе.

— Подлецъ онъ этакой! говорила она, да я у него подлеца послѣ этого и на грошъ брать не буду, приду, да въ самую его рыжую бороду, такъ вотъ прямо въ середину и плюну; онъ съ благородными людьми обращаться умѣй, съ благороднымъ человѣкомъ по благородному и говори, мошенникъ этакой, фу ты подлецъ какой!—Она плюнула.—А и ты тоже хороша, что я тебѣ отказывала когда что-ли, а? отказывала?. попрекала?.. или ужь вы думаете у меня и двугривеннаго не хватитъ, обнищала совсѣмъ; что, голубушка, стыдно небось, то-то, знаю что стыдно, друга забыла, вотъ что»! добавила она ласково, опустила руку въ карманъ, вынула оттуда нѣсколько мѣдной монеты и сунула ее Настенькѣ.

Послѣдняя ничего не сказала, она только схватила руку сосѣдки и крѣпко ее поцѣловала.

Агафья Ильинишна испугалась и быстро отдернула руку.

— Настасья Семеновна полно дурить, смотри, ругаться буду! грозно произнесла она, но вдругъ засмѣялась и поцѣловала дѣвушку въ голову. Разбогатѣешь, отдашь, замѣтила она улыбаясь.

Настенька ничего не отвѣтила, щеки ея горѣли, она стояла опустивъ глаза въ землю.

— А про это дѣло и поминать не смѣй, знать не знаю, вѣдать не вѣдаю!.. Утри глазки то, да смотри, стыдно тебѣ! снова замѣтила сосѣдка, шутя погрозила пальцемъ и пошла во свояси.

Настенька подняла глаза: они улыбались и, казалось, благословляли Агафью Ильинишну; только слезы блестѣли на рѣсницахъ, точно дождь сквозь солнце. Нѣсколько минутъ она простояла на крыльцѣ.... Богъ знаетъ на чемъ сосредоточились ея мысли: жалѣла-ли она прошедшаго, думала-ли о настоящемъ или мечтала о будущемъ; она вся сосредоточилась сама въ себѣ и, по видимому забыла все окружающее, ничего не замѣчала, ничего не видѣла, потомъ, какъ-бы опомнившись отъ тяжелаго сна, вздохнула спокойнѣе, накинула платокъ на голову и снова вышла на улицу; купила студеню,

да кусокъ ватрушки, воротилась домой и сѣла у окна. Лице ея не только не выражало прежняго страданія, напротивъ, было совершенно покойно и какъ то особенно пріятно улыбалось. Казалось, дѣвушка забыла всѣ свои непріятности, свое горе, свою нищету и голодъ, и была чѣмъ–то очень довольна, точно разбогатѣла вдругъ или отецъ ея пересталъ пить и получилъ хорошее мѣсто. Долго просидѣла она неподвижно, облокотясь головой на руку; не замѣтила даже, какъ наступили сумерки и опомнилась только тогда, когда фигура чиновника промелькнула мимо окна.

Настенька встрепенулась и вскочила.

Въ комнату вошелъ Семенъ Семенычъ. Костюмъ его былъ растрепанъ, разстегнутый вицъ-мундиръ выказывалъ грязную рубашку, галстухъ еле держался на шеѣ; лице какъ-то глупо, безсознательно улыбалось, туловище слегка покачивалось. Онъ остановился около дочери, взглянулъ на нее такъ, какъ будто хотѣлъ сообщить пріятную новость. Заложилъ руки въ карманы, клюнулъ носомъ и вдругъ неожиданно фыркнулъ.

Настенька невольно сдѣлала шагъ назадъ, оперлась на комодъ и со страхомъ глядѣла на отца.

— А ты чего смотришь! несвязно бормоталъ послѣдній, хлопая посоловѣвшими глазами и наклоняясь къ самому лицу дочери.—Я знаю чего ты смотришь, все знаю, я тебя насквозь проникнуть могу, ты думаешь что отецъ пьянъ, такъ это ты врешь, а что если выпивши, такъ это точно, угощеніе было! понимаешь!... такое угощеніе, что можетъ ты такого въ жизнь не увидишь, потому ты—баба. Онъ опустилъ руку въ карманъ, вынулъ раздавленный сладкій пирожокъ и подалъ его дочери.

— На, гостинцу принесъ!

Настенька взяла пирожокъ и положила его на комодъ.

— Ѣшь! отрывисто произнесъ Семенъ Семенычъ.

— Послѣ, папенька, отозвалась Настя.

— Ѣшь! громче прежняго повторилъ онъ.

Настенька откусила кусокъ и поторопилась проглотить его.

— Я теперь этого обѣда не стану ѣсть, продолжалъ Семенъ

Семенычъ, я теперь на этотъ обѣдъ вотъ что! Онъ повернулся къ столу и плюнулъ. Купца знакомаго встрѣтилъ, дѣло ему совершилъ, благодарность была.. мадерой накатились, обѣдали въ китайскомъ городѣ Пекинѣ, пуншъ пили, ликеру, органъ игралъ, музыка... понимаешь?..—Семенъ Семенычъ, вѣроятно для большаго удостовѣренія дочери, началъ издавать ртомъ какіе-то звуки.

— Ты, Настюшка, не сердись, говорилъ онъ нѣсколько спустя, довольно слезливымъ тономъ, потому, ты думаешь, что я не чувствую какой я человѣкъ; я человѣкъ свинья, пропадшій человѣкъ, честное слово,—свинья!.. слушай ты, я всѣ эти дѣла бросить могу, какъ скажу сегодня не пить, ну и кончено,.. а только ты не суди меня, меня обидѣли,.. я виноватъ, а меня обидѣли,.. у меня можетъ на сердцѣ горе лежитъ, потому и пью!.—Онъ не договорилъ, махнулъ рукой и совершенно неожиданно заплакалъ.

Настенька рѣшительно не знала, что отвѣчать; она боялась пошевельнуться, а между тѣмъ въ глазахъ ея блеснуло что-то радостное, она въ недоумѣніи смотрѣла на отца, точно не вѣрила слезамъ его, точно въ дѣйствительности ихъ желала вѣрнѣе убѣдиться.

— Прости ты меня, по прежнему продолжалъ Семенъ Семенычъ, ужь у меня характеръ такой, что я только умѣрить себя не могу, потому, горе!.. я виноватъ, а меня обидѣли, я кончу, все кончу, самъ къ директору пойду, скажу: ваше превосходительство, посадите меня подъ арестъ, на хлѣбъ на воду; только въ обиду не дайте, въ обиду! Онъ ударилъ себя въ грудь, сильно пошатнулся, схватилъ руки дочери и сталъ цѣловать ихъ.

Настенька не могла удержаться; она зарыдала въ свою очередь, бросилась на шею къ отцу и осыпала его поцѣлуями. «Папенька, папенька!» твердила она, задыхающимся голосомъ.

Бѣдная дѣвушка въ настоящую минуту была совершенно счастлива, послѣ смерти матери она не слышала ласковаго слова и откликнулась теперь на него со всѣмъ пыломъ своей любящей души.

— Папенька! продолжала она радостнымъ и умоляющимъ

голосомъ, «родной ты мой, да развѣ я-то не люблю тебя, брось ты пить только, брось,... пускай бѣдны мы, все одно, я тогда и работать прилежнѣе буду, духу-то у меня больше будетъ... И зачѣмъ тебѣ вино это, зачѣмъ?.. вѣдь скверное оно, горькое, кислое... Пить будешь, такъ вѣдь и я пропаду, съ горя да тоски что нибудь надъ собою сдѣлаю, на нехорошее пойду!.. вонъ и все добро куда дѣлось, ничего нѣтъ у насъ, на вино все ушло, всякую тряпку туда спровадили, до чего дойдемъ этакъ?.. папенька, пощади, спаси ты меня! Она взглянула на отца и вдругъ опустила руки.

Лице Семенъ Семеныча приняло грозное выраженіе, слезы на немъ исчезли, онъ пошарилъ рукой въ карманѣ, вытащилъ нѣсколько копѣекъ мѣдной монеты и протянулъ ихъ дочери.

— «Возьми водки!» произнесъ онъ совершенно неожиданно.

— Дѣвушка отодвинулась на шагъ въ сторону и такъ смотрѣла на отца, какъ будто не довѣряла глазамъ своимъ.

— «Возьми водки, пить буду!» снова повторилъ онъ.

Настенька протянула дрожащую руку и взяла деньги, но осталась неподвижно на мѣстѣ.

— «Тебѣ говорятъ, водки возьми!» крикнулъ Семенъ Семенычъ. «Ты меня попрекать вздумала, продолжалъ онъ, такъ на это мнѣ плевать, а ты меня учить не можешь, не твое это дѣло, ты судиться съ родителемъ не смѣешь, родитель съ тобой можетъ все сдѣлать, все... оттого и пью что уваженія нѣтъ!.. Какое добро, ты мнѣ скажи, кто пріобрѣлъ его, ну!. а коли я пріобрѣлъ, значитъ мое, хочу берегу, хочу, фу!.. мнѣ плевать, я на это служу, жалованье получаю. Пошла возьми водки, пить хочу!» грозно добавилъ онъ.

— »Папенька, папенька!» умоляющимъ голосомъ, съ какой-то робкой надеждой, произнесла Настенька и бросилась на колѣни.

— «Молчать!» неистово крикнулъ отецъ и покачнулся къ дочери.

Послѣдняя быстро вскочила, бросила на столъ деньги и отошла въ сторону.

— «Я за водкой не пойду!» твердымъ, рѣшительнымъ голосомъ сказала она.

Семенъ Семенычъ поднялъ посоловѣвшіе глаза свои и въ первую минуту, казалось, не зналъ что̀ отвѣчать, только губы его затряслись сильнѣе обыкновеннаго.

— «Не пойдешь, а родительской руки попробовать не хочешь?» нѣсколько спустя произнесъ онъ, выставляя на отлетъ сжатую кулакомъ руку.

— «Что вамъ угодно, папенька, дѣлайте со мной что хотите, я ничего не боюсь, на все готова, бейте; я въ вашей волѣ, а только въ кабакъ не пойду!.. Побойтесь Бога, опомнитесь, куда вы меня посылаете!.. поглядите на себя, чѣмъ стали вы, васъ люди стыдятся, кто на улицѣ встрѣтитъ отвернется, пьяница, пьяница скажетъ всякій!.. Если ужь меня не жаль, такъ хоть себя бы пожалѣли, весь домъ разорили, уничтожили, мать въ могилу вогнали, да и себя сгубили!». Настенька хотѣла продолжать, но вдругъ остановилась, будто испугалась что сказала много; она не понимала, какъ рѣшилась высказать то, о чемъ такъ долго молчала, чему до сихъ поръ такъ безусловно повиновалась.

Семенъ Семенычъ, казалось, отрезвился; онъ выпрямился, вытаращилъ глаза и слушалъ дочь такъ, какъ будто она говорила о чемъ-то сверхъестественномъ.

— «Да ты съ кѣмъ говоришь?» произнесъ онъ съ разстановкой, оглядывая Настеньку съ головы до ногъ, точно не вѣрилъ глазамъ своимъ, что передъ нимъ стоитъ она, а не другая женщина.

— «Съ несчастнымъ отцомъ!» хладнокровно отвѣтила дѣвушка.

— «А ты знаешь, какъ съ отцомъ говорить, учили тебя какъ говорить, а?.. знаешь, что тебя отецъ убить можетъ, убить!.. ты меня сосать вздумала, змѣя ты подколодная...» Глаза Семенъ Семеныча налились кровью, все лице скрючилось, онъ сжалъ кулаки и подвинулся на шагъ къ дочери.

Послѣдняя отскочила къ дверямъ.

— «Стыдно вамъ, ничѣмъ я не виновата», говорила она дрожащимъ голосомъ, «убейте меня, убейте, лучше будетъ, хоть свою грѣшную душу спасу, не отецъ, а врагъ вы мнѣ!»

Семенъ Семенычъ заревѣлъ, схватилъ со стола тарелку и пустилъ ее въ Настеньку; послѣдняя успѣла выскочить за

дверь. Тарелка ударилась объ полъ и разлетѣлась въ мелкія дребезги.

Нѣсколько минутъ Семенъ Семенычъ простоялъ на мѣстѣ неподвижно; онъ усталъ, умаялся и тяжело дышалъ, потомъ плюнулъ въ слѣдъ дочери, сѣлъ на диванъ и положилъ на столъ голову. Долго онъ просидѣлъ въ такомъ положеніи, казалось, заснулъ и вдругъ разразился тяжелымъ всхлипываньемъ. Богъ знаетъ о чемъ плакалъ этотъ человѣкъ, совѣсть ли пошевельнулась въ немъ, слова ли дочери задѣли его душу, раскаяніе или злоба грызли ее или просто винные пары дѣлали свое дѣло, и слезами текли изъ глазъ, кто знаетъ! «Всѣ противъ меня, всѣ, говорилъ онъ, не переставая всхлипывать, и родная дочь противъ, Настя противъ!... что я имъ сдѣлалъ, развѣ я отъ себя пью, я не отъ себя, такая воля на то,.. Богъ съ тобой, оставила ты отца, ну и ступай, куда хочешь туда и ступай, мнѣ все одно, а только счастья тоже не будетъ, пропадемъ, всѣ пропадемъ!.. Я на тебя рукой махнулъ, содержать мнѣ тебя нечѣмъ, ты нищая, ну какъ хочешь, такъ и живи. Я хочу одинъ быть, одинъ, я бабьихъ слезъ видѣть не могу, жгутъ онѣ меня, жгутъ!» громко заключилъ онъ, ударивъ кулакомъ по столу, всталъ, прошелся взадъ и впередъ по комнатѣ, застегнулъ вицъ-мундиръ, надѣлъ фуражку, взялъ брошенныя дочерью деньги, махнулъ рукой и, шатаясь, вышелъ на улицу.

— А между тѣмъ, въ то время, когда Настенька отказалась бѣжать за водкой, въ комнатѣ Агафьи Ильинишны происходила слѣдующая сцена.

За столомъ, уставленнымъ бутылками, посреди табачнаго дыма, развалясь на диванѣ, сидѣлъ знакомый читателю Василій Прохорычъ; возлѣ него помѣщался молодой, безбородый юноша, съ дѣтскимъ, нѣжнымъ лицомъ, окаймленнымъ густыми, свѣтло русыми волосами. Противъ гостей, небрежно облокотясь на столъ, сидѣла сама хозяйка съ папироской въ зубахъ.

По раскраснѣвшимся лицамъ всѣхъ присутствовавшихъ, ихъ шумнымъ, несвязнымъ рѣчамъ, слишкомъ рѣзкому хохоту Василья Прохорыча, совсѣмъ дремлющимъ глазамъ молодого человѣка, растрепаннымъ волосамъ Агафьи Ильиниш-

ны и, наконецъ, по количеству пустыхъ бутылокъ, валявшихся на столѣ и подъ-столомъ, можно было догадаться, что компанія порядочно выпила.

— «Ну, Павлушка, качай!» говорилъ разгулявшійся Василій Прохорычъ, наливая стаканъ своему товарищу.

— «Не хочу, ей богу не хочу... я не пьянъ, а не хочу только» съ трудомъ произнесъ послѣдній и выпрямился, вѣроятно желая доказать свое трезвое состояніе.

Василій Прохорычъ захохоталъ и подвинулъ стаканъ къ Агаѳьѣ Ильинишнѣ.

— «Ну, тебя и спрашивать нечего, наливай себя!»

Хозяйка улыбнулась, взяла стаканъ, осушила его залпомъ и громко поставила на столъ.

— А меня-то и забыли, небось? произнесла она съ хохотомъ.

— Эка лѣшій баба, замѣтилъ Василій Прохорычъ и снова налилъ стаканъ. Вонъ, Павлушка, смотри, не по твоему!

— «По гусарски» пробормоталъ молодой человѣкъ, открылъ глаза и улыбнулся.

— «Молоды еще, а тоже бѣдовый будетъ!» проницательно замѣтила Агаѳья Ильинишна.

— «На то и родственникъ, свои люди, такое теченіе въ крови значитъ!» съ гордостью отозвался Василій Прохорычъ.

— «Я говорю тебѣ, что я не пьянъ, я могу много выпить,.. гдѣ же я пьянъ, съ чего?» убѣдительно доказывалъ Павлуша, вѣроятно, не разслушавъ въ чемъ дѣло.

Гость и хозяйка разразились смѣхомъ. Родственникъ обидѣлся и отвернулся.

— Молодого человѣка конфузятъ только! вступилась было Агаѳья Ильинишна.

— «А тебя старую небось никакимъ дьяволомъ не сконфузишь», замѣтилъ Василій Прохорычъ; «вотъ надула только, бестія этакая, бить бы тебя нужно, право бить, только что значитъ въ милостивомъ расположеніи, а въ иной случай подвернись, у!..» Онъ взялъ за горлышко пустую бутылку и шутя погрозилъ ей.

— «За что бить-то, надула еще либо нѣтъ, вотъ что!.. коли надула, тогда и бей, сама дамся, бей!»

Она неожиданно, къ удовольствію присутствовавшихъ

затянула какую-то пѣсню, но скрыпъ двери заставилъ ее замолчать и обернуться.

— «Кто тамъ?» сердито произнесла она.

Въ комнату вошла Настенька.

Агафья Ильинишна разинула было ротъ отъ удивленія, но тотчасъ же опомнилась, и поспѣшила встрѣтить дѣвушку. Василій Прохорычъ самодовольно улыбнулся, кивнулъ головой и прищурилъ масляные глаза. Молодой человѣкъ клюнулъ носомъ столъ, пробудился и какъ-то дико смотрѣлъ на происходившее.

Настенька отнюдь не подозрѣвала гостей у Агафьи Ильинишны: она прибѣжала сюда, чтобъ спастись отъ отца, проворно толкнула дверь и неожиданно очутилась предъ шумной, веселой компаніей. Она стояла неподвижно, въ недоумѣніи, держась за ручку двери и вопросительно смотрѣла на присутствующихъ, какъ будто соразмѣряла ихъ силы, какъ будто требовала отвѣта на нѣмой вопросъ свой, какъ будто боролась со стыдомъ, страхомъ и отчаяніемъ... Въ первую минуту она сдѣлала движеніе, чтобъ вернуться домой, но подоспѣвшая Агафья Ильинишна крѣпко схватила ее подъ руку.

— Гостья-то, гостья какая! кричала она, присѣдая и силясь оттащить дѣвушку. «Господа кавалеры, будьте учтивы, ангажируйте барышню!»

— Настасья Семеновна, милости просимъ, полно церемониться, люди знакомые, замѣтилъ Василій Прохорычъ вставая и указывая на стулъ. Присядьте, винца выкушайте, пріятели будемъ, осчастливьте, барышня!

— Садись, садись, говорятъ! повторяла расходившаяся Агафья Ильинишна, таща за собою дѣвушку и усаживая ее возлѣ дивана.

Настенька сѣла.

Безбородый юноша помѣстился въ нѣкоторомъ отдаленіи, сзади ея, глаза его нѣсколько прояснились, онъ меньше клевалъ носомъ, безпрестанно улыбался и поминутно взглядывалъ то на свою сосѣдку, то на хозяйку и Василья Прохорыча.

— Какъ поживаете, барышня, давно невидались, видно спѣсивы очень, хорошѣете все, право хорошѣете... а мы

вотъ ея кота рожденье справляемъ, съострилъ послѣдній, указывая на Агафью Ильинишну и наклоняясь ближе къ гостьѣ.

Павлуша засмѣялся.

Настенька подняла голову. «Благодарю васъ,» отвѣтила она довольно смѣло, я не знала, что здѣсь посторонніе есть.

— А еслибъ и знали, боитесь развѣ?

— Не боюсь, а только,.. вотъ я можетъ помѣшала вамъ?..

— Чѣмъ же это помѣшали! такая хорошенькая развѣ помѣшать можетъ?.. выкушайте винца-то, сладенькое!

— Я не пью ничего, отозвалась Настя.

— Жаль! вотъ и мы тоже не пьемъ, а только для случая выпили,.. пригубьте барышня,.. ну, не пьете такъ ручку хлопнете, — permettez. Онъ протянулъ руку.

Павлуша хлопалъ посоловѣвшими глазами и исподтишка смѣялся.

— Оставьте, пожалуйста, я уйду лучше! умоляющимъ голосомъ произнесла Настенька.

Василій Прохорычъ проворно выпрямился.

— Не буду, не хотите, не буду, слово сказали и умерло, pardonnez, mademoselle, такъ что-ли? замѣтилъ онъ, какъ бы испугавшись, и мигнулъ своему товарищу.

— Очень хорошенькая ручка! не смѣло вмѣшался послѣдній и умильно, какъ котъ, у котораго пощекотали за ухомъ, взглянулъ на дѣвушку.

— Вы насъ извините, говорилъ Василій Прохорычъ снова нагибаясь къ Настенькѣ, мы ребята простые, все по душѣ дѣйствуемъ, а что съ языка соскочитъ, такъ это пустяки, вниманія не стоитъ,.. сердитесь барышня?

Настенька ничего не отвѣчала и нѣсколько отодвинулась.

Агафья Ильинишна все время стояла сзади гостьи и то одобрительно кивала головой, то хмурилась и мигала.

— О чемъ же мы толковать будемъ, о погодѣ можетъ..... Настасья Семеновна, сегодня погода мокрая, насмѣшливо замѣтилъ Василій Прохорычъ, уперъ руки въ колѣни и окинулъ дикимъ взглядомъ все общество.

— Да-съ мокрая, отозвалась Настенька.

Павлуша фыркнулъ, но тотчасъ-же принялъ серьезную мину.

— Вы все работаете, это очень трудно; можно глазки испортить, снова вмѣшался онъ, искоса заглядывая въ лице дѣвушки.

— Работаю! отвѣтила Настенька. Намъ нельзя не работать! добавила она со вздохомъ.

— Работать скучно-съ! вотъ лучше бы въ гости ко мнѣ пріѣхали, рѣшительно произнесъ Василій Прохорычъ и нахально взглянулъ на дѣвушку.

Послѣдняя горько улыбнулась. Нельзя этого! отвѣтила она.

— Почему-жъ нельзя? я пожалуй и карету за вами пришлю.

— Благодарю васъ, а только нельзя этого.

— Что-жъ такъ?

— Зачѣмъ же я къ вамъ поѣду, сами подумайте, развѣ дѣвушки къ мужчинамъ ѣздятъ? развѣ хорошо это?

— Извѣстно хорошо! утвердительно замѣтилъ Василій Прохорычъ.

— Очень многія ѣздятъ! подхватилъ родственникъ.

Агафья Ильинишна самодовольно улыбалась и мигала.

— Ничего-съ! тутъ худого ничего нѣтъ, пріѣдете, посидите, чайку напьетесь, поговоримъ, поболтаемъ, конфетки можетъ любите, мы конфетъ приготовимъ и работу если нужно дадимъ, у насъ всякой работы вдоволь, всѣмъ хватитъ... рубашки шьете-съ? вопросительно, совершенно серьезно, добавилъ Василій Прохорычъ.

Агафья Ильинишна, въ знакъ особаго удовольствія, присѣла и махнула рукой. Павлуша облокотился на спинку стула и зажалъ рукою ротъ, но вдругъ, боясь своимъ смѣхомъ нарушить серьезный тонъ товарища, вскочилъ и выбѣжалъ въ сѣни. Хозяйка послѣдовала за нимъ.

Василій Прохорычъ тотчасъ воспользовался ихъ отсутствіемъ.

— Вотъ изволите видѣть, Настасья Семеновна, убѣдительно продолжалъ онъ, извѣстно шутки шутками, все это значитъ ни къ чему, а только я васъ полюбилъ очень, такъ

полюбилъ, что даже самому смѣшно становится... Я человѣкъ одинокій, холостой, могу васъ уважать по истинѣ; этому вы повѣрьте, а не то у Агафьи Ильинишны освѣдомьтесь, она меня знаетъ, сумнѣваться нечего, что потребуется вамъ—все сдѣлаю, и денегъ дамъ и квартиру найму, однѣ шпалеры пущу такія, что въ носъ бросится, потому у меня денегъ въ волю, никто мнѣ указать, не можетъ, что хочу то и дѣлаю, какъ мой нравъ укажетъ такъ и поступлю, ничего не жаль, только бы люди знали, каковъ я есть! сотня такъ сотня, тысяча такъ тысяча, все одно! Таковъ я человѣкъ, Настасья Семеновна, что въ иную пору даже скука возьметъ, все думается куда бы деньги дѣть, ну и сочинишь безобразіе такое, что послѣ самъ дивишься, такой значитъ капризъ найдетъ,—ей богу-съ?.. Опять же и противнаго во мнѣ ничего нѣтъ, всякая дѣвушка любить можетъ, а только видѣвши ваше благородство, я отличаю васъ!.. Заживемъ душа въ душу, только и будемъ, что любить другъ друга, ѣсть, пить, да на рысакахъ разъѣзжать, смотри да дивуйся!.. Настасья Семеновна, осчастливьте, въ бархатѣ ходить будете!» Онъ взялъ ее за руку.

Во все время монолога Василія Прохорыча, Настенька сидѣла, потупивъ глаза въ землю, и перебирала складки на платьѣ; блѣдное лицо ея выражало полное отчаяніе, казалось горе заглушило ея робость, придало ей смѣлость и силу спокойно выслушать предложеніе своего сосѣда. Только при прикосновеніи руки послѣдняго, легкая дрожь пробѣжала по жиламъ Настеньки, да на блѣдныхъ щекахъ ея вдругъ выступилъ яркій румянецъ. «Господи! что вы со мной дѣлаете, за что вамъ любить меня?» тихо произнесла она.

— Извѣстно за что, за красоту!» отвѣчалъ Василій Прохорычъ. — «Настасья Семеновна, вѣрьте, будете любить меня, озолочу!» продолжалъ онъ, сжимая ея руку.

Настенька ничего не отвѣчала.

— Будете? повторилъ онъ снова.

Настенька молчала и взглянула на Василія Прохорыча такъ, какъ будто хотѣла проникнуть въ его душу.

— Фу, ты, хороша какъ! почти крикнулъ онъ и выпустилъ ея руку.

Въ комнату вошли Павлуша и хозяйка.

— Ну что, Настасья Семеновна, говорила послѣдняя, облокотясь всѣмъ туловищемъ на столъ и лукаво посмотрѣвъ на дѣвушку; поговорили объ чемъ?.. да что-жъ ты винца не выпила?»

— Развѣ я пью, Агафья Ильинишна?

— Да вѣдь и мы не пьемъ, а на радости!

— На какой радости?

— На радости? повторила хозяйка и захохотала.

Василій Прохорычъ строго взглянулъ на нее, она выпрямилась, замолчала, но въ свою очередь покосилась на гостя.

— Охъ, сердитъ больно! замѣтила она, налила стаканъ и выпила.

Настенька подняла глаза и взглянула на хозяйку.

Скоро разговоръ принялъ прежній шутливый характеръ. Настенька сдѣлалась предметомъ общаго вниманія; Василій Прохорычъ не спускалъ съ нея глазъ; Павлуша вертѣлся и просилъ позволенія поцѣловать кончикъ ея мизинца; Агафья Ильинишна лукаво улыбалась, вмѣшивалась туда, гдѣ ее не спрашивали и, угрожаемая различными жестами и словами Василія Прохорыча, снова умолкала. Настенька все выслушивала; она сидѣла неподвижно на своемъ стулѣ, блѣднѣла, краснѣла, порой улыбалась, порой опускала глаза; ей было неловко, она чувствовала себя не на мѣстѣ и не знала, куда дѣваться.

Дверь въ комнату отворилась, на порогѣ показался пьяный Семенъ Семенычъ. Вся фигура его, по наружности, внушала и смѣхъ, и состраданіе и отвращеніе. Брюки опустились, колѣнки согнулись и, казалось, еле держали туловище; измятая, неуклюжая фуражка торчала на затылкѣ. Онъ морщился и мутно глядѣлъ на присутствующихъ, какъ будто спрашивалъ: зачѣмъ они здѣсь, какъ будто не довѣрялъ самъ себѣ: туда ли попалъ онъ, куда идти хотѣлъ.

Настенька слегка вскрикнула и закрыла лице руками; Василій Прохорычъ и Павлуша вопросительно смотрѣли то на нее, то на вошедшаго; Агафья Ильинишна, въ первую минуту, растерялась совершенно и только злобно взглянула на

чиновника, но потомъ вдругъ подскочила и встала передъ нимъ, стараясь заслонить собой дѣвушку.

— Что батюшка, что надо, не туда попалъ видно, гости здѣсь, говорила она, стараясь оттѣснить Семенъ Семеныча къ двери.

Послѣднiй протянулъ руку, отстранилъ хозяйку и сдѣлалъ шагъ впередъ.

— Честной компанiи миръ и любовь! несвязно пробормоталъ онъ, остановился, снялъ фуражку, выпрямился и сиплымъ, дрожащимъ голосомъ продекламировалъ: «Вино веселитъ сердце человѣка!... Вы меня извините, господа, я выпивши, это точно, извините меня!» прибавилъ онъ, нѣсколько спустя, довольно плачевнымъ тономъ.

— Вамъ что нужно? крикнулъ Василiй Прохорычъ.

— Извините меня, продолжалъ Семенъ Семенычъ: — не имѣю чести знать вашего имени и отчества, я выпивши, это точно, а только я говорить могу.

— Постыдились бы въ такомъ видѣ чужимъ людямъ показываться! съ негодованiемъ замѣтила Агафья Ильинишна, по-прежнему закрывая собой Настеньку.

Семенъ Семенычъ взглянулъ на хозяйку и сдѣлалъ ей какую-то гримасу; Василiй Прохорычъ и Павлуша невольно разсмѣялись.

— Ваше высокоблагородiе! произнесъ онъ, кладя руку на сердце: — извольте выслушать благороднаго человѣка, какъ вы дворянинъ и я дворянинъ, мы объясняться можемъ, а для этой шлюхи я своего языка даже безпокоить не стану, я только на всѣ ея рѣчи одно могу! Онъ указалъ на Агафью Ильинишну и плюнулъ.

Хозяйка отвѣтила ему тѣмъ же.

— Эка безпутный человѣкъ! Василiй Прохорычъ, да выгоньте вы его, срамъ и только.

Семенъ Семенычъ принялъ важную позу.

— Кто меня выгнать можетъ? кто? говорилъ онъ, ударяя себя въ грудь;—ты молчи, я съ ихъ высокоблагородiемъ говорить хочу, я человѣкъ благородный....

— Да вамъ что нужно? громче прежняго крикнулъ Василiй Прохорычъ и всталъ съ своего мѣста.

Настенька отняла руки отъ лица—оно было блѣдно; она съ ужасомъ смотрѣла на происходившую сцену.

— Мнѣ ничего не нужно, я загулялъ.... ваше высокоблагородіе! повторилъ Семенъ Семенычъ.

Василій Прохорычъ сдѣлалъ движеніе впередъ. Настенька схватила его за сюртукъ.

— Ради Бога! онъ уйдетъ! прошептала она дрожащимъ, умоляющимъ голосомъ и встала.

Василій Прохорычъ удержалъ ее за руку.

— Куда вы? спросилъ онъ.

Дѣвушка невольно опустилась на стулъ.

— Ваше высокоблагородіе! Не прикажите дворянина порочить, отъ всякаго человѣка стерплю, отъ бабы не могу стерпѣть.... Вы меня извините, ваше высокоблагородіе, я выпивши, это точно, а только я ни въ чемъ не препятствую; вотъ тутъ моя дочь сидитъ, а мнѣ до этого дѣла нѣтъ, я на все это плевать хочу.... я виноватъ, я несчастный, потому меня обижаютъ всѣ, я несчастный! добавилъ онъ, совершенно жалобнымъ тономъ.

Василій Прохорычъ вытаращилъ глаза и съ удивленіемъ смотрѣлъ на Настеньку.

— Отецъ вашъ? спросилъ онъ.

— Отецъ! еле слышно прошептала она, опустила голову и заплакала.

Павлуша сморщился, поставилъ на носъ лорнетку и разсматривалъ чиновника. Послѣдній сдѣлалъ два шага впередъ и остановился противъ дочери.

Василій Прохорычъ не зналъ, что дѣлать; при другихъ обстоятельствахъ, онъ не задумался бы выгнать Семена Семеныча, но слово «отецъ», невольно удерживало его; онъ боялся, на первый разъ, обидѣть Настеньку, навлечь на себя ея негодованіе, и изподлобья, съ нѣкоторымъ участіемъ или, вѣрнѣе, досадой, смотрѣлъ на дѣвушку.

— Чего плачешь! говорилъ Семенъ Семенычъ, обращаясь къ дочери: — я тебѣ все прощаю, все, мнѣ ни до чего дѣла нѣтъ.... здѣсь кутежъ, господа гуляютъ, ты въ гости пошла, ну и кончено, мнѣ дѣла нѣтъ, гуляй!... Ваше высокоблагородіе, вы меня извините, а только я какъ отецъ говорю, она

дѣвушка хорошая.... какъ я дворянинъ, и вы моему слову повѣрить можете, а только, она дѣвушка съ чувствомъ! Я эти дѣла самъ понимаю, во всѣхъ жуирскихъ компаніяхъ перебывалъ, насчетъ женщинъ такъ это, какая понравится!... Онъ высунулъ впередъ голову и чмокнулъ въ воздухъ.— Извольте разсудить, ваше высокоблагородіе, она сирота, только хнычетъ все, жалуется, а я на эти слезы смотрѣть не могу, потому гулять хочу, ну, и кончено, пропадай! Ваше высокоблагородіе! прикажите благородному человѣку поднести! добавилъ онъ совершенно неожиданно, выпрямился и положилъ руку на сердце.

При послѣднихъ словахъ, Настенька вздрогнула и быстро подскочила къ отцу.

— Уйдите, пойдемте, скорѣе пойдемте! говорила она шопотомъ, употребляя всѣ усилія, чтобъ оттащить Семена Семеныча.

Послѣдній однако держался довольно крѣпко.

— Пошла прочь! говорилъ онъ, силясь освободиться.— Ваше высокоблагородіе, прикажите поднести.

Василій Прохорычъ отвелъ Настеньку въ сторону.

— Оставьте его, садитесь! замѣтилъ онъ, съ нѣкоторымъ волненіемъ.

Настенька опустилась на стулъ. Къ ней подсѣлъ Павлуша и что-то заговорилъ, но дѣвушка вовсе не слушала его: она сидѣла блѣдная, понуривъ голову, исподлобья взглядывала на отца и на все окружающее, вздрагивала и тяжело дышала.

— Дайте ему глотку-то залить, авось угомонится.... У! ненавистный этакой, на, уйди только! произнесла Агафья Ильинишна, тыкая чиновнику полный стаканъ съ виномъ.

Василій Прохорычъ въ нетерпѣніи ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ.

Семенъ Семенычъ дрожащей рукой взялъ стаканъ и окинулъ взоромъ все собраніе.

— За здравіе и благоденствіе дома сего! произнесъ онъ на распѣвъ, хриплымъ баритономъ и выпилъ. — А ты, Настасья, ихъ высокоблагородіе люби, я тебѣ приказываю, потому онъ человѣкъ благородный:—благородный человѣкъ за-

всегда уваженія достоинъ!... Онъ снова выпрямился и обратился къ Василію Прохорычу: ваше высокоблагородіе! вы меня извините, осмѣлюсь просить, какъ дворянинъ у дворянина, что милости будетъ, не откажите странствующему чиновнику!... до жалованья, ваше высокоблагородіе.—Онъ протянулъ руку.

Настенька помертвѣла и упала на спинку стула.

Василій Прохорычъ остановился, вынулъ изъ кармана бумажникъ, вытащилъ пятидесятирублевую ассигнацію и подалъ ее Чечеткину.

Семенъ Семенычъ вытянулъ руки по швамъ, вытаращилъ глаза и уставилъ ихъ на бумажку: нѣсколько секундъ онъ стоялъ молча, неподвижно, какъ будто озадаченный какимъ нибудь сверхъестественнымъ явленіемъ, потомъ вдругъ быстро нагнулся, поцѣловалъ руку Василія Прохорыча и схватилъ милостыню.

— Великодушный мужъ! неожиданно проревѣлъ онъ: — исполнися сердце мое похвалъ къ тебѣ.... монументъ воздвигну! Онъ замолчалъ, слезы закапали изъ глазъ его.

Агафья Ильинишна злобно смотрѣла на Чечеткина, она покусилась даже вырвать бумажку у Василія Прохорыча, но онъ грубо оттолкнулъ ее.

— А ты тоже, словно истуканъ сидитъ, обрадовалась небось! замѣтила она, расталкивая Настеньку.

Послѣдняя сидѣла, какъ мертвая, тупо уставивъ глаза въ землю: казалось, всѣ чувства онѣмѣли въ ней или погрузились въ тяжелый сонъ.

Семенъ Семенычъ всхлипывалъ.

— А ты, Настасья, говорилъ онъ:—люби его сіятельство, люби!... монумента достоинъ!... люби, сторицею воздай ему!.. а я загулялъ теперь! добавилъ онъ очень весело, покачнулся, махнулъ бумажкой по воздуху, сдѣлалъ какую-то гримасу Агафьѣ Ильинишнѣ, стукнулся въ дверь и вышелъ.

Всѣ оставшіеся вздохнули свободнѣе. Только Агафья Ильинишна не могла успокоиться; она моргала и ворчала сама съ собой.

Василій Прохорычъ подошелъ къ Настенькѣ.

— Эка бѣдная, отецъ напугалъ, въ полголоса, съ нѣкоторымъ сожалѣніемъ, сказалъ онъ.

Настенька ничего не отвѣтила и вдругъ громко зарыдала.

Василій Прохорычъ схватилъ ее за талью. Полноте, чего вы... полно... чего?.. я заступлюсь за васъ, говорилъ онъ, цѣлуя дѣвушку въ голову.

Настенька зарыдала еще сильнѣе, она упала головой на грудь Василья Прохорыча и, казалось, каялась въ чемъ-то предъ нимъ, молила его о своемъ спасеніи, или, въ стыдѣ и отчаяніи, сама себя не помня, она вся отдалась ему, за одно ласковое слово, за легкое участіе къ ея горю.

Прошло нѣсколько минутъ... Настенька не переставала плакать; тронутый купецъ, по прежнему, какъ могъ, утѣшалъ ее.—Наконецъ, она очнулась, подняла голову, посмотрѣла вокругъ себя и вдругъ ноги ея затряслись, она крѣпко схватила Василья Прохорыча за руку, и упала на стулъ.

Въ комнатѣ никого не было. — Хозяйка и Павлуша куда-то исчезли.

III.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ и жизнь Настеньки измѣнилась совершенно. Семенъ Семенычъ закутилъ окончательно, до полнаго безобразія. — Получивъ щедрую милостыню онъ пропалъ изъ дому.—Бѣдная дочь напрасно искала отца, напрасно Агафья Ильинишна рыскала по ближайшимъ трактирамъ и харчевнямъ, навѣдывалась въ должность: его нигдѣ не было.

«Умеръ!» шептала сама съ собой Настенька, «умеръ! не привелъ его Господь и скончаться-то дома, хоть бы глаза своими руками закрыла.»

А между тѣмъ Семенъ Семенычъ тяжело храпѣлъ гдѣто въ грязи на тротуарѣ; ни сырая осенняя ночь, ни мокрый снѣгъ, ни жесткое ложе, не могли нарушить его покоя. Бѣжавшая мимо собака остановилась, обнюхала лежавшаго, заглянула ему въ лице, но, почуявъ дыханіе живаго существа, отскочила, залаяла и побѣжала дальше.—Шедшій

по дорогѣ мужикъ толкнулъ его ногой. Семенъ Семенычъ испустилъ глухой звукъ и скатился на мостовую.

— «Вишь ты... баринъ кажись!» произнесъ мужикъ, усмѣхнулся, покачалъ головой и побрелъ дальше.

А Семенъ Семенычъ все спалъ, спалъ до утра, когда дворникъ ближайшаго дома сжалился и растолкалъ его.

— «Вставай баринъ.... чаво.... нешто мѣсто спать тутъ, тутъ спать не приказано, тутъ публика ходитъ, вставай!» говорилъ онъ, приподнимая туловище Чечеткина за плечи и усаживая его на мостовую.

Семенъ Семенычъ промычалъ что то, открылъ посоловѣвшіе глаза, мутно оглядѣлъ вокругъ себя и приподнялся съ помощію дворника.

— «Гдѣ тутъ выпить можно?» несвязно пробормоталъ онъ, прислонившись къ забору.

— «А эвона-тъ, черезъ улицу ступай, тамъ можно,» отвѣтилъ дворникъ.

Семенъ Семенычъ кивнулъ головой и побрелъ, — шатаясь изъ стороны въ сторону.

На другой день онъ явился домой, еле живой, оборванный, общипанный, почти безъ всякаго сознанія, въ сопровожденіи полицейскаго солдата.—Настенька была спокойна, не вздыхала, не плакала, она радовалась, что довелось ей еще разъ увидѣть отца, что если и умретъ онъ, то на ея рукахъ, а не на улицѣ, гдѣ нибудь.—Сердце ея чувствовало, что не долго скорбѣть ему за отцовскую участь, что скоро все кончится, все забудется.—Съ чувствомъ безплоднаго сожалѣнія, съ тупымъ, неподвижнымъ взоромъ, она стояла у постели больнаго и мысленно припоминала свое младенчество, свой дѣтскій лепетъ, когда она, протягивая рученки, встрѣчала и обнимала отца, когда мать ея была такъ довольна и счастлива, а теперь.... не жаль отца, смерть—лучшій конецъ ему, а жаль его горькой участи, жаль самое себя.—Настенька невольно вздрагивала, переносилась въ будущее и тяжело задумывалась.—Воображенію ея представлялась иная картина, своего собственнаго положенія, отрадная или нѣтъ, кто знаетъ... только по грустному, убитому лицу дѣвушки, можно было думать, что она инстинктивно

угадывала что-то зловѣщее. Дня три пролежалъ больной; языкъ его отказался дѣйствовать; онъ стоналъ и метался, судорожно сбрасывалъ съ себя одѣяло, рвалъ воротъ рубашки; видно было, что страшный внутреннiй жаръ мучитъ его. Только на четвертые сутки онъ нѣсколько успокоился, взялъ дочь за руку, долго мутными, неподвижными глазами смотрѣлъ на нее, какъ будто каялся предъ ней, какъ будто молилъ о прощенiи. Настенька горько заплакала, она все забыла, все простила. Семенъ Семенычъ умеръ.

Агафья Ильинишна и тутъ не оставила свою сосѣдку.— Она и гробъ заказала, увѣривъ напередъ, что гробовщикъ человѣкъ ей знакомый, не дорого возьметъ, и читальщика наняла, и похоронами распорядилась, и кутью сварила и поплакала немного, говоря: «что съ покойникомъ завсегда душа въ душу жила, добрый былъ человѣкъ, далеко-бы пошелъ, да слабость сгубила.»

Похоронивъ отца, Настенька тотчасъ-же переѣхала на другую квартиру.— Агафья Ильинишна и въ этомъ случаѣ, бѣгала, суетилась, хлопотала до нельзя; въ послѣднее время усердiе ея даже увеличилось, обратилось въ какую-то отрадную, необходимую потребность.—«Ну, матушка, умаялась я», говорила она, запыхавшись и опускаясь на стулъ, «такъ умаялась, что моченьки нѣтъ!... и что это за подлый человѣкъ Василiй-то Прохорычъ!.. ужъ вы, Настасья Семеновна, не сердитесь на меня, а только подлый!.. хошь ему скажите, все одно, я ничего не боюсь, моя душа чиста.... Сами посудите; прихожу этто къ нему, легко-ли съ нашихъ краевъ-то, на извощикѣ тоже не разъѣздишься, видитъ женщина устала, хоть бы рюмку вина поднесъ, а онъ смотритъ мнѣ въ рыло, да только зубы скалитъ!... не твое, говоритъ, это дѣло, такая моя фантазiя смѣяться надъ тобой!... Да я плевать на твою фантазiю хотѣла, сами посудите, я за свою честь всегда вступлюсь.... да я бы изъ за этакихъ пустяковъ и сраму на себя не взяла, и говорить бы съ нимъ, съ этакимъ соглядатаемъ, не стала!... и изъ чего только хлопочу я, вѣдь бить меня матушка мало, право мало!... Настасья Семеновна, хошь вы заступитесь, поговорите ему, вѣдь совсѣмъ срамъ это

слабаго человѣка всякій обидитъ, всякій! добавила она плачевнымъ тономъ.

— «Да что-жъ я то, вѣдь не мое это дѣло, мнѣ и говорить совѣстно какъ-то,» отвѣтила Настенька.

— «Да вѣдь при случаѣ, матушка, извѣстно только при случаѣ, чтобъ не забылъ онъ, мошенникъ этакой,» продолжала Агафья Ильинишна; «хошь изъ памяти обо мнѣ, словно родной васъ лишилась, даже руки ни къ чему не лежатъ,... видно чортъ дернулъ!... Ужъ какъ мило убрались вы, такъ лучшаго и желать нельзя, прелести да и все тутъ!» добавила она съ нѣкоторою завистью, оглядывая кругомъ комнату.

Вообще, въ послѣднее время, прежнее фамильярное, даже нѣсколько грубое обращеніе Агафьи Ильинишны съ Настенькой измѣнилось совершенно; она стала величать свою бывшую сосѣдку не иначе какъ, вы, Настасья Семеновна, старалась во всемъ угодить ей, поддѣлывалась до приторности, всѣми силами, какъ только можно. Она дорожила теперь Настенькой вдвое больше прежняго, почему—и сама хорошенько не знала; быть можетъ отчасти изъ матеріальныхъ какихъ нибудь видовъ, изъ надежды поживиться кой-какими крохами или просто изъ привязанности къ дѣвушкѣ, изъ привычки къ ней, а вѣрнѣе всего потому, что по мнѣнію Агафьи Ильинишны, Настенька теперь достигла лучшей цѣли въ жизни; подъ ея руководствомъ, изъ ничтожества, изъ нищей дѣвочки, сдѣлалась барыней, да еще не простой, а съ форсомъ, какъ увѣряла сосѣдка.—Оставить эту барыню она не могла: это значило покинуть свое дѣтище, убить собственное самолюбіе, уничтожить самое себя; она гордилась ею, славилась, восхищалась какъ лучшимъ своимъ произведеніемъ; она составляла неисчерпаемый предметъ ея разсказовъ, и хвастовства.—На Василья Прохорыча Агафья Ильинишна нисколько не сердилась, да и сердиться было не за что; въ душѣ она благодарила его, была ему обязана, а бранилась такъ, по привычкѣ, изъ особеннаго рода любви къ нему: благодарность сама собой, благодарность не уйдетъ, думала она, а выругаешь — все легче, если и не за что, такъ на предки пригодится, хоть кое что да перепадетъ еще! — Въ своемъ кругу, разсказывая своимъ пріятельницамъ о Настень-

кѣ, Васильѣ Прохорычѣ и его щедрости, она даже привирала, увеличивала эту щедрость до крайнихъ, необыкновенныхъ размѣровъ и все таки бранилась, такъ себѣ, для тону, для поддержанія своего реноме....

— «И что это нынче за мужчины безстыжіе, говорила она одной изъ своихъ знакомыхъ; сами посудите, учена, всякіе языки знаетъ, поётъ, играетъ, по французскому какъ угодно, собой херувимъ просто, никакой графинѣ не уступитъ, отецъ полковникъ, а онъ что, сказать срамъ, отвалилъ тысячу, да и шабашъ!... я говоритъ, Агафья Ильинишна, когда понадобится, вамъ всегда услужить могу, да вѣдь это все буки, сами посудите, какъ я у него просить буду, такая-ли я женщина, а коли ты честный человѣкъ, такъ ты давай да выложи!... что на салопъ-то атласу подарилъ, такъ на это я плевать хотѣла!... Слава-те Господи, и безъ него жила да всякую моду соблюдала, и бархатовъ и атласовъ всего поносила.»

Настенька, съ своей стороны, при новой обстановкѣ, на новомъ пепелищѣ, при новыхъ окружающихъ обстоятельствахъ, нисколько не измѣнилась къ своей сосѣдкѣ; она сжилась съ своей новой жизнью, всосалась въ нее и ласкала Агафью Ильинишну по прежнему, по прежнему считала себя во всемъ ей обязанною.

Новая квартира Настеньки составляла рѣзкую противуположность прежнему убогому жилищу. Она находилась въ центрѣ города, съ швейцаромъ на лѣстницѣ, состояла изъ трехъ прекрасныхъ комнатъ, убранныхъ со всѣми затѣями роскоши, въ одной изъ нихъ даже фортепьяно стояло, хотя Настенька играть и не умѣла, но Василій Прохорычъ объявилъ, что любитъ музыку, пущай хошь для примѣра стоитъ, и фортепьяно поставили.

Прежніе, гладко причесанные волосы дѣвушки поднялись къ верху и спустились на затылкѣ двумя длинными локонами, въ ушахъ горѣли блескомъ дорогія серьги, на рукахъ два массивныхъ браслета.—Черное ситцевое платье исчезло; его замѣнили шелковыя, такія широкія, богатыя. Сама Настенька еще больше похорошѣла; какъ-то выросла, разцвѣла, лучше сложилась и самоувѣреннѣй, смѣлѣй смотрѣла на

жизнь. Руки ея побѣлѣли, походка измѣнилась; прежде, бывало, она мелкимъ шагомъ, торопливо идетъ за работишкой, или, накинувъ платокъ на голову, опрометью перебѣжитъ черезъ улицу; а теперь, въ шелку и бархатѣ, въ дорогой шляпкѣ, подъ изящнымъ зонтикомъ, плавно выступаетъ по тротуару или мчится на сѣромъ рысакѣ. — Правда, прежде на нее никто не обращалъ и вниманія, ходила она за дѣломъ большею частію, сама ни на кого не взглянетъ, не до того ей; теперь гуляетъ отъ нечего дѣлать, для моціона, такъ тихо, чинно; офицеръ встрѣтится, дорогу дастъ, окинувъ ее взглядомъ съ головы до ногъ, обернется, еще разъ посмотритъ, иной разъ перегонитъ и снова оглянется... Настенька опуститъ глазки, кажется она ничего не замѣчаетъ, а на душѣ у ней такъ легко, такъ пріятно: сердце бьется, самолюбію такъ просторно; хотѣлось бы ей и самой взглянуть на офицера, да неловко какъ-то.—Придетъ она домой, смотритъ въ зеркало и любуется на себя и разскажетъ Агаѳьѣ Ильинишнѣ, какъ офицеръ смотрѣлъ. Послѣдняя восхищается, вторитъ Настенькѣ, подтруниваетъ надъ ней.

Правда, настоящая, блестящая обстановка, окружавшая дѣвушку, вѣяла какимъ-то холодомъ, отсутствіемъ теплоты жизни; въ ней было что-то декоративное, неестественное, взаимно-противуположное. Агаѳья Ильинишна, въ довольно странномъ нарядѣ, сидѣла на мягкихъ бархатныхъ креслахъ и гадала засалеными картами; въ передней торчалъ лакей въ черномъ ѳракѣ и бѣломъ жилетѣ, а между тѣмъ грязная горничная бѣгала, прислуживала и до-нѐльзя ѳамильярничала съ барыней; на столѣ, покрытомъ дорогой салѳеткой, ставились, безъ всякаго милосердія, чашки съ коѳеемъ, разбитая тарелка съ сухарями, иногда валялись орѣшныя скорлупы, апельсинныя корки и прочее; на изящной кушеткѣ мурлыкалъ котъ Васька; тюлевыя, на розовомъ подбоѣ, занавѣсы, прокоптѣли отъ табачнаго дыма. Да и самой Настенькѣ какъ-то лучше шла прежняя бѣдная обстановка. Въ богатомъ нарядѣ ей было неловко: непривыкла она къ нему, не сжилась съ нимъ и чувствовала себя не на мѣстѣ, не умѣла сидѣть на роскошномъ диванѣ; придетъ кто нибудь посторонній—сконѳузится окончательно, то слишкомъ разва-

лится, то черезъ-чуръ выпрямится, не знаетъ, что съ руками дѣлать, куда ихъ дѣвать.

— Хороша ты дѣвушка, кто говоритъ, а только выучки въ тебѣ нѣтъ, говорилъ ей какъ-то Василій Прохорычъ: — полировки мало! .. Одѣта ты теперича по модному, съ настоящимъ шикомъ, а поглядишь на тебя, такъ-то и другое преобразить нужно.... другая и хуже тебя, а выѣдетъ на гулянье, только держись, ноги протянетъ, чуть не кучеру въ спину упретъ, такъ всѣмъ въ глаза и тычетъ, пусть ихъ дивуются, да завидуютъ, покрайности форсъ есть!

— Вася, голубчикъ, что-жъ мнѣ дѣлать, не могу я этого, не привыкла видно, вѣдь мнѣ и самоё себя совѣстно какъ-то, отвѣтила Настя.

— Учись! стало быть нужно такъ, у Француженокъ что-ли заимствуйся, подтвердилъ Василій Прохорычъ.—Нарядовъ мало, вдвое дамъ, золотомъ оболью, дурака въ ливреѣ на козлы пущу, вмѣсто лошадей чертей впрягу, только бы, значитъ, знали, что я за человѣкъ такой.

— Вася, да на что тебѣ это, любишь ты меня, ну и спасибо тебѣ, до другихъ-то что?

Василій Прохорычъ тряхнулъ головой и вопросительно взглянулъ на Настеньку.

— Машина такая здѣсь! произнесъ онъ, ударяя себя въ лобъ; то есть весь бы свѣтъ взялъ и глядѣть на себя заставилъ!

Настенька пожала плечами и вздохнула.

Вообще, по наружности, Настенька была довольна, даже счастлива. Горе и бѣдность ея изчезли и представлялись какъ во снѣ, точно, по мановенію волшебнаго жезла, полное довольство вдругъ окружило ее. Не о чемъ ей заботиться, взглянетъ, слово скажетъ, и все готово; малѣйшая прихоть ея исполнялась немедленно. Какая разница съ прежнимъ положеніемъ, когда грубый лавочникъ поклепалъ ее въ воровствѣ, когда за нѣсколько мѣдныхъ грошей, она цѣловала руку у Агафьи Ильинишны. И Настенька сознавала эту разницу; для нея все было новостью, каждая бездѣлица занимала ее, порой приводила въ восторгъ. Она походила на ребенка, попавшаго въ лабиринтъ игрушекъ.

— Господи! и къ чему мнѣ все это, зачѣмъ онъ такъ тратится на меня? говорила она сама себѣ.

Только иногда какая-то безотчетная, незнакомая грусть вдругъ находила на дѣвушку; она не знала куда дѣть свое праздное время, какъ убить его. Работать нечего, да и зачѣмъ ей работать? Умственнаго занятія не знала она, не привыкла къ нему, разодѣнется какъ кукла, и скука возьметъ ее, ходитъ она изъ угла въ уголъ, то занавѣску поправитъ, то на новое платье взглянетъ, то шляпку примѣритъ, въ зеркало посмотрится, волосы перечешетъ, съѣстъ что нибудь, поболтаетъ съ горничной, и опять кругомъ ея скука! Сядетъ она и задумается, невольно перенесется въ прошедшее, вспомнитъ и мать и несчастнаго отца, вспомнитъ свою бѣдность лютую, свою тяжкую, трудовую жизнь, и тяжело станетъ на душѣ ея, пусто на сердцѣ, недостаетъ ему чего-то, душно въ богатомъ платьѣ, кажется, сорвала бы его; не рада Настенька своимъ мыслямъ, гонитъ ихъ отъ себя, а отогнать не можетъ. Только приходъ Агаѳьи Ильинишны разсѣетъ грустное раздумье; Настенька на время все забудетъ, смѣется, хохочетъ какъ ни въ чемъ не бывало; прежніе разсказы сосѣдки, когда-то заставлявшіе дѣвушку краснѣть, теперь отчасти даже нравились ей, доставляли нѣкоторое удовольствіе....

Въ первое время, Василій Прохорычъ, почти ежедневно, посѣщалъ свою новую знакомую, просиживалъ у ней часъ, другой и болѣе: потомъ, мало по малу, эти посѣщенія стали рѣже и восторги холоднѣе.

Василій Прохорычъ лежалъ на диванѣ и зѣвалъ. Настенька молчала.

— Барышня, разскажите что нибудь, говорилъ первый, переворачиваясь на бокъ.

— Да что расказать-то, ничего я не знаю, Вася.... вотъ каталась вчера.

— По Невскому, что ли?

— По Невскому.

— Сѣрый хорошо бѣжитъ?

— Хорошо.

— Небось духъ захватываетъ?

— Захватываетъ, отвѣчала Настенька.

Василій Прохорычъ самодовольно улыбался. Молчаніе, прерываемое одной зѣвотой, возобновлялось.

— А что, Настя, вѣдь я вчера прибилъ кого-то, начиналъ снова Василій Прохорычъ.

— Зачѣмъ же это, Вася?

— Для смѣху.... разгулялся, больно хмѣленъ былъ.

— И ничего?

— Ничего, сто рублей за оскорбленіе заплатилъ.

Подобнымъ разговоромъ дополнялся каждый визитъ Василія Прохорыча. Ему видимо не доставало чего-то, онъ не сознавалъ мирнаго, тихаго наслажденія, даже тяготился имъ, и, для своего развлеченія, сталъ посѣщать Настеньку не иначе, какъ въ сопровожденіи двухъ, трехъ задушевныхъ пріятелей, а въ особенности родственника, извѣстнаго читателю, Павлуши.

Долго, случалось далеко за полночь, просиживала здѣсь шумная, веселая, подгулявшая компанія; разсказывались грязные анекдоты, пѣлись пѣсни подобнаго же содержанія, сыпались самыя нестѣснительныя выраженія. Разодѣтая Настасья Семеновна, волей или неволей, должна была все выслушивать; она то краснѣла, то улыбалась, то притворялась, будто ничего не слышитъ или уходила въ другую комнату.

— Настасья Семеновна! чего спряталась? кричалъ Василій Прохорычъ, и Настенька снова являлась.—Пѣсню споемъ, вы подтягивайте, веселѣе будетъ!... Ну, «Акулининъ мужъ», продолжалъ онъ, обращаясь къ пріятелямъ.

Пѣсня, дѣйствительно, пѣлась, только Настенька не принимала въ ней участія; она стояла отвернувшись и разсѣянно смотрѣла въ окно.

— Что-жъ не поёте, не хорошо развѣ? спрашивалъ, улыбаясь Василій Прохорычъ.

— Я не умѣю, отвѣчала она, не оборачиваясь.

— Не умѣете, такъ учителя наймите, что за отговорки такія, моихъ денегъ что ли жалѣете, коли нужно, такъ перваго Итальянца потребуемъ!... Барышня, поцѣлуйте меня! прибавлялъ онъ неожиданно.

Настенька молчала и не двигалась съ мѣста.

— Что-жъ, барышня, не слышите развѣ?:.. Ваше благородіе, мадамъ, поцѣлуйте меня!

— Василій Прохорычъ! отвѣчала она, какъ бы прося о помилованіи.

— Что-жъ, стыдно небось, ничего, все свои люди, не взыщутъ, цѣлуйте, барышня!

Настасья Семеновна, сама себя не помня, приближалась къ своему деспоту и цѣловала его въ губы. Присутствующіе хохотали.

— Яша! пройдись съ барышней, повесели, вишь насупилась, говорилъ Василій Прохорычъ, обращаясь къ одному изъ своихъ пріятелей.

И пьяный Яша, какой-то угреватый дѣтина, насильно охватывалъ талью Настеньки, выдѣлывалъ самыя чудовищныя па, прыгалъ, скакалъ, какъ угорѣлый и, по окончаніи, требовалъ поцѣлуя, какъ вознагражденія за труды свои. Бѣдная дѣвушка порой отдѣлывалась какъ умѣла, порой подставляла свою разгорѣвшуюся щеку.

Иногда разгулявшійся Василій Прохорычъ увозилъ все общество на гулянье за городъ; тамъ происходило тоже самое, что дома, только въ болѣе широкихъ размѣрахъ. Компанія соединялась съ цыганами, опивалась, объѣдалась, горланила, била, шумѣла, полупьяныя цыганки выкрикивали дикія пѣсни; Василій Прохорычъ швырялъ имъ ассигнаціи, откалывалъ трепака.

— Шампанскаго! кричалъ онъ, пей, всѣ пей, кто не пьетъ окачивать буду!

Шампанское являлось, лилось въ горло присутствующимъ, на столы, на полъ.

Напрасно Настенька забивалась куда нибудь въ уголъ; ее насильно вытаскивали на середину, она чокалась съ своимъ покровителемъ, открыто подставляла ему свои губы, публично выслушивала ту похвалу себѣ, отъ которой содрогнулось бы самое холодное сердце.

— А что господа, говорилъ Василій Прохорычъ, обращаясь ко всѣмъ окружающимъ и указывая на Настеньку: — какова барышня! чего, завидно небось, француженкѣ не уступитъ,—настоящій деликатесъ; только что стыдлива малень-

ко, въ дресировкѣ не бывала.... Ты на шейку-то посмотри, продолжалъ онъ, приподнимая за подбородокъ голову дѣвушки: — такъ бы то есть и цѣловалъ все, сливки!

Настасья Семеновна не знала куда дѣваться; она краснѣла, ёжилась, закрывала шею, но не могла, а отчасти и не смѣла освободиться отъ дюжихъ рукъ неумолимаго Василья Прохорыча.

Разъ, при подобномъ обстоятельствѣ, обиженная Настасья Семеновна даже заплакала, но Василій Прохорычъ грозно взглянулъ на нее, она насильно проглотила слезы и тотчасъ улыбнулась. Только родственникъ Павлуша, нѣсколько сочувствовалъ Настенькѣ, принималъ иногда ея сторону.

— Конфузишь, вишь краснѣетъ! замѣчалъ онъ вполголоса своему наставнику; но послѣдній только ухмылялся, презрительно взглядывалъ на юношу и продолжалъ дресировку своей возлюбленной.

Вообще, Василій Прохорычъ любилъ Настеньку, какъ хорошую, рѣдкую вещь, какъ красивую, породистую лошадь, которой могъ похвастаться. Онъ прекрасно обставилъ дѣвушку, точно также какъ обставилъ-бы и лошадь — дорогою попоною, серебрянными хомутами и т. п. Самолюбіе его, исключительно состоявшее въ деньгахъ и въ возможно большемъ ихъ истребленіи, не позволяло дѣйствовать иначе. Онъ вывозилъ съ собой Настеньку, катался съ ней на сѣрыхъ рысакахъ; развалясь сидѣлъ въ бель-этажѣ въ театрѣ, не для себя, а для другихъ. Онъ радовался, когда какое нибудь значительное или богатое лицо засматривалось на его спутницу. Ему хотѣлось посредствомъ ея обратить вниманіе собственно на себя, на свое богатство.

— Настасья Семеновна, поправься, генералъ со звѣздой на тебя смотритъ! говорилъ онъ ей шопотомъ и внутренно улыбался.

Нравственныхъ, душевныхъ достоинствъ, Василій Прохорычъ, не искалъ въ Настенькѣ, да онъ и не понималъ ихъ; онъ не требовалъ отъ нее даже и любви къ себѣ; онъ смотрѣлъ на нее какъ на свою прихоть, забаву, игрушку, которой могъ распоряжаться какъ угодно и тѣшить кого угодно. Опошлѣвшій и испорченный до мозгу костей, онъ

искалъ въ женщинѣ не чистоты чувства, не симпатичности характера, не мягкаго женственнаго взгляда, не ласки, не согрѣвающаго поцѣлуя, а цинизма и растлѣнія. Это было полное холопство чувствъ, доведенное болѣе чѣмъ до животной грубости.

— Вотъ тебѣ на, миндальничать что ли съ нею? знаемъ мы ихъ! на то и деньги плачу, чтобъ во всемъ удовольствіе было, говорилъ онъ родственнику Павлушѣ, вступавшемуся за скромность дѣвушки.

Не мудрено, что у Настеньки не могло лежать сердце къ ея благодѣтелю; она дичилась и боялась его. Нельзя сказать, чтобъ Настенька была не расположена любить; нѣтъ, теплое сердце ея было открыто, она искала сочувствія, бредила имъ, только въ настоящихъ обстоятельствахъ ничто ни говорило этому сердцу, напротивъ все отталкивало, оскорбляло его.

Сначала обращеніе Василья Прохорыча только не нравилось Настасьѣ Семеновнѣ, ей хотѣлось поговорить съ нимъ какъ съ другомъ, хотѣлось раскрыть свою душу, а онъ болталъ пошлости и смѣялся надъ ея нѣжнымъ чувствомъ. Нерасположеніе Настеньки скоро перешло въ отвращеніе, она съ трепетомъ ожидала вечера, когда Василій Прохорычъ съ компаніей долженъ былъ явиться къ ней, оглядывалась кругомъ себя, какъ будто искала защиты и свободы.

Бѣдная женщина поняла наконецъ на какую дорогу попала она, но воротиться было поздно, да и какъ воротиться, съ чѣмъ, куда?.. Она закрыла глаза и пошла далѣе, куда ни приведетъ своенравная судьба.

— Нѣтъ, Агафья Ильинишна, опротивѣлъ онъ мнѣ; срамитъ только, говорила Настя своей бывшей сосѣдкѣ; были мы съ нимъ на этомъ проклятомъ вечерѣ, напился онъ пьянъ, бранится за чѣмъ я не пью, вѣрите-ли, кричитъ при всѣхъ, я говоритъ деньги за то плачу, чтобъ удовольствіе имѣть, я за свои деньги могу все требовать!.. ну, добро бы дома, я и не говорю ничего, привыкла ужь, а то, сами посудите, въ гостяхъ, публично, съ нимъ и стыдъ-то я потеряла и совѣсть, иной разъ какъ подумаешь, такъ страшно становится!.. и что это за пріятели у него, сказать срамъ, одинъ развѣ

Павлуша, кажется, онъ добрый..... И Настенька глубоко призадумывалась.

— Не обжились, навыку нѣтъ, серьезно замѣтила Агафья Ильинишна.

Настасья Семеновна взглянула на нее.

— И какъ это онъ деньги соритъ, такъ и смотрѣть тошно; больше половины капитала разсорилъ, говоритъ, хоть въ нищенство обращусь, а поживу покрайности. Познакомился теперь съ графомъ какимъ-то, а кто его знаетъ, графъ-ли еще, можетъ только что называется; и день и ночь кутитъ съ нимъ по трактирамъ, и пріѣзжаетъ еле-живой пьяный. А сказать ему ничего не смѣю, заикнулась я, такъ онъ, вмѣсто благодарности, назвалъ меня такимъ словомъ, какого я и въ жизнь не слыхивала! Она вздохнула, отвернулась и поспѣшно утерла выкатившуюся слезу.

Агафья Ильинишна улыбнулась и украдкой взглянула на дѣвушку.

— Настасья Семеновна! не совсѣмъ смѣло, произнесла она, слушайте вы меня или нѣтъ, извѣстно какъ вамъ угодно, на все воля ваша, мнѣ до этого дѣла нѣтъ, а только собственно изъ расположенія къ вамъ.,. не за ту струнку вы держитесь, Настасья Семеновна! Она замолчала и какъ-то пророчески взглянула на свою питомицу.

— Какъ за струнку? въ недоумѣніи произнесла послѣдняя.

— Не такъ держитесь, продолжала Агафья Ильинишна; теперича вы сами говорите, что онъ деньги соритъ, такъ этого вы допускать не должны, это ваше дѣло, до этого нельзя допустить!

Настенька хотѣла что то сказать, но Агафья Ильинишна прервала ее.

— Разорится и вамъ плохо придется, потерянное не скоро найдешь, да и время проходитъ, сами знаете... Вамъ, Настасья Семеновна, во всемъ угождать ему слѣдуетъ, потому, онъ человѣкъ характерный, перечить да раздражать, послѣднее дѣло,.. все это пустяки, только пріохотить себя.

Дѣвушка слушала свою гостью и, казалось, удивлялась ей.

— Пріохотить себя не трудно, человѣка расположить нужно, чтобъ то есть расположеніе къ вамъ имѣлъ, чѣмъ ему

деньги швырять на вѣтеръ, ужъ лучше пущай къ вамъ пойдутъ, покрайности на предки себя успокоите,... а то, сами посудите, какъ у васъ ничего нѣтъ, да и у него тоже, онъ ломоть-то отрѣзанный, попрощается да и шабашъ!... вѣдь все это прахомъ пойдетъ! добавила она, указывая на окружающіе предметы.

Настенька вздохнула.

— Пойдетъ-ли, нѣтъ-ли, все равно, Богъ съ нимъ, мнѣ чужаго добра не нужно, только бы не мучилъ меня... Агафья Ильинишна, вѣдь во мнѣ сердце есть, знаете, еслибъ меня любилъ кто, я бы кажется тому человѣку все, все отдала, лучше бы въ рубищѣ ходила, что мнѣ въ платьяхъ то въ этихъ, чужія онѣ, что въ нихъ, вѣдь не любитъ онъ меня.

— Стало быть любитъ, коли деньги даетъ! замѣтила гостья.

Настенька сидѣла, опустивъ голову.

— Ничего мнѣ не нужно, ничего, продолжала она въ какомъ-то раздумьи; я и сама не знаю, а только скучно мнѣ, такъ скучно, тяжело, страшно какъ-то!.. сидишь день деньской, думаешь, думаешь, чего только не передумаешь, все думается, хоть бы приласкалъ кто нибудь, утѣшилъ, успокоилъ, кажется все бы горе забыла, только бы ласковое слово услышать, а пріѣдетъ онъ, мыкаетъ какъ дѣвку послѣднюю.... нельзя такъ жить, нельзя!»

— Все можно, только бы деньги были, тогда и любите кого хотите, замѣтила Агафья Ильинишна.

— Какія деньги?!. не могу я этого! выразительно отвѣтила Настенька. — Чего еще захотятъ отъ меня, чего?.. неужто воровкой быть?!»

Агафья Ильинишна вздохнула и сомнительно покачала головой.

— Не всякій воръ, кто воруетъ! тихо произнесла она.

Дѣйствительно, чѣмъ дальше шло время, тѣмъ положеніе Настеньки становилось пошлѣй, безотраднѣй, настоящее опротивѣло ей, въ будущемъ ничего не было.—Часто, запершись въ своей спальнѣ, она сидѣла развалясь на кушеткѣ, мысли ея блуждали, ей представлялся какой-то мужчина, молодой, тихій, скромный, такой-же бѣдный какъ и она; си-

дитъ онъ возлѣ и смотритъ на нее, смотритъ долго, тепло, отрадно, Настенька разсказываетъ ему свое горе, «виновата» говоритъ, «я предъ тобой, прости ты мнѣ, испортили меня злые люди, не презирай меня,» и мужчина жметъ ея руки, цѣлуетъ, плачетъ вмѣстѣ съ ней; лицо Настеньки свѣтлѣетъ, улыбается; сидитъ она часъ другой, и не можетъ оторваться отъ своей мечты.—Иногда, напротивъ, подперевъ обѣими руками голову, безсознательно уставивъ глаза, съ выраженіемъ безсильнаго отчаянія, долго, неподвижно сидитъ дѣвушка.. Мерещатся ей какія-то женщины, слышитъ она неистовые крики, грубыя рѣчи, звонкій раздражительный смѣхъ, видитъ она тутъ и Агафью Ильинишну и себя и Василья Прохорыча и его пріятелей, а вонъ въ углу стоитъ отецъ и страшно ей становится, она невольно вздрагиваетъ, вскакиваетъ съ своего мѣста и опрометью бѣжитъ къ горничной.

— Даша! посиди со мной, посиди, погадай ты мнѣ! говоритъ Настенька.

Даша гадаетъ, предсказываетъ ей скорое свиданіе съ червоннымъ королемъ, любовное письмо, хлопоты и полное удовольствіе.

Иногда, встрѣтивъ на улицѣ маленькаго ребенка, Настенька останавливалась, нагибалась, съ какимъ-то особеннымъ наслажденіемъ всматривалась въ его личико, цѣловала его головку; — Чей ты? спрашивала она.

— Папинъ и маминъ, отвѣчалъ ребенокъ.

Настенька вздыхала грустно, отходила прочь и задумывалась; слова «папинъ и маминъ,» — долго звучали въ ушахъ ея.

Василій Прохорычъ день ото дня, болѣе и болѣе буйствовалъ, пьянствовалъ, разорялся и, на каждомъ шагу, оскорблялъ Настеньку. — Прежде она развлекала его, какъ игрушка; онъ вывозилъ, показывалъ ее, какъ рѣдкую вещь; теперь и это наскучило. Свѣжая атмосфера комнатъ Настеньки не нравилась Василью Прохорычу: сама она казалась ему слишкомъ обыкновенной; онъ требовалъ отъ нея грязи; полнѣйшаго забвенія всякаго стыда, отъявленнаго неистовства и безобразія. — Понятно, что Настенька не могла удовлетворить его.—Если Василій Прохорычъ изрѣдка и посѣ-

щалъ ее, то такъ себѣ, по силѣ привычки, отъ нечего дѣлать, съ похмѣлья или въ совершенно пьяномъ видѣ, то одинъ, то съ пріятелями.—Въ послѣднее время, онъ даже и обычныхъ денегъ не давалъ ей; она должна была обратиться къ Агафьѣ Ильинишнѣ, продать и заложить кое что изъ своего гардероба.

Однажды вечеромъ, въ гостиной Настеньки, Василій Прохорычъ храпѣлъ, развалясь на бархатномъ диванѣ.—Родственникъ Павлуша, повѣся голову и сложивъ на груди руки, какъ караульный часовой, мѣрными шагами ходилъ изъ угла въ уголъ.—Сама хозяйка сидѣла облокотясь на столъ, задумчиво выводила на немъ пальцемъ какіе-то узоры, повременамъ взглядывала на спящаго и вздрагивала.

Прошло нѣсколько минутъ.. Павлуша остановился.

— Спитъ! тихо произнесъ онъ, указывая на своего товарища.

Настенька утвердительно кивнула головой.

— Этакъ вы соскучитесь, снова замѣтилъ онъ.

Настенька подняла голову, взглянула на родственника и грустно улыбнулась.

Послѣдній, вѣроятно, понялъ смыслъ этой улыбки, потому что улыбнулся въ свою очередь, какъ бы въ отвѣтъ дѣвушки, отвернулся и принялся снова ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Знаете, Настасья Семеновна, началъ онъ нѣсколько спустя, не знаю отчего, а мнѣ все какъ-то совѣстно васъ, точно я въ чемъ виноватъ предъ вами, ей богу!

— Можетъ и виноваты! отвѣчала Настя.

— Я то?.. нѣтъ, Настасья Семеновна, я ни въ чемъ не виноватъ, честное слово не виноватъ! протяжно подтвердилъ онъ.

— Ну, такъ провинитесь! отозвалась хозяйка.

Павлуша взглянулъ на нее.

— Не знаю, не хотѣлъ бы, право не хотѣлъ бы! выразительно повторилъ онъ; знаете, еслибъ я провинился передъ вами, меня бы совѣсть замучила, вы такая милая, добрая; я уважаю и жалѣю васъ!

Настенька какъ-то пытливо взглянула на него.

— Да? тихо спросила она и вздохнула. «Благодарю васъ, за что же жалѣть меня?»

— Какъ за что? пустяки конечно, а только мнѣ кажется, что эти пустяки оскорбляютъ васъ, правда?

— Невыносимо мучатъ! поправила его дѣвушка.

Павлуша отвернулся. Молчаніе возобновилось.

— Наконецъ, кто знаетъ, началъ онъ нѣсколько спустя, очень тихо, за будущее ручаться нельзя, рано или поздно Василій Прохорычъ можетъ оставить васъ...

— Я буду очень рада! поспѣшно отозвалась Настенька.

Павлуша посмотрѣлъ на нее.

— Я буду счастлива! выразительно повторила она.

Василій Прохорычъ тяжело вздохнулъ, перевернулся, вытянулся на спинѣ и открылъ глаза.

Настенька невольно взглянула на него.

— Чего смотришь? прохрипѣлъ онъ, съ просонья.

— Ничего! отвѣчала дѣвушка и опустила глаза.

Вася, вставать пора, замѣтилъ родственникъ, продолжая ходить по комнатѣ.

— Встанемъ! отозвался Василій Прохорычъ и снова вытянулся.

Опять все замолкло.

— А что, мадамъ, началъ онъ довольно весело, вѣдь я у васъ давно не былъ, право давно, вы небось и знакомство тутъ завели?

Настенька подняла голову и вопросительно на него взглянула.

— Какое знакомство? произнесла она.

— Извѣстно какое, съ кѣмъ хорошей дѣвицѣ знаться слѣдуетъ, съ тѣмъ и завели, съ мущинами,.. офицеры что-ли какіе, кто ихъ знаетъ!

Настенька молчала.

— Знаемъ мы васъ, продолжалъ Василій Прохорычъ вѣдь вы вотъ только что прикидываетесь святостью такой, а чуть за двери, такъ я думаю разлюли малина... вы можетъ думаете я завидовать буду, я ничего, я люблю это!.. Вонъ поцѣлуйте его! онъ указалъ на товарища.

Послѣдній остановился, пожалъ плечами и взглянулъ на дѣвушку.

—Небось много денегъ скопили, а?.. хошь бы шипучимъ на свой счетъ угостили, я ничего, выпью, не побрезгую, мадамъ?.. Настасья Семеновна, глуха, что-ли? замѣтилъ Василій Прохорычъ, довольно серьезно.

— За что вы оскорбляете меня! произнесла наконецъ Настенька, не любите, надоѣла я вамъ, такъ обижать за что-же!., о какомъ знакомствѣ вы говорите? — что у меня стыда что-ли нѣтъ!?»

Василій Прохорычъ захохоталъ.

Павлуша прислонился къ печкѣ и угрюмо посматривалъ то на хозяйку, то на своего товарища.

— Такъ вамъ стыдно-съ! говорилъ послѣдній успокоившись, эка жалость какая, барышнѣ стыдно; что-жъ передничкомъ бы закрылись, я вонъ тоже мальчишкой былъ такъ своей бабушки и той стыдился, а теперь ничего, вытерся! добавилъ онъ съ нѣкоторою гордостію.

Настенька судорожно улыбнулась.

— Надоѣла я вамъ, противна стала, отпустите меня грустно произнесла она.

— Что-жъ на мытарство хочется? замѣтилъ Василій Прохорычъ.

— Куда бы ни было, не на радость только.

— Готовый хлѣбъ надоѣлъ, по улицамъ шляться лучше небось?.. подымите головку-то, чего опустили, васъ спрашиваютъ?

Настенька подняла голову.

— Господи, да за что вы поносите меня, что я вамъ такое сдѣлала, произнесла она, умоляющимъ голосомъ.

— Ничего не сдѣлала, что сдѣлать... стало быть хочу такъ, оттого и поношу, значитъ такъ моей милости угодно»! грубо отозвался Василій Прохорычъ. Эка фигура какая, и пошутить не смѣй... опять морду спрятала! громко крикнулъ онъ.

Настенька вздрогнула.

Павлуша стоялъ, опустивъ голову.

— Вася, полно тебѣ! тихо замѣтилъ онъ.

—А ты чего? крикнулъ Василій Прохорычъ и сѣлъ на диванъ, эка заступникъ выѣхалъ, коли жаль такъ и бери ее, не жениться ли вздумалъ!.. а я хочу ругаться такъ и ругаюсь, вотъ что! для своей отрады выругаюсь такъ, что любо дорого! никто мнѣ не указъ! хочу караю, хочу милую, на то я деньги плачу, кверхъ ногами ходить заставлю, такъ и ходи, такая на то воля моя, я за свои деньги чего захочу то и найду себѣ! только свисну, все прахомъ пойдетъ, все!.. Настасья, не рюмь, не раздражай ты меня, разгуляюсь, все переломаю»! добавилъ онъ, услышавъ всхлипыванье Насти.

Послѣдняя хотѣла было удержаться, но сдавленный стонъ невольно вырвался изъ груди ея.

— Обманулъ ты меня, Богъ накажетъ тебя! съ трудомъ выговорила она, вскочила, вышла въ другую комнату, повалилась на кушетку и зарыдала.

Василій Прохорычъ поблѣднѣлъ, руки его затряслись.

— Настя! пошла сюда, пошла!.. слышишь ты, прощенья проси! кричалъ онъ, стуча кулакомъ по столу.

Настенька продолжала плакать.

— Настя! повинуйся, не хорошо будетъ!

Павлуша стоялъ прислонившись къ печкѣ; губы его были стиснуты, физіономія выражала безсильную злобу, казалось, онъ готовъ былъ кинуться, вступиться за дѣвушку, защитить ее, но сознавалъ свои силы слишкомъ слабыми; онъ только изподлобья глядѣлъ, на расходившагося товарища и съ какою-то лихорадочною жадностію курилъ папиросу.

— Настя, замолчи! громче прежняго крикнулъ Василій Прохорычъ, всталъ съ своего мѣста, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ, швырнулъ стулъ попавшійся ему на дорогѣ и подошелъ къ двери.

Въ комнатѣ на минуту сдѣлалось совершенно тихо, но вдругъ рыданья Настеньки раздались сильнѣе прежняго.

Василій Прохорычъ затрясся... Настя! неистово крикнулъ онъ и рванулся за двери.

Павлуша выскочилъ на средину комнаты и остановился, вытаращилъ глаза, точно выжидалъ чего-то страшнаго, лице его было блѣдно, руки тряслись какъ въ лихорадкѣ.

Не стану описывать, что происходило въ сосѣдней комнатѣ, читатель самъ пойметъ, до чего могла дойдти грубая, необузданная, звѣрская натура полупьянаго купца.

Черезъ нѣсколько минутъ Василій Прохорычъ возвратился; онъ торжественно улыбнулся, тряхнулъ волосами, самодовольно взглянулъ на родственника, осмотрѣлся кругомъ, точно искалъ чего-то, нагнулся, схватилъ съ пола скамейку и пустилъ ее въ висѣвшее на стѣнѣ зеркало.

Куски его зазвенѣли и посыпались на полъ.

Василій Прохорычъ захохоталъ.

— Ничего не жаль, свои деньги платилъ! весело произнесъ онъ, обернулся, швырнулъ со стола богатую лампу, треснулъ ногой въ фортепьяно, такъ что изъ него доска вылетѣла, рванулъ занавѣсъ съ окошка, осмотрѣлся еще разъ, но вѣроятно не находя новой для себя пищи, тяжело опустился въ кресло.

— Натѣшился! произнесъ онъ и такъ вздохнулъ, точно совершилъ какое-нибудь доблестное дѣло.

Въ комнату вбѣжала горничная.

— Ты чего?.. вонъ! крикнулъ на нее Василій Прохорычъ.

Горничная исчезла.

— А что, Павлуша, каковъ я въ сердцахъ? ухорскій! прибавилъ онъ, нѣсколько спустя, обращаясь къ своему родственнику.

Послѣдній ничего не отвѣтилъ, сидѣлъ на диванѣ, опустивъ глаза въ землю.

— Такая ужъ страсть, умѣрить себя не могу, говорилъ Василій Прохорычъ; мадамъ, сердитесь что-ли? крикнулъ онъ, довольно весело.

Отвѣта не было.

— Ну ее къ чорту!.. ужинать поѣдемъ, пить хочу! Мадамъ не поминайте лихомъ, извините, мириться хотите, а?.. Онъ махнулъ рукой, хлопнулъ дверью и вышелъ.

Павлуша повѣся голову послѣдовалъ за нимъ.

Въ сосѣдней комнатѣ кто-то тяжело стоналъ.

Черезъ нѣсколько минутъ родственникъ возвратился, онъ тихо вошелъ въ гостиную, осматривался кругомъ, сѣлъ

на первый попавшійся стулъ, облокотился на спинку и принялся слушать.

За дверью происходилъ слѣдующій разговоръ.

— Уйди, Даша, уйди, Христа ради! слабымъ голосомъ говорила Настенька; спасибо тебѣ, я одна останусь, оставь ты меня.

— Эка напасть какая! да съ чего это онъ окаянный, рехнулся, что-ли? произнесла горничная.

— Ничего я не знаю, уйди, Даша! повторила хозяйка.

— Уйду, барышня, уйду, водицы не нужно ли?

— Ничего не нужно, уйди только.

Горничная подошла къ двери, но увидѣвъ неожидан но Павлушу, быстро отскочила.

— Барышня, тамъ тотъ баринъ сидитъ! говорила она съ испугомъ.

— Какой баринъ? шопотомъ повторила Настенька и выглянула въ гостиную.

Павлуша всталъ, глаза его были опущены, онъ не смѣлъ поднять ихъ и казался растеряннымъ, точно былъ пойманъ въ чемъ-нибудь предосудительномъ.

— Настасья Семеновна! еле слышно прошепталъ онъ.

— Хозяйка держалась за дверь, рука ея слегка дрожала, волосы были распущены, лице блѣдно; она вопросительно взглянула на гостя, съ ногъ до головы, точно сомнѣвалась въ чистотѣ его намѣреній, точно боялась, что вотъ изъ передней выскочитъ и Василій Прохорычъ.

— Что вамъ нужно? произнесла она со страхомъ, не сводя глазъ съ неожиданнаго посѣтителя.

— Ничего, Настасья Семеновна, простите меня! пробормоталъ послѣдній.

— Зачѣмъ вы здѣсь?.. что вамъ нужно? повторила Настенька, довольно строго.

— Успокойтесь, Настасья Семеновна, простите меня! снова пробормоталъ Павлуша.

Настенька пожала плечами.

— Уйдите отсюда, оставьте меня! произнесла она повелительнымъ тономъ; развѣ мало вамъ; меня завтра же здѣсь не будетъ, я не хочу ни видѣть васъ, ни говорить съ вами!

что нужно вамъ?.. пощадите меня! добавила она умоляющимъ голосомъ.

Павлуша поднялъ глаза.

— Настасья Семеновна! довольно смѣло началъ онъ, не гоните меня, я боялся за васъ, я не могъ не придти, я все видѣлъ, все слышалъ, я страдалъ вмѣстѣ съ вами! я никогда ничѣмъ не обидѣлъ васъ, ни словомъ, ни взглядомъ, вы сами знаете, вспомните все это время, вспомните что дѣлали другіе и что дѣлалъ я... Я всегда заступался за васъ, сердце мое не разъ обливалось кровью, я никогда не былъ расположенъ къ вашему оскорбителю, къ этому звѣрю, а теперь, я презираю его!.. не гоните меня, позвольте мнѣ въ послѣдній разъ говорить съ вами... я всегда уважалъ васъ, Настасья Семеновна, я любилъ и люблю васъ!..

При послѣднихъ словахъ Настенька слегка вздрогнула, на щекахъ ея выступилъ яркій румянецъ. Она молчала.

— Да, я люблю васъ! продолжалъ Павлуша, быть можетъ я признаюсь въ этомъ слишкомъ поздно, признаюсь самъ не зная для чего, я ничего немогу сдѣлать для васъ, ничего!.. прежде вы принадлежали другому, я только въ душѣ завидовалъ ему и молчалъ, я не могъ дѣйствовать иначе, я не смѣлъ говорить, я изучалъ и узнавалъ васъ, я любилъ васъ больше и больше!.. теперь, что теперь... я ничего не требую, ничего, простите вы меня... я хочу только, чтобъ вы знали, что есть человѣкъ который жалѣетъ васъ, плачетъ, страдаетъ вмѣстѣ съ вами, который истинно, горячо любитъ васъ! Онъ замолчалъ, на глазахъ его блеснули слезы.

Настенька не могла отвѣчать, она неподвижно стояла у двери, съ какимъ-то замирающимъ вниманіемъ слушала Павлушу. Каждое слово его отдавалось въ сердцѣ дѣвушки, кровь въ жилахъ остановилась, невѣдомое дотолѣ чувство освѣжило ея душу. Нѣсколько минутъ она простояла на мѣстѣ, безсознательно устремивъ глаза на противоположный уголъ комнаты, наконецъ, какъ со сна, шатаясь, подошла къ молодому человѣку, долго, пристально смотрѣла въ глаза ему, потомъ въ отчаяніи всплеснула руками, опустилась на стулъ и громко зарыдала.

— Били, били меня! повторила она всхлипывая.

Павлуша совершенно растерялся, онъ схватилъ руки Настеньки и цѣловалъ ихъ.

— Настасья Семеновна, Настасья Семеновна! говорилъ онъ сквозь слезы.

Настенька вдругъ перестала плакать; она выдернула свои руки и утерла глаза.

— Вамъ нельзя любить меня! спокойнымъ, но взволнованнымъ голосомъ произнесла она, вы добрый, благородный человѣкъ, вы золото до котораго я прикоснуться не смѣю, потому что замараю его; вы очень молоды, со мной вы себя погубите!.. я во всемъ признаюсь, во всемъ; вамъ стыдно любить меня, нельзя; вѣдь меня только за деньги любить могутъ!.. вы знаете ли кто я, чѣмъ стала я, знаете ли мое имя...» Она не договорила и навзрыдъ зарыдала.

Павлуша снова схватилъ ея руки.

— Настасья Семеновна! ради Бога, умоляю васъ, сжальтесь надъ собой, пощадите себя! говорилъ онъ такимъ голосомъ, въ которомъ дѣйствительно слышались и любовь, и сожалѣніе и страданіе.

Прошло нѣсколько минутъ; молодой человѣкъ стоялъ передъ Настенькой на колѣняхъ и цѣловалъ ея руки.

— Ну, любите меня! какъ-то отчаянно, съ лихорадочнымъ волненіемъ, говорила она. — Любите пожалуй! мнѣ все равно, терять нечего, хуже не будетъ! обманете, нѣтъ-ли, ваше дѣло, какъ совѣсть скажетъ... любите! меня никто не любилъ, никто!... умирать легче будетъ, любите, добавила она умоляющимъ голосомъ и громко засмѣялась.

Всѣ затаенныя до сихъ поръ чувства ея слились и вылетѣли наружу, она бросилась на грудь къ Павлушѣ, какъ бросается погибающій во время пожара на землю.

— Настасья Семеновна!... Настенька, повторялъ послѣдній, осыпая ее поцѣлуями.

— А вы-то будете любить меня? спросилъ онъ.

— Ничего я не знаю! отвѣтила дѣвушка и снова засмѣялась.

Долго въ какомъ-то забытьи, въ неподдѣльномъ восторгѣ смѣялась она, всматривалась въ глаза молодаго человѣка,

гладила его волосы — и вдругъ, переходя отъ одного чувства къ другому, плакала сквозь смѣхъ.

— Неужели еще можно любить меня?, громко вскрикнула она, схватила руки Павлуши и съ какой-то лихорадочною жадностью стала цѣловать ихъ.

IV.

Павлуша или Павелъ Петровичъ Липарскій, дворянинъ, былъ человѣкъ, какъ говорится, голенькій, жилъ исключительно небольшимъ казеннымъ содержаніемъ, нанималъ крошечную комнату гдѣ-то въ пятомъ этажѣ. Года три тому назадъ онъ вышелъ изъ учебнаго заведенія и попалъ подъ покровительство родственника своего, Василія Прохорыча. Молодой, неопытный мальчикъ скоро свыкся съ темной средой охватившей его жизни, тѣмъ болѣе, что эта жизнь не только ничего ему не стоила, напротивъ избавляла отъ нѣкоторыхъ необходимыхъ домашнихъ расходовъ. Только въ первое время, точно совѣсть мучила его, онъ стыдился чего-то, нѣсколько разъ давалъ себѣ слово рѣшительно отказаться отъ разгулья Василья Прохорыча, но послѣдній являлся и всякая рѣшимость Липарскаго исчезала; совѣсть успокоивалась, вчерашній стыдъ забывался, онъ нехотя отнѣкивался и въ душѣ радъ былъ слѣдовать всюду, куда прикажутъ. — Трать Павелъ Петровичъ хоть небольшія да свои деньги, онъ бы тотчасъ остановился; натура его была не изъ податливыхъ, а тутъ, какое дѣло, какъ не увлечься въ самомъ дѣлѣ, напоятъ, накормятъ, повеселятъ — все на чужой счетъ... Притомъ же и новость занимаетъ; многое не испытано, не изведано, такъ и попробовать хочется.

Василій Прохорычъ, съ своей стороны, таскалъ молодого человѣка потому, что считалъ его себѣ близкимъ родственникомъ. — Я ему жизнь показываю, практикѣ учу!» съ хвастовствомъ говорилъ онъ. Притомъ Павелъ Петровичъ совершенно подчинялся своему руководителю, благоговѣлъ передъ его деньгами, удивлялся его щедрости, *широкимъ* размахамъ его натуры и, такимъ образомъ, сдѣлался какой-то

необходимой, насущной потребностію кутежа Василія Прохорыча. Въ душѣ Липарскій не любилъ своего товарища, онъ отчасти даже гнушался имъ, ставилъ его ниже себя, оскорблялся его фамильярностью, но все сносилъ молча, терпѣливо, изъ боязни лишиться расположенія богатаго покровителя.

По характеру Павелъ Петровичъ былъ человѣкъ гибкій, и злой на столько, на сколько позволяли ему быть обстоятельства; личный, грошевый интересъ у него всегда и во всемъ стоялъ на первомъ планѣ; ради этого интереса, для собственнаго я, онъ готовъ былъ пожертвовать самыми святыми чувствами, готовъ былъ унизиться, въ случаѣ необходимости сдѣлаться отъявленнымъ негодяемъ. — Онъ негодовалъ, напримѣръ, на Василья Прохорыча за обращеніе его съ Настенькой, а между тѣмъ не сдѣлалъ ничего въ пользу дѣвушки, если и вступался за нее, то изрѣдка, осторожно, не желая дать замѣтить своего заступничества. Разсчетливый до нельзя, аккуратный до приторности, Павелъ Петровичъ считалъ безуміемъ истратить по пустякамъ лишнюю копѣйку, онъ никогда не ѣздилъ на извощикахъ, по крайней мѣрѣ на свой счетъ, собственноручно чистилъ и чинилъ свое платье, бережно укладывалъ его. Нельзя сказать, чтобъ причиной такихъ лишеній былъ недостатокъ денежныхъ средствъ, Липарскій былъ человѣкъ бѣдный, но запаснѣе многихъ богатыхъ, онъ любилъ деньги какъ вещь, любилъ ихъ блескъ, звонъ, онъ благоговѣлъ передъ ними и въ теченіи трехъ лѣтъ своей жизни, откладываньемъ, откладываньемъ, оттягиваньемъ со всего мало мальски возможнаго и другими средствами, быть можетъ даже благодаря щедрости пріятеля родственника, успѣлъ сколотить небольшой капиталъ. Вообще Павелъ Петровичъ былъ человѣкъ кулакъ, разсчетливый до педантизма, онъ ничего не дѣлалъ на авось, каждый шагъ его былъ пунктуально обдуманъ, онъ безпрестанно оглядывался назадъ, зорко всматривался впередъ.

Понятно, что такой человѣкъ не могъ истинно, безотчетно любить кого нибудь, любовь не могла стать въ его сердцѣ на первомъ планѣ, заглушить другіе интересы, при

нудить къ самопожертвованію, заставить забыться, увлечься.— Павлу Петровичу нравилась Настенька, потому что была недоступна ему, быть можетъ, онъ отчасти, по своему и любилъ ее, но любилъ не прямо, а какъ-то стороной, искоса, любилъ на столько, на сколько позволяла любить его черствая, копѣечная натура. Онъ уважалъ Настеньку, отличалъ ее отъ другихъ женщинъ окружавшаго его общества, потому, что она дѣйствительно отличалась отъ нихъ, потому, что другія женщины могли находить сочувствіе, только въ извращенномъ вкусѣ Василія Прохорыча. — Прежде Липарскій никогда даже не намекалъ Настенькѣ о любви своей, онъ зналъ, что она принадлежитъ другому, что этотъ другой человѣкъ богатый, что всякимъ намекомъ онъ только можетъ повредить себѣ, Настенька можетъ проболтатся, навлечь на него подозрѣніе и т. д. — Правда, последній нисколько не дорожилъ своимъ достояніемъ, онъ готовъ былъ уступить права свои всякому трактирному пріятелю,—Павелъ Петровичъ хорошо зналъ все это, но не хотѣлъ дѣйствовать насильно; онъ заискивалъ ея расположеніе постепенно и вкрадчиво. Онъ посѣщалъ ее только въ сопровожденіи Василія Прохорыча, почтительно цѣловалъ ея руку, смѣялся, когда она улыбалась, негодовалъ, скорбѣлъ въ душѣ, когда она жаловалась, плакала или сносила незаслуженныя обиды, но негодовалъ большею частію молча, а если иногда и высказывался, то такъ робко, не смѣло, что тотчасъ готовъ былъ отступится отъ своихъ словъ. — Вообще онъ выжидалъ поры, случая, когда могъ дѣйствовать безопасно, никого необижая, никому не мѣшая, не навлекая на себя никакихъ непріятностей; еслибъ такого случая не представилось, Павелъ Петровичъ махнулъ бы рукой и забылъ Настеньку.

Послѣдняя, съ своей стороны, всегда отличала Липарскаго отъ другихъ пріятелей Василія Прохорыча: онъ былъ образованнѣе, чище, скромнѣе ихъ, любить его она и не думала. Только иногда, въ минуты тяжелой грусти, когда сердце дѣвушки томилось пустотой, просило взаимности, когда она пристально взглядывалась въ настоящую свою жизнь, мысли ея какъ то невольно, безотчетно переносились на мо-

лодого человѣка, сравнивали его съ Васильемъ Прохорычемъ, со всѣмъ близкимъ, знакомымъ, окружающимъ и отдавали преимущество первому. Въ минуту страшнаго оскорбленія, вынесеннаго Настенькой, въ минуту полнаго физическаго и нравственнаго ея униженія, въ минуту совершеннаго отчаянія, когда казалось весь міръ заклеймилъ дѣвушку печатью презрѣнія, этотъ самый человѣкъ дѣлитъ ея участь, плачетъ вмѣстѣ съ ней, говоритъ ей первое слово, «люблю», не оскорбляя его звономъ золота. Настенька никогда не слыхала этого слова, она не знала его, сердце ея только бредило имъ и смутно отгадывало его значеніе, теперь она вдругъ поняла его, сразу почувствовала всю его прелесть, она вся отдалась этому слову, уцѣпилась за него, какъ за свое спасеніе.

На другой день, утромъ, въ гостиную Настеньки, вбѣжала, вся запыхавшись, Агафья Ильинишна.

— Ну, матушка, одолжила, говорила она, опускаясь на стулъ и съ трудомъ переводя дыханіе, Бога побойся, опомнись, повинись передъ нимъ, онъ тебѣ все проститъ, все, сегодня ни свѣтъ ни заря прислалъ за мной, я, говоритъ не сержусь, только что на ходу былъ, потому и поступилъ такъ, пусть повинится, говоритъ, все забуду, заплачу коли нужно.»

Настенька пристально глядѣла на нее.

— Велика важность вспылилъ человѣкъ, продолжала Агафья Ильинишна; вѣдь онъ за свои деньги вспылилъ то, разсуди ты это...подлецъ онъ, знаю, что подлецъ, а тоже и дурного въ немъ ничего нѣтъ, чтобъ такъ себѣ съ форсу и хвостъ показать, хошь бы деньгами запаслась.... помирись Настасья Семеновна, плюнь, говорю тебѣ помирись, слово скажи—онъ все забудетъ, не губи ты себя, пропадешь.

Настенька взяла Агафью Ильинишну за руки и какъ то торжественно произнесла. «Пропаду, нѣтъ ли, все равно, а только не троньте вы меня, не поминайте о немъ, я презираю его!. Слушайте! я со вчерашняго дня жить начала, мнѣ хорошо теперь, такъ хорошо! добавила она выразительно.

Агафья Ильинишна сомнительно взглянула на нее.

— Ну, матушка пятьдесятъ лѣтъ на свѣтѣ живу, на вся-

кихъ и хорошихъ и пакостныхъ людей насмотрѣлась, а такую сумасбродку впервые вижу. Она разставила руки.

Настенька улыбнулась.

— Ужъ не повредилась ли ты? спросила Агафья Ильинишна, не переставая глядѣть на дѣвушку.

Въ самомъ дѣлѣ глаза Настеньки блестѣли ярче обыкновеннаго, щеки ее горѣли, грудь высоко поднималась, отъ лица ея вѣяло полнымъ счастіемъ.

Гостья отодвинулаcь.

Отойди ты отъ меня, отойди! произнесла она съ нѣкоторымъ испугомъ.

Настенька засмѣялась.

— Я стала женщиной, настоящей женщиной! говорила она весело, я люблю.

Агафья Ильинишна снова взглянула на нее.

— И впрямь рехнулась! вполголоса замѣтила она.

— Меня тоже любятъ! продолжала Настенька, не за деньги, а такъ отъ души, отъ сердца!...И какъ это хорошо, любить, и живешь и думаешь, все иначе.

Агафья Ильинишна встала.

— Пропадшая ты! говорила она, презрительно качая головой, сгубила ты себя, ни за что сгубила, на хорошую дорогу попала, да держаться не умѣла, дуришь ты, нѣтъ ли, кто тебя знаетъ, а только плохо будетъ, Настасья Семеновна, право плохо!.. неужто такъ таки и покончила съ нимъ, и денегъ ничего не взяла? добавила она неожиданно.

— Покончила! отвѣтила Настенька и засмѣялась. Стало быть правду говорятъ, нѣтъ худа безъ добра: не прибей онъ меня, я бы и до сихъ поръ все маялась, маялась а тутъ»!..

— Тфу, ты безпутная!.. прибили, да мало видно, съ сердцемъ отозвалась Агафья Ильинишна, плюнула и вышла въ переднюю.» Вѣдь живетъ же народъ этакой отпѣтый!» добавила она, выходя на лѣстницу.

Въ тоже самое время, въ квартирѣ Липарскаго происходилъ слѣдующій разговоръ.

— Чортъ знаетъ что такое! говорилъ Павелъ Петровичъ одному изъ своихъ пріятелей; не понимаю что и сдѣлалось

со мной! мнѣ всегда ее какъ то жаль было, такая она скромная, да тихая, а тутъ до остервененія дошелъ, вѣдь сказать стыдно, заплакалъ, ей богу заплакалъ! ну, какъ бить женщину, самъ посуди... а какая дѣвочка-то, прелесть, просто прелесть!»

— Счастливецъ! замѣтилъ пріятель.

— И что пріятно, расходовъ никакихъ, продолжалъ Павлуша, такъ я и объявилъ ей, сама послѣднюю юпку съ себя отдастъ, влюбилась въ меня до зарѣзу.

— А пріударить можно будетъ? спросилъ гость.

— Еще бы не можно, разумѣется можно,.. особа извѣстная! утвердительно рѣшилъ Липарскій и засмѣялся.

Скоро Настенька переѣхала на новую квартиру.—Она наняла небольшую комнату, по близости того мѣста гдѣ жилъ молодой человѣкъ, мило, чисто, уютно убрала ее, распродала всѣ лишнія вещи, оставивъ у себя только самыя необходимыя, выручила за нихъ порядочныя для себя деньги, снова надѣла простенькое ситцевое платье и зажила совершенно спокойно.

По цѣлымъ днямъ она просиживала у Павла Петровича, иногда кое что работала, иногда шутила, смѣялась, прыгала, радовалась какъ ребенокъ, болтала безъ умолку. Даже и въ отсутствіи хозяина она оставалась въ его комнатѣ, пересматривала платье, чистила, чинила что нужно, мыла перчатки, дѣлала папиросы, шила новые галстухи. Случалось, что и Павелъ Петровичъ, въ свою очередь, посѣщалъ Настеньку: тогда дѣвушка выдумывала все, чтобъ только ублажить дорогаго гостя; квартирка ея приводилась въ безукоризненный порядокъ, заказывался довольно изящный обѣдъ, покупалось хорошее вино, сама хозяйка надѣвала шелковое, праздничное платье. Вообще Настасья Семеновна не знала какъ угодить молодому человѣку, какъ прочнѣе скрѣпить любовь его; она, казалось, чувствовала что счастіе ее ненадежно, что рано или поздно оно рухнется.

— Что ты, Настенька, что съ тобой? говорилъ какъ-то Павелъ Петровичъ, возвратясь домой и, неожиданно заставъ свою гостью въ слезахъ; что ты, обидѣлъ кто тебя?

Настенька молча указала на лежавшее на столѣ бѣлье.

— Стыдно вамъ, стыдно! говорила она, вонъ швея рубашки принесла, вы думаете я и шить не умѣю, хуже я ее, что-ли?.. даромъ деньги платите, вонъ воротъ какъ сшила, это на что похоже, на что?!. Она схватила одну рубашку, развернула ее и показывала Липарскому. Я распорю, Павлуша, я одна должна шить на тебя, одна слышишь; не смѣй ты никому отдавать, не обижай ты меня!»

Дѣйствительно Настенька, чѣмъ только могла, пособляла Липарскому, избавляла его отъ нѣкоторыхъ расходовъ; то табаку принесетъ, то банку помады подаритъ, чай весь выйдетъ, она ничего не скажетъ, купитъ на свои деньги. Павелъ Петровичъ совѣстился, благодарилъ, отнѣкивался или дѣлалъ видъ, будто не замѣчаетъ этихъ пожертвованій, даже удивлялся какъ чай долго держится. Разъ какъ-то онъ взялъ у Настеньки пять цѣлковыхъ взаймы, да такъ и не отдалъ.

Прошло пять шесть мѣсяцевъ, истинно, безотчетно любящая женщина была попрежнему совершенно счастлива; она вся жила настоящимъ, въ будущее не хотѣла и заглядывать.

Агафья Ильинишна окончательно вознегодовала на свою бывшую сосѣдку.

Пропала, говорила она, съ шаромыгой связалась, такъ добра нечего ждать!

А между тѣмъ деньги, вырученныя дѣвушкой, за проданныя вещи малу по малу исчезали, по неволѣ приходилось подумать о средствахъ для существованія, отъ этой заботы отвыкла она, какъ быть, къ кому обратиться, работать нужно и Настенька невольно стала задумываться.

Однажды вечеромъ Павелъ Петровичъ сидѣлъ у себя дома и читалъ книгу. Настенька помѣщалась напротивъ; она облокотилась обѣими руками на столъ, положила на нихъ голову и умильно, съ какою-то особенно теплою улыбкою, смотрѣла на хозяина. Волосы ея, по прежнему гладко зачесанные назадъ, нѣсколько растрепались, щеки горѣли, широкія рукава на платьѣ засучились и обнажили бѣлыя, какъ снѣгъ руки. Она не походила на прежняго еще не распустившагося ребенка, теперь все въ ней дышало красотой свѣжестью и полнымъ развитіемъ, большіе голубые глаза смотрѣли какъ-то бойчѣе, откровеннѣе, всѣ движенія приняли

опредѣленный, самостоятельный характеръ, сдѣлались болѣе живыми, дѣтская робость исчезла, даже говорить Настенька стала какъ-то громче, развязнѣе, чаще смѣялась. Словомъ, изъ запуганнаго ребенка, изъ неопытной, застѣнчивой дѣвушки она обратилась въ женщину.

— Знаешь, Настенька, я все хочу спросить тебя, началъ Павелъ Петровичъ и положилъ на столъ книгу; конечно мнѣ до этого пожалуй и дѣла нѣтъ, я собственно изъ любви къ тебѣ изъ участія, мнѣ право такъ совѣстно, я тебѣ денегъ не даю, не могу давать, ты знаешь какъ ограничены мои средства, я тебѣ говорилъ это.

— Что это ты выдумалъ? я отъ тебя денегъ никогда не возьму, отвѣтила Настенька, не измѣняя своего положенія.

Молодой человѣкъ самодовольно улыбнулся.

— Еслибъ давалъ, такъ взяла бы, замѣтилъ онъ.

— Никогда, ей богу никогда, по міру пойду, а не возьму! подтвердила дѣвушка.

— Но нужно же чѣмъ нибудь жить? я понимаю, что безъ денегъ жить нельзя, я знаю что ты меня любишь, вполнѣ цѣню, уважаю тебя, если не чѣмъ другимъ, такъ желалъ бы хоть совѣтомъ помочь.

— Какимъ это? протяжно произнесла Настенька.

— Какъ жить, нужно же жить, нужно деньги имѣть!

— Я имѣю! наивно отвѣтила она.

Павлуша засмѣялся.

— Какая богачиха! можно спросить откуда?

— Извѣстно откуда, я свои вещи продала, вотъ и деньги!

— Только-то?.. а много истратила изъ нихъ?

— Павлуша! что за вопросы такіе, къ чему все это?.. истратила сколько нужно, вотъ и все тутъ, не твое дѣло! добавила Настенька полушутливымъ и полусерьезнымъ тономъ.

— Конечно не мое дѣло, я люблю тебя, оттого и спрашиваю... что дѣлать, нужно доставать деньги! снова замѣтилъ Павелъ Петровичъ.

— Я и достаю, какъ-то глухо произнесла дѣвушка.

Липарскій взглянулъ на нее.

— Знаю что достаешь, а только... вотъ видишь, ты не

откровенна со мной, грѣшно тебѣ!.. разумѣется, у тебя есть кто нибудь, отчего-жъ не сказать прямо, кто, разсуди сама, развѣ я могу обижаться на это, такъ должно быть, неможешь же ты жить такъ, сама по себѣ, я бы даже помогъ тебѣ, познакомилъ бы тебя, а то Богъ знаетъ кто такой, ты себя мало цѣнишь! Настенька подняла голову.

— Кто есть?.. никого нѣтъ! отвѣтила она и вопросительно взглянула на Павлушу.

Послѣдній опустилъ глаза.

— Кто нибудь, кто помогаетъ тебѣ... кто тебя знаетъ? вѣдь ты не говоришь, произнесъ онъ.

— Никто мнѣ не помогаетъ, повторила Настенька.

Молодой человѣкъ улыбнулся.

— Кажется со мной церемониться нечего, вѣдь я не ребенокъ, понимаю вещи какъ слѣдуетъ, что за нелѣпость, вотъ ты и по вечерамъ одна ходишь, и... наконецъ не можетъ же быть!.. Онъ не договорилъ, Настенька взяла его за руку.

— Павлуша посмотри на меня, произнесла она съ разстановкой, пристально глядя на Липарскаго; я понимаю про что ты говоришь, я сама скажу тебѣ... ты думаешь, она нагнулась и шепнула ему на ухо, стыдно, стыдно тебѣ Павлуша!.. я другая стала съ тѣхъ поръ какъ люблю тебя, я не могу больше никого любить, ты спасъ меня, не будь тебя я была бы хуже, я бы... а теперь мнѣ все противно, все постыло, я живу тобой однимъ.

Липарскій пожалъ плечами.

— Мало ты знаешь меня, мало! пощади ты меня! продолжала Настенька, подумай только, я никого не любила до тебя.

— Любовь сама собой, хладнокровно отвѣтилъ Павелъ Петровичъ, положимъ ты меня любишь, благодарю тебя, я знаю это... кто заставляетъ тобя любить другаго а только,.. что-жъ дѣлать, нехорошо, непріятно, но нужно же жить чѣмъ нибудь!

Настенька всплеснула руками.

— Павлуша! вѣдь у меня все же стыдъ, совѣсть есть;

ты думаешь это легко, вѣдь это страшно, Павлуша, такъ страшно!..

— Кто тебя знаетъ, можетъ быть!... сомнительно замѣтилъ Липарскій.

— Не можетъ быть, а клянусь тебѣ!... возьми съ меня какую хочешь клятву, жизнь мою если нужно! выразительно повторила Настенька и изъ глазъ ея закапали слезы.

Павелъ Петровичъ обнялъ и поцѣловалъ дѣвушку.

— Прости меня, это слишкомъ много, я не стою, не ожидалъ, я просто не хочу этого, слышишь не хочу!

— Я хочу! отвѣтила Настенька и весело улыбнулась.

— Вѣдь много-ли мнѣ одной нужно, разсуди ты только сработаю что нибудь, вотъ и достану и тебѣ еще помогу, послѣднимъ подѣлюсь, только не обмани, люби меня!

Молодой человѣкъ снова поцѣловалъ ее. Настенька отвѣтила ему тѣмъ же.

— Вотъ, Павлуша, говорила она нѣсколько спустя; не хотѣла я до поры до времени говорить тебѣ, что думаю, еще осердишься пожалуй, а теперь скажу, тогда скорѣе повѣришь ты мнѣ.... знаешь, Павлуша, у насъ дитя скоро будетъ! добавила она весело и остановила долгій, пристальный взглядъ на Липарскомъ.

Послѣдній, въ свою очередь, посмотрѣлъ на дѣвушку.

— Вотъ какъ! отвѣтилъ онъ какъ-то уклончиво, всталъ съ своего мѣста, подошелъ къ письменному столу и отвернулся.

— Хорошенькое дитя!.. какъ я его любить буду. Господи, какъ буду! повторила Настенька.

— Разумѣется, будешь! отозвался Павелъ Петровичъ не оборачиваясь; вотъ и новая забота,.. ты, Настенька, прости меня, какъ себѣ хочешь, а только, я впередъ говорю, на меня не расчитывай, у меня право ничего нѣтъ, вонъ портному нужно отдать, сапожнику заплатить! довольно жалобнымъ голосомъ добавилъ онъ.

— А любить будешь? спросила Настенька.

— Конечно буду! отвѣтилъ Липарскій.

— Ну и слава Богу! остальное придетъ, гдѣ любовь тамъ и все! замѣтила дѣвушка, вздохнула и задумалась.

Этотъ разговоръ не совсѣмъ выгодно подѣйствовалъ на Павла Петровича, извѣстіе сообщенное Настенькой, довольно сильно взволновало его.

Вѣдь не хорошо это, думалъ онъ самъ съ собой, бережно снимая халатъ и укладываясь въ постель; право не хорошо, далеко зашелъ и за что она такъ любитъ меня?.. мало-ли что можетъ быть, ну вздумай я жениться, богатая невѣста представься, тогда что, съ ней и не раздѣлаешься пожалуй,... еще и ребенокъ, ну куда она дѣнетъ его?.. чортъ знаетъ, ни съ того ни съ сего вдругъ отцомъ сдѣлался, скверно!.. бросить ее, жаль, какъ бросить, и для себя тоже, кромѣ хорошаго она мнѣ ничего не сдѣлала, опять же и подло очень, очень подло!... Долго не могъ заснуть молодой человѣкъ, Настенька мерещилась въ его воображеніи, то она представлялась ему веселая, счастливая, то убитая въ слезахъ, исхудалая. Протягиваетъ она своего ребенка, поцѣлуй его, говоритъ, ты отецъ ему, и Липарскій третъ съ просонья губы, прячетъ въ подушки голову и нехотя кого-то цѣлуетъ.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Средства Настасьи Семеновны истощились окончательно, въ карманѣ оставался последній рубль, думала она напомнить Павлу Петровичу о его долгѣ, да посовѣстилась какъ-то и отправилась хлопотать о работѣ. Много улицъ обѣгала она, много измѣрила лѣстницъ, перебывала у старыхъ знакомыхъ, на которыхъ прежде работала, но одни изъ нихъ переѣхали, другіе забыли про Настеньку, попробовала она зайти въ одинъ, другой модный магазинъ, но все напрасно, гдѣ не нужно, гдѣ велятъ другой разъ придти, устала, измучилась дѣвушка и достала наконецъ сшить какую-то дѣтскую рубашечку.

Продала Настенька снова кое-что изъ своихъ вещей, спустила все, что было нѣсколько по лучше, опустѣла ея комнатка, опять достала какую-то рубашенку, промаялась еще нѣсколько времени, а тамъ какъ быть? ни работы, ни денегъ, ничего нѣтъ, такая пора пришла, что и ѣсть нечего. Случись это временно, такъ и не бѣда бы, а то впереди ни одной надежды, что дѣлать!... Думала, думала Настенька и нанялась въ какой-то модный магазинъ поденщицей по полтинѣ

въ сутки, переѣхала на другую квартиру, уже не въ отдѣльную комнату, а въ темный уголъ.

Тяжело было дѣвушкѣ, долго не могла она привыкнуть къ новой окружавшей ее сферѣ, къ ея шуму и грязи. Встанетъ рано утромъ, въ магазинъ бѣжитъ, сидитъ въ немъ не покидая иголки, согнувши спину, до девяти часовъ вечера, не томитъ ее работа, рада бы она и дольше сидѣть, да только одна, въ своей прежней, уютной комнаткѣ, а тутъ штукъ двадцать дѣвушекъ окружаютъ ее, хохочутъ, пѣсни поютъ, болтаютъ безъ умолка, да такъ нехорошо все, прибѣжитъ мадамъ хозяйка, браниться начнетъ, скверно, душно какъ-то! Придетъ вечеръ: вырвется Настенька на чистый воздухъ, и бѣжитъ опрометью на квартиру Павла Петровича— хорошо какъ дома онъ, а какъ нѣтъ, нужно домой идти, и невольный тяжелый вздохъ просится изъ усталой груди. Поднимется она кое-какъ по темной, отвратительной лѣстницѣ, забьется въ свой уголъ, рада бы успокоиться, отдохнуть, ничего не видѣть, ничего не слышать, а тутъ въ другомъ углу старуха нѣмка кофій жаритъ, ребенокъ въ люлькѣ кричитъ благимъ матомъ, въ сосѣдней комнатѣ пьяный солдатъ бранится, за стѣной уличный музыкантъ пилитъ на скрипкѣ.

— Ты ко мнѣ не ходи, Павлуша, какъ-то говорила Настенька, у меня скверно, жаръ такой, тутъ и русская печка топится, кушанье въ ней варятъ, воздухъ тяжелый, иногда просто спать не могу, голова разболится.... и что это за народъ въ этомъ домѣ живетъ, такъ я и невидывала, у насъ то ничего еще, благодать, а въ сосѣдней квартирѣ одна комната, а въ ней жидовъ человѣкъ десять, да такіе страшные все, ей-богу!

— Ты бы въ другомъ мѣстѣ наняла, хладнокровно замѣтилъ Липарскій.

— Гдѣ въ другомъ-то, ужь сколько бѣгала да искала, чуть гдѣ почище, такъ меньше пяти рублей ничего нѣтъ, а я всего три плачу, развѣ подальше гдѣ нибудь.

— Подальше дешевле, подхватилъ Павелъ Петровичъ.

Настенька взглянула на него.

— Мнѣ возлѣ тебя жить нужно! твердо произнесла она. Долженъ ты меня любить, Павлуша, право долженъ, не

будь тебя не стала бы я жить такъ, ей богу не стала бы не вынесла бы, а тутъ, точно переродилась со всѣмъ... сидишь въ магазинѣ, скучно, скверно, а вспомнишь о тебѣ, всякое горе забудешь, сердцу легче такъ хорошо и отрадно станетъ!... И какія тамъ дѣвушки гадкія, такъ смотрѣть срамъ, другой то и всего лѣтъ пятнадцать, а послушаешь ее, такъ даже совѣстно станетъ: вечера дождутся, работу кончатъ, глядишь и разбрелись всѣ, иная только къ утру домой вернется. Она покачала головой. Какъ тебя часто нынче дома нѣтъ, Павлуша, добавила она нѣсколько грустно.

— Дѣлъ много, отвѣтилъ Липарскій. «Меня въ это воскресенье тоже дома не будетъ».

Настенька чуть не заплакала.

— Ты мнѣ все же позволь придти сюда, произнесла она.

— Приходи, только что-жь дѣлать, одна будешь, подтвердилъ Павелъ Петровичъ.

Мѣсяца три спустя, въ душной, сырой, полутемной комнатѣ, съ закопченными окнами, за ситцевой занавѣской, на ветхой красной кровати, подъ засаленымъ толстымъ одѣяломъ, сидѣла Настасья Семеновна, съ ребенкомъ у груди. Блѣдное, больное лице ея отрадно улыбалось, съ длинныхъ рѣсницъ падали слезы. Она осторожно легла, положила возлѣ себя ребенка и перекрестила его.

— Луиза Ивановна! обратилась она слабымъ, едва слышнымъ голосомъ, къ бывшей за перегородкой старухѣ; одолжите, голубушка, бумажки кусочекъ, тамъ въ сундукѣ лежитъ у меня, такъ достать потрудитесь, мнѣ записку написать надо».

Старуха что-то прохрипѣла и черезъ минуту протянула женщинѣ листъ сѣрой бумаги, перо и чернильницу.

Настенька снова сѣла, положила на колѣни подушку и дрожащею рукою принялась писать слѣдующее:

«Голубчикъ Павлуша! вчера намъ Богъ далъ дочку, вылитую въ тебя. Какая хорошенькая! Ко мнѣ ты не ходи, какъ поправлюсь, такъ въ хорошую погоду, сама принесу къ тебѣ наше сокровище. Ради Бога, одолжи мнѣ пять рублей: такая нужда пришла что бѣда, и то у хозяйки цѣлковый

заняла, выздоровлю отдамъ; еслибъ не такой случай, не стала бы безпокоить тебя».

Она сложила письмо и написала адресъ.

— Луиза Ивановна, голубушка, попросите Гришу сбѣгать, я ему на пряники дамъ, произнесла она.

Старуха снова что-то прохрипѣла, протянула руку, взяла письмо и вышла изъ комнаты.

Павелъ Петровичъ написалъ слѣдующій отвѣтъ:

«Милая Настенька! поздравляю тебя съ дочерью и посылаю пять цѣлковыхъ, все что имѣю; не сердись если при случаѣ скажу тебѣ нѣсколько словъ. Неужели ты до сихъ поръ не можешь образумиться и измѣнить свой глупый, нелѣпый образъ жизни; къ чему эти лишенія, эти постоянные, каждодневные копѣечные труды, къ чему всё это? Я понимаю, что трудно рѣшиться на первый шагъ, но онъ уже сдѣланъ, зачѣмъ же останавливаться?... Если ты жертвуешь собой для меня, изъ любви ко мнѣ, то повторяю тебѣ: я этихъ жертвъ не хочу, не могу хотѣть, для твоего же счастія я требую отъ тебя другой жизни, я не перестану уважать, любить тебя. Положимъ ты не найдешь того, чѣмъ пользовалась у Василья Прохорыча, но избавишься отъ грязи, холода и голода, отъ тяжелой обязанности выпрашивать пять цѣлковыхъ. Придетъ время, когда попросишь еще пять, тамъ десять, двадцать, и я откажу тебѣ. Подумай только что предстоитъ впереди, ты не одна теперь, въ услуженіе съ ребенкомъ не возьмутъ, работать ходить тоже нельзя, на кого оставишь его, а какъ ребенку нечего ѣсть будетъ, такъ поневолѣ все забудешь, на все рѣшишься. Лучше подумать заранѣе, ты молода, хороша и можешь устроить себя. И что за самоотверженіе, къ чему оно?.. неужели ты думаешь, что при тѣхъ обстоятельствахъ, въ какихъ ты находишься, кто нибудь повѣритъ твоей непорочности; увѣряю тебя никто, я знаю тебя, знаю всѣ твои страданія, а мнѣ и самому вѣрится трудно. Помнишь того рябого, лысаго старичка, котораго раза два видѣла у меня, онъ имѣетъ кое-какіе деньги, ты ему нравишься, онъ можетъ помогать тебѣ. Подумай Настенька, перестань дурить, а я руки умываю, что дѣлать, я впередъ говорилъ тебѣ».

*

Настенька нѣсколько разъ перечитала письмо, по щекамъ ее текли слезы, она опустилась на подушку, закрыла глаза, долго о чемъ-то думала, грудь ея высоко поднималась, она вся сильно вздрагивала. Съ часъ пролежала женщина въ такомъ положеніи, наконецъ очнулась, сѣла на кровать и попросила снова бумаги.

«Голубчикъ Павлуша!» писала она, «не сердись только, прости ты меня бѣдную, горемычную; сама не знаю что дѣлаю! Такъ я къ тебѣ привязалась, что и сказать нельзя, сама не рада, лучше бы вѣкъ не знать тебя. Какъ получила твое письмо такъ горько мнѣ стало, очень горько, кажется еслибъ не ребенокъ малый, ни на минуту не задумалась бы покончить съ жизнью. Ты назовешь меня съумасшедшей, ну да ничего, лишь бы не бранилъ только. Женись на мнѣ, Павлуша, я тебѣ буду хорошей, самой вѣрной женой, возьми ты съ меня клятву въ томъ: любить тебя буду больше свѣта божьяго, молиться тебѣ стану. Я вѣдь дворянка все же, ты знаешь, у меня отецъ чиновникъ былъ. Денегъ твоихъ мнѣ не нужно, я на себя выработаю, квартира твоя и для женатаго хороша, двухъ комнатъ довольно, лишь бы счастливымъ быть, да любить другъ друга, я тебѣ все замѣню и услуги никакой не понадобится. На свадьбу тоже расходовъ никакихъ не нужно, можно такъ сдѣлать что никто и знать не будетъ. И Полинькѣ (имя нашей дочери) хорошо бы было, ужъ отецъ такъ отецъ настоящій а то и сказать совѣстно. Прости меня: а только такъ любить тебя никто не будетъ, опротивѣла мнѣ эта жизнь, да и впереди что ожидаетъ меня, спаси, Павлуша. Благодарю тебя за пять рублей. Если засмѣешься словамъ моимъ, то и забудь про нихъ, не сердись только. Написала я, а послать боюсь, не казни ты меня».

Дѣйствительно Настенька сложила письмо, надписала адресъ, положила на языкъ облатку, дрожащею рукою запечатала свое посланіе, но долго еще сидѣла съ нимъ, долго смотрѣла на него и въ рукахъ вертѣла, потомъ легла, положила подъ подушку и только черезъ нѣсколько минутъ попросила Луизу Ивановну отправить его.

Получивъ письмо, Павелъ Петровичъ сначала сдѣлалъ

недовольную мину и швырнулъ его, потомъ взялъ, распечаталъ, принялся читать, но вдругъ остановился и вытаращилъ глаза. Нѣсколько минутъ, онъ не могъ придти въ себя, отъ досады и удивленія, теръ рукою лобъ, какъ будто соображалъ что-то, лице его даже поблѣднѣло, онъ казался потеряннымъ, испуганнымъ и вдругъ громко захохоталъ, только какимъ-то принужденнымъ, ненатуральнымъ смѣхомъ.

— Жениться! на ней жениться! отрывочно повторялъ онъ, да что она съ ума сошла, рехнулась что-ли?!... вотъ штуку то сочинила!.. однако, этимъ шутить нельзя, это скверно чортъ возьми, она еще вздумаетъ жаловатся, замараетъ меня, опять же этотъ ребенокъ!?... Онъ задумался. Нѣтъ, матушка, врешь! погоди, я отважу тебя... вѣдь напакостить можетъ, напакоститъ такъ, что и не радъ будешь!. Этакая глупая баба, вотъ съ лѣшимъ связался, влюбилась какъ кошка угорѣлая, тьфу!. Онъ плюнулъ и принялся ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.—Пойдетъ просить начальство, расплачется, разревется!... вѣдь попутала же меня нелегкая, олухъ, дуракъ!... разтаялъ, разнѣжился!.. велика важность, дѣвчонка больше ничего, мало ли этой сволочи, сегодня знаю а завтра нѣтъ, только изъ состраданія и познакомился,... что я ее заставлялъ что–ли любить себя, да я плевать хочу, только отвяжись отъ меня, надоѣла до смерти, то хнычетъ, то съ нѣжностями лѣзетъ; избаловалась, а все оттого что слишкомъ деликатничалъ съ нею,... Экая баба подлая!

Онъ подошелъ къ столу, схватилъ листъ бумаги, сѣлъ и принялся было писать, но вдругъ остановился.

— А, чортъ съ ней! напишешь, лишнее доказательство будетъ, показывать станетъ, сама притащится! произнесъ онъ и швырнулъ бумагу.

А между тѣмъ, бѣдная женщина каждый день томилась и каялась за свое посланіе, послѣднее ея спокойствіе исчезло.

— Что это вздумала я, твердила она сама съ собой, съ ума что-ли сошла! Какъ я ему и глаза то теперь покажу, вотъ и отвѣта никакого нѣтъ, хоть бы обругалъ, все легче бы было!.. Господи, сама себѣ бѣду приготовила; разлюбитъ,

разлюбитъ онъ меня.... повторяла она съ ужасомъ и крестилась.

Нѣсколько дней спустя Настенька совершенно оправилась, только не весело было ея выздоровленіе.—Старуха Нѣмка бранилась на чемъ земля стоитъ, требовала двухъ цѣлковыхъ и грозилась отказать отъ квартиры, сосѣдка солдатка ей вторила и просила денегъ за какіе то хлопоты, ребенокъ неистово кричалъ у сухой и исхудалой груди матери. Настенька рѣшительно не знала что дѣлать, у ней не было ни гроша, она въ отчаяніи ломала себѣ руки, перешарила въ сундукѣ, но ничего не нашла, все, что было нѣсколько годно, она продала во время своей болѣзни.—Что дѣлать, къ кому обратиться?... Агафья Ильинишна сердита, не дастъ ничего, про Павла Петровича и говорить нечего —Настенька схватила шляпку, накинула салопъ и почти бѣгомъ отправилась въ модный магазинъ, гдѣ работала, думая хоть тамъ что нибудь выпросить впередъ за будущіе труды свои.

— Пошля вонъ! крикнула на нее неожиданно долговязая хозяйка магазина! «Вы не смѣетъ ходить сюда, здѣсь одинъ честный дѣвицъ все, вонъ, вонъ!»

Настенька остолбѣнѣла, ноги ея задрожали, не помня себя она спустилась съ лѣстницы и вышла на улицу. Казалось, она готова была руку протянуть, остановить каждаго встрѣчнаго, чтобъ только утолить свой голодъ, спасти своего ребенка.

Проходящій франтъ, съ лорнеткой на носу, нахально взглянулъ на нее...

Настасья Семеновна возвратилась домой, быстро прошла къ себѣ за перегородку, сбросила салопъ и шляпку, залилась слезами и схватила ребенка на руки, онъ успокоился и съ жадностью прильнулъ къ ея груди.

Долго просидѣла бѣдная женщина неподвижно, долго лились слезы изъ глазъ ее, губы были полураскрыты, волосы растрепаны.

— Кончено, все кончено! больше не упрекнетъ онъ меня, не упрекнетъ! повторяла она отчаянно, потомъ встала, осторожно положила ребенка, вынула изъ кармана депозитку, дрожащею рукою отдала ее хозяйкѣ, въ какомъ то изнемо-

женіи снова опустилась на кровать, снова долго съ тяжелой думой сидѣла на ней, устремивъ неподвижный взглядъ на спящую малютку, снова изъ глазъ ее ручьями текли слезы.

На другой день Настенька отправилась къ Липарскому. Нерѣшительно, съ замирающимъ сердцемъ, съ какой то неопредѣленной боязнію, съ тяжелымъ предчувствіемъ, поднялась она на его лѣстницу, не смѣло вошла въ комнату и остановилась.

Павелъ Петровичъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ, онъ обернулся, всталъ и молча кивнулъ головой. Какая-то досада мелькнула на лицѣ его, казалось, онъ былъ смущенъ внезапнымъ приходомъ женщины.

Послѣдняя стояла неподвижно, опустивъ глаза въ землю, точно ожидала приговора.

— Павлуша! прости ты меня? не смѣло произнесла она и сдѣлала шагъ впередъ.

На губахъ Павла Петровича показалось что-то въ родѣ улыбки

— Голубчикъ, Павлуша, прости Христа ради, продолжала Настенька,—и сама не знаю что такое сдѣлалось со мной, видно горе попутало.

Липарскій ничего не отвѣчалъ, онъ опустился въ кресло, положилъ ногу на ногу и закурилъ папироску.

Настенька сѣла напротивъ. Она пристально взглянула въ глаза молодого человѣка, точно хотѣла прочитать въ нихъ рѣшеніе своей участи.

— Да что жъ это такое?!. не простишь развѣ?. скажи что нибудь, плачевно произнесла она, я и не помяну больше, какъ велишь такъ и стану жить, я раба твоя, что ни прикажи все сдѣлаю, хоть себяострамлю, ей богу сдѣлаю!

Липарскій продолжалъ сидѣть молча, опустивъ голову. Видно было, что онъ приготовился къ настоящей сценѣ, быть можетъ долго обдумывалъ, изучалъ ее, онъ зналъ что встрѣтитъ слезы, борьбу, отчаяніе, зналъ что убъетъ женщину; онъ боялся разжалобиться и рѣшился заглушить всякое человѣческое чувство, лишь бы только, во что бы то ни стало, навсегда покончить съ Настенькой.

Нѣсколько секундъ молчаніе не прерывалось.—Настасья Семеновна все смотрѣла на Павла Петровича, потомъ встала, подошла къ нему и схватила его за руки.

Онъ ихъ сильно выдернулъ и отвернулся.

Бѣдная женщина поблѣднѣла, остановилась какъ вкопаная, казалось, она хотѣла говорить, только словъ не находила и вдругъ бросилась на колѣни.

— Павлуша! что ты со мной дѣлаешь, прибей лучше, не губи только! съ полнымъ отчаяніемъ умоляла она, разводя обѣими руками.

Липарскій молчалъ.

— Слушай Павлуша, продолжала Настенька, я твою волю исполнила,... вчера мнѣ ѣсть было нечего, молоко въ груди высохло, Полинька кричитъ, надрывается.... побѣжала я въ магазинъ, тамъ обругали меня, страшнымъ именемъ назвали!... вышла я на улицу, сама себя не помню, ноги подкосились, въ ушахъ звенитъ какъ-то, духъ захватываетъ.... тутъ мужчина ко мнѣ подошелъ»... Она на секунду остановилась, взглянула на Павла Петровича, потомъ наклонила голову и выжидала чего-то.

Липарскій молчалъ.

— Что-жъ ты молчишь, Павлуша, похвали меня?

Павелъ Петровичъ сталъ что-то насвистывать.

Настенька испугалась; она почуяла въ этомъ молчаніи что-то зловѣщее и грохнулась на полъ.

— Прости, прости меня, говорила она, обвивая своими руками ноги молодого человѣка.

Физіономія послѣдняго нѣсколько покоробилась, онъ грубо оттолкнулъ женщину, всталъ, сильно поднялъ ее подъ мышку и усадилъ въ кресло.

— Садись!... слезы тутъ не помогутъ, все это вздоръ, я не повѣрю имъ! произнесъ онъ съ разстановкой.

Настенька машинально сѣла, глаза ее мутно и безцѣльно смотрѣли.

Павелъ Петровичъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ и вдругъ остановился.

— Настасья Семеновна! безъ брани, безъ ссоры, мы должны разстаться съ тобой!... я твердо рѣшился.... не за пись-

мо твое, оно глупо, дерзко и больше ничего, а такъ, нужно же кончить когда нибудь. Твоя любовь вздоръ, она не поведетъ ни къ чему!

Настенька сидѣла какъ осужденная, она крѣпко схватилась за ручки креселъ и дрожала всѣми членами.

— Ты хочешь замужъ? продолжалъ онъ; я и въ этомъ могу помочь тебѣ, даже радъ помочь, чтобъ чѣмъ нибудь отблагодарить тебя, конечно не самимъ собою, объ этомъ и говорить стыдно!.... ты сама разсуди какая партія можетъ ожидать тебя, погляди на себя и выбери соотвѣтственнаго мужа,... что ты такое?... нищая, швея, съ прижитымъ ребенкомъ, жила у одного, потомъ попала къ другому, тамъ на улицѣ.... что-жъ ты послѣ этого!»

Настенька упала на столъ и громко зарыдала.

— Пожалуйста, перестань, нужно говорить дѣло, я тебѣ-же добра желаю, понимаю твое стремленіе, ты хочешь замужъ, хочешь сдѣлаться честной женщиной, и прекрасно, очень похвально, я душевно радъ, помогу, сосватаю тебя, только.... Настасья Семеновна, выслушай хладнокровно.... у меня есть писарь знакомый, человѣкъ еще молодой, непьющій, на виду даже, чиновникомъ будетъ, онъ пожалуй женится, хочешь?

Настенька подняла голову, отдернула нависшіе на лице волосы, презрительно взглянула на Липарскаго, всплеснула руками и зарыдала громче прежняго.

— Полинька, Полинька! повторяла она потрясающимъ голосомъ.

— Что-жъ Полинька? все это пустяки, выйдешь замужъ, у нее отецъ будетъ, а не выйдешь, не захочешь держать при себѣ, ну въ воспитательный домъ отдай, мало-ли тамъ! равнодушно отозвался Липарскій.

Настенька взглянула ему въ лице, но взглянула такъ, какъ смотритъ львица, у которой отнимаютъ дѣтеныша.

— Да любилъ ли ты меня когда нибудь? произнесла она твердо.

— Должно быть любилъ, если познакомился! отвѣтилъ онъ.

Женщина опустилась на спинку кресла и замолчала.

— Все это глупо, ну любилъ, не вѣкъ же любить, тамъ было одно, теперь другое, продолжалъ молодой человѣкъ.

Настенька встрепенулась.

— А чей ребенокъ-то, чей? шопотомъ повторяла она, вѣдь ты отецъ; ты не смѣешь бросить меня, не смѣешь!...

Павелъ Петровичъ улыбнулся.

— Кто его знаетъ, можетъ и не я! насмѣшливо отозвался онъ.

— Врешь ты! крикнула Настенька, ты!... ты знаешь это!... ну, передъ людьми-то ты отопрешься, хорошо.... я же и виновата останусь.... Опомнись, Липарскій, вѣдь ты хуже того злодѣя, который рѣжетъ мгновенно на большой дорогѣ.

— Вотъ какъ! прошу сократить сцену, замѣтилъ Липарскій.

Настенька встала.

— Выслушай меня! говорила она, ударяя себя въ грудь; вѣдь я не уйду отсюда, убей меня, разорви на части, а я не уйду, я даромъ не оставлю тебя, вездѣ отыщу, вездѣ!... живую не выгонишь ты меня, пусть мертвую вынесутъ!»

— Я полицію позову, хуже будетъ, объясню, кто ты такая, чѣмъ занимаешься,—тогда плохо придется!

Настенька опустила руки, закрыла глаза и, казалось, собиралась съ силами.

— Лучше добромъ разойтись, продолжалъ уговаривать Павелъ Петровичъ; мнѣ все равно, я вѣдь всегда правъ останусь, на твоей Полинькѣ не написано, что я отецъ ее, сама разсуди!... положимъ не хорошо я дѣлаю, не честно, да ужъ это не твоя забота, грѣхъ на мнѣ!... оставь ты меня, такъ и все кончено, а то хуже будетъ!»

— Да за что-же?!.. что сдѣлала я тебѣ!?.. раздирающимъ душу голосомъ завопила женщина.

— Ничего ты мнѣ не сдѣлала, ничего! хладнокровно отвѣтилъ Липарскій; «ну просто такъ... ругай меня какъ хочешь... надоѣла да и все тутъ!... разъ на всегда говорю тебѣ, хочешь замужъ—сосватаю, не хочешь,—прощай!»

Настенька сдѣлала послѣднее усиліе.

— Павлуша! да опомнись ты! говорила она, ломая себѣ руки: точно во снѣ вижу, хоть въ поломойки возьми меня, не губи только, вѣдь я добромъ не кончу, что нибудь сдѣлаю надъ собой, ты губишь невиннаго ребенка, звѣрь дикій, и тотъ бы сжалился!... Помнишь какъ ты руки мои цѣ-

ловалъ, умолялъ любить тебя, помнишь ты это, помнишь, какъ били меня, а ты плакалъ, помнишь?... Она снова бросилась на колѣни.

— Изувѣчь ты меня, пощади, прости только!... я къ тебѣ и ходить не буду, разъ въ мѣсяцъ загляну, въ торжественный праздникъ навѣщу, ничего мнѣ не нужно отъ тебя, милости твоей прошу!... Павлуша, Павлуша! не губи меня и Полиньку, она поклонилась въ землю.

Чувства Павла Петровича нѣсколько шевельнулись, но онъ тотчасъ овладѣлъ собой старался казаться еще болѣе спокойнымъ и снова принялся что-то насвистывать.

— Оставь ты меня, матушка! сказано тебѣ, произнесъ онъ, совершенно хладнокровно.

Настасья Семеновна съ трудомъ встала, казалось она похудѣла въ продолженіи этого разговора, всѣ черты лица ея были искривлены, распущенные волосы падали на плечи, глаза блуждали и блестѣли дикимъ, небывалымъ огнемъ. Она въ послѣдній разъ взглянула на Липарскаго, хотѣла что-то сказать ему, ударила себя въ грудь, страшно, пронзительно зарыдала и, шатаясь, почти ощупью вышла изъ комнаты.

Павелъ Петровичъ изподлобья взглянулъ ей въ слѣдъ и продолжалъ свистѣть.

Настенька исчезла, онъ замолчалъ и тяжело вздохнулъ.

— Чортъ знаетъ, подло поступилъ я, очень подло... страшно! произнесъ онъ, какъ бы въ раскаяніи, взялъ себя за голову и задумался.

А между тѣмъ Настенька рыдая спустилась съ лѣстницы, рыдая вышла на улицу, прибѣжала въ свой темный уголъ, сбросила салопъ и шляпку, взглянула на ребенка, повалилась на кроват и, съ какою-то лихорадочною жадностію стала цѣловать его.

— Поля!.. Поля!.. отецъ!.. прости ты меня проклятую! шептала она въ изступленіи.

Много дней бѣдняжка не переставала плакать, иногда совершенное отчаяніе овладѣвало ею, она ничего не пила, не ѣла, рвала на себѣ волосы, била себя въ грудь, ломала руки, металась изъ угла въ уголъ; иногда напротивъ, по цѣ-

лымъ часамъ сидѣла неподвижно, какъ статуя, только крикъ ребенка выводилъ ее изъ этой дремоты. Даже ночь не могла успокоить страдалицу, часто съ просонья она дико вскрикивала, крестилась, пряталась въ одѣяло и дрожала, какъ въ лихорадкѣ.

— Заступитесь!.. спасите!.. бормотала она, зарывая въ подушку голову.

Недѣлю спустя Настенька написала къ Липарскому письмо, но получила его обратно не распечатаннымъ. Разъ даже она сама побрела къ Павлу Петровичу, но лакей грубо захлопнулъ дверь, объявивъ, что барина дома нѣтъ и что онъ не приказалъ принимать ее къ себѣ.

Лакей сказалъ не правду. Баринъ былъ дома. Онъ преспокойно сидѣлъ у своего письменнаго стола, и возлѣ его помѣщалась какая-то дородная, пожилая некрасивая женщина, въ богатомъ шелковомъ платьѣ, съ дорогими браслетами на рукахъ. Не знаю въ какихъ отношеніяхъ находился Липарскій къ своей новой гостьѣ, была ли она ему родственница? или просто знакомая неизвѣстно, Павелъ Петровичъ тщательно скрывалъ ея происхожденіе, только въ это время онъ сталъ носить довольно богатую шубу, сшилъ двѣ пары новаго платья, надѣлъ на средній палецъ кольцо съ бриллiянтомъ, увеличилъ небольшою частiю капиталъ свой и переѣхалъ изъ сосѣдства съ Настенькой, куда-то далеко, на другой конецъ города.

V.

Прошло года два.

Въ небольшой комнатѣ огромнаго каменнаго дома, въ пятомъ этажѣ, подъ крышей, на мягкомъ бархатномъ засаленомъ диванѣ, полусидѣла, полулежала женщина лѣтъ двадцати пяти.

Довольно красивое лицо ея вѣяло чѣмъ-то искусственнымъ, носило на себѣ отпечатокъ преждевременной старости; на гладкомъ высокомъ лбу просвѣчивали небольшiя морщины, щеки блестѣли подозрительнымъ, слишкомъ яркимъ ру-

мянцемъ; большіе голубые глаза были тусклы, смотрѣли какъ-то вяло, безжизненно; свѣтлые бѣлокурые волосы, завитые въ какія-то странныя букли, причесаны черезъ-чуръ изысканно. Костюмъ женщины отличался также чѣмъ-то необыкновеннымъ, своеобразнымъ: какою-то убогой, грязною роскошью; онъ не походилъ ни на утренній, ни на визитный, ни на бальный нарядъ, а скорѣе составлялъ смѣсь всего этого. На ней была богатая шелковая юпка, убранная лентами, сильно измятая, мѣстами даже засаленная; изъ подъ нея выглядывала другая бѣлая, вышитая англійскимъ швомъ, на ногахъ, обутыхъ въ довольно толстыя чулки, красовались изящныя туфли съ голубыми бантиками; черный бархатный спензеръ съ кружевами охватывалъ талію. Эта женщина была Настасья Семеновна.

Самое убранство комнаты, въ которой сидѣла она, носило на себѣ также особенный отпечатокъ. У одной стѣны помѣщалось старое, разбитое до-нельзя фортепьяно; на немъ валялась грязная юпка; бархатная мебель была мѣстами порвана; на одномъ креслѣ лежала мохнатая собака съ костью; въ углу стояла этажерка съ конфектными бумажками, бонбоньерками, чайной чашкой, двумя подсвѣчниками, помадной банкой, херувимчикомъ изъ теста и гипсовой нимфой; на окнахъ висѣли ситцевыя занавѣсы; на одномъ изъ нихъ торчала пустая бутылка съ грязнымъ стаканомъ, тарелка съ какою-то жидкостью, валялась засаленная колода картъ. Висѣвшее надъ диваномъ зеркало потускнѣло и покосилось; около его были развѣшены картинки, большею частію миѳологическаго содержанія.

На креслѣ, противъ Настасьи Семеновны, въ ночной юпкѣ, да набросанной на плеча мантильѣ, съ работою въ рукахъ, состоящей въ распарываніи какого-то стараго платья, помѣщалась Агафья Ильинишна. Она замѣтно постарѣла; волосы на головѣ посѣдѣли и повылѣзли; искусственный румянецъ на щекахъ исчезъ и замѣнился желтизной и морщинами.

На порожнемъ окнѣ комнаты сидѣла дѣвочка, лѣтъ трехъ, Полинька, дочь Настасьи Семеновны; ребенокъ шалилъ, дышалъ на стекло и разводилъ пальчикомъ какіе-то узоры.

Въ комнатѣ царствовало молчаніе, нарушаемое только щелканьемъ собачьихъ зубовъ, глодавшихъ кость, да трескомъ разрывающихся нитокъ у Агафьи Ильинишны.

— Мама, тотъ офицеръ скоро придетъ? вдругъ пролепетала дѣвочка и повернула къ матери свою кудрявую головку.

Послѣдняя улыбнулась.

— Какой офицеръ?... кто его знаетъ, можетъ и придетъ, отвѣчала она.

— Я, мама, люблю офицера... онъ гостинцику дастъ? вопросительно произнесла дѣвочка.

— Не знаю, придетъ, такъ и дастъ, снова отозвалась мать.

— Наши гости доблые, гостинцковъ даютъ, улыбаясь повторила дѣвочка.

— Разлакомилась небось, вмѣшалась Агафья Ильинишна:—отъ того и даютъ, что маму любятъ; вишь мама умница, такъ ее и любятъ, ты выростишь, такъ тебя также будутъ любить.

— Гостинциковъ будутъ давать, много гостинциковъ, повторила дѣвочка, разводя обѣими руками.

— Извѣстно много, что малостью-то и мараться не стоитъ, отозвалась Агафья Ильинишна:—а ты бы вотъ другой разъ кто придетъ, такъ и скажи: пожалуйте молъ мнѣ на гостинчики, я молъ кушать хочу, а мамѣ покупать не на что, мама бѣдная, такъ и скажи, ручку у гостя поцѣлуй, онъ и дастъ.

— Что вы, Агафья Ильинишна, она вѣдь и въ самомъ дѣлѣ, замѣтила Настасья Семеновна.

— Такъ что, что въ самомъ дѣлѣ, извѣстно ребенокъ, велика важность, рѣшила старуха.

Молчаніе возобновилось.

— Поля, дай папироску! крикнула Настасья Семеновна.

Дѣвочка слѣзла съ окошка, побѣжала въ другую комнату и, черезъ минуту, возвратилась съ папироской въ рукахъ.

— Что же безъ огня? Развѣ можно курить, спичку нужно, повторила мать.

Дѣвочка снова выбѣжала и снова возвратилась. — Настасья Семеновна закурила.

Молчаніе возобновилось.

— Слышала, Василій-то Прохорычъ, говорятъ все спустилъ, заговорила Агафья Ильинишна: — нитки то есть не оставилъ, сказываютъ чуть въ тюрьму не попалъ, только родные и выручили.

— Ну его къ чорту! отозвалась Настасья Семеновна и плюнула.

Прошло нѣсколько минутъ, въ передней раздался звонокъ, Агафья Ильинишна бросила шитье, поспѣшно встала и вышла.

— Кто бы это? произнесла она на порогѣ.

Въ комнату вошелъ рябой, усастый мужчина, довольно пожилыхъ лѣтъ.

Онъ швырнулъ на окно шляпу, развязно подошелъ прямо къ дивану и протянулъ руку.

— Здравствуйте сестрица! весело произнесъ онъ.

Настасья Семеновна хлопнула по рукѣ. — Здравствуйте братецъ! шутливо отвѣтила она.

Мужчина развалился на диванъ, — посматривалъ на всѣ стороны и улыбался.

— Да, вы не безпокойтесь, ваши ножки не мѣшаютъ, замѣтилъ онъ, когда Настасья Семеновна очистила ему мѣсто и опустила свои ноги съ дивана.

— Мало ли что не мѣшаютъ, ужъ извините, отвѣтила Настасья Семеновна и громко захохотала.

Полинька стояла за кресломъ и, изподлобья, глядѣла на гостя.

— Дядинька дай на гостинцика, не смѣло произнесла она.
— Настасья Семеновна грозно взглянула на нее.

— Поля, это что такое, не стыдно развѣ?

Дѣвочка опустила глаза въ землю.

— У меня мама бѣдная, дай дядинька! тихо замѣтила она, и хотѣла поцѣловать руку гостя.

Послѣдній засмѣялся, вынулъ изъ кармана мелкую серебрянную монету и подалъ ее дѣвочкѣ.

— Ну и ступай къ тетѣ теперь, тамъ купятъ тебѣ! замѣтила мать.

Дѣвочка изчезла.

Читатель, конечно, не удивится странной перемѣнѣ во всемъ существѣ Настасьи Семеновны.

Послѣ размолвки съ Липарскимъ, жившее преисполненное любовью сердце женщины вдругъ опустѣло; она поняла, что для нея все было кончено, что нѣтъ у ней въ жизни ни цѣли, ни назначенія, не для кого ей беречь себя; даже ребенокъ смотрѣлъ въ ея глазахъ какимъ то упрекомъ совѣсти. Она быстро катилась по наклонной плоскости, на которой поскользнулась. Она устала бороться, опустила руки и предоставила себя на волю судьбы. — Трудъ опротивѣлъ ей, онъ не заглушалъ ея сердечныхъ страданій, не разогналъ накипѣвшаго горя. Иногда гнетущая апатія находила на нее; по цѣлымъ часамъ она сидѣла неподвижно и равнодушно выслушивала крикъ ребенка. А между тѣмъ нужда окружала Настасью Семеновну, мысль ея привыкла къ ея положенію: она уже не боится его, все одно думаетъ женщина, раньше не умѣла беречь себя, а теперь беречь не къ чему: гибнуть, такъ гибнуть, за одно пропадать. Были минуты, когда Полинька еще освѣжала ея жалкое существованіе, проносилась въ ея душѣ свѣтлымъ образомъ, но другія, мрачныя впечатлѣнія, заволакивали этотъ милый образъ, и Настасья Семеновна снова отдавалась ужасной дѣйствительности. Какъ вѣтвь, оторванная отъ цѣлаго ствола, она не имѣла ни одной живой связи съ тѣмъ яснымъ міромъ, о которомъ нѣкогда мечтала. Горе высушило ея сердце до послѣдней капли теплой крови. О прошедшемъ она боялась думать; настоящее ея было безсмысленно и обидно; ни одной надежды въ будущемъ. Мысли ея съузились, измѣнились воображеніе почти перестало дѣйствовать; всѣ интересы сосредоточились на обыденныхъ мелочахъ... Остановиться не могла Настасья Семеновна, да и недумала; она предоставила себя силѣ уносившаго ее потока.

Въ такомъ положеніи встрѣтилась она съ Агафьей Ильинишной; послѣдняя тотчасъ угадала происшедшую въ женщинѣ перемѣну и пригласила ее жить съ собой. Настасья Семеновна обрадовалась и тотчасъ же переѣхала. Теперь она смотрѣла на Агафью Ильинишну, какъ на свою спаситель-

ницу, какъ на существо, которое можетъ даже облагородить, возвысить ее; въ какомъ отношенiи—это дѣло другое,—объ этомъ Настасья Семеновна думала по своему; она знала, что Агафья Ильинишна опытнѣе, умнѣе, безсовѣстнѣе ее и отдала себя въ полное распоряженiе этой опытности и безсовѣстности.

Такъ прошелъ годъ, другой, наступилъ третiй. Настасья Семеновна все катилась внизъ по своей наклонной плоскости... Время срывало съ ея физической красоты одинъ цвѣтокъ за другимъ; лицо ея огрубѣло и осунулось; волосы рѣдѣли, глаза не выражали ничего и потускнѣли; голосъ охрипъ и удушливый кашель постоянно волновалъ нѣкогда роскошную, теперь болѣзненно впалую грудь. Эта кроткая и нѣжная улыбка замѣнилась пронзительнымъ и безсознательнымъ смѣхомъ. И черезъ два года знакомый глазъ съ трудомъ бы узналъ прежнюю Настеньку.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, и на грязномъ диванѣ, подъ такимъ же ситцевымъ одѣяломъ, вся съежившись, лежала Настасья Семеновна,—блѣдно-синее лицо ея походило на лицо покойника, багровыя пятна выступили на щекахъ, волосы были распущены, запекшiяся губы темножелтаго цвѣта полураскрылись; она тяжело дышала и дрожала всѣми членами.

Полинька, въ шерстяной клѣтчатой кофточкѣ, въ большомъ платкѣ на головѣ, забилась въ уголъ и тихо плакала. Агафья Ильинишна собирала какiе-то свертки и завязывала ихъ въ носовой платокъ.

— Я тебѣ, Настя, тутъ чайку да сахарцу положила, говорила она; тоже въ горлѣ захочется промочить, тамъ казеннаго не дадутъ небось. Ну, теперь все кажется,—она подняла голову и вопросительно взглянула вокругъ себя. Что-жъ, одѣваться нужно, произнесла она какъ-то нехотя и вздохнула.

Больная сдѣлала усилiе, хотѣла приподняться, но опустилась снова и закашлялась.

Агафья Ильинишна подошла къ дивану, подняла и посадила ее.

— Сиди, сиди, говорила она, гдѣ тебѣ, я надѣну, сиди

только. Она надѣла на Настасью Семеновну салопъ, тщательно повязала горло, окутала голову, потомъ на скоро одѣлась сама.

Въ продолженіи всего этого, Агафья Ильинишна была, повидимому, въ самомъ мрачномъ расположеніи духа; она выругала крючекъ на салопѣ, за то что долго не застегивался, назвала, неизвѣстно почему, попавшіеся ей подъ руку башмаки подлецами, безъ жалости швырнула подъ диванъ какую-то юбку, и только по совершенномъ окончаніи всѣхъ сборовъ, казалось нѣсколько успокоилась.

— Перекрестись, Настя! произнесла она,.. авось Богъ помилуетъ, сжалится, оправитъ тебя.

Настасья Семеновна взглянула мутными глазами на висѣвшій въ углу образъ и перекрестилась; хозяйка послѣдовала ея примѣру, потомъ вытащила изъ угла Полиньку и подвела ее къ матери.

— Простись съ ребенкомъ-то, благослови, тамъ ужъ какое прощанье; можетъ, въ послѣдній разъ видитесь.

Бѣдная дѣвочка залилась горькими слезами.

Настасья Семеновна протянула свою горячую руку, положила на нее. — Прощай Поля, едва слышно произнесла она, прощай!.. Отецъ то твой, гдѣ онъ теперь, охъ! страшно мнѣ, очень страшно,.. все мучитъ такъ.. Она гдѣ будетъ? вопросительно добавила она, указала на дочь и уставила глаза на Агафью Ильинишну.

Послѣдняя только моргнула, ничего не отвѣтила, и приподняла Полиньку: Настасья Семеновна крѣпко, долго поцѣвала ее.

— Прощай! тихо повторила она,—на глазахъ ея выступили слезы.

Агафья Ильинишна приподняла больную и поставила на ноги. — Ну, полно, простись и со мной; Поля возьми узелъ, то, говорила она, поддерживая Настю подъ мышку.

Дѣвочка повиновалась.

Хозяйка нѣсколько разъ поцѣловалась съ больной, хотѣла что-то сказать ей, но только фыркнула, махнула рукой, крѣпко схватила Настасью Семеновну за талію, и вышла вмѣстѣ съ ней изъ комнаты, на грязную, крутую лѣсницу. На ули-

цѣ обѣ женщины съ трудомъ усѣлись на извощика и отправились въ какую-то больницу.

На другой день Агафья Ильинишна отправилась было навѣстить больную, но опоздала.

Настасья Семеновна умерла.

Полинька осталась жить съ Агафьей Ильинишной.

А. ВИТКОВСКІЙ.

ПОЭТЪ И ЦВѢТОЧНИЦА (*).

ОНА.

Высыпь цвѣты изъ корзины у ногъ моихъ, милый,
Сядь и ужь мнѣ не мѣшай... Скоро смеркаться начнетъ.

ОНЪ.

Что за хаосъ вкругъ тебя! и надъ нимъ, какъ любовь ты склонилась,
Мыслью готова въ него жизнь и гармонію влить!

ОНА.

Розы не трогай: чудесныя розы! изъ нихъ—заглядѣнье
Выйдетъ вѣнокъ—и тебѣ этотъ вѣнокъ я подамъ!

ОНЪ.

Какъ мнѣ забавно всегда! на пиру ты вѣнокъ мнѣ подносишь!
Я равнодушнымъ кажусь—самъ же весь занятъ тобой!

ОНА.

Ты не глядишь на меня, но я чувствую взглядъ твой горячій!
Точно серебристую сѣть я за собой волочу!

ОНЪ.

Это влечетъ тебя сердце мое въ уголокъ нашъ укромный,
Гдѣ ты—какъ Флора въ цвѣтахъ—и у колѣнъ твоихъ я!

ОНА.

Да, а сойдемся мы здѣсь—отъ меня ты ужъ мыслью далеко!
Вотъ и теперь не глядишь.... Что же ты вдругъ замолчалъ?

(*) Форма этой пьесы и нѣкоторые стихи и черты заимствованы изъ Гёте: Der neue Pausias und sein Blumenmaedchen.

ОНЪ.

Вòтъ что я вспомнилъ: былъ Павзій, художникъ. Любилъ онъ Гликеру;
Плесть мастерица была эта Гликера вѣнки.

ОНА.

Это какъ будто бы мы! только ты не художникъ, а лучше—
Фебомъ любимый поэтъ! гордость и слава Аѳинъ!

ОНЪ.

Эту Гликеру прелестнѣйшей дѣвочкой, милымъ ребенкомъ
Онъ всю въ цвѣтахъ написалъ, и—обезсмертилъ себя!

ОНА.

Что же? и ты обезсмерть себя славной поэмой!.. я часто
Думаю: чтó бы тебѣ нашу любовь описать?

ОНЪ.

Павзій счастливѣй! черты своей милой Гликеры онъ кистью
Могъ передать,—а въ стихахъ кàкъ опишу я тебя?

ОНА.

Вòтъ какъ ты сдѣлай: пусть въ Индіи будетъ, гдѣ звѣри и птицы
Дружно съ людьми говорятъ, много гдѣ всякихъ чудесъ....

ОНЪ.

Странно! съ любовью въ разладъ вдохновенье идетъ у поэта!
Кажется—кàкъ я люблю!... и—хоть бы пѣснь! хоть бы стихъ!

ОНА.

Жилъ тамъ волшебникъ, похитилъ царевну—малюткой. Малютка
Стала цвѣты продавать; только, однажды былъ пиръ.

ОНЪ.

Царскій былъ сынъ на пиру; онъ влюбился, и кончилось свадьбой.
Въ сказкахъ всегда это такъ.... только немного старò....

ОНА.

Нѣтъ, не старò; можно выдумать рядъ приключеній чудесныхъ,
Какъ онъ умомъ и мечомъ чары умѣлъ побѣдить...

ОНЪ.

Бился съ гигантами! конное, пѣшее войско, съ слонами
Тьмы колесницъ золотыхъ въ бѣгство одинъ обратилъ!

ОНА.

Ты только шутишь со мной!.. а молчанье твое мнѣ ужасно!...
Помнишь ли ты на пиру первый вѣнокъ мой тебѣ?

ОНЪ.

Этотъ вѣнокъ и теперь у меня надъ кроватью хранится...
Первый, который ты мнѣ, пиръ обходя, подала? —

ОНА.

Помнишь—вѣнчая твой кубокъ, я почку въ вино уронила:
Выпивъ вино, ты сказалъ: «дѣва! цвѣты—это ядъ!»

ОНЪ.

Какъ же!.. и съ маленькимъ женскимъ лукавствомъ и дѣтски краснѣя,
«Пчелки, сказала ты, въ нихъ медъ достаютъ, а не ядъ!»

ОНА.

Если съ тѣхъ поръ твоя муза молчитъ, ты угрюмъ и несчастливъ,
Значитъ, то правда, что жизнь я отравила тебѣ?

ОНЪ.

Полно, мой другъ, я молчу лишь отъ счастья!.. Какъ музыка, нѣжный
Голосъ твой мнѣ прозвучалъ—тамъ, средь мужскихъ голосовъ!

ОНА.

Лучше бъ молчать мнѣ! и пчелокъ не трогать! вѣдь къ этому слову
Рыжій придрался Тимантъ, крикнулъ—«и шмель не дуракъ!»

ОНЪ.

Гнусный Силенъ!.. и облапилъ тебя какъ медвѣдь! покатилась
Въ уголъ корзина твоя... всѣ разлетѣлись цвѣты!...

ОНА.

Какъ онъ меня напугалъ!... только слышу: «оставь ее, циникъ!»
Вижу—ты съ мѣста вскочилъ, свѣтелъ какъ самъ Аполлонъ!

ОНЪ.

Онъ не сробѣлъ, а держалъ тебя, бѣлые зубы оскаливъ,
Легкое платье твое по̀-поясъ съ плечъ разорвалъ...

ОНА.

Ужасъ! какъ бросишь въ него ты серебряннымъ кубкомъ!.. я помню,
Какъ онъ о черепъ его звякнулъ и прыгать пошелъ!...

ОНЪ.

Гнѣвъ и вино ослѣпляли меня!. но успѣлъ разглядѣть я,
Какъ ни старалась ты скрыть, круглое... это плечо....

ОНА.

Ахъ, что за шумъ поднялся! весь облитый виномъ, онъ затрясся!
Съ мокрыхъ волосъ по лицу кровь заструилсь ручьемъ....

ОНЪ.

Только тебя я и видѣлъ!.. въ слезахъ, на полу, на колѣняхъ,
Платье одною рукой ты собирала на грудь...

ОНА.

Блюдо, тарелки въ тебя полетѣли, звеня и блистая!
Точно взбѣшенный Аяксъ все онъ ломалъ вкругъ себя!

ОНЪ.

Только тебя я и видѣлъ!... какъ быстро другою рукою
Ты подбирала вѣнки, взоромъ за нами слѣдя....

ОНА.

Доброе сердце! ты думалъ—меня ушибутъ... а хозяинъ
Ярость обрушитъ на мнѣ—всталъ и меня заслонилъ.

ОНЪ.

Пестрый коверъ перекинулъ я на̀ руку, точно готовясь
Въ битвѣ съ свирѣпымъ быкомъ, бросить ему на глаза!

ОНА.

Я ускользнула, увидя, что гости вступились, стараясь
За руки васъ удержать, вмѣстѣ стыдя и моля.

ОНЪ.

Къ счастью все кончилось смѣхомъ: вскочилъ и трагическимъ тономъ:
«Что вы Ахейцы!» намъ рѣчь сталъ говорить Діогенъ.

ОНА.

Этотъ сѣдой Діогенъ притворяется только сердитымъ;
Право, душа у него, кажется, вовсе не зла!....

ОНЪ.

Онъ успокоилъ все шуткой... Но тщетно тебя я хватился!
Три дня тебя я искалъ! три дня на рынкѣ бродилъ!

ОНА.

Я со стыда не могла показаться... вѣдь всѣ меня знаютъ,
Любятъ—и вдругъ обо мнѣ въ городѣ говоръ пошелъ!

ОНЪ.

Много я видѣлъ вѣнковъ, много видѣлъ цвѣтовъ и цвѣточницъ,
Не было только одной—маленькой Лиды моей!

ОНА.

Дома вѣнки я сплетала... рядкомъ ихъ, бывало, развѣшу....
Вотъ и теперь они тутъ.... всѣ ужъ засохли давно!

ОНЪ.

Гдѣ ты живешь? переспрашивалъ женщинъ, старухъ я на рынкѣ,
Даже гулякъ и повѣсъ—всѣ становились въ тупикъ!

ОНА.

Вечеръ, бывало, сижу я, гляжу на вѣночки, и плачу...
Ночь подвигалась.... цвѣта гасли одинъ за другимъ....

ОНЪ.

Въ горѣ, усталый, къ богамъ я взывалъ, къ Аполлону взывалъ я:
«О, сребролукій! да гдѣ-жь? гдѣ же укрылась она?»

ОНА.

Все мнѣ казалось, что вотъ ты войдешь... и что̀ буду я дѣлать?
Съ тайной надеждой пошла на-площадь я наконецъ...

ОНЪ.

Я ужъ давно тамъ бродилъ... насмотрѣлся наслушался вдоволь!
Рыба, плоды, пѣтухи! крики ословъ и старухъ!.

ОНА.

Что̀ тамъ за шумъ былъ, когда я тебя наконецъ увидала?

ОНЪ

Право, не знаю... но вдругъ ты мнѣ мелькнула въ толпѣ...

ОНА.

Точно въ челнѣ сквозь высокій тростникъ, въ тѣснотѣ ты пробился....

ОНЪ.

И очутился вдругъ въ шумной толпѣ мы одни!

ОНА.

Помню, я слышала только, какъ сердце въ груди моей билось!

ОНЪ.

Рядомъ пошли мы съ тобой... въ очи другъ другу глядя....

ОНА.

Такъ, какъ теперь ты глядишь и съ такою же тихой улыбкой....

ОНЪ.

Какъ ты прекрасна была, солнцемъ облита живымъ!

ОНА.

Вышли мы за̀-городъ....

ОНЪ.

Море блестѣло въ дали серебристой.

ОНА,

Все это, милый, теперь—кажется сказкою мнѣ!

ОНЪ.

И—безъ волшебника сказка! безъ царскаго сына, царевны!

ОНА.

Это—поэма, мой другъ!

ОНЪ.

Милая Муза моя!

ОНА.

Тише! вѣнки изомнешь... о, какъ скоро стемнѣло сегодня!...
Какъ же хорошъ и какъ смѣлъ—на этомъ пирѣ ты былъ!

А. МАЙКОВЪ.

О ЗНАЧЕНІИ КРИТИЧЕСКИХЪ ТРУДОВЪ

КОНСТАНТИНА АКСАКОВА ПО РУССКОЙ ИСТОРІИ. (*)

Рѣчь, произнесенная въ Императорскомъ С. Петербурскомъ университетѣ, въ 1861 году, исправляющимъ должность ординарнаго профессора по каѳедрѣ русской исторіи Н. Костомаровымъ.

Русской литературѣ суждено неоднократно ощущать преждевременную потерю талантовъ и дѣятелей мысли и слова. Рано оставили свое поприще корифеи русскаго слова: Пушкинъ, Гоголь. Много надеждъ унесли съ собой въ могилу Лермонтовъ, Веневитиновъ и Кольцовъ. Прошедшій годъ не стало Константина Аксакова, одного изъ полезнѣйшихъ дѣятелей по русской исторіи и языкознанію. Я полагаю, не будетъ неумѣстнымъ почтить его свѣжую могилу, посвятивъ нѣсколько минутъ на воспоминаніе о немъ, чтобъ показать ту степень участія, которое онъ оказалъ въ наукѣ русской исторіи.

Константинъ Аксаковъ не оставилъ послѣ себя ни историческихъ повѣствованій, ни большихъ изслѣдованій, ни даже трудолюбивой обработки источниковъ; онъ по русской исторіи писалъ мало, но въ немногихъ его статьяхъ, разсѣянныхъ въ періодическихъ изданіяхъ, сохранились животворныя мысли, свѣтлые взгляды, которые не напрасно высказаны для науки, и будутъ служить путеводными нитями для дальнѣйшихъ изслѣдованій надъ важнѣйшими сторонами нашего прошедшаго. Этотъ писатель принадлежалъ къ той оригинальной школѣ, которая у насъ получила названіе сла-

(*) Въ этой статьѣ редакціи Р. С. сдѣланы нѣкоторыя сокращенія.

вянофиловъ и въ свое время подвергалась ожесточеннымъ преслѣдованіямъ и насмѣшкамъ. Вопросы, поставленные ею, вообще были такого рода, что касались непосредственно русской исторіи и могли уясниться только чрезъ основательное знаніе прошедшаго и уразумѣніе его смысла. Ея періодическій органъ — «Русская Бесѣда», при самомъ появленіи своемъ въ свѣтъ, заявилъ о необходимости русскаго воззрѣнія въ дѣлѣ науки. Мысль эта сдѣлалась предметомъ толковъ и возраженій; изъ нихъ большая часть не отличалась яснымъ сознаніемъ того, о чемъ идетъ рѣчь, да и самая сущность этой мысли была такова, что могла вполнѣ уясниться только тогда, когда бы облеклась въ дѣло; ибо только тогда могло выказаться требуемое русское воззрѣніе въ дѣлѣ науки, когда бы явились самобытныя произведенія, гдѣ бы оно невольно отразилось. Мысль славянофиловъ была и здравая, и справедливая, но она не подлежала толкованіямъ ни pro, ни contra прежде приложенія ея къ дѣлу. Аксаковъ былъ писатель, успѣвшій до нѣкоторой степени приложить ее къ наукѣ русской исторіи.

Раболѣпное поклоненіе европейскимъ теоріямъ, взглядамъ и образцамъ составляло сущность нашей образованности. Не смѣли ни думать, ни писать иначе, какъ намъ указывали на западѣ. Русская исторія подверглась той же участи. Мы по части нашей древней исторіи, шли по дорогѣ, проложенной въ ней Нѣмцами, приняли созданныя ими предвзятыя теоріи, не смѣя ихъ подвергнуть собственному анализу, подводили наше прошедшее подъ законы, извлеченные изъ изслѣдованій надъ жизнью западныхъ народовъ и мало обращали вниманія на своеобразность нашей народной жизни. Мы заключились въ сферѣ государственности, считая массы народныхъ поколѣній, пережившія столѣтія, не болѣе какъ матеріаломъ для выраженія государственныхъ началъ. Занятіе русской исторіей скорѣе обращалось на вопросы частные, археологическіе, спеціальные, а оставляло въ тѣни тѣ, которые прямо относились къ жизни, вели къ уразумѣнію прошедшаго въ его жизненномъ значеніи и отношеніи къ потомству. Такой взглядъ былъ естественъ послѣ того, какъ такъ-называемая петровская реформа оторвала государствен-

ную сторону національнаго нашего быта отъ народной, привлекла къ первой, въ противорѣчіе съ послѣднею, образованность, поставила стѣну между классами народа, и одну большую половину съ старою жизнью его отбросила за предѣлы развитія и исторіи, другую же повела къ подражанію иноземщинѣ. Несправедливо однако нѣкоторые выражаются, что эта реформа и послѣдующее ея продолженіе лишили насъ народности; напротивъ, онѣ произвели у насъ двѣ народности: одна была старая, другая новая,—народность Евгенія Онѣгина. Онѣгинъ съ его легкимъ образованіемъ, въ которомъ онъ не сознаетъ другой необходимости кромѣ побужденія *казаться* образованнымъ для другихъ, со всѣми продуктами воспитанія — пустотою, тщеславіемъ, отсутствіемъ нравственныхъ убѣжденій и модною жестокостью, подъ которою тяготится его природный здравый умъ и природное доброе сердце, есть олицетвореніе русской жизни образованнаго круга, выраженіе нравственныхъ послѣдствій вліянія спасительной реформы и занятія на-прокатъ иностраннаго просвѣщенія. Въ личности Онѣгина совмѣщается половина русской народности, отрѣзанная отъ другой; черты этого типа — черты нашего общества, нашего умственнаго прогресса, нашей науки. За этой половиной русской народности, народностью Е. Онѣгина, существуетъ другая — народность массы, народность старой Руси, гдѣ переплелись между собою обломки стараго удѣльновѣчеваго міра съ сокрушившею его московскою стихіею, гдѣ проницательный взоръ наблюдателя отыщетъ еще не вполнѣ стертыя противурѣчія произвола личности новгородской свободы съ безличностью эпохи Іоанна Грознаго, гдѣ многовѣковая допетровская исторія напечатлѣлась въ народномъ бытѣ, нравахъ и народномъ характерѣ — отъ языческихъ славянскихъ празднествъ до дьяковъ Алексѣя Михайловича и стрѣльцовъ двуцарствія. Старая народность наша не такъ счастлива какъ новая: наша литература не представила еще такого типа, въ которомъ бы она отразилась съ такою же точностью, съ такою осязательностью, какъ новая въ Онѣгинѣ.

Несправедливо было бы сказать, чтобъ между двумя русскими народностями не было связи; какъ во всемъ есть пе-

реходное состоянiе, такъ и между этими двумя русскими народностями есть свои сближенiя, есть свое среднее: старая наша народность часто хочетъ освоиться съ новою, какъ равно и подъ щегольскимъ фракомъ Е. Онѣгина не задушедушены вшедшiя въ плоть и кровь предковскiя привычки.

Извѣстно, до чего доживается наконецъ Евгенiй Онѣгинъ. Убийственная тоска, доходящая почти до сумасшествiя, снѣдаетъ его; еще юный, здоровый, полный силъ, неудовлетворимой жажды дѣятельности, безъ сознанiя путей, куда бы можно обратить эту дѣятельность, Онѣгинъ завидуетъ тульскому засѣдателю, страдающему параличемъ. Почти до такого же состоянiя дошла и русская мысль, и съ нею русская наука. И хотѣла-было она обратиться къ покинутой, отвергнутой, презрѣнной старой народности, когда западные учители позволили ей уважать то, что сдѣлалось достоянiемъ черни; да не давалась ей эта народность, какъ отвергнутая Татьяна Онѣгину, когда, презрѣвши деревенскую дѣвушку, онъ началъ на нее глядѣть иными глазами, коль скоро другiе стали уважать въ ней знатную барыню.

А между тѣмъ иного исхода не представлялось. Попытки продолжались. Константинъ Аксаковъ шелъ по этому пути. Сначала, подъ влiянiемъ Гегелевой теорiи необходимости явленiй, онъ смотрѣлъ на одну только сторону жизненнаго историческаго русскаго вопроса, и находилъ реформу Петра новымъ законнымъ образомъ русской исторiи и необходимымъ переходомъ отъ исключительной нацiональности къ общечеловѣчности, отъ особности къ развитiю единичности или личности. Въ этомъ взглядѣ, въ 1846 году высказанномъ въ Ломоносовѣ, сочиненiи замѣчательномъ по зрѣлой картинѣ развитiя литературнаго языка, Аксаковъ еще не сказалъ ничего отличнаго отъ общаго уровня заказныхъ понятiй объ этомъ вопросѣ. Скоро послѣ того любовь къ народу, которую онъ получилъ издѣтства, неудовлетворяемость философскою систематикою, повели его къ болѣе живому воззрѣнiю. Онъ обращается къ народу, къ той части русской народности, которой было суждено прозябать подъ анаѳемой иноземнаго просвѣщенiя, взиравшаго съ надменностiю на сумракъ ея жизни изъ своего заимствованнаго свѣта.

Аксаковъ является защитникомъ русскаго народа. Въ трехъ критическихъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ Московскомъ Сборникѣ, онъ нападаетъ на кн. Одоевскаго, у котораго въ одной повѣсти крестьянка, учившаяся въ Петербургѣ, выразилась, что въ селѣ у нея не знаютъ, какой рукой перекреститься, и потомъ эта крестьянка распространяетъ благочестіе въ своемъ селѣ. «Никакая въ свѣтѣ Настя, восклицаетъ Аксаковъ, никакой въ свѣтѣ образованный и воспитанный человѣкъ не можетъ стать наряду съ народомъ и осмѣлиться наставлять его въ этомъ чувствѣ — его, силою воли прогнавшаго стольких врагов иноплеменныхъ. Можно ли такъ легко судить о народѣ, такъ легко воспитывать его посредствомъ какой-нибудь Насти, такого отвлеченнаго и легкаго лица, такъ не знать глубины и убѣжденій и многаго, многаго въ народѣ, что для Насти темный лѣсъ и гдѣ бы тысячу разъ она потерялась и пала бы, почувствовавъ и понявъ свое безсиліе, еслибъ къ счастію могла сколько-нибудь понять его... Къ-счастію, Настя и ей подобные не понимаютъ и не могутъ приблизиться даже къ глубокой сторонѣ народа; это для нихъ непроницаемая тайна, запертое сокровище». Такимъ образомъ, здѣсь Аксаковъ заявляетъ смѣлую мысль, что просвѣщеніе изъ онѣгинской народности не можетъ дать нравственнаго воспитанія старой русской народности, и послѣдняя сама въ себѣ носитъ гораздо болѣе истинно нравственныхъ и благородныхъ началъ.

Еще рѣзче и примѣнительнѣе ко взгляду на исторію онъ высказываетъ то же чувство любви къ старой народности и негодованіе противъ оскорбленій ея, нападая на нѣкоторыя выраженія одного писателя, пользуясь этими выраженіями впрочемъ только для того, чтобъ высказать свой взглядъ. Восхваляя Петра Великаго, этотъ писатель выразился о стрѣльцахъ, что они соединяли въ своемъ звѣрскомъ брадатомъ лицѣ всѣ ужасы и всѣ пороки. Аксаковъ находитъ, что борода не имѣетъ въ себѣ ничего звѣрскаго. Аксаковъ нападаетъ на автора за приданіе пищали названія благороднаго оружія, въ противоположность дреколью, оружію крестьянскому, и напоминаетъ 1612 годъ, когда дреколье подымается за правое дѣло, а пищаль служила дѣлу ложному; негодуетъ за то, что этотъ

писатель назвалъ курныя крестьянскія избы дымными логовищами, указываетъ, что это зависитъ отъ бѣдности и нельзя класть упрекъ на народъ за его бѣдность, и наконецъ, по поводу общепринятой мысли, что Петръ по необходимости, долженъ былъ заимствовать просвѣщеніе съ запада, Аксаковъ говоритъ: «Если Петръ долженъ былъ искать началъ, то онъ долженъ былъ искать ихъ у себя, въ самомъ народѣ. Безъ зерна не выростишь дерева; безъ зерна можно сдѣлать только искусственное раскрашенное дерево, съ натыканными глиняными плодами и бумажными цвѣтами. Но въ русскомъ народѣ есть начала; Петръ великій приносилъ начала чуждыя, но народныя начала сохранились и до сихъ поръ въ простомъ русскомъ народѣ.»

Мы упоминаемъ объ этихъ мимолетныхъ выраженіяхъ именно потому, что они показываютъ, куда обратились чувство и мысль писателя. Съ тѣхъ поръ онъ сталъ твердо на избранномъ пути. Онъ обратился къ простому народу, сталъ искать въ немъ началъ, чтобъ вносить ихъ и въ жизнь, и въ науку.

Не наше дѣло разбирать, что̀ Аксаковъ и вообще славянофилы внесли въ общій ходъ умственнаго нашего образованія. Мы остановимся только на томъ, что̀ съ такимъ направленіемъ сдѣлалъ Аксаковъ для русской исторіи.

Мы не думаемъ, чтобъ Аксаковъ взялъ что нибудь для науки непосредственно отъ народа, такъ чтобы ему оставалось быть только передатчикомъ народнаго взгляда. Но это отреченіе отъ онѣгинской народности, это стремленіе оторваться отъ раболѣпнаго подражанія западнымъ теоріямъ, это наконецъ желаніе найти что-то лучшее, свѣжее, обновляющее въ старой народности, увлекая его наравнѣ съ другими славянофилами отчасти въ идеализмъ, дало однако просторъ самобытной мысли, отвязало ее отъ раболѣпной покорности авторитетамъ.

Съ такимъ побужденіемъ написана была напечатанная въ Московскомъ Сборникѣ 1852 г. статья «о древнемъ бытѣ у Славянъ и у Русскихъ въ особенности». Аксаковъ открываетъ намъ глаза, что мы въ наукѣ русской исторіи находимся въ рабской зависимости отъ взгляда Нѣмцевъ на

нашу исторію, что Нѣмцы, не принадлежа къ народу и не имѣя съ нимъ жизненной связи, принялись толковать его жизнь; Русскіе не привыкли смотрѣть на исторію, изображать ее такъ, что въ ней русскаго ничего не видно, но при знакомствѣ съ большимъ количествомъ памятниковъ, возникло сознаніе недостаточности того, вошедшаго въ привычку отъ западныхъ учителей, политическаго взгляда, съ которымъ историкъ думаетъ, что задача исторіи будетъ выполнена, если онъ изобразитъ намъ однихъ князей да войны, да дипломатическіе переговоры и законы; пробудилась потребность обратиться къ народному быту, общественнымъ, внутреннимъ причинамъ народной жизни. Это желаніе высказалось у Соловьева, а между тѣмъ тотъ же историкъ сдѣлался послѣдователемъ Нѣмца Эверса, провозгласивъ въ наукѣ ученіе о родовомъ бытѣ, и увлекъ за собою другихъ молодыхъ ученыхъ, и такимъ образомъ составилась еще одна отысканная Нѣмцами произвольная теорія, на которой созидаютъ всю науку исторіи, не обращая вниманія, что теорія эта не оправдывается дѣйствительно существующими въ народной жизни стихіями. Главною цѣлью его ученаго оружія — мнѣнія, высказанныя Соловьевымъ, Кавелинымъ и отчасти Аѳанасьевымъ и Калачовымъ. Критикъ указываетъ неточность двухъ первыхъ, недостаточность ихъ собственнаго яснаго представленія о предметѣ и открываетъ у нихъ противорѣчія и голословности. Дѣйствительно, Соловьевъ въ одномъ мѣстѣ смѣшиваетъ родъ съ семьею, говоря «семья или родъ»; въ другомъ говоритъ, что предки наши не знали семьи, а знали одинъ только родъ; признаетъ родоначальника верховнымъ правителемъ рода, не знающимъ надъ собою высшей власти, и вмѣстѣ съ тѣмъ говоритъ, что каждый младшій, будучи недоволенъ рѣшеніемъ старшаго, имѣлъ возможность возстать противъ этого рѣшенія. Кавелинъ, признавая законы необходимости, общіе для всѣхъ народовъ въ извѣстные періоды ихъ развитія, на основаніи нѣкоторыхъ двусмысленныхъ выраженій въ древнихъ памятникахъ, въ сущности родоваго быта отыскиваетъ смыслъ нашей исторіи до самаго Петра великаго. Неясность сознанія о значеніи предмета выказывается изъ важнаго противорѣчія у обоихъ: Соловьевъ го-

воритъ, что при родовомъ бытѣ семья не имѣла собственности, а Кавелинъ, напротивъ, говоритъ, что собственность принадлежала семьѣ. Аксаковъ признаетъ вмѣстѣ съ Кавелинымъ существованіе положеній, черезъ которыя переходятъ всѣ народы въ своемъ развитіи, и такимъ образомъ допускаетъ, что родовой бытъ дѣйствительно былъ первою общественною ступенью, чрезъ которую проходили всѣ народы, и въ томъ числѣ славянскіе; но каждый народъ выражалъ свою жизнь въ извѣстныхъ положеніяхъ сообразно своей натурѣ, обусловливаемой и предъидущею и настоящею его судьбою, и мѣстностью и обстоятельствами. «Одни, говоритъ Аксаковъ, прошли черезъ него не останавливаясь, другіе остановились болѣе или менѣе, утвердили за собою этотъ бытъ, формулировали, опредѣлили его явственно, съ большими или меньшими подробностями, особенностями и оттѣнками.» Мысль здравая, и не смотря на свою простоту, очевидность и давноизвѣстность, не всегда цѣнимая учеными, когда они охотно прибѣгаютъ къ аналогіямъ, за неимѣніемъ или неясностью прямыхъ указаній, и думаютъ достигать своей цѣли, коль скоро выводы, добытые аналогіей, кажутся имъ не противорѣчащими общимъ человѣческимъ законамъ, и слѣдовательно, по ихъ мнѣнію, неизбѣжными. Аксаковъ признаетъ, что родовой бытъ конечно коснулся и Славянъ, однако не считаетъ этого племени въ числѣ тѣхъ, которые развили въ своей жизни родовой бытъ и формулировали его для дальнѣйшей исторіи. Когда нужно теорію общечеловѣческихъ законовъ прилагать къ исторіи какого-нибудь народа, то не слѣдуетъ упускать изъ вида, что эти законы могутъ выражаться многообразными способами, и какими способами они приложились къ народной жизни въ тотъ или другой вѣкъ — этого не покажутъ никакія аналогіи; это можетъ открыть только изученіе фактовъ и наблюденіе надъ ними въ подробностяхъ.

Главнымъ образомъ вся эта произвольная теорія родоваго быта основана на двухъ мѣстахъ памятниковъ, понятыхъ произвольно. На основаніи предвзятаго ихъ толкованія, начали подводить подъ созданную теорію мѣста изъ другихъ источниковъ и объяснять ихъ значеніемъ родоваго быта. Эти

коренныя мѣста — 1) изъ суда Любуши, 2) изъ приписываемой Нестору лѣтописи. Аксаковъ очевидно доказалъ, что въ этихъ именно мѣстахъ является совершенно противное. Дѣло въ томъ, что предъ судъ Любуши являются два брата, спорящіе о наслѣдствѣ послѣ отца. Вопросъ въ томъ, раздѣлиться ли имъ, или владѣть съ-обща. Любуша предлагаетъ это дѣло на обсужденіе сейму, напоминаетъ, что, по закону вѣкожизненныхъ боговъ, братьямъ слѣдуетъ или пребывать вмѣстѣ, или раздѣлиться. Сеймъ рѣшаетъ, что имъ слѣдуетъ владѣть отцовскимъ имѣніемъ съ-обща. Одинъ изъ братьевъ высказываетъ свое неудовольствіе такимъ рѣшеніемъ. На этомъ-то мѣстѣ основывали, что у древнихъ Славянъ существовалъ родовой бытъ. Но во-первыхъ, вопросъ завязывается только между двумя братьями, слѣдовательно вращается въ кругѣ семейнаго, а не родоваго быта, (какъ его понимали въ видѣ развѣтвленія и вмѣстѣ совокупности семей), во-вторыхъ, по вопросу о томъ: владѣть ли братьямъ съ-обща или раздѣлиться, слова Любуши относятъ къ закону вѣкожизненныхъ боговъ и тотъ и другой способъ разрѣшенія; въ третьихъ, недовольство одного изъ братьевъ Кле   новичей показываетъ, что въ понятіяхъ у Славянъ не было не только родоваго, но и обязательнаго семейнаго единства, поглощающаго свободу личнаго права. Все, что можно вывести изъ этого мѣста, есть то, что въ древности существовалъ обычай—по смерти отцовъ—дѣтямъ и владѣть съ-обща, и дѣлиться; что по этому предмету возникали споры, которые рѣшались вовсе не родовымъ, а гражданскимъ вѣчевымъ порядкомъ. Другое мѣсто въ пользу родоваго быта — въ нашей лѣтописи, столь же мало подтверждаетъ спорную теорію. Это мѣсто: «Поляномъ живущимъ особо и владѣющимъ роды своими, иже и до сее братьѣ бяху Поляне и живяху кождо съ своимъ родомъ и на своихъ мѣстахъ, владѣюще кождо родомъ своимъ.» Аксаковъ указываетъ, что выраженіе «живущимъ особо» относится прямо къ послѣдующему выраженію: «иже и до сее братьѣ бяху Поляне», и сопоставляя его съ подобнымъ выраженіемъ другаго мѣста, гдѣ говорится: «Поляномъ же живущимъ особѣ, якоже рекохомъ, суще отъ рода словенска и нарекошася Поляне», указываетъ,

что въ первомъ мѣстѣ, какъ и во второмъ, то̀ значеніе, что Поляне и прежде были Поляне, особо отъ другихъ племенъ. Что̀ касается до слова «родъ», то Аксаковъ справедливо признаетъ здѣсь это слово въ значеніи семьи и указываетъ на значеніе его въ смыслѣ семьи въ малорусскомъ языкѣ до сихъ поръ. Но по нашему мнѣнію, выраженію «и на своихъ мѣстахъ владѣюще кождо родомъ своимъ», Аксаковъ слишкомъ затѣйливо даетъ тотъ смыслъ, что каждый жилъ вмѣстѣ съ своимъ родомъ, къ которому принадлежалъ. Здѣсь смыслъ гораздо проще: каждый владѣлъ или управлялъ семьею своею разумѣя подъ *каждымъ* отца семейства, что̀ совершенно совпадаетъ съ народными понятіями. Очень остроумно и мѣтко указываетъ критикъ на выраженіе, котораго какъ будто не замѣчали приверженцы родоваго быта у того же лѣтописца, и по поводу того же предмета: именно о Кіѣ, Щекѣ и Хоревѣ, трехъ братьяхъ, начальникахъ Полянъ, говорится, что они жили отдѣльно и держали родъ свой. Коль скоро братья жили отдѣльно и у каждаго былъ свой родъ, то здѣсь во первыхъ очевидно, что лѣтописецъ кіевскій употреблялъ слово «родъ» именно въ смыслѣ семьи, что̀ и теперь это слово означаетъ по южнорусски; а во вторыхъ, что ихъ способъ помѣщенія отдѣльно семьями указываетъ на отсутствіе такого родоваго быта, который произвольно создаютъ его поборники. Аксаковъ очень кстати припомнилъ, что слово «двоюродный», даваемое сыну дяди, явно указываетъ, что родъ означалъ въ древности семью, и показываетъ напротивъ неразвитость родовыхъ понятій.

Подтвержденіемъ его мысли, опровергающей родовую теорію служитъ также и Русская правда, гдѣ право мести ограничивается, послѣ отца, только сыновьями братьями и племянниками, а еслибъ небыло такихъ близкихъ родственниковъ, то и мстить было некому: это никакъ ни сходится съ развитымъ родовымъ бытомъ; равнымъ образомъ статьи о наслѣдствѣ послѣ боярина и смерда имѣютъ въ виду только близкихъ семейныхъ, а не отдаленныхъ. Да и вообще въ нашемъ памятникѣ древнихъ юридическихъ понятій нѣтъ ничего, указывающаго на существованіе родоваго быта. Слово родъ, по мнѣнію Аксакова, у насъ имѣлъ два значенія—

семьи и происхожденія или предковъ и потомковъ по восходящей и нисходящей линіи. Не разсмотрѣвши вполнѣ значенія того слова, приверженцы родоваго быта вслѣдъ за Эверсомъ, создали себѣ произвольное понятіе, начертили картину родоваго быта и построиваютъ на немъ всю русскую исторію.

Опровергая родовую теорію, Аксаковъ отыскиваетъ другое основаніе нашего древняго быта—общинное или вѣчевое. Древнія свидѣтельства о Славянахъ Прокопія и Маврикія, насильственно подогнанныя подъ теорію родоваго быта, получаютъ свое прямое значеніе. Во всей древней русской исторіи, отъ призванія первыхъ князей до паденія вѣчеваго порядка, видно это устройство. Его очевидность подтверждается множествомъ примѣровъ, не смотря на скудость нашихъ лѣтописей, упускающихъ изъ виду внутреннюю сторону исторіи и занятыхъ болѣе внѣшними событіями. Аксаковъ указываетъ на важное значеніе земли въ собирательномъ смыслѣ союза городовъ и селъ, связанныхъ народною одноплеменностью, и представляетъ въ примѣръ ранняго о томъ понятія дѣла Ольги съ Древлянами, гдѣ Древляне дѣйствуютъ всею деревьскою землею. Такимъ образомъ Аксаковъ въ своей статьѣ не только разсѣеваетъ произвольно созданную теорію, грозившую обнять и заковать всѣ послѣдующія событія русской исторіи и тѣмъ самымъ освѣтить ее фальшивымъ, ей несвойственнымъ блескомъ, но и наводитъ дальнѣйшихъ изслѣдователей на истинный путь. Мы не станемъ излагать здѣсь всѣхъ примѣровъ существовавшаго издревле общинно-вѣчеваго начала, приводимыхъ Аксаковымъ: эти примѣры большею частью извѣстны въ настоящее время всякому, занимающемуся русской исторіей; они очень выпукло стоятъ въ ряду историческихъ событій, а между тѣмъ прежніе изслѣдователи и повѣствователи оставляли ихъ болѣе или менѣе въ тѣни, какъ незамѣчательныя и второстепенныя частности. Подробное разсмотрѣніе ихъ, приложеніе къ теченію исторіи и окончательные выводы могутъ быть достояніемъ цѣлостнаго изложенія исторіи, но Аксакову безспорно принадлежитъ честь поставки на первый планъ этой стороны древней нашей жизни. Справедливо кончаетъ онъ свою статью такими многозначительными словами: «Русская земля

была изначала наименѣе патріархальная, наиболѣе семейная и наиболѣе общественная (именно общинная) земля».

Но такъ какъ никакая теорія, какъ бы она произвольна ни была, не обходится безъ части истины, такъ и въ поднятомъ ученіи о родовомъ бытѣ остается своя доля исторической правды. Самъ Аксаковъ долженъ былъ сознаться, что если гдѣ можно, хотя отчасти, найти родовое устройство, такъ это въ родѣ рюриковомъ, призванномъ, нетуземномъ. Чтобъ чѣмъ-нибудь согласить съ своимъ взглядомъ это обстоятельство, очень благопріятствующее Соловьеву и Кавелину, Аксаковъ приписываетъ его чужеземному вліянію, и присоединяетъ къ этому другое подобное явленіе — мѣстничество, которое занято было у дружины и тоже занесено извнѣ, а земля или народъ не принимала въ обоихъ явленіяхъ никакого участія. Здѣсь мнѣніе Аксакова почти столько же натянуто и произвольно, какъ и система его противниковъ. Во-первыхъ, если князья были чужеземцы, то ихъ призвали Славяне, и призвали трехъ, а не одного князя, и съ тѣхъ поръ свободно образовалось понятіе о правѣ рюрикова рода на владѣніе: и такъ, слѣдовательно, у Славянъ было уже готовое понятіе о превосходствѣ родовъ. Во вторыхъ, мы видимъ, что фамилія Рюриковичей скоро ославянилась, приняла туземную народность, и все-таки удерживала свое родовое значеніе. Что касается до мѣстничества, то напрасно говоритъ Аксаковъ, что въ народѣ не было о немъ идеи. Вотъ хоть бы напр. взять Горе-Злосчастіе, гдѣ на пиру есть мѣста и большія, и среднія, и меньшія, и пришедшаго гостя сажаютъ *по отчеству*, а когда замѣчаютъ, что онъ тоскуетъ, то говорятъ ему: «или мѣсто тебѣ не по отчинѣ твоей». Между посадскими и крестьянами мы видимъ раздѣленіе на «лучшихъ, среднихъ и меньшихъ». Самый обычай называть по отчеству указываетъ на уваженіе къ роду, къ происхожденію. Дѣло въ томъ, что такого родового быта, какой себѣ вообразили было—съ родоначальниками, съ строгимъ развѣтвленіемъ и самозаключенностью, съ деспотической властью патріарховъ, у насъ не было; но издавна существовало уваженіе къ происхожденію, которое поддерживалось или ослаблялось состояніемъ, счастіемъ и умѣньемъ удержаться въ

значенiи членовъ рода. Самый княжескiй родъ лучше всего показываетъ, до чего доходили эти понятiя. Мы видимъ сознанiе правъ княжескаго рода; изъ этого рода лица должны быть правителями въ русскихъ земляхъ, но, съ другой стороны, не видимъ личной зависимости младшихъ отъ старшихъ, ни общей собственности между князьями. Каждый князь самъ по себѣ свободный человѣкъ. Притомъ, очевидно, ихъ единство связывается не внутреннимъ сознанiемъ родовой чести, а положенiемъ въ отношенiи страны. Русская земля составляетъ федерацiю земель. Еще въ IX вѣкѣ, какъ показываетъ намъ лѣтопись, необходимость отбоя Норманновъ вынудила нѣсколькихъ изъ народцевъ, обитавшихъ на русскомъ материкѣ, соединиться; чтобъ удержать эту связь, возникшую вслѣдствiе чужеплеменнаго натиска, народы нашли способъ призвать къ себѣ особый родъ, такой родъ, который былъ бы непричастенъ мѣстнымъ интересамъ. Это понятiе, самое простое и естественное, у насъ безпрестанно выражалось формою третейскаго суда. Призванный родъ послужилъ звеномъ соединенiя земель. У народовъ не было ни малѣйшаго понятiя о централизованномъ государствѣ. Они понимали только союзъ земель. Слѣдовательно, ничего не могло быть естественнѣе Ярославу, у котораго было нѣсколько сыновей, разселить ихъ по землямъ. Связь между правителями земель должна была оставаться, по мѣрѣ того какъ оставалась связь самыхъ земель между собою. Понятно, что черниговскiй князь чувствовалъ родовое единство съ смоленскимъ или рязанскимъ, когда и черниговская земля сознавала съ землею смоленскою или рязанскою свое союзное единство. Но было ли то же въ народѣ? Сознавали ли также фамилiи некняжескiя свои родовыя связи, въ далекихъ развѣтвленiяхъ? На это можно отвѣчать съ вѣроятностью: сознавали, на сколько обстоятельства этому благопрiятствовали. Понятiе о чести происхожденiя есть общечеловѣческое понятiе, также какъ и понятiе о превосходствѣ однихъ предъ другими по обстоятельствамъ. И то и другое можетъ принимать разныя формы. Идея мѣстничества въ своемъ обширномъ значенiи есть не что иное, какъ право одного пользоваться честью выше другаго. Этому общечеловѣческому по-

нятію способствуютъ личныя достоинства, богатство и происхожденіе. Умный человѣкъ, богатый человѣкъ уважались; уважался и сынъ умнаго и богатаго человѣка, и ему давалось мѣсто по отчеству, и прежде чѣмъ онъ самъ заслуживалъ личное уваженіе, ему открытъ былъ путь по происхожденію. Но какъ могло соединяться съ этимъ общечеловѣческимъ, естественнымъ признаніемъ правъ на уваженіе—развѣтвленіе родства, это зависѣло отъ обстоятельствъ. Скудость нашего языка въ родовыхъ названіяхъ, указанная Аксаковымъ, древніе памятники, ограничивающіе родство тѣснымъ кругомъ семьи, показываютъ, что въ древности связь подобныхъ семей терялась; но православіе, внесши къ намъ съ одной стороны готовыя степени родства, съ другой византійскія понятія о благородствѣ, необходимо расширяло семейныя связи и развивало у насъ аристократическіе начатки. Общечеловѣческое уваженіе къ происхожденію получило здѣсь свою санкцію. Мы видимъ, что въ Новгородѣ, землѣ, въ которой никакъ нельзя отрицать существованіе самыхъ широкихъ демократическихъ началъ, происхожденіе пользовалось уваженіемъ. Сыновья посадниковъ носили какъ-бы сословное прозвище дѣтей посадничьихъ; память заслугъ или знатности предковъ служила честью дѣтямъ и потомкамъ. Это существовало въ логической параллели съ противнымъ обычаемъ—за преступленія отцовъ брать на потокъ и разграбленіе ихъ семейства. Въ московской землѣ тѣ же начала получили болѣе прочное приложеніе; когда тамъ образовался монархическій укладъ и сталъ подавлять вѣчевой, тогда около великихъ князей сгруппировались фамиліи и стали *тянуть* къ нимъ службою; служба великому князю сдѣлалась признакомъ отличія заслугъ. Тогда къ понятію о службѣ государю примкнули старыя понятія о чести происхожденія, и конечно стали опредѣленнѣе, прочнѣе, осязательнѣе, легальнѣе, какъ вообще всѣ общественныя понятія стали тогда выражаться въ учрежденіяхъ и обозначаться болѣе рѣзкими чертами. Но собственно они носили болѣе семейный, чѣмъ родовой характеръ: человѣкъ гордился происхожденіемъ по отцу, могъ поставлять себѣ въ честь и заслугу дѣла предковъ, но все-таки по отноше-

нію прямаго происхожденія родителей; нигдѣ мы не видимъ чести родовой въ опредѣленномъ смыслѣ слова, т. е. когда бы говорилось не о прямомъ происхожденіи, а о принадлежности къ группѣ, связанной родовымъ союзомъ. Такъ возникло мѣстничество: эта форма выражала тогдашнюю степень развитія старинныхъ понятій о благородствѣ происхожденія въ приложеніи къ службѣ царю.

Въ своемъ разборѣ VI тома Исторіи Соловьева (Русск. Бес. 1856, IV) Аксаковъ дополняетъ свои прежнія доказательства противъ родоваго быта новыми указаніями на обстоятельства, въ которыхъ Соловьевъ видѣлъ продолженіе родоваго быта. Послѣдній находилъ присутствіе родоваго быта въ томъ, что русскій бояринъ прибавлялъ къ своему имени имя отца, дѣда и прадѣда. Аксаковъ справедливо замѣтилъ, что именно этотъ способъ фамильныхъ прозвищъ указываетъ на господство семейнаго, а не родоваго начала, и что если бъ существовало послѣднее, то бояринъ прибавлялъ бы къ своему имени прозвище рода, а не прямыхъ предковъ. Аксаковъ съ своимъ своенароднымъ взглядомъ подмѣтилъ вѣрно, что и теперь у простонародья называются прозвищами отцовъ и дѣдовъ, и такимъ образомъ въ одномъ и томъ же непосредственномъ поколѣніи прозвища измѣнялись. Точно также и встарину не было фамильныхъ родовыхъ прозвищъ, были семейныя; имя дѣда удерживалось для внуковъ и уступало другому прозвищу, имени новаго дѣда, чрезъ поколѣніе. «Такъ Романовы, говоритъ онъ, прежде, во время Іоанна назывались Захарьевыми, по имени дѣда, а потомъ черезъ поколѣніе назывались Романовыми, по имени Романа, внука Захарія, и въ свою очередь дѣда знаменитаго Θеодора (Филарета) Никитича.

Вообще эта рецензія Аксакова изобильна своеобразными взглядами на многія стороны и вопросы русской исторіи. Здѣсь, въ короткомъ очеркѣ, Аксаковъ излагаетъ свою систему русской исторіи. Со многимъ надобно намъ согласиться, другое кажется невѣрнымъ. По мнѣнію его, во времена удѣльныя вся Россія была единая, и не представляла не только отдѣльныхъ государствъ, но даже и федеративнаго союза. Княжескія дѣленія владѣній, постройки

государственныхъ перегородокъ совершались безъ участія земли или народа. Народъ управлялся по себѣ, своимъ вѣчевымъ порядкомъ и вмѣшивался въ княжескую борьбу только въ крайнихъ случаяхъ, когда или удалялъ князя, который вредилъ его матеріальному благосостоянію, или вооружался за любимаго князя по особенному сочувствію къ его личности. Князей окружала дружина. Дружина была стихіею, чуждою народу. Съ татарскаго завоеванія князья, присмотрѣвшись въ ордѣ на государственную цѣльность власти въ лицѣ хана, стали стремиться къ установленію государственнаго порядка каждый въ своемъ княжествѣ, хотѣли усилить свое могущество на счетъ своихъ сосѣдей. Но Москва подняла знамя всей Руси—уже не знамя Москвы, но Руси и въ земскомъ и въ государственномъ значеніи. Здѣсь, въ первый разъ сознаваемое издавна единство земли сочетается съ стремленіемъ къ единству государства. Такимъ образомъ, возвышеніе Москвы представляется дѣломъ вполнѣ общенароднымъ, общерусскимъ; и потому-то невозможно было бороться князьямъ противъ московской власти, ибо это значило бороться противъ всего русскаго народа. Когда, такимъ образомъ, сформировалось русское государство, дружина окружила престолъ. Дружина прежде ограничивала князя; князь обязанъ былъ съ нею совѣтоваться. Но дружина была всегда чужда народа, и теперь стала вредна какъ для царя, такъ и для народа—и вотъ Иванъ IV сокрушаетъ дружину, а народъ молча присутствуетъ при ея сокрушеніи.

Въ этомъ взглядѣ на исторію, начатую отъ призванія Варяговъ и доведенную до Ивана Грознаго, есть доля правды, но сильно закрытая туманомъ идеализма. Чутье Аксакова ощущаетъ раздвоеніе власти и народа съ начала русской исторіи, но, по нашему разумѣнію, попадаетъ не туда, гдѣ оно въ самомъ дѣлѣ находится. Главная ошибка его та, что онъ передалъ первоначальному единству русской земли болѣе, чѣмъ сколько его было на самомъ дѣлѣ. При элементахъ единства были элементы самобытности земель, а ихъ-то не хочетъ знать Аксаковъ. Между тѣмъ, допустивъ ихъ (а ихъ не допустить нельзя, когда послѣ столькихъ вѣковъ соединенія, этнографическія особенности отличаютъ до сихъ поръ мѣст-

ности и населеніе прежнихъ земель), мы поймемъ, что удѣльные дѣлежи и междоусобія, если иногда и происходили изъ родовыхъ отношеній и представляются чуждыми народнымъ побужденіямъ, то, съ другой стороны, очень часто сходятся съ ними во едино, и народъ былъ вовсе не такъ чуждъ княжескихъ притязаній; но часто самыя эти притязанія были только наружнымъ явленіемъ народныхъ побужденій, такъ что князья были орудіями партій, проводившихъ то или другое дѣло народа или его части. Такимъ образомъ, хотя справедливо, что за предѣлами княжескихъ отношеній была другая жизнь, земская, намъ мало извѣстная, но эта жизнь не отдѣлялись китайскою стѣною отъ князей и ихъ дружинъ, какъ воображалъ Аксаковъ. Точно также хотя и справедливо, что дружина, какъ толпа, окружавшая князей, составляла нѣчто отличное отъ массы народа, но вовсе не до такой степени ей чуждое. Дружина эта набиралась изъ того же народа и входила туда же. Аксаковъ идеализировалъ дѣйствительность, и провелъ точныя раздѣлительныя черты тамъ, гдѣ ихъ не было, какъ и вообще во всемъ въ русской жизни господствовала неопредѣленность, недостаточность разграниченія. Еще менѣе точно то, что высказано имъ о значеніи Москвы. Степень сознанія единства русской земли въ явленіи московскаго государства не уничтожила однако сознанія самобытности земель, и русскія земли вовсе не такъ легко и добровольно отдавались подъ власть московскую. Да и не такъ добродушно, народолюбиво, московскіе государи совершали подчиненіе земель. Довольно будетъ указать на Новгородъ. Опора въ татарскихъ ханахъ, владыкахъ русскаго міра, покровительство со стороны митрополита, первопрестольника русской церкви, и болѣе всего ловкая, коварная политика, умѣвшая пользоваться обстоятельствами и вооружать однихъ противъ другихъ, пособляли московскимъ князьямъ болѣе, чѣмъ народное желаніе государственнаго единства. Душегубства Ивановы нельзя объяснять борьбою съ какою-то дружиною; какую же дружину перетопилъ онъ въ Новгородѣ? какую дружину травилъ медвѣдями на Москвѣ-рѣкѣ? Да не скорѣе ли онъ является врагомъ земщины, покровителемъ дружины въ

опричнинѣ? Аксаковъ, кажется, не замѣчаетъ, что всякая попытка найти въ Иванѣ какую-нибудь олицетворенную идею всеобщей потребности времени напрасна, послѣ того превосходнаго уразумѣнія характера этого замѣчательнаго историческаго лица, какое показалъ самъ Аксаковъ въ своей характеристикѣ его:

«Іоаннъ IV былъ природа художественная, художественная въ жизни. Образы являлись ему и увлекали его своею внѣшнею красотою; онъ художественно понималъ добро, красоту его, понималъ красоту раскаянія, красоту доблести, и наконецъ самые ужасы влекли его къ себѣ своею страшною картинностью. Одно чувство художественности, не утвержденное на строгомъ и суровомъ нравственномъ чувствѣ, есть одна изъ величайшихъ опасностей душѣ человѣка. Съ одной стороны оно не допускаетъ человѣка испытать ни одного чувства правдиво, ибо человѣкъ, наслаждаясь красотою чувства, имъ испытываемаго, или дѣла, имъ совершаемаго, не относится къ нимъ цѣльно и непосредственно: онъ любуется ими, онъ любитъ красоту, а не самое дѣло. Вотъ отчего и въ исторіи, и въ частной жизни встрѣчаемъ мы такія явленія, что человѣкъ напримѣръ плачетъ умиленными слезами, слыша разсказъ о кротости и великодушіи, а въ тоже время мучитъ и терзаетъ ближняго: и онъ не обманываетъ, эти слезы не притворны, но онъ тронутъ какъ художникъ, съ художественной стороны, а одно это еще ничего не значитъ, на дѣйствительность это не имѣетъ вліянія. Человѣкъ довольствуется здѣсь однимъ благоуханіемъ добра, а добро, само по себѣ, вещь для него слишкомъ грубая, тяжелая и черствая. Это человѣкъ безнравственный на дѣлѣ, но понимающій художественную сторону добра и приходящій отъ нея въ умиленіе. Дѣло самое добра ему не нужно и не подъ силу, онъ чувствуетъ только, какъ оно изящно-хорошо, и довольствуется этимъ. Такое состояніе почти безнадежно, ибо тотъ, кто не понимаетъ его и не чувствуетъ, но можетъ понять, почувствовать и преобразиться нравственно. Тотъ же кто чувствуетъ добро, но только художественно, или наслаждается его благоуханіемъ, а дѣло самое откидываетъ, тотъ едва ли можетъ исправиться. Здѣсь мы имѣемъ

въ виду не художественное чувство вообще, а одно художественное чувство, отвлеченное, безъ нравственныхъ основаній, что встрѣчается въ жизни чаще, чѣмъ можетъ быть думаютъ. Тогда и дѣло самое добра, если захотятъ его совершить, является лишь какъ картина безъ своей истины и существенности.

Но есть другая сторона художественнаго чувства, въ свою очередь губящая человѣка. Художественное чувство можетъ отыскать красоту и въ самомъ дикомъ и въ самомъ низкомъ явленіи. Напримѣръ, что̀ можетъ быть возмутительнѣе для нравственнаго чувства, какъ образъ кромѣшника, терзавшаго несчастныя жертвы Іоанновой жестокости? А вспомнимъ стихотвореніе Пушкина «Кромѣшникъ»: поэтъ представляетъ его не въ томъ свѣтѣ, но какъ-бы съ художественнымъ сочувствіемъ.

Въ Іоаннѣ была художественная природа, не основанная па нравственномъ чувствѣ. Она влекла его отъ образа къ образу, отъ картины къ картинѣ, и эти картины любилъ онъ осуществлять себѣ въ жизни. То представлялась ему площадь, полная присланныхъ отъ всей земли представителей — и царь, стоящій торжественно подъ осѣненіемъ крестнымъ на лобномъ мѣстѣ и говорящій рѣчь народу. То представлялось ему торжественное собраніе духовенства—и опять царь посрединѣ, предлагающій вопросы. То являлись ему, тоже съ художественной стороны, площадь, уставленная орудіями пытки, страшное проявленіе царскаго гнѣва, громъ губящій народы.... и вотъ ужасы казней московскихъ, ужасы Новгорода. То являлся предъ нимъ монастырь, черныя одежды, постъ, молитва, покаяніе, труды и земные поклоны—картины царскаго смиренія, и увлеченный ею, онъ обращалъ и себя, и опричниковъ въ отшельниковъ, а дворецъ свой въ обитель. Какъ трудно тому, кто любитъ картину покаянія, покаяться въ самомъ дѣлѣ!»

Этимъ мастерскимъ очеркомъ Иванова характера, составленнымъ съ такимъ глубокимъ психологическимъ взглядомъ на человѣческую натуру, Аксаковъ подписалъ приговоръ всѣмъ возможнѣйшимъ попыткамъ отыскать у Ивана какія-либо опредѣленныя идеи, какія-нибудь преднамѣрен-

ныя, неизбѣжныя цѣли; Иванъ понятъ какъ нельзя болѣе, и первая честь этого принадлежитъ Аксакову. Иванъ—художественная натура, какихъ дѣйствительно на свѣтѣ много и которыя бываютъ почти всегда очень неглупые люди; при нашихъ условіяхъ общества, родившись не въ кругу обыкновенныхъ смертныхъ, они поступаютъ въ одинъ изъ многочисленныхъ разрядовъ обширной массы пустыхъ людей. Они плачутъ въ театрѣ отъ трагической сцены, съ ужасомъ содрогаются при видѣ человѣческаго страданія, но рѣдко способны облегчать человѣческое страданіе и легко могутъ сдѣлаться сами причиною его; они умиляются благочестіемъ надъ плащаницею въ великую субботу и готовы кощунствовать надъ религіею на ѳоминой недѣлѣ; они высокопарно проповѣдуютъ объ общемъ благѣ, о народномъ воспитаніи, о равенствѣ и свободѣ, но не сдѣлаютъ въ пользу всего этого шагу, который бы стоилъ какого-нибудь сознательнаго пожертвованія съ ихъ стороны, потому что и не въ силахъ дѣйствительно почувствовать и сознать того, о чемъ говорятъ; они идеально влюбляются и проводятъ безсонныя ночи въ томительныхъ грезахъ о своихъ красавицахъ, но обыкновенно бываютъ самыми дурными мужьями и отцами; они всего болѣе кажутся способными увлекаться изящнымъ и любить искусство: ахаютъ въ картинныхъ галлереяхъ, приходятъ въ неистовый восторгъ отъ музыки, съ жаромъ превозносятъ красоты произведеній поэзіи, но въ самомъ дѣлѣ никогда не могутъ вполнѣ постигать сущности искусства, лежащей въ его явленіяхъ. Когда эти люди не одарены властью, они безвредны на-столько, на-сколько пустота можетъ быть безвредною, но коль-скоро судьба поставитъ ихъ на какую-нибудь степень вліянія на другихъ—горе послѣднимъ!

Таковъ былъ и Иванъ Грозный, сколько можно видѣть изъ современныхъ памятниковъ. Народъ не былъ отягощенъ и пользовался правомъ самоуправленія. Художественныя натуры, имѣя власть, не могутъ быть строги и тяжелы; правда, онѣ очень любятъ созидать теоріи, предначертывать планы и устроивать порядки, но за то онѣ довольно лѣнивы для того, чтобъ долгое время дѣйствовать по одному

плану. Привычка созидать образы и тѣшить себя ими развиваетъ умственную и тѣлесную лѣнь; притомъ, у художественныхъ натуръ недостаетъ практическаго разсудка, когда придется работать по-мелочамъ. У нихъ воображенiе замѣняетъ все: и разсудокъ, и умъ, и волю, и чувство. Созданные образы носятся предъ ними; они тѣшатся ими; они понимаютъ смыслъ ихъ на сколько этотъ смыслъ выражается въ образахъ, но отвлекаемая отъ образа мысль дѣлается для нихъ чуждою. Они не знаютъ цѣны истинѣ и не могутъ любить ее, хотя всегда готовы ее прославлять и восхищаться ею. Они всегда лгутъ, но никогда намѣренно не обманываютъ; лгутъ безъ заднихъ цѣлей, единственно потому, что безпрестанное созиданiе образовъ прiучаетъ ихъ ко лжи. Они не способны никого и ничего любить, хотя и кажутся проникнутыми любовью. Они не эгоисты въ точномъ значенiи этого слова: они не соразмѣряютъ своихъ дѣйствiй такъ, чтобы все клонилось къ ихъ пользѣ, да и о пользѣ своей собственно они рѣдко заботятся; они всѣ преданы своимъ образамъ, живутъ исключительно для нихъ однихъ. Они легко могутъ незлонамѣренно ввести въ заблужденiе другихъ и показаться совсѣмъ не тѣмъ, чѣмъ есть на самомъ дѣлѣ, потому что они неглупы, красно и съ чувствомъ говорятъ, готовы даже на дѣло, пока образъ ихъ увлекаетъ, и потому другiе могутъ принять въ нихъ за дѣйствительность то, что въ самомъ дѣлѣ только призрачно. Вообще такiя натуры всего болѣе обманчивы. Такъ точно и Иванъ Грозный могъ быть загадкою для историковъ и былъ до тѣхъ поръ, пока Константинъ Аксаковъ не указалъ намъ его существа въ настоящемъ свѣтѣ. Подобнымъ уразумѣнiемъ личностей, которымъ суждено было поставить свой произволъ закономъ надъ массами, можетъ объяснится многое въ исторiи и получить совсѣмъ другой характеръ; окажется, что мы привыкли считать необходимымъ результатомъ предъидущихъ явленiй то, что возникло только какъ плодъ настроенiя какой нибудь личности.

Такимъ образомъ вѣрный взглядъ на характеръ Ивана Васильевича едва ли допуститъ видѣть въ земскомъ соборѣ исторически–необходимое сочетанiе мѣстныхъ вѣчъ во единое вѣче всей

русской земли. Если-бъ это было такъ, то, безъ сомнѣнія, такой земскій соборъ образовался бы ранѣе. По нашему мнѣнію, это явленіе таково, что оно могло также и не быть, но могло случиться и дѣйствительно случилось. Единственно, что̀ въ этомъ явленіи можетъ не принадлежать Ивану, это то, что̀ сложило въ его художественной головѣ такой образъ. Кажется, что его вызвала не какая–нибудь законная потребность въ исторіи народа, а аналогія съ духовными соборами; тогда же такой соборъ былъ созванъ и составлялъ явленіе, обычное изстари. Сколько извѣстно, до самой смутной эпохи, явленіе земскаго собора оставалось болѣе какою-то церемоніею, по образцу, какъ онъ вышелъ изъ воображенія художника-государя. Только послѣ потрясенія русскаго міра, когда необходимость дала этому образу дѣйствительное значеніе народной потребности, земскій соборъ сталъ чѣмъ-то дѣйствующимъ, получилъ сущность, но и то не надолго. Земскій соборъ былъ такое явленіе, безъ котораго русскій народъ оставался бы неизмѣнно тѣмъ же, чѣмъ былъ, и потому нельзя ставить его на одну доску съ вѣчами: Новгородъ и Псковъ перестали быть тѣмъ, чѣмъ были прежде, когда сняли ихъ вѣчевые колокола.

Въ своемъ разборѣ Константинъ Аксаковъ коснулся вообще современнаго положенія литературы русской исторіи, и отдавая полную дань уваженія таланту и трудамъ г. Соловьева, въ то же время признаетъ его сочиненіе изслѣдованіемъ, а не исторіею, нимало не ставя ему этого въ вину, и полагаетъ, что въ настоящее время не пришла еще пора для исторіи. Аксаковъ и здѣсь послѣдовалъ своему обычному идеализму. Опредѣливъ исторію непосредственнымъ представленіемъ событій (народа, человѣчества) въ ихъ естественномъ ходѣ, въ ихъ дѣйствительной былевой современности и послѣдовательности, представленіемъ, освѣщеннымъ въ то же время мыслью, движущею эти событія, онъ не допускаетъ уже въ исторію изслѣдованій и думаетъ, что они должны составлять предметъ предварительныхъ работъ. Въ идеальномъ смыслѣ будетъ такъ, но не значитъ ли это, что намъ приходится ожидать отчетливыхъ и законченныхъ изслѣдованій по безчисленнымъ вопросамъ, входящимъ въ ис-

торію, и воздерживаться отъ стройнаго изложенія науки? Такъ строго судить едва ли возможно. Желая вполнѣ такой исторіи, какой хочетъ Аксаковъ, не лишними однако будутъ въ исторической литературѣ и послѣдовательныя изложенія событій которыя хотя бы и не удовлетворяли такому высокому идеалу, но совмѣщали бы въ себѣ все, на чемъ останавливалась наука въ своемъ безпредѣльномъ движеніи? Присутствіе изслѣдованій въ исторіи Соловьева нельзя вмѣнять ему въ недостатокъ, какъ равно и то, что онъ назвалъ свое сочиненіе исторіей, но дѣйствительно можно пожалѣть, что это достойное уваженія и въ высокой степени полезное сочиненіе талантливаго и ученаго профессора страдаетъ почти повсемѣстно чрезвычайно тяжелымъ изложеніемъ, и это важный его недостатокъ. Аксаковъ въ разборѣ VII тома той же исторіи, указываетъ на непослѣдовательность частей, на несоразмѣрность ихъ въ описаніи. Онъ не одобряетъ сырыхъ выписокъ, приводимыхъ изъ актовъ, безъ критики ихъ самихъ, съ слабымъ систематическимъ подведеніемъ ихъ къ мысли, обвиняетъ г. Соловьева въ упущеніи нѣкоторыхъ важныхъ предметовъ, какъ напр. прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ, и вообще въ недостаткѣ систематическаго изложенія. Замѣчанія эти на сочиненіе, которое при всей тяжеловатости своего изложенія, долго будетъ и должно имѣть читателей, конечно не останутся безъ пользы для развитія понятій, чего именно слѣдуетъ требовать отъ исторіи, но не совсѣмъ справедливы: напр. Соловьевъ *упоминаетъ* о прикрѣпленіи крестьянъ.

Въ этомъ разборѣ критикъ выставилъ на видъ одну важную черту русской исторіи. Г. Соловьевъ сдѣлалъ такой приговоръ русскому умственному движенію: «При отсутствіи просвѣщенія, младенчествующая мысль старинныхъ нашихъ грамотѣевъ обращалась не къ духу, а къ плоти, ко внѣшнему болѣе доступному, входившему въ ежедневный обиходъ человѣческой жизни.» Далѣе г. Соловьевъ выставляетъ на первомъ планѣ разные споры о вопросахъ, относящихся до внѣшнихъ условій религіозности. Аксаковъ изъ этого видитъ, что Соловьевъ произноситъ приговоръ на старую Русь, и въ противность общеукорененному у насъ мнѣнію, будто рели-

гіозность у насъ не подымалась выше обрядной, наружной стороны, указываетъ на ереси, касавшіяся самыхъ существенныхъ вопросовъ христіанства, какъ напр. Башкина и Косаго, и раннія ереси: жидовствующую и ересь стригольниковъ. Обвиненіе на Соловьева въ этомъ случаѣ не совсѣмъ справедливо, ибо Соловьевъ не упустилъ изъ виду этихъ явленій, на которыя указываетъ Аксаковъ, и за что послѣдній его хочетъ укорить. Но тѣмъ не менѣе критикъ здѣсь обращаетъ вниманіе на то, что, дѣйствительно, хотя и было предметомъ научнаго изслѣдованія, однако всегда какъ нѣчто исключительное. Аксаковъ считаетъ эти явленія результатами общества. Дѣйствительно, въ настоящее время историческія явленія такого рода нуждаются въ большемъ вниманіи, нежели какимъ до сихъ поръ они пользовались.

Въ заключеніе своего разбора Аксаковъ наводитъ читателей на любимую свою идею—двойственность земли и государства въ древнемъ русскомъ мірѣ и приводитъ нѣсколько замѣчательныхъ мѣстъ, доказывающихъ, что въ русскомъ воззрѣніи существовало понятіе о такой двойственности. Такъ напр. бояре отвѣчаютъ польскому послу Гарабурдѣ, предложившему съѣздъ для постановленія вѣчнаго мира: «Это дѣло великое для всего христіанства; государю нашему надобно совѣтоваться объ немъ со всею землею, сперва съ митрополитомъ и со всѣмъ освященнымъ соборомъ, а потомъ съ боярами и со всѣми думными людьми, со всѣми воеводами и со всею землею. На такой совѣтъ съѣзжаться надобно будетъ изъ дальнихъ мѣстъ.» На новыя требованія о томъ же предметѣ послы такъ отвѣчали: «не мало времени нужно для совѣщанія со всею землею.» Аксаковъ еще приводитъ нѣсколько примѣровъ, изъ которыхъ заключаетъ, что русскіе давали важное значеніе землѣ. Между прочимъ, когда одинъ изъ австрійскаго посольства объявилъ думному дьяку Щелкалову, что Максиміліанъ хочетъ добывать польскаго королевства, Щелкаловъ отвѣчалъ: «государь нашъ хочетъ, чтобъ Максиміліанъ былъ на королевствѣ польскомъ, да вѣдь самъ знаешь, на государство силою какъ сѣсть? Надобно, чтобъ большіе люди, да и всею землею захотѣли и выбрали на королевство; а только землею не захотятъ, и того государства трудно

доступать.» Указанія эти очень важны, хотя ни Аксаковъ и никто другой принадлежащій къ одной съ нимъ школѣ, не разъяснили степени той важности, какую имѣла въ рускихъ общественныхъ понятіяхъ эта идея земли въ отличіе отъ государства, въ московскій періодъ русской исторіи. Заслуга его здѣсь однако та, что онъ *поставилъ* вопросъ, заставилъ обратить вниманіе на то, что̀ прежде проскользало, какъ не значительная черта; но онъ бросаетъ на него такой свѣтъ, который едвали истекаетъ изъ истины. На ссылку Русскихъ, что такое великое дѣло, какъ вѣчный миръ, можетъ состоятся только по совѣту всей земли, Поляки отвѣчали: «у васъ въ обычаѣ ведется, что̀ сдумаетъ государь да бояре, на томъ и станетъ, а землѣ до того и дѣла нѣтъ». Аксаковъ по этому поводу разсуждаетъ: «Понятно что Поляки, вдавшись въ государственныя аристократическія формы и подавивъ шляхтою простой народъ, не понимали уже славянскаго значенія земли и не понимали великой нравственной силы свободнаго общественнаго мнѣнія, силы всенароднаго совѣта, имѣвшаго лишь нравственное, совѣщательное значеніе». Здѣсь только доля правды, именно то, что въ Польшѣ одна только шляхта пользовалась политическими правами, а простой народъ былъ подавленъ; въ Россіи же было болѣе уравненія между высшими и низшими слоями общества; но шляхта и составляла въ Польшѣ свободный народъ, и все понятіе о землѣ переносилось на шляхту.

Съ этимъ мнѣніемъ Аксакова нельзя согласиться.

Артистическіе капризы Ивана Васильевича Грознаго, устроившіе земскіе соборы, нѣсколько воскресили почти угасшія искры старины, и онѣ было начали сверкать въ новыхъ сферахъ политической и общественной жизни, но не имѣли на столько внутренней силы, чтобъ возгорѣться по прежнему яркимъ пламенемъ. Не признавая за земскими соборами никакой первостатейной важности, какую хочетъ имъ придать Аксаковъ, важность того, что̀ составляетъ сущность земли, остается неизмѣнною: эта сущность—народъ съ его правами, преданіями, накопившимися въ теченіе вѣковъ, понятіями, выработанными прошлою и современною жизнью, вѣрованіями, надеждами, тревогами, прошедшимъ и настоя-

щимъ горемъ, трудомъ, добродѣтелями, пороками. Вотъ эта-то земля, (или лучше сказать соединеніе земель русскихъ,) должна войти въ исторію русскую.

Аксаковъ оканчиваетъ разборъ VII тома слѣдующими словами: «Теперь, когда вышло уже семь томовъ исторіи Россіи, можно сказать вообще о ней мнѣніе, т. е. о всемъ написанномъ. Въ исторіи Россіи авторъ не замѣтилъ одного русскаго народа. Русскаго народа не замѣтилъ и Карамзинъ; но въ то время этого далеко нельзя было такъ и требовать, какъ въ наше время; къ тому же Карамзинъ назвалъ свою исторію исторіею государства россійскаго. Исторія Россіи, предметъ настоящаго нашего разбора, можетъ совершенно справедливо быть названа тоже исторіею россійскаго государства, не болѣе: земли, народа читатель не найдетъ въ ней. Съ другой стороны, такъ-какъ рядомъ съ государствомъ существуетъ земля, то сама исторія государства, какъ государства, не можетъ быть удовлетворительна, какъ скоро она не замѣчаетъ земли, народа». Приговоръ этотъ надъ исторіей Соловьева замѣчателенъ тѣмъ, что возбудилъ впослѣдствіи много толковъ. Одни стали находить, что въ исторіи Соловьева упущенъ народъ, осталось одно государство; другіе стали защищать почтеннаго историка и увѣрять, что инаго способа писать исторію и нельзя придумать! По нашему крайнему разумѣнію, было бы несправедливо сказать съ Аксаковымъ, что Соловьевъ вовсе не замѣтилъ русскаго народа. Нѣтъ, онъ вездѣ его замѣчаетъ, онъ вездѣ хочетъ прослѣдить его бытъ и жизнь. Но г. Соловьевъ во всей исторіи своей стоитъ на государственной точкѣ зрѣнія, и народная жизнь является у него не главнымъ предметомъ, а какъ-бы дополненіемъ къ государственной. Очевидно, тамъ, гдѣ въ самой сущности народная жизнь расходится съ государственною, изъ такого взгляда прольется на многое иной свѣтъ, чѣмъ тогда, когда стать на точку зрѣнія обратную. Но государственная точка также нужна для науки, какъ и народная, которой справедливо добиваются Аксаковъ и другіе. Наука развивается. Каждый дѣятель долженъ вносить въ нее то, что можетъ, сообразно своему времени и положенію.

Труды Аксакова останутся навсегда знаменательными

для науки русской исторіи. Онъ опровергъ теорію родоваго быта, на которой хотѣли построить русскую исторію, онъ обратилъ вниманіе на другое древнее начало въ русской исторіи—общинное, вѣчевое, которое прежде наукою оставлено было въ тѣни; онъ возвѣстилъ плодотворную мысль удалиться отъ рабскаго подражанія западнымъ теоріямъ обратиться къ разработкѣ народной жизни, и вмѣсто чуждыхъ наносныхъ взглядовъ поискать своихъ, народныхъ. Онъ превосходно отгадалъ характеръ Ивана Грознаго и тѣмъ открылъ путь къ простому и ясному уразумѣнію его эпохи; наконецъ, онъ нашелъ двойственность земли и государства въ русской исторіи—идею великую, плодъ того русскаго воззрѣнія, надъ которымъ глумились и издѣвались и безъ котораго неосуществима плодотворность научной дѣятельности въ сферѣ русской исторіи, ибо никакія событія не понятны, если мы не знаемъ воззрѣнія, образовавшагося у того народа, который творилъ эти событія и учавствовалъ въ нихъ. При всѣхъ заслугахъ, оказанныхъ имъ русской исторіи, ему мѣшалъ тотъ идеализмъ, который составляетъ черту послѣдователей школы, къ которой онъ принадлежалъ. Сознавая, какимъ явленіе долженствовало быть, они мало обращали вниманія на то, что это явленіе не было на самомъ дѣлѣ такимъ. Это-то и повлекло Аксакова къ заключеніямъ, подобнымъ сужденіямъ о земскихъ соборахъ, о правѣ кормленія и проч. Не трудно явленія произвольно возводить къ идеямъ, но труднѣе, за то полезнѣе для науки отыскивать и указать, какъ на самомъ дѣлѣ выражались явленія, и какой смыслъ онѣ имѣли въ дѣйствительной жизни, а не въ отвлеченіи. Не менѣе мѣшалъ Аксакову, какъ и вообще славянофиламъ, московскій патріотизмъ, насильственное освѣтлѣніе періода московскаго государства, вызванное противнымъ легкодумнымъ порицаніемъ всего, что составляло сущность этого періода. Примѣръ подобнаго мы видимъ въ томъ же разборѣ VII тома Соловьева, о которомъ сейчасъ была рѣчь. Аксаковъ приводитъ слова Русскихъ Шведамъ, что Богъ сотворилъ человѣка самовластнымъ и далъ ему волю сухимъ и водянымъ путемъ, гдѣ ни захочетъ, ѣхать и проч. Аксаковъ видитъ въ этомъ русское воззрѣніе,

находитъ, что здѣсь показывается сознаніе полной свободы сношеній торговыхъ и всякихъ. Но Аксакову, какъ знатоку русской старины, безъ сомнѣнія было извѣстно, съ какимъ трудомъ въ XVII вѣкѣ можно было торговымъ людямъ ѣздить за границу, а установленіе чрезвычайно сложныхъ таможенныхъ сборовъ не говоритъ много въ пользу свободы торговыхъ и всякихъ сношеній. Также не вѣрно сказано Аксаковымъ, что за Россіею признанъ ея взглядъ, что каждый имѣетъ право исповѣдывать свою вѣру. «Просвѣтитель« Іосифа Волоцкаго говоритъ совсѣмъ другое, а казни надъ еретиками и вольнодумцами указываютъ, что написанное въ «Просвѣтителѣ» не относится исключительно къ личности Іосифа. Укажемъ на запрещеніе католикамъ строить церкви, вспомнимъ недопущеніе жидовъ въ государство. Все это не черты вѣротерпимости. Для историка не должно существовать въ прошедшемъ *хорошо* или *худо*, по современнымъ понятіямъ. Ничто такъ не вредитъ уразумѣнію исторической истины, какъ то, когда историкъ, изслѣдуя или описывая прошедшее, увлекается сочувствіемъ къ тому, что происходитъ вокругъ него, или съ намѣреніемъ думаетъ, что прошедшее наведетъ читателя на что-нибудь современное. Объективность взгляда—первое условіе къ достиженію исторической истины. Историкъ не долженъ быть преднамѣреннымъ указателемъ современныхъ общественныхъ вопросовъ. Одна истина, безотносительная, неподкупная никакими побужденіями, отыскиваемая безъ всякой другой цѣли, кромѣ ея созерцанія, должна занимать его, и если ему скажутъ то, что говоритъ чернь поэту въ извѣстномъ стихотвореніи Пушкина: «*давай намъ смѣлые уроки, а мы послушаемъ тебя*», онъ не долженъ внимать этому соблазнительному голосу. Чѣмъменѣе онъ будетъ желать своими трудами принести пользу современному обществу, тѣмъ болѣе ручательства, что онъ принесетъ ее. Истина всегда принесетъ свою пользу: напротивъ ложь, изъ какого бы добраго побужденія, по видимому, она не истекала, ничего не можетъ принести, кромѣ вреда, и для человѣческаго знанія, и для жизни.

Н. КОСТОМАРОВЪ.

Къ Нѣману.

Сонетъ.

(изъ Мицкевича)

Нѣманъ! Родная рѣка моя! Гдѣ твои воды
Тѣ, что когда-то я дѣтскими черпалъ руками?
Тѣ, по которымъ, бывало, сквозь ревъ непогоды
Въ даль уплывалъ я съ тревожными сердца мечтами?

—

Помню я: здѣсь, въ тѣ златые минувшіе годы,
Дѣва въ вѣнкѣ наклоняла чело надъ струями;
Послѣ-жъ то мѣсто на зеркалѣ вѣчной природы,
Гдѣ *ея* ликъ отражался, мутилъ я слезами.

—

Нѣманъ! Родная рѣка моя! Гдѣ-же та влага?
Гдѣ съ нею дѣлось то счастье, надежды тѣ?... Боже!
Гдѣ вы — невиннаго дѣтства спокойныя блага?
Юность мятежная? Дружба, любовь и отвага?
Гдѣ-же и та, что всей жизни была мнѣ дороже?
Все утекло. Только слезы остались мои: для чего-же?

В. БЕНЕДИКТОВЪ.

Украинка въ Краковѣ.

(Изъ Залѣскаго)

Вотъ Краковъ—столица, ужь можно сказать!
Хоть много есть пышныхъ столицъ на примѣтѣ,
Но лучше его не отыщешь на свѣтѣ.....
Да жаль, что его не легко увидать:
Вѣдь даль-то какая! такую дорогу—
Хоть сутки скачи—не проѣдешь, ей-Богу!

—

То правда: и выстроенъ Краковъ не вразъ.....
Всѣ хвалятъ его — и свои, и чужіе:
Какія палаты, костёлы какіе!
А башни, а замки — все чудо для глазъ!
И мѣдныя кровли горятъ позолотой.....
Затѣмъ-то король и живетъ тамъ съ охотой.

—

Извѣстно, что значитъ хозяина взглядъ:
Гдѣ веселъ король, веселѣй и въ народѣ;
Куда ни взгляни — молодежь въ хороводѣ
Гуляетъ, что только подковки звенятъ,
Всѣ въ пышномъ нарядѣ, въ литой опояскѣ.....
Ну, право, лишь мертвый не прыгаетъ въ пляскѣ.

—

И за́ моремъ — лучше нигдѣ не сыскать!
Такъ вотъ и жила тамъ одна Краковянка,
Дочь нашего славнаго князя Богданка.
Красавица — просто, ни въ сказкѣ сказать!
Хоть много красавицъ въ столицѣ, а нашей
Княжны молодой не отыщется краше.

—

Когда отправлялся отецъ на войну,
За синее море, — на время разлуки
Онъ дочь поручилъ въ королевскія руки.
Король съ королевой сиротку-княжну
Какъ будто родную лелѣютъ, ласкаютъ
И нѣжатъ — ну, словомъ, души въ ней не чаютъ.

—

Чего бы вѣдь, кажется? рай — не житье!
Нарядныя платья, дворецъ величавый,
И каждый день Божій пиры да забавы......
А нѣтъ: и веселье не тѣшитъ ее!
Тоскуетъ и плачетъ красавица втайнѣ
И все о степяхъ, все о милой Украйнѣ.

—

Все плачетъ и плачетъ, и сердце крушитъ.....
И что ей забавы, и игры, и смѣхи,
Заморскія разныя штуки, потѣхи?!
Одно развѣ только ее веселитъ,
Тогда лишь вольнѣе и легче подышетъ,
Какъ наши козацкія пѣсни заслышитъ.

—

Вокругъ *чернобривки* толпы жениховъ
И рвутся, и ищутъ привѣтнаго взгляда.
И точно: какъ глянетъ — такъ сердцу отрада,
И каждый въ огонь бы и въ воду готовъ.
А спросятъ ее: кто у ней на примѣтѣ?
Никто! — отвѣчаетъ — не жить мнѣ на свѣтѣ.

—

Старинная есть тамъ могила одна;
Такими и наша Украйна богата, —
Чай знаете — вотъ хоть курганъ Перепята? —
Туда-то частенько ходила она,
И сердце ея отъ тоски отдыхало,
Когда на могилѣ поплачетъ, бывало.

—

И знахарей звали отъ грусти лѣчить,
Да гдѣ! изцѣлишь ли сердечныя раны!
Все сохнулъ и чахнулъ цвѣтокъ нашъ румяный,
Завялъ наконецъ, — и пришлось хоронить.

Всѣ, даже чужіе, — хоть странно имъ было —
А плакали горько у ней надъ могилой. —

—

И вотъ князь-отецъ воротился домой;
Онъ крови за родину пролилъ не мало,
Но рана домашняя глубже запала.
Съ тѣхъ поръ онъ покинулъ свой мечъ боевой,
И шапку на брови надвинулъ угрюмо,
И къ смерти готовился грустною думой.

—

И долго, и долго народъ повторялъ:
Мы хлѣбомъ чужимъ не привыкнемъ питаться,
Намъ лучше ужъ дома и жить и скончаться;
Недаромъ такъ явно Господь показалъ,
Что нашъ Украинецъ въ далекой чужбинѣ
Весь вѣкъ протоскуетъ, и сгинетъ въ кручинѣ.

А. С.

ВЕНГРІЯ ВЪ СОВРЕМЕННЫХЪ ЕЯ ОТНОШЕНІЯХЪ КЪ АВСТРІИ. (*)

«Конституціонная хартія Венгріи была вдвинута въ австрійскую монархію острымъ угломъ, который останавливалъ постоянныя усилія австрійскихъ государственныхъ людей, стремившихся её уничтожить».

I.

Въ недавно публикованной телеграфической депешѣ 12 февраля (31 января), Пестскій комитатъ единогласно одобрилъ отвѣтъ, составленный имъ на императорскій манифестъ 15-го января. Въ этомъ отвѣтѣ комитатъ говоритъ, что октябрьскій

(*) О мадярскомъ движеніи почти что съ первой четверти настоящаго столѣтія, появилось множество сочиненій, какъ спеціально-подробныхъ, такъ и публицистическаго содержанія, въ Англіи, Германіи, Франціи, Бельгіи и Соединенныхъ Штатахъ. Большая часть изъ нихъ не имѣютъ никакого достоинства; другіе, написанные съ глубокимъ знаніемъ дѣла, но такъ кратки, что мало знакомятъ съ мадярскими дѣлами тѣхъ, которые не изучили этотъ предметъ исторически. Не можемъ однакожъ не упомянуть о нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ болѣе достойныхъ вниманія. Съ сороковыхъ годовъ начали появляться политическія сочиненія и брошюры о мадярскомъ движеніи, являясь и въ настоящее время, онѣ, по внутренней своей связи, необходимы для яснѣйшаго уразумѣнія этого вопроса. Мы укажемъ на слѣдующія: Stimmen aus Ungarn. Erlangen. 1843. — Oesterreich und Ungarn. Leipzig. 1843.—Die Stellung der Slovaken in Ungarn. Von Leo Grafen von Thun. Prag. 1843.—Ungarns Gegenwart. Leipzig. 1845. l'Europe, l'Autriche et la Hongrie. Bruxelles. 1859.—La Hongrie et la germanisation autrichienne. Bruxelles.1860.—Terra incognita. Notizen über Ungarn, von S. Orosz. Leipzig 1860;—La Hongrie, son génie et sa mission, par Chassin. 1856—Histoire politique de la révolution de Hongrie 1847—1849, par Daniel Iranyi et Charles-Louis Chassin. 2 vol. Paris 1860. —La Hongrie et la crise européenne par I—E. Horn Paris. 1860.—La Hongrie en face de l'Autriche, par. I. E. Horn. Paris. 1860.

(1860) дипломъ Франца-Іосифа пробудилъ довѣріе Венгріи къ австрійскому правительству, но какъ скоро Императоръ, не смотря на единодушное желаніе націи, своимъ дипломомъ показалъ, что не хочетъ признать главныхъ основъ Венгерской конституціи, то довѣріе замѣнилось сомнѣніемъ. *Лишь физическая сила, Государь,*—прибавляетъ далѣе комитатъ, *можетъ заставить насъ покинуть открытое и законное положеніе, занятое нами, но никакъ не добровольное рѣшеніе съ нашей стороны. Только рѣшительное возвращеніе къ конституціоннымъ принципамъ можетъ спасти съ этого времени короля и королевство.* Подобное рѣшеніе пестскаго комитата есть вѣрнѣйшее опредѣленіе того движенія и того состоянія умовъ, какое существуетъ въ настоящее время въ Венгріи.

Движеніе это, сдерживаемое, такъ сказать, въ предѣлахъ строгой законности, не смотря на видимо мирное его развитіе, съ каждымъ днемъ принимаетъ все болѣе и болѣе широкіе размѣры. Вся сила и живучесть этого развитія заключается единственно въ характерѣ, въ высшей степени народномъ и конституціонномъ, мадярскаго племени; оно тѣсно связано также съ либеральными преданіями прошлаго, и имѣетъ твердую свою основу въ томъ народномъ правѣ, которое неоднократно было нарушаемо Австріей. Движеніе мадярской народности судя по ежеминутнымъ извѣстіямъ, не изолировано и не отрывочно: оно обнимаетъ собой все мадярское племя, населяющее Венгрію, имъ дышутъ всѣ сословія общества. Движеніе это проявляется какъ въ отдѣльныхъ частяхъ бывшаго венгерскаго королевства, равно и въ такъ называемой собственно Венгріи; ясные слѣды его находятся и въ хижинѣ простолюдина, и въ палатахъ богачей, какъ на школьной скамьѣ народныхъ училищъ, такъ и на площади. Его нельзя не замѣтить и въ похоронной процессіи умершаго патріота, и на шумныхъ пиршествахъ магнатовъ. Однимъ словомъ, весь характеръ этого движенія, которое, какъ рѣдко случается, воздерживается отъ всякаго явнаго возмущенія противъ незаконной власти Австріи, сосредоточенъ въ какой-то молчаливой, но глубоко-сознанной протестаціи, такъ что одна искра въ данный моментъ можетъ восплам-

нить изъ конца въ конецъ почву, за которую ратовали всю жизнь свою доблестные Гуніади, Бéтленъ-Габоры, Тéкели, Ракаци и др. Теперь можно смѣло сказать, что и города, и сельское населеніе, и общество ученыхъ, мущины и женщины, духовные и свѣтскіе, безъ всякаго различія вѣрованія и народности, всѣ они дышутъ нѣмымъ, но умнымъ протестомъ противъ правительства, которое никогда не было ни народнымъ, ни конституціоннымъ, котораго права на Венгрію были только случайны, и которое неоднократно принося торжественную клятву сохранять ихъ, тутъ же нарушало свои обязательства. Мы бы желали спросить: возможны ли реформы, обѣщанныя Францомъ-Іосифомъ послѣ варшавскаго свиданія, областямъ обширной его державы, и въ-особенности Венгріи? Признаемся,—мы не вѣримъ этимъ реформамъ, не вѣримъ на томъ основаніи, что десять лѣтъ тому назадъ тотъ же вопросъ являлся, только въ другой формѣ. Какая же причина этого страннаго упорства Австріи держать разноплеменные народы, подвластные ей, въ постоянномъ броженіи и непримиримой враждѣ къ себѣ. Причина ясная: она лежитъ въ той несбыточной и сумасбродной,—особенно въ наше время, мечтѣ онѣмеченія, которую австрійскій домъ постоянно преслѣдуетъ въ отношеніи къ своимъ народамъ. Австрія слѣпо предавалась мысли, что внѣ этой, такъ называемой *унификаціи* народовъ, къ которой она всѣми силами стремится, при содѣйствіи католицизма и бюрократической централизаціи, нѣтъ болѣе спасенія. Въ этомъ-то и заключается вся тайна ея стремленія къ преобладанію надъ остальною Германіей, тайна ея упорнаго сопротивленія всему, что носитъ въ себѣ зачатки самобытнаго преуспѣянія въ народѣ, отсюда также и вся тайна конкордата, и тѣхъ неимовѣрныхъ уступокъ, которыя она сдѣлала недавно римскому престолу.

До революціи 1848 года, во время которой Венгрія съиграла такъ неудачно свою роль, страна эта была для остальной Европы почти terra-incognita. Ея борьба, можно сказать, на минуту заставила обратить на нее вниманіе Европы, но вскорѣ послѣ того другія событія, болѣе важныя, заслонивъ ее собой, оставили ее безъ всякаго вниманія. О ней

вспомнили только недавно, именно спустя десять лѣтъ послѣ ея возстанія въ 1848—1849 годахъ, когда она готовилась заявить о себѣ принятіемъ участія въ итальянскомъ движеніи, и содѣйствуя освобожденію Италіи, обезпечить тѣмъ свое собственное освобожденіе. Со времени виллафранкскаго мира, который разрушалъ, повидимому, всѣ надежды Италіи, Венгрія не переставала обращать на себя вниманіе Европы, такъ что въ Германіи, Италіи, Франціи и Англіи не только публицисты, но и государственные люди стали чаще и чаще произносить имя Венгріи, какъ отдѣльной націи.

Европейская дипломація подавно старалась утвердить и узаконить то состояніе Австріи, въ какомъ это государство представляется вмѣстѣ съ своими разноплеменными народами, среди которыхъ ядро главнаго нѣмецкаго племени составляетъ одну шестую часть всего населенія (*). Причина этой ложно-узаконенной мысли вытекала изъ интересовъ чисто международныхъ. Скажемъ яснѣе: дипломація возвела Австрію на степень необходимаго равновѣсія, присвоивъ ей значеніе чисто стратегическое, будто она поставлена передовымъ оплотомъ противъ Россіи. Но послѣдняя война запада съ Россіей не показала ли ясно, какъ ненадеженъ оплотъ, измѣнявшій въ одно и то же время обѣимъ сторонамъ. Кажется настало время, что и болѣе близорукіе политики должны наконецъ разубѣдиться въ этой мысли.

Два государства ждутъ ближайшихъ событій, которыя положатъ, можно сказать, краеугольный камень возрожденію народовъ юго-востока и юга-запада Европы. Одно изъ нихъ, раскинувшись на двухъ материкахъ, уже *отходитъ*, и всѣ усилія Европы едва ли спасутъ его,—это Турція. Другое въ разбитыхъ звѣньяхъ своихъ областей, можетъ найти, и то временно, твердую спайку, только тогда, когда оно чистосердечно разорветъ связь съ преданіемъ, и честно, безпристрастно приступитъ къ обѣщаннымъ реформамъ. Но возможны ли эти реформы? спрашиваемъ мы еще разъ. Телеграфическое извѣстіе, выставленное на заголовкѣ нашей

(*) Изъ числа 39,418,309 д. населяющихъ австрійскую имперію, число чисто нѣмецкаго племени не превышаетъ 7.980,920 д.

статьи, да будетъ отвѣтомъ этому вопросу. Чтобы объяснить, на какихъ правахъ основаны требованія современной Венгріи, и въ чемъ состоятъ эти требованія, слѣдовало бы прослѣдить всю ея исторію со времени подчиненія этой страны Австріи; слѣдовало бы раскрыть всю внутреннюю жизнь страны со времени первыхъ конституціонныхъ началъ Стефана, затѣмъ изложить содержаніе и примѣненіе знаменитой золотой Буллы (Bulla Aurea) Андрея II, современной древнѣйшей англійской конституціи. Но мы ограничимся въ настоящей статьѣ разъясненіемъ только трехъ обстоятельствъ: первое,—что именно вызвали въ Венгріи знаменательныя реформы Іосифа II, и настроеніе умовъ въ этой странѣ, предшествовавшее революціи 1848—1849 г.; второе—чего именно желала Венгрія въ 1847 и 1848 году, т. е. въ то время, когда возобновилось ея возсоединеніе съ династіей Габсбурговъ, на основаніи новыхъ началъ, и третье—чего желала и къ чему стремится Австрія со времени 1849 до 1860 года, т. е. въ теченіе того десятилѣтія, когда связь ,соединявшая ихъ въ продолженіе столѣтія, была разорвана и наконецъ къ чему могутъ повести Венгрію настоящія событія.

II.

Возмущеніе Франца Ракаци, продолжавшееся восемь лѣтъ (1703—1711), закончило собою рядъ мадярскихъ движеній, имѣвшихъ цѣлію возвратить Венгріи права, отнятыя у нея Австріей. Связь этихъ возмущеній съ возстаніемъ 1848 года очевидна. Впродолженіе полутора столѣтія дальнѣйшее движеніе Мадяръ было задержано тѣмъ дипломатизмомъ, свойственнымъ одному только австрійскому дому, который созданъ былъ въ ново-европейской исторіи Маріею-Терезіей, успѣвшей не только ослѣпить, но и временно развратить мадярскую націю. Движеніе это было задержано также крутымъ поворотомъ къ реформѣ, предпринятой Іосифомъ II, имѣвшимъ цѣлію, возстановленіемъ нѣкоторыхъ конституціонныхъ правъ мадярскаго народа, помирить его съ тяже-

лою властію Габсбурговъ. Но время показало натянутость и безсиліе этихъ полумѣръ и отвѣтило тѣмъ движеніемъ, которое совершилось почти передъ нашими глазами.

При вступленіи на престолъ Карла III, и въ особенности дочери его Маріи-Терезіи, политика Австріи приняла особенный характеръ. Вѣнскій дворъ отказался отъ рѣзни и насилія, употребленныхъ Фердинандами, Леопольдами, Лобковичами и Караффами, и началъ употреблять въ дѣло кротость, лесть и обманчивую любезность. Онъ смотрѣлъ сквозь пальцы на упорное стремленіе Мадяръ оставаться изолированными среди искусственной австрійской монархіи, и даже согласился, такъ по крайней мѣрѣ кажется, оставить имъ конституціонное правленіе съ королями, которые въ остальныхъ частяхъ своего государства пользуются неограниченною властію. Австрія пошла дальше: она повидимому съ уваженіемъ относилась ко всему, что было свято для мадярскаго патріотизма. Рука Св. Стефана, нѣсколько столѣтій уже находившаяся въ Далмаціи, снова выставлена была съ великимъ торжествомъ въ одной изъ церквей Буды, для поклоненія ей народа. Императоры и эрцгерцоги нерѣдко показывались среди Венгерцовъ и вообще старались усвоить себѣ національные привычки Мадяръ. Хотя поэтамъ и позволено было писать на родномъ языкѣ, но латынь по прежнему удерживала за собою право гражданства въ законодательствѣ и нѣмецкій языкъ силился сдѣлаться языкомъ хорошаго общества.

Санъ палатина, хотя и значительно ограниченный въ судебномъ и военномъ отношеніи, продолжалъ однакожъ существовать, но при первомъ удобномъ случаѣ старались его обходить, если было только возможно. Позже, при Леопольдѣ II, австрійское правительство своими происками добилось того, что штаты предложили этотъ санъ эрцгерцогамъ австрійскаго дома. Представьте же себѣ этихъ эрцгерцоговъ-палатиновъ противорѣчащихъ и сопротивляющихся своимъ коронованнымъ родственникамъ, дядямъ, бабкамъ, отцамъ,— и вы будете имѣть понятіе объ игрѣ въ жмурки, заранѣе условленной въ ея исходѣ.

Что касается сеймовъ, то ихъ стали менѣе избѣгать, не

желая, чтобы народъ по прежнему подозрѣвалъ Австрію въ стремленіи къ деспотизму, но дѣйствія ихъ были стѣснены очень сложнымъ церемоніаломъ. Чтобы умѣрить ихъ дѣятельность и склонность къ нововведеніямъ, австрійское правительство заранѣе обсуживало дѣла, подлежавшія разсмотрѣнію сейма и представляло ихъ только на утвержденіе послѣдняго. Наконецъ по рѣшеніи самыхъ спѣшныхъ вопросовъ, сеймъ немедленно распускался. Такимъ образомъ эти національныя собранія стали принимать характеръ совѣтниковъ короля и постепенно теряли ту популярность и значеніе, которыми они прежде пользовались.

Замѣтимъ впрочемъ, что сеймы имѣли дѣйствительную важность при Карлѣ III и его дочери, потому что они оба сильно нуждались въ мадярскомъ народѣ. Но лишь только Марія-Терезія была спасена, сеймъ былъ забытъ. Съ 1764 года его больше не созывали.

Къ счастію, Венгрія имѣла еще свои комитаты съ ихъ неутомимою дѣятельностію. Вѣна ненавидѣла ихъ, но не могла уничтожить этого самаго могущественнаго противника ея замысловъ, за котораго грудью стояла вся венгерская народность. «Пусть отнимутъ у моей страны всѣ ея учрежденія, всѣ конституціонныя гарантіи, и я увѣренъ, что въ скоромъ времени она снова сдѣлается свободною»,—говорилъ одинъ изъ знаменитыхъ членовъ послѣдняго венгерскаго министерства. Такимъ образомъ Карлъ III не трогалъ комитата, сейма, палатината, всей древней формы правленія. Народъ вѣрилъ, что онъ не забывалъ обѣщаній, данныхъ его предшественниками и имъ самимъ, что онъ умѣлъ уважать законъ и хотѣлъ обезпечить общественное благосостояніе, не давая слишкомъ чувствовать гнета своей власти. И потому, когда Карлъ III обратился къ штатамъ съ просьбою распространить на женщинъ наслѣдственное право, принадлежавшее при Леопольдѣ одному мужскому колѣну, то штаты не замедлили дать свое согласіе. На этомъ основаніи, Прагматическая санкція была утверждена сеймомъ въ 1723 году, и дочь Карла, объявленная его наслѣдницею, была встрѣчена съ восторгомъ великодушными Мадярами. Кто не помнитъ знаменитаго выраженія «*moriatur pro rege nostro Maria-The-*

resia!» Кто не знаетъ, что династія Габсбурговъ, должна была погибнуть, еслибъ не благородное самоотверженіе Мадяръ, которые, поднявшись цѣлой землей, вынесли на своихъ сабляхъ престолъ Австріи, колебавшійся отъ натиска почти всей Европы. Извѣстно, что ненадежное наслѣдство Габсбурговъ, оспориваемое у нихъ Фридрихомъ Великимъ, французскими генералами и сотнею германскихъ и итальянскихъ князьковъ, было спасено Мадярами. Это была большая политическая ошибка, но ее искупила Венгрія слишкомъ дорогой цѣной.

Нужна необычайная жизненная сила, чтобы не умереть отъ послѣдствій подобной преданности, явно противорѣчащей двумъ послѣднимъ столѣтіямъ исторіи Венгріи. И чѣмъ заплатила ей Австрія? Когда сеймъ, на который явилась Марія-Терезія, съ униженной просьбой на устахъ, съ слезами на глазахъ, и съ малолѣтнимъ Іосифомъ, одѣтымъ, для большей приманки, въ національный мадярскій костюмъ, разошелся, и она удалившись въ свои покои, позвала горничную, чтобы раздѣть себя, то здѣсь невольно вырвались у ней слова, перешедшія въ потомство неумолимымъ упрекомъ ея двоедушію. Съ лукавой улыбкой спросила она свою камеристку: не правда ли я славно съиграла свою роль?

Мадяры показали слишкомъ хорошо Маріи-Терезіи, какъ они сильны и храбры въ случаѣ нужды, какъ они умѣли быть преданными тѣмъ, которые въ свою очередь соблюдали въ отношеніи ихъ свои обязательства, или показывали видъ, что хранятъ ихъ свято. Въ послѣднемъ случаѣ слѣдуетъ ли винить Мадяръ въ недальновидности и легковѣріи? Какъ искусная дипломатка, Марія-Терезія умѣла пользоваться ихъ легковѣріемъ. Въ продолженіи всей своей жизни, она по примѣру своихъ предковъ старалась слить Венгрію въ одно тѣло съ австрійской монархіей, или, по крайней мѣрѣ, помѣшать ея будущему отдѣленію. Если она знала хорошія стороны мадярской аристократіи, то ей не безъизвѣстны были и ея недостатки. Марія-Терезія съ необыкновеннымъ искусствомъ умѣла употребить послѣднее средство въ свою пользу. Она осыпала почестями и орденами сильнѣйшихъ изъ магнатовъ. Для нихъ она учредила орденъ Св. Стефана,

ставила ихъ на важные посты, но почти всегда внѣ ихъ родины. Она призывала ихъ ко двору, назначала ихъ въ посольства, раздавала имъ самыя выгодныя мѣста, съ цѣлію заставить ихъ забыть національные интересы. Въ Пресбургѣ поселилась, по желанію Маріи-Терезіи, ея любимая дочь Марія-Христина и тѣшила блестящими празднествами мадярскую знать, которая, такимъ образомъ, все болѣе и болѣе сближалась съ австрійскимъ дворомъ. Чтобы имѣть вліяніе и на мелкопомѣстное дворянство, привыкшее къ сидячей жизни и лишенное средствъ рыскать по баламъ,—Императрица посылала своего сына, умнаго и любознательнаго молодаго человѣка, сближаться съ ними. Іосифъ посѣщалъ отъ времени до времени разныя провинціи, расточалъ милости и заискивалъ всеобщее расположеніе. Такимъ образомъ венгерская аристократія, вращаясь постоянно около престола, осыпавшаго ее благодѣяніями, мало по малу утрачивала свой либеральный характеръ, свою національную дѣятельность. Она становилась все болѣе и болѣе антипопулярною, и принужденная жить выше своихъ средствъ, легла тяжкимъ бременемъ на своихъ крестьянъ, заставляя ихъ давать болѣе чѣмъ сколько они въ состояніи были производить. Этого-то только и добивалась австрійская политика. Жалкое положеніе низшаго класса послужило въ ея рукахъ страшнымъ орудіемъ противъ магнатовъ. Припомнимъ по этому случаю убійства галицiйскихъ дворянъ въ 1846 году.

Знаменитый «Urbarium», изданный Маріею-Терезіей въ пользу крестьянъ, хотя и заслуживаетъ похвалы съ филантропической точки зрѣнія, но, къ несчастію, съ политической стороны онъ послужилъ сѣменемъ раздора. Онъ вовсе не уничтожалъ крѣпостнаго состоянія, а совѣтовалъ только магнатамъ быть умѣренными и расширялъ нѣсколько право свободной эмиграціи,—двѣ вещи уже существовавшія, если не въ законѣ, то въ обычномъ правѣ. И въ самомъ дѣлѣ не должна ли была эта самая льгота дать почувствовать угнетѣннымъ всю тяжесть ихъ положенія? Королевская власть далека была отъ нихъ, почти такъ-же далека, какъ сердце народа отъ королевской власти. Низшіе дворяне и простолюдины помнили только о той материнской заботливости, съ

какою Марія-Терезія, повидимому, ухаживала за ними. Они все болѣе и болѣе стали завидовать привиллегированнымъ классамъ окруженнымъ роскошью, добытою ихъ кровью и потомъ; классы эти были ближе, доступнѣе, чѣмъ верховная власть, закрытая отъ народа личиною добродѣтели и любви къ ихъ бѣдственному положенію. И разумѣется, что къ нимъ-то была обращена вся месть ребячески-довѣрчивой толпы.

Такова была въ сущности тайная мысль Маріи-Терезіи— сдѣлать изъ Мадяръ два враждебные другъ другу народа. Въ самомъ дѣлѣ, если намѣренія ея были серьезно либеральны, то для чего было побуждать мадярскую аристократію къ тщеславію и разврату? Почему, напротивъ, она не научила ее простотѣ, воздержанію и трезвому труду? Отчего, вмѣсто того, чтобы усиливать духъ касты, она не затронула болѣе возвышенныхъ сторонъ ея характера?

Но главною мыслію Маріи-Терезіи была попытка полнаго онѣмеченія Венгріи. Она приступила къ нему такъ своеобразно, что мы не вправѣ забыть объ немъ и не познакомить съ нимъ нашихъ читателей.

Такъ называемая унификація имперіи, какъ мы уже сказали, была постоянною химерой для Австріи. Главное средство, которое эта послѣдняя употребляла для достиженія своей цѣли, было онѣмеченіе народонаселенія иноплеменныхъ ея областей. Марія-Терезія не замедлила пойти по тому-же пути, и чтобы дѣйствовать успѣшнѣе она употребила не насиліе, а лесть и ласку. Она привлекала къ своему двору мадярскую знать; пиры, празднества и балы смѣнялись одни другими. Чтобы заставить Мадяръ снять съ себя свое національное и воинственное платье, она устроивала костюмированные балы, на которые сама назначала Нѣмцевъ и Чеховъ одѣтыми по мадярски, а Венгровъ — по нѣмецки. Хитрость эта удалась, и Мадяры, чтобы представить собою Нѣмцевъ на нѣсколько часовъ, просыпались на другой день безъ усовъ, между тѣмъ какъ Нѣмцы въ костюмѣ Мадяръ, могли прилаживать себѣ кое-какъ лихіе завитки подъ носъ. Такимъ образомъ, лишая Мадяръ усовъ, Марія-Терезія уже думала, что они достаточно онѣмечены.

Гордая королева Венгріи, чтобы болѣе расположить къ себѣ обманываемый ею легковѣрный народъ, не щадила для него никакихъ ласкательствъ. Такъ какъ протестантизмъ слишкомъ приближалъ Венгрію къ Германіи, то Марія-Терезія старалась отдалить ее отъ опаснаго еретика посредствомъ католицизма.

Уничтоженіе протестантизма, а вмѣстѣ съ нимъ и народности Мадяръ, въ глазахъ австрійскаго правительства, было единственнымъ средствомъ для достиженія унификаціи имперіи. Марія-Терезія употребляла для этого, какъ мы сейчасъ сказали, лесть и лукавую ласку, между тѣмъ какъ другіе государи не отказывались отъ насилія и притворства. Напрасно думаютъ, что благочестіе и привязанность Австрійцевъ къ догматамъ католической вѣры, заставляютъ ихъ быть фанатиками и не терпѣть другихъ вѣрованій въ своихъ областяхъ. Правда, что въ этомъ отношеніи, преданіе, связующее Габсбурговъ съ католицизмомъ, играетъ довольно важную роль; но главная, основная причина всему этому, есть безспорно жадная мысль увеличенія австрійской территоріи, а вмѣстѣ съ нею и ея унификація. Карлъ V, напримѣръ, былъ не менѣе Маріи-Терезіи падокъ къ прозелитизму, а между тѣмъ онъ самъ, своей особой являлся въ процессіяхъ, и одѣвался въ трауръ, ежедневно молясь за освобожденіе папы, въ то время, когда его же армія держала въ плѣну святѣйшаго отца и его собственные солдаты грабили Римъ.

Марія-Терезія дѣйствовала чрезвычайно осторожно. Она не рѣшалась разомъ низвергнуть тысячелѣтнюю конституцію Венгріи и ея народность, но за то она умѣла ловко подготовить ея уничтоженіе. Надо замѣтить, что германскій элементъ далеко не былъ въ Австріи чистымъ и своеобычнымъ, какъ въ остальной Германіи. Сама Марія-Терезія, — и не только она одна, а даже многіе члены ея династіи, какъ это показываетъ исторія, — говорила весьма дурно по нѣмецки, не могла написать двухъ строкъ безъ грамматической ошибки; но за то преданія Германской имперіи, надежда, которую постоянно питали Габсбурги достигнуть императорскаго значенія и въ остальной Германіи, понуждала

ее выступить сначала тайно на путь онѣмеченія своихъ областей, и затѣмъ слѣдовать этой системѣ явно и насильно. Она стала являться свахою Мадяръ, назначая и сватая за нихъ нѣмецкихъ принцессъ, но эти браки имѣли форму почти что приказанія верховной власти. Она приказывала похищать въ знатныхъ и богатыхъ семействахъ Мадяръ наслѣдницъ, исповѣдывавшихъ протестантскій законъ, и выдавала ихъ насильно замужъ за Нѣмцевъ — католиковъ. Германизація и прозелитизмъ оправдывали въ ея глазахъ эти похищенія. Благочестіе ея не останавливалось ни передъ однимъ поступкомъ, который уголовное право называетъ преступленіемъ. Можно привести въ примѣръ множество именъ знаменитыхъ мадярскихъ семействъ, сдѣлавшихся жертвою этого насильнаго ренегатства и германизаціи.

И что-же вышло изъ всего этого? Какія послѣдствія увѣнчали всѣ эти насилія въ пользу любимой мысли Габсбурговъ? Германизація и прозелитизмъ Маріи-Терезіи остались безплодными; они даже обратились въ пользу мадярской народности. Марія-Терезія думала подрѣзать дерево мадярской національности и привить къ нему плоды рабства, и между тѣмъ она своею германизаціей дала новый толчекъ мадярской литературѣ и народной жизни. Даже тѣ, которые, какъ казалось, съ перемѣною формы дѣлались Австрійцами, сильнѣе сознали свое невольное и временное отступничество. Марія-Терезія не успѣла въ своемъ предпріятіи.

Мы остановили особенное вниманіе читателя на Маріи-Терезіи, потому что на ея политикѣ лучше всего изучить тайные замыслы австрійскаго двора противъ Венгріи.

Чѣмъ болѣе вникаемъ въ политику Карла III и Маріи-Терезіи, тѣмъ болѣе удивляемся, какимъ образомъ Венгрія умѣла сохранить свою національность, и нельзя не приписывать послѣднее обстоятельство вполнѣ неудавшимся реформамъ Іосифа II.

Сынъ Маріи-Терезіи далеко уступалъ своей матери въ дипломатическомъ тактѣ. Увлеченный движеніемъ своего вѣка, онъ разстался съ предразсудками, сдѣлался человѣкомъ бережливымъ и нравственнымъ. Чувствуя себя способнымъ

быть чистымъ гражданиномъ, онъ вообразилъ, что въ состояніи предпринять и довершить возрожденіе своей имперіи. И онъ успѣлъ бы, въ этомъ почти нѣтъ сомнѣнія, еслибъ онъ сталъ во главѣ каждаго изъ своихъ народовъ и помогъ бы имъ двинуться каждому отдѣльно, сообразно своему духу и направленію, на встрѣчу будущему. Къ несчастію, онъ мечталъ совершить одинъ и вдругъ громадное дѣло, котораго многосторонняго значенія, онъ совсѣмъ не понималъ. Вотъ почему Іосифу II суждено было испытать одно изъ самыхъ горькихъ разочарованій, когда всѣ его учрежденія, воздвигнутыя съ такимъ трудолюбіемъ, рушились одно за другимъ еще при его жизни. Онъ не понялъ, что деспотизмъ, въ какой бы то ни было формѣ, приноситъ только гнилые плоды, и что прочнымъ основаніемъ всѣхъ реформъ должна служить разумная свобода.

Іосифъ, отмѣнивши передъ своей кончиной всѣ свои реформы, кромѣ эдикта о вѣротерпимости и закона о крестьянахъ, возбудилъ неудовольствіе Мадяръ; понявъ къ чему стремились его преобразованія, убѣдившись въ какой мѣрѣ и какими средствами хотѣлъ онъ уничтожить преданія и народный духъ въ Венгріи, эта страна закипѣла гнѣвомъ, отказалась отъ платежа податей и стала судорожно вооружаться. Леопольду II и въ голову не приходило выступить на встрѣчу грозѣ, которая видимо росла надъ его головою. При томъ же событія, вызванныя французской революціей, не могли побудить его взять на себя трудную защиту идей своего несчастнаго брата. Онъ поспѣшилъ созвать генеральный сеймъ мадярскихъ государственныхъ чиновъ и возвратить имъ все отнятое, т. е. древнюю конституцію, независимость и самоуправленіе, какъ административное, такъ и финансовое. Этотъ знаменитый сеймъ, состоявшійся въ 1790—1791 г., осуществилъ только одну завѣтную мечту Іосифа, именно: освобожденіе крестьянъ. Мадярская аристократія, принявъ окончательно, какъ законный фактъ, постановленія Маріи-Терезіи, спасла тѣмъ самую народность Мадяръ. Съ этого времени уже не Австрія стала выступать на защиту слабыхъ, съ цѣлью вооружить ихъ противъ сильныхъ, предъ которыми она трепещетъ; напротивъ, само дворянство начало постепенно

подымать народъ въ уровень съ собою и дѣлать его собственникомъ, свободнымъ гражданиномъ, однимъ словомъ, равнымъ себѣ. Таковъ былъ въ дѣйствительности общій смыслъ тѣхъ идей, которыя развивались съ 1790 до 1848 года. Благодаря имъ, конституція Св. Стефана сдѣлалась конституціею вполнѣ современною и либеральною. Движеніе совершено было самою аристократіею, — мы говоримъ о мелкихъ дворянахъ, а вовсе не о магнатахъ. Съ этого времени конституція начала обнимать не одни только привилегированные классы общества, а всю націю, т. е. дворянство, гражданъ и земледѣльцевъ.

III.

Теперь, когда съ каждымъ днемъ раскрываются новыя данныя, свидѣтельствующія о законности требованій мадярскаго народа, мы съ большею достовѣрностію можемъ смотрѣть на тѣ произвольно-репресивныя мѣры Австріи, которыя лѣтъ двѣнадцать тому вызвали мадярское возстаніе, когда инціатива его исходила отъ Австріи, а не отъ требованій мадярскаго народа, какъ утверждали прежде. Даже вопросъ о національностяхъ былъ созданъ больнымъ воображеніемъ австрійской дипломаціи и постоянно смущалъ превратнымъ его толкованіемъ. И дѣйствительно, странныя заблужденія существовали и существуютъ еще теперь относительно движенія, совершившагося въ Венгріи въ 1848—1849 годахъ. Приверженцы будущаго преуспѣянія народовъ повѣрили этимъ клеветамъ и видѣли въ событіи 1848 года пустой споръ между аристократическою партіей и императоромъ австрійскимъ, и, слишкомъ занятые своими собственными дѣлами, мало о немъ заботились. Они увидѣли свое заблужденіе только послѣ пораженія, и даже въ эту самую минуту противники ихъ успѣли отуманить имъ глаза знаменитымъ вопросомъ о національностяхъ, дурно поставленнымъ и еще хуже опредѣленнымъ. Напрасно чрезвычайный посланникъ мадярскаго правительства, графъ Владиславъ Текели бился изъ всѣхъ силъ и выпускалъ брошюры

за брошюрами; его никто не слушалъ. Но вотъ въ чемъ дѣло: мадярское движеніе 1848—1849 годовъ было возрожденіе народа, которое продолжалось въ строгихъ границахъ законности. Оно приняло революціонный характеръ только по нашествіи Австрійцевъ. Венгерская революція далеко не имѣла цѣлію возстановить и защитить противъ австрійскаго дома права дворянъ, напротивъ, какъ въ своемъ возникновеніи, такъ и въ дальнѣйшемъ развитіи, она носила чисто демократическій характеръ. Правда, ею руководила аристократія, но послѣдняя стремилась къ полнѣйшему осуществленію началъ, провозглашенныхъ французскимъ конституціоннымъ собраніемъ конца прошлаго столѣтія.

Мадярская національность естественно стояла въ главѣ тѣхъ народностей, которыя собственно въ Венгріи живутъ среди нея, но которыя передъ закономъ имѣютъ одинаковыя права съ главнымъ народонаселеніемъ. Что же касается сосѣднихъ съ нею народностей, какъ то: кроатской, сербской и румынской, мы не можемъ согласиться съ тѣми, которые утверждаютъ, будто мадярскій элементъ хотѣлъ окончательно подчинить ихъ своему господству. Въ этомъ отношеніи австрійское правительство намѣренно ввело въ заблужденіе легковѣрныхъ, раздуло политическія и народныя страсти въ славянскомъ и румынскомъ племени, поднявъ ихъ противъ Мадяръ. Еще разъ спрашиваемъ: что̀ выиграли отъ этого Славяне и Румыны? Цѣль Венгріи была — сгруппировать въ одно цѣлое разнородныя силы, какъ свои, такъ и соприкасающихся съ нею областей. Для общей защиты всѣхъ гражданъ, равныхъ и свободныхъ, противъ иноземнаго вторженія и интригъ деспотизма, т. е. противъ общей опасности, грозившей имъ со стороны Австріи. Ненависть, обнаружившаяся между Сербами, и Кроатами и Румынами съ одной стороны и Мадярами съ другой, произошла вслѣдствіе гибельнаго недоразумѣнія, возбужденнаго естественнымъ врагомъ свободы. Чтобы понять еще яснѣе законность и справедливость мадярскаго движенія, мы приведемъ фактическія тому доказательства, неопровержимыя и ясныя, какъ день.

Съ 1790 года въ Венгріи стали распространяться, какъ мы сказали, идеи новаго порядка вещей, имѣвшія уже твер-

дую основу въ предшествовавшихъ событіяхъ, т. е. въ тѣхъ дѣятеляхъ народной свободы, которые постоянно являлись со временъ Заполя и до времени несчастнаго Франца Ракоци. Новыя идеи повели къ обширному заговору, въ главѣ котораго стояли: Игнатій Мартиновичъ, Осипъ Гайноци, Янъ Лацкевицъ, Францъ Сентмарія, Яковъ Сиграй и др. Цѣль этого заговора была освобожденіе изъ подъ невыносимой австрійской опеки, и возстановленіе прежнихъ своихъ правъ, за исключеніемъ однакоже феодализма, долгое время угнетавшаго низшій классъ народа. Заговоръ былъ открытъ вѣнскою полиціею и заговорщики были частію казнены, частію присуждены къ вѣчному тюремному заключенію. Между тѣмъ какъ просвѣщенное меньшинство съ восторгомъ приняло развивавшіяся новыя идеи, большинство венгерской аристократіи или слишкомъ привязанное къ своимъ правиламъ, или скорѣе, напуганное выходками французскихъ роялистовъ и обманутое своимъ правительствомъ, стало на сторонѣ послѣднихъ и вооружилось противъ наполеоновскихъ армій. Впрочемъ, даже въ эту минуту безразсудной вѣрности, оно рѣшилось съ необыкновеннымъ упорствомъ отстаивать независимость венгерскаго королевства: въ 1804, 1809 и 1811 годахъ оно энергически протестовало противъ разграбленія финансовъ и банкротствъ Австріи. Важныя событія, послѣдовавшія за тѣмъ, предотвратили разрывъ венгерской аристократіи съ высшею властію, которая отлично умѣла воспользоваться этимъ обстоятельствомъ для усыпленія народныхъ проявленій.

Насталъ и 1815 годъ. Вездѣ стали проявляться либеральныя стремленія, волнуя Венгрію, Германію, Испанію и Италію. Съ 1822 и 1823 года собранія комитатовъ начали оказывать сильную оппозицію произвольнымъ мѣрамъ вѣнскаго правительства, которое съ 1812 года продолжало обходиться безъ содѣйствія генеральныхъ сеймовъ. Наконецъ въ 1825 году общественное мнѣніе заставило Франца I-го созвать королевскіе штаты въ Пресбургъ и сознаться, что онъ былъ не правъ, собирая войска и подати безъ согласія сейма. На этомъ знаменитомъ сеймѣ 1825 года, Мадяры начали великое дѣло, котораго потомъ уже не оставляли; дѣло

это было — постепенное освобожденіе низшихъ классовъ. Но въ настоящую минуту оно клало только основу будущему зданію тѣмъ, что обезпечивало еще разъ независимость и самоуправленіе своей родины, обративъ ее къ изученію національнаго права. Честь въ этомъ отношеніи принадлежитъ, главнымъ образомъ, графу Стефану Сѐчени, первому государственному человѣку Венгріи и даровитому экономисту. Мѣсто его впослѣдствіи занялъ Лудовикъ Кошутъ, слѣдовавшій болѣе популярному направленію. Наконецъ реформы, ожидаемыя съ такимъ нетерпѣніемъ, начали осуществляться на сеймѣ 1832—1836 годовъ. Съ большею ясностію стали развивать ихъ собранія 1840 и 1844 годовъ. Крестьяне были освобождены отъ нѣкоторыхъ повинностей; опредѣленъ былъ выкупъ рабочихъ дней, которыми они были обязаны своимъ помѣщикамъ; даже допущена была возможность совершеннаго освобожденія посредствомъ выкупа. Всѣмъ предоставлено было право пріобрѣтать поземельную собственность и дѣлаться землевладѣльцами въ тѣсномъ смыслѣ слова. Наконецъ признано было право за всѣми гражданами занимать государственныя должности, хотя этотъ принципъ проводился на дѣлѣ слишкомъ робко.

Не слѣдуетъ однакожъ удивляться, что либеральная аристократія такъ медленно отказывалась отъ своихъ послѣднихъ привилегій. На каждомъ шагу она должна была бороться съ реакціею, упорною защитницею древнихъ правъ и преимуществъ. Благодаря этой реакціи, покровительствуемой дворомъ, всякое демократическое проявленіе стѣснялось безконечною процедурою и откладывалось отъ сейма до сейма. Такъ помѣшали составить новый уголовный кодексъ, который долженъ былъ замѣнить варварское законодательство среднихъ вѣковъ. Либераламъ уступили только въ нѣсколькихъ пунктахъ, и какъ бы въ утѣшеніе позволили имъ составить одно только новое узаконеніе. Но плотная оппозиція реакціи и австрійскаго правительства не могли остановить прогресса, напротивъ, они только ускорили его. Поэты, историки, драматурги и публицисты, несмотря на строгость вѣнской цензуры, начали распространять идеи свободы, вдохновлять ими сердца всѣхъ граждаиъ. Такъ въ 1847

году либерализмъ уже пустилъ такіе глубокіе корни, что король не могъ обойти закона, требующаго созванія сейма каждые три года. Онъ былъ созванъ въ Пресбургѣ. Съ самаго его открытія депутаты либеральной партіи потребовали окончательнаго утвержденія конституціонной системы, а именно: гражданскаго равенства, религіозной свободы, участія непривилегированныхъ классовъ въ общественныхъ должностяхъ, допущенія недворянъ къ пользованію всѣми политическими правами, судебной реформы и учрежденія присяжныхъ, наконецъ собранія ежегодныхъ сеймовъ, расширенія муниципальныхъ правъ и учрежденія отвѣтственнаго мадярскаго министерства. Сначала правительство и консерваторы сопротивлялись, но либералы одержали верхъ, потому что за нихъ стоялъ народъ. Положеніе страны дѣлалось все болѣе и болѣе напряженнымъ. Надобно было ожидать одного изъ двухъ: или реакціи, или полной реформы.

Въ это самое время, какъ бы въ отвѣтъ на это напряженное состояніе умовъ въ Венгріи, вспыхнула италіянская революція, послужившая сигналомъ двѣнадцати другихъ. Германія была изъ конца въ конецъ объята судорожнымъ ожиданіемъ новыхъ событій, а 13-го марта князь Меттернихъ оставилъ Вѣну.

Пользуясь этими обстоятельствами, Венгрія стала требовать чрезъ своихъ депутатовъ все болѣе и болѣе радикальныхъ реформъ, и напуганный императоръ согласился на всѣ уступки. Вотъ въ эту-то минуту пресбургскій сеймъ освятилъ навсегда конституціонную независимость представляемой имъ страны, избирая отвѣтственное мадярское министерство. Феодальныя права окончательно были отмѣнены и тѣмъ самымъ освятилось равенство всѣхъ гражданъ безъ различія состояній. Крестьяне получили въ вѣчную собственность усадебныя земли и поля, которыя владѣльцы согласились уступить имъ за извѣстное вознагражденіе. Для собранія необходимой суммы полагалось опредѣлить общій налогъ, въ которомъ должны были участвовать и сами помѣщики. Это знаменитое собраніе завершило свое дѣло прекращеніемъ своихъ засѣданій и въ слѣдъ за тѣмъ немедленно возобновило ихъ, но уже не какъ собраніе первыхъ че-

тырехъ чиновъ королевства, въ какомъ смыслѣ былъ собранъ этотъ съѣздъ въ Пресбургѣ, но возобновило его какъ сеймъ народный. Депутаты, засѣдавшіе въ Пестѣ и потомъ въ Дебрецинѣ, были избраны сообразно населенію различныхъ частей древняго королевства: избирателями были всѣ граждане, имѣвшіе собственность цѣною не менѣе 200 руб. сер., затѣмъ городскіе жители съ годовымъ доходомъ въ 65 р. сер., наконецъ всѣ граждане, имѣвшіе дипломы, занимавшіеся свободными ремеслами и т. п. Такимъ образомъ съ 1825 по 1848 годъ, Венгрія, не проливъ ни одной капли крови, одною парламентскою борьбою прошла неизмѣримое пространство, отдѣлявшее новый міръ отъ стараго; однимъ скачкомъ она сдѣлалась изъ феодальной—народною. Въ комитатахъ она имѣла непреодолимую преграду, противъ всякихъ деспотическихъ поползновеній королевской власти.

Австрійскій домъ, окруженный въ собственной столицѣ торжествующими инсургентами, не въ состояніи былъ открыто защищать деспотизма въ Венгріи. Въ апрѣлѣ и маѣ 1848 года у него была только одна цѣль: помѣшать во что бы ни стало соединенію Мадяръ съ жителями Вѣны, почему онъ и поспѣшилъ утвердить всѣ реформы, рѣшенныя въ Пресбургѣ. Но вслѣдъ затѣмъ сталъ искать удобнаго случая отдѣлаться отъ данной клятвы, чувствуя, что погибнетъ, если позволитъ конституціонному правленію утвердиться на берегахъ Дуная. Вотъ почему Австрія рѣшилась силою оружія низвергнуть зданіе, воздвигнутое свободною мыслію. Нужно было только прикрыть чѣмъ нибудь законнымъ свое вѣроломство, оправдать себя въ глазахъ Европы, выдумать какое нибудь внутреннее волненіе, которое узаконило бы военное вмѣшательство. Тогда-то началась самая страшная изъ политическихъ драмъ, которую нѣкоторые изъ публицистовъ называютъ уничтоженіемъ народностей.

IV.

Мадярское племя, занявъ въ IX столѣтіи страны прилежащія къ Тиссѣ и среднему Дунаю, тогда же встрѣти-

лось здѣсь съ славянскою народностью, которая, отхлынувъ въ большой массѣ за Дунай, оставила за ними всю страну, занятую ими съ боя. Другую часть туземнаго населенія они оттѣснили въ горы, и поселились въ равнинахъ, напоминавшихъ имъ своею необозримостію родину скиѳскихъ степей, откуда они вышли. Побѣдители сохранили свой языкъ, религію, нравы, не навязывая ихъ насильно побѣжденнымъ, и оставались какъ бы въ изолированномъ состояніи. Это обстоятельство показываетъ, какъ эти потомки дикихъ Гунновъ, по одному инстинкту умѣли понимать и уважать человѣческую индивидуальность. Первый ихъ христіанскій государь, св. Стефанъ, завѣщалъ сыну своему Эмерику не забывать, что Венгрія будетъ слаба и будущность ея ничѣмъ не обезпечена, если въ ней останутся одинъ языкъ и одни нравы. Всѣ преемники этого государя слѣдовали предписанному правилу, и насильно останавливали племенное смѣшеніе. Въ самомъ еще началѣ они раздѣлили страну на двѣ большія части: изъ Трансильваніи, населенной преимущественно румынскимъ племенемъ, откуда оно выселилось частію и образовало впослѣдствіи господарство валахское и молдавское, они сдѣлали отдѣльное воеводство, и подготовили такимъ образомъ ея отдѣленіе, которое принесло позднѣе пользу Венгріи, во время ея войнъ съ Австріею, но сдѣлалось опаснымъ, коль скоро оно было возобновлено самою Австріею, въ царствованіи Маріи-Терезіи. Они далеки были отъ мысли омадярить Румыновъ, не смотря на то, что большую часть ихъ они сосредоточили въ провинціи Темесвара и другихъ пограничныхъ комитатахъ, въ то время, когда Турки угнетали ихъ въ Молдавіи, Валахіи и Бессарабіи. Цѣлость Румынской народности, о которой такъ много говорили въ послѣднее время, есть менѣе дѣло самыхъ Румыновъ, чѣмъ ихъ побѣдителей, Мадяръ и Турокъ.

Славянское населеніе Иллиріи присоединено было къ Венгріи въ концѣ XI и въ началѣ XII столѣтія, по праву наслѣдства, завоеванія и избранія, правъ совершенно узаконенныхъ еще въ средніе вѣка. Владиславъ былъ призванъ въ Кроацію своею сестрою, вдовою послѣдняго короля и помогъ ей водворить внутреннее спокойствіе. Въ благодар-

ность за это королева уступила ему свою власть и заставила высшее дворянство избрать его королемъ Кроаціи, Славоніи и Далмаціи. Владиславъ такъ мало расчитывалъ на эти владѣнія, что короновалъ своего втораго сына, Алма, который не долженъ былъ царствовать въ Венгріи. Но Калманъ былъ искуснѣе Владислава I. Пользуясь несогласіями, онъ вступилъ въ славянскія земли, и въ нѣсколько лѣтъ покорилъ ихъ. Его кроткое обхожденіе съ побѣжденными дало ему возможность въ скоромъ времени слить ихъ въ одно цѣлое съ Венгріею. Славянская аристократія сохранила свои права и хотя подчинялась общимъ законамъ государства, но удержала свою частную свободу.

Что касается другихъ племенъ славянскаго происхожденія, населявшихъ различныя части собственно Венгріи, то надобно замѣтить, что онѣ не состояли изъ однихъ побѣжденныхъ. Большая часть изъ нихъ искала убѣжища на венгерской почвѣ отъ господства Турокъ и ожесточеннаго преслѣдованія католиковъ. Таковы напр. выходцы изъ Сербіи и въ особенности нѣкоторыя сѣверныя славянскія племена, большею частію чешскаго происхожденія, до сихъ поръ еще отчасти остающіеся гусситами. Всѣ они большею частью сохранили свое прежнее общественное положеніе. Дворяне ихъ были признаны венгерскими дворянами, а значительное число рабовъ сдѣлались свободными, даже признаны благородными, потому, что находясь на пограничныхъ мѣстахъ, они имѣли часто случай отличаться въ сраженіяхъ.

Св. Стефанъ, желая обратить въ христіанство своихъ братьевъ по оружію, ввелъ между ними иноземное духовенство. Чтобы содѣйствовать просвѣщенію своего королевства и развить въ немъ промышленность, торговлю, земледѣліе, онъ вызвалъ изъ Фландріи, Германіи, значительное число колонистовъ, которымъ даны были важныя преимущества. Наслѣдники его продолжали слѣдовать его примѣру. При каждомъ изъ нихъ въ Венгрію прибывали новые выходцы изъ разныхъ странъ и поселялись на королевскихъ земляхъ. Между ними первое мѣсто занимаютъ Саксы, призванные Гейзою II. Во главѣ колоніи, составлявшей одну изъ трехъ

свободныхъ націй Трансильваніи, стоялъ верховный графъ, назначаемый королемъ и имѣвшій пребываніе въ Германштадтѣ. Сохранивъ свой языкъ и обычаи, Саксы имѣли собственное внутреннее управленіе, какъ и въ Германіи. Они посылали извѣстное число депутатовъ на комитатскіе и генеральные сеймы. Другіе германскіе колонисты западной и сѣверной Венгріи пользовались подобными же правами. Ихъ званіе *гостей* уважалось какъ сеймами, такъ и королями. Послѣдніе, при вступленіи на престолъ, всегда клялись хранить права колонистовъ вообще, и Саксовъ въ особенности.

V.

Это броженіе племенъ было доведено до крайней степени. Имъ какъ нельзя лучше воспользовалась Австрія, принявшая за правило, какъ во внутренней, такъ во внѣшней политикѣ поддерживать и раздувать племенныя страсти между Мадярами и другими народами, которые находились съ ними въ территоріальномъ соприкосновеніи. Австрія напрасно старалась слить ихъ въ одно цѣлое, лишивъ частной свободы, замкнувъ ихъ въ тиски однообразной администраціи и подведя подъ уровень деспотизма. Неудача Леопольда, начавшаго это великое дѣло съ оружіемъ въ рукахъ образумила его преемниковъ. Они поняли, что если единство и было осуществимо, то нужно было дѣйствовать хитростію, обманомъ, а не грубою матеріальною силою. Но они вскорѣ отказались и отъ послѣдняго средства, и стали сѣять плевелы раздора между самими народами. Марія-Терезія льститъ, какъ видѣли, Мадярамъ, ослѣпляетъ ихъ своею лицемѣрной признательностію; ласкаетъ Славянъ Венгріи и ненавидитъ ихъ въ Чехіи, преслѣдуетъ чешкій элементъ и замѣняетъ его германскимъ. Преемники Маріи-Терезіи съ необыкновеннымъ искусствомъ и рѣдкимъ счастіемъ успѣли употребить въ дѣло военную силу. Кроаты возбуждаются противъ Мадяръ, Нѣмцы противъ Чеховъ, и тѣ и другіе противъ Итальянцевъ. Увлеченная движеніемъ современныхъ идей, мадяр-

ская знать поняла, что для утвержденія завоеванія своей свободы, необходимо создать національную силу, способную защищаться. Вотъ почему, стремясь къ гражданской свободѣ всѣхъ жителей венгерскаго королевства, она хотѣла въ то же время подготовить единство всѣхъ, и главное на что она обратила вниманіе, былъ языкъ, который она хотѣла ввести какъ въ область гражданской дѣятельности Венгріи, такъ и въ область ея литературы. Но здѣсь спрашивается: какой именно языкъ имѣлъ преимущество получить право гражданства? Здѣсь-то и весь узелъ, который Мадяре, стараясь разрѣшить, впали въ необдуманныя ошибки и возбудили еще болѣе противъ себя, уже довольно возбужденную Австріей, ненависть Славянъ и Румыновъ. Мадяре говорятъ, что если первенство оставить за языкомъ славянскимъ, то принявъ во вниманіе, что этотъ языкъ распадается на нѣсколько нарѣчій, и при томъ только треть населенія говоритъ имъ, было бы несправедливо и въ высшей степени незаконно дать ему преимущества предъ мадярскимъ. Дать первенство румынскому? Онъ извѣстенъ только двумъ съ половиною милліонамъ жителей. Нѣмецкому? Правда, благодаря стараніямъ Австріи, онъ болѣе употребителенъ, но въ тоже время не народенъ, потому что онъ языкъ кровнаго врага. Слѣдовательно первенство остается за мадярскимъ языкомъ. Имъ говорятъ пять съ половиною милліоновъ жителей, въ немъ нѣтъ рѣзко отличающихся другъ отъ друга нарѣчій; при томъ онъ имѣетъ неоспоримое преимущество предъ своими соперниками въ томъ отношеніи, что въ продолженіи многихъ столѣтій употреблялся во всей центральной администраціи. При дворѣ древнихъ королей говорили только на этомъ языкѣ; онъ употребляется на большей части комитатскихъ и генеральныхъ сеймовъ; онъ даже служитъ оффиціальнымъ языкомъ въ адресахъ, подносимыхъ нѣмецкому государю. Благодаря пріобрѣтенной имъ политической важности, его изучала большая часть дворянъ и всѣ должностныя лица, какъ то: адвокаты и литераторы, потому что этого требовалъ ихъ личный интересъ. Онъ даже въ большомъ употребленіи у народа и почти нѣтъ въ Венгріи города, мѣстечка или деревни, гдѣ бы его

не понимали. Обыкновенно славянскіе и румынскіе поселяне и нѣмецкіе колонисты знаютъ два языка—свой родной и мадярскій. На большихъ ярмаркахъ Славяне различныхъ нарѣчій, не понимая другъ друга на родномъ языкѣ, прибѣгаютъ для взаимнаго объясненія къ мадярскому. Такимъ образомъ, безъ всякаго насилія, мадярскій языкъ естественно сдѣлался бы національнымъ языкомъ, если бы въ этомъ случаѣ не замѣшались страсти народной гордости Мадяръ и не испортили всего дѣла. Сеймы 1791 и 1792 годовъ, предписывая преподаваніе мадярскаго языка во всѣхъ венгерскихъ школахъ, и дѣлая его обязательнымъ для лицъ, желавшихъ занять общественныя должности, слѣдовали въ этомъ случаѣ общественному желанію. Даже самъ императоръ, повидимому, сочувствовалъ имъ, учредивъ въ 1800 году при вѣнскомъ университетѣ каѳедру мадярскаго языка и литературы. Впрочемъ Мадяры никогда не думали исключать другія нарѣчія, какъ они не были исключены ихъ предками. Если Мадяры и требовали въ 1807 году, чтобы офицеры и солдаты всѣхъ полковъ, сформированныхъ въ Венгріи, знали мадярскій языкъ, то для того, чтобы полки эти не забывали своего происхожденія и не обращались бы въ преторіанскія когорты, готовыя поднять оружіе на собственное отечество. Если въ 1836 году они и постановили что текстъ законовъ долженъ быть на мадярскомъ языкѣ, то потому только, что хотѣли освободиться отъ старыхъ средневѣковыхъ привычекъ и покончить съ попытками германизаціи, на которыя такъ падко австрійское правительство. Наконецъ если въ 1843—1844 годахъ, они окончательно провозгласили языкъ мадярскій языкомъ оффиціальнымъ, обязательнымъ въ національныхъ собраніяхъ, то въ этомъ случаѣ они дѣйствовали совершенно справедливо и логично, потому что этимъ освятили на всегда самобытность Венгріи de jure, ея существенное отчужденіе отъ Австріи и Германіи.

Вопросъ о языкахъ, искусно запутанный Габсбургскою политикой, много повредилъ Венгріи въ ея либеральныхъ начинаніяхъ въ эпоху 1848—1849 г. Этимъ вопросомъ, какъ нельзя лучше, воспользовалось австрійское правитель-

ство и начало сѣять раздоры и несогласія. Подкупленные газетники и публицисты увѣряли Славянъ и Румыновъ, что Мадяры требуютъ совершеннаго уничтоженія славянскаго и румынскаго языковъ на томъ основаніи, чтобы между мадярскою народностію не было бы другой народности, имъ чуждой. Несмотря на усилія Мадяръ сойтись съ славяно-румынскимъ элементомъ, они не могли ничего сдѣлать. Обѣ стороны принялись за оружіе. Обольщенные австрійскимъ правительствомъ, побудившимъ ихъ къ грабежу, они подняли оружіе другъ противъ друга въ то время, когда менѣе всего слѣдовало имъ вступать въ братскую усобицу. Въ этой безразсудной и страшной борьбѣ приняли также участіе и трансильванскіе Саксы, которыхъ увѣрили, что революціонеры хотятъ лишить ихъ древнихъ муниципальныхъ правъ. Дальнѣйшія событія этой борьбы извѣстны многимъ. Славяне и Румыны ближе всего могутъ судить въ какой мѣрѣ были справедливы клеветы австрійскаго правительства въ отношеніи мадяризаціи живущихъ среди ихъ народностей.

VI.

Венгрія, до послѣдняго ея возстанія, никогда не составляла одного цѣлаго съ Австріей, отъ которой она отдѣлена была даже рѣзкой физической границей, такъ что правительство провело по ней таможни и заставы. Имѣя законную независимость, имѣя своего короля, который въ то же время былъ императоромъ германскимъ, Венгрія имѣла также свою собственную администрацію, привилегіи, законы, языкъ, конституціонное правленіе, однимъ словомъ все то, что обусловливаетъ всякое независимое государство. Императоръ Германіи или Австріи не составлялъ для Венгріи особенной важности, и только въ томъ и была разница, что если какой нибудь Карлъ въ Германіи назывался *шестымъ*, въ Венгріи, какъ король конституціонный, онъ былъ номеръ *третій*. Такъ между прочимъ и Фердинандъ I, австрійскій, дядя Франца-Іосифа, носилъ въ Венгріи имя Фердинанда V.

Безъ сомнѣнія, если бы клятвы Габсбурговъ и подлинныя ихъ грамоты, имѣли какую нибудь силу, Венгрія могла бы еще сойтися съ Австріей въ тотъ длинный періодъ времени, который продолжался почти столѣтіе, съ 1690 по 1791 годъ. Но, къ несчастію, Австрія во все это время не отказывалась отъ мысли окончательно растворить, если можно такъ выразиться, Венгрію въ своей эрцгерцогской національности, и потому со времени 1825 г. до 1848, какъ и въ предшествовавшіе три столѣтія, Венгрія постоянно находилась на сторожѣ, чтобы защищать свои народныя права отъ непомѣрныхъ стремленій Австріи, клонившихся къ ихъ уничтоженію. Кого интересовала Венгрія, тому безъ сомнѣнія извѣстенъ трудъ безсмертнаго Стефана Сечени, предпринятый съ цѣлію политическаго, народнаго и экономическаго возрожденія этой страны, предпринятый за двадцать лѣтъ до переворота 1848 года. Реформы, о которыхъ мы говорили, имѣли цѣлію политическое и общественное преобразованіе Венгріи, стремились къ возрожденію народнаго языка и замѣщенію имъ мертвой латыни; наконецъ имѣли цѣлію развить въ Венгріи производительныя ея силы и доставить народу матеріальное благосостояніе. Но всѣ эти благодѣтельныя мѣры постоянно встрѣчали непреодолимыя препятствія на пути къ ихъ осуществленію въ политикѣ вѣнскаго двора, направленной совершенно въ противуположную сторону. Всѣ гарантіи, какія этотъ дворъ давалъ Венгріи относительно ея независимости, всѣ его клятвы, дипломы, грамоты, были одной мертвой буквой. Даже и тогда, когда король Венгріи имѣлъ постоянную свою резиденцію въ Вѣнѣ, созывалъ, въ силу конституціи, чрезъ каждые три года, сеймы, даже и тогда онъ преступалъ всѣ начала конституціи, которую хранить свято и ненарушимо онъ торжественно клялся. Будучи безусловно независимъ въ Австріи, не признавая въ Вѣнѣ никакого министерскаго контроля, король Венгріи управлялъ изъ своей нѣмецкой столицы свободною страной посредствомъ особой венгерской канцеляріи, имѣя въ тоже время въ Пестѣ своего намѣстника. Подобная организація, прививаемая къ свободной и конституціонной странѣ, составляла главное неудовольствіе либеральной партіи, которое со дня на

день увеличиваясь, обняло собою всѣ сословія, все населеніе Венгріи. Страна эта требовала, чтобы гражданамъ предоставлены были немедленно средства, въ силу которыхъ они могли бы разобрать и выяснить въ чемъ состояло, какъ превышеніе власти австрійскаго намѣстничества, такъ и контроль самой власти, правившей въ Вѣнѣ. На знаменитомъ сеймѣ 1847 года, на которомъ предложены были эти вопросы, либеральная партія Мадяръ осуществила ихъ только въ мартѣ 1848 года и тогда же объявила ихъ съ намѣреніемъ покончить дѣло мирнымъ путемъ дипломатической переписки.

Желанія ея были слѣдующія: 1) Оставаться и быть Мадярами, и чтобы предотвратить онѣмеченіе страны, ввести во всеобщее употребленіе и во внутреннюю администрацію свой собственный языкъ. 2) Имѣть свое управленіе безъ всякаго со стороны Австріи вмѣшательства, т. е. пользоваться муниципальной свободой своихъ комитатовъ и приводить въ исполненіе административныя мѣры посредствомъ правильно и въ законный срокъ собираемыхъ сеймовъ. Наконецъ 3) Имѣть внутреннее развитіе въ смыслѣ политическаго и гражданскаго равенства; т. е. равноправность гражданъ передъ закономъ; дозволеніе пользоваться муниципальными правами всѣмъ безъ исключенія, даже не дворянамъ; уничтоженіе барщины и феодальнаго оброка посредствомъ единовременнаго вознагражденія помѣщикамъ, однимъ словомъ, обратить нѣсколько тысячъ дворянъ въ нѣсколько милліоновъ мадярскихъ гражданъ, которые всѣ до одного пользовались бы одинаковыми правами безъ различія.

Эти желанія мадярскаго народа осуществились только на мгновеніе, революціею 4 февраля 1848 года. Они были предоставлены императору Фердинанду V сто-пятидесятью депутатами сейма, который прежде ихъ утвержденія, долго оспоривалъ какъ въ частности, такъ и во всей сложности, смыслъ новыхъ положеній. Не показываетъ ли это, что со стороны Мадяръ не было ни малѣйшаго насилія? Чтобы убѣдить императора подписать отмѣненіе феодальныхъ правъ и установленіе гражданскаго равенства, надобно было заставить палатина принять на себя посредничество между имъ

и сеймомъ, но такое посредничество, долженствовало быть облеченнымъ во всѣ формы, предписанныя мадярской конституціей. Тогда Фердинандъ приказалъ графу Людвигу Батіани составить первое національное министерство, вслѣдствіе чего Батіани не замедлилъ представить императору выбранныхъ имъ шесть товарищей и Фердинандъ призналъ ихъ за своихъ министровъ. Потомъ, когда коренные законы, утверждавшіе независимость Венгріи, были установлены, Фердинандъ V лично явился на сеймъ и произнесъ рѣчь къ его закрытію, а вмѣстѣ съ нимъ и привелъ въ исполненіе тридцать одну главу новаго декрета.

Уступка Фердинанда была строго расчитана на времени. Ловко поджигая Кроатовъ, Сербовъ, Румыновъ противъ Мадяръ, вѣнскій дворъ ждалъ только первой побѣды Радецкаго и лишь только Миланъ былъ взятъ, какъ тотчасъ все измѣнилось. Первое явленіе этой измѣнившейся драмы было то, что вѣнское правительство, или вѣрнѣе король-императоръ отказался утвердить два постановленія, принятыя сеймомъ, въ силу которыхъ мадярское правительство имѣло въ виду собрать національную армію въ 200 т. воиновъ, и выпустить кредитные знаки на 60 м. гульденовъ. Было ясно, что вѣнскій дворъ хотѣлъ отнять у Венгріи средства къ защитѣ противъ Славянъ и Румыновъ, возбужденныхъ противъ Мадяръ Австріей, и которые начали уже свои вторженія въ Банатъ, во имя законной власти Габсбурговъ. Съ этого времени собственно начинается рѣшительное и энергическое противодѣйствіе Мадяръ австрійскому правительству и связь, существовавшая дотолѣ между Венгріей и австрійскою династіей окончательно разорвалась. Быстро начали развиваться событія и смѣнять одно другое. Мы не станемъ входить въ ихъ подробности, хотя эти подробности и необходимы для уясненія внутреннихъ причинъ стойкаго и упорнаго стремленія Мадяръ, желавшихъ, во что бы то ни стало, заставить Австрію признать за ними прежнія ихъ конституціонныя права. Укажемъ только бѣгло на нѣкоторые факты, изъ которыхъ увидимъ, чѣмъ выразилась эта мадярская революція, мало понятая въ свое время, и только при настоящихъ событіяхъ уясняющая и свой духъ и свое направленіе.

Манифестомъ 3 октября 1848 года Австрія формально объявила Венгріи войну. Вмѣстѣ съ тѣмъ императоръ назначилъ Іеллачича королевскимъ коммиссаромъ, объявивъ въ тоже время всю Венгрію въ осадномъ положеніи, закрытіе сейма, уничтоженіе всѣхъ его дѣйствій и подчиненіе гражданскихъ властей военному начальству. Далѣе, 2 декабря того же года, Фердинандъ V отказывается отъ престола въ пользу племянника своего Франца-Іосифа, а этотъ послѣдній, въ изданномъ имъ манифестѣ, выражаетъ свою непреложную волю «соединить въ одно всѣ области и всѣ племена австрійской монархіи». Это ужъ не было простымъ отмѣненіемъ преимущества мадярской націи, а было совершеннымъ уничтоженіемъ конституціонной независимости Венгріи, и ея народности. Мѣсяца три спустя, когда Виндишгрецъ объявилъ, что инсургенты получили довольно чувствительный урокъ при Каполнѣ, молодой императоръ поспѣшилъ привести въ исполненіе 4 марта 1849 г. то, что обѣщалъ въ своемъ манифестѣ 2 декабря относительно *единства Австріи*, и поспѣшилъ дать своей монархіи обѣщанную конституцію, въ силу и по смыслу которой Венгрія должна была слиться съ остальною частію австрійской имперіи, а не составлять отдѣльное королевство.

Понятно, что при такихъ обстоятельствахъ, несмотря на частныя побѣды, одержанныя Мадярами при Хатванѣ, Тапіо-Бишкэ, Іодолэ, Наги-Сарло, Коморнѣ, патріоты Венгріи собранные въ Дебрецинѣ, гдѣ былъ открытъ сеймъ инсургентовъ, рѣшились на послѣднее средство: къ вооруженному протесту, и къ обнародованію рѣшенія сейма, которое окончательно уничтожало актъ вѣковаго союза Венгріи, съ Австріей. Актъ этотъ былъ признанъ и утвержденъ сеймомъ 14 апрѣля 1849 г. Имъ объявлено было, что династія Габсбурговъ низлагается съ венгерскаго престола и что Венгрія снова вступаетъ въ свои права, какъ независимая держава Европы, въ тѣ самыя права, какими она пользовалась до 1526 года, когда послѣ битвы при Могачѣ, гдѣ погибъ, какъ извѣстно, король ея Лудовикъ II, предложила престолъ и корону Св. Стефана—Фердинанду. Венгрія, слѣдовательно не подпала Габсбургамъ вслѣдствіе завоеванія,

а признала ихъ добровольнымъ избраніемъ сейма, бывшимъ въ Пресбургѣ. Фердинандъ торжественно поклялся сохранять конституціонныя права мадярскаго народа, и эта клятва была обязательною и для его наслѣдниковъ. Неоднократно измѣняли они ей, и мы имѣли уже случай видѣть (*), какія ужасныя средства употреблялъ домъ Габсбурговъ, чтобы убить въ этомъ народѣ нетолько его древніе права, но и самую его народность.

Если ужасы, какіе испытала Венгрія при Леопольдѣ, могутъ, какъ нѣкоторые думаютъ, оправдываться духомъ времени и іезуитизма, мы не знаемъ однакожъ въ какой мѣрѣ можно оправдать тѣ неистовства, съ какими австрійское правительство отмстило Венгріи, послѣ сдачи Гөргея и капитуляціи Коморна, когда Русскіе войска отступили въ свои предѣлы, и когда Австрія снова осталась полною хозяйкой въ своихъ областяхъ.

На другой день, когда опять показалось надъ Коморномъ черножелтое знамя Австріи, начались истязанія въ Пестѣ, заплечныя дѣла въ Серадѣ и аресты по всей Венгріи. Періодическія изданія того времени, одно за другимъ спѣшили доносить изумленной Европѣ распущенный произволъ австрійскаго владычества. Черныя вѣсти, одна за другой разносились по всему образованному міру. Сегодня казнятъ благороднаго графа Людовика Батіани, потому только, что онъ всѣми силами стремился помирить мадярскую свободу съ консервативной системой Габсбурговъ, и это вмѣнено было ему въ преступленіе противъ верховной власти; завтра тринадцать мадярскихъ генераловъ обречены висѣлицѣ и растрѣлянію, за то, что положили оружіе передъ своими побѣдителями, вѣря ихъ честному слову. Тамъ стяжавшій печальную извѣстность Гайнау, ведетъ подъ розги беззащитныхъ женщинъ, тысячами заключаетъ въ темницы мирныхъ гражданъ, секвеструетъ имѣнія богачей и силою беретъ въ ряды своихъ полковъ солдатъ, которымъ позволено уже было возратиться на родину. Образованная Европа, повторяемъ,

(*) Русское Слово 1860 г. кн. 9 и 10 Реформа и католическая реакція въ Венгріи.

съ негодованіемъ слѣдила за этимъ произволомъ, совершавшимся на среднемъ Дунаѣ и на Тиссѣ. Правительства мало заботились передъ тѣмъ о Венгріи, мало занимала она ихъ до 1848 г.; но ужасы безпощадной реакціи выставили съ тѣхъ поръ эту страну какъ мученика, достойнаго и сочувствія и покровительства со стороны общественнаго мнѣнія народовъ.

Впродолженіи двухъ съ половиною лѣтъ продолжались эти неистовства. Лишь только вѣнскій кабинетъ увѣрился, что мадярская нація находится уже въ предпослѣднемъ издыханіи подъ саблею Гайнау, тотчасъ поспѣшилъ пропѣть ей отходную декретомъ 1851 года, въ силу котораго была утверждена централизація одной нераздѣленной Австрійской Имперіи, безусловно деспотической и въ теоріи и въ дѣлѣ. Мы никогда не кончили бы если бы стали исчислять всѣ нравственныя и политическія насилія, какія употребляло австрійское владычество, чтобы упрочить свою власть въ Венгріи, въ продоженіи слѣдовавшихъ за тѣмъ десяти лѣтъ. Одно изъ главнѣйшихъ условій государственнаго организма, связывающаго или расторгающаго другія его отдѣльныя части, есть безъ сомнѣнія вопросъ экономическій, т. е. финансовая часть государства. Вотъ почему мы не можемъ не остановиться на этой части министерствъ Баха, Шварценберга и Брука, употребившихъ все, чтобы осуществить на дѣлѣ знаменитое изрѣченіе Кардинала Колонича (*)· Просвѣщенный деспотизмъ легко могъ бы прійти къ мысли, что развитіе матеріальной стороны жизни угнетенной народности, могло въ нѣкоторой мѣрѣ обезпечить правительству-властелину его виды относительно задержки развитія нравственной стороны этого народа. Такъ думалъ, по крайней мѣрѣ, Брукъ. Настаивая на постройкѣ желѣзныхъ дорогъ въ Венгріи, онъ говорилъ что: мы побѣдимъ Венгрію не сабельными ударами, но рельсами.—Однакожъ инстинкты слѣпаго консерватизма Австріи не позволили ей послѣдовать даже этому совѣту. Она боялась, чтобы Венгрія, обезпеченная въ матеріальномъ отношеніи, не почерпнула бы въ немъ новыя силы къ сопротивленію;

---

*) Taciam Hungariam captivam, post ea aeudicam...

вотъ почему Австрія постоянно упорно задерживала всякое производительное преуспѣяніе въ этой странѣ. Такъ напримѣръ, она оставалась постоянно глухою къ просьбамъ богатыхъ землевладѣльцевъ, которые, чтобы поднять и развить земледѣліе, въ продолженіе десяти лѣтъ не переставали просить у правительства открыть для Венгріи поземельный кредитъ. Одинъ изъ главнѣйшихъ источниковъ дохода для Венгріи до 1848 г., было производство курительнаго табака; но съ 1850 года австрійское правительство стало отдавать его на откупъ, и тѣмъ значительно ограничило его производство. Однимъ словомъ Венгрія, со времени 1848 года, быстрыми шагами шла и идетъ къ совершенному истощенію своихъ финансовыхъ средствъ, и это дѣлается не только съ вѣдома, но и при непосредственномъ содѣйствіи самаго правительства. Приведемъ для доказательства и яснѣйшаго уразумѣнія нѣсколько цифръ. Онѣ будутъ болѣе краснорѣчивы, нежели всѣ голословные выводы, представленные нами въ общихъ выраженіяхъ.

Въ 1849 году Венгрія доставляла въ вѣнское казначейство отъ прямыхъ налоговъ до 4,283,288 гульденовъ. Въ 1857 году императорское казначейство взяло у нея таковыми до 17½ милліоновъ. Косвенными налогами и тремя новыми, до того времени неизвѣстными ей пошлинами съ акциза, табака и гербовыми, она заплатила 17,779,409 гульденовъ, т. е. болѣе чѣмъ весь итогъ прямыхъ и косвенныхъ налоговъ, которыми обложена была она двадцать лѣтъ передъ тѣмъ. Въ 1838 году этотъ налогъ составляетъ не болѣе 16,900,000 гульденовъ круглымъ числомъ. Принимая въ соображеніе, что пошлины на сахаръ, пиво и преимущественно на вино и мясо распространены, по случаю послѣдней войны, на всѣ мѣстности безъ исключенія; что кромѣ *добавочныхъ*, установленныхъ подъ предлогомъ военныхъ издержекъ, — то въ 1854 г., то въ 1859 г., — земскія повинности, возвысились въ продолженіи десяти лѣтъ на 90%, *пошлины съ домовъ* на 136%, *съ промышленныхъ произведеній* на 100%, съ *дохода* на 50%;—что на основаніи военныхъ налоговъ, удержанныхъ и по окончаніи войны, повинности приходящіяся на долю каждаго отдѣльнаго лица могутъ быть произвольно уве-

личены смотря *на большую или на меньшую степень благонамѣренности этого лица;* зная наконецъ что финансовые чиновники, чрезъ руки которыхъ проходятъ деньги народа, не отличаются безъукоризненной честностью, — понятно, безъ дальнѣйшихъ доказательствъ, что Австрія смотрѣла постоянно на Венгрію, какъ на какое-то проклятое племя, изъ котораго безъ зазрѣнія совѣсти можно тянуть соки до совершеннаго изнеможія.

VII.

Когда весною 1859 года французская армія перешла Альпы, — Венгрія трепетно прислушивалась къ первому пушечному выстрѣлу, который, казалось, возвѣщалъ ей часъ освобожденія. Вскорѣ знакомый ей голосъ прокламацій сталъ призывать подъ знамена Италіи мадярскихъ патріотовъ, силою завербованныхъ въ ряды враговъ своей родины. Въ то время какъ формировался этотъ легіонъ, чтобы довершить на сѣверной сторонѣ Альпъ великое дѣло, начатое на югѣ, Мадярамъ не доставало только оружія. Союзные флоты блокировали уже Венецію; они могли отправить нѣсколько кораблей съ ружьями въ Фіуме, а оттуда въ Венгрію и немедленно бы, какъ безошибочно утверждалъ Кошутъ, на Дунаѣ образовалось бы столько же *гонведовъ*, сколько и штыковъ, столько же гусаровъ, сколько и сабель! — Вдругъ проносится молва, что побѣдитель при Madженто, Мариньяно и Сольферино протянулъ побѣжденному дружескую руку, что между Франціею и Австріею заключенъ миръ въ Виллафранкѣ?... — Венгрія еще разъ была обманута въ своихъ надеждахъ. Но она не упала духомъ. Она поняла, что если австрійскій императоръ, несмотря на упорную гордость своей династіи, согласился признать себя побѣжденнымъ, то это не потому только, что его арміи были разбиты, не потому, что истощеніе финансовъ затрудняло продолжительную и дорогую защиту четыреугольника, но и потому, что венгерское населеніе угрожало ему въ тоже время внутреннею войной. Уступчивость императора при заключеніи мира

была формальнымъ признакомъ опасности со стороны мадярскаго возстанія. Развѣ подобное признаніе не стоило побѣды? Сознавшись предъ Европою, до какой степени онъ страшился Венгріи, вѣнскій кабинетъ самъ сознался, что политика единенія и централизаціи, преслѣдуемая съ такою энергіею впродолженіи десяти лѣтъ, только еще болѣе отдалила Венгрію отъ монархіи Габсбурговъ; что ею антимадярская политика не могла заглушить въ жертвѣ ни національнаго чувства, ни патріотическаго пыла, ни мужества, ни надежды. Со времени виллафранкскаго мира, пассивное положеніе, въ которомъ находилась Венгрія съ 1849 года, уступило мѣсто постоянной напряженности, продолжающейся уже девять мѣсяцевъ и объяснившей Европѣ настоящія чувства всей страны. Правительство, съ своей стороны, доказало многочисленными актами, что оно чувствовало настоятельную необходимость уступокъ Венгріи, но что въ то же время оно не намѣрено ничего сдѣлать для ней серьезнаго и существеннаго.

Всѣ реформы, торжественно обѣщанныя вѣнскимъ правительствомъ, тотчасъ послѣ заключенія виллафранкскаго мира, разрѣшились императорскимъ манифестомъ 1-го сентября, давшимъ новую организацію протестантской церкви. Единодушный приговоръ, произнесенный этому манифесту, былъ ему отвѣтомъ, вскорѣ послѣ его появленія. Напрасно министерскіе циркуляры и офиціальные журналы разсыпали цвѣты краснорѣчія, желая доказать мадярскимъ протестантамъ, что манифестъ былъ въ высшей степени либераленъ; напрасно предписанія 5-го января и 10 февраля угрожали потерею всѣхъ правъ общинамъ, которыя не приведутъ въ исполненіе предписанія манифеста до 1-го апрѣля; напрасно Седени, Палкёви, Мадаи, брошены были въ тюрьму; другіе же были потребованы къ суду, какъ ослушники. Шесть недѣль спустя послѣ послѣдняго срока, опредѣленнаго вѣнскими регламентами для приведенія въ исполненіе манифеста, только одна десятая протестантскихъ общинъ «сообразовалась» съ нимъ. Церковь отвергла манифестъ, потому что не желала получить хартіи, вмѣсто декрета пріобрѣтеннаго цѣною такихъ геройскихъ усилій и жертвъ, потому что она не желала

контроля въ своихъ дѣйствіяхъ, привыкнувъ къ полной свободѣ самоуправленія въ продолженіе цѣлыхъ столѣтій; потому что три милліона протестантскихъ патріотовъ не хотѣли жертвовать мнимой милости правительства тѣмъ, чѣмъ они не пожертвовали бы и серьезнымъ уступкамъ; они не хотѣли непосредственно признать и узаконить своимъ одобреніемъ раздробленіе Венгріи, на которомъ основана новая организація, пожалованная церкви и протестантскимъ училищамъ. Умы наименѣе предубѣжденные противъ Австріи предвидѣли, что мнимая конституція была только ловушкой и мистификаціей, а потому большинство Мадяръ — не протестантовъ — вполнѣ одобрило стойкость сопротивленія самихъ протестантовъ, поощряло ихъ своимъ сочувствіемъ и совѣтами. Положеніе вѣнскаго двора все яснѣе и яснѣе доказывало, что онъ не хотѣлъ и не могъ иначе понимать своей снисходительности къ Венгріи, и потому всѣ области этой обширной монархіи, всѣ классы общества, всѣ исповѣданія и національности, пользовались всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы показать Европѣ какъ единодушна ихъ антипатія къ желѣзному правленію, тяготѣвшему надъ ними, и какъ они твердо рѣшились освободиться отъ него, какъ можно скорѣе; тогда явился рядъ манифестацій, отъ которыхъ вѣнскимъ бюрократамъ становилось какъ-то неловко. То давались празднества въ честь столѣтней годовщины рожденія Франца Казинци, поэта - патріота и мученика своихъ религіозныхъ и политическихъ убѣжденій; то дѣлались сборы со всей страны для сооруженія мадярской національной академіи, достойной ея народа; то давались на театрахъ Песта, Аграма или Темесвара пьесы, напоминающія то счастливое время, когда племена соединяла общая побѣда и свобода. Сегодня даются концерты диллетантовъ въ Пестѣ и другихъ значительныхъ городахъ, въ пользу нуждающихся Кроатовъ, доведенныхъ въ послѣдніе десять лѣтъ до крайней бѣдности, или наконецъ празднуется годовщина 15-го марта 1848 года, когда Венгрія мирнымъ путемъ одержала побѣду, какую только запомнятъ лѣтописи со времени переворотовъ. Во всѣхъ церквахъ исполняются молебны въ память знаменитаго мадярскаго патріота, графа Се-

чени, который доведенъ былъ до самоубійства преслѣдованіями австрійской полиціи, унеся съ собою въ могилу глубокое къ себѣ уваженіе и вѣчную признательность всей Венгріи. Однимъ словомъ, Мадяры стараются воспользоваться всякимъ случаемъ, чтобы заявить передъ правительствомъ о своихъ законныхъ правахъ, что̀ обыкновенно въ Вѣнѣ называютъ демонстраціями. Они напоминаютъ послѣдней, что Венгрія еще живетъ, что она твердо рѣшилась жить, что она сильна и крѣпка; и что поэтому она готова на всѣ жертвы, чтобы отдѣлаться отъ Австріи.

Испуганная и побѣжденная единодушіемъ и энергіей мадярскихъ демонстрацій, Австрія должна была наконецъ сознать настоятельную необходимость уступокъ; по этому она издала недавно новый манифестъ, 5-го марта, утверждающій *Усиленный Государственный Совѣтъ* и показываетъ видъ, что этимъ дѣлаетъ огромныя уступки Венгріи. Этотъ самый манифестъ еще разъ служитъ неопровержимымъ доказательствомъ того, что вѣнское правительство или не можетъ или не хочетъ сдѣлать серьезныхъ уступокъ. Такъ называемый *Усиленный Государственный Совѣтъ,* имѣющій притязаніе на роль національнаго представительства, состоитъ изъ неопредѣленнаго числа принцевъ крови, епископовъ и архіепископовъ, высшихъ гражданскихъ и военныхъ сановниковъ, къ которымъ присоединены, какъ представители избирательнаго или народнаго начала, 38 временныхъ совѣтниковъ — назначаемыхъ самимъ императоромъ! — Усиленный или не усиленный государственный совѣтъ, которому притомъ манифестъ 5-го марта даетъ только право совѣщательнаго голоса, будетъ ни что иное, какъ пятой спицой въ правительственной колесницѣ Австріи. И Венгрія, привыкшая въ теченіе осьми столѣтій къ конституціонному управленію, къ непосредственному участію страны въ распоряженіи своими судьбами, согласилась признать этотъ призракъ народнаго представительства.

Усиленіе государственнаго совѣта не подвинетъ ни на шагъ впередъ единства австрійской монархіи. Созваніе довѣренныхъ коммиссій, которымъ было поручено выработать общинный законъ, и которые, лишь только собрались, объя-

вили себя несостоятельными въ исполненіи возложеннаго на нихъ дѣла, разсмотрѣніе котораго слѣдовало предоставить, по ихъ мнѣнію, *ближайшему сейму,*—созваніе довѣренныхъ лицъ, говоримъ мы, должно было доказать австрійскому правительству, что Венгрія сохранила еще воспоминаніе о своемъ долгомъ парламентскомъ воспитаніи, и что ее трудно обмануть въ дѣлѣ знакомомъ ей лучше, чѣмъ Австріи. *Усиленный Государственный Совѣтъ* возбудилъ въ Венгріи всеобщій смѣхъ и подорвалъ всякое уваженіе къ власти, которая считаетъ манифестъ 5-го марта *nec plus ultra* обѣщанныхъ ею великихъ реформъ. Полагали даже навѣрное, что шесть членовъ, избранныхъ императоромъ, безъ ихъ согласія, въ представители Венгріи, въ новомъ ея учрежденіи, откажутся отъ предложенной имъ чести; даже если бы они имѣли слабость принять предложеніе, то вѣнское правительство успѣло бы только отторгнуть ихъ отъ интересовъ Венгріи, но не привязать къ себѣ эту послѣднюю. Что касается собственно Венгріи, то пресловутыя уступки 19-го апрѣля такъ же ничтожны, какъ манифестъ 5-го марта, дарованный всей австрійской монархіи. Въ нихъ одно только важно: эрцгерцогъ Альбрехтъ «отставленъ отъ управленія политическою и военною администраціею венгерскаго королевства». Непопулярность эрцгерцога, слѣпаго исполнителя столь слѣпыхъ вѣнскихъ предписаній, дошла до того, что онъ счелъ за лучшее не выводить изъ терпѣнія націю. На его отставку, вызванную главнымъ образомъ личнымъ благоразуміемъ, можно въ нѣкоторой степени смотрѣть какъ на уступку общественному мнѣнію. Но непонятно, кого хотѣли обмануть, назначая ему такого преемника, какъ Бенедекъ. Въ Вѣнѣ вѣроятно думаютъ, что національность генерала Бенедека, Мадяра по происхожденію, заставитъ забыть, что въ 1849 году онъ сражался въ рядахъ враговъ своего отечества, и за тѣмъ въ Италіи былъ одной изъ главныхъ опоръ тѣхъ ненавистныхъ началъ, которыя были въ основаніи потрясены пораженіями при Мадженте и Сольферино. И что значитъ притомъ для Венгріи личность губернатора, если онъ по прежнему остается пассивнымъ орудіемъ безотвѣтственной власти, произвольно располагающей въ Вѣнѣ судьбами стараго

венгерскаго королевства? Императоръ въ собственноручномъ письмѣ фельдцейгмейстеру Бенедеку объявляетъ свое *намѣреніе учредить* администраціи комитатовъ и присоединить къ нимъ конгрегаціи и депутатства комитатовъ, *составъ и права которыхъ будутъ сообразны съ настоящими обстоятельствами.* Слова эти не требуютъ особыхъ объясненій. Если когда либо осуществятся намѣренія Франца-Іосифа, то Венгрія получитъ нѣчто въ родѣ чешскихъ *крейсгауптманшафтовъ* (нѣчто въ родѣ окружныхъ исправничествъ), съ придачею, можетъ быть, «довѣренныхъ коммиссій», этихъ мнимыхъ и поддѣльныхъ представителей выборнаго начала. Нельзя сомнѣваться, что Венгрія не питаетъ ни малѣйшей привязанности къ административному организму, передъ которымъ она въ теченіе уже десяти лѣтъ безмолвно преклоняетъ главу; но вмѣстѣ съ тѣмъ мы глубоко убѣждены, что она скорѣе готова подчиниться откровенному, хотя и грубому деспотизму, чѣмъ рѣшится содѣйствовать этому призраку департаментскаго самоуправленія. Народъ, пользовавшійся въ продолженіе осьми столѣтій самымъ обширнымъ и полнымъ самоуправленіемъ, не согласится подбирать крохи общинной и департаментской свободы, которыя бросаютъ ей вѣнскіе бюрократы.

Мы можемъ тоже самое сказать, и даже съ большимъ вѣроятіемъ, о сеймѣ, который обѣщанъ императоромъ Францомъ-Іосифомъ 19-го апрѣля 1860 г. Воспоминаніе о сеймѣ очень дорого для Венгріи, привыкшей видѣть въ законодательномъ собраніи охранителя интересовъ и величія страны. Но развѣ можно полагаться на обѣщаніе, исполненіе котораго самою Австріею отложено на неопредѣленное время? Сеймъ будетъ созванъ *только по приведеніи въ исполненіе общинной организаціи и устройства комитатовъ.* Если судить по многочисленнымъ опытамъ 1840 и 1850 годовъ, то это *приведеніе въ исполненіе* потребуетъ цѣлыхъ годовъ, даже если не встрѣтитъ непреодолимыхъ препятствій въ той антипатіи Венгріи, которую она чувствуетъ къ такъ называемой *регламентированной* свободѣ. И при томъ, только послѣ этого приведенія въ исполненіе столь проблематическаго, и во всякомъ случаѣ очень отдаленнаго, императоръ

имѣетъ только *намѣреніе* озаботиться о созваніи сейма; обѣщая возстановленіе не настоящаго мадярскаго сейма, національнаго собранія въ полномъ смыслѣ слова, а робкихъ и безсильныхъ провинціальныхъ штатовъ. Притомъ, если бы даже Венгрія до того забыла свою исторію, что придала бы серьезное значеніе столь неопредѣленнымъ *намѣреніямъ*, то во всякомъ случаѣ не согласилась бы принять предлагаемую ей льготу, какъ исключительную милость, въ которой отказываютъ Трансильваніи, Банату, Кроаціи и Славоніи. Венгрія имѣетъ достаточно здраваго ума и истиннаго патріотизма, чтобы думать, будто порабощеніе этихъ національностей, подчиненныхъ австрійскому дому, можетъ служить основаніемъ ея собственной самостоятельности. Она ведетъ борьбу не только за свою свободу, но и за свободу этихъ странъ; требуетъ справедливости не только себѣ, но и для нихъ. Между тѣмъ великія пресловутыя уступки 19-го апрѣля, въ сущности ни что иное, какъ жалкая милостыня, и для того, чтобы убѣдиться въ ихъ ничтожности, стоитъ только глубже вглядѣться въ нихъ. Это такъ очевидно, что невольно задаешь себѣ вопросъ: кого думали обмануть ими? Венгрію? Но она съ первой же минуты поняла ихъ. Общественное мнѣніе Европы? Но оно находилось въ заблужденіи только въ промежутокъ времени протекшій между оффиціальною телеграфическою депешею и появленіемъ самаго текста. Обмануть на дѣлѣ сами тѣ лица, которыя думали такими жалкими средствами отклонить опасность постоянно возрастающаго волненія въ Венгріи. Уступки 19-го апрѣля показали только, какъ серьёзно опасается правительство пробужденія Венгріи. Уступки эти показали еще, что сама Вѣна потеряла вѣру въ Бахо-Шварценбергскую систему, т. е. въ монархію, въ которой бы единство, централизація и абсолютизмъ достигли крайней степени. Но это двойное признаніе, исторгнутое у вѣнскаго правительства обстоятельствами, не должно ли ускорить приближающійся переломъ? Желаніе австрійскаго правительства поддержать силою политическую систему, въ несостоятельности которой само оно сознаλось, дѣлаетъ еще грознѣе собирающуюся бурю.

VIII.

Дѣйствительно, тучи все болѣе и болѣе сгущаются надъ политическимъ горизонтомъ Австріи; это ясно для каждаго, кто только со вниманіемъ слѣдилъ за движеніемъ умовъ въ Венгріи въ послѣдніе десять мѣсяцевъ. Венгрія перестала надѣяться на здравый смыслъ и правосудіе правительства, которое въ теченіе двѣнадцати лѣтъ успѣло выказать свою силу только въ деспотизмѣ и обнаружило совершенную неспособность привязать къ себѣ не только Мадяръ, но и другія народности Австріи. Венгрія не можетъ болѣе опасаться правительства, безсиліе котораго очевидно для всѣхъ. И кто станетъ удивляться, если Венгрія, послѣ столькихъ опасеній и надеждъ, объявитъ, что она довольно ждала, довольно страдала и хочетъ теперь сама быть распорядительницею своихъ судебъ, какъ это было и прежде въ самомъ началѣ свободнаго признанія и избранія Габсбурговъ на венгерскій престолъ? Здѣсь нельзя не вспомнить нѣкоторыя знаменательныя изрѣченія, которыя вошли въ извѣстный актъ *объявленія независимости мадярской націи*, составленный лѣтъ двадцать тому назадъ въ Дебрецинѣ (*). За три столѣтія, сказано въ этомъ актѣ, мадярская нація свободнымъ избраніемъ возвела на венгерскій престолъ домъ Габсбурговъ. Эти три столѣтія были для Венгріи тремя вѣками непрерывныхъ страданій.... И между тѣмъ ни одной династіи Провидѣніе не назначало такого счастія, какое выпало на долю габсбурго-лотарингскому дому въ Венгріи.

«Слѣдовало только не препятствовать естественному развитію Венгріи, и эта страна была бы въ настоящую минуту одной изъ самыхъ счастливыхъ и цвѣтущихъ.

«Слѣдовало только не завидовать умѣренной конституціонной свободѣ, которую сохранилъ народъ впродолженіе тысячи лѣтъ, среди столькихъ бѣдствій и цѣною неимовѣрныхъ усилій, выказывая въ тоже время должное уваженіе

(*) Histoire politique de la Révolution en Hongrie. 1847—1849. Paris, 1860. t. II. pag. 366. par Iranyi et Chassin.

къ своимъ государямъ, и долго бы еще габсбурго-лотарингскій домъ находилъ въ мадярскомъ народѣ непоколебимую опору своего престола.

«Но эта династія не можетъ назвать ни одного изъ своихъ представителей, который бы свою силу и славу видѣлъ въ свободѣ своихъ народовъ.

«Политика Австріи, направленная противъ конституціонной жизни и народа, не измѣнялась въ продолженіе этихъ трехъ столѣтій».

Вотъ что говорила Венгрія, провозглашая 14 апрѣля 1849 года, чрезъ своихъ представителей, этотъ актъ и лишая Габсбурговъ верховной власти въ возмутившемся королевствѣ. Образъ дѣйствій вѣнскаго правительства относительно Венгріи не измѣнялся съ 1849 года, напротивъ, новыми стѣсненіями оно старалось еще болѣе оправдать приговоръ, произнесенный надъ нимъ въ Дебрецинѣ. И Венгрія можетъ быть еще съ большимъ правомъ можетъ придти въ 1861 году къ такому же заключенію, къ какому пришло народное собраніе 1849 года.

Расположены ли Мадяры въ настоящую минуту сдѣлать этотъ рѣшительный шагъ? Трудно отвѣчать на этотъ вопросъ, которому отвѣтомъ можетъ быть одно время.

Понятно, почему большинство мадярскаго населенія видитъ единственный исходъ этому перелому въ окончательномъ разрывѣ съ Австріей, гнетъ которой въ послѣднее время сдѣлался рѣшительно невыносимымъ. Мы показали, что самъ вѣнскій кабинетъ считаетъ этотъ исходъ единственно возможнымъ, потому что оффиціально осуждаетъ систему, которой онъ слѣдовалъ съ 1849 года относительно Венгріи, не имѣя въ тоже время ни воли, ни силы покончить съ этой системой и уступить законнымъ требованіямъ лучшей изъ своихъ областей. Положеніе Европы относительно мадярскаго движенія ни въ какомъ случаѣ не можетъ теперь быть тѣмъ же, чѣмъ оно было въ 1849 году.

Время ушло впередъ и обстоятельства измѣнились къ лучшему, даже для Венгріи. Ея пораженіе въ 1849 году доказало, что она въ состояніи помѣряться силами съ Австріей: нужно было содѣйствіе русскихъ дружинъ для того,

чтобы подавить это возстаніе и остановить побѣды гонведовъ надъ австрійскими полками. Послѣ 1849 года Венгрія доказала, что постоянный гнетъ не въ состояніи сломить ее; другими словами, Венгрія убѣдила даже и скептиковъ-дипломатовъ въ томъ, что она достойна лучшей участи.

Въ заключеніе скажемъ, что трехсотлѣтняя опытность показала то печальное обстоятельство, къ которому, такъ или иначе, можетъ придти каждый, кто сколько нибудь знакомъ съ исторіею Мадяръ, — что Венгрія не можетъ быть ни спокойною, ни счастливою подъ правленіемъ Австріи, потому что Габсбурги никогда не согласятся уважить ея вѣковое самоуправленіе, ея политическія права, однимъ словомъ, ея народность. Трактаты, которыя Венгріи удавалось силою оружія вырывать изъ рукъ Австріи, какъ-то: въ 1606, 1622, 1645 и 1711 годахъ, Австрія спѣшила нарушить, лишь только чувствовала, что мечь побѣдителя не былъ поднятъ надъ ея головою. Возобновленія, и довольно частыя, этихъ возстаній, особенно случившіяся въ 1790, 1825 и 1848 годахъ, показываютъ всю живучесть народности мадярской, показываютъ, что окончательное освобожденіе Мадяръ только задерживается побочными обстоятельствами.

Подъ отеческимъ абсолютизмомъ Франца I, подъ императорскимъ конституціонализмомъ Фердинанда V, права Венгріи были точно такъ же уважены, какъ и во время просвѣщеннаго деспотизма Іосифа II, какъ и во время грубыхъ насилій Леопольда I. Когда же страхъ заставлялъ Габсбурговъ на время оставлять свою жертву и снова приносить клятву въ вѣрномъ сохраненіи конституціонныхъ правъ Венгріи, то, по минованіи опасности клятвы эти забывались; и теперь та же самая парламентерная и конституціонная Австрія 1848—49 годовъ измѣняетъ своимъ обѣщаніямъ такъ, какъ она недѣлала даже до 1848 года. Такимъ образомъ все заставляетъ думать, что и Австрія 1861 года никакъ не исполнитъ своихъ новыхъ обѣщаній. Если поближе разсмотрѣть въ чемъ состоятъ эти обѣщанія, то они покажутъ, что въ отношеніи къ Венгріи Австрія обѣщаетъ гораздо

менѣе, нежели сколько обѣщала въ предшествовавшія эпохи ея враждебныхъ столкновеній съ этою страной. Въ настоящемъ случаѣ, можетъ-ли Венгрія повѣрить обѣщаніямъ, которыя дѣлаетъ ей Австрія?

Принявъ во вниманіе состояніе умовъ въ Венгріи, пробудившееся сочувствіе всѣхъ классовъ общества, разочарованіе, какое чувствуютъ и Славяне, и Румыны въ отношеніи къ Австріи; принявъ во вниманіе положеніе самой Австріи, обезсиленной недавними еще пораженіями извнѣ, ослабленной растройствомъ финансовъ внутри государства, и если прибавить ко всему этому то глубокое неудовольствіе къ правительству, которое существуетъ во всѣхъ областяхъ этой монархіи,—то нѣтъ никакого сомнѣнія, что Венгрія гораздо болѣе можетъ разсчитывать теперь на счастливый исходъ дѣла, чѣмъ въ 1848 году.

С. ПАЛАУЗОВЪ.

Гдѣ ты?

«Цвѣли въ полѣ цвѣтики, цвѣли да поблекли....
Любилъ парень дѣвушку, любилъ да покинулъ!..»
(Простонародная пѣсня)

Онъ тебя встрѣтилъ, всему хороводу краса,
Встрѣтилъ и пòнялъ, — что́ значитъ дѣвичья коса,
Пòнялъ, что значатъ дѣви́чьи смѣховныя рѣчи
И подъ кисейной рубашкой опàрныя плечи?
Пòнялъ онъ это и крѣпко тебя полюбилъ,
И городскихъ, и посадскихъ красавицъ забылъ...

Но отчего-же, Наташа, забыла и ты,
Кàкъ у васъ, въ Троицу, вьютъ-завиваютъ цвѣты,
Кàкъ у васъ, въ Троицу, красныя дѣвки гурьбами
Нà-воду ходятъ гадать съ зави́тыми вѣнками;
Какъ онѣ шепчутъ:
«Охъ, тонетъ-потонетъ вѣнокъ:
Охъ, позабудетъ про дѣ́вицу милый дружокъ?»

Не потонули — уплы́ли куда-то цвѣты,
И уплыла за цвѣтами, Наташа, и ты...
Да, позабылъ онъ... И даже не знаетъ — не скажетъ, —
Гдѣ ты?.... И свѣжей могилки твоей не укажетъ...
Но пробудились цвѣточки, и шепчутъ они:
— Спи, моя бѣдная!.. Будутъ пробудные дни...

Л. МЕЙ.

9 февраля 1861 г.

ДОБРЫЕ ЛЮДИ.

(Разсказъ изъ семейныхъ записокъ).

Петръ Петровичъ, одѣтый въ засаленный халатъ, сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ передъ письменнымъ большимъ столомъ и наклеивалъ въ маленькій альбомъ конфектныя картинки. И надо было видѣть, съ какимъ вниманіемъ онъ занимался своей работой. Рукава были засучены по–локоть, огромное полотенце лежало на колѣняхъ, маленькіе, каріе глазки, заплывшіе жиромъ, блестѣли отъ удовольствія.

— Не узнаютъ, не узнаютъ, плуты, совсѣмъ не узнаютъ! повторялъ онъ, ухмыляясь, и круглое брюшко его тряслось отъ сдержаннаго смѣха.

— Ни зачто не узнаютъ! повторялъ онъ, разсматривая альбомъ; вотъ здѣсь, напримѣръ, была звѣздочка, продолжалъ онъ, показывая на средину краснаго переплета, а теперь цвѣточикъ, а здѣсь-то, здѣсь-то совсѣмъ не узнаютъ!—и Петръ Петровичъ поцѣловалъ кончики пяти пальцевъ своей руки, еще разъ посмотрѣлъ на альбомъ, положилъ его бережно на столъ и потеръ руки отъ внутренняго удовольствія; тѣсто, насохшее на нихъ, стало сваливаться грязными валиками. Онъ всталъ съ креселъ, подошелъ къ углу, гдѣ стоялъ умывальный столъ березоваго дерева, открылъ крышку и сталъ намыливать руки небольшимъ кускомъ мыла, которое безпрестанно выскакивало и заставляло его нагибаться и доставать изъ–подъ огромнаго гардеробнаго шкафа. Одинъ разъ

оно такъ далеко проскользнуло, что коротенькія толстыя руки Петра Петровича никакъ не могли достать его, и онъ принужденъ былъ взять трость съ крючкомъ и только съ помощію ея вытащилъ мыло, покрытое паутиной. Только Петръ Петровичъ могъ знать, что у него въ рукѣ, а посторонній человѣкъ ни зачто бы не отгадалъ, что это было мыло.

— Ей Богу, не узнаютъ! проговорилъ Петръ Петровичъ, еще разъ, ни за что не узнаютъ.

И онъ осмотрѣлъ мыло, покрытое паутиной, положилъ его въ ящикъ умывальнаго стола, досталъ другое и на этотъ разъ счастливо намылилъ руки. Кто-то постучалъ въ дверь, Петръ Петровичъ вздрогнулъ и бросился-было къ столу спрятать картинки, но вспомнивъ, что у него мокрыя руки, схватилъ полотенце и сталъ вытирать ихъ. Къ несчастію, полотенце было то самое, которымъ онъ вытиралъ лишнее тѣсто съ лопаточки, намазывая картинки и звѣздочки; и руки Петра Петровича сдѣлались еще грязнѣе, чѣмъ прежде. Какъ онъ ни старался, тѣсто не отставало и новыми слоями ложилось на его жирныхъ ладоняхъ и пальцахъ. Между тѣмъ стукъ увеличивался и рѣзкій голосъ жены Петра Петровича разразился бранью.

— Да что это такое, на что похоже, три часа дожидаться въ холодномъ корридорѣ.!

— Сейчасъ, сейчасъ, мамочка; я занятъ, очень занятъ, кричалъ Петръ Петровичъ, съ отчаяньемъ махнувъ рукой, быстро спряталъ картинки и альбомъ, на мѣсто ихъ вытащилъ расходную книгу и деревянные счеты. Второпяхъ онъ уронилъ нѣсколько картинъ на полъ, и, не замѣтивъ ихъ, бросился къ двери; мимоходомъ захлопнулъ крышку умывальнаго стола, боясь какъ будто, чтобы она не уличила его передъ разгнѣванной женой и отворилъ дверь своего завѣтнаго кабинета.

Я говорю завѣтнаго, потому что кромѣ жены, отставнаго солдата, служившаго ему, и маленькаго сына, похожаго на него, какъ двѣ капли воды, никто не смѣлъ входить къ нему.

— Цѣлыхъ три часа заставлять дожидаться у дверей своихъ! это ни на что не похоже! И что это за занятія, ко-

торыя мѣшаютъ вамъ впустить меня, сказала жена Петру Петровичу, входя въ комнату? Это была женщина 32-хъ лѣтъ, высокая, стройная; густыя русыя косы граціозно обвивали ея голову; небольшіе сѣрые глаза полузакрывались длинными рѣсницами; густыя брови, немного вздернутый носъ съ маленькимъ горбикомъ и пунцовыя губы придавали ей видъ если не красавицы, то очень хорошенькой женщины.

Она была дочь отставнаго подполковника. Оставшись послѣ матери 9 лѣтъ, Наташа получила полную свободу. Отецъ ни во что не входилъ, кухарка занималась хозяйствомъ и распоряжалась съ большею властію, чѣмъ жена его.

Понятно, что никто не заботился о воспитаніи дѣвочки. Сначала-было поговаривали отдать ее въ пансіонъ, но проходили годы и дѣвочка скоро забыла и то, чему успѣла выучить ее мать. Вліяніе общества, окружавшаго ее, конечно, не прошло даромъ. Отъ природы умная, дѣвочка хорошо понимала свое положеніе. У нея была кузина, съ которой она видѣлась по праздникамъ. У кузины были гувернантки, учителя; на кузинѣ были модныя платья; длинные бѣлокурые локоны такъ красиво обрисовывали ея блѣдное личико. Кузина не была такъ хороша, какъ Наташа, а всѣ на нее смотрѣли, всѣ ею любовались. Наташа понимала, почему она была ниже кузины и возненавидѣла отца, кухарку и всѣхъ, кто стоялъ выше ея. Цѣль ея была пробить себѣ дорогу. Она сидѣла ночи, работала на продажу; на вырученныя деньги стала одѣваться лучше богатой кузины. Учиться было некогда, но она съ жадностію вслушивалась въ разговоры, запоминала все и въ 18 лѣтъ Наталья Павловна слыла за умную и образованную дѣвушку. Но не все еще было кончено. У богатой кузины она встрѣтила Петра Петровича Воробьева, разыграла роль влюбленной и вышла за него замужъ. Такимъ образомъ она вошла въ лучшій кругъ. Воробьевъ получалъ хорошее жалованье; кромѣ казеннаго мѣста онъ имѣлъ еще частное. Знакомые уважали его; онъ давалъ хорошіе обѣды, вечера; выѣзжалъ съ хорошенькой женой; всѣ завидовали ему. Чрезъ годъ послѣ свадьбы у нихъ родилась дочь—совершенная копія матери. Такъ прошли четыре года. Вдругъ Воробьевъ лишился казеннаго мѣста; но не упалъ духомъ; его

вечера сдѣлались еще роскошнѣе, дорогія вещи стали проявляться въ ихъ квартирѣ и какъ Наталья Павловна была всегда хорошо одѣта и какъ удобно было въ ея комнатѣ! Модныя занавѣсы у окна, штофная мебель въ гостинной, рояль Вирта, огромное трюмо, множество цвѣтовъ, фарфоровыхъ вазъ... да чего у ней не было и все это пріобрѣтено такъ, за дешевую цѣну, говорила она. Моя Наташа на все мастерица, говорилъ мужъ, указывая головой на жену свою, видимо довольную такимъ наивнымъ признаніемъ мужа. Носились слухи, что очень дешево, еще дешевле, чѣмъ говорила Наталья Павловна, достались ей эти вещи; говорили, что какой-то купецъ, прельстившись ея дугообразными бровями, присылаетъ многое и даже обѣщалъ купить ей домъ; но этому нельзя вѣрить: Наталья Павловна ведетъ себя такъ гордо и потомъ всѣ знаютъ, какъ она строго судитъ о нравственности другихъ, что Боже упаси насъ повѣрить такому подозрѣнію. Конечно, мы пожалуй скажемъ, что три года тому назадъ у ней родился сынъ и что никто не хотѣлъ идти крестить его, говоря что не знаютъ отца его, а другіе осмѣливались даже называть какого-то Ивана Максимовича. Наталья Павловна была очень огорчена. Въ отчаяніи она обратилась за совѣтомъ къ нянькѣ Лукерьѣ и та напомнила ей о сироткѣ Ольгѣ, которая была у нихъ подъ опекой. Она воспитывалась въ пансіонѣ и по праздникамъ приходила къ нимъ. Рѣшились послать за нею. Дѣвочка была въ восхищеніи; въ 14 лѣтъ легко вѣрится ласкѣ, а ей сказали: Ольга, не откажи окрестить моего мальчика, ты у насъ принята какъ родная, Маня такъ любитъ тебя и я не хочу другой крестной матери моему сыну. Ольга сконфузилась. Быть матерью, имѣть крестника, ахъ какъ это лестно! и она, покраснѣвъ до ушей, пробормотала: ахъ! Наталья Павловна, и нагнулась поцѣловать у нея руку. И такъ окрестили Мишу. Кумомъ былъ какой-то титулярный совѣтникъ, очень молодой человѣкъ. Онъ не вѣрилъ ничему, да и мы ничему не вѣримъ: мало ли чего ни говорятъ у насъ о женщинахъ!.. Мальчикъ вышелъ какъ двѣ капли воды Петръ Петровичъ, и Наталья Павловна всегда старалась намекнуть на это сходство, съ умиленіемъ называя ихъ при гостяхъ Домби и сынъ. Не будь этихъ тол-

ковъ, Наталья Павловна не такъ была бы рада этому сходству, что она ясно высказывала, находясь съ мужемъ наединѣ. Тюлень, бѣлый медвѣдь были его обыкновенныя названія. Не знаю, насколько вѣрилъ этимъ слухамъ добродушный Петръ Петровичъ; знаемъ только, что маленькому Мишѣ позволялось взлѣзать на отца, когда послѣдній лежалъ на диванѣ послѣ обѣда, дозволялось входить въ завѣтный кабинетъ, что запрещалось строго старшей семилѣтней дочери Машѣ, или Манечкѣ, какъ ее звали всѣ дома. Эта дѣвочка удивительно наслѣдовала отъ матери быстрый умъ и всю испорченность ея характера. Скажемъ еще, что Иванъ Максимовичъ съ тѣхъ поръ не бывалъ въ домѣ Петра Петровича Воробьева.

— Позвольте спросить, чѣмъ вы это занимались, говорила Наталья Павловна, подходя къ столу, не взглянувъ на мужа, который старался стереть тѣсто съ пальцевъ своихъ. Фи! вѣчно счеты; вотъ не чѣмъ-то заниматься человѣку! Только и знаетъ, что записываетъ расходы; иногда не мѣшало бы подуматъ о женѣ и дѣтяхъ!

— Да, мамочка, если я не буду записывать расходы, какъ же мы будемъ знать, сколько проживаемъ.

— Сколько наживаемъ! съ насмѣшкой сказала Наталья Павловна, ложась на большой диванъ, обитый пестрымъ ситцемъ. Звѣздочка изъ золотой бумаги, недавно слѣпленная съ переплета альбома, прилипла къ шерстяному платью Натальи Павловны, Петръ Петровичъ замѣтилъ это. Онъ не могъ ни стоять, ни сидѣть; каждую минуту онъ думалъ, что жена увидитъ несчастную звѣздочку. Лицо его покрывалось красными пятнами, крупный потъ выступалъ на лбу его. Но вдругъ Петръ Петровичъ успокоился, лицо его приняло довольное выраженіе, казалось, счастливая мысль осѣнила его тупое воображеніе. Онъ нѣсколько разъ сжималъ и разжималъ свои руки. Наконецъ всталъ, медленно подошелъ къ дивану и съ словами: мамочка, будь спокойна, это таракапъ, протянулъ руку къ подолу жены, схватилъ звѣздочку и въ забытьи положилъ ее въ карманъ.

Все время Наталья Павловна слѣдила за мужемъ; она замѣтила волненье его и, когда онъ подходилъ къ ней, она

немного привстала и съ удивленьемъ замѣтила, что таракан, обыкновенно черный, блеснулъ и скрылся въ карманѣ.

— Что вы спрятали, что? вскричала она, сдерживая смѣхъ и показывая видъ разсерженной. Вы думаете меня обмануть, не удастся. Я видѣла, что у васъ въ рукѣ таракан былъ золотой, а куда вы это дѣли, а?.. развѣ тараканов прячутъ въ карманъ? Что же вы не говорите, вѣрно совѣсть не чиста. Ну, признайся, что̀ нибудь опять утащилъ у дѣтей?

Все время Петръ Петровичъ молчалъ, только крѣпко держался за карманъ. Наталья Павловна, какъ ни старалась, никакъ не могла узнать, что схватилъ мужъ ея. Любопытство мучило ее. Убѣдясь, что крикомъ ничего не сдѣлаешь, она перемѣнила тонъ. Экой воръ, продолжала она, шутливо смотря ему въ глаза. Признайся, прошу тебя, вѣдь укралъ, а? укралъ...

— Не узнаешь, подумалъ Петръ Петровичъ, помирая со смѣху. Ахъ женщины, женщины! Я хотѣлъ видѣть, что будетъ, а она... И онъ медленно вытащилъ изъ кармана золотую звѣздочку.

— Это звѣздочка откуда? съ альбома?.. такъ альбомъ у тебя, ахъ воръ, ахъ медвѣдь этакой, у дѣтей своихъ воруетъ.

— Я не укралъ, а такъ взялъ на сохраненье, разорвутъ, думаю, глупы. А вотъ будутъ постарше, такъ я и отдамъ.

— Знаю, какъ отдашь, переклеишь все и подаришь за ново а они будутъ благодарить, что отецъ ихнюю же вещь имъ даритъ во второй разъ.

— А, можетъ быть, удастся и въ третій... Ха! ха! ха! и Петръ Петровичъ сѣлъ въ кресло и долго хохоталъ надъ тѣмъ, какъ онъ два раза сдѣлаетъ одинъ и тотъ же подарокъ, а можетъ быть удастся и въ третій. И онъ сталъ придумывать, какъ бы еще измѣнить маленькій альбомъ.

— Нѣтъ, милостивый государь, не удастся вамъ обмануть дѣтей! что они вамъ дураки достались! все разскажу... все...

— Мамочка, не говори.

— Что не говори! вы будете воровать у дѣтей, а я мать

молчи. И такъ я одна должна заботиться; вы только сидите у себя въ кабинетѣ, да картинками занимаетесь; а нѣтъ чтобы позаботиться о дѣтяхъ.

— Мамочка, помилуй; да кто же ихъ одѣваетъ-то и кормитъ?

— Не вы ли?..

— Конечно, ты сошьешь, а нянька надѣнетъ на нихъ, или кухарка сготовитъ и подастъ имъ; а не достань я денегъ, на чтобы ты купила все это тряпье?

— А позвольте васъ спросить, откуда вы достаете деньги? Не жалованье ли ваше? Куда какъ много, 200 руб. сереб. или какъ вы говорили 700, а чего... Тьфу, ты пропасть... и этотъ тюлень осмѣливается говорить, что онъ заботится о семействѣ, о дѣтяхъ. И Наталья Павловна разразилась градомъ ругательствъ, которыя вовсе не шли къ ея наряду.

Петръ Петровичъ наконецъ былъ выведенъ изъ терпѣнья, нахмурилъ брови, запахнулся халатомъ, взглянулъ на жену и проговорилъ тихо: такъ значитъ ты достаешь деньги, но откуда же? позвольте спросить. Эхъ, Наташа, Наташа, молчала бы лучше. Въ этихъ словахъ, сказанныхъ тихо, такъ тихо, что одна Наталья Павловна могла понять ихъ, слышалось столько горя, столько страданья; вся фигура Петра Петровича въ эту минуту внушала столько сожалѣнья, что Наталья Павловна не выдержала и разразилась истерическимъ плачемъ.

— Всегда одинъ конецъ, еще тише проговорилъ Петръ Петровичъ и, махнувъ рукой, сѣлъ было за свои счеты. Наталья Павловна продолжала плакать. Чѣмъ громче раздавались всхлипыванья жены, тѣмъ блѣднѣе становился Петръ Петровичъ. Съ безпокойствомъ онъ посматривалъ на нее; не то, чтобы онъ боялся, но ему непріятно, досадно было на самаго себя. Уже не въ первый разъ повторялись эти сцены. Съ ужасомъ вспомнилъ онъ, какъ жена всякій разъ жалуется всѣмъ приходящимъ и доктору, лѣчившему у нихъ даромъ, и толстому купцу съ претолстымъ карманомъ, и другимъ, называя его убійцей, деспотомъ, тюленемъ... И какъ всѣ, выходя изъ спальни жены, съ презрѣніемъ взглядывали на него, а иногда вовсе не смотрѣли, такъ пройдутъ мимо,

какъ будто онъ вовсе не хозяинъ дома. А разговоры-то ихъ! Какая умная женщина... вотъ страдалица-то... если бы не она, что было бы съ дѣтьми... о! лучше двадцать разъ удавиться.

— Тьфу! грѣхъ какой! и придетъ же на умъ крещеному человѣку такая мысль, и Петръ Петровичъ набожно перекрестился и отворотился отъ жены, какъ будто фигура ея была для него чѣмъ-то въ родѣ висѣлицы.

Всхлипыванья удвоились.

— Только этого недоставало; развѣ я чортъ какой нибудь или вѣдьма!—крестится, плюетъ на меня! Боже мой! да скоро ли я умру, скоро ли я развяжусь съ тобой; вѣрно не будетъ конца моимъ страданіямъ, брошу тебя, возьму дѣтей, открою магазинъ и безъ тебя съумѣю жить.

Петръ Петровичъ вздрогнулъ. Мысль, что жена оставитъ его когда нибудь, всегда ужасала его. Не видать сына, знать, что жена его магазинщица.... да Богъ съ ней, сынъ-то его Миша, сынъ надворнаго совѣтника, будетъ за прилавкомъ, и Петръ Петровичъ съежился, сдѣлался такой маленькій, и дѣйствительно жалкій, какъ нищій на морозѣ.

— Мамочка! прости, прости, пожалуйста. Я право не на тебя плюнулъ, такъ въ зубахъ завязло что-то, право завязло, я и плюнулъ; а перекрестился я тоже не на тебя, право не на тебя; ко всенощной ударили, вотъ я и перекрестился, и въ подтвержденіе своихъ словъ, онъ набожно перекрестился еще три раза.

Дѣйствительно ударили ко всенощной, и Наталья Павловна тоже перекрестилась.

— Вотъ добрые люди идутъ Богу молиться, а мы съ тобой только ссоримся, сказалъ Петръ Петровичъ заискивающимъ голосомъ.—Ну, Наташа, помиримся, завтра праздникъ, и онъ обнялъ жену и хотѣлъ поцѣловать ее.

— Полно цѣловаться-то; лучше поговоримъ о дѣлѣ.

— Послѣ, мамочка, нѣкогда....

— Вѣчно нѣкогда.

— Я хотѣлъ-было ко всенощной пойти, не смѣло проговорилъ Петръ Петровичъ, глядя изподлобья на жену свою.

— Вы вѣчно найдете дѣло, когда жена придетъ къ вамъ посовѣтоваться. Ни въ чемъ не хотите помочь мнѣ.

Ссора загоралась вновь, но Петръ Петровичъ такъ былъ перепуганъ, что готовъ былъ бросить всѣ дѣла, даже всенощную, чтобъ угодить женѣ.

— Я не зналъ Наташа, что ты пришла посовѣтоваться со мной, ты бы давно сказала. Сядемъ, сядемъ-ка рядкомъ, потолкуемъ-ка ладкомъ. И надворный совѣтникъ сѣлъ на диванъ около жены и приготовился ее слушать.

— Я пришла поговорить съ тобой о Маничкѣ.

— А что развѣ она больна?

— Ну сейчасъ и больна.

— А, такъ! новое платье надо?

— Да что ты съ пустяками!

— Нѣтъ, другъ мой, болѣзнь не пустяки.

— Если ты такъ будешь перебивать меня, мы никогда не кончимъ.

— Молчу, молчу, мамочка, только болѣзнь не пустяки, прибавилъ онъ шопотомъ.

— Я пришла напомнить тебѣ, что Манѣ семь лѣтъ.

— А... такъ ея рожденье, надо подарить что-нибудь—и рука его потянулась къ вновь отдѣланному альбому, но на полдорогѣ остановилась. Тьфу ты, пропасть... изъ ума вонъ.. вѣдь рожденіе ея было двѣ недѣли тому назадъ; имянины... нѣтъ и не имянины.. имянины будутъ чрезъ 2 мѣсяца... и онъ въ недоумѣніи взглянулъ на жену.

— Я пришла сказать тебѣ, что къ Манѣ пора нанять гувернантку.

— Гувернантку? такъ чтожъ, съѣзди въ адресную контору, тамъ ихъ какъ собакъ... Возьми, возьми гувернантку. Да на что Манѣ гувернантку, сказалъ онъ немного подумавъ. Вотъ какъ братъ подростетъ, такъ вмѣстѣ и будутъ учиться.

— Я знаю, вы для сына ничего не пожалѣете, а дочь оставайся дура, пускай на дворѣ съ мальчишками бѣгаетъ.

— Я не пускаю! когда я пускалъ ее съ мальчишками бѣгать? А нянька на что, худо она смотритъ. Крикни, матушка, хорошенько. Вотъ я ее!.. и онъ было всталъ съ дивана.

— Куда ты, ужъ ты вообразилъ, что Маня и въ самомъ дѣлѣ бѣгаетъ по двору. Я только сказала, если дѣвочку не начать учить, то она будетъ бѣгать съ мальчишками!

— Такъ кто-же тебѣ запрещаетъ; давно бы начала учить. Вотъ завтра пойду къ Сухаревой и куплю азбуку, а-то поищу у себя; а въ понедѣльникъ... нѣтъ, понедѣльникъ тяжелый день... во вторникъ, благословясь, и посадимъ ее.

— Такъ по-твоему воспитаніе состоитъ въ томъ только, что купить азбуку, да и выучить ее читать.... Петръ Петровичъ глядѣлъ вопросительно.

— Ее надо выучить говорить по-французски, продолжала жена, танцовать... играть на фортепіано, присѣдать... Вотъ дѣти у кузины какъ воспитаны, взойдутъ мило, присядутъ всѣмъ, а наша стоитъ столбомъ; и Соничка какъ играетъ на фортепіано!

— Да ей, мамочка, двѣнадцать лѣтъ.

— Да, батюшка, если теперь не начнешь учить Маню, такъ она и въ 15 лѣтъ ничего не будетъ знать.

— Такъ чтоже надо дѣлать намъ?

— Повторяю, надо нанять гувернантку.

— Да я уже....

— Но это будетъ стоить дорого... порядочную не найдешь и за 150 рублей серебромъ еще попадется какая нибудь вѣтреница, будетъ только заниматься нарядами, кокетничать, научитъ, Богъ знаетъ, чему дѣтей, развратитъ ихъ нравственность.

— Петръ Петровичъ поблѣднѣлъ, потомъ лице его покрылось пятнами, онъ уже вообразилъ Мишу безнравственнымъ молодымъ человѣкомъ, игрокомъ, цѣлыя семейства страдаютъ отъ него. Не надо, не надо гувернантку, вскрикнулъ онъ и вскочилъ съ дивана, совсѣмъ испортятъ Мишу! повторялъ онъ, ходя по комнатѣ, совсѣмъ испортятъ мальчика.

— Да какъ же у кузины-то гувернантка, а дѣти не испорчены? вдругъ спросилъ Петръ Петровичъ, обращаясь къ женѣ.

— Ты мнѣ не дашь слова сказать, терпѣнья недостаетъ, все перебиваетъ.

— Молчу, мамочка, молчу.

— Нанять гувернантку дорого, а во вторыхъ надо осмотрительно.

— Да, да.. осмотрительно, не вдругъ, а исподоволь; время терпитъ.

— Опять заговорилъ! съ досадой сказала Наталья Павловна.

— Молчу, молчу... эхъ, глупая привычка думать вслухъ, прибавилъ онъ громко.

Наталья Павловна улыбнулась. Да... надо нанять гувернантку не вдругъ, продолжала она; а покуда возьмемъ Ольгу; она въ среду ѣздила въ послѣднiй разъ въ университетъ. Покуда она поучитъ Маню, да и за Мишей присмотритъ.

— Конечно, я лучше бы не желалъ; дѣвушка скромная, какъ родная у насъ, да и Мишѣ не чужая, все-таки крестила... Кума намъ... Дѣти къ ней привыкли... хорошо бы было.

— Ну и возьмемъ ее покуда..

— Какъ покуда, да вѣдь она хочетъ ѣхать въ Сокольскъ къ матери...

— Ты, какъ опекунъ, не долженъ допустить до этого; мать пьяница; развратная женщина... погубитъ дѣвушку.

— Ну и пьяница!... вѣдь ты не видала сама, а?.. не видала?

— Конечно, не видала, да говорятъ.

— Ну, матушка, мало ли что говорятъ и про те.... про насъ.. про всѣхъ вѣдь говорятъ. Не всякому слуху можно вѣрить.

Она замолчала.

— Да она изъ благодарности не должна насъ оставить, начала опять Наталья Павловна, мы заботились о ней восемь лѣтъ, воспитали ее, одѣвали, каждый праздникъ брали къ себѣ.

— Ну, не восемь лѣтъ, а только пять; да и то не великое благодѣянiе сдѣлали, вѣдь не на свои деньги воспитали ее, не мы учили; да и не на свой счетъ одѣвали. А что въ праздники брали къ себѣ, такъ вѣдь съ нашими же дѣтьми играть. Не пустить къ матери тоже не могу и отговаривать не стану; это доброе дѣло, христiанское. Мать въ бѣдности, говорятъ, такъ она и будетъ помогать ей. На то воспитанiе

получила и экзаменъ держала въ университетѣ, чтобы кормиться и матери помогать.

— Ужъ если вы такъ горячо заступаетесь за нее, такъ я все-таки скажу, не слѣдъ ей ѣхать въ Сокольскъ къ пья... къ матери.. какъ молодая дѣвушка поѣдетъ одна.

— Она хотѣла ѣхать съ Владимiровой.

— Откуда ты это знаешь?

— Да въ прошлое воскресенье она мнѣ говорила.

— А мнѣ ничего не сказала, вотъ какая хитрая... никогда со мною не посовѣтуется.

Въ кабинетѣ воцарилось молчанiе. Наталья Павловна съ досады кусала губы. Она видѣла, что отъ мужа нечего было ждать помощи и сознавала, что сама не имѣла влiянiя на Ольгу.

— Что же ты нейдешь ко всенощной?

— Да вѣдь ты.....

— Не пустила, договорила Наталья Павловна, вѣчно я виновата. Дома пустяками занимаетесь. Въ церковь я не пускаю... только у дѣтей воруетъ... и мое мыло вѣрно не миновало вашихъ рукъ, сказала она, проходя мимо умывальнаго стола.

Сердце Петра Петровича тревожно забилось, онъ не смѣлъ взглянуть на жену и не видѣлъ, какъ она вышла изъ кабинета. Только сильно хлопнувшая дверь убѣдила его, что Натальи Павловны больше нѣтъ. Онъ приподнялъ голову и какъ-то тупо оглядѣлъ комнату.

— Не узнала, прошепталъ онъ; но это слово было сказано такъ машинально, что Петръ Петровичъ даже не улыбнулся. Онъ заперъ дверь и хотѣлъ собираться ко всенощной, подошелъ къ столу, взялъ спичку, чтобъ зажечь свѣчку; фосфоръ зашипѣлъ и синiй огонекъ освѣтилъ половину комнаты. На столѣ лежала открытая расходная книга. Въ концѣ длинныхъ столбцевъ, крупно красовались итоги 300 р. сер., 500 р. сер. и т. д. 700 ассигнацiями, прошепталъ онъ. Въ эту секунду огонь дошелъ до пальцевъ, боль заставила его выпустить остатки спички и въ комнатѣ сдѣлалось темно... Боже мой, Боже мой, все и всѣ противъ меня!. . Онъ взялъ

другую спичку, черкнулъ опять... комната освѣтилась. Онъ подвинулъ подсвѣчникъ и сталъ зажигать свѣчку....

— Ну, къ чему было приходить ко мнѣ совѣтоваться... вѣдь я тюлень, дуракъ, проговорилъ онъ грустно и тяжелый вздохъ вырвался изъ груди его....

Свѣчка опять погасла. . Тьфу, ты пропасть.... все какъ будто сговорилось, и онъ сердито схватилъ нѣсколько спичекъ разомъ, черкнулъ ими по коробочкѣ, съ трескомъ вспыхнуло яркое пламя и удушливый сѣрный запахъ защекоталъ въ горлѣ Петра Петровича. Онъ закашлялся, но предварительно прикрылъ рукою ротъ. Наконецъ свѣчка была зажжена и Петръ Петровичъ сталъ быстро одѣваться. Окончивъ свой туалетъ, онъ загасилъ свѣчку, осторожно вышелъ изъ своей комнаты, заперъ ее, положилъ ключъ въ карманъ, тихо прошелъ чрезъ переднюю, отворилъ дверь и вышелъ на улицу. Народъ толпами возвращался отъ всенощной. Петръ Петровичъ все-таки пошелъ въ церковь. Когда онъ подходилъ къ церковной оградѣ, тяжелыя ворота запирались и огромный замокъ повисъ на желѣзныхъ кольцахъ. Петръ Петровичъ остановился, подумалъ, перекрестился три раза и тихо пошелъ домой.

II.

— Миша, давай играть въ лошадки, сказала Маня, толкая ногой мальчика, сидящаго на коврѣ.

— Не хочу, домикъ строю.

— Экой тюлень!

— Няня! не вели Манѣ браниться.

— Играй, дитятко, играй ненаглядный мой; что дѣлать съ этой азарницей, сказала старая няня Лукерья.

— Я скажу мамашѣ, что ты все меня называешь азарницей.

— Ну, привязалась!..

— Тюлень, тюлень, тюлень! и дѣвочка толкнула карточной домъ; карты разсыпались. Мальчикъ горько заплакалъ и скрылъ свое лице въ колѣняхъ няни.

— Пошла прочь, негодная! вскрикнула нянька, притопнувъ ногою; она положила чулокъ, который вязала, сняла огромные очки и обняла мальчика. Полно плакать, дитятко, полно, херувимчикъ... давай строить домикъ, давай вмѣстѣ... Вотъ зелье-то, проворчала старуха про себя... Очевидно, слова эти относились къ дѣвочкѣ. Маня закричала во все горло и побѣжала въ комнаты матери, но послѣдняя была у отца. Она воротилась въ дѣтскую, надѣясь досадить еще чѣмъ нибудь какъ брату, такъ и нянькѣ, и остановилась въ дверяхъ, незамѣченная никѣмъ.

— Не плачь, красота моя; вотъ ужо придетъ папа, дастъ тебѣ картинокъ, возьметъ тебя къ себѣ въ комнату... Экая злая какая!.. Маня стояла въ дверяхъ и слушала слова няни... Подожди ужъ.. вотъ я слышала, мать-то хочетъ нанять гувернантку... какая вѣдь попадется... отколотитъ... видитъ Богъ, отколотитъ... не станетъ терпѣть...

Въ эту минуту послышались шаги Натальи Павловны, Маня неистово вдругъ заплакала. Миша, не ожидая, испугался этого крика и тоже заплакалъ; даже старая Лукерья вздрогнула... Что здѣсь за крикъ, вѣрно дитя ушиблось, говори Лукерья, объ чемъ плачутъ дѣти?

— Мама! меня нянька бранитъ, азарницей называетъ, зельемъ, всхлипывая говорила дѣвочка... Миша меня прибилъ.

— Вретъ, матушка–барыня, вретъ она.. Сама, ненавистница этакая, прибила братца, да и оретъ...

— Что за выраженіе, Боже мой!.. совсѣмъ испортятъ дѣтей. А у тебя, старая дура, вѣчно твой медвѣдь правъ, а Маня виновата; пойдемъ, Маня, отъ нихъ... пусть наслаждаются... вотъ отецъ еще придетъ... вполнѣ будетъ семейная картина. Пойдемъ, житья намъ нѣтъ съ тобой. Вотъ мы за Олей пошлемъ, она съ тобой поиграетъ, разскажетъ тебѣ сказку.

— Оля не любитъ меня; она любитъ братца; она все за книгами сидитъ... прогоняетъ меня, говорила дѣвочка прерывающимся отъ слезъ голосомъ.

— Поди, пошли дѣвушку въ пансіонъ за Олей... Вотъ я посмотрю, какъ она будетъ тебя прогонять... Боже мой! покоя нѣтъ... обо всемъ сама должна заботиться... А какая

благодарность!.. Вотъ теперь должна буду кланяться дѣвочкѣ.. Неблагодарная!.. поили, кормили, а она ѣхать хочетъ, шляться хочетъ!.. Ужъ у меня ли не житье ей.. такъ нѣтъ, видите, я хочу поступать благородно.... совѣсть мнѣ велитъ... долгъ мой требуетъ.... Видите, какихъ возвышенныхъ идей набралась!.. А что было бы, если бы мы не взяли ее къ себѣ, когда померъ отецъ... таскалась бы гдѣ нибудь съ матерью... Вѣдь знаемъ ее, слышали, какова птица.

Все время Маня стояла около матери и слушала ее. Но мать нисколько не стѣснялась присутствіемъ дочери. У ней столько накопилось желчи, что она готова была разсказать о своемъ горѣ на площади.

— Да что жъ эта дѣвчонка нейдетъ. Маня, ты послала?

— Послала, мамаша; вѣрно, одѣвается, локончики завиваетъ... Маня не любила, кто хорошо одѣвался.

— И предъ кѣмъ это выфранчивается... Никто и вниманья на нее не обращаетъ, и Наталья Павловна самодовольно взглянула на себя въ зеркало.

Послышались легкіе шаги въ сосѣдней комнатѣ. Лице Натальи Павловны приняло добродушное выраженіе и пріятно ласкающимъ голосомъ она проговорила: я здѣсь, Оля, это ты?..

— Здравствуйте, Наталья Павловна, какъ ваше здоровье? проговорила Ольга и почтительно поцѣловала у ней руку. Наталья Павловна съ чувствомъ обняла дѣвушку и поцѣловала.

— Здравствуй, Маня!..

— Здравствуй, нехотя проговорила дѣвочка, не спуская глазъ съ матери.

— Что же ты, Маня... ахъ, какая невѣжливая, съ досадой проговорила Наталья Павловна.. ты должна сдѣлать реверансъ... ну, какъ я тебя учила... ну... Маня не двигалась съ мѣста. Оля покраснѣла.

Ну, что же ты слушаться не хочешь! Оля, покажи ей пожалуйста...

— Да Маничка знаетъ сама, я въ прошлое воскресенье ее все учила и она хорошо умѣла присѣдать... Ну, Маня, поди сюда... какъ я тебя учила, ну... Маничка, вѣдь ты милая

дѣвочка, послушная... Мамаша хочетъ... ну, поди сюда, присядь, вотъ такъ, и Ольга, приподнявъ немного платье, сдѣлала нѣсколько реверансовъ. Милая дѣвочка упорно стояла въ углу у туалета и повидимому не хотѣла сдвинуться съ мѣста. Какъ Оля ни уговаривала, какъ мать ни горячилась, дѣвчонка стояла въ углу и не шевелилась. Наталья Павловна вышла изъ терпѣнья, начала браниться и бить Маню по чемъ ни попало. У Ольги болѣзненно сжалось сердце. Подобныя сцены повторялись всякій день и потомъ все вымѣщалось на ней.

— Наталья Павловна, успокойтесь, прошу васъ; стоитъ ли такъ сердиться... Оставить ее безъ чаю, вотъ и все; а бить нельзя. Ахъ, Маничка, какъ не стыдно не слушаться мамаши. Вотъ я не дочь, а всегда слушаюсь.

— Ступай вонъ, негодная дѣвчонка... знать тебя не хочу.. вѣчно разсердитъ меня! и мать грубо выталкивала дочь... Повѣришь ли, Оля, терпѣнья недостаетъ... цѣлый дѣнь крикъ.. все хочу засадить ее за азбуку; пора... вѣдь осьмой годъ... Ты ходишь всякое воскресенье, продолжала она послѣ недолгаго молчанія, чтобъ тебѣ показать что-нибудь... жила цѣлую вакацію, все баклуши била.

— Помилуйте, Наталья Павловна, я сама къ экзамену готовилась и Манѣ было только 6 лѣтъ. Впрочемъ, еслибы вы сказали, я охотно исполнила бы ваше желаніе... я люблю быть полезной.

— Нечего сказать, много пользы приносишь. Да и теперь жила, жила у насъ, мы такъ привыкли къ тебѣ, а ты хочешь ѣхать, Богъ знаетъ куда .. Петръ Петровичъ очень на тебя сердитъ....... говоритъ, къ пьяной матери хочетъ ѣхать. Надоѣло съ честными людьми жить.

Ольга вспыхнула. Наталья Павловна! я не заслуживаю такихъ упрековъ, сказала она, гордо взглянувъ на Воробьеву, и знаю, извините меня, что Петръ Петровичъ не станетъ говорить такихъ словъ про мою мать.....

— Значитъ, по-твоему, я лгу?.

— Я не сказала это, но мнѣ странно, еще въ прошлое воскресенье Петръ Петровичъ говорилъ, что я поступаю благородно, что не оставляю мать....

— Ха, ха, ха.. Онъ смѣется тебѣ въ глаза, а ты не понимаешь, какъ ты еще глупа, Ольга, прибавила Наталья Павловна болѣе сдержаннымъ голосомъ. Если бы ты посовѣтовалась со мной, то я бы тебѣ сказала прямо, что въ твоемъ поступкѣ нѣтъ здраваго смысла.... Всѣ осудятъ тебя... Конечно, никто не придетъ тебѣ сказать въ глаза, что думаетъ... Немного найдется такихъ, какъ я.... Вотъ и мужъ мой, не далеко искать, въ воскресенье говорилъ, что ты хорошо поступаешь, а эту всю недѣлю, и даже вотъ предъ твоимъ приходомъ, все бранилъ меня.... Я то въ чемъ виновата?.. Говоритъ, что совсѣмъ не смотрю за тобою, что я не умѣю отговорить тебя, что я женщина... значитъ больше должна имѣть влiянiя на тебя... А ты никогда не придешь ко мнѣ посовѣтоваться... Вѣдь я не святая, чтобы знать твои намѣренiя... Теперь вотъ и знаю, такъ развѣ ты послушаешь меня? Ты все думаешь, что я лгу... Какiе я могу имѣть виды, наговаривая на мать твою?.. Подумай сама!..

Ольга молчала; глаза ея безъ мысли перебѣгали съ предмета на предметъ. Сердце усиленно билось въ груди. Слезы готовы были брызнуть изъ большихъ темныхъ глазъ. Но она сдерживала себя и слушала.

— И куда ты поѣдешь, почему ты знаешь, гдѣ она живетъ?

— Вы знаете, Наталья Павловна, у нея домъ въ Сокольскѣ, потому она и не переѣзжаетъ въ Москву.

— Домъ свой! Домъ давно проданъ; и платья и шубы..... все продано для наливки.

— Это вы отъ кого узнали? съ безпокойствомъ спросила Ольга.

— Отъ Бориса Өедоровича. Онъ прiѣзжалъ на прошлой недѣлѣ и разсказывалъ, въ какой бѣдности, въ какой грязи живетъ она.

— Онъ лжетъ, безстыдно лжетъ, вскрикнула Ольга. Я пишу всегда по одному адресу и письма мои доходятъ. Не дальше, какъ въ четвергъ я извѣстила ее, что кончила экзаменъ.

— А развѣ она не можетъ попросить дворника переда-

вать ей письма, присланныя на ея имя въ домъ..... скажетъ, что не успѣла еще написать о продажѣ его.

Ольга не нашлась ничего отвѣтить. Доказательство было вѣрное... Неужели она мнѣ не написала бы, сказала она помолчавъ... продать домъ, гдѣ жилъ папенька, гдѣ умеръ онъ... нѣтъ, нѣтъ.... нѣтъ, не можетъ быть.... Борисъ Ѳедорычъ ни про кого не скажетъ хорошее... И Ольга горько заплакала.

— Я не хотѣла говорить тебѣ... разстроивать тебя... Думаю, пускай, кончаетъ экзаменъ, получитъ дипломъ... Можетъ быть онъ когда нибудь и пригодится. Я бы и вовсе не сказала тебѣ, если бы ты осталась у меня, а то ужь все равно..... покрайней мѣрѣ будешь знать куда ѣдешь.... А какое общество ждетъ тебя тамъ?.. Помянешь мои слова, да будетъ поздно. Ей-Богу, помянешь.... Ну, полно плакать... пойдемъ лучше чай пить.... Вонъ и тюлень мой пришелъ, сказала она, услышавъ громкій хохотъ въ залѣ.

Дѣйствительно, Петръ Петровичъ возвратился домой и громко хохоталъ, какъ Миша взлѣзалъ на него. Когда Наталья Павловна и Ольга вошли въ залу, нѣжный отецъ представлялъ бѣшеную лошадь, фыркалъ и прыгалъ на поларшина отъ земли. Миша заливался звонкимъ смѣхомъ, сидя на плечѣ Воробьева, Маня съ завистью смотрѣла на брата и все подвертывалась на быстромъ бѣгу Петра Петровича, какъ бы напрашиваясь на ту же ласку со стороны отца.

— Прочь, пади! кричалъ Воробьевъ, воодушевляясь болѣе и болѣе, прочь съ дороги, раздавлю! — и онъ дѣйствительно задѣлъ каблукомъ Маню. Она упала и громко заплакала. Наталья Павловна все время стояла въ дверяхъ и съ насмѣшкой смотрѣла на своего супруга. При крикахъ дочери она бросилась къ ней и мимоходомъ отвѣсила полновѣсный ударъ въ спину Петра Петровича, такъ что Миша чуть не слетѣлъ съ плеча его. Испугавшись, малютка заплакалъ.

— Взбѣсился ты что ли сегодня? ладану нанюхался, не видишь ничего.... изуродуешь дѣвочку!... Ужь не вообразилъ ли, что и въ самомъ дѣлѣ лошадь?... Такъ твое мѣсто въ конюшнѣ... Воду бы возилъ.... больше пользы было бы, чѣмъ бѣситься такъ въ комнатахъ... Полно ревѣть-то, каприз-

ница, вѣчно суешься, гдѣ тебя не спрашиваютъ... Послѣднія слова относились къ дѣвочкѣ, которая продолжала кричать. Ольга стояла около Натальи Павловны и не знала, что дѣлать. Петръ Петровичъ передалъ Мишу на руки нянькѣ и тоже стоялъ посреди комнаты. Немного погодя, всѣ молча сидѣли за чайнымъ столомъ. Только шипѣнье самовара и постукиванiе чашекъ прерывали тишину, царствующую въ комнатѣ. Всѣ были заняты болѣе или менѣе грустными мыслями. Ольгѣ хотѣлось спросить у Петра Петровича, дѣйствительно ли онъ не одобряетъ ея поѣздку и правда ли все то, что Наталья Павловна разсказывала ей. Она знала, что нельзя положиться на ея слова. Къ тому же все было основано на слухахъ, да разсказахъ Бориса Ѳедоровича, извѣстнаго сплетника. А если и правда... ужели я должна оставить ее въ бѣдности! Виновата ли она?.. Можетъ быть, она случайно попала въ дурное общество... она одна... ее не кому остановить.... нѣтъ, нѣтъ, я поѣду... она найдетъ во мнѣ покорную, любящую дочь.... нѣтъ, этого мало... я буду другъ ея. Мы прiѣдемъ въ Москву, я буду давать уроки, она заниматься хозяйствомъ и какъ будемъ счастливы!.. Ольга улыбнулась, представляя себѣ тихую семейную картину.

— Оля! чему ты смѣешься? спросила Маня, замѣчавшая всякую бездѣлицу.

Всѣ съ удивленiемъ взглянули на молодую дѣвушку. Щеки ея горѣли, глаза блестѣли отъ внутренняго удовольствiя. Ольга въ свою очередь взглянула на всѣхъ и захохотала. Это былъ смѣхъ радости. Онъ не относился ни къ кому, а такъ вырвался невольно изъ груди брошенной сироты... Она вѣрила въ счастье.

— Чему ты смѣешься, Оля, спросили вмѣстѣ Петръ Петровичъ и Наталья Павловна.

Оля молчала.

Она смѣется надъ тобой, мамаша, какъ ты прибила папу и Маня захохотала. Миша, глядя на нее, тоже захохоталъ. Отецъ, увлеченный общимъ смѣхомъ, послѣдовалъ ихъ примѣру. Наталья Павловна сердито взглянула на всѣхъ, двинула стуломъ, погрозилась на Мишу и съ словами: и этотъ пострѣленокъ туда же! быстро вышла изъ комнаты. Всѣ при-

тихли, замолчали. Маня подошла къ Ольгѣ и приставала къ ней, о чемъ она смѣялась.

— Такъ, Маня; зачѣмъ тебѣ знать, грустно отвѣтила дѣвушка.

— Надъ маменькой.... да.. надъ маменькой? приставала Маня.

— Молчать... пошла въ дѣтскую... Нянька, уведи дѣтей, сердито крикнулъ Петръ Петровичъ.

Дѣти ушли. Онъ взглянулъ изподлобья на Ольгу, покачалъ головой, всталъ и пошелъ къ себѣ въ кабинетъ. И чему ихъ учатъ въ пансіонахъ, ворчалъ онъ, уходя.

Ольга осталась одна; скоро она забыла все окружающее и обдумывала только свою поѣздку. Веселыя счастливыя картины рисовало ея молодое воображеніе...

III.

Черезъ двѣ недѣли, по дорогѣ въ Сокольскъ тянулся тяжелый дорожный экипажъ, на своихъ лошадяхъ. Это ѣхала богатая вдова, помѣщица Владимірова, гостить къ своей матери. Главная цѣль была показать старухѣ хорошенькихъ своихъ дѣтей, прекрасно воспитанныхъ, тихихъ, ласковыхъ, однимъ словомъ, только бы утѣшаться, глядя на нихъ. А бабушка извѣстная баловница, и внуки, двѣ бѣлокурыя дѣвочки, хорошо знали это и вотъ уже годъ, какъ приготовлялись воспользоваться ласками доброй бабушки, княгини Чеботаревой. Княгиня жила въ Сокольскѣ.

— Мой мужъ, князь Иванъ, умеръ здѣсь, говорила она; здѣсь я похоронила и сына своего Павлушу; хочу, чтобъ и мои кости лежали около дорогихъ моихъ.

И старуха боялась уѣхать изъ городу даже на одинъ день, чтобы не умереть гдѣ нибудь. Хотѣлось ей повидать дочку свою, а главное хорошенькихъ внучекъ, которыя къ каждому празднику присылали подарки своей работы, и обычныя желанья жить чуть не 1000 лѣтъ. И вотъ княгиня написала, что ждетъ ихъ къ себѣ. Велѣла очистить половину дома, запертаго со смерти сына, и всякій день ожидала

гостей. Въ одинъ сѣренькій день, у подъѣзда ея княжескаго дома, остановился дорожный экипажъ. Княгиня засуетилась; всѣ дѣвушки, лакеи высыпали навстрѣчу Владиміровой. Вытащили сначала дѣтей, потомъ выскочила Ольга, которая также пріѣхала съ ними, за нею вышла сама Юлія Ивановна и наконецъ горничная, Марья, съ безчисленными узелками. Она не знала, какіе взять съ собой, всѣ казались необходимыми ту же минуту.

— Предоставьте намъ перенести всѣ вещи, сказалъ ей, высокій лакей съ баками. Вы и такъ устали съ дороги... отдохнуть надо.

Вскорѣ всѣ вещи перенесены были въ назначенныя для гостей комнаты, и Марья за шипящимъ самоваромъ знакомилась съ новыми сослуживцами и вскорѣ могла похвастаться, что знаетъ княгиню и всѣхъ живущихъ въ домѣ, не хуже другихъ.

Между тѣмъ въ роскошно убранной гостиной, въ большихъ мягкихъ креслахъ сидѣла княгиня. Дочь и внучки безпрестанно цѣловали у ней руки, говорили о радости ихъ свиданія, какъ они скучали по бабушкѣ, и много было наговорено въ тотъ вечеръ. Наконецъ княгиня вспомнила, что пора всѣмъ отдохнуть. Въ послѣдній разъ протянула свою костлявую руку, перекрестила внучекъ и отпустила спать.

Никто не вспомнилъ объ Ольгѣ. Грустно просидѣла она въ углу той же гостиной. Княгиня не спросила даже, кто она... Извѣстно, при дѣтяхъ должна быть гувернантка, такъ мелькомъ рѣшила она въ умѣ своемъ. Ольга задумалась: вотъ она пріѣхала въ родной городъ, скоро увидитъ мать свою. Какъ она приласкается къ ней!.. И дѣвушка съ завистью смотрѣла на старушку и дѣтей. Ей хотѣлось бы сейчасъ ѣхать въ знакомую улицу; тамъ сѣренькій домъ съ зелеными ставнями.... Она воображала, какъ взбѣжитъ на лѣстницу... позвонитъ, какъ узнаютъ... какъ ее будутъ обнимать.... А если домъ проданъ... Если правда все, что разсказывала Воробьева, гдѣ найдетъ мать свою? и найдетъ ли?... Можетъ быть она уѣхала куда нибудь, что же я буду дѣлать? думала Ольга. Куда я дѣнусь? Кто мнѣ поможетъ? И она съ ужасомъ вспомнила слова На-

тальи Павловны... Молодая дѣвушка одна по улицамъ шляться будешь... и крупныя слезы катились по щекамъ ея.

— Но что же, Оля? рада, что пріѣхала? спросила ее Владимірова, когда онѣ остались однѣ, дѣти уже спали, и горничная была отпущена. Что съ тобой? Да ты плачешь... съ удивленіемъ прибавила она, взглянувъ на дѣвушку.

— Юлія Ивановна, посовѣтуйте, что я должна дѣлать?

— Что такое случилось? говори, говори, душенька. Все что только могу, все сдѣлаю, и она привлекла къ себѣ Олю и поцѣловала.

Сиротка рада была приласкаться, рада была открыть все, что такъ долго давило ея сердце и она откровенно разсказала все, что знала чрезъ Воробьеву.

— Но какъ же это случилось? ты давно не видала маменьку? спросила Юлія Ивановна.

— Пять лѣтъ, какъ меня отдали въ пансіонъ и я съ тѣхъ поръ не была здѣсь. Сперва мы жили съ папенькой въ деревнѣ, продолжала Ольга. Онъ былъ въ отставкѣ и занимался хозяйствомъ. Крестьяне его очень любили, а маменька все бранилась... Ей хотѣлось жить въ городѣ. Папенька былъ всегда скучный. Когда мнѣ минуло 11 лѣтъ, деревню продали, папа купилъ здѣсь домъ для маменьки. Обо мнѣ онъ не велѣлъ ей заботиться. Часто запирался онъ въ своемъ кабинетѣ, посылалъ письма, ходилъ на почту самъ справляться о чемъ-то. Наконецъ въ одинъ день мы сидѣли за обѣдомъ. Вдругъ входитъ Петръ Петровичъ Воробьевъ. Я его прежде никогда не видала. Послѣ узнала я, что папа служилъ вмѣстѣ съ Воробьевымъ, а когда женился, то переѣхалъ сюда. Папа очень былъ веселъ въ этотъ день, долго сидѣлъ съ Петромъ Петровичемъ, о чемъ-то говорили, писали, потомъ позвали меня. Папа сказалъ, что я должна любить Петра Петровича и его жену, которую скоро узнаю. Ты поѣдешь въ Москву, сказалъ онъ мнѣ, тамъ поступишь въ пансіонъ. Учись хорошенько и слушайся старшихъ. Наталья Павловна будетъ тебѣ какъ родная. . Добрые люди! прибавилъ онъ, потрепавъ Воробьева по плечу... Не забывай маменьку, пиши къ ней. «А вы, папа?» спросила я его; я скоро умру, тихо сказалъ онъ, и Оля вздохнула.. Меня соб-

рали въ дорогу, продолжала она; папа плакалъ и я тоже; мама говорила, что это нѣжности.... только время тратимъ... лошади прозябнутъ. Какъ я помню все!

— А что же дальше было? спросила Юлія Ивановна.

— Папа скоро умеръ, проговорила дѣвушка, едва сдерживая рыданіе. Меня отдали въ пансіонъ. Петръ Петровичъ платилъ за меня аккуратно, Наталья Павловна заботилась о моихъ покупкахъ. Послѣ я узнала, что папа отдалъ деньги Петру Петровичу, на сохраненіе до моего совершеннолѣтія.

— Значитъ, твой папенька не довѣрялъ матери?

Оля съ удивленіемъ взглянула на Юлію Ивановну. А мнѣ это прежде и не приходило въ голову!. прошептала она.

— Что же ты писала къ матери?

— Да, я писала къ ней часто. Сперва она мнѣ отвѣчала на каждое письмо, присылала гостинцы; но потомъ я стала получать письма рѣже, она отговаривалась, что много дѣла, что ей одной трудно со всѣми управиться и все звала меня. Воробьева меня не пустила и совѣтовала кончить курсъ. Года два тому назадъ стали поговаривать, что маменька ужасно бѣдствуетъ... Я не повѣрила. Потомъ стали говорить еще хуже; но такъ какъ я слышала только отъ Натальи Павловны, то и не вѣрила.

— Надо быть осторожнѣе, Оля, проговорила Юлія Ивановна, и она замолчала обдумывая что-то. Знаешь, Оля, положись на меня... я все устрою... Теперь ложись спать и будь спокойна. Утро вечера мудренѣе.

Ольга съ чувствомъ благодарности поцѣловала свою новую покровительницу... Еще я не всѣми оставлена, подумала она, ложась спать. Еще есть на свѣтѣ добрые люди! Долго не могла заснуть она, сердце болѣзненно ныло; что-то будетъ? задавала она себѣ вопросъ и тайное предчувствіе нашептывало ей что-то зловѣщее. Страшные призраки вставали изъ угловъ незнакомой комнаты, тянулись, сгибались, и все ближе и ближе подходили къ ней. Вотъ она слышитъ чей-то шопотъ.. ей страшно; но она вслушивается... этотъ шопотъ дѣлается все внятнѣй и внятнѣй... Тысячи голосовъ звучатъ надъ головой ея: куда пріѣхала? не хотѣла жить съ добрыми людьми... шляться хочется... одной по улицамъ бѣгать.. и чего

не говорили они!... И эти голоса раздавались все громче и громче и наконецъ слились въ одинъ постоянный, неопредѣленный крикъ.

Рано проснулась Ольга; еще все тихо было въ домѣ. Она встала, одѣлась и грустно ожидала пробужденья Владимiровой. Взошла горничная.

— Что, барышня, такъ рано встали? У васъ и глаза такiе красные.... точно плакали.

— Такъ, голова что-то болитъ.

— Вѣрно съ дороги. Не простудились ли вы? Упаси Господи!... Въ чужомъ домѣ, эхъ! тяжело, барышня, жить.... У русскихъ людей и похворать-то нельзя.... отдохнуть некогда. Вотъ у насъ передъ вами была мамзель (очевидно, горничная принимала Ольгу за гувернантку) такая худенькая.... все хворала; а свое дѣло хорошо знала.... бывало такую рань встанетъ, все для дѣтей приготовитъ.... А ласковая какая была!.. мнѣ шелковое платье подарила.

— Гдѣ же она теперь? машинально спросила Ольга.

— А кто ее знаетъ. Можетъ и другое мѣсто нашла... хворыхъ-то гдѣ будутъ держать! прибавила она съ презрѣньемъ.

— Да ты говоришь, что она исполняла свое дѣло хорошо.

— Дѣло-то дѣлала, да все такая грустная была.... точно сейчасъ отца или мать похоронила. А извѣстно, чужимъ развѣ прiятно видѣть вытянутыя лица.... У всякаго свое горе.... А у васъ есть папенька или маменька? вдругъ спросила Марья.

Ольга вздрогнула. Умеръ, невнятно отвѣтила она.

Раздался звонокъ изъ спальни Владимiровой и прервалъ, къ большому неудовольствiю Марьи, начатый разговоръ. Во всю дорогу она не могла узнать, кто была Ольга; при барынѣ она не смѣла обнаруживать своего любопытства.

Меня принимаютъ за гувернантку, думала Ольга, когда осталась одна. А что если-бы въ самомъ дѣлѣ?... И прилично было бы... не посмѣли бы ничего сказать про меня.

— Ольга Николаевна! барыня проситъ васъ къ себѣ, сказала Марья, входя въ комнату... Ольга съ радостiю бросилась къ дверямъ.

— Барышня!... не смѣло проговорила Марья.

— Что надо? спросила Ольга, не оборачиваясь къ ней.

— Я хотѣла вамъ что-то сказать, да не смѣю.

— Говори! И Ольга нехотя обратила къ ней свое миленькое личико, оживленное радостью, надеждой.

— Барышня! Вы не сердитесь... я такъ... безъ всякаго умысла-съ... не подумайте чего нибудь.... Мнѣ только жаль васъ.... вы такія молоденькія.

— Что такое? говори скорѣе. Юлія Ивановна ждетъ меня, сказала Ольга, оборачиваясь совсѣмъ къ горничной.

— Я хотѣла только сказать, будьте осторожнѣе съ барыней нашей.

— Какъ осторожной!? съ удивленіемъ спросила Ольга, дѣлая два шага къ горничной.

Послѣдняя замѣтила, что ее слушаютъ и сдѣлалась смѣлѣе... А вотъ какъ! она обласкаетъ васъ.... просто мелкимъ бисеромъ разсыпется, такъ не поддавайтесь... Она себѣ на умѣ.... мягко стелетъ, да жестко спать.

— Какъ тебѣ не стыдно говорить это про барыню свою, такую добрую, проговорила съ досадой Ольга. А между тѣмъ сердце замирало у ней, улыбка пропала.

Экая гордая дѣвчонка!.. еще пожалуй наговоритъ что-нибудь. Да погоди-же.... обобьемъ крылья-то, говорила горничная въ слѣдъ уходящей Ольгѣ... Поклонишься и Марьѣ!... и она стала убирать въ комнатѣ, думая, кто такая Ольга, что смѣетъ гордиться передъ ней, и нельзя-ли какъ-нибудь насолить ей.

Не такъ весело входила Ольга въ комнату Владимірововой, не такъ довѣрчиво слушала ее. А между тѣмъ Юлія Ивановна, обнимая ее, цѣловала, чуть не плакала, говоря съ ней.

— Я почти всю ночь не спала, душа моя; ужь такое глупое сердце, покоя не даетъ, покуда не съумѣю утѣшить. Такъ и теперь долго думала, Олинька, когда ты ушла.... Я думаю, ты уже спала!... Вотъ что, Ольга, я скажу, тебѣ не прилично одной ѣздить по городу, отыскивать маменьку разговаривать съ дворниками.... Кто знаетъ, можетъ быть, слухи вѣрны, не всегда же люди лгутъ.... Охъ, охъ, охъ!—

И Юлія Ивановна тяжело вздохнула.—Мало на свѣтѣ добрыхъ людей!...

— Что же я должна дѣлать? Поучите меня.

— Вотъ что, Олинька.... ты не обидься только... что я тебѣ скажу: маменькѣ я тебя представлю, какъ гувернантку моихъ дѣтей,—значитъ ты можешь остаться съ нами въ хорошемъ домѣ. Ты изрѣдка, знаешь, займись съ ними, чтобъ не догадались.

— Ахъ! какъ вы добры, благодѣтельница моя, и Ольга цѣловала руки Юліи Ивановны.

— Полно, полно, бѣдняжечка моя, какая я благодѣтельница?!... Вотъ, еслибы удалось все уладить счастливо, ну тогда можно-бъ, пожалуй, похвастаться, что помогла тебѣ. А теперь за что благодарить?... Что я назову тебя гувернанткой,—не велика честь. Но ты, другъ, не стѣсняйся этимъ названьемъ... это, знаешь, только для людей.... Когда тебѣ надо ѣхать, скажи мнѣ, я и провожатаго тебѣ дамъ или сама поѣду съ тобой.

Ольга благодарила отъ всего сердца и бранила себя, что могла повѣрить злой Марьѣ.

Бѣдная дѣвушка не понимала своего положенія, не понимала, что обстоятельства поставили ее въ совершенную зависимость отъ Юліи Ивановны. Съ этихъ поръ, можно сказать, она лишилась воли.

Княгиня имѣла обыкновеніе выходить въ гостиную не ранѣе 12 часовъ. Утренній чай ей подавали на постель; потомъ она занималась своимъ туалетомъ и въ это время никто не осмѣливался взойти къ ней, кромѣ главной горничной Александры, знавшей секретъ ея туалета. Княгиня и теперь слыветъ за первую красавицу. Всѣ говорятъ единогласно, даже въ глаза ей, что она удивительно сохранилась и, несмотря на лѣта, кажется свѣжѣе своей дочери.

— Куда имъ тянуться за нами стариками, прибавляла она съ улыбкой. Эта молодежь все жалуется, — то голова болитъ, то зубы.... И она добродушно смѣялась; причемъ показывала рядъ великолѣпныхъ зубовъ.

Какъ ни была княгиня рада гостямъ своимъ, но не измѣнила своему порядку, приняла ихъ только въ 12 часовъ.

Она не могла налюбоваться на своихъ внучекъ и сказала тихо дочери своей, что для старшей, Софи она уже выбрала жениха и представитъ его ей на–дняхъ.

— Но, maman, Софи только четырнадцатый годъ.

— Что же, другъ.... еще два года ей будетъ шестнадцать и не увидимъ, какъ время пройдетъ. Надо приготовлять ей понемногу приданое... Я уже совсѣмъ порѣшила и иначе не называю его, какъ своимъ внукомъ. Мы сосѣди по деревнямъ, я уже писала тебѣ. Бабушка его была добрѣйшая женщина, а какъ умна была!... Антоша, Антонъ Борисовичъ—портретъ матери.... царство ей небесное.... тихій, скромный. И старуха отъ удовольствія поцѣловала свои пальчики... Какъ онъ меня любилъ!... Лѣтомъ, бывало, каждый день.... привезетъ клубники изъ своего саду... винограду.... Вѣдь онъ богачь, князь, душечка! и старуха самодовольно откинулась на спинку креселъ и закрыла глаза. Юлія Ивановна тоже была въ восхищеніи: богатый женихъ, выбранный богатой бабушкой!

— Кстати, скажи, пожалуйста, кто это молодая дѣвица у тебя? спросила вдругъ княгиня съ серьезнымъ выраженіемъ лица.

— Гувернантка.

— Такъ, я и знала. Ахъ! милая моя, какъ ты опрометчива! Когда свои дочери невѣсты, можно ли брать хорошенькихъ дѣвушекъ гувернантками. Ты развѣ не знаешь, что это за народъ?... Вѣдь это, можно сказать, особенная каста (я сюда причисляю и классныхъ дамъ)... нищіе.... безъ фамилій.... Поступаютъ въ знатный домъ и тамъ стараются не о воспитаніи ввѣренныхъ имъ дѣтей, а только какъ бы выдти замужъ за богатаго и знатнаго.

— Вы знаете, maman, что я съ вами не могу спорить. Вы гораздо опытнѣе меня, и потому я вполнѣ согласна съ вашимъ мнѣніемъ о гувернанткахъ. Только я совершенно спокойна насчетъ demoiselle Olga. Она пріѣхала со мной случайно. И Владимірова разсказала матери все, что знала о молодой дѣвушкѣ. Мнѣ жалко было ее, и она, бѣдная, такъ плакала, что я позволила ей остаться покуда у меня, и чтобъ она не скучала, я согласилась считать ее гувернант-

кой. Впрочемъ, maman, это вполнѣ зависитъ отъ васъ. Если вы не одобряете мое расположеніе къ бѣдной сиротѣ, то вѣдь ей можно отказать.

— Кто тебѣ говоритъ, что я не одобряю твое расположеніе къ ней? Ты можешь любить кого хочешь; можетъ, она и хорошая дѣвушка, да все-таки, повидимому, подходитъ подъ общую категорію.

Княгиня задумалась, а Юлія Ивановна боялась продолжать разговоръ, чтобы не раздражить старуху; тѣмъ не менѣе она рѣшилась удержать при себѣ Ольгу, потому что находила въ этомъ выгоду.

IV.

На другой день пріѣхалъ Антонъ Борисовичъ Хвалынскій. Это былъ молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати шести, высокій, стройный; голубые, глаза его постоянно смотрѣли кротко и весело, бѣлокурые волосы вились натуральными кудрями, беззаботная улыбка свѣтлѣла на устахъ.

Антонъ Борисовичъ принадлежалъ къ одной изъ богатыхъ помѣщичьихъ фамилій. Бабушка его, пропитанная всѣми родовыми и помѣщичьими предразсудками, не слышала въ немъ души. Она ничего не жалѣла для него, но въ то же время воспитывала какъ красную дѣвушку и требовала отъ него безусловнаго повиновенія.

Когда ему пришла пора поступить въ университетъ, бабушка переѣхала съ нимъ въ Москву, отвела ему великолѣпное помѣщеніе въ своемъ домѣ; но не выпускала его изъ-подъ надзора. Слѣдствіемъ этого воспитанія была совершенная покорность Антона Борисыча: онъ привыкъ высоко ставить визиты, поздравленья, рауты; онъ привыкъ посѣщать всѣхъ своихъ тетушекъ, дядюшекъ и начальниковъ въ дни ихъ рожденія и имянинъ; на балахъ танцовалъ съ знатными или богатыми невѣстами, приглашалъ къ себѣ товарищей, отличавшихся значительнымъ родствомъ. Иногда молодой человѣкъ пытался возмутиться противъ такого деспотизма, но слова бабушки, сказанныя мягко и твердо: Antoine,

другъ мой, съѣзди къ тому-то, это надо, или Antoine, другъ мой, пригласи эту дѣвицу, за ней три тысячи душъ, рѣшали все. Окончивъ курсъ, онъ получилъ мѣсто по особымъ порученіямъ къ Сокольскому губернатору, князю Г.... который тогда былъ родственникомъ ихъ.

Поселившись въ своемъ имѣніи, близъ Сокольска, Хвалынская сблизилась съ своей сосѣдкой, княгиней Чеботаревой, у которой былъ одинаковой съ ней характеръ и образъ мыслей. Узнавъ, что у ней есть внучка, 10 лѣтъ, она разсчитала, какъ старуха, что шесть лѣтъ пройдетъ незамѣтно и рѣшилась скрѣпить свою дружбу свадьбой Антона Борисыча съ Софи. Но ей не удалось дожить до этого. Предъ смертью она объявила ему свою волю. Какъ ни дико было рѣшеніе, ему и въ голову не приходило возражать.

Узнавъ, что пріѣхала Владимірова, онъ поспѣшилъ увидѣть свою невѣсту, и сталъ ѣздить всякій день, какъ того требовалъ этикетъ.

Прошелъ мѣсяцъ. Повидимому, ничего не перемѣнилось въ этомъ семействѣ. Въ 12 часовъ всѣ собирались въ гостиную. Ольга приходила съ своими ученицами; чрезъ полчаса княгиня вѣжливо ей напоминала, что надо бы заняться музыкой съ меньшой внучкой Вѣрой. Покорная дѣвушка отправлялась въ залу, гдѣ стояла рояль. Софи оставалась съ матерью и бабушкой; тогда пріѣзжалъ Антонъ Борисовичъ; вѣжливо поклонившись молодой дѣвушкѣ, онъ молча проходилъ чрезъ залу, разсыпался въ любезностяхъ передъ старухой, цѣловалъ руки у будущей маменьки, смѣялся съ Софи, однимъ словомъ, все шло хорошо.... Не такъ было на самомъ дѣлѣ. Положеніе Ольги не двигалось ни на волосъ. Юлія Ивановна запретила ей говорить о своей матери, своемъ семействѣ, даже велѣла перемѣнить фамилію, боясь скандала.

— Душа моя, предоставь намъ заботиться о тебѣ, мы узнаемъ все стороной, не компрометируя тебя; и если все правда, тебѣ не къ чему видѣться съ матерью. У тебя есть деньги и ты можешь составить приличную партію, а покуда поживешь у меня. Ольга благодарила Юлію Ивановну и съ нетерпѣніемъ ожидала рѣшенія своей участи. Проходили дни

за днями и никто не заботился разузнать о Мироновой. Ольга не знала, какъ напомнить, боясь наскучить своимъ благодѣтелямъ. Предчувствіе же ей не сулило ничего радостнаго.

Въ одинъ праздничный день, когда княгиня съ дочерью и внуками поѣхала къ обѣдни, и изъ церкви хотѣла зайдти къ архіерею, Ольга оставалась одна, и сидѣла въ залѣ, грустно предаваясь своимъ мыслямъ. Она не замѣтила, какъ вошелъ Антонъ Борисовичъ, который долго стоялъ и любовался ею. Онъ уже давно замѣтилъ молодую дѣвушку, но принятый въ домѣ въ качествѣ жениха и зная образъ мыслей княгини, не рѣшался сблизиться съ ней, боясь навлечь какъ на нее, такъ и на себя непріятности. Теперь же случай былъ такой благопріятный, княгиня пріѣдетъ не скоро, и онъ подошелъ къ Ольгѣ.

— Извините, я, кажется, помѣшалъ вамъ....

— Нѣтъ, нисколько....

— Вы читали.

— Да, но я устала и невольно задумалась.

Антонъ Борисычъ придвинулъ къ ней стулъ поближе. Глаза его упали на книгу, это была l'Orgueil, Сю.

— Какъ вамъ нравится этотъ романъ?

— Въ немъ много справедливаго, но много и натянутаго.

— Я совершенно согласенъ съ вами.... но вѣдь онъ писанъ для Французовъ, а они не любятъ романовъ безъ афектаціи.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Да во Франціи главное дѣло—фраза.

— Но для фразы жертвовать счастіемъ жизни!... я не понимаю.

— Вы находите, что Эрминія поступила не такъ, какъ бы слѣдовало?

— Да, мнѣ, кажется, гордость ея была излишняя. Если она искренно любила Жеральда, она должна была пощадить его отъ страданій.

— Но она не хотѣла войти въ семейство противъ воли родныхъ.

— Но какое же право имѣютъ родные располагать уча-

стью дѣтей безъ ихъ согласія? Если-бы Маркиза де Сантерръ была такъ жестока, что согласилась бы лучше видѣть сына мертвымъ, чѣмъ позволить ему неровный бракъ, — за что бы тогда погибли Жеральдъ и Эрминія? за что страдали бы ихъ друзья?

Ольга одушевилась, щеки ея разгорѣлись, глаза блестѣли, голосъ ея звучалъ сильнѣе обыкновеннаго.

— Нельзя не согласиться съ вами, что это были бы жертвы свѣтскихъ приличій, но нельзя же не уважить ихъ?

— Женщина, которая любитъ искренно, никогда не поколеблется между любовью и условіями свѣта.

— А между тѣмъ выйди Эрминія за Жеральда, общественное мнѣніе обвинило бы ее: сказали бы, что она завлекла его съ умысломъ.

— Да общественное мнѣніе кружка, къ которому принадлежала герцогиня, но зато мнѣніе другихъ было бы на сторонѣ Эрминіи... Мнѣ кажется, что ея упорство тѣмъ не вѣроятнѣе, что она жила трудами, знала аристократію вблизи, знала, чего стоитъ ея мнѣніе... при ея опытности...

— Вы находите, что она была опытна...

— Она была несчастна и бѣдна, а ничто такъ не учитъ.

Увлеченіе Ольги перешло и къ Антону Борисовичу. Всѣ лучшія чувства проснулись въ немъ, и онъ, склонившись къ молодой дѣвушкѣ, сказалъ мягкимъ, симпатичнымъ голосомъ:

— Простите за нескромный вопросъ... но мнѣ кажется, вы тоже страдаете... вы постоянно грустны и задумчивы... Вамъ дурно у Юліи Ивановны?

Ольга приподняла голову и взглянула на него. Глаза его выражали такое добродушіе, столько состраданья, что она не могла обидѣться на вопросъ, и только благодарность выразилась на лицѣ ея.

— О чемъ же вы грустите? повторилъ онъ. Я, право, желаю вамъ добра.

Ольга не знала, что ей дѣлать, положеніе ея было ново: въ первый разъ почти незнакомый мужчина требуетъ у ней искренности. Она начала увѣрять его, что ей хорошо, такъ хорошо, что лучшаго и ожидать не можетъ. Онъ не вѣрилъ.

— Вы боитесь мнѣ сказать, вѣдь я женихъ Софи, у ко-

торой вы гувернантка, проговорилъ онъ съ какой-то ироніей.

Но раздался звонокъ. Ольга встала и хотѣла уйдти.

— Я понялъ васъ, Ольга Николаевна! Онъ взялъ ея руку и крѣпко пожалъ.

Ольга быстро вбѣжала въ свою комнату и остановилась передъ зеркаломъ. О! какъ хороша она была въ эту минуту, щеки горѣли, глаза, еще недавно увлаженные слезами, блистали радостно и сердце то замирало, то билось сильнѣе. Это былъ притокъ молодой жизни, вдругъ рванувшейся наружу.

Княгиня возвратилась отъ обѣдни. Ольга не пошла къ чаю, боясь, чтобы не замѣтили ея волненья. Антонъ Борисычъ также не остался, какъ бывало прежде; только освѣдомился о здоровьи всѣхъ, сказалъ, что княгиня еще свѣжѣе обыкновеннаго, что новая шляпка на Юліѣ Ивановнѣ очень хороша, пожелалъ Софи выучить уроки и уѣхалъ!

Послѣ этого Антонъ Борисычъ изрѣдка находилъ минуты поговорить съ Ольгой. Это были отрывочныя фразы, исполненныя чувства. Ольга уже не убѣгала Хвалынскаго: одно, два слова, сказанныя имъ, наполняли все существованіе чистымъ счастіемъ. Она любила со всѣмъ жаромъ первой любви, со всею довѣрчивостью юности. О матери своей она старалась не думать; что-то тяжелое охватывало ея голову, давило грудь, при одномъ воспоминаніи о ней. Боже мой! какъ боялась она съ ней встрѣтиться, боялась быть узнанною! Тогда ей надо будетъ оставить домъ княгини, не видать Хвалынскаго — а что ждетъ ее у матери?.. Домъ дѣйствительно былъ проданъ, въ остальномъ она уже не сомнѣвалась. И Ольга старательнѣе занималась дѣтьми; даже помогала Марьѣ, боясь, чтобы кто нибудь не напомнилъ ей, что пора разузнать о матери, что уже третій мѣсяцъ она живетъ у нихъ.

Юлія Ивановна всегда старалась показать ей, что ея дѣтямъ не нужно гувернантки, что она сама любитъ заниматься ими.

— Ты, Оленька, только для виду; я боюсь, чтобы maman не догадалась, а то она разсердится на меня.

— Мнѣ кажется, я занимаюсь хорошо.

— Ахъ, Оленька! тебѣ нельзя слова сказать. Развѣ я тобой не довольна? Развѣ я могу насильно заставить тебя

заниматься... И такъ я очень тебѣ благодарна, душа моя, и непремѣнно тебѣ заплачу за все время.

— Помилуйте, Юлія Ивановна, прервала Ольга, обидѣвшись. Я не изъ-за денегъ занимаюсь вашими дѣтьми. Вы такъ много для меня сдѣлали...

— Я только вотъ что хотѣла сказать, продолжала Владимірова. Maman знаетъ, что ты у меня гувернантка и все мнѣ дѣлаетъ выговоры. Ольга съ удивленіемъ взглянула на нее.

— Вчера, напримѣръ, говоритъ, что это mademoiselle Olga совсѣмъ не занимается Вѣрочкой, все разговариваетъ съ Антономъ Борисовичемъ. Да къ тому жъ не прилично молодой дѣвушкѣ, гувернанткѣ разговаривать съ мужчинами: могутъ, Богъ знаетъ, что подумать... Однимъ словомъ, она говоритъ.. мнѣ право совѣстно все разсказывать... Гувернанткѣ приличнѣе быть въ классной комнатѣ съ дѣтьми, чѣмъ вертѣться въ гостиной. Мнѣ такъ сдѣлалось за тебя обидно, что я готова была все разсказать... какое право мы имѣемъ угнетать тебя?

Ольга поняла, чего отъ нея требовали княгиня и Юлія Ивановна; она поняла, что онѣ боялись ее. Виновата ли я? подумала Ольга. Будьте спокойны, Юлія Ивановна! я болѣе не подведу васъ подъ выговоръ, сказала она. Юлія Ивановна торжествовала.

Цѣлую недѣлю Ольга не встрѣчалась съ Хвалынскимъ; она знала время его визитовъ и уходила въ свою комнату подъ какимъ-нибудь предлогомъ. Юлія Ивановна была ею очень довольна, даже княгиня перестала дѣлать замѣчанія. Чѣмъ все это кончится? думала Ольга. И должна ли я избѣгать его? Случай рѣшилъ вопросъ.

Одинъ разъ, во время обѣда раздался звонокъ и Хвалынскій безъ доклада влетѣлъ въ комнату. Послѣ обычныхъ привѣтствій, онъ объявилъ, что пріѣхалъ пригласить всѣхъ къ себѣ въ деревню черезъ два дня. Я хочу устроить маленькій вечеръ, по случаю вашего пріѣзда, сказалъ онъ, обратившись къ Юліи Ивановнѣ. Пускай первый выѣздъ mademoiselle Sophie будетъ у насъ въ Сокольскѣ. Надо же чѣмъ нибудь помянуть васъ, а-то уѣдете въ Москву и забудете. Софи покраснѣла отъ удовольствія; всѣ были очень веселы и

довольны. Молодой князь смѣшилъ всѣхъ; онъ былъ какъ-то особенно веселъ въ этотъ день, всѣмъ говорилъ комплименты, даже Вѣрочкѣ сказалъ что-то. Только на долю Ольги—ни полслова, ни одного взгляда, какъ будто она не была въ комнатѣ. Молодая дѣвушка готова была плакать. Встали изъ-за стола, она подошла къ княгинѣ, чтобы поблагодарить и столкнулась съ Хвалынскимъ.

— Ахъ, Ольга Николаевна! здравствуйте; гдѣ вы пропадали? я думалъ, что вы уѣхали. Эти слова были сказаны такъ просто, такъ естественно, что никто бы не могъ сомнѣваться въ нихъ. Вы вѣрно были больны? спросилъ онъ тѣмъ мягкимъ голосомъ, который проникалъ въ самую душу. Вы такъ измѣнились!..

— Да, она была немного больна, сказала Юлія Ивановна, и теперь не совсѣмъ еще поправилась. Ольга съ удивленіемъ взглянула на нее.

— Ну, въ ваши лѣта болѣзнь не можетъ быть опасна, сказалъ Антонъ Борисычъ, глядя на дѣвушку. Хотите, я вамъ назначу лѣкарство? Вѣдь я хорошій докторъ, прибавилъ онъ, улыбаясь.

— Чтобъ назначить лекарство, надо знать болѣзнь, робко отвѣтила Ольга!

— Я знаю вашу болѣзнь, и если добрая maman позволитъ, я вамъ сейчасъ пропишу рецептъ.

— Извольте, я не запрещаю никому доставлять пользу, проговорила сухо Юлія Ивановна.

— Пріѣзжайте ко мнѣ на вечеръ; увѣряю васъ, въ одинъ день пройдетъ болѣзнь ваша. Добрая княгиня вѣрно не откажетъ мнѣ доставить вамъ удовольствіе.

Ольга не знала, принять ей приглашеніе или нѣтъ, и она отвѣтила, что это вполнѣ зависитъ отъ княгини и Юліи Ивановны.

— Если такъ, то я увѣренъ видѣть васъ у себя черезъ два дня.

V.

Великолѣпный видъ представлялъ иллюминованный домъ князя Хвалынскаго. Изъ города можно было видѣть зарево

безчисленныхъ огней. Домъ былъ на горѣ; кругомъ садъ, украшенный разноцвѣтными фонарями; огненной полосой окаймляла небольшая рѣка этотъ восхитительный островокъ. А за рѣкою деревня, красивые деревянные домики, выстроенные по плану помѣщика, тянулись въ даль. Ночь была такъ тиха, что ни одинъ цвѣтокъ не колыхался, и свѣжій лѣтній воздухъ, пропитанный ароматомъ, навѣвалъ на душу сладкія грезы. Музыка гремѣла. Залы были полны. Дамы, въ роскошныхъ бальныхъ платьяхъ, перевитыхъ лентами и цвѣтами, носились въ легкихъ парахъ. Балъ былъ въ самомъ разгарѣ. Антонъ Борисычъ перебѣгалъ изъ одной залы въ другую, отдавалъ приказанія, предупреждалъ желанія гостей. Ни что, казалось, не ускользало отъ вниманія его; онъ былъ неутомимъ.

Вошли княгиня Чеботарева съ дочерью и внучками. Танцующія пріостановились. Хозяинъ, извѣщенный объ ихъ пріѣздѣ, бѣжалъ къ нимъ навстрѣчу.

— Какъ хороша старшая внучка! раздавалось повсюду.

— Которая, которая? спрашивали нѣкоторые.

— Вонъ та, въ бѣломъ платьѣ, съ бѣлыми цвѣтами на головѣ!...

— Это ихъ гувернантка, съ презрѣніемъ отозвался кто-то—и вся помѣщичья аристократія сдвинулась около княгини и ея внучекъ. Ольга осталась одна, посреди незнакомой толпы. Бѣдная дѣвушка смѣшалась и не знала, куда идти.

Это былъ первый ея выѣздъ въ свѣтъ.

Танцующія пары составились опять и оттѣснили Ольгу къ окну, выходящему въ садъ. Она сѣла на стулъ и смотрѣла на пеструю толпу, окружающую ее. Мимо ея проходили кавалеры, отыскивающіе неангажированныхъ дамъ, никто не пригласилъ ее. Не такъ думала она провести вечеръ, надѣвая свое бѣлое платье. Она была лучше и умнѣе многихъ, но не имѣла знатной родственницы, не имѣла богатства: она была гувернантка.

Ей сдѣлалось душно среди этой надутой толпы; она взглянула въ открытое окно: тысячи звѣздъ уже горѣли на темно-синемъ фонѣ. Сквозь деревья проглядывала луна. Теплый, вечерній воздухъ манилъ Ольгу, и она вышла въ садъ. Для

чего онъ пригласилъ меня? думала она. Не для того ли, чтобъ посмѣяться надо мной?... чтобъ показать разницу между бѣдной гувернанткой и своими богатыми гостями?... и молодая дѣвушка горько улыбнулась... Нѣтъ! не можетъ быть... онъ такъ смотритъ на меня.... голосъ его такъ симпатиченъ.... онъ не способенъ на это!... мнѣ кажется, онъ любитъ меня.... И Ольга сѣла на скамью, подъ тѣнь столѣтняго дуба, который чудно рисовался темною зеленью своихъ листьевъ, обвѣшанный разноцвѣтными фонарями. Слабый свѣтъ ихъ, мѣшаясь съ серебристыми лучами мѣсяца, придавалъ Ольгѣ какой-то фантастическій видъ. Она казалась еще прекраснѣе въ этомъ уединеніи, лицемъ къ лицу съ природой. Тихая грусть смѣнила оскорбленное самолюбіе.—Что толку въ этой любви? продолжала она. Ему нельзя жениться на мнѣ.... а я, глупая, увлеклась имъ.... я боюсь сознаться, что люблю его.... для него только я еще живу у Владиміровой.... а что будетъ послѣ? Увидѣть мать, значитъ не видать его.... уѣхать въ Москву — тоже.... Я одна въ цѣломъ свѣтѣ!.... И бѣдная дѣвушка готова была зарыдать.

Шорохъ листьевъ вывелъ ее изъ задумчивости; въ двухъ шагахъ отъ нея былъ Антонъ Борисовичъ.

— Я очень радъ, Ольга Николаевна, что встрѣтилъ васъ здѣсь. Удостойте меня нѣсколькими минутами разговора.

— Что вамъ угодно? Я слушаю васъ.

— Время дорого... да я и не умѣю говорить изворотами.... я люблю васъ.... Согласитесь отдать мнѣ свою руку?

Лице Ольги вспыхнуло, дыханье захватило, въ глазахъ помутилось; нѣсколько секундъ продолжалось молчаніе.

— Предложеніе ваше изумляетъ меня, Антонъ Борисовичъ.... Вы забыли, что вы женихъ Софи.

— Я ничѣмъ не связанъ съ ней, я ничего не обѣщалъ. Если покойной бабушкѣ пришло это въ голову, то я вовсе не подсказывалъ. Да и странно распоряжаться чужимъ сердцемъ, безъ спросу... Я не хотѣлъ огорчать старушку при смерти.... времени до свадьбы было еще много.... я не любилъ тогда.... но теперь, повѣрьте, не погляжу ни на что.

— Ну, что скажутъ объ этомъ? подумайте!

— Вспомните слова свои въ тотъ день, когда я въ первый разъ говорилъ съ вами.... Помните ли, что вы говорили объ Эрминіи?... Съ этого дня я оцѣнилъ, понялъ васъ.... Вы не повѣрите, какъ тяжело мнѣ было скрывать чувства свои подъ маской холодности! но я не хотѣлъ компрометировать васъ.. . я боялся даже смотрѣть на васъ; мой взглядъ могъ измѣнить мнѣ. Вы скрывались отъ меня, и я понималъ, — что заставляло васъ избѣгать меня.

— Но вы не знаете, кто я...

— Я знаю только одно—я люблю васъ. И если вы согласитесь быть моею, клянусь, вы не ошибетесь выборомъ. Любите ли вы меня?

Ольга подняла опущенную голову; глаза ея были влажны; она протянула ему руку и тихо прошептала: да, я люблю васъ!

Антонъ Борисычъ съ жаромъ покрылъ ея руку поцѣлуями.

— Завтра я пріѣду къ вамъ... сдѣлаю предложеніе Юліи Ивановнѣ... вѣдь она единственная ваша покровительница... и мы обо всемъ переговоримъ.

— Но...

— Если встрѣтятся затрудненія, я берусь уладить ихъ.

Ольга хотѣла сказать о своей матери, но какое-то смутное чувство удержало ее. Разговоръ ихъ былъ прерванъ криками: Антонъ Борисычъ! Антонъ Борисычъ!..

И тутъ помѣха! сказалъ Хвалынскій... До завтра!.. И онъ, крѣпко пожавъ руку Ольги, побѣжалъ на голосъ.

— Гдѣ вы это пропадаете? кричалъ ему одинъ изъ его сослуживцевъ... Сейчасъ кадриль... наша очередь... подумайте, что скажутъ дамы? и онъ бѣгомъ потащилъ Антона Борисыча изъ сада.

Поздно встали на другой день въ домѣ княгини Чеботаревой. Когда старуха вошла въ гостиную, ее уже ждалъ Хвалынскій... Какъ опытная женщина, она поняла причину его пріѣзда и послѣ обычныхъ фразъ о здоровьи вышла въ другую комнату и послала сказать гувернанткѣ, чтобы она не приводила внучекъ здороваться съ нею, пока сама не

пришлетъ. Это приказанiе застало дѣтей и Ольгу на лѣстницѣ.

— Развѣ бабушка больна? спросили въ одинъ голосъ внучки.

— Нѣтъ; онѣ заняты; къ нимъ прiѣхалъ Антонъ Борисычъ, отвѣчала горничная.

Дѣти воротились въ классную; Ольга въ лихорадочномъ волненiи ходила по комнатѣ.

Что-то будетъ, что-то будетъ! повторяла она.

Княгиня возвратилась въ гостиную и сѣла въ свои большiя кресла, Юлiя Ивановна была уже тамъ.

— Я къ вамъ прiѣхалъ поговорить объ Ольгѣ Николаевнѣ, сказалъ князь Хвалынскiй.

— Не узнали-ли вы что нибудь о ея матери, Мироновой? перебила Юлiя Ивановна, ни что не можетъ быть такъ кстати; бѣдная дѣвушка скоро сдѣлается больна отъ безпокойства... вотъ мы уже здѣсь третiй мѣсяцъ и ничего не можемъ о ней узнать.

— Миронова! прошепталъ Антонъ Борисычъ съ волненiемъ.

— Да, Миронова; у ней домъ на московской улицѣ... Вы живете тоже тамъ? и можетъ быть знаете... какъ нибудь слышали объ ней?

— Фи, моя милая! прервала княгиня. Какiя ты исторiи говоришь!.. Антонъ Борисычъ будетъ слушать о какой нибудь пьяной бабѣ.

Тотъ вздрогнулъ. Что-то защемило у него сердце. Онъ гордо поднялъ голову и, взглянувъ на княгиню, сказалъ: дѣйствительно, я знаю ее .. два года тому назадъ, я купилъ у ней домъ, въ которомъ теперь живу.

Крики удивленiя вырвались у дамъ.

— А она? спросили онѣ.

— Я ей далъ изъ состраданья комнату въ подвалѣ.

— Такъ значитъ правда, что мы про нее слышали?

Антонъ Борисычъ всталъ со стула.

— Не знаете-ли вы причины такого несчастiя? скажите пожалуйста.

— Она любила роскошь, жила выше средствъ и наконецъ

не могла перенести бѣдности: продала все и съ горя стала пить. Это у насъ единственный исходъ изъ несчастія.

Антонъ Борисычъ сталъ прощаться.

— Куда же такъ спѣшите? спросила Юлія Ивановна.

— Извините меня, что-то не здоровится. На лицѣ его дѣйствительно выступили красныя пятна.

— Что съ вами?

— Такъ, усталъ со вчерашняго дня... Прощайте! И онъ почти опрометью бросился изъ залы.

— Ну, теперь, Юлинька, нечего терять времени. Ольгу поскорѣе надо вонъ изъ дому; хорошо, что ты вчера услышала, а то бы позоръ какой! Антонъ Борисычъ осрамилъ бы всѣхъ насъ.

Юлія Ивановна вполнѣ согласилась съ княгиней. Вопросъ шелъ только о томъ, какъ-бы поискуснѣе сбыть Ольгу.

А она, бѣдняжка! Она въ это время переживала цѣлые годы мучительнаго томленья.

Она видѣла, что Хвалынскій уѣхалъ, не повидавшись съ нею, и не знала, чему приписать такой поступокъ. Сомнѣніе ея было прервано приходомъ Марьи, которая подала ей письмо. Съ лихорадочной дрожью сломала бѣдная дѣвушка печать. При первыхъ строкахъ она страшно вскрикнула и упала въ обморокъ. Всѣ сбѣжались и стали приводить ее въ чувство. Юлія Ивановна взяла письмо и показала его княгинѣ.

Вотъ что писалъ Хвалынскій:

Милостивая государыня, Ольга Николаевна! Съ растерзаннымъ сердцемъ я сажусь писать къ вамъ. Когда вы получите это письмо, меня уже не будетъ въ городѣ: я ѣду въ Петербургъ, а оттуда за границу. Можетъ быть, путешествіе облегчитъ мои страданія! Зачѣмъ вы не сказали, кто ваша мать? Мы не можемъ быть теперь счастливы! Мы не вынесли бы борьбы съ *свѣтомъ*! Вотъ, почему я рѣшаюсь возвратить вамъ ваше слово. Не проклинайте меня, я и такъ несчастливъ! Прощайте! Воспоминаніе о васъ будетъ неразлучно со мною. А. Х.

— Вѣтренный мальчишка! сказала княгиня; взяла письмо

и бросила въ огонь. Пусть и праха не останется отъ его глупости. Вотъ, женимъ его на Софи, такъ остепенимъ...

Между тѣмъ Ольгу привели въ чувство; она молча сидѣла на постелѣ и глядѣла на себя безсмысленными глазами; на предлагаемые вопросы ничего не отвѣчала, какъ будто не слышала ихъ и вдругъ разразилась неистовымъ истерическимъ хохотомъ и впала снова въ обморокъ.

Послали за докторомъ. Тотъ нашелъ, что у ней нервическая горячка.

Черезъ недѣлю Ольга умерла; черезъ два года Антонъ Борисычъ женился на Софи.

Ж. ЛИНСКАЯ.

ПОЛИТИКА.

Обзоръ современныхъ событій.

Въ политическомъ мірѣ все темно и неопредѣленно. Какъ въ Европѣ, такъ и въ Америкѣ предвидится гораздо больше явленій грустныхъ, чѣмъ отрадныхъ. И здѣсь и тамъ собирается гроза войны и народныхъ междоусобій. Австрія придвигаетъ свои войска къ ломбардской границѣ; Франція увеличиваетъ національныя кадры; южная Каролина, руководя возстаніемъ отложившихся провинцій, занимаетъ крѣпости, арсеналы и дышетъ непримиримой враждой къ сѣвернымъ штатамъ; на берегахъ Дуная пробуждается движеніе въ славянскихъ народностяхъ, волнуемыхъ венгерскими событіями; въ Италіи, кромѣ ожидаемой катастрофы римскихъ владѣній, на разныхъ пунктахъ загорается реакціонный духъ и кровавыя сцены Гаеты готовы повториться подъ стѣнами Мессины; Германія тревожно смотритъ на берега Рейна и южную границу, раздвоенная двумя противными потоками — стремленіемъ къ національному единству, и въ то же время взаимными антипатіями протестантскаго сѣвера къ католическому югу.

Нельзя сказать, чтобъ внутренняя политика народовъ была менѣе сомнительной и болѣе богатой дѣйствительными надеждами. Вездѣ замѣтно неудовольствіе настоящимъ и ожиданіе лучшаго въ будущемъ; вездѣ чувствуется потребность обновить ветхаго человѣка, измѣнить отжившій порядокъ обще-

ства; но землѣ недостаетъ соли, людямъ — нравственныхъ великихъ началъ, и старая рутина попрежнему господствуетъ надъ умами. Современная эпоха нѣсколько напоминаетъ тотъ періодъ среднихъ вѣковъ, когда Европа, недовольная своимъ положеніемъ, искала облегченія въ мечтахъ о завоеваніи Палестины и трепетала передъ мыслью о концѣ міра.

Среди сомнѣній и боязни въ виду дурныхъ признаковъ времени и недовѣрія въ собственныя силы открылся англійскій парламентъ въ нынѣшнемъ году. Давно Викторія не садилась на свой престолъ среди такого вниманія и ожиданій со стороны публики, но давно она и не сходила съ него среди такого разочарованія ея «вѣрноподданныхъ палатъ». Февраля 5, въ два часа пополудни, звуки серебряныхъ рожковъ возвѣстили прибытіе королевы въ парламентъ; тронная зала была наполнена многочисленнымъ собраніемъ, — членами палатъ, великолѣпными лордами, посланниками и самымъ избраннымъ кругомъ дамскаго общества. Переодѣвшись въ уборной комнатѣ, королева вошла въ залу во всемъ блескѣ китайскаго церемоніала, со всѣми атрибутами гордой и богатой олигархіи. Окруженная горностаевыми мантіями герцоговъ и лордовъ, осыпанная золотымъ шитьемъ и брилліантами, сопровождаемая длинной свитой статсъ-дамъ и пажей, обставленная справа и слѣва представителями британской аристократіи и статуями тѣхъ старыхъ бароновъ, которые нѣкогда подписали Великую Хартію, она торжественно заняла свое мѣсто и, при глубокомъ молчаніи слушателей, начала свою рѣчь. Давно ужъ эта роскошная, внѣшняя обстановка сената не представляла такого разительнаго контраста бѣдности и узкости королевской рѣчи, какъ на этотъ разъ. Викторія распространилась о внѣшней политикѣ въ общихъ чертахъ, не опредѣливъ ни плана, ни цѣли своихъ дѣйствій; она слегка коснулась италіянскихъ дѣлъ, занятія Сиріи французскими войсками, китайскаго мира, сѣверо-американскихъ раздоровъ, возстанія въ новой Зеландіи, не забыла поблагодарить Америку и Канаду за радушный пріемъ своего старшаго сына но ничего не сказала ни о положеніи рабочихъ классовъ Англіи, ни о парламентской реформѣ, ни о государственномъ бюджетѣ, однимъ словомъ, прошла со-

вершеннымъ молчанiемъ внутреннiе вопросы народной жизни, какъ будто въ присутствiи такого сановитаго собранiя неприлично королевскими устами говорить о такихъ мелкихъ интересахъ. А между тѣмъ общественное мнѣнiе страны съ жадностью слѣдитъ за каждымъ словомъ правительства и требуетъ отъ него разрѣшенiя многихъ капитальныхъ задачъ. Реформа поземельной собственности, колонiальной системы, таможеннаго сбора, уголовныхъ законовъ, улучшенiе состоянiя ирландскихъ земледѣльцевъ, распространенiе элементарнаго образованiя въ ремесленныхъ сословiяхъ— всѣ эти вопросы давно уже лежатъ подъ рукой народа и парламента; ихъ поднимаютъ на митингахъ, въ журналахъ, ихъ узаконила литература, театръ; въ защиту ихъ составляются частныя общества, народныя демонстрацiи; важность ихъ сознаютъ сами палаты общинъ, но отступаютъ передъ ними съ непонятнымъ упорствомъ и равнодушiемъ.

Но гдѣ же причина этого равнодушiя? Отчего парламентъ въ послѣднее время такъ низко упалъ во мнѣнiи Европы и самой Англiи? Прежде на него былъ обращенъ взоръ всего континента; его голосъ не былъ послѣднимъ приговоромъ въ политическихъ спорахъ; его одушевленные дебаты составляли лучшую школу государственнаго воспитанiя людей, слѣдившихъ за развитiемъ его дѣятельности; въ числѣ его членовъ было много замѣчательныхъ умовъ, полныхъ энергiи и классически образованныхъ. Теперь не то: лучшiе дѣятели Англiи спѣшатъ оставить парламентское поприще; большинство его представителей состоитъ наполовину изъ бездарныхъ лордовъ, способныхъ только губить время въ празднословiи и отбыванiи пустыхъ бюрократическихъ формъ; другая половина достаетъ свои мѣста въ законодательномъ собранiи единственно ради честолюбивыхъ цѣлей, ради гражданскихъ отличiй и не рѣдко ради личныхъ разсчетовъ; этотъ разрядъ людей, названныхъ Брайтомъ лишнимъ грузомъ парламента, не останавливается ни передъ какими средствами, чтобъ получить право голоса въ сенатѣ. Интриги и подкупы избирательной системы начинаютъ серьезно возбуждать вниманiе англiйскаго общества. Народъ видитъ, что

его интересы представляются дурно, что его желанія и инстинкты не выражаются вполнѣ, что его демократическія стремленія постоянно сдерживаются своекорыстной олигархіей; онъ видитъ, что правительственная каста, опираясь на одно купеческое сословіе, далеко не имѣетъ ни значенія, ни силы, какими она могла бы располагать, ставъ плотнѣе къ самой націи; поэтому парламентъ потерялъ свое прежнее уваженіе въ глазахъ Европы и долженъ руководиться взглядами Наполеона III, и даже бояться его замысловъ, между тѣмъ какъ Англія могла бы держать въ своихъ рукахъ судьбу всей Франціи и ея правителя.

Само-собою разумѣется, что такой порядокъ вещей не зависитъ отъ самого народа. Онъ попрежнему здоровъ и силенъ; его свободныя учрежденія не измѣнились; его богатства возрасли; его воля и участіе въ управленіи съ каждымъ днемъ пріобрѣтаютъ болѣе вліянія; его энергія способна на величайшія предпріятія. Мы видѣли, какъ у этого народа въ нѣсколько мѣсяцевъ выростаютъ огромные полки волонтеровъ, готовыхъ помѣряться съ лучшей арміей монархическихъ державъ; мы видѣли, какъ онъ поддержалъ и вынесъ на своихъ плечахъ италіянскій вопросъ, какъ онъ помогъ и облегчилъ трудное положеніе Гарибальди. Нѣтъ сомнѣнія, въ этомъ народѣ можно найдти много сокровищъ, но ему нуженъ вождь, достойный его довѣрія и высокаго положенія среди образованныхъ обществъ.

Лордъ Пальмерстонъ, какъ первый министръ Англіи, далеко не отвѣчаетъ ея современнымъ требованіямъ. Насчетъ этого человѣка Европа долго ошибалась. Было время, когда считали его опаснымъ либераломъ, составивъ это понятіе по нѣсколькимъ фразамъ, сказаннымъ имъ въ парламентѣ. Италіянское движеніе 1848 года показало ясно, что этотъ дешевый либерализмъ словъ вовсе не опасенъ въ дѣлахъ Пальмерстона; онъ вмѣстѣ съ президентомъ Франціи скрѣпилъ десятилѣтнюю реакцію Европы, самую тяжелую изъ реакцій нашего вѣка. Пальмерстонъ началъ свою политическую карьеру очень поздно; она пришла къ нему вмѣстѣ съ подагрой и сѣдиной въ волосахъ; онъ никогда не имѣлъ никакихъ твердыхъ и широкихъ началъ государственнаго ума,

но всегда искалъ популярности, жертвуя ей интересами своей страны. Когда былъ торизмъ въ модѣ, Пальмерстонъ былъ тори; когда начали управлять Англіей виги, и онъ сдѣлался вигомъ; когда открылась война съ Россіей, онъ вдругъ, изъ сторонника мирной политики лондонскихъ лавочниковъ, обратился въ воинственнаго министра. Говоря вообще, это человѣкъ *дня и случая*; у него нѣтъ ни особенныхъ цѣлей, ни убѣжденій, и потому ему легко измѣнять свои направленія, сообразуясь съ тѣмъ, съ какой стороны подуетъ вѣтеръ. Когда онъ былъ военнымъ секретаремъ, онъ подписалъ заточеніе Наполеона I на островъ св. Елены, а когда отправлялъ должность государственнаго секретаря, онъ возвѣстилъ о восшествіи на престолъ Наполеона III и потомъ завязалъ съ нимъ самыя дружескія отношенія. Пальмерстонъ всю жизнь свою только начиналъ, но ничего не кончилъ: никто не скажетъ, что вотъ дѣло, задуманное и приведенное въ исполненіе Пальмерстономъ. Съ карьерой Фокса, Питта, Каннинга, Роберта Пиля соединяются извѣстные принципы и историческія реформы, на которыхъ лежитъ печать ихъ мысли и воли; ничего подобнаго не случилось въ политической дѣятельности Пальмерстона. Лондонъ знаетъ его, какъ хорошаго наѣздника, какъ пріятнаго говоруна за обѣдами, какъ приличнаго джентльмена, всегда одѣтаго чисто, съ свѣжимъ парикомъ на головѣ, но ни одинъ Англичанинъ не помнитъ, чтобъ Пальмерстонъ когда нибудь сказалъ замѣчательное слово или предложилъ особенно хорошую мѣру. Великіе государственные люди Англіи, обыкновенно, были любимы націей; Пальмерстонъ, при всей его заботливости о популярности, нашелъ себѣ симпатію только въ одномъ купеческомъ сословіи, которое онъ выражаетъ въ парламентѣ. Но надо отдать ему справедливость въ томъ, что у него нѣтъ и политическихъ враговъ. Онъ уживается со всѣми партіями и мнѣніями, потому что самъ не имѣетъ никакихъ положительныхъ убѣжденій. Въ умственномъ темпераментѣ Пальмерстона нѣтъ ничего творческаго, смѣлаго и глубокаго; онъ недурно соображаетъ текущія событія, наблюдаетъ за подробностями, строго держится формы, но не способенъ подняться выше общаго уровня въ государственной дальновид-

ности или оригинальности взгляда. Это самый обыкновенный чиновникъ свободнаго народа, но не политическій вождь (*).

Другая личность англійскаго министерства, важная по своему вліянію на ходъ современной дѣятельности правительства,—Джонъ-Россель. Никто такъ вѣрно не опредѣлилъ характера этого государственнаго человѣка, какъ сатирическій листокъ Пёнча, нарисовавъ его маленькой, съежившейся старушкой. Обязанный своимъ возвышеніемъ нестолько личному достоинству, сколько происхожденію отъ знатной фамиліи и административной ловкости, Джонъ–Россель болѣе тридцати лѣтъ занимаетъ мѣсто въ парламентѣ. Главнымъ дѣломъ его была реформа представительной системы Англіи; онъ горячо защищалъ ее въ тридцатыхъ годахъ, онъ постоянно думалъ о ней впослѣдствіи, возбуждалъ ее въ правительствѣ и народѣ, и наконецъ, по выраженію молодаго Пита, выбросилъ свое любимое дитя изъ окна парламента. Это случилось въ прошломъ году, когда Джонъ Россель такъ безжалостно уронилъ парламентскую реформу и отступился отъ своего собственнаго вопроса. Что же онъ сдѣлалъ полезнаго Англіи? на это отвѣчать очень трудно, потому что вся карьера его была отдана интересамъ своей партіи, а не народа. Но въ чемъ же его особенныя заслуги той партіи, для которой онъ нѣкогда былъ божествомъ? Онъ завелъ ее въ коалицію, и погубилъ министерство виговъ. Теперь отъ этого божества осталось одно сухое дерево. Точно также поступилъ Джонъ Россель и съ италіянскимъ вопросомъ, едва не утопивъ его въ maxima cloaca наполеоновской политики. Онъ искренно любитъ Италію, онъ жилъ на ея классической землѣ, онъ дышалъ подъ ея чудеснымъ небомъ и ея ароматическимъ воздухомъ, онъ сочувствуетъ ея поэтамъ, художникамъ, героическимъ жертвамъ ея политической Голгофы; и когда зайдетъ рѣчь объ Италіи, Россель говоритъ прекрасно, тепло и долго, но когда надо перевести слова на дѣло, онъ никакъ не можетъ пойдти дальше либерализма Пальмерстона. Принципъ невмѣшательства

(*) Примѣч. Въ слѣдующей книжкѣ Рус. Слова мы надѣемся сообщить полную и подробную характеристику лорда Пальмерстона.

составляетъ для него своего рода cul-de-sac, изъ котораго онъ никакъ не можетъ выбраться на свѣтъ божій. За всѣмъ тѣмъ, имя Росселя соединяется со всѣми лучшими событіями и реформами нашего вѣка,—но соединяется только одной стороной — теоретическимъ участіемъ, и не практической дѣятельностью. Чего же недостаетъ ему для полнаго государственнаго человѣка?—Двухъ качествъ, очень необходимыхъ современному политическому дѣятелю—пониманія демократическихъ началъ эпохи и живой связи съ народомъ, которому онъ такъ честно и такъ долго служитъ.

Вотъ люди, которые *офиціально* представляютъ Англію. Вліяніе этихъ людей на судьбу народной жизни, конечно, не имѣетъ безусловнаго авторитета; оно ограничивается общественнымъ мнѣніемъ снизу и аристократическими предразсудками сверху; на за всѣмъ тѣмъ, ему остается широкая сфера дѣятельности. Первый министръ Англіи — лицо отвѣтственное и строго подчиненное контролю управляемой имъ страны; но если народное довѣріе вручаетъ ему власть, оно тѣмъ самымъ уполномочиваетъ его дѣйствовать самостоятельно. Отъ него зависитъ общій взглядъ на систему управленія; его рука указываетъ тотъ путь, по которому должна идти нація къ осуществленію своихъ цѣлей и интересовъ. Въ этомъ состоитъ главное назначеніе конституціоннаго министра. Ему нѣтъ дѣла до административныхъ частностей, до личныхъ выгодъ той или другой партіи, до техническихъ подробностей государственной машины: все это относится къ нему точно также, какъ къ капитану корабля — веревки, паруса, мачты и каюты. Само собою разумѣется, что онъ долженъ знать эти мелочи, но не въ этомъ его первый трудъ и забота. Если онъ дѣйствительно государственный человѣкъ, ему необходимы извѣстные принципы, на основаніи которыхъ развивалась бы его дѣятельность; ему необходима извѣстная политическая вѣра, изъ которой бы вытекали всѣ его убѣжденія. Когда онъ управляетъ въ силу твердыхъ и ясно обозначенныхъ началъ, тогда второстепенныя подробности системы объясняются сами собой; тогда легко править и разумной власти и повиноваться народу. Парламентская работа, при такомъ направленіи, только помогаетъ и

облегчаетъ трудъ перваго министра. Къ сожалѣнію, современную Англію ведутъ люди, неимѣющіе никакихъ опредѣленныхъ идей, — и неспособные имѣть ихъ. Пальмерстонъ и Джонъ Россель вовсе не изъ числа тѣхъ дальновидныхъ и обширныхъ умовъ, которые восходили бы до пониманія общихъ государственныхъ плановъ и истинно-народныхъ интересовъ; по крайней мѣрѣ, мы не видимъ, чтобъ внутренней и внѣшней политикой ихъ руководила какая нибудь систематическая мысль. Въ одно и то же время они принимаютъ два различныя направленія въ восточномъ и италіянскомъ вопросѣ: въ первомъ случаѣ они защищаютъ турецкій деспотизмъ, соединенный съ необузданнымъ фанатизмомъ Друзовъ; во второмъ они становятся на сторонѣ политической свободы, но въ обоихъ случаяхъ ограничиваются вялыми полумѣрами дипломатическихъ сдѣлокъ. И здѣсь и тамъ политика Наполеона III провела ихъ нетолько на словахъ, но и на дѣлѣ. Въ Италіи они допустили вмѣшательство французскаго флота въ борьбу Виктора-Эмануила съ Францискомъ II, породившее продолжительное и безполезное сопротивленіе Гаеты. Въ Сиріи они позволили совершиться кровавымъ событіямъ, и потомъ испугались занятія ея французскимъ войскомъ. Но если Сэнъ-Джемскій кабинетъ дозволилъ эту высадку, вѣроятно, увлеченный филантропическими соображеніями Пальмерстона, то что же пугаетъ его въ продолженіи ея? Останутся ли годъ или два солдаты Наполеона III въ Сиріи — что опаснаго въ томъ для самой Англіи? Ужъ не наслѣдственная ли боязнь за Индію? Но чтобъ открыть себѣ туда дорогу, надо погубить въ десять разъ больше войска въ песчаныхъ и безводныхъ степяхъ Азіи. Не сосѣдство ли миролюбивой Франціи съ неизлечимо-больной Оттоманской Портой? Но тогда Джону Росселю слѣдовало бы подумать раньше, чѣмъ онъ рѣшился позволить отправить французскій корпусъ въ Сирію. Почти съ такимъ же простодушіемъ дѣйствовало министерство Пальмерстона въ отношеніи къ папской области. Въ то время, какъ правитель Франціи убѣждалъ Европу не вмѣшиваться въ италіянскія дѣла, — онъ высаживалъ одинъ полкъ за другимъ на Римскую землю, такъ

что Пій IX, ключи Капитолія и вся братія кардиналовъ незамѣтно перешли въ руки французскаго генерала. Но во имя какого же права такое *невмѣшательство* совершено подъ самымъ носомъ Пальмерстона? Разумѣется, во имя покровительства святому отцу. Относительно Венеціи мы не видимъ даже здраваго смысла въ поведеніи Росселя. Онъ объявилъ ее неприкосновенной собственностью Австріи, потому что такъ угодно было разсудить *тонкому* Кавуру и его сотруднику по темнымъ дѣламъ сардинской канцеляріи. Но развѣ такое распоряженіе въ политическихъ видахъ и интересахъ Англіи? Положимъ, что въ 1849 году Пальмерстонъ могъ измѣнить Сициліи и *выдать* Манини Австріи; тогда положеніе Европы было, дѣйствительно, критическое; но что же теперь заставляетъ его поддерживать теорію Меттерниха и его управленіе? Разсматривая эту непонятную путаницу событій и соображеній, невольно приходишь къ заключенію Пёнча, что дипломатической Англіею управляетъ крошечная, незлобивая и простодушная старушка.

А между тѣмъ положеніе Англіи, при современномъ направленіи европейскихъ дѣлъ, могло бы быть самое блистательное. Не вооружая ни одного лишняго корабля, не жертвуя ни одной гинеей на постройку новыхъ крѣпостей и арсеналовъ, она могла бы стать великой посредницей между враждующими партіями и спасти континентъ отъ угрожающихъ кровопролитій; она могла бы, съ честію для національнаго имени и съ пользой для человѣчества, подкрѣпить идею гражданской свободы вездѣ, гдѣ эта свобода требуетъ охраны или сочувствія. Въ этомъ прямой интересъ Англіи и призваніе ея международной политики. Мы можемъ простить лицемѣріе и канцелярскія уловки сардинскому министерству: тамъ извиняются о готовностью трехъ сотъ австрійскихъ штыковъ подъ Миланомъ; но кто же принуждаетъ отечество Чатама и Бёрка изворачиваться въ своихъ обѣщаніяхъ и союзахъ, подобно биржевому игроку. Силы Англіи извѣстны всякому: стоитъ только оцѣнить ихъ и направить къ доброй цѣли. Но ея государственные люди, очевидно, путаются въ своихъ собственныхъ планахъ, или, говоря правильнѣе, плаваютъ меж-

ду двумя стоячими водами, за неимѣнiемъ какого бы то ни было плана. Съ одной стороны ихъ страшитъ русское преобладанiе на востокѣ, и они готовы соединить союзомъ свою Великую Хартiю съ мусульманскимъ алкораномъ; съ другой стороны ихъ безпокоитъ мнимое могущество таинственнаго сосѣда, и они не прочь подружиться съ алжирскими Зуавами противъ нацiональной независимости Венецiи. Тамъ приводитъ ихъ въ отчаянiе финансовый кризисъ раззоренной Индiи; здѣсь тревожитъ ихъ совѣсть Ирландiя, и они нѣсколько лѣтъ толкуютъ о преобразованiяхъ, но преобразованiя не сбываются, а колонiальные бунты все дѣлаются чаще и чаще. Дома они озабочены парламентской реформой, улучшенiемъ уголовнаго суда, облегченiемъ земледѣльческаго и ремесленнаго сословiя, но всѣ эти темы глохнутъ въ потокѣ парламентскихъ рѣчей и административныхъ проволочекъ. Такъ ли должна дѣйствовать нацiя, которой соцiальное развитiе въ XVI вѣкѣ было лучше нынѣшней Австрiи и которой конституцiонная свобода за двѣсти лѣтъ была выше нынѣшней Сардинiи или Пруссiи? Не думаемъ.

Когда Брайтъ хотѣлъ упрекнуть парламентъ или олигархiю лордовъ въ злоупотребленiяхъ ихъ системы, онъ всегда обращался къ Америкѣ и выставлялъ ее образцомъ соцiальныхъ организацiй. Къ сожалѣнiю, рабство Негровъ оказалось для южныхъ плантаторовъ гораздо выгоднѣе демократической свободы и крѣпче федеративной конституцiи. Отложенiе южной Каролины, къ которой постепенно присоединились пять другихъ провинцiй, принимаетъ характеръ совершившагося факта. Непредвидѣнный переворотъ отозвался ударомъ землетрясенiя во всѣхъ 33 штатахъ, и тридцать одинъ миллiонъ людей, составляющихъ народонаселенiе Американскаго Союза, въ нѣсколько недѣль обратились изъ братьевъ въ вооруженныхъ враговъ. Впрочемъ, мы ужъ замѣтили прежде, что катастрофа была подготовлена издавна; какъ волканическому взрыву, ей предшествовала медленная подземная работа партiй, ненависть Сѣвера къ Югу, презрѣнiе свободнаго гражданина къ рабовладѣльцу и громкiе протесты одной половины общества противъ другой. Мы еще разъ повторимъ себя, что не новый президентъ, не толпа

демагоговъ, не оплошность стараго Бьюканана раздираютъ націю, а цѣпь Негра, такъ долго и тяжело давившая политическое тѣло Америки. Еще въ концѣ прошлаго апрѣля, старый президентъ Фильмаръ писалъ своему другу такъ: «хотя я и не принимаю никакого участія въ политикѣ, но я не равнодушно смотрю на современныя происшествія. Напротивъ, я глубоко озабоченъ, чтобъ не сказать встревоженъ, настоящимъ порядкомъ вещей. Мнѣ кажется, что мы плохо воспользовались историческими уроками и не хотѣли видѣть въ непріязни и озлобленіи, возраставшихъ между Сѣверомъ и Югомъ, зачатковъ тѣхъ раздоровъ, которые могутъ кончиться гражданской войной и совершеннымъ упадкомъ этого правительства».

Но не ошибаются ли возставшія провинціи въ своихъ надеждахъ? Составляя великую *рабскую* республику, независимую отъ свободнаго Сѣвера, не готовятъ ли они себѣ впослѣдствіи рядъ золъ, за которыя народы расплачиваются вѣками несчастій, столь понятныхъ намъ по сю сторону океана? Нельзя сказать, чтобъ доселѣ рабовладѣльческіе штаты благоденствовали отъ труда и пота угнетеннаго ими племени. Вліяніе невольничества отразилось на всѣхъ отрасляхъ соціальной ихъ жизни. Правда, плодоносныя долины юга, обработываемыя руками Негровъ, производятъ въ огромномъ количествѣ хлопчатую бумагу, рисъ, табакъ и сахаръ и приносятъ около миліарда франковъ съ вывозимыхъ произведеній; но если экономически вѣрно, что одинъ свободный работникъ дѣлаетъ за трехъ рабовъ, съ большей охотой и меньшей потерей физическихъ силъ, если свободный трудъ увеличиваетъ вдвое сумму общественнаго капитала, не говоря уже о томъ, что онъ облагороживаетъ и возвышаетъ цѣну человѣческой дѣятельности, то тѣ же самыя почвы и тѣ же самые четыре милліона Негровъ, но только свободныхъ, могли бы устроить богатство обширной страны. Нѣтъ сомнѣнія, южная Америка тогда не ограничилась бы однимъ земледѣліемъ, а распространила бы и фабричную промышленность, для развитія которой свободный трудъ также необходимъ, какъ воздухъ для дыханія. Затѣмъ рабство отняло одну изъ самыхъ важныхъ силъ у южныхъ Американ-

цевъ — распространеніе купеческаго флота, столь выгоднаго приморской странѣ. Порты Новаго-Орлеана наполнены кораблями сѣверныхъ городовъ, и въ случаѣ войны, немедленно перейдутъ въ руки непріятеля. Но отчего же не могло привиться мореходство къ рабовладѣльческимъ провинціямъ? Оттого, что стихія моря вовсе не благопріятствуетъ неволѣ человѣка: Негръ, спущенный съ цѣпи его хозяиномъ, былъ бы ненадежнымъ матросомъ; вѣроятно, попробовавъ разъ–другой жизни на кораблѣ и въ открытомъ океанѣ, онъ не захотѣлъ бы возвратиться на плантацію подъ удары бича и бамбука своего господина или на пенсильванскіе рынки, торгующіе вмѣстѣ съ скотомъ его братьями, дочерьми и сестрами. За исключеніемъ Негровъ, составляющихъ почти всю массу рабочаго класса, не было бы возможности образовать изъ другихъ сословій хорошаго моряка. Наконецъ, та же причина отдаляла отъ южной Америки европейскія эмиграціи, т. е. сотни тысячъ рукъ и головъ самыхъ предпріимчивыхъ и полезныхъ.

Вслѣдствіе этого и нравственное и матеріальное состояніе южно-американскаго общества стоитъ гораздо ниже сѣвернаго. Но доселѣ эта гнойная язва закрывалась палліативами свободныхъ учрежденій и политической связью Сѣвера съ Югомъ. Теперь положеніе измѣняется, и мы можемъ съ полной увѣренностію предсказать вовсе не блестящую республику южной Каролинѣ. Вопросъ въ томъ, будетъ ли она въ состояніи сохранить свободную конституцію съ отвратительнѣйшимъ невольничествомъ? Думаемъ, что нѣтъ. Чтобы удержать въ покорности четыре милліона рабовъ, составляющихъ болѣе трети всего народонаселенія, южная Америка принуждена будетъ завести постоянное войско и полицію, войско въ родѣ турецкихъ янычаровъ и полицію въ родѣ шпіоновъ Фердинанда II. Потомъ, какъ бы рѣзко она ни отдѣлила черное племя отъ бѣлаго гражданскими законами (*), но парламентская трибуна, свободная

(*) Въ Луизіанѣ нѣкогда существовалъ *черный кодексъ*, составленный изъ постановленій, предписанныхъ Испанцами и Французами рабамъ этой страны. Въ основаніи его было положено безусловное повиновеніе Негра, юридически

пресса, даже чистота домашней жизни, воспитанія и нравовъ не могутъ ужиться на одной территоріи съ невольничествомъ и угнетеніемъ. Что же будетъ чрезъ пятьдесятъ или сто лѣтъ съ рабской республикой, возникающей на нашихъ глазахъ и въ укоръ человѣчеству? Одно изъ двухъ— или дать свободу Неграмъ или устроить у себя турецкое правленіе.

Эманципація африканскаго племени давно была предметомъ сѣверо-американской мысли и желанія. Во имя ея возникло много обществъ, поставившихъ главной задачей филантропіи и ученія освобожденіе Негровъ. Но рабство надо отнести къ числу тѣхъ заразительныхъ болѣзней, которыя растравляетъ, а не излечиваетъ время. Съ 1789 года оно сдѣлало огромный шагъ впередъ. Во время основанія Американскаго Союза, въ тринадцати штатахъ насчитывалось около 700,000 рабовъ; съ тѣхъ поръ эта цифра возрасла болѣе чѣмъ до 4,000,000 (Кэри полагаетъ до 5,000,000), что составитъ шестой процентъ всего населенія. Извѣстно, что въ 1808 году, торгъ Неграми между берегами Африки и Америки былъ прекращенъ Союзомъ; не много позже—Англія и Франція вошли въ договоръ относительно освобожденія своихъ колоніальныхъ рабовъ и преслѣдованія частной промышлености. Международный законъ состоялся; но частная спекуляція, несмотря на строгость запрещенія, продолжаетъ торговать Неграми, и еще недавно въ георгійскомъ портѣ былъ накрытъ купеческій корабль съ грузомъ перевязанныхъ невольниковъ. Доселѣ не менѣе 150,000 человѣкъ перевозится изъ Африки въ Бразилію и на антильскіе острова. Такимъ образомъ путемъ тайной контрабанды масса американскихъ рабовъ постоянно прибывала. Она прибывала, разумѣется, и вслѣдствіе естественнаго племеннаго приращенія, при всѣхъ неблагопріятныхъ ему обстоятельствахъ. Но чѣмъ больше увеличивалась

уничтоженнаго до безличнаго предмета. Такъ, обвиненія раба противъ своего господина не имѣли никакой законной силы, между тѣмъ какъ показанія господина принимались безъ возраженія. Теперь *чернаго кодекса* болѣе нѣтъ, но правила его остаются въ самой жизни, обратившись въ обычный законъ.

масса американскихъ Негровъ, тѣмъ сильнѣе вопросъ эманципаціи занималъ федеративный Союзъ. Демократическое общество чувствовало на каждомъ шагу стѣсненіе своей свободы отъ прикосновенія къ порабощенному классу; оно принуждено было лицемѣрить въ политикѣ внѣшней, лгать и противорѣчить справедливости на конгрессахъ, гдѣ преобладающій голосъ принадлежалъ плантаторамъ юга; оно, по необходимости, ограничивало общее соціальное развитіе и вносило духъ вражды и ненависти въ самый источникъ народной жизни. По временамъ находили кризисы, опасные нетолько правительству, но всему народу. При такомъ положеніи составилась партія аболиціонистовъ, которая въ послѣдніе годы приняла огромные размѣры; ея вліянію обязанъ своимъ выборомъ въ президенты Авраамъ Линкольнъ.

Много было испробовано плановъ относительно освобожденія Негровъ. Нѣтъ сомнѣнія, что самый естественный и справедливый исходъ изъ этого положенія представляется въ выкупѣ. Считая minimum четыре милліона рабовъ и полагая въ среднемъ результатѣ по 500 р. на каждаго, выкупная сумма равняется двумъ миліардамъ рублей, что превышаетъ государственный бюджетъ Союза. Уплатить эту сумму рабовладѣтелямъ единовременно нетолько обременительно, но почти невозможно для федеративнаго правительства. Положимъ, что всемірный кредитъ Америки даетъ ей огромныя средства финансовыхъ оборотовъ, но во всякомъ случаѣ она не въ состояніи совершить эту операцію безъ внѣшняго чрезвычайнаго займа. Раздача общественныхъ земель, конечно, могла бы облегчить уплату на сто или даже двѣсти милліоновъ долларовъ, но и тогда государственная касса затруднится выдать остальную сумму. Остается прибѣгнуть къ послѣднему средству—разсрочить выкупъ на нѣсколько лѣтъ, такъ чтобы каждый годъ осуществлять эманципацію нѣсколькихъ десятковъ тысячъ рабовъ, начиная съ тѣхъ округовъ и провинцій, гдѣ замѣтно больше готовности къ уничтоженію этого національнаго зла. Но въ такомъ случаѣ необходимо постановить закономъ, обязательнымъ для всей страны, что дѣти, рожденные съ первой минуты эманципаціи, должны быть признаны свободными.

Притомъ самый выкупъ не долженъ раздѣлять семействъ и вторгаться насильственной властью въ добровольныя соглашенія владѣтелей съ ихъ невольниками.

Другой вопросъ, не менѣе трудный, заключается въ томъ: можно ли оставить освобожденныхъ Негровъ въ Америкѣ? Общее мнѣніе рѣшаетъ этотъ вопросъ отрицательно. Принимая въ соображеніе глубоко вкоренившійся предразсудокъ племеннаго отвращенія *бѣлаго* населенія къ *черному*, соціальныя антипатіи и невозможность соединенія или агломераціи ихъ посредствомъ браковъ, надо согласиться, что присутствіе свободныхъ Негровъ на той же землѣ, которая покрыта ихъ кровью и слезами, въ высшей степени неблагопріятно американскому обществу. Поэтому, кромѣ выкупа Негровъ настоитъ другая потребность переселенія ихъ съ американской територіи. Давно уже объ этомъ думало правительство; между Сенегаломъ и Гвинеей оно основало колонію, подъ именемъ Либеріи, съ тою цѣлью, чтобъ вывозить сюда эманципированныхъ рабовъ и составить изъ нихъ особенную республику. Надо признаться, что зарождающееся общество далеко не оправдало надеждъ его жаркихъ поклонниковъ: республика представляетъ болѣе чѣмъ жалкій видъ. Разумѣется, ревнители бамбука и неволи ухватились за этотъ случай, какъ за доказательство того, что Негры по природѣ неспособны къ гражданской жизни и самоуправленію. Было бы странно не видѣть всей лжи этого софизма. На какомъ же разумномъ основаніи можно думать, что человѣкъ съ черной кожей и жесткими волосами менѣе способенъ управлять собой, чѣмъ какой-нибудь бѣлобрысый Англо-Саксонецъ? Неудавшееся предпріятіе Либеріи объясняется тѣмъ, что большинство населенія ея состоитъ изъ тѣхъ Негровъ, которые провели свою жизнь въ неволѣ, и слѣдовательно лишены всякаго гражданскаго воспитанія; многіе изъ нихъ нетолько незнакомы съ условіями соціальнаго быта, но подъ бременемъ трудовъ обезсилены физически. Въ среду ихъ надо было впустить свѣжіе соки, перемѣшать ихъ съ поколѣніемъ людей, не испытавшихъ рабства, и тогда посмотрѣть, дѣйствительно ли они неспособны къ самоуправленію. Нѣтъ сомнѣнія, что человѣкъ, проси-

дѣвшій полжизни въ темной комнатѣ и выпущенный вдругъ на солнечный свѣтъ, не можетъ ясно смотрѣть, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ онъ вовсе не имѣлъ способности видѣть. Притомъ, матеріальное запустѣніе Либеріи много зависитъ оттого, что метрополія слишкомъ отдалена отъ своей колоніи. Потому же она не совсѣмъ удобна и для переселенія американскихъ Негровъ. Далекій перевозъ ихъ, соединенный со всѣми неудобствами морскаго пути и большими расходами, безполезно усложняетъ задачу эманципаціи. Для четырехъ милліоновъ переселенцевъ можетъ служить какой нибудь изъ антильскихъ острововъ, тѣмъ болѣе, что наблюденіе частныхъ филантропическихъ обществъ могло бы во многомъ помочь бѣдному поселенію, особенно на первый разъ.

Когда мы пишемъ, Авраамъ Линкольнъ принимаетъ президентское мѣсто. Это человѣкъ *своего собственнаго творчества,* необязанный своимъ высокимъ социальнымъ положеніемъ ни фамильнымъ привилегіямъ, ни гражданскимъ отличіямъ, ни богатству, ни громкимъ связямъ. Линкольнъ родился въ Кентукки, въ 1809 году; онъ сынъ бѣднаго семейства, почти оставленный безъ воспитанія. Онъ началъ жить трудомъ, работалъ на фермѣ, впослѣдствіи занимался перевозомъ черезъ рѣку Миссисипи, и въ то же время обогащалъ себя познаніями. Изучивъ спеціально юриспруденцію, онъ выступилъ на политическое поприще, въ качествѣ адвоката. Вскорѣ затѣмъ его выбрали членомъ законодательной палаты, и онъ отмѣтилъ себя живымъ и убѣдительнымъ даромъ рѣчи и превосходнымъ умомъ. Въ 1846 году онъ назначенъ былъ президентомъ конгреса, а съ 1852 года сталъ на сторонѣ свободы, въ партіи аболиціонистовъ, и съ тѣхъ поръ не измѣнялъ своей искренней политической вѣрѣ. 6 ноября, прошлаго года, большинствомъ 58 голосовъ онъ былъ избранъ президентомъ Американскаго Союза, на мѣсто апатичнаго Бьюканана. Когда телеграфическая нить разнесла эту вѣсть по соединеннымъ штатамъ, южныя провинціи заволновались, какъ будто стотысячная непріятельская армія вошла въ ихъ порты. Вопросъ, дѣйствительно, былъ очень серьезный: дѣло шло о преобладаніи Сѣвера или

Юга въ центральномъ управленіи, смотря по выбору новаго президента. Побѣда осталась за Сѣверомъ, и слѣдовательно вліяніе его на послѣдующую судьбу рабовладѣльческой Америки. Противная партія, доселѣ очень сильная на скамьяхъ вашингтонскаго конгресса, постаралась воспользоваться этимъ случаемъ, чтобъ раздуть неудовольствіе въ открытую вражду и разорвать единство союза.

Еще неизвѣстно, какъ опредѣлится новая политическая дѣятельность Линкольна. Отправляясь изъ Иллиноса въ Вашингтонъ, онъ произнесъ рѣчь, которая даетъ чувствовать, что мѣры его относительно отложившихся штатовъ будутъ энергичныя и рѣшительныя. Съ своей стороны, новая республика готовится къ междоусобной брани: она захватываетъ федеративныя укрѣпленія, арсеналы, собираетъ милицію, составляетъ новый парламентъ и не хочетъ слышать о примиреніи. Неужели даже во 2-й половинѣ XIX вѣка суждено поссориться двумъ братьямъ за чечевичную похлебку? Посмотримъ.

Tempora pessima — vigilemus, заключили бы мы нашъ настоящій политическій листокъ, еслибъ паденіе Гаеты не оправдало нѣсколько человѣческаго имени. Съ паденіемъ этой крѣпости, которую Фердинандъ II считалъ своимъ послѣднимъ и единственно вѣрнымъ ему убѣжищемъ, первый актъ италіянской драмы кончился. Теперь начинается внутреннее устройство страны, менѣе чѣмъ въ два года совершившей дѣло величайшей реформы. Маленькое королевство Сардиніи, имѣвшее пять милліоновъ народонаселенія, въ настоящую минуту располагаетъ почти всей Италіей съ значительнымъ флотомъ и тремя стами тысячъ войска, готоваго стать подъ ружье по первому клику. Мы надѣемся оцѣнить ходъ современныхъ событій Италіи въ слѣдующемъ обзорѣ.

Г. Б.

Письмо изъ Парижа.

Въ Парижѣ опять все заснуло. Публика съ нетерпѣніемъ ожидала императорской рѣчи къ законодательному корпусу и она произнесена. Въ ней императоръ проводя паралель между прошлой и настоящей конституціей, утверждаетъ, что законодательный корпусъ пользуется такими правами, какія не выпадали на долю ни палатѣ Лудовика-Филиппа, ни англійскому парламенту; — крайняя степень этой свободы состоитъ въ разрѣшеніи сочинять фразы по поводу адреса къ престолу. А между тѣмъ, сенатъ вооружается и противъ этой свободы проводитъ время въ пріятной, хотя совершенно безполезной бесѣдѣ; ему какъ будто жаль разстаться съ своимъ безмолвіемъ и вывести изъ мрака глубокую мудрость нѣсколькихъ сенаторовъ, изъ которыхъ каждый стоитъ намъ по меньшей мѣрѣ 30,000 франковъ.

Генералъ Тролонъ (Troplong), президентъ сената, въ своей послѣдней рѣчи въ одной изъ слишкомъ длинныхъ (trop longues), какъ называетъ ихъ Викторъ Гюго), даже испугался той доли свободы, которую предоставилъ имъ правитель государства, и въ этомъ стремленіи къ гласности и къ свободѣ преній видѣлъ, что Наполеонъ III «не Тиверій». Чтобы ускорить производство дѣлъ, законодательному корпусу запрещено пускаться въ парламентскія состязанія, а онъ только сочинилъ одно вступленіе къ своему знаменитому адресу, въ которомъ мы не видимъ ничего, кромѣ комплиментовъ правительственной мудрости. Законодательный корпусъ безъ сомнѣнія ревностнѣе своего верховнаго главы идетъ по пути реакціи; онъ считаетъ своею обязанностью освятить вновь предоставляемыя ему вольности изъявленіями усердія къ личности святаго отца.

Кромѣ того на дняхъ, подъ именемъ Лигероньера, вышла особая брошюра, въ которой онъ повѣщаетъ публику о какихъ то таинственныхъ намѣреніяхъ, предоставляя досужей фантазіи объяснять ихъ и выводить самыя нелѣпыя заключенія.

Брошюра эта, какъ августѣйшій фоліантъ, была принята, какъ новая программа императорскихъ отношеній къ Италіи. Но еслибъ кто нибудь взялся опредѣлить или назвать собственнымъ именемъ эти отношенія, то никогда не разгадалъ бы ихъ дѣйствительнаго смысла. Это что-то въ родѣ пророчества классической пиѳіи, предсказывающей паденіе Аѳинъ, подъ видомъ поклоненія и изумленія ихъ величію. Разрѣшеніе римскаго вопроса, предлагаемое брошюрой просто невозможно и слѣдовательно его нельзя понимать буквально. Можетъ ли человѣкъ, сколько нибудь одаренный политическимъ тактомъ, повѣрить, что папа будетъ способенъ помириться съ Викторомъ Эмануиломъ, когда послѣдній сдѣлается королемъ Италіи и властителемъ Рима. Викторъ Эмануилъ будетъ пользоваться дѣйствительною властью; въ его распоряженіи будетъ находиться огромная армія и первый флотъ средиземнаго моря, — а въ это время глава христіанской церкви уподобится японскому Микадо и будетъ довольствоваться смѣшнымъ титуломъ сюзереня и ничего незначущими почестями. Стало быть, лучшее средство примирить двухъ враговъ, изъ которыхъ одинъ отлучаетъ отъ церкви другаго, — это поселить ихъ въ двухъ смежныхъ дворцахъ, умножить число случаевъ, подающихъ поводъ къ столкновеніямъ и дать имъ на дѣлежъ одну добычу—Римъ и господство надъ Италіей. Умъ отказывается вѣрить, чтобы подобное предложеніе могло быть сдѣлано серьезно. Прежнее поведеніе папы и его совѣтниковъ, сопротивленіе всѣхъ легитимистическихъ элементовъ, сгруппированныхъ вокругъ церковнаго престола, а главное, непогрѣшимость петрова намѣстника запрещаютъ папѣ мириться на какихъ бы то ни было основаніяхъ съ нечестивымъ царемъ, поднявшимъ руку на тіару и за то проклятымъ. Документы, которые французское правительство представило законодательному корпусу, не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія насчетъ политики папы; на каждое предложеніе онъ отвѣчаетъ отказомъ, опираясь на свою непогрѣшимость, онъ для избѣжанія опасности не хочетъ сдѣлать ни шагу; это не героическая вѣра, —ослѣпленіе; это не мужество—а упорство.

Авторъ брошюры *Наполеонъ III и Италія* знаетъ, что

всякая теократія по самой сущности своей неподвижна, и что ее нельзя согнуть, а можно только сломать; если онъ для рѣшенія недоразумѣній предлагаетъ устроить двуглавый Римъ, то онъ дѣлаетъ это только потому, чло развязка эта невозможна. Такимъ образомъ, онъ выиграетъ время и съумѣетъ воспользоваться обстоятельствами: вода попрежнему будетъ мутна и искусный рыбакъ будетъ продолжать свою ловлю. Такъ точно, требуя возвращенія изгнанныхъ итальянскихъ государей и федерализаціи итальянскихъ провинцій, онъ требовалъ невозможнаго и заранѣе превращалъ цюрихскій трактатъ въ мертвую букву; такъ точно продолжая время своего протекторства надъ Италіею, онъ мѣшалъ ея приготовленіямъ къ борьбѣ съ Австріею, укрѣпившеюся въ Веронѣ и въ Венеціи. Такъ же точно онъ отправляетъ въ Сирію военныя силы, очевидно, недостаточныя для достиженія предположенной цѣли; черезъ это возникаетъ необходимость болѣе продолжительнаго занятія и вооруженная политика получаетъ на востокѣ важную точку опоры.

Каковы бы ни были тайныя намѣренія — Эгеріи г. Лагероньера, но вѣрно то, что свѣтская власть папъ приближается къ концу. Этотъ вопросъ то же самое, что вопросъ о рабствѣ; достаточно поставить его, чтобы его разрѣшить. Это — неизбѣжная потребность времени. Но не думайте, чтобы немедленно положенъ былъ конецъ свѣтскому господству Пія IX, — этому счастливому источнику европейскихъ тревогъ. Объ этомъ нельзя и думать; это значило бы зарѣзать курицу, несущую золотыя яйца. Пройдетъ еще нѣсколько мѣсяцевъ, потраченныхъ на пересыланіе безполезныхъ нотъ. Этотъ римскій вопросъ, умно и осторожно веденный, усложняемый недоговорками, недоразумѣніями, соглашеніями, притворными разрывами и возобновляющимися переговорами, заставитъ насъ провести въ страхѣ и въ ожиданіи дни, опасные для государства.

Потомъ придутъ осенніе дожди, снѣга, ледъ, и свобода Венеціи будетъ отсрочена еще на годъ. Быть можетъ, что въ числѣ причинъ, на основаніи которыхъ стараются замедлить освобожденіе Италіи, представляется, и то, что Италія, имѣющая Римъ своею столицею, явится центромъ ла-

тинскаго міра и главною владычицею средиземнаго моря. Но Италія можетъ быть возстановлена только уничтоженіемъ папства, точно также какъ Германія можетъ возродиться только послѣ паденія Австріи.

Плачевная комедія, разыгранная въ Гаэтѣ, заключилась; король Францискъ II согласился на капитуляцію; онъ вмѣстѣ съ королевою оставилъ наконецъ тѣ стѣны, подъ развалинами которыхъ онъ, по торжественному увѣренію легитимистическихъ журналовъ, поклялся похоронить себя.

Что касается до Нѣмцевъ — они упиваются сладкими мечтами. Они желаютъ, во имя національностей, присоединить къ Германіи Шлезвигъ-Голштейнъ, Фландрію, Бельгію, Бургонь, Эльзасъ и Лотарингію, въ то же время завоевать Венецію, опираясь на примѣрѣ Геруловъ, утвердившихся въ этой области силою оружія; кромѣ того, имъ хочется удержать за собою Польшу и Венгрію по *историческому праву* Германизаціи. Противъ этихъ Тевтомановъ держится въ благородной оппозиціи либеральное большинство прусской палаты подъ предводительствомъ де-Винке и при содѣйствіи польскихъ депутатовъ. Да, чтобы составить противовѣсъ французскому союзу, надо поступить поумнѣй Франціи. Франція помогаетъ Италіи изъ своихъ видовъ, такъ пусть же Пруссія поможетъ ей безкорыстно—это возвыситъ значеніе Германіи и сблизитъ съ ея интересами самое честное мнѣніе Европы. Въ наше время мнѣніе вѣситъ тяжело. Позвольте мнѣ слова два о дѣлѣ Бонапарта и Петерсона, которое положительно повредило императорской фамиліи въ общественномъ мнѣніи. Уже заранѣе приблизительно знаютъ, какое рѣшеніе положитъ судъ. Но общественное мнѣніе уже произнесло свой приговоръ. Императоръ Наполеонъ I былъ домашній тиранъ и въ дѣлахъ своего семейства не отступалъ передъ насиліемъ и обманомъ, а недавно скончавшійся Іеронимъ былъ жалкій человѣкъ, корыстолюбивый и сверхъ всего этого двоеженецъ. Онъ женился законнымъ образомъ два раза, въ двухъ разныхъ земляхъ; у него было два семейства, способныя предъявить равныя права; единственное возможное рѣшеніе было повѣсить его въ Америкѣ, по мѣстнымъ законамъ, предоставляя

ему право аппеллировать къ французскимъ судьямъ, и просить объ уничтоженіи приговора. Но этого не случилось, потому что онъ бросилъ свою честную жену не въ Америкѣ а во Франціии по приказанію Наполеона I.

Послѣ двоеженства Іеронима насъ скандализируетъ исторія Миреса. Онъ брошенъ въ Мазасъ; секретарь императора Мокаръ отставленъ и въ тайную продѣлку банкира замѣшано много лицъ, набивавшихъ карманы, подъ покровительствомъ общественной и литературной безгласности. Исторія до сихъ поръ не разъяснилась, и въ Парижѣ, при особенной досужести воображенія, даже заподозрили Миреса въ любвныхъ связяхъ съ турецкимъ султаномъ... Завтра я иду въ Мазасъ посѣтить своего стараго друга и разузнать отъ него, хорошо-ли чувствуетъ себя банкиръ въ тюремномъ подвалѣ послѣ его великолѣпной отели. Какъ измѣнчиво коварное счастіе!

Ж. ЛЕФРЕНЬ

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Историческіе очерки русской народной словесности и искусства. Сочиненіе О. Буслаева. (Томъ I: Русская народная поэзія. — Томъ II: Древне-русская народная литература и искусство.) Изданіе Д. Е. Кожанчикова. Спб. 1861 г.

.... «Ясное и полное уразумѣніе основныхъ началъ «нашей народности есть едва ли-не самый существенный вопросъ и науки, и русской жизни». Буслаевъ.

I.

Съ живѣйшимъ интересомъ прочли мы эти два обширные, роскошно изданные тома изслѣдованій О. И. Буслаева, полные любопытнѣйшихъ, иногда впрочемъ самыхъ утомительныхъ для неспеціалиста, но тѣмъ не менѣе драгоцѣнныхъ подробностей о древне-русской народной словесности и искусствѣ, и не можемъ не сознаться, что впечатлѣніе, съ которымъ мы, по прочтеніи, закрыли эти два объёмистые тома, чтобы вдуматься въ прочитанное и выразить о немъ свое посильное мнѣніе, далеко нельзя назвать отраднымъ. Чтеніе богатыхъ матеріаловъ, которыми исполнены обѣ книги г. Буслаева, оставило въ насъ тяжелое, гнетущее чувство какого-то недовольства, но только не авторомъ и не его изслѣдованіями. Намъ кажется даже, что и самъ онъ, какъ ни полно отдался изученію старины, не чуждъ этого чувства и, при всей объективности изложенія любимаго предмета, не разъ готовъ былъ высказаться, какъ тяжело для сердца короткое знакомство съ этимъ любимымъ пред-

метомъ и сколько горькаго приноситъ сознанію изученіе родной старины. По крайней мѣрѣ мы изъ знакомства съ трудами г. Буслаева не умѣли и не могли вынести другаго впечатлѣнія, кромѣ чувства горечи.

Изданные нынѣ историческіе очерки г. Буслаева заключаютъ въ себѣ изслѣдованія и характеристики, съ которыми мы большею частію уже знакомы были и прежде, потому что многія изъ монографій, собранныя теперь вмѣстѣ и составившія отдѣльныя главы, печатались раньше въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ, и только нѣкоторыя главы встрѣчаемъ нынѣ въ первый разъ въ печати. Одинъ перечень отдѣльныхъ монографій можетъ уже дать понятіе если не о достоинствахъ книги, то по крайней мѣрѣ о разнообразіи ея содержанія,—а это разнообразіе, въ самомъ дѣлѣ, замѣчательное, особенно въ первомъ томѣ. По прочтеніи этого тома чувствуется, что не легко обнять разомъ его содержаніе, найти нить, которая связывала бы эту, повидимому, разнохарактерную смѣсь, совершенно другъ отъ друга независимыхъ очерковъ; нѣтъ двухъ главъ, кажется, изъ которыхъ одна вытекала бы изъ другой, и не могла бы существовать безъ нея, не потерявъ значенія; память, утомленная группировкой безчисленнаго множества фактовъ, никакъ не можетъ собрать ихъ въ одно стройное цѣлое, чтобы сами собой вытекали и слагались въ умѣ результаты и выводы изъ всего прочитаннаго; вниманіе, подавленное разнообразными, рѣдко отрадными впечатлѣніями, подъ конецъ притупляется и отказывается служить; чувствуешь, что здѣсь нѣтъ цѣльнаго ученаго труда, потому что нѣтъ общаго плана,—что здѣсь все само по себѣ, каждая рубрика изолирована донельзя, и убѣждаешься, что только отдѣльно по каждой рубрикѣ можно составить понятіе о книгѣ и ея неоспоримыхъ достоинствахъ;—а что ея достоинства велики, въ этомъ убѣждается умъ во все продолженіе чтенія книги. Но такое странное и повидимому невыгодное впечатлѣніе, трудъ г. Буслаева производитъ только на первый разъ, тотчасъ по окончаніи послѣдняго листа втораго тома, когда, прочитавъ съ одинаковымъ вниманіемъ и съ постоянно возрастающимъ интересомъ болѣе тысячи страницъ довольно убористаго шрифта и разсмотрѣвъ болѣе двухъ сотъ рисунковъ, приложенныхъ къ тексту, вы чувствуете, что эта масса одновременно прочитанныхъ монографій и матеріаловъ, какъ—будто давитъ васъ своею громадностью, хотя это можетъ происходить и оттого, что мы, Русскіе, не успѣли привык-

нуть къ такимъ объемистымъ изданіямъ и неизбалованы этой роскошью. Однимъ словомъ, безсвязность этого почтеннаго труда только видимая и упрекнуть въ ней автора можетъ только тотъ, кто не вчитался и не вдумался въ прочитанное, подобно намъ, едва не вдавшимся на первый разъ въ самую грубую и непростительную ошибку, единственно потому, что мы прочитали оба тома сразу, съ увлеченіемъ, такъ сказать—не переводя духа. Перелистывая теперь первый томъ снова и подводя къ одному итогу всѣ добытые каждой отдѣльной монографіей результаты, находимъ нить, связывающую эту разнохарактерную смѣсь данныхъ въ одно цѣлое; каждая монографія имѣетъ много общаго, по идеѣ, со всѣми прочими и хотя онѣ не вытекаютъ одна изъ другой, но взаимно одна другую дополняютъ и уясняютъ; что не досказано въ одной главѣ, объясняется въ другой; факты группируются сами собой и сами собой слагаются въ умѣ выводы изъ этихъ фактовъ, правда, не всегда согласные съ заключеніями автора, но болѣе или менѣе близкіе къ нимъ. Говоря вообще, если бы потребовалось наше личное мнѣніе о трудѣ г. Буслаева, то мы, не обинуясь, выразили бы его въ такихъ словахъ: до настоящаго времени ни одно изслѣдованіе не изображало въ такой полнотѣ и съ такою добросовѣстностію всѣхъ главныхъ основаній древне-русскаго *народнаго* міросозерцанія и существеннѣйшихъ мотивовъ *народной* жизни, съ точки зрѣнія *народа*, выразившихся въ языкѣ, въ *народной* поэзіи, въ памятникахъ *народной* литературы и искусства.

Если же трудъ этотъ такъ важенъ, въ чемъ мы кажется не ошибаемся, то тѣмъ болѣе онъ имѣетъ право на наше сочувствіе, и долгъ всякаго, кому не чуждъ избранный г. Буслаевымъ предметъ, выразить о немъ свое мнѣніе и указать на то, что могло бы быть понято и объяснено такъ или иначе, согласно или несогласно съ воззрѣніями уважаемаго профессора.

Одно только какъ-то странно поражаетъ насъ въ изслѣдованіяхъ г. Буслаева,—это то, что при всемъ видимомъ убѣжденіи въ дикости и несообразности многихъ жалкихъ явленій, которыми такъ богато наше прошедшее, при всемъ нерасположеніи къ нѣкоторымъ отжившимъ принципамъ старины, бывшимъ нѣкогда идеалами для мнимыхъ славянофиловъ, г. Буслаевъ самъ не чуждъ какого-то непонятнаго увлеченія, объяснимаго развѣ только его страстною любовью къ старинѣ, какъ ученаго, любовью къ своему предмету. Это, повидимому, естественное увлеченіе, эта благородная и простительная

страсть, къ сожалѣнію, доходитъ иногда до того, что г. Буслаевъ, кажется самъ того незамѣчая, готовъ радоваться нашей отсталости, нашему обидно-медленному развитію и видимой неспособности къ цивилизаціи западныхъ Славянъ и благословлять эти жалкія качества, потому только, что отсталость, и эта неспособность сберегли для ученыхъ нѣсколько хорошихъ сказокъ и пѣсенъ, тогда какъ, къ прискорбію, западные народы въ своемъ развитіи не пощадили этой драгоцѣнной старины и у нихъ не осталось ни пѣсенъ миѳическаго цикла, ни миѳологическихъ сказокъ. По крайней мѣрѣ мы такъ понимаемъ мысль г. Буслаева, который говоритъ, что миѳическія основы народнаго быта «особенно значительны въ жизни такихъ свѣжихъ племенъ, мало развитыхъ исторически, каковы племена славянскія, особенно отличающіяся отъ прочихъ европейскихъ народовъ первобытностію своихъ эпическихъ воззрѣній и убѣжденій,» и потомъ прибавляетъ: «Въ этомъ состоитъ *завѣтное превосходство* Славянъ предъ прочими образованными народами, которые въ историческомъ своемъ развитіи должны были неминуемо поплатиться свѣжестью первобытной поэзіи за успѣхи европейской цивилизаціи.» (I. 313). Но стоитъ ли, право, жалѣть объ этомъ? Не знаемъ какъ-кто, а мы готовы промѣнять всѣ наши сказки, изданныя и имѣющія быть изданными г. Аѳанасьевымъ, и всѣ пѣсни, переходившія изъ устъ въ уста съ тѣхъ поръ какъ народъ началъ пѣть,—на самый ничтожный, но сколько-нибудь дѣйствительный фактъ развитія. Если несчастные Англичане—несчастные потому, что много развились исторически и забыли свою миѳическую старину,—если, повторяемъ, несчастные Англичане не могутъ похвалиться первобытностью своихъ эпическихъ воззрѣній и убѣжденій, то, взамѣнъ этого, они имѣютъ много другого, чѣмъ не могутъ похвалиться ни Сербы, ни Чехи, ни Лужичане; если древность сѣверо-американскихъ сказокъ не восходитъ далѣе прошедшаго столѣтія, то взамѣнъ ихъ, они имѣютъ такую литературу, какую едва-ли скоро будутъ имѣть всѣ Славяне, вмѣстѣ взятые. И напротивъ, какъ эпичны воззрѣнія восточныхъ азіатскихъ народовъ на все ихъ окружающее и какъ первобытны ихъ убѣжденія, и за то какъ жалка ихъ дѣйствительная жизнь, малымъ чѣмъ отличающаяся отъ той, какою жили ихъ предки за двѣ тысячи лѣтъ. Конечно, чистая, отвлеченная наука, особенно какою ее понимали прежде, иногда ничего этого не принимала въ расчетъ, имѣя въ виду одну конечную цѣль—раскрытіе истины; но ради этой са-

мой истины не должно бы забывать, что вопросы науки и вопросы жизни—понятія тождественныя, нераздѣлимыя, немыслимыя одно безъ другаго. Безъ сомнѣнія, г. Буслаевъ понимаетъ это не хуже насъ, потому что высказывалъ все это уже давно, во множествѣ превосходныхъ изслѣдованій; но тѣмъ не менѣе, увлеченіе своимъ любимымъ предметомъ, увлеченіе идеей, заставляло его неразъ уничтожать дѣйствительную жизнь и ея лучшія стороны въ пользу любимыхъ идей избранной имъ науки. — Мы не сказали бы объ этомъ, если бы самъ почтенный авторъ часто не напоминалъ, что нѣкоторыя явленія нашего давно-пережитаго прошедшаго, которое онъ, конечно, понимаетъ лучше чѣмъ кто-нибудь и потому болѣе другихъ имѣетъ причинъ относиться къ нему безпристрастно и даже очень нелестно, иногда становятся для него дороже дѣйствительной жизни и всѣхъ добытыхъ ею хорошихъ результатовъ. Впрочемъ, мы еще будемъ имѣть случай не разъ указать на эту особенность въ его изслѣдованіяхъ, особенность, которую онъ, быть можетъ, и самъ признаетъ, прочитавъ наше замѣчаніе, высказанное нами съ полнымъ уваженіемъ къ его добросовѣстности и спеціальному знанію.

Первый томъ очерковъ г. Буслаева, заключаетъ въ себѣ изслѣдованія и характеристики, содержаніемъ которыхъ служитъ обозрѣніе русской народной поэзіи, въ связи съ языкомъ, остатками народной миѳологіи, которая дошла до насъ въ безсвязныхъ и безобразныхъ обломкахъ, въ связи съ народной эпической рѣчью, сохранившеюся въ областныхъ говорахъ, въ пословицахъ и поговоркахъ, въ пѣсняхъ и сказкахъ, и наконецъ—въ связи съ обычаями и обрядами. Первая глава посвящена въ высшей степени любопытному объясненію значенія нашей народной, собственно эпической поэзіи, въ которой авторъ отъ истолкованія эпическихъ свойствъ языка переходитъ къ самому происхожденію поэзіи, миѳа и народныхъ сказаній. Не останавливаясь на первоначальныхъ выводахъ г. Буслаева, болѣе или менѣе извѣстныхъ всѣмъ, занимавшимся народною поэзіею, мы прямо перейдемъ къ тому отдѣлу этой главы, гдѣ онъ говоритъ о значеніи и личномъ характерѣ народнаго поэта или пѣвца, что считаемъ болѣе всего приличнымъ въ настоящемъ случаѣ, когда рѣчь идетъ о народной поэзіи. Относительно народныхъ пѣвцовъ онъ говоритъ, что «они отъ временъ Гомера у всѣхъ европейскихъ народовъ, по преимуществу, были слѣпцы и нищіе,» и хотя въ средніе вѣка, въ романскихъ и нѣмецкихъ племенахъ, вслѣдствіе осо-

быхъ историческихъ обстоятельствъ и временныхъ условій, образовалось особое сословіе поэтовъ, но вѣроятно никто, вмѣстѣ съ г. Буслаевымъ, не согласится считать ихъ народными пѣвцами, какими были слѣпцы и нищіе. Романскіе и германскіе средневѣковые пѣвцы такъ же относились, кажется, къ поющимъ слѣпцамъ и нищимъ, какъ рыцари къ народу, да и притомъ, изъ книги же г. Буслаева можно видѣть, что и при миннезингерахъ въ Германіи, слѣпцы пѣли на улицахъ, какъ они теперь поютъ у насъ по деревнямъ и ярмаркамъ, въ глухихъ захолустьяхъ. «Въ простомъ быту эпическаго періода, продолжаетъ г. Буслаевъ, исключительнымъ пѣвцомъ, могъ быть по преимуществу слѣпецъ, потому что ему нечего больше дѣлать, какъ пѣть да разсказывать. У кого есть глаза, руки и ноги, тотъ работаетъ: ему ужъ нельзя быть ни поэтомъ по профессіи, ни нищимъ, ибо и нищимъ былъ только тотъ, кто не могъ трудиться, то-есть слѣпой, старый, калѣка». Оттого слѣпые старики хранили для будущихъ поколѣній то, что получили сами,—преданіе и пѣсню, потому что, какъ удачно замѣчаетъ г. Буслаевъ, «у нихъ ничего больше нѣтъ на землѣ для сбереженія. Какъ шиллеровъ поэтъ, они, при раздѣлѣ земли, отмежевали себѣ вдохновеніе.» (I. 54—55.) Нельзя не сочувствовать этой теплой характеристикѣ народнаго поэта, но едва ли можно согласиться съ г. Буслаевымъ въ томъ, что эти несчастные люди когда нибудь пользовались у насъ уваженіемъ народа, или, какъ пѣвцы гомерическихъ временъ, служили «украшеніемъ пира.» Народный поэтъ былъ всегда существомъ безпріютнымъ, у котораго нѣтъ ни кола, ни двора, котораго не хотѣли знать ни свой родъ-племя, ни чужая сторона, какъ нищаго, за то что онъ всѣмъ въ тягость, потому что не можетъ работать, ни косить, ни пахать. Его зазывали на пиръ, какъ теперь зазываютъ на дворъ оборваннаго слѣпца, поющаго про Лазаря убогаго; его зазывали для потѣхи, какъ медвѣдя съ вожатымъ, и сажали въ сѣняхъ, чтобы пѣлъ онъ тоскливыя или разгульныя пѣсни, смотря по настроенію духа пирующей компаніи, и потомъ выносили кусокъ недоѣденнаго пирога и выпроваживали за ворота. Онъ рѣдко пѣлъ то, что чувствовало его сердце, рѣдко говорилъ о себѣ, о своей долѣ, потому что и дикая ватага пьющихъ требовала, чтобы поэтъ былъ объективенъ, какъ этого требуетъ современная критика,—чтобы нищій пѣлъ то, что ему велятъ, или что всѣмъ нравится и всѣмъ знакомо. Съ горькимъ чувствомъ они отзывались о себѣ, какъ о *веселыхъ* мо-

лодцахъ, которымъ тяжело жить на свѣтѣ, которые не знаютъ, гдѣ ихъ застанетъ на завтра бѣлый день и согрѣетъ красное солнышко, потому что имъ нечѣмъ прикрыть свое тѣло:

Веселые по улицамъ похаживаютъ,
Гудки и волынки понашиваютъ,
Промежду собой весело разговариваютъ:
Да гдѣ же веселымъ будетъ спать-ночевать?

Они были нищіе въ полномъ смыслѣ слова, и уже потому не могли пользоваться уваженіемъ хотя бы первобытнаго народа, что народъ уважалъ тогда единственно только грубую силу, способность работать и драться. Это особенная, отличительная и непонятная черта народнаго характера — его всегдашняя, неизвинительная несправедливость къ пѣвцу, къ тому, кто его потѣшаетъ. Только въ развитомъ обществѣ поэтъ начинаетъ занимать принадлежащее ему мѣсто, какъ человѣкъ, а не какъ работникъ — у первобытнаго эпическаго народа и не какъ чиновникъ — въ обществѣ мнимо цивилизованномъ. Нѣкогда поэтъ былъ «украшеніемъ пира», какъ медвѣдь съ поводильщикомъ, потомъ какъ необходимая приправа къ столу, когда вкусъ притупился. Вѣдь били же палками Тредьяковскаго, но не за то, что онъ былъ бездарный поэтъ, а за то что былъ не высокаго ранга, и самъ Державинъ, въ своихъ запискахъ, рисуетъ намъ положеніе поэта далеко не лестными красками,—а это было еще такъ недавно. Между тѣмъ какъ народный поэтъ — самое жалкое на землѣ созданіе, и мы не думаемъ, чтобы и въ отдаленное время эпическихъ воззрѣній на жизнь, слѣпой пѣвецъ имѣлъ завидную долю и пользовался общимъ сочувствіемъ, по крайней мѣрѣ нѣтъ никакихъ ясныхъ указаній на этотъ фактъ. Если слѣпой пѣвецъ и назывался «божьимъ» человѣкомъ, то этимъ выражается христіанское, а не эпическое воззрѣніе на человѣческія отношенія, на милосердіе и любовь къ ближнему: но кто же станетъ утверждать, что нищій когда-нибудь пользовался особенною милостію народа. Тогда онъ не былъ бы нищимъ. Оттого сербскій народный поэтъ, поющій «уз гусле», — непремѣнно слѣпецъ и нищій бездомовный, украинскій лирикъ и бандуристъ — тоже нищій, который поетъ на перепутьѣ, пока не умретъ. Нѣтъ сомнѣнія, что себя и свою нищію братію разумѣлъ поэтъ, когда пѣлъ, похваляясь своей красной долей:

У дороднаго добра молодца
Много было на службѣ послужено,
Съ кнутомъ за свиньями похожено,
Много цвѣтнаго платья поношено,
По подъ—оконью онучъ было попрошено,
И сахарнаго куса поѣдено—
У ребятъ корокъ отымано,
На добрыхъ коняхъ поѣзжено,
На чужія дровни присѣдаючи,
Ко чужимъ дворамъ приставаючи.
У дороднаго добра молодца
Много было на службѣ послужено,
На поварняхъ было посижено,
Кусковъ и оглодковъ попрошено,
Потихоньку, безъ просу, потаскано:
Голиками глаза выбиты,
Ожегомъ плеча поранены.

А вотъ послушаемъ, какая глубокая скорбь откликается въ пѣсняхъ сербскихъ пѣвцовъ, какое горькое, обидное чувство возбуждаютъ ихъ жалобы на свою тяжкую долю. Стоятъ пѣвцы въ жаркій лѣтній день у воротъ богатаго Гавана, стоятъ они лѣтній день до полудня, стоятъ и ждутъ милостыни; болятъ у нихъ ноги, потому что долго ходили нищіе по свѣту и пѣли, болятъ у нихъ руки, потому что долго отбивались они отъ злыхъ собакъ, — но они стоятъ и ждутъ подачки. — Выходитъ гордая, «поноситая» госпожа Елена, жена Гавана, окруженная прислужницами, и выноситъ черствый ломоть хлѣба,

Што ј' у петак мешено,
У суботу претано,
У недељу ваћено.

Елена не даетъ эту жалкую милостыню, какъ обыкновенно подаютъ, «а швыряетъ ее съ правой ноги башмакомъ» —

Него баци Іелена
С десне ноге пашмагом, —

и коритъ нищихъ самымъ обиднымъ словомъ. — Такъ нерѣдко принимаютъ народныхъ пѣвцовъ и въ другихъ земляхъ, такъ принима-

ли ихъ и всегда, потому что нигдѣ не находимъ свидѣтельствъ противнаго, ничто не говоритъ въ пользу этихъ несчастныхъ. Какими яркими красками сербскіе слѣпцы-поэты рисуютъ свое безвыходное положеніе, сидя на торжищахъ, или около церквей и монастырей. Они говорятъ, какъ тяжко родиться слѣпымъ и идти отъ матери въ незнаемую чужую сторону, чтобы скитаться по свѣту, питаться изъ чужихъ рукъ (а чужія руки — тяжкія муки, говорятъ они), не видать ни бѣлаго свѣта, ни яснаго дня, ни жаркаго солнца, ни мѣсяца, не видать ни братьевъ около себя, ни черной земли подъ собою, ни надъ собой — чистаго неба. Что для васъ, — говорятъ они прохожимъ, — бѣлые дни, то для насъ темныя ночи — темныя ночи безъ мѣсяца. Мы, говорятъ они, вѣчные узники; но наше положеніе горестнѣе заключенныхъ въ темницѣ, потому что они еще могутъ выйти изъ нея на свѣтъ божій, а наша слѣпота — до вѣка, до смертнаго часа.

Мы не можемъ не позволить себѣ привести хотя одинъ отрывокъ изъ этихъ поэтическихъ произведеній народнаго творчества:

Даруjте ме, мила браћо!
Так овако не гледали!
Слепа чеда не имали
Ни у дому, ни у роду,
И у свет га не спремили,
Кано мене моjа маjка,
Што jе у свет оправила
У незнану туђу земљу,
А за туђим очицама,
Да се биjем и пребиjам
Од немила до недрага,
Као вода о брегове.
Видиш, брате милостиви!
Мене воде туђе очи,
Мене ране ваше руке,
Ваше руке, тешке муке;
Jа сам жељан бела света,
Бела данка, жарка сунца,
Жарка сунца и месеца,
И по свету погледати,
И све браће око себе,
Црне земље испред себе,
Ведра неба изнад себе. —
Мене воде туђе очи,
Jа с' не могу сам помоћи,

А без ваше десне руке
Нити могу узорати,
Нити могу ускопати,
Што су вама бели дани,
То су мени тавне ноћи,
Тавне ноћи без месеца. —
Видиш, брате, сужничара,
Сужничара, тавничара.
Кој' не види жарка сунца.
Видиш, брате, сужничара,
Сужничара, тавничара,
Јер не видим бела данка,
Тешке путе да путујем,
Тешке броде да бродујем:
Нит' ког знадем, ни познајем,
Већ се бијем и пребијам
Од древета до древета,
Од камена до камена,
Од немила до недрага,
Као вода о брегове.
Сужан ће се опростити,
Из тавници изодити,
Ја слепоће ни до века,
Ни до часа умрлога
И до конца смртнога.
Слепоћа је тешка мука,
Тешка мука, тешка патња.

Такимъ рисуется въ народной поэзіи, по крайней мѣрѣ, въ извѣстной намъ, положеніе народнаго пѣвца; такъ понимаетъ онъ самъ свое отношеніе къ людямъ и люди такъ смотрятъ на него. Въ томъ же видѣ изобразилъ намъ народнаго пѣвца Шевченко, котораго чуткій поэтическій талантъ, воспитанный въ средѣ этого самого народа, умѣлъ проникнуть въ самые тайные изгибы его сердца, усвоить его задушевныя воззрѣнія на жизнь и человѣческія отношенія, прочувствовать и сознательно выяснить себѣ все, что̀ чувствуетъ и думаетъ народъ. Его «старий, слѣпий» Перебендя, — существо безпріютное, вѣчно мыкающееся по бѣлу свѣту и никѣмъ непринимаемое; нѣтъ у него въ свѣтѣ ни угла, гдѣ голову преклонить, ни человѣка, который любилъ бы его; задушевныя свои пѣсни онъ поетъ въ степи на курганѣ, а людямъ поетъ, что кому нравится; ему на землѣ — одно горе,

Бо на ій, широкій, куто́чка нема́
Тому́, хто все знае, тому́ хто все чу́е,
Що мо́ре говорить, де со́нце ночуе:
Його на сімъ світи ніхто́ не прийма́.

Шевченко, глубокій знатокъ народности, не могъ ошибаться въ изображеніи народнаго пѣвца, потому что пѣсни ихъ воспитали его съ самого дѣтства, научили его мыслить заодно съ народомъ. — На всѣхъ произведеніяхъ его лежитъ отпечатокъ эпической простоты, каждый стихъ его дышетъ неподдѣльной безъискусственностью первобытной поэзіи, хотя проникнутой глубокою мыслью и вдохновеніемъ развитаго человѣка.

Уже одного взгляда нашихъ предковъ на «изгойство» (Калачевъ) достаточно для того, чтобы понять какимъ незавиднымъ значеніемъ пользовались въ періодъ господства семейныхъ, родовыхъ отношеній, лица безпріютныя, отторгнутыя какимъ бы то ни было несчастіемъ отъ своихъ общинъ — буйною ли жизнью или физическою неспособностью къ труду, прирожденнымъ калечествомъ или просто «убожествомъ». Даже по эпическому воззрѣнію народа (и по толкованію г. Буслаева) значеніе слова «убогій», въ противуположность «богатому», равносильно слову отверженный, покинутый Богомъ и людьми. Весь смыслъ, вся сущность народныхъ воззрѣній на человѣка, въ эпическій періодъ, говоритъ въ пользу того толкованія, что слѣпой, нищій пѣвецъ былъ существомъ отверженнымъ, или только терпимымъ: уже потому онъ дѣлался пѣвцомъ, что ничѣмъ другимъ не могъ быть, ни къ чему не былъ способенъ. Позже, въ эпоху христіанскихъ воззрѣній на человѣка, слѣпой пѣвецъ оставался все тѣмъ же нищимъ и, конечно, пользовался уваженіемъ, какимъ только можетъ пользоваться нищій, а зрячій пѣвецъ сталъ уже «скоморохомъ», повидимому веселой, а въ сущности самой жалкой «голытьбой»; личность его уже не отдѣляется отъ личности «медвѣжьяго поводчика»; его уже преслѣдуетъ церковь, а вмѣстѣ съ нимъ жестоко укоряется и самый народъ, который допускаетъ «игры и кощюны бѣсовскія, повелѣвающе медвѣдчикомъ и скомрахомъ на улицахъ, и на торжищахъ и на распутіяхъ сатанинскія игры творити, и въ бубны бити, и въ сурны ревѣти, и руками плескати, и плясати и иная неподобная дѣяти»; въ другомъ мѣстѣ духовенство запрещаетъ, «чтобъ отнюдь ском-

раховъ и медвѣжьихъ поводчиковъ не было, и въ гусли бъ, и домры и въ сурны, и въ волынки и во всякія бѣсовскія игры не играли и пѣсней сатанинскихъ не пѣли и мірскихъ людей не соблажняли»; чтобъ на кружечные дворы «скоморохи не ходили съ бубны и съ сурнами и съ медвѣди и съ малыми собачки и всякими бѣсовскими играми не играли никоторыми дѣлы». (Архивъ, Калачова, 1854).

Вообще надо признаться, что равнодушіе къ личности пѣвца и поэта переходило у насъ, по свидѣтельству, отъ поколѣній періода доисторическаго къ поколѣніямъ позднѣйшихъ, историческихъ временъ и, къ стыду нашему, по закону исторической преемственности — перешло наконецъ отъ простаго народа къ другимъ классамъ общества: не естественно, чтобы народъ, уважавшій единственно физическую силу, могъ уважать когда-нибудь противуположное ей качество — безсиліе, хотя бы соединенное съ поэтическимъ дарованіемъ, когда уже нѣсколько развитая масса, въ XIX столѣтіи, не умѣетъ цѣнить ни этого поэтическаго дарованія, ни умственнаго труда, хотя и не прочь иногда книжку почитать, какъ народъ не прочь былъ послушать слѣпаго пѣвца. Вотъ отчего кладбищенскій сторожъ, въ извѣстномъ стихотвореніи Некрасова, при тщетныхъ поискахъ его безвѣстной могилы друга-сочинителя, — весьма разумно, сообразно съ понятіями большинства въ наше еще время, замѣтилъ:

. . . . » ты ищи его съ краю,
Перешедши вонъ эту межу,
И гляди: гдѣ кресты, тамъ мѣщане,
Офицеры, простые дворяне;
Надъ чиновникомъ больше плита,
Подъ плитой же бываетъ учитель;
А гдѣ нѣтъ ни плиты, ни креста,
Тамъ должно быть и есть сочинитель.

(Соврем. 1859 г.)

Совершенно другое значеніе имѣли, въ періодъ эпическихъ воззрѣній народа на природу и ея таинственныя силы, люди, которымъ придавался эпитетъ «вѣщихъ». Это уже не были *убогіе* слѣпцы, хотя они и могли быть пѣвцами, какъ Боянъ, и могли не быть ими, какъ Олегъ; это не были безпріютные скитальцы, лишніе чле-

ны рода, безполезная тяжесть первобытной общины; напротивъ, они имѣли свою профессію, какъ могучіе чародѣи, Прометеи нашего доисторическаго общества, умѣвшіе добыть частицу божественнаго огня и божественной силы, похитивъ ее имъ однимъ извѣстными средствами, у нашихъ туманныхъ, безличныхъ боговъ, у Перуна, Сварожича, Дажбога. Такіе люди были и нужны народу, потому что, казалось, приносили ему существенную пользу своими знаніями и воображаемою связью съ богами, и были страшны для него присутствіемъ въ нихъ таинственной силы, которой такъ боялся младенчествующій народъ: а человѣкъ, и въ періодъ эпическихъ воззрѣній на жизнь, былъ всегда эгоистъ, всегда искалъ практической пользы и всегда былъ отчасти трусъ. Оттого, равнодушный къ слѣпому пѣвцу, быть можетъ и вдохновенному, онъ былъ неравнодушенъ къ человѣку сильному физически, къ вѣщему знахарю по убѣжденію и къ вѣщему знахарю–шарлатану, и подобно нашему Чичикову, чувствовалъ къ нимъ уваженіе и робость. Оставляя до случая этихъ вѣщихъ людей и боговъ, которыхъ наша миѳическая поэзія представляетъ какими–то все еще непонятными для насъ существами, — существами безъ образовъ, даже повидимому безъ опредѣленныхъ характеровъ, въ какомъ–то туманѣ (можетъ быть оттого, что еще такъ не разработана эта сторона нашей поэзіи, да едва ли когда и разработается), мы, не вдаваясь въ гаданія, сдѣлаемъ естественный переходъ отъ вѣщихъ людей къ значенію вѣщихъ дѣвъ, которыхъ личность нѣсколько яснѣе выступаетъ изъ мрака двусмысленныхъ, сомнительныхъ сказаній и разныхъ путаницъ, чѣмъ личность боговъ. Такъ мы скорѣе перейдемъ къ народу, то-есть ближе къ жизни, которая едва ли не интереснѣе всего, даже самихъ боговъ.

Такъ какъ наша статья предназначается для неспеціалистовъ, для большинства читающей публики, которую мы желаемъ познакомить съ богатыми и не для всѣхъ доступными изслѣдованіями г. Буслаева, то и позволяемъ себѣ иногда указывать на такіе предметы, которые слишкомъ хорошо извѣстны спеціалистамъ и на которые г. Буслаевъ, можетъ быть, не счелъ нужнымъ обращать вниманіе. Иное впрочемъ, на что мы постараемся указать, естественно могло и ускользнуть отъ вниманія автора.

Если народное уваженіе, какъ мы замѣтили выше, было далеко не въ пользу слабаго пѣвца и только въ пользу физической силы,

въ пользу «сильныхъ, могучихъ богатырей» и вѣщихъ людей, то женщина, къ удивленію, въ эпоху язычества, является одаренною особенными преимуществами передъ мужчиною. Весьма любопытны замѣчанія г. Буслаева объ этомъ предметѣ, разсѣянныя по разнымъ главамъ его очерковъ, замѣчанія, съ которыми едва-ли кто можетъ не согласиться. Уступая мужчинѣ въ богатырствѣ и въ славѣ, снисканной воинскими подвигами, женщина въ языческихъ понятіяхъ являлась существомъ иногда необыкновеннымъ; ей, по преимуществу, извѣстны были тайны чародѣйства; какъ у Славянъ, такъ и у Нѣмцевъ, она рисуется иногда полубогинею, колдуньею, валькиріею, вилою (у Сербовъ) и русалкою. Такъ у Чеховъ, миѳическій герой Крокъ, имѣлъ трехъ дочерей, Каму, Тетку и Любушу, значеніе которыхъ уже достаточно объяснено наукою. Въ древне-русской поэзіи г. Буслаевъ указываетъ только на двухъ женщинъ, о вѣщей силѣ которыхъ говорятъ наши былины, именно: на Марину, превратившую Добрыню въ гнѣдаго тура-золотые-рога, и на душу красную дѣвицу, которая, какъ поется въ древнихъ русскихъ стихотвореніяхъ, ходила по полю и копала коренья, зелье лютое, чтобы извести своего недруга (I: 22 — 23). Такъ какъ подобныя Маринѣ и красной дѣвицѣ существа играютъ немаловажную роль въ нашей устной поэзіи и даже въ народной письменности, и какъ г. Буслаевъ ограничился только указаніемъ на извѣстія объ этихъ двухъ женщинахъ, помѣщенныхъ въ сборникѣ пѣсенъ Кирши Данилова, то мы и не считаемъ лишнимъ остановиться нѣсколько на этомъ любопытномъ явленіи въ жизни нашего народа. Въ лѣтописяхъ, составители которыхъ всего менѣе обращали вниманія на неважныя, по ихъ мнѣнію, проявленія народной инисіативы, будучи заняты совсѣмъ другими интересами, есть все-таки любопытныя свидѣтельства о женщинахъ-чародѣйкахъ. Только въ лѣтописяхъ женщины эти являются существами безсильными, несчастными жертвами народнаго ослѣпленія. Онѣ не похожи на Марину, которая хвасталась передъ всѣми кіевскими княгинями и боярынями, своею хитростью и мудростью, похвалялась тѣмъ, что «обернула девять молодцовъ, сильныхъ, могучихъ богатырей, гнѣдыми турами»; нѣтъ, нашихъ несчастныхъ «бабъ» мучатъ пронырливые кудесники, «бьетъ всякъ чѣмъ ни попадя» ихъ таскаютъ на народныя сходки, предаютъ всякимъ истязаніямъ; противъ нихъ озлобленъ народъ, подстрекаемый кудесниками, онъ требуетъ отъ нихъ дождя, избавленія отъ засухи и голода, и, видя, что несчастныя ста-

рухи и молодыя бабы не могутъ свести къ нимъ съ неба дождь, не могутъ повелѣть нивамъ рости, — убиваетъ ихъ безъ всякаго милосердія. Эти чародѣйки не похожи на миѳическія существа, сильныя и физически и волшебными заклинаніями,—и хотя народъ увѣренъ, что что имъ повинуются таинственныя силы природы, что онѣ могутъ защитить себя отъ всякаго оружія, отъ всякаго насилія, однако убиваетъ ихъ и не разувѣряется въ томъ, что чародѣйство ихъ—вздоръ, что онѣ безсильны, и продолжаетъ убивать другихъ, переходя вмѣстѣ съ кудесниками изъ села въ село, отъ торжища къ торжищу.

О первомъ избіеніи бабъ—чародѣекъ упоминается подъ 1024—мъ годомъ, слѣдовательно во время княженія Ярослава. Въ эту эпоху на Руси происходила борьба старыхъ языческихъ вѣрованій съ идеями христіанства; язычество слабо отстаивало свои преданія, потому, можетъ быть, что преданія эти не были особенно дороги народу; явнаго сопротивленія не видно было почти нигдѣ, и только слабая оппозиція новому порядку вещей оказывалась въ украйныхъ, отдаленныхъ отъ центра областяхъ, въ такихъ захолустьяхъ, куда рѣдко заходила княжеская дружина, развѣ только для сбора дани съ полудикихъ жителей, и тогда, какъ и теперь, ходившихъ въ лаптяхъ; но эта оппозиція играла самую пассивную роль: она проявлялась только развѣ тѣмъ, что народъ слушалъ иногда кудесниковъ, втихомолку вѣрилъ бабамъ-чародѣйкамъ, украдкой отправлялъ бѣсовскія игрища, пѣлъ языческія пѣсни, плясалъ подъ гудки и сопѣли и лѣнился ходить въ церковь, предпочитая свои старые обычаи новымъ, непривычнымъ для него. Только изрѣдка, и опять-таки въ украйныхъ, сѣверо—восточныхъ областяхъ, въ селахъ, окруженныхъ дремучими лѣсами, являлись «волхвы» или «кудесники» и пугали народъ предстоящими бѣдами, обращеніемъ рѣкъ вспять, противъ теченія, какимъ—то переставленіемъ греческой земли на мѣсто русской, и русской на мѣсто греческой, и темный народъ, «невѣгласи», принималъ ихъ слова въ буквальномъ смыслѣ. — Въ 1024 году былъ голодъ въ суздальской области, народъ унывалъ не зная, чѣмъ объяснить это страшное несчастье. Тогда явились кудесники, считая такое событіе удобнымъ случаемъ для исполненія своихъ нечистыхъ замысловъ (какъ толкуетъ лѣтописецъ), а, можетъ быть, и съ цѣлями, по ихъ мнѣнію, болѣе возвышенными, по крайней мѣрѣ извинительными для язычника. «Возстали, говоритъ лѣтопись, «волхвы лживые въ Суздали», и начали избивать *старую*

чадь бабы, сказывая народу, будто старухи держатъ «гобино и жито» и попускаютъ на землю голодъ. Искренно–ли говорили кудесники, что все зло отъ старыхъ бабъ, или обманывали народъ для своихъ цѣлей, только народъ повѣрилъ имъ, и сдѣлался мятежъ великій, замѣчаетъ лѣтописецъ, потому что голодъ былъ дѣйствительно ужасный, и мужья отдавали женъ своихъ въ рабство, чтобъ только кормили ихъ. Тогда народъ отправился по Волгѣ въ Болгары, привезли пшеницы и жита, и всѣ ожили, прибавляетъ лѣтопись. На защиту несчастныхъ старухъ могъ явиться одинъ только Ярославъ, потому что некому было остановить ни звѣрства кудесниковъ, ни довѣрчиваго народа. Услышавъ о волхвахъ, Ярославъ пришелъ въ Суздаль, переловилъ убійцъ, разграбилъ ихъ дома и отнялъ имущество, особенно у тѣхъ, которые умерщвляли бабъ, а другихъ казнилъ. Успокоивъ народъ, Ярославъ сказалъ: «Богъ за грѣхи наводитъ на землю голодъ, моръ, засуху, или иную казнь, а человѣкъ ничего не вѣдаетъ.»

Второе, болѣе значительное избіеніе бабъ–чародѣекъ записано подъ 1071-мъ годомъ, и опять по случаю голода. Вотъ приблизительно въ какихъ словахъ передаетъ лѣтописецъ это въ высшей степени характеристическое событіе: въ ростовской области случился однажды неурожай, и возстали два волхва изъ Ярославля, говоря: «мы знаемъ, кто урожай («обиліе») держитъ.» И пошли по Волгѣ. Придутъ въ какой–нибудь погостъ и показываютъ на лучшихъ женъ (вѣроятно, на болѣе зажиточныхъ), говоря: «вотъ эта жито держитъ, а эта медъ, а эта рыбу, а эта кожи.» И люди сами приводили къ нимъ своихъ сестеръ, матерей и женъ. Волхвы–же, сдѣлавъ видъ, будто прорѣзываютъ у нихъ за плечами, вынимали оттуда либо жито, либо рыбу, либо бѣлку. И такимъ образомъ убили многихъ женщинъ, а имѣніе ихъ отнимали себѣ. Потомъ пришли на Бѣлоозеро, и съ ними уже было до 300 человѣкъ. — Въ это время случилось придти туда отъ князя Святослава Яну, сыну Вышаты, для собиранія дани. Бѣлозерцы сказали ему, что два кудесника избили уже много женъ по Волгѣ и Шекснѣ, и вотъ пришли къ нимъ. Тогда Янъ спросилъ, чьи они смерды, и узнавъ, что его князя, послалъ сказать собравшемуся около нихъ народу:

— «Выдайте мнѣ этихъ волхвовъ, потому что они смерды моего князя и мои.»

Но они его не послушались. Тогда Янъ самъ пошелъ къ нимъ безъ оружія, и отроки сказали ему:

— «Не ходи безъ оружія, — изсоромотятъ тя.»

Янъ велѣлъ отрокамъ взять оружіе и, въ числѣ двѣнадцати человѣкъ, они пошли къ лѣсу. Янъ шелъ съ топоркомъ, и когда они стали приближаться къ народу, изъ толпы выступили три мужа, подошли къ Яну и сказали: «Ты идешь на вѣрную смерть; не ходи.» Янъ велѣлъ бить ихъ, а самъ пошелъ къ прочимъ. Тогда они бросились на Яна; одинъ сталъ издѣваться надъ Яновымъ топоромъ, но Янъ, оборотя топоръ, ударилъ его «тыльемъ», и велѣлъ отрокамъ рубить всѣхъ. Народъ разбѣжался по лѣсу, и при этомъ убили «попина Янева». Тогда Янъ пришелъ въ городъ къ Бѣлозерцамъ и сказалъ:

— «Если вы не схватите волхвовъ, не уйду отъ васъ все лѣто.» И Бѣлозерцы пошли, взяли волхвовъ, и привели къ Яну.

— «За что вы погубили столько людей?» спросилъ Янъ.

— «Они держатъ урожай», отвѣчали волхвы: — «если мы истребимъ ихъ, тогда и урожай будетъ. Когда хочешь, то у тебя на глазахъ вынемъ у нихъ жито, или рыбу, или иное что.»

— «Вы лжете», сказалъ Янъ, и т. д.

Мы опускаемъ здѣсь очень любопытное преніе Яна съ кудесниками, какъ неотносящееся прямо къ предмету, о которомъ идетъ рѣчь, тѣмъ болѣе, что объ этомъ спорѣ будетъ умѣстнѣе сказать при объясненіи другихъ сторонъ въ жизни древне-русскаго народа.— Извѣстно, что Янъ велѣлъ связать кудесниковъ и пустилъ ихъ впереди себя по рѣкѣ, въ лодкѣ. Дорогой онъ спросилъ «повозниковъ»:

— «У кого изъ васъ погубили они родныхъ?»

— «У меня мать», сказали одни.

— «У меня сестру, а у меня дѣтей», отвѣчали другіе.

— «Мстите же имъ», сказалъ Янъ, — и повозники взяли волхвовъ, убили и повѣсили на дубѣ. Когда Янъ ушелъ во-свояси, на другую же ночь медвѣдь влѣзъ на дерево и съѣлъ ихъ.

Въ этомъ послѣднемъ разсказѣ лѣтописецъ ясно и положительно говоритъ, что кудесники возбуждали народную ненависть противъ мнимыхъ чародѣекъ изъ желанія ограбить ихъ имущество, а потому и должны были пострадать особенно богатыя семейства. Но какъ бы то нибыло, — если народъ вѣрилъ словамъ кудесниковъ и охотно шелъ убивать волшебницъ, то, безъ сомнѣнія, онъ самъ былъ

убѣжденъ, что всѣ чары — дѣло женское, что иначе и быть не могло. Убѣжденіе это было такъ сильно, что братья вели на убійство своихъ сестеръ, мужья женъ, дѣти родныхъ матерей. Все, что они видѣли и дѣлали, не противорѣчило ихъ религіознымъ воззрѣніямъ, не расходилось съ ихъ понятіями о вѣщей силѣ женщины, потому что и безъ кудесниковъ они знали, что нѣтъ ничего неестественнаго, если ихъ жены и матери — существа вѣщія, посылающія на людей чары, повелѣвающія таинственными силами природы. Но эти существа были уже не такъ страшны и всесильны, какими представлялись въ періодъ болѣе или менѣе полнаго господства эпическихъ воззрѣній; хотя онѣ могли еще посылать на землю голодъ, однако ихъ уже можно было безнаказанно убивать. Всего важнѣе въ этомъ случаѣ наивное сознаніе лѣтописца, изъ котораго видно, что и его взглядъ на этотъ предметъ недалеко ушелъ впередъ отъ народныхъ понятій; вѣрованіе народа въ чарующую силу женщины нисколько не казалось ему страшнымъ, потому что, и съ его точки зрѣнія, иначе и быть не могло: «старая чадь бабы» были дѣйствительно виноваты; онѣ въ самомъ дѣлѣ обладали силою волшебства, могли дѣлать то, въ чемъ обвинялъ ихъ народъ и въ чемъ наконецъ обвинилъ ихъ самъ лѣтописецъ. «*Паче женами бѣсовская волшвленія бываютъ*», говоритъ онъ, какъ бы въ защиту кудесниковъ: — потому что искони бѣсъ прельстилъ женщину. «*Такожде въ родехъ многехъ все жены возхвуютъ чарадѣйствомъ, и отравою, и иными бѣсовскими козними*»; впрочемъ, добавляетъ онъ, бываютъ и мужчины, которыхъ бѣсы прельщаютъ.

Время не измѣняло этихъ младенческихъ воззрѣній народа, и первобытныя понятія о чародѣйствѣ, волшебствѣ, смертномъ зельѣ и порчѣ едва ли не съ большей силой господствовали въ XV и XVI вѣкѣ, чѣмъ въ XI-мъ, хотя, быть можетъ, нѣсколько измѣнили свою форму. Народъ туго разставался съ тѣмъ, во что однажды вѣрилъ, тѣмъ болѣе, что богатая поэзія, былины, сказки и пѣсни миѳическаго цикла поддерживали такое настроеніе фантазіи; продолжали пѣться пѣсни, продолжалось и вѣрованіе въ то, о чемъ пѣлось въ этихъ памятникахъ старинной жизни. Вѣра въ волшебство, въ порчу и въ зелье охватила всѣ сословія, начиная отъ царя и владыки до мужика. Не мало страшныхъ неистовствъ произведено на основаніи этого народнаго вѣрованія, и хотя у насъ все это не могло проявиться въ такихъ ужасныхъ формахъ и размѣрахъ какъ на западѣ

(Hexenprozessen), однако много злосчастныхъ бабъ было сожжено и потоплено по подозрѣнію въ сношеніяхъ съ нечистой силой. Даже въ лѣтописяхъ изрѣдка попадаются случаи казней «лихихъ бабъ-чародѣйцъ». Въ 1467 году умираетъ супруга царя Ивана Васильевича, Марія Тверянка, и явилось подозрѣніе, что умерла она отъ «смертнаго зелья». Узнали это потому, что когда положили на ея трупъ покровъ, то онъ былъ такъ великъ, что часть его свисла, потомъ тѣло умершей раздулось и покровъ сталъ коротокъ. Царь подозрѣвалъ въ этомъ дѣлѣ жену Алексѣя Полуектова, Наталью, которая будто-бы посылала какой-то поясъ къ бабѣ съ женою казеннаго подъячаго Боровлева, — и Полуектовъ не былъ на очахъ у царя шесть лѣтъ (Лѣт. VI. 186). Въ 1498 году царь прогнѣвался на свою жену Софію, потому что къ ней приходили бабы съ зельемъ. Бабъ обыскали, и великій князь велѣлъ ихъ казнить: «лихія бабы», говоритъ лѣтописецъ, были утоплены ночью въ Москвѣ рѣкѣ, а съ княгинею князь сталъ жить съ тѣхъ поръ осторожно (VI. 279). На основаніи народныхъ вѣрованій, лѣтописцы надѣлили чародѣйцами и Татаръ, наводнявшихъ тогда русскія земли. Въ 1238 году, когда татары вступили въ рязанскія владѣнія, отъ нихъ послана была къ князю *жена чародѣица* а съ ней два мужа и т. д.

Народная поэзія южныхъ Славянъ, особенно Сербовъ, представляетъ намъ болѣе отчетливо, болѣе рельефно черты такихъ вѣщихъ дѣвъ, какъ Марина, хваставшаяся своею чарующею силою. У Сербовъ были свои героини, кромѣ «вилъ», и онѣ, подобно Маринѣ, также хвалились своею хитростью и мудростью, хвастались тѣмъ что никто не могъ устоять противъ ихъ сверхъ естественной силы. Одна такая лепота «девојка» хвалилась, что не хочетъ она прясть, и вязать не умѣетъ—что не будетъ она пасти отцовское стадо, а средь горы соорудитъ церковь:

«Темељ ћу јој од мермер камена,
«А греде ћу дрво шимширово,
«А смеле ћу дрво тамбурово».

Услыхалъ ту похвальбу, царь посылаетъ «два улака млада», чтобы привели къ нему лепоту девојку. Но когда молодцы увидали ее, не смѣли и ко двору подъѣхать, а не то чтобъ увезти дѣвицу:

«Она седи пред своjи дворови,
«Пред дворови на златни столови,
«Самур калпак на очи намиче,
«Голу сабљу преко крила држи».

Поѣхали молодцы обратно, и сказали царю: свѣтлый царь, ясное солнышко! свѣтлый царь, вѣнецъ позлащенный! Вотъ сабли, а вотъ наши головы: не смѣли мы ко двору подъѣхать, а не то чтобы увезти дѣвицу.

Отъ этого царю стыдно стало
И царь войско сильное сзываетъ:
Сотню Татаръ да Араповъ двѣсти,
Еще къ тому янычаровъ триста,
Чтобъ привели «лепоту, девоjку.»
Скоро войско млада увидала—
Она идетъ во зеленый садъ свой,
Олень—рогомъ коня осѣдлала,
А взнуздала коня лютымъ змѣемъ,
Лютымъ змѣемъ его погоняетъ,
Сама ѣдетъ предъ царское войско:
Одно войско «буздованомъ» (*) била,
Острой саблей другое рубила,
Третье войско въ воду загоняла.

А когда это увидѣлъ царь, то пустился бѣжать изъ своего двора, только чалма за нимъ развивается; но царь не смѣетъ даже оглянуться, не только свою чалму обмотать какъ слѣдуетъ. Закричала тогда «лепота девоjка»: Стань, царь, не уйдешь ты отъ меня.— Пѣсня оканчивается такъ:

«Живога jе цара уватила,
Живом цару очи извадила,
Пустила га у гору зелену,
Па он иде од jеле до jеле,
Како птица од гране до гране» (*).

(*) Родъ булавы, шестопера.

(*) Мы приводимъ иногда подлинникомъ сербскія пѣсни, потому что въ переводѣ они теряютъ свою прелесть; при томъ языкъ ихъ едвали не всякому русскому отчасти понятенъ.

Не менѣе любопытна личность другаго подобнаго миѳическаго существа, «солнцевой сестры». Ручей студеной водицы имѣетъ какую-то таинственную связь съ ея появленіемъ. Солнцева сестра сидитъ на серебрянной «столицѣ»; у нея ноги желты до колѣнъ, а руки до самыхъ плечь изъ золота. И пошло это чудо, какъ сказано въ пѣснѣ, по свѣту, и прослышалъ про это чудо «паша тиранинъ», и посылаетъ слугъ своихъ къ студеной водицѣ, узнать дѣйствительно ли такъ хороша дѣвица, какъ люди сказываютъ. Потомъ паша посылаетъ шесть сотъ сватовъ засватать красавицу, которая насмѣялась надъ ними, сказала, что вѣрно паша съ ума сошелъ, когда хочетъ сватать солнцеву сестрицу, мѣсяцеву «првобратучеду» и звѣзды денницы посестриму. Потомъ поднялась она отъ земли, опустила руки въ карманы, вынула три золотыхъ яблока и бросила ихъ на высоту къ небу. Когда шесть сотъ сватовъ бросились, чтобы поймать яблоки, ударили съ неба три молніи: одна убила двухъ молодыхъ деверьевъ, другая убила пашу на конѣ, третья побила шесть сотъ сватовъ. Никто не ушелъ, такъ что некому было даже разсказать о ихъ погибели.

Не утече она за сjедока,
Ни да каже, како погибоше!

Есть у Сербовъ и какая-то огненная жена, которая когда ходитъ—точно вѣтеръ вѣетъ, заговоритъ, точно саблей рубитъ (Вук. Кар. I 163). И у огненнаго змѣя есть своя «љуба», которую онъ носитъ подъ крыломъ, когда летаетъ съ моря на Дунай; эта «љуба змаjа огненога»—царская дочь, сестра паши боснійскаго; она летаетъ по воздуху, точно звѣзда по ясному небу. (163—164).

То удивительно, что вѣра въ чародѣйственную силу женщины такъ живуча, такъ упорно держится въ преданіяхъ всѣхъ извѣстныхъ намъ народностей, какъ едва ли можетъ быть прочно и постоянно какое-либо другое вѣрованіе. Проходятъ сотни и тысячи лѣтъ, иные вѣрованія остались только въ смутныхъ воспоминаніяхъ народа, или потерянныя народною памятью, сохранились еще какъ безсвязные отрывки въ историческихъ свидѣтельствахъ, имена главныхъ боговъ забыты, смыслъ многихъ повѣрій утраченъ и для народа, и для науки, а вѣра въ вѣщія силы женщины все еще живетъ въ народѣ, живетъ даже въ тѣхъ слояхъ общества, которые считаютъ себя уже

болѣе или менѣе развитыми, болѣе или менѣе образованными. Яги-бабы и волшебныя царевны, даже позднѣйшія дѣвки-чернавки остались только въ сказкахъ и только дѣти вѣрятъ, что въ рукахъ этихъ невѣдомыхъ существъ находится и живая вода и мертвая руда, и моложеватые яблоки, и всѣ чудеса тридевятыхъ царствъ; а вѣдьмамъ и знахаркамъ еще вѣрятъ не одни дѣти; вѣдьмы и знахарки все еще продолжаютъ играть роль, хотя не такую, какую играли, можетъ быть, при Несторѣ или до него, однакожъ довольно важную.

Вѣщая сила женщины, придаваемая ей народной фантазіей, имѣетъ тѣсную связь съ первобытными языческими вѣрованіями, съ обоготвореніемъ различныхъ силъ природы и въ особенности стихійныхъ явленій, которыя, какъ и силы природы, олицетворялись въ извѣстныхъ образахъ, представлялись существами облеченными въ извѣстную форму и одаренными въ большей или меньшей степени сверхъестественными силами. Это первообразы вѣщихъ дѣвъ, женъ-богатырей, подобныхъ Маринѣ, превратившей Добрыню въ гнѣдаго тура-золотые рога, и всѣхъ сказочныхъ чародѣицъ, отъ которыхъ естественный переходъ къ колдуньямъ, вѣдьмамъ, къ лихимъ бабамъ и прочимъ существамъ низшаго разряда,—продуктомъ позднѣйшаго поэтическаго творчества народа. Онѣ—таинственныя существа втораго рода, потому что рѣдко показываются въ человѣческомъ обществѣ, и сильнѣе ихъ, потому что ближе къ богамъ; но и тѣ и другія представляются народною фантазіею въ образѣ женщинъ, съ тою только разницею, что существамъ перваго рода поэзія придала всѣ наружныя качества красоты, тогда какъ послѣднія—яги-бабы, вѣдьмы—колдуньи—народная фантазія не украсила ни чѣмъ, а наградила ихъ страшнымъ безобразіемъ, представляетъ существами злыми, вѣчно враждующими противъ человѣка и только изрѣдка, вслѣдствіе какихъ-либо особенныхъ обстоятельствъ, помогающими ему совѣтомъ или какимъ-нибудь чародѣйственнымъ подаркомъ. Нѣтъ ничего въ природѣ отвратительнѣе яги-бабы, безобразнѣе старой вѣдьмы, тогда какъ миѳическія существа высшаго разряда рѣдко бываютъ не красивѣе самой прекрасной женщины. Эти высшія, миѳическія существа—у Славянъ—«вилы». «русалки» и «полудницы», у Нѣмцевъ—«эльфы» и «валькиріи» (*).

(*) Объясненію сродства тѣхъ и другихъ г. Буслаевъ отдѣлилъ особую главу въ своемъ трудѣ (Т. I, гл. VI).

Такъ какъ г. Буслаевъ въ опредѣленіи характера вилъ и русалокъ обратилъ исключительное вниманіе на сходство ихъ съ подобными же нѣмецкими миѳологическими существами, то мы, не касаясь валькирій и эльфовъ, доскажемъ то, что опущено г. Буслаевымъ, то-есть укажемъ въ особенности на отличительныя черты «вилъ», «русалокъ» и «полудницъ», потому болѣе, что въ нихъ отражается поэтическое творчество сродныхъ намъ славянскихъ племенъ, и отчасти потому, что русская литература до сихъ поръ вообще мало познакомила насъ съ такими поэтическими сказаніями, какъ разсказы о полудницахъ и особенно о вилахъ, (о русалкахъ же у насъ писано довольно и значеніе ихъ въ русской народной демонологіи болѣе или менѣе извѣстно всѣмъ).

Сербская вила живетъ преимущественно въ горахъ, а потому, если и является человѣку, то непремѣнно около горы, вдали отъ жилья; слово гора и «планина» постоянно прибавляются въ пѣснѣ или разсказѣ, когда рѣчь идетъ о вилѣ: «вила изъ горе», «вила од планине». Судя по пѣснямъ, людямъ она является довольно часто, какъ и наша русалка, хотя теперь рѣдко кто скажетъ, что видѣлъ вилу или русалку своими глазами. Однако В. С. Караджичъ нашелъ такого старика, который самъ видѣлъ вилу, слушалъ какъ она, сидя на камнѣ, пѣла пѣсни, и былъ столько благоразуменъ, что даже запомнилъ эти пѣсни. Караджичъ напечаталъ ихъ въ своемъ изданіи (1841 г. кн. 1); говоря: «У Вуковару један старац родом из Босне с Тромеђе приповиједао мије, како је у Велебиту гледао вилу гдје сједи на камену и ове пјесмице пјева. ја сам ове пјесмице слушао и од другијех људи и жена, само штоме нико други није увјеравао, да их је он од виле чуо». Вотъ что пѣла велебитская вила, которую подслушалъ старикъ:

Да зна женска глава,
Што ј' одољан трава,
Свагда би га брала,
У пас ушивала,
Уза се носила.

Кад би знала мушка глава,
Што је ником воде с' напит',
Нигда не би никомъ пила.

Кад би знала мушка глава,
Што ј' рукавом утрти се,
Нигда с' не би ним утрла.

Это вообще довольно рѣдкій случай, что народная поэзія, создавъ такія существа, какъ вилы и русалки, вложила въ ихъ уста даже особую пѣсню. Въ пѣснѣ вилы слышится что-то таинственное, намекающее на какую-то опасность, нѣчто предостерегающее человѣка отъ бѣды: если бы знала «женска глава», что такое «одольянъ-трава», она бы ее всегда рвала, въ поясъ зашивала и съ собой носила; если бы знала «мушка глава», что такое ничкомъ воду пить— никогда бы не пила и т. д. (*) Впрочемъ и въ русскомъ народѣ есть повѣрье, что пить ничкомъ, прямо изъ рѣки или озера, «негодится», на что намекаетъ одна старинная сказка. Что касается до пѣнія вилы, то подобное явленіе мы видимъ въ малорусской народной поэзіи: русалка, большею частью, или купается въ рѣкѣ, ночью, при мѣсяцѣ, или сидитъ на берегу, расплетаетъ свою длинную косу и поетъ. Такъ какъ русалки, подобно сербскимъ виламъ, почитаются душами некрещенныхъ младенцевъ, то представляются иногда дѣтьми, играющими въ тихую, ясную ночь на кладбищѣ. Не разъ слышали, что они поютъ, но пѣсни ихъ не похожи на тѣ, которыя приписываются вилѣ. Вотъ обыкновенная пѣсня русалки:

Ухъ, ухъ!
Соломяний духъ, духъ!
Менè мати породила,
Нехрещèну положила.

Относительно пѣнія вилы есть одинъ прекрасный разсказъ, какъ она едва не умертвила воеводу Милоша, побратима Марка королевича, за то что онъ лучше пѣлъ чѣмъ она. Часть этого разсказа приведена г. Буслаевымъ въ его книгѣ, но не объяснено только какъ

---

*) Караджичъ замѣчаетъ по этому случаю: »Ваља да ради нечистоте, као што се приповиједа, да и ћуга судове, кад се увече оставе неопрани, или кад се добро не оперу, ноћу изгребе и отрује (конечно вила?). А за то ваља да се мисли, и да није добро ни ником (ничице — легнувши потрбушице) воду пити, да не би човјекъ, не видећи, што пије, попио каку бубину или друго што«.

жестоко поплатилась вила за свой злой поступокъ. Вотъ этотъ поэтическій и исполненный наивной прелести разсказъ (*): Ѣхали однажды черезъ Мирочъ—гору два побратима, Марко королевичъ и воевода Милошъ; ѣхали они рядомъ, рядомъ шли ихъ добрые кони, рядомъ держали они боевыя копья, другъ друга въ бѣлое лице цѣловали, потому что дружно жили оба побратима. Сталъ сонъ клонить Марка; и онъ сказалъ своему побратиму: «братъ мой, воевода Милошъ, что-то меня сонъ одолѣваетъ; пой, братъ, да разговаривай меня.» Тогда сказалъ ему Милошъ воевода: «ахъ, братъ мой, королевичъ Марко! я бы радъ былъ пѣть тебѣ, да нынѣшнюю ночь много вина пилъ съ вилою Равійолою, и вила заказала мнѣ, что если она услышитъ какъ я пою, она застрѣлитъ меня прямо въ горло и въ живое сердце.» Но Марко королевичъ сказалъ: «пой, братъ, и не бойся вилы, пока я живъ, Марко королевичъ, и живъ мой «видовитый» Шарецъ—конь (*) и есть у меня шестоперъ золотой.» Тогда Милошъ и началъ пѣть; затянулъ онъ чудесную пѣсню, всѣхъ нашихъ пѣсенъ лучше и старѣе, какъ кто правилъ королевствомъ въ славной Македоніи и кто какую по себѣ добрую память оставилъ. И полюбилась Маркѣ такая пѣсня, наклонился онъ на луку сѣдельную и уснулъ.

Марко спава, Милош попиjева.

Услыхала его вила Равійола и стала подпѣвать за Милошемъ. Хорошъ голосъ (собственно горло) у Милоша, лучше даже чѣмъ у самой вилы. Разсердилась вила Равійола, полетѣла на Мирочъ на гору, натянула лукъ и двѣ стрѣлы бѣлыя; одна стрѣла угодила воеводѣ въ горло, а другая въ молодецкое сердце. Закричалъ Милошъ: «о, мать моя! о, мой Марко, побратимъ по Богѣ! Меня братъ мой, вила застрѣлила! Не я ли тебѣ говорилъ, что не надо пѣть на Мирочъ—горѣ.» — Отъ сна Марко пробуждается, соскакиваетъ съ своего коня курчаваго, ласкаетъ Шарца, обнимаетъ коня и цѣлуетъ: «о, мой Шаро, мое крыло правое! догони мнѣ вилу Равійолу, под-

(*) Мы передаемъ его приблизительно, по русски, хотя отъ этого теряется вся красота и прелесть оригинала, — только смыслъ остается.

(*) Такъ назывался конь Марка королевича (шарецъ—значитъ курчавый: этимъ и отличался его конь отъ прочихъ). Онъ былъ «видовитъ» то-есть могъ видѣть вилу, когда люди не могли ее видѣть или видѣли очень рѣдко.

кую я тебя чистымъ серебромъ, чистымъ серебромъ и жжёнымъ золотомъ, покрою тебя шолкомъ до самыхъ колѣнъ, отъ колѣнъ—цвѣтами до самыхъ копытъ; гриву тебѣ переплету золотомъ, изукрашу мелкимъ бисеромъ; — но если мнѣ не догонишь вилы, выткну тебѣ оба глаза, всѣ четыре ноги изломаю, такъ тебя и брошу,—и броди ты отъ ели до ели, точно я, Марко, безъ моего побратима.» И вскочилъ онъ на своего Шарца, и помчался черезъ Мирочъ-планину (тоже что гора). Вила летитъ поверху планины, Шарецъ мчится посреди планины, нигдѣ вилы не видно, не слышно. Но вотъ Шарецъ увидалъ и вилу, на три копья отъ земли онъ скачетъ, по четыре добрыхъ онъ впередъ хватаетъ, скоро Шарецъ вилу догоняетъ. Когда вила видитъ — бѣда настигаетъ, поднялася подъ облака въ небо, пустилъ Марко въ нее шестоперомъ и угодилъ вилѣ промежъ плечи, свалилъ ее на сырую (на «черную») землю и сталъ вилу бить шестоперомъ: перевернетъ ее то справа, то слѣва и все бьетъ золотымъ шестоперомъ. — «За что, вила, — чтобъ тебя Богъ убилъ! — За что застрѣлила ты моего побратима? Дай ты ему, молодцу, такого зелья («билје»), чтобъ онъ ожилъ, если не хочешь погубить свою голову.» — И стала его вила Богомъ упрашивать быть побратимомъ («братимити»): «Богомъ, братъ мой, королевичъ Марко! Вышнимъ Богомъ и святымъ Иваномъ! пусти только меня на «живую» гору, наберу я тебѣ зелья на Мирочъ-горѣ, заживлю я у молодца раны.» Марко былъ милостивъ, когда его Богомъ просили, и жалостливо его сердце молодецкое, — пустилъ онъ вилу на живую гору. Собираетъ вила зелье по горѣ, собираетъ зелье, а сама почасту откликается: «сей часъ приду, Богомъ-побратиме!» Набрала вила на Мирочѣ зелья и залечила раны у молодца: — стало лучше царское горло у Милоша, здоровѣе чѣмъ до прежде было. — И пошла вила на Мирочъ-планину и поѣхалъ Марко съ своимъ побратимомъ, проѣхали они въ край-порѣчье, Тимокъ-рѣку они переѣхали, у великаго села Брегова, и направились въ край Видинскій. — Межъ тѣмъ вила другимъ виламъ говорила: «Послушайте-ка, вилы, мои сестрицы! Никогда не стрѣляйте въ горѣ молодца, когда услышите голосъ Марка королевича, съ его видовитымъ Шарцомъ и съ его золотымъ шестоперомъ. Что я, бѣдная, отъ него вытерпѣла!—Чуть я сама живою осталась.»

Вообще вила не разъ встрѣчается съ Маркомъ королевичемъ, и при жизни Марка, и передъ его смертью. Одинъ разъ она спасла

его отъ неминуемой гибели, хотя, конечно это была не Равійола — вила, такъ жестоко отъ него пострадавшая, а какая — нибудь другая, одна изъ безчисленнаго множества сестеръ. Вилы вообще имѣютъ обыкновеніе предостерегать людей отъ тѣхъ или другихъ поступковъ, и нерѣдко, за непослушаніе, жестоко наказываютъ ихъ своими бѣлыми стрѣлами. Въ самыхъ вилиныхъ пѣсняхъ, подслушанныхъ старикомъ въ Велебитѣ, тоже сышится какое–то предостереженіе, намекъ на опасность, хотя вилы невсегда досказываютъ свой совѣтъ, а предоставляютъ человѣка собственной благоразумной осторожности. Равійола предостерегала и Милоша — воеводу, и потомъ застрѣлила его. Точно также одна изъ вилъ говорила Марку королевичу, чтобы онъ ни съ кѣмъ не заводилъ ссоры въ воскресенье, а Марко не послушался и помѣрялся силами съ знаменитымъ богатыремъ Маркою Арбасаномъ, котораго характеръ и обстоятельства сложились въ поэтической фантазіи Серба сообразно съ его воззрѣніями на жизнь и со всею его исторической обстановкою. Муса Арбанасъ изображается разбойникомъ, не дающимъ проходу ни пѣшему ни конному; но до начала своихъ подвиговъ онъ служилъ у царя въ Стамбулѣ, и когда надоѣла ему эта девятилѣтняя зависимость, онъ бросаетъ дворъ и отправляется разбойничать.—Онъ засѣлъ на главномъ пути, ведущемъ въ столицу султана, загородилъ въ приморьѣ всѣ проходы между скалами и въ равнинахъ, гдѣ обыкновенно проѣзжали съ сокровищами султана; помѣстился тамъ на скалѣ и вѣшалъ всѣхъ, кто держалъ путь въ столицу. Посылалъ султанъ противъ него своего визиря съ тремя тысячами войска; но Муса Арбанасъ побилъ все войско, связалъ визирю назадъ руки и отослалъ къ султану. Велѣлъ султанъ кличъ кликать по Стамбулу, не найдется ли такого богатыря, который бы помѣрялся силою съ Мусою разбойникомъ, обѣщалъ храброму неисчетныя блага; но никто не являлся. Тогда визирь сказалъ султану, что одинъ только Марко королевичъ могъ бы осилить Мусу Арбанаса. Отъ его словъ царь пролилъ слезы изъ глазъ и сказалъ: «За чѣмъ ты напоминаешъ мнѣ о Маркѣ королевичѣ? Вѣрно и кости его давно ужъ сгнили, потому что вотъ уже три года, какъ я самъ бросилъ его въ темницу и до сихъ поръ ни разу не отворялъ ее.» —Марко былъ живъ. Пѣсня мастерски очерчиваетъ наружность Марка, когда онъ выведенъ былъ изъ темницы и престалъ предъ султана: коса у него отросла до сырой земли, «полустере, полом се покрива» *ногти его—что пахать бы можно*; убила

его плесень и сырость темничная; почернѣлъ онъ точно камень синій. — Царь спросилъ:» живъ ли ты еще, Марко? «(Іеси л' ђегођ у животу, Марко?)» Іесам, царе, а ле у рђаву. — «Когда царь спросилъ, можетъ ли онъ поѣхать въ приморье и погубить Мусу Арбанаса, Марко отвѣчалъ:

«Аја, Богме, царе господине!
Убила ме мемла од камена.
Ја не могу ни очима гледат',
Камо л' с Мусом мејдан дијелити!
Намјести ме ђегођ у механу,
Примакни ми вина и ракије
И дебела меса овнујскога,
И бешкота љеба бијелога;
Да посједим неколико дана,
Казаћу ти, кад сам за мејдана.»

Дали Маркѣ трехъ молодыхъ брадобрѣевъ: одинъ моетъ, другой Марка брѣетъ, а третій ему ногти обрѣзываетъ. Три мѣсяца Марко пилъ вино и «ракію,» ѣлъ баранину и бѣлый хлѣбъ, — «док је живот мало повратио.» — Когда царь спросилъ Марка, въ силахъ ли онъ теперь потягаться съ Мусою Арбанасомъ, Марко велѣлъ принести сухое бревно, что сохло девять лѣтъ, чтобы попробовать свою силу, — «може ли што бити.» — Принесли ему бревно; Марко взялъ его въ правую руку и изломалъ на куски. — Но изъ него не потекла вода. — «Нѣтъ царь, еще не пора,» сказалъ Марко. и опять сталъ поправлять себя ѣдой и питьемъ; ѣлъ и пилъ цѣлый мѣсяцъ, — «док се Марко мало поначини.» — Но уже когда теперь попало ему сухое бревно, онъ такъ его сжалъ, что выдавилъ двѣ капли воды. — «Вотъ теперь пора,» сказалъ онъ и отправился къ кузнецу Новаку. — «Куй мнѣ саблю, Новаче ковачу! да такую, какой прежде никому не ковалъ.» — Далъ ему тридцать дукатовъ и снова пошелъ пить, и уже черезъ три — четыре дня пришелъ къ Новаку, — «Выковалъ ли, Новакъ, саблю?» Тотъ вынесъ готовую саблю. — «Хороша ли, Новаче ковачу?» — «Вотъ тебѣ сабля, а вотъ наковальня — попробуй какова сабля,» тихо сказалъ кузнецъ. Махнулъ Марко саблей и правой рукой, ударилъ по наковальнѣ и прорубилъ наковальню до половины. Потомъ спросилъ кузнеца: «ради Бога, Новаче ковачу! выковалъ ли ты и когда саблю больше этой?» — Одну саблю, правда выковалъ больше этой; сабля больше, да и молодецъ больше тебя: когда Муса ѣхалъ въ приморье, я сковалъ ему саблю

и когда онъ ударилъ этой саблей по наковальнѣ, даже подставка цѣла не осталась.» — Сильно разсердился Марко и сказалъ кузнецу: — «Протяни руку, Новаче ковачу! протяни руку, я заплачу тебѣ за саблю.» Когда тотъ протянулъ правую руку, Марко отрубилъ ее до самаго плеча. — «Вотъ тебѣ, Новаче ковачу! чтобъ не ковалъ ни большей, ни меньшей (сабли); а вотъ тебѣ сто дукатовъ — кормись на нихъ, пока твоей жизни станетъ.» — Сѣлъ Марко на своего Шарца и поѣхалъ прямо въ приморье; гдѣ ни ѣздитъ, вездѣ объ Мусѣ спрашиваетъ. Но вотъ, наконецъ, однажды увидѣлъ онъ и Мусу разбойника, который ѣхалъ на ворономъ конѣ, скрестивъ ноги, кидалъ свой шестоперъ подъ облака и потомъ ловилъ его «бѣлыми» руками. Когда они другъ съ другомъ встрѣтились, Марко сказалъ: «Муса богатырь, уклонись съ дороги; или уклонись, или мнѣ поклонись.» — Здѣсь слѣдуетъ отвѣтъ Мусы разбойника, въ которомъ очерчивается разность происхожденія двухъ витязей; — одного — царской крови, рожденнаго на мягкихъ подушкахъ, взлелѣяннаго въ чистомъ шелкѣ, вскормленнаго медомъ и сахаромъ, и — другаго, котораго родила простая, грубая женщина, «љута Арнаутка.» у стада, бѣдно кормила, бѣдно одѣвала, но часто заклинала сына, чтобъ никому не давалъ дороги. — Это превосходное мѣсто въ которомъ отражается сила и весь геній высоко-поэтическаго народа, который умѣлъ защищать свою свободу, при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ. Слова Мусы разбойника просты, но они дышатъ такой неподдѣльною прелестью, что въ сравненіи съ ними много теряютъ цѣны возгласы самохвала Алеши-поповича, который выѣхавъ въ поле съ товарищами богатырями, кричитъ богъ вѣсть кому:

Не намахалися наши могутныя плечи,
Не уходилися наши добрые кони,
Не притупились наши мечи булатные!
. . . .
Подавай намъ силу нездѣшнюю —
Мы и съ тою силою, витязи, справимся!»

Въ словахъ Мусы разбойника болѣе скромности, чѣмъ въ отвѣтахъ нашего Ильи-Муромца — «крестьянскаго сына,» — этого олицетворенія русской народной силы, — который давалъ себя знать и князьямъ, и боярамъ, никого небоялся, какъ бы намекая тѣмъ

на спокойную, до поры до времени, но великую мощь народа, изъ среды котораго онъ самъ вышелъ. Муса разбойникъ тоже сынъ простой бѣдной женщины, родившей сына у своего стада; народная фантазія придала ему силу больше силы Марка королевича, любимца и идеала народнаго.

Муса благоразумно замѣтилъ Маркѣ, что онъ готовъ съ нимъ помириться, но дороги не уступитъ:

«Прођи, Марко, не замећи кавге,
Ил' одјами, да пијемо вино;
А ја ти се уклонити не ћу,
Ако т' и јест родила краљица
На чардаку на меку душеку,
І чисту те свилу завијала,
А злаћеном жицом повијала,
Одранила медом и шећером;
А мене је љута Арнаутка
Код оваца на плочи студеној,
І црну ме струку завијала,
А купином лозом повијала,
Одранила скробом овсенијем,
И још ме је често заклињала,
Да се ником не уклоњам с пута».

Илья—крестьянскій сынъ, рано—ли, поздно—ли, побилъ всѣхъ своихъ враговъ; но сербская народная поэзія, напротивъ, заставляетъ Марка Королевича убить Мусу Арбанаса, однако не иначе, какъ только при помощи вилы. Пропускаемъ превосходное мѣсто изъ этого разсказа,—какъ сражались Марко и Муса, какъ послѣдній уничтожилъ всѣ усилія Марка, выбилъ изъ рукъ его все оружіе, побѣдивъ и въ боѣ шестоперами, и на копьяхъ, и на острыхъ сабляхъ, наконецъ бросилъ на зеленую траву и сѣлъ ему на богатырскую грудь;—и все—таки побѣда осталась на сторонѣ Марка. Придавленный Мусою къ сырой землѣ, запищалъ («процвиле») Марко Королевичъ:

Ђе си данас, посестримо вило?
Ђе си данас? нићје те не било!
Еда си се криво заклињала,
Ђегођ мене до невоље буде,
Да ћеш мене бити у невољи?»

Тогда явилась вила изъ облаковъ и стала упрекать Марка, что онъ не послушался ея предостереженій, когда она запрещала ему заводить ссору въ воскресенье; она говорила, что стыдно будетъ имъ обоимъ нападать на одного Мусу. Услышавъ это, Муса поднялъ голову къ облакамъ, откуда говорила вила, а въ это время Марко, лежа подъ нимъ, досталъ свой ножъ и распоролъ Мусу — «од учкура до бијела грла!» Мертвый Муса такъ притиснулъ къ землѣ Марка, что тотъ едва освободился изъ-подъ тяжелаго трупа, и когда сталъ разсматривать мертвеца, то нашелъ въ немъ три молодецкія сердца и три ряда реберъ, одинъ рядъ подлѣ другаго: одно сердце было уже мертво, другое же только еще разыгралось, а на третьемъ лютая змѣя спала. Когда змѣя пробудилась, затрепеталъ мертвый Муса и т. д. Даже Марко заплакалъ, что погубилъ такого великаго богатыря:

«Јаох мене до Бога милога!
Ђе погубих од себе бољега», и т. д.

Мы, можетъ быть, слишкомъ много позволили себѣ остановиться на этомъ любопытномъ разсказѣ; но поэтическіе вымыслы родственныхъ намъ славянскихъ племенъ такъ мало извѣстны большинству русскихъ читателей, что мы едва ли поступаемъ дурно, останавливаясь на томъ, что намъ менѣе извѣстно. Притомъ все это имѣетъ такое прямое отношеніе къ изслѣдованіямъ г. Буслаева, а съ тѣмъ вмѣстѣ и къ русской народной поэзіи, что мы и не думаемъ измѣнять избранному нами теперь направленію, особливо когда вспомнимъ, что нѣмецкая народная поэзія, съ ея эльфами и валькиріями, болѣе, кажется, извѣстна намъ, чѣмъ поэзія Славянъ съ ихъ дивами, вилами, Маркомъ Королевичемъ, простые разсказы о которыхъ едва ли менѣе поэтичны, чѣмъ самыя популярныя преданія о герояхъ германскаго эпоса, преданія, пользующіяся такою извѣстностію въ Европѣ.

Сербскія вилы, подобно нашимъ русалкамъ, особенно любятъ пляску и водятъ хороводы, избирая мѣста удобныя для этихъ увеселеній. Мѣста эти называются «виленски станови», или «дивно игралиште», «дивно пјевалиште» въ городѣ Будвѣ, сорокъ лѣтъ назадъ, на Спасовъ день устроивались народныя игры, или «коло», на мѣстѣ называемомъ *вилино гумно*. Рано утромъ собиралось на этомъ мѣстѣ

множество молодыхъ парней и дѣвушекъ, съ вѣнками на головахъ, и, составивъ кругъ, молодежь плясала и пѣла:

Добро јутро, б̓јеле виле!
И нама га дајте!

Потомъ послѣ этого предварительнаго припѣва, начинали пѣть другія пѣсни миѳическаго содержанія, гдѣ главную роль играли вилы и лютыя змѣи. Въ одной, напримѣръ, говорится, какъ на Спасовъ день горный змѣй похитилъ дѣвушку и подъ крыломъ принесъ ее въ свое жилище; какъ однажды, на Спасовъ же день, она просилась у змѣя отпустить ее поиграть въ хороводѣ; какъ потомъ она отпросилась къ матери, обманула змѣя и не воротилась къ нему, и какъ онъ, полюбивъ ее и привыкнувъ къ ней, все поджидалъ свою ненаглядную:

Змаје чека ђевојчицу.
Чека данас, чека сјутра;
Пуче змаје на камену
Чекај уђи ђевојчицу.

Другая пѣсня говоритъ объ извѣстной Ловчекъ-горѣ, гдѣ царствуютъ вѣчные снѣга и морозы; на этой же горѣ

Виленски у њој станови,
Свеђ! виле танце изводе, и т. д.

Хотя сербская поэзія представляетъ вилу не злымъ и не враждебнымъ человѣку существомъ, любившимъ иногда и попить съ добрымъ молодцомъ вина, и побесѣдовать съ нимъ, и предостеречь отъ неожиданнаго горя и наконецъ взять побратимство, то есть на вѣкъ связать себя съ человѣкомъ узами братства и самой искренней дружбы,—однако не всегда было безопасно посѣщать тѣ уединенныя мѣста, гдѣ блуждала вила, рыскали и выли волки, прятались серны и олени, гдѣ вила забавлялась иногда пляскою и пѣніемъ. Сидя невидимкою въ густыхъ вѣтвяхъ дерева или на неприступной скалѣ, поднимаясь наконецъ за облака, она своей «бѣлой» стрѣлой убивала всякого кѣмъ была недовольна. Она повидимому не любила, чтобы люди посѣщали мѣста, избранныя ею для своего «стана» для своего «игралища» и «пѣвалища». Такъ она предупреждала Угрина Янка,

хотѣвшаго разбить свой шатеръ на посвященномъ ей мѣстѣ, что застрѣлитъ его; грозила за это же застрѣлить и Сабинью Янка, застрѣлить самого добраго молодца и его воронаго коня (Кар. I. 181—183). Но вила является не такимъ сильнымъ и страшнымъ существомъ, чтобъ иногда человѣкъ не могъ побѣдить ее самыми обыкновенными средствами. Можетъ быть, вслѣдствіе постепенной утраты первобытныхъ эпическихъ воззрѣній на природу, и сербская вила теряла свое первоначальное значеніе, мало-по-малу утрачивала свою грозную силу и становилась существомъ менѣе страшнымъ, менѣе непобѣдимымъ и таинственнымъ. Марко Королевичъ побѣждаетъ вилу Равійолу все еще нечеловѣческими средствами; безъ всякаго вѣщаго (видовитаго) коня, онъ самъ, быть можетъ, остался бы побѣжденнымъ; но другіе, менѣе сильные молодцы вступаютъ уже въ борьбу съ нею безъ всякой помощи чаръ и колдовства; ловятъ ее, какъ простаго звѣря, собаками и соколами, убиваютъ, какъ птицу, обыкновенными стрѣлами, хотя она все еще можетъ подниматься до облаковъ, летать надъ горами, жить подъ водой:—ныряетъ она въ воду— и ее выгоняютъ изъ воды, скачетъ по полю — и за ней пускаютъ «бѣлыхъ» собакъ, взлетаетъ подъ облака — и на нее пускаютъ сизыхъ соколовъ. Простой «юнакъ» уже хвалится, что, проѣзжая черезъ гору, видитъ какъ на ясени сидитъ вила, и онъ вынимаетъ лукъ, чтобы застрѣлить ее; вила не убиваетъ смѣльчака, какъ убила воеводу Милоша, не летитъ подъ облака, а упрашиваетъ только не стрѣлять ее, предлагаетъ разные дары, обѣщаетъ, что юнака полюбитъ красавица прекраснѣе вилы («љепш' од мене»); но юнакъ уже не слушаетъ ее: онъ имѣетъ все, что обѣщаетъ ему вила; любитъ его красавица прекраснѣе вилы («љепш' од тебе»),—«и, прибавляетъ онъ, я застрѣлилъ бѣлую вилу» (I. 151). Грозитъ вила застрѣлить другаго юнака, если онъ поставитъ свой шатеръ на ея игралищѣ, на мѣстѣ, гдѣ воютъ волки,—и юнаки ловятъ самую вилу. Вила Богомъ умоляетъ отпустить ее, обѣщаетъ указать на три зелья: одно зелье — чтобы жена сына родила, другое зелье — чтобы сабля Турка рубила, третье зелье — чтобы всѣ юнака уважали; но ей говорятъ, что было бы у юнака здоровье — и жена родитъ сына, были бы крѣпки мышцы у юнака и остра сабля—и голова у Турка будетъ срублена, былъ бы юнакъ собой «доборъ»—и все будетъ... И юнакъ отвелъ и подарилъ вилу своему дядѣ. Грозилась вила застрѣлить еще одного юнака, и онъ самъ поймалъ ее: выгналъ изъ-подъ

воды, когда она хотѣла подъ водой укрыться; когда бѣжала по ровному полю онъ пустилъ за ней пару бѣлыхъ собакъ, взвилась она подъ облака—онъ пустилъ двухъ сѣрыхъ соколовъ, и вила была изловлена.

Такъ мало-по-малу народная фантазія, настроенная менѣе язычески, воображеніе, менѣе напуганное таинственностью явленій, постепенное охлажденіе къ преданіямъ младенчествующей эпохи дѣлали то, что поэтическое творчество народа, развивавшееся уже подъ иными условіями, само разоблачало и разбивало свои первобытныя вѣрованія; поэзія, создавшая страшные образы боговъ, героевъ и вѣщихъ дѣвъ, сама развѣнчивала ихъ и равняла съ простыми смертными. Народъ, какъ бы стыдясь своего дѣтства, оглядѣвшись кругомъ и не видя ничего, созданнаго живымъ, но напуганнымъ воображеніемъ ребенка, самъ сталъ унижать все, чего нѣкогда боялся, особенно когда увѣрился, что бояться нечего, что многое, чему онъ вѣрилъ прежде, просто вздоръ, сказки. Но еще невполнѣ избавившись отъ дѣтскаго страха и обаянія, невполнѣ увѣровавъ въ свои силы, все еще подозрѣвая, нѣтъ ли и въ самомъ дѣлѣ чего-нибудь опаснаго въ вилѣ и ея воображаемыхъ стрѣлахъ, онъ зло издѣвается надъ причинами своего страха, какъ бы мстя за прошлое. Такъ бываетъ всегда и во всемъ: мало того, что человѣкъ откажется отъ своихъ дорогихъ вѣрованій, но, переходя къ новымъ, жестоко наругается надъ старыми, безсильными богами, какъ бы радуясь, что онъ выросъ, сталъ сильнѣе ихъ, не нуждается въ ихъ помощи и не боится ихъ гнѣва. Это — чувство дитяти, уничтожающаго игрушку, которая напугала его. Сербскій юнакъ мало того что не боится вилы и ея стрѣлъ; нѣтъ, онъ самъ убиваетъ ее своими стрѣлами; мало того, что убиваетъ—онъ ловитъ ее, какъ нѣкогда она его ловила, и отдаетъ людямъ на поруганье, какъ банъ-Секула подарилъ пойманную имъ вилу своему дядѣ, Угрину Янкѣ.

Мирныя отношенія вилы къ человѣку проявлялись тѣмъ, что она не разъ спасала его отъ опасности и заботилась о немъ, какъ о существѣ слабомъ и невѣдающимъ тайнъ природы, извѣстныхъ одной вилѣ. Хочетъ дѣвушка утолить свою жажду и, по невѣдѣнію, намѣрена напиться изъ источника, принадлежащаго вилѣ («вилин бунар»), и невидимый голосъ, *нешто*, какъ передаетъ пѣсня, проговорилъ изъ источника: «не пей, злато, отсюда водицы»; таинственный голосъ объяснилъ потомъ, что въ этомъ источникѣ вила дитя свое купала, да еслибъ еще мальчика, не такъ бы было жалко, а то дѣ-

вочку—чтобъ она околѣла! Плачетъ ли молодая жена, что дождь и медовыя росы замочатъ въ полѣ ея милое «драго», ея мужа, почти ничѣмъ неприкрытаго,—и вила утѣшаетъ плачущую, говоря, что она, вила, раскинула въ полѣ шелковый шатеръ, и подъ шатромъ ея милое «драго» уснуло. Молитъ ли дѣвушка звѣзду-денницу удѣлить ей своего блеска и красоты, — и вила, «посестрима» этой дѣвушки, украшаетъ ее золотымъ перомъ, унизываетъ платье ея мелкимъ бисеромъ (I. 50), и т. д. Оженился король Милутинъ, владыка города Будима, и девять лѣтъ дѣтей у него не было; но однажды, во время охоты, прислонясь подъ зеленое дерево, онъ услышалъ разговоръ трехъ вилъ, прилетѣвшихъ на источникъ воды напиться. Когда одна изъ нихъ спросила, не знаетъ ли кто такого зелья, отъ котораго бы жена Милутика забеременѣла, старшая вила сказала: «еслибъ зналъ король, что я знаю, онъ собралъ бы всѣхъ будимскихъ дѣвицъ, да взялъ бы побольше чистаго (собственно «сухаго») золота, да сплели бы ему частый неводъ изъ этого золота, да закинулъ бы онъ этотъ неводъ въ тихій Дунай, да поймалъ бы рыбу — золотыя перья, да взялъ бы у нея правое перо, а рыбу опять пустилъ въ Дунай рѣку, да далъ бы съѣсть крыло королевѣ, тогда бы она забеременѣла». Король такъ и сдѣлалъ, какъ совѣтовала вила, но у него родился лютый змѣй, который только по ночамъ превращался въ прекраснаго юношу (II. 51—61). Наконецъ, одна вила возвратила зрѣніе сербскому Ивану Царевичу, ослѣпленному «старѣйшиною *дивовъ*» (II. 26 исл.).

Всѣ эти краткія упоминанія о вилахъ, приводимыя нами, находятся въ связи съ такими поэтическими преданіями, какихъ нѣтъ ни у одного изъ родственныхъ намъ племенъ; но такъ какъ они не имѣютъ уже прямаго отношенія къ предмету нашей статьи и къ изслѣдованіямъ г. Буслаева, то мы и не рѣшаемся касаться этого богатаго источника. Не можемъ однако не упомянуть о любопытномъ разговорѣ вилы съ орломъ-птицей «сурой», который, сидя на копьѣ, воткнутомъ въ землю въ головахъ раненаго Марка Королевича, распустилъ свои широкія крылья и дѣлалъ ими тѣнь надъ головой больнаго богатыря, а въ клювѣ держалъ холодную воду, которою поилъ немощнаго Марка. Весь разсказъ орла дѣлаетъ честь поэтическому генію народа, который умѣлъ создать и сохранить такое чудесное преданіе (II. 328—330).

Г. Буслаевъ, въ разсматриваемомъ нами отдѣлѣ его изслѣдова-

ній, упоминаетъ о сродствѣ нашихъ русалокъ и сербскихъ вилъ съ лужицкими полудницами, которыя называются *pripolnica*–ми или prezpolnica–ми. Но мы можемъ еще указать на лужицкихъ *дивицъ* (dziwica), въ которыхъ есть черты общія и нашимъ русалкамъ и сербскимъ виламъ. «Дивицы», подобно виламъ, постоянно вооружены стрѣлами, обитаютъ въ лѣсу, гдѣ охотятся за звѣрями; подобно греческой Діанѣ, «дивица» всегда имѣетъ около себя собакъ (khort). Весьма опасно, особенно въ *полдень*, встрѣтиться въ лѣсу съ *дивицей*, а потому кто въ такое время отправляется въ лѣсъ, тому говорятъ обыкновенно: «Hladaj so, zo dziwica tebi néprindze.» — Точно также есть что–то общее между русалками и лужицкими «водяными женщинами» (wódna zona). Онѣ топятъ неосторожныхъ путниковъ; молодые дѣвушки, дѣти водяной женщины, любятъ пляску, какъ всѣ подобныя стихійныя существа; являясь въ обществѣ людей, онѣ бываютъ узнаваемы потому собственно, что нижняя часть платья у нихъ всегда мокрая, точно такъ же какъ никогда не высыхаютъ красные башмаки, въ которыхъ они ходятъ (*). Вообще можно замѣтить, что онѣ имѣютъ болѣе сходства съ русалками, чѣмъ «полудницы», которыя скорѣе напоминаютъ нѣмецкихъ валькирій. Наконецъ г. Буслаевъ ничего не говоритъ о чешской *лѣсной паннѣ*; преданіе о которой послужило Челаковскому темой для созданія такого гармоническаго и вполнѣ народнаго стихотворенія, *Toman a Lesnj Panna.* — Въ ночь передъ Ивановымъ днемъ Томанъ ѣхалъ по лѣсу, возвращаясь домой, и въ дубровѣ явилась ему «лѣсная панна». Вотъ какъ народная фантазія, переданная пѣвучими стихами Челаковскаго, изображаетъ это существо, которое, конечно, имѣетъ общее происхожденіе съ нашей русалкой.

Cupy dupy z hauštiny
Zetj gelen w meytiny,
Na geljnku podkasaná
Sedi sobě Lesnj panna;
Šaty půl ma Zelené,
Půl kadermi cerněné,
A ze swatojanskych braučků
Swjtj pásek na klobaučků.
Třikrát kolem gak střela

---

*) Wendische Volkslieder, Haupt u. Schmaler, II (mythologie), 267-269.

W běhu koně obgela,
Pak Tomanowi po boku
Wyrownáwá w plawném skoku:
«Šwarny hochu, nezaufey,
Bugným wětrům žalost eley,
Gedna-li tě opustila,
Nahradj to stokrát giná
Šwarny hochu, ne zaufey,
Bugnym wětrům žalost eley».
To když sladce zpjwala,
W oči se mu djwala
Lesnj panna na gelenu,
Toman cjtjwsrdei změnu, и т. д.

Подобно русалкѣ она завела Томана въ глубокій домъ, къ рѣкѣ, гдѣ онъ и погибъ, очарованный ея пѣніемъ, ласками и удивительной красотой (*).

Отъ этого самый естественный переходъ долженъ бы, кажется, быть къ объясненію того замѣчательнаго явленія, какимъ образомъ народная поэзія низвела женщину съ той высоты, на которую поставлена она языческими воззрѣніями первобытныхъ обществъ, до типа далеко не привлекательнаго; какимъ образомъ въ самой жизни, такъ низко упала женщина, сдѣлавшись такимъ жалкимъ существомъ, заслуживъ такое обидное о себѣ мнѣніе людей повидимому достойныхъ и умныхъ для своего времени; почему такъ безжалостно казнила ее наша народная литература, и самая народная поэзія какъ будто бросила на нее неблаговидную тѣнь, между тѣмъ какъ въ эпоху эпическихъ воззрѣній народа, этого, кажется, не было, по крайней мѣрѣ народъ смотрѣлъ на нее все–же снисходительнѣе, чѣмъ какой-нибудь россійско–византійскій философъ:—но этого интереснаго предмета мы, можетъ быть, коснемся при обозрѣніи другихъ сторонъ труда г. Буслаева, который и объяснитъ намъ многое.

Въ связи съ языкомъ и эпической поэзіей г. Буслаевъ подвергаетъ самому тщательному анализу русскую пословицу, которой онъ даетъ наиболѣе почетное мѣсто въ своемъ трудѣ, понимая ее нетолько какъ выраженіе народной мудрости и жизненнаго опыта, но и какъ разрозненные остатки миѳическаго и эпическаго воззрѣнія народа на свою жизнь, во всѣхъ ея моментахъ и проявленіяхъ, на

*) Ohlas pjsnj českých, od Fr. L. Čelakowského, Praha, 1840, 1—6.

природу и человѣка. Въ изслѣдованіи г. Буслаева пословица получаетъ важное значеніе не потому, что она составляетъ кодексъ народной мудрости, какъ многіе вѣрили на-слово прежнимъ ея толкователямъ (мудрости въ ней, какъ намъ кажется, въ сущности уже не такъ много, какъ это понималось нѣкогда), а потому что пословица, иногда какимъ-нибудь намекомъ, дополняетъ намъ то, чего не досказала пѣсня, что стерто временемъ или что искажено преданіемъ, изъ которыхъ въ иномъ, кажется, никогда и небыло смысла,— такъ все спутано и обезображено. Главнѣйшими періодами въ историческомъ развитіи пословицы авторъ полагаетъ переходъ народа отъ языческихъ воззрѣній къ христіанскимъ понятіямъ, и потому въ однихъ пословицахъ видитъ признаки ихъ доисторической формаціи, съ темными, неопредѣленными намеками на отжившую старину, о которой даже исторія сохранила мало преданій, въ другихъ — признаки вліянія болѣе новаго времени; оттого послѣднія пословицы кажутся и болѣе ясными, и болѣе примѣнимыми къ жизни. Такимъ образомъ г. Буслаевъ разсматриваетъ, насколько въ пословицѣ выразилась доисторическая старина, сначала бытъ звѣролововъ и пастуховъ, бытъ воинскій, потомъ, сообразно съ историческимъ развитіемъ племенъ и переходомъ отъ одного состоянія къ другому, бытъ земледѣльческій и осѣдлый, далѣе котораго г. Буслаевъ не ведетъ своего анализа, хотя, намъ кажется, это было бы не лишнее, потому что пословицы позднѣйшей формаціи, въ примѣненіи ихъ къ дѣйствительному воззрѣнію народа на жизнь, въ самомъ сопоставленіи ихъ съ этой дѣйствительной жизнью, безъ сомнѣнія, указали бы, что аналогія между пословицей и ея практическимъ примѣненіемъ иногда приводитъ не къ тѣмъ выводамъ, какіе повидимому вытекаютъ изъ самаго смысла пословицы, если понимать этотъ смыслъ a priori. Наконецъ, въ заключеніе, г. Буслаевъ разсматриваетъ вообще миѳическое и эпическое значеніе пословицы (*).

Сколько намъ кажется, это довольно скользкій путь, по которому мы стараемся дойти до истины, хотя другаго, болѣе вѣрнаго пути никто указать не можетъ, да и нѣтъ его, кажется. Какъ часто иногда, при всемъ знаніи законовъ языка, законовъ фонетическаго сродства и замѣны однихъ звуковъ другими, родственными, съ самымъ

(*) Первопачально эта статья была напечатана въ Архивѣ Калачева, въ 1854 г.

богатымъ запасомъ лексикальныхъ свѣдѣній, можно дѣлать ложные выводы, находя сходство и тожество тамъ, гдѣ его вовсе нѣтъ и быть не должно, и принимая переносное значеніе слова или понятія за истинное, когда это послѣднее давно уже утрачено. Какъ легко, напримѣръ, хотя бы не плохому, а опытному филологу, при помощи повидимому добросовѣстныхъ, честныхъ натяжекъ, которыя въ порывѣ увлеченія любимою идеею, въ тщетной погонѣ за истиной, даже и не кажутся ему натяжками, — какъ легко, повторяемъ, истолковать то или другое слово, то или другое непонятное выраженіе, и истолковать ошибочно, какъ это дѣлалось прежде при недостаточномъ знакомствѣ съ филологіей и особенно съ ея историческимъ и сравнительнымъ методомъ. Филологія оттого и пользовалась долго незавидною репутаціей въ глазахъ большинства, оттого и смотрѣли на нее какъ на праздную забаву, которая играла только корнями, юсами и флексіями, — что плохіе филологи уронили ее во мнѣніи людей съ реальнымъ направленіемъ. Г. Буслаевъ, напротивъ, слишкомъ хорошо освоился съ филологіей, какъ одинъ изъ немногихъ знатоковъ ея у насъ, — чтобы выступить на этотъ скользкій и безполезный путь, а если отчасти онъ и избиралъ его, то настолько, на сколько это было необходимо. Что добыто его изслѣдованіями, то едва ли можетъ быть оспариваемо, по крайней мѣрѣ при нынѣшнемъ развитіи науки филологіи. Мы бы охотно вслѣдъ за нимъ опустились въ нашу доисторическую старину, нѣкоторыя любопытныя черты которой онъ рисуетъ на основаніи пословицъ, еслибъ не были увѣрены, что всякій, кого интересуетъ эта доисторическая жизнь и эпическое воззрѣніе на нее народа, охотно прочитаетъ самыя изслѣдованія г. Буслаева, потому что, если не захочетъ прочитать въ самомъ подлинникѣ, то въ нашихъ извлеченіяхъ и подавно не прочитаетъ; мы же не будемъ такимъ образомъ принуждены къ заимствованіямъ, которыхъ избѣгаемъ, какъ всякаго повторенія.

Насъ интересуютъ другія стороны предмета, съ которымъ знакомитъ насъ г. Буслаевъ, но знакомитъ, такъ сказать, только отчасти, такъ сказать съ лицевой стороны, сообразно съ своими цѣлями, далѣе которыхъ онъ и не желалъ идти. Онъ далъ только то, что хотѣлъ дать, именно — объясненіе пословицы въ связи съ доисторическимъ бытомъ народа и воззрѣніями, его на этотъ бытъ, или, наоборотъ — объясненіе быта и воззрѣній народа въ связи съ пословицей, что едва ли не все равно, потому что одно пополняется

и объясняется другимъ. Главная и самая важная сторона пословицы такимъ образомъ достаточно раскрыта; мы желали бы теперь раскрыть и сколько можно—объяснить другую, менѣе важную, хотя едва ли менѣе интересную.

Извѣстно, что никакія страны въ мірѣ не богаты такъ пословицами, какъ Россія, Испанія и азіатскій востокъ. Нигдѣ пословица и притча не имѣютъ такого обширнаго примѣненія и не пользуются такимъ авторитетомъ, какъ въ этихъ странахъ. Тотъ не считается умнымъ человѣкомъ, кто не подкрѣпляетъ своихъ доказательствъ пословицами; тотъ рѣдко убѣдитъ слушателей, кто не закончитъ своей рѣчи пословицей и напротивъ, какъ бы ни были логичны доводы, какъ бы ни были здравы сужденія, какъ бы ни было ясно и очевидно то что доказывается, и хотя бы слушатели вполнѣ были убѣждены въ истинѣ и силѣ доказательствъ говоруна, но если кто нибудь изъ слушателей найдетъ случай ввернуть пословицу, противорѣчащую доводамъ того, кто ихъ приводитъ, то всѣ доказательства теряютъ силу и слушатели не хотятъ уже вѣрить тому, чему за минуту вѣрили, чему наконецъ нельзя не вѣрить. Иногда пословица приведется совершенно не кстати: если только слова ея напоминаютъ то, о чемъ рѣчь идетъ, а смыслъ далеко не соотвѣтствуетъ словамъ, — все же пословица восторжествуетъ. Какъ часто случается у насъ на мірскихъ сходкахъ, что самый разумный приговоръ разстраивается потому только, что кому-нибудь изъ толпы вздумается, въ то время когда, кажется, всѣ готовы согласиться съ общественнымъ приговоромъ, сказать, что все это хорошо да въ пословицѣ говорится такъ и такъ, что по пословицѣ дѣло не ладно. Конечно всѣ, у кого есть свой толкъ, свои убѣжденія, не согласятся рѣшить дѣло по пословицѣ; но большинство закричитъ, что «*пословица всему дѣлу порѣшница*»,—и уже никто не хочетъ слушать никакихъ доводовъ. Кто знаетъ нашъ народъ, тотъ безъ сомнѣнія согласится съ нами, какъ вредитъ иногда общему дѣлу эта любовь его къ пословицѣ, которая, если и можетъ назваться выраженіемъ народной мудрости, то развѣ только за неимѣніемъ лучшей. Къ пословицѣ, большею частію, прибѣгаютъ за недостаткомъ другихъ разумныхъ доводовъ; это—общія мѣста, которыми пользуются и глупый и умный, когда нечего сказать.

Случайно или нѣтъ это странное совпаденіе, но замѣчательно, что народности, наиболѣе богатыя параболическою мудростію и при-

вязанныя къ своимъ пословицамъ, наименѣе счастливы въ исторической своей жизни; развитіе ихъ идетъ туго, непомѣрно-медленно; другіе народы болѣе или менѣе крѣпнутъ политически, гражданская ихъ жизнь идетъ въ уровень съ прочимъ развитіемъ; эти народы богатѣютъ и возвышаются, между тѣмъ какъ въ такихъ странахъ, какъ въ Испаніи и на востокѣ, чувствуется застой, неподвижность; народныя силы глохнутъ въ апатическомъ бездѣйствіи; что было четыреста лѣтъ назадъ, то осталось и теперь; нигдѣ не видно ни движенія, ни желанія дѣятельности; что было кстати въ старину, то свято хранится и тогда, когда уже отжило свой вѣкъ, сдѣлалось несостоятельнымъ, неумѣстнымъ; во всемъ замѣчается бѣдность, — и въ отношеніи матеріальномъ, и въ отношеніи умственномъ. Однимъ словомъ, такія страны, какъ Испанія и востокъ, не могутъ ни въ комъ возбудить зависть и удивленіе; а развѣ только заставляетъ сожалѣть о своей неблестящей долѣ, о своей далеко не завидной участи. — Странно было бы думать, что причиною такого жалкаго положенія этихъ странъ могло быть что иное, кромѣ совокупности всѣхъ историческихъ условій, выпавшихъ на ихъ долю и неблагопріятно расположившихся. Но замѣчательно, что эти то страны и богаты такъ называемой наслѣдственной народной мудростью. Уже Сервантесъ понялъ, кажется, какое значеніе для народа имѣютъ пословицы, которыми такъ богата Испанія; уже догадывался, хотя, быть можетъ, смутно, чутьемъ своего генія, что наслѣдственная мудрость еще не мудрость для наслѣдника, и что если наслѣдникъ будетъ жить только на счетъ предковъ, мыслить ихъ мыслью, все мѣрять ихъ умомъ, то изъ этого немного выйдетъ толку. Иначе онъ вложилъ бы всю эту народную мудрость въ довольно узкую голову вѣрнаго оруженосца Донъ-Кихота, добраго и невпопадъ практическаго Санхо-Пансы; иначе онъ не опошлилъ бы такъ эту народную мудрость, которая въ практическихъ примѣненіяхъ Санхо-Пансы всегда некстати прилагалась къ разнымъ случаямъ жизни. Что, бывало, ни скажетъ Санхо-Панса, что ни сдѣлаетъ, — все это и могло бы еще сойти съ рукъ; но едва захочетъ свои слова и свои поступки подтвердить народной мудростью, — такъ все это выходило смѣшно и не кстати. — Восточные народы иначе и не объясняются, какъ параболами, притчами и пословицами, которыя у нихъ называются «ненанизанными жемчужинами», «цвѣтомъ языка», однако они не могутъ похвалиться дѣйствительной житейской мудростью и

подвижностью мысли. Смѣшно было бы приписывать ихъ умственный застой влiянiю пословицы, параболическому расположенiю мысли; и то несомнѣнно, что неподвижность ума почти всегда неразлучна съ вѣрою въ старину и ея непогрѣшительность.

И такъ, мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что привязанность къ пословицѣ вообще изобличаетъ въ народѣ неподвижность ума, недостатокъ внутренняго содержанiя, которое потому и пополняется взятою на прокатъ чужою, наслѣдственною мудростью. Въ этомъ случаѣ по наслѣдству переходитъ не внутреннiй смыслъ пословицы а только слова, ея наружная форма, потому что часто смыслъ пословицы утрачивается отъ времени или пословица получаетъ превратное толкованiе. Каждая пословица могла быть въ свое время умною, могла быть выраженiемъ практическаго смысла народа, но отъ времени она стирается, дѣлается не ясною, примѣняется не впопадъ, и часто противъ здраваго смысла. Жизнь и опытъ выработываютъ новыя идеи, даютъ новое понятiе о вещахъ, а пословица все примѣняется къ старому смыслу жизни, по отжитымъ воззрѣнiямъ, все мѣряетъ на свой аршинъ. Мы не говоримъ о такихъ пословицахъ, которыя всегда будутъ имѣть одинъ и тотъ же смыслъ; но такихъ немного, какъ вообще немного въ природѣ и жизни главныхъ физическихъ законовъ и главныхъ моральныхъ понятiй (истина, добро и т. п.) хотя тѣ и другiя повидимому дробятся на безконечныя подраздѣленiя.

Слѣдовательно, вся цѣнность пословицы именно и заключается въ томъ, на что г. Буслаевъ и обратилъ вниманiе; пословица пригодилась для объясненiя первобытныхъ, эпическихъ воззрѣнiй народа на свою жизнь; въ пословицѣ отразился отчасти бытъ этого народа, его прошедшее и тѣ стороны этого прошедшаго, которыя не сохранены намъ исторiею,—а это уже не малая заслуга пословицы.

Ложное, однако почти всѣми признанное не ложнымъ, примѣненiе иныхъ пословицъ не дѣлаетъ чести ни народной мудрости, ни нравственному чувству тѣхъ, которые пользуются этою мудростiю. Иныя пословицы уже иначе и не понимаются, какъ въ превратномъ смыслѣ, а другiя и сами по себѣ дурны и даже обидны для человѣческаго достоинства. Русскiй человѣкъ скажетъ, напримѣръ, въ простотѣ души, что «брань на вороту не виснетъ», «за битаго двухъ не битыхъ даютъ», «побьютъ не возъ навьютъ»,—и утѣшится если оскорбятъ его человѣческое чувство; точно также онъ не рѣдко вѣритъ на слово и понимаетъ въ буквальномъ смыслѣ такiя нацiональныя изрѣченiя, въ

которыхъ говорится, будто кнутъ и плеть вещи хорошія: «кнутъ не архангелъ—души не вынетъ, а правду скажетъ», «кнутъ да пластырь, да добрый пастырь», «кнутъ хоть мука да впередъ наука», а ужь «плеть» для него «и не мука», а только «впередъ наука». За то, примирившись съ приведенными сейчасъ афоризмами, онъ и самъ уже говоритъ, что «не бить, такъ и добра не видать», «гдѣ грозно тутъ и честно»; послѣ этого и отношенія его къ женѣ выражаются, по естественной аналогіи, такимъ образомъ: бей жену къ обѣду, а къ ужину опять», «люби жену какъ душу, а тряси какъ грушу», «кто жены не бьетъ, тотъ и милъ не живетъ». Тяжелыя обстоятельства жизни заставили его помириться и съ такими не совсѣмъ похвальными правилами: «какъ ни зови, только хлѣбомъ корми», «что за честь, когда нечего ѣсть», «стыдъ не дымъ—глаза не выѣстъ», а отсюда естественный переходъ къ примиренію съ правилами, что «умѣй воровать, умѣй и концы хоронить», для чего не воровать, когда не кому унимать». Извращенный обстоятельствами взглядъ на человѣческія права и отношенія заставлялъ его нѣкогда говорить, будто «гдѣ смердъ думалъ, тутъ Богъ не былъ», «мѣха не надуть, а смерда не научить», «выдранный пухъ, что смердій духъ», какъ смердъ не нарядится, а все-таки дерьмо окажется», «домъ не щепка, халуй не человѣкъ», и т. п. Точно также унижается нравственное значеніе пословицы такими изреченіями, что «всѣ люди неправдою живутъ, и намъ не лопнуть стать», «и не наши сани да подламываются»,—значитъ можно все допустить, потому что пословица велитъ, и мы дѣйствительно смотримъ, что называется—спустя рукава, если и въ самомъ дѣлѣ наши сани подламываются (а эта пословица смыслъ имѣетъ нехорошій). Скажемъ мы—«тѣмъ море не погано, что псы налакали»—и покойно смотримъ на разныя щекотливыя обстоятельства, касающіяся нашей чести. Оградимъ себя пословицей—«кто Богу не грѣшенъ, царю не виноватъ»—и грѣшимъ.

Что пословица далеко не вполнѣ выражаетъ нашу народную мудрость, какъ думали иные,—въ этомъ, кажется, не можетъ быть спора. Кто, напримѣръ, не понимаетъ, что русскій человѣкъ далеко не весь высказался въ пословицѣ, что онъ много умнѣе и добрѣе того, какимъ въ ней рисуется. Въ пословицѣ—только часть этого ума, свѣтлаго, живаго и практическаго; а что пословица, большею частію, мѣтко выражена, такъ русскій человѣкъ всегда довольно мѣтко выражается и нерѣдко говоритъ умнѣе чѣмъ сама пословица. Надо

слишкомъ мало знать народъ, слишкомъ малую цѣну давать его природному уму, что бы считать особенною мудростью, если онъ скажетъ, что «не все коту масляница» или «отольются волку овечьи слёзки» и т. д. Притомъ, если бы дѣйствительно народъ серьёзно вѣрилъ, что «пословица всему дѣлу порѣшница«, то пословица, въ своемъ ложномъ примѣненіи, принесла бы болѣе вреда, чѣмъ пользы. А что ложныя примѣненія неизбѣжны, такъ это очень естественно, потому что смыслъ многихъ старинныхъ пословицъ затерянъ для народа, или къ нимъ прилагается не вполнѣ истинное толкованіе; происхожденіе же иныхъ изреченій часто бываетъ связано съ какимъ нибудь историческимъ событіемъ, уже давно забытымъ, или съ преданіемъ, или наконецъ—съ сказкою (*).

Мы нисколько не имѣли въ виду уничтожать этими доводами русскую пословицу, потому что она выше всего этого и притомъ значеніе ея для исторіи русской народной поэзіи и для исторіи самаго народа достаточно объяснено г. Буслаевымъ, а также и трудами г. Снегирева; но намъ казалось не менѣе важною и та сторона пословицы, на которую мы указали и которую всѣ прежніе изслѣдователи почему-то обходили молчаніемъ. Короче сказать—пословица всегда будетъ имѣть цѣну какъ матеріалъ, богатый, хотя довольно мутный, источникъ для изученія прошедшей жизни народа, но никакъ не можетъ быть ни полнымъ выраженіемъ народнаго ума, ни «порѣшницею» всякаго сомнительнаго дѣла.

Какъ изученіе пословицъ помогло г. Буслаеву найти смыслъ и значеніе въ нѣкоторыхъ, никому непонятныхъ и повидимому навсегда потерявшихъ смыслъ, обломкахъ разрозненнаго народнаго эпоса и, на основаніи какихъ-нибудь темныхъ, загадочныхъ или даже, на первый взглядъ—безсмысленныхъ выраженій, загадокъ, поговорокъ и пословицъ, возсоздать и давно утраченныя черты древне-русской доисторической жизни, и пер-

*) Какъ напримѣръ двѣ изъ мужицкихъ пословицъ: «Mortkow čenjo z próznebo pija», — «bity, nebiteho nése» (Z. Haupta u. J. E. Smolerja Próznicki Sers. ludu II.), или многія изъ Галицкихъ пословицъ: воробець на себе смерти не має», «вихопився як козак з маку», «говори, Климе, пай твоє пе Гнне», «грай, Петре, а все шумки», «и пôд столом пе вибрешешься», «куда крути, тула верти, таки треба смерти», «носится як баба со ступѣром», «нѣ писати, нѣ читати, а хотять за короля обибрати» и др. (Гамц. Прип., г. Илькевича, 1841). Мы не говоримъ о такихъ старинныхъ русскихъ пословицахъ, какъ о Радимичахъ и Волчьемъ хвостѣ, или «взялъ боженьку за поженьку да и объ полъ» и т. д.

вобытныя эпическія воззрѣнія народа на окружающій его міръ, освѣтить многія изъ самыхъ темныхъ сторонъ нашего прошедшаго,—такъ и критическій разборъ извѣстнаго «опыта областнаго великорусскаго словаря» привелъ его ко многимъ результатамъ, которыхъ не могли намъ дать ни всѣ свидѣтельства лѣтописцевъ, вмѣстѣ взятыя, ни всѣ поэтическія сказанія народа, ни его письменная литература. Что опущено лѣтописцами, утратилось памятью народа, забыто въ его поэтическихъ преданіяхъ или чего не коснулось письменная литература и что поэтому до сихъ поръ не могло быть уяснено никакими изслѣдованіями, иногда, при помощи какого-нибудь слова, уцѣлѣвшаго отъ глубокой старины, гдѣ нибудь въ самомъ отдаленномъ углу архангельской губерніи, само собой становится яснымъ, пополняетъ то, чего не досказали лѣтописцы, реставрируетъ смыслъ явленій, утраченный памятью народа, напоминаетъ забытое въ его поэтическихъ преданіяхъ. Изъ 18,011 областныхъ словъ, записанныхъ въ разныхъ концахъ Россіи, — изъ которыхъ иныя — остатки забытаго прошедшаго — вытѣснены временемъ изъ всеобщаго употребленія, другія — созданы вновь, вмѣстѣ съ нескончаемымъ созиданіемъ языка, творческою силою народнаго духа; — г. Буслаевъ обратилъ вниманіе на тѣ рѣченія, въ которыхъ выразились отчасти областныя видоизмѣненія русской народности, или же преемущественно эпическія свойства рѣчи и древнѣйшій бытъ русскаго народа. Въ этомъ случаѣ, одно слово, какъ часть цѣлаго и притомъ цѣлаго органическаго, какимъ является всякій языкъ, обусловливаетъ собой цѣлый рядъ понятій, подъ вліяніемъ которыхъ создалось это слово, получало то или другое значеніе, отбрасывало потомъ отъ себя тотъ или другой смыслъ, пропадало въ одной мѣстности и сберегалось въ другой. Исторія одного слова, давно затеряннаго на всемъ пространствѣ Россіи, давно забытаго въ письменной рѣчи, изгнаннаго изъ разговорнаго языка, забытаго и составителями нашихъ древнихъ азбуковниковъ, и законодателями новѣйшаго слога, забытаго наконецъ и словаремъ Академіи, но сбереженнаго, вмѣстѣ съ хламомъ суевѣрій и повидимому безсмысленныхъ нашептываній, однѣми старухами какого-нибудь околодка, можетъ вывести передъ нами цѣлый рядъ картинъ и образовъ прошедшаго, напомнить и обстоятельства, подъ вліяніемъ которыхъ оно путешествовало изъ одного конца Россіи въ другой, получало въ немъ гражданство или новый смыслъ, снова становилось ненужнымъ здѣсь и шло дальше,

пока не пріютилось въ этомъ далекомъ околодкѣ. Точно также вмѣстѣ съ словомъ странствовало по Россіи и понятіе съ нимъ соединенное, понятіе, выработанное извѣстными воззрѣніями народа, или обстоятельствами, извѣстными историческими фактами, которые и возстають передъ нами, едва мы начнемъ изучать органическую жизнь этого одного слова. А въ этой лѣтописи понятій и воззрѣній народныхъ, и заключается исторія народа, мало того — въ ней виденъ онъ самъ, съ его печалями и радостями, съ его успѣхами и неудачами; въ этой лѣтописи — исторія его благосостоянія или страданій, его дѣйствительная жизнь и фантазія, и наконецъ — частица того воображаемаго міра, который создается его поэтическимъ геніемъ. Сбереженныя такимъ образомъ слова и понятія составляютъ для филолога то же, что для натуралиста и геолога—органическіе остатки вымершихъ существъ, находимые въ послѣ-потопныхъ пластахъ земнаго шара. Эти обломки костей животныхъ, пласты раковинъ и остатки черепокожихъ создаютъ въ воображеніи ихъ цѣлый міръ существъ и всю жизнь допотопныхъ животныхъ, тапировъ, мастодонтовъ, динотеріоновъ, мегалониксовъ и проч., рисуютъ цѣлую картину невѣдомой жизни, картину, конечно, неполную, рисуютъ, можетъ быть, даже отчасти ложно, но все-таки, благодаря этимъ обломкамъ и остаткамъ допотопной жизни, не вполнѣ погибшую для науки. Такъ и г. Буслаевъ, на основаніи подобныхъ обломковъ, на основаніи разсѣянныхъ въ разныхъ областныхъ говорахъ частей эпическаго языка, возсоздавая нѣкоторыя стороны нашей древней жизни, проникается сочувствіемъ къ самому слову, къ этому уцѣлѣвшему отъ старины рѣченію и по справедливости замѣчаетъ, что «сочувствіе это основывается не столько на звучности слова (ибо мы такъ свыклись съ звуками своего языка, что не замѣчаемъ ихъ, какъ воздуха, которымъ дышимъ), сколько на увлекательномъ для воображенія рядѣ живыхъ впечатлѣній, который умѣетъ слово воскресить въ нашей памяти. Каждое слово въ языкѣ намъ мило и дорого не само по себѣ, а по своему прямому отношенію къ тому идеальному (цѣльному) цѣлому, которое составляетъ нашу народность. Въ этомъ отношеніи слово можно уподобить отдѣльному, отколотому члену античнаго мраморнаго изваянія: будетъ ли то рука, голова или туловище, опытный глазъ по отколку вовозсоздастъ цѣлый образъ олимпійскаго типа». (I, 185).

Само собою разумѣется, что какъ натуралистъ, такъ и антик-

варій должны остерегаться, что бы не возсоздать допотопнаго животнаго на берцовой кости какой-нибудь простой рабочей лошади XIX вѣка, или не возстановить цѣлый образъ Юпитера олимпійскаго и милосской Венеры—на обломкѣ руки безобразнаго сатира или на округленномъ торсѣ какого-нибудь далеко-некрасиваго существа. Еще болѣе осторожнаго обращенія съ собой требуетъ слово, какъ сколокъ такого органическаго цѣлаго, которое живетъ и развивается, постоянно измѣняетъ свою форму, принимаетъ въ себя новыя идеи или перерабатываетъ прежнія понятія, видоизмѣняется подъ условіями мѣстности и времени; при томъ слово не всегда принимается въ прямомъ значеніи, часто скрываетъ въ себѣ не то понятіе, какое повидимому должно бы принадлежать ему, иногда вмѣщаетъ въ себѣ два, три и болѣе понятій разомъ, не рѣдко утрачиваетъ прямое значеніе и оставляетъ только переносное, иносказательное, какъ бы маскируется. Что касается до областныхъ рѣченій, то они могутъ запутать изслѣдователя еще болѣе, чѣмъ слова принятыя въ общемъ употребленіи и достаточно объясненныя и корнесловами, и словарями. Тщательное изслѣдованіе областнаго словаря открыло въ нѣкоторыхъ великорусскихъ областныхъ говорахъ примѣсь всевозможныхъ европейскихъ и азіатскихъ языковъ. Г. Березинъ нашелъ у насъ слова, сходныя или заимствованныя изъ языковъ якутскаго, персидскяго, татарскаго, турецкаго, монгольскаго и другихъ; г. Гильфердингъ составилъ цѣлую систему сродства нашихъ словъ съ санскритскими корнями; г. Григорьевъ находитъ у насъ слова камчадальскія, монгольскія, татарскія, персидскія и тюркскія; г. Гротъ — скандинавскія, т. е. исландскія, шведскія и датскія и проч. (Матер. для слов. II отд. ак. 1854). Естественно, что въ такой амальгамѣ словъ и корней, заимствованій и сродства звуковъ, какую представляетъ «Опытъ областнаго словаря», не трудно спутаться, принять ложное примѣненіе слова за истинное, на непрочномъ основаніи построить цѣлое зданіе предположеній и догадокъ; но подобная непріятность ожидаетъ только того, кто потеряется въ этомъ собраніи словъ, то есть кто не съумѣетъ справиться съ богатствомъ матеріала, кого, такъ-сказать, задавитъ эта масса осьмнадцати тысячъ рѣченій, изъ которыхъ иное, утратившись повидимому на всемъ пространствѣ Россіи, встрѣчается разомъ въ двухъ противоположныхъ ея концахъ, иное же слишкомъ удалилось отъ первоначальнаго корня, какъ бы забыло даже свою родину. Богатство матеріаловъ дѣйствуетъ такимъ образомъ только на безсильнаго, ко-

торому трудно управиться и съ своими скудными средствами; но съ г. Буслаевымъ этого случиться не могло. Изъ 18,000 словъ, онъ удачно выбралъ только то, что соотвѣтствовало его цѣли и своими любопытными выводами показалъ какую услугу сдѣлало наукѣ изданіе академіею областныхъ рѣченій. Правда, нѣкоторыя остроумныя сближенія г. Буслаева отчасти нуждаются еще въ подтвержденіяхъ, хотя и опровергать ихъ едвали возможно безъ помощи новыхъ данныхъ, которыхъ въ настоящее время еще не можетъ дать наука. Такимъ образомъ передъ иными выводами и сближеніями его только можно пока поставить вопросы, которые, быть можетъ, впослѣдствіи и разрѣшатся. Посмотримъ, напримѣръ, къ какимъ сближеніямъ приводятъ находящіяся въ областномъ словарѣ и стоящія рядомъ слова *пильчукъ*—глазъ и *пилюкать* — рѣзать. Г. Буслаевъ замѣчаетъ предварительно, что «въ развитіи корня слова по различнымъ значеніямъ лингвистика, ограничивалась прежде только логическимъ путемъ, не признавая въ творчествѣ языка произвольныхъ увлеченій фантазіи, чѣмъ значительно ослабляла участіе языка въ духовномъ развитіи народа. Чтобъ не растеряться въ разноголосицѣ звуковъ и необъятной массѣ словъ и грамматическихъ формъ, весьма естественно наука сначала должна была искать себѣ путеводной нити только въ отвлеченныхъ логическихъ категоріяхъ и, утомясь сухимъ анализомъ звуковъ и формъ, не могла почувствовать въ языкѣ той свободной игры звуковъ и представленій, которая даетъ слову всѣ свойства художественнаго произведенія. Какъ художественное произведеніе, слово подчиняется и законамъ логики; но какъ художественное же произведеніе, оно не исчерпывается ими вполнѣ. Основное впечатлѣніе, проведенное по различнымъ значеніямъ словъ, можетъ быть и оправдано логически; но коренится оно на живомъ, непосредственномъ ощущеніи. Такъ *языкъ сближаетъ понятія свѣта и зрѣнія съ понятіями быстроты, удара*, *полета или бѣга*, *разрѣза* и т. п.» На основаніи этихъ, совершенно справедливыхъ соображеній, дѣлается сближеніе словъ *пильчукъ* и *пилюкать,* то-есть, что слово *пильчукъ*—глазъ сближаетъ понятіе свѣта и зрѣнія съ понятіями быстроты, удара, разрѣза и т. п. выраженныя въ словѣ *пилюкать*—рѣзать (I. 159—160).

По нашему мнѣнію, этотъ выводъ нѣсколько сомнителенъ. Отчего, напримѣръ не допустить, что и *пильчукъ* и *пилюкать* произошли отъ двухъ совершенно различныхъ корней. Если это возможно, то и

помянутое сближенiе окажется только видимымъ, слѣдовательно ошибочнымъ. Что *пилюкать* и *пилить* имѣютъ одинъ корень—въ этомъ нѣтъ сомнѣнiя; но происходитъ ли отъ этого корня *пильчукъ,* это еще неизвѣстно. Въ областномъ же словарѣ, рядомъ съ этимъ словомъ, мы находимъ и другiя, видимо идущiя отъ одного и того же корня, именно: *пiльный, пилькувать, пильковать, пiльно, пиленный.* Если же мы допустимъ, что *пильчукъ* и *пилить* имѣютъ общiй корень, тогда должны будемъ произвести отъ него и всѣ упомянутыя слова. Но эти слова всѣ записаны въ губернiяхъ тульской курской, смоленской, калужской и орловской, то-есть въ тѣхъ гдѣ чувствуется влiянiе или присутствiе южно-русскаго или украинскаго нарѣчiя, въ которомъ есть всѣ эти слова—и *пiльно,* и *пилькувать* и др. Корень ихъ, какъ всякiй знаетъ, кроется въ польскомъ языкѣ, именно въ словѣ *pil-no*, *pil-ny,* что совершенно равносильно областному *пiльно*, *пiльный,* но отнюдь не въ словѣ *pil-a*, *pil-ouac'* (тоже разграниченiе этихъ корней видимъ и въ чешскомъ языкѣ). Мы отнюдь не смѣемъ утверждать, что *пiльчукъ* происходитъ отъ *пiльный;* но отчего же не предположить этого? Отчего наконецъ не предположитъ, что *пiльчукъ* имѣетъ что нибудь общее съ выраженiемъ *пялить* глаза? И такъ вотъ относительно какихъ выводовъ мы смѣемъ выражать сомнѣнiе, потому что оно невольно рождается. Весьма естественно также усомниться и въ слѣдующемъ сближенiи, допущенномъ г. Буслаевымъ,—и это будетъ не натяжка съ нашей стороны, а искреннее выраженiе недоумѣнiя. *Огниво*—крутой поворотъ, по мнѣнiю г. Буслаева, сближаетъ понятiе свѣта (огонь) съ понятiемъ быстроты. Но вѣдь *огниво* не значитъ только «крутой поворотъ» (положимъ, въ этихъ двухъ словахъ и выражается отчасти понятiе быстроты), а означаетъ главнымъ образомъ «большой изгибъ на шпангоутѣ». Можетъ ли же въ понятiи, соединенномъ съ словомъ «изгибъ», что нибудь напоминать понятiе быстроты? При томъ *огнивомъ* называется то мѣсто на кормѣ судна или барки, гдѣ кладутся *подушки* (мор. терминъ), изъ которыхъ одна называется *огнивомъ.* Всякiй можетъ видѣть на любомъ рѣчномъ суднѣ, что эта *подушка* (или *огниво*) имѣетъ *форму огнива* («кресала») которымъ вырубается огонь изъ кремня. Слѣдовательно, самая форма «подушки», совершенно напоминающая форму огнива (кресала), могла служить поводомъ къ перенесенiю названiя огнива на предметъ его напоминающiй, но отнюдь не потому «подушка» названа «огнивомъ»,

что деревянный обрубокъ, пришитый (техн. выраж.) къ кормѣ гвоздями, можетъ заключать въ себѣ хотя малѣйшій намекъ на понятіе быстроты. Точно также мы не рѣшаемся допустить сближенія понятій свѣта и быстроты въ словѣ *огнива*, означающемъ и «кость въ крылѣ птицы» и «главное летовое перо въ крылѣ» на томъ основаніи, что *форма* кости въ крылѣ птицы и самая форма летоваго пера, еще болѣе чѣмъ форма кормовой подушки, напоминаютъ огниво, которымъ вырубается огонь. Птичье крыло имѣетъ двѣ большія кости и одна изъ нихъ особенно похожа на огниво, какія дѣлаются не изъ цѣльнаго куска стали, а изъ перегнутой пластинки. Мы опять-таки не утверждаемъ, что наше предположеніе вѣрно, но всякій согласится конечно, что указанныя нами сближенія могутъ вызвать возраженіе, подобное нашему, отъ котораго мы впрочемъ готовы и отказаться, тѣмъ болѣе, что вовсе не имѣли намѣренія опровергать выводы г. Буслаева, а утверждали только, что предъ нѣкоторыми изъ нихъ какъ-то невольно хочется спросить: а отчего бы не допустить и такъ? Г. Буслаевъ самъ иногда сознаетъ непрочность выводовъ, основанныхъ не рѣдко на простой игрѣ словъ, на внѣшнемъ подобіи корней, на звукахъ, съ которыми такъ безцеремонно обращается народъ какъ полный хозяинъ своего добра, какъ творецъ этого языка, который гибокъ и послушенъ на столько, на сколько хватаетъ у народа капризнаго произвола—все прилаживать такъ, что бы органы его не стѣснялись произношеніемъ того или другаго слова, того или другаго звука. О языческомъ поклоненіи нашихъ предковъ г. Буслаевъ составляетъ себѣ понятіе по нѣкоторымъ намекамъ, разсѣяннымъ въ словарѣ. Одинъ глаголъ, по его мнѣнію, соединяетъ понятіе заклятія съ возліяніемъ («если только не случайно подобное совпаденіе», прибавляетъ г. Буслаевъ), именно *чурить*, т. е. *чурать*, говорить «чуръ», въ архангельской губерніи, и «лить» въ тобольской (I,195). Дѣйствительно, въ первомъ случаѣ *чурить* происходитъ отъ слова «чуръ», но во второмъ—это просто капризъ богатой и свободно-творческой русской рѣчи, которая охотно создаетъ слова на подражаніи звукамъ: *чурить*, *журчать, дзюрить* и *чурить* (въ южно-русскихъ говорахъ)—все это равносильныя выраженія: и кровь изъ раны «чуритъ», и брага «чуритъ», когда у боченка ототкнутъ «чипъ» (кранъ, втулка). *Чурить* имѣетъ также одно тривіальное значеніе, которое и записано въ областномъ словарѣ (третье по счету, въ иркутской губерніи); это-то значеніе и можетъ служить опроверженіемъ догадки г. Буслаева.

Еще одно замѣчаніе. Выводы, сдѣланные на сближеніи словъ областнаго словаря, могутъ быть иногда не совсѣмъ удачны. Говоря о *пращѣ*, какъ о древнѣйшемъ оружіи, г. Буслаевъ замѣчаетъ, что въ дѣтскихъ играхъ часто сохраняются обычаи и преданія старины, и притомъ тверже, чѣмъ въ быту людей взрослыхъ. «Дѣти слушаютъ старинныя сказки, стрѣляютъ изъ лука, пускаютъ летучаго и гремучаго змѣя. Это явленіе весьма естественно: преобразованія и улучшенія касаются тѣхъ, кто принимаетъ дѣятельное участіе въ жизни, касаются взрослыхъ: дѣти же все одни и тѣже и въ старину и теперь; потребности ихъ также ограничены; также легко удовлетворить ихъ тѣмъ, чѣмъ забавлялись дѣти и въ старину. Веду рѣчь къ тому, что и доселѣ въ одной дѣтской игрѣ сохранилась память о пращѣ.» Г. Буслаевъ указываетъ на игрушку, которая въ костромской, ярославской, тульской и другихъ губерніяхъ называется *буркало* и состоитъ изъ косточки на веревкѣ или *буркалилъ*; игра заключается въ томъ, что приводя въ движеніе буркалило, вертятъ буркаломъ (собственно буркалиломъ кидаютъ вдаль сухіе глиняные шарики, для отгона птицъ изъ садовъ, какъ значится въ словарѣ). Но извѣстно, что и глаза называются также «*буркалами*», а «*буркать*» значитъ глазѣть, моргать. Производя и «буркалы» (глаза), и «буркало» (праща) отъ одного корня, г. Буслаевъ видитъ въ этомъ согласіе представленій, которое находится между быстрымъ движеніемъ и взоромъ, подобно тому какъ «перстомъ мигать»—въ одной старинной пословицѣ, и «губами сверкать»—въ Домостроѣ (I. 85). Мы не знаемъ отъ какого корня происходитъ слово «буркалы» въ значеніи глазъ, но знаемъ, что «буркало», въ значеніи пращи,—слово звукоподражательное, и оттого по-малорусски «буркалило» называется «гуркало», а звукъ, въ подобіе которому дано названіе орудію, производящему его, «гуръ», а глаголъ отъ него происшедшій «гуркати», «гурчати», и подобный ему глаголъ — «бурчать». Если бы слово «буркало» (праща) не составилось подъ вліяніемъ звукоподражанія, то эта праща въ одномъ и томъ же словарѣ не называлась бы «брунчалкой». А отыскавъ въ словарѣ слово *брунчалка*, читаемъ: «выстроганная дощечка, которую привязываютъ къ шнурку; когда вертятъ ее колесообразно, то она издаетъ звукъ;» а противъ слова *брунчать* поставлено значеніе—бренчать. И такъ, естественно, что буркало, въ значеніи пращи или игрушки, названо по звуку, который оно производитъ; а почему глаза называются

буркалами, мы не знаемъ, но во всякомъ случаѣ, едва ли въ созданіи этого названія принималъ участіе законъ составленія словъ по звукоподражанію.

Мы сожалѣемъ, что по необходимости должны были указать на эти, кажется, единственно-сомнительныя мѣста въ филологическихъ сближеніяхъ г. Буслаева, и не посѣтуемъ, если замѣчанія наши будутъ опровергнуты точными законами лингвистики, тѣмъ болѣе, что если-бы указанныя нами два-три мѣста и были въ самомъ дѣлѣ слабыми, то все это совершенно ничтожно въ сравненіи съ тѣмъ, что̀ дѣйствительно-хорошаго представляетъ трудъ г. Буслаева. Постараемся также и на будущее время избѣгать этихъ скучныхъ отступленій, которыя невольно заставляютъ вдаваться въ сухія лингвистическія конъектуры, когда рѣчь собственно должна идти о народной поэзіи и жизни и когда изучаемое нами сочиненіе представляетъ впереди столько интересныхъ предметовъ, столько жизненныхъ вопросовъ, стоящихъ, такъ-сказать, на очереди.

Гдѣ всего болѣе представляется суровая, безотрадная сторона жизни народа, такъ это въ томъ циклѣ поэтическихъ сказаній, который бросаетъ уже миѳологическую основу, гдѣ народная поэзія выходитъ изъ туманной области эпическихъ воззрѣній, отводитъ на второй планъ героевъ — богатырей, которые дѣйствовали не своей силой, и образы вѣщихъ существъ, болѣе или менѣе далекихъ отъ настоящаго человѣка, каковъ онъ есть на самомъ дѣлѣ, и гдѣ, напротивъ, народъ выводитъ на сцену самаго себя, рисуетъ передъ нами свою дѣйствительную жизнь, какова она въ сущности, вдали отъ боговъ, какъ управляется съ этой жизнью самъ человѣкъ, существо болѣе или менѣе слабое, рѣдко счастливое, хотя въ поэтическомъ творчествѣ народъ касается самаго себя всегда какъ будто мимоходомъ, при случаѣ, и никогда долго не останавливается на созерцаніи печальной стороны своего существованія (исключая позднѣйшей—бытовой поэзіи). Понятно, что онъ любилъ забываться хотя въ созданіяхъ своей собственной фантазіи, за неимѣніемъ ничего отраднаго на чемъ бы съ любовію остановилась его мысль, на чемъ бы успокоилось его чувство. Сознавая своею незрѣлою мыслью, догадываясь чутьемъ, свойственнымъ существу мыслящему, что онъ могъ бы быть чѣмъ-нибудь инымъ, совершеннѣе, сильнѣе и счастливѣе того, какимъ онъ видѣлъ себя въ жизни, человѣкъ создавалъ для себя небывалые образы небывалыхъ существъ, фиктивное олице-

твореніе того, чѣмъ бы онъ, казалось ему, самъ могъ быть. И вотъ передъ нимъ являются счастливые полубоги, одаренные нездѣшнею силою, которымъ ничто не опасно и ничто не вредно, которые, если встрѣчаются съ врагомъ, всегда побѣждаютъ его, потому что сильны, подвергаются опасности, изъ которой никогда не вышелъ бы слабый человѣкъ, и выходятъ изъ нея цѣлы и невредимы; имъ все помогаетъ, все имъ удается, все покоряется: имъ ничего не значитъ найдти коня богатырскаго, который и одѣваетъ, и бережетъ ихъ, и переноситъ черезъ рѣки широкія, черезъ горы высокія, черезъ лѣса дремучіе. Спятъ они, когда хотятъ, и нездѣшнія силы оберегаютъ ихъ; мучитъ ихъ голодъ и они находятъ накрытый столъ и кушаютъ съ золотыхъ блюдъ и пьютъ изъ золотой чары. Нѣтъ у нихъ голодныхъ дѣтей, которые просили бы хлѣба, нѣтъ и мелкихъ жизненныхъ дрязгъ, отъ которыхъ сохнетъ и дряхлѣетъ человѣкъ. Оттого эти счастливыя и сильныя существа—большею частію, или царевичи, или королевичи; а если и удавалась иногда Иванушкѣ «крестьянскому сыну» отъ толокна до лука, прямо съ запечья, перейти къ царскимъ яствамъ, добыть себѣ царевну, такъ это была невинная лесть народа самому себѣ, наивное самоуслажденіе и отчасти протестъ, заявленный въ силу такихъ соображеній, что и этотъ оборванный, неумытый Иванушка могъ бы быть не хуже королевичей, еслибы только помогла ему «сивка–бурка вѣщая коурка». Это было такое же невинное утѣшеніе, подкрашиваніе сѣрой дѣйствительности, какъ и самое созданіе богатырей, которымъ все удавалось въ сказкѣ и былинѣ, идеализированіе простаго человѣка, которому въ сущности ничто не удавалось. — Но когда мало–по–малу миновала для народнаго творчества эта дѣтская эпоха, эта пора самоуслажденія подобными типами, для народнаго творчества наставала пора созданія иныхъ типовъ, поэзія вступила въ новый циклъ развитія, воображеніе чаще переносилось къ землѣ и къ земнымъ дѣламъ, мысль чаще стала останавливаться на людяхъ и на ихъ мелочныхъ, жалкихъ дѣлахъ. Жизнь начинала вступать въ свои права. Такъ было вездѣ и всегда. Такъ было и въ поэтической Греціи: Аристофанъ начинаетъ сводить боговъ съ неба на землю и осмѣивать ихъ, ставить въ самыя неловкія положенія; боги теряютъ свою чарующую прелесть и на сцену выступаютъ простые люди, сапожники, богатые и бѣдные люди; является толпа съ ея жалкою жизнью и ея повседневными заботами; вмѣсто героевъ дѣйствуютъ отпущен-

ники и рабы. И наша народная поэзія начинала переставать тѣшиться богатырями и царевичами; ее начинали занимать жизнь и людскія отношенія, хотя разомъ не могла оторваться отъ преданій старины, отъ миѳологическихъ существъ, дѣйствовавшихъ нѣкогда вмѣсто простыхъ смертныхъ. Даже пѣвецъ Игорева полка не можетъ еще оторваться отъ Дажьбога и его внуковъ, но въ тоже время его мысль переносится прямо къ землѣ, къ человѣку, къ войнѣ дѣйствительной и къ дѣйствительнымъ страданіямъ. И какою суровою вдругъ является эта дѣйствительность! Въ созданіи эпическихъ личностей миѳологическаго цикла участвовала только фантазія, но не участвовало сердце: а здѣсь и оно бьется за русскую землю, засѣянную русскими костями, за кровь, которою полита эта нива, *за горе*, которое взошло на нивѣ, засѣянной человѣческими костями и политой человѣческой кровью. Когда богатырь убивалъ тысячи людей, заметалъ конскимъ хвостомъ силы несмѣтныя, тогда еще не жалко было этихъ воображаемыхъ людей, точно они были не люди, или чужіе какіе; а теперь становится жаль ихъ. Что нужды было прежнимъ пѣвцамъ, пѣвшимъ о богахъ и богатыряхъ, до простаго «ратая?»—«Тогда по руской земли рѣтко ратаевѣ кикахуть, къ часто врани граяхуть, трупіа себѣ дѣляче, а галици свою рѣчь говоряхуть, хотять полетѣти на уедіе». А теперь и горе «ратая» близко сердцу бояна, и русская земля, раздираемая крамолами, возбуждаетъ жалость, и слезы русскихъ женъ имѣютъ цѣну въ глазахъ пѣвца.

Темная сторона жизни, которой начинала касаться поэзія выражалась впрочемъ только вскользь, какъ будто она сама, помимо воли и сознанія народа, врывалась въ пѣсню и былину и, выражаясь стихомъ, принимала эпическую форму. Самая эпичность извѣстныхъ выраженій свидѣтельствуетъ, что таково было народное воззрѣніе на эту жизнь, начинавшую получать мѣсто въ поэтическихъ созданіяхъ. Оттого такъ тожественны эпическія выраженія поэзіи XII вѣка, выраженія Слова о полку игоревѣ, съ эпическими формами малорусской народной поэзіи, на что г. Буслаевъ обратилъ особенное вниманіе въ V главѣ своихъ историческихъ очерковъ. Эпическія формы, какъ въ Словѣ, такъ и въ малорусской, а также и въ великорусской поэзіи являются тогда, когда рѣчь идетъ или о битвахъ, которыя не оставляли народа въ покоѣ въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій, или о послѣдствіяхъ, сопряженныхъ съ войнами. Поэзія конечно, касалась преимущественно только того, что̀ выходило изъ ряда обык-

новеннаго теченія скромной жизни; а самыми видными событіями въ этой жизни были войны; само собою разумѣется, во время войны являлись личности, выходившія изъ ряда обыкновенныхъ уже тѣмъ, что имѣли храбрость и силу, — и на нихъ то поэзія перенесла свое вниманіе. Поле битвы, покрытое трупами, всегда уподобляется нивѣ, засѣянной костями или буйными головами молодецкими, политой не осеннимъ частымъ дождичкомъ, — горючими слезами, или кровью человѣческою. Это мы видимъ и въ Словѣ о полку игоревѣ, и въ думахъ украинскаго народа, и во многихъ русскихъ пѣсняхъ; эта же сторона народной поэзіи, собственно тожество эпическихъ выраженій въ Словѣ и въ думахъ, достаточно раскрыто г. Буслаевымъ, и потому было бы излишне повторять его доводы. Но мы не можемъ оставить безъ вниманія другія стороны, какъ поэзіи XII вѣка, такъ и былинъ позднѣйшаго времени. Эти стороны дороги для насъ тѣмъ, что въ нихъ пробивается наружу жизнь и сквозятъ дѣйствительныя чувства народа, чего мы не видимъ въ поэзіи по преимуществу миѳологическаго цикла. Послѣ битвы при Каялѣ, гдѣ полегло столько храбрыхъ головъ, сама природа сочувствуетъ общему горю, и «ничить земля жалощами, а древо съ тугою къ землѣ преклонилось;» встали распри между князьями, начались кругомъ опустошенія, — и вотъ плачутъ русскія жены о своихъ мужьяхъ, «встона бо, братіе, Кіевъ тугою, и Черниговъ напастьми, тоска разліяся по русской земли.» — Вездѣ проглядываетъ скорбное чувство; видно, что сердце болитъ за всѣхъ, не за себя только, и сколько повидимому ни радуютъ пѣвца побѣды, онъ и тутъ не можетъ забыть, какъ дорого онѣ обошлись русскому народу. Во всемъ этомъ воззрѣніи столько человѣчности, столько истиннаго чувства, и такая неподдѣльная прелесть разсказа, что только жизнь, сознательно понимаемая, могла высказаться подобнымъ образомъ, только она могла научить поэта говорить и просто, и трогательно. Такъ и во всей русской народной поэзіи: гдѣ больше дѣйствительной жизни, тамъ больше и чувства, и неподдѣльной красоты. Радости жизни рѣдко служили темою поэтическихъ сказаній, можетъ быть потому, что слишкомъ бѣдна была эта жизнь и радости не часто выпадали на долю человѣка; напротивъ, что отравляло эту жизнь, то надолго оставляло по себѣ память въ народѣ, можетъ быть потому, что слишкомъ часто напоминало о себѣ, и наконецъ становилось источникомъ для преданія, разсказа и поэтическаго вдохно-

венія. Ничто такъ живо не чувствовалось народомъ, какъ бѣдствіе войны, и потому битва, борьба съ врагами и внутреннія усобицы давали богатую пищу народному творчеству. Оттого такъ картинны описанія битвъ въ Словѣ о полку игоревѣ; оттого съ такими возмутительными подробностями поэты всѣхъ народовъ рисуютъ сѣчи, рѣзню и послѣдствія этихъ событій. Было бы излишне приводить здѣсь мѣста изъ Слова о полку игоревѣ, изъ русскихъ и малорусскихъ пѣсенъ, потому что все это болѣе или менѣе извѣстно каждому, сколько нибудь знакомому съ народной поэзіей; но нельзя при этомъ не замѣтить, что и поэзія другихъ Славянъ не менѣе яркими красками умѣетъ рисовать кровавыя сцены сраженій, потому что отъ войнъ и безчеловѣчныхъ битвъ, къ несчастью, не спаслась ни одна народность. Въ сербскихъ историческихъ пѣсняхъ есть не мало мѣстъ, при чтеніи которыхъ какъ–то обидно становится за человѣчество, доведенное до такого необъяснимаго звѣрства, что поэтъ какъ-будто съ любовью проводитъ передъ вами цѣлый рядъ самыхъ жестокихъ сценъ убійства. Не мало такихъ мѣстъ находимъ и въ краледворской рукописи, гдѣ поэтъ говоритъ о битвахъ Чеховъ съ врагами своей родины. Въ «Ярославѣ» при описаніи сраженія съ Татарами, не забыты мельчайшія подробности схватки: и какъ у кого голова на–двое разсѣчена, у кого обѣ руки отрублены, какъ иной съ коня валится, другому въ сердце мечъ вонзили по самую рукоятку, а тому Татаринъ ухо отрѣзалъ, — стукъ и звяканья мечей, страшный свистъ каленыхъ стрѣлъ, ломъ древокъ, трескъ перебитыхъ копій, стонъ и радость, ручьи крови, какъ дождевая вода, и груды тѣлъ, какъ деревья поваленныя въ кучу, — все это такъ какъ и у насъ, какъ и вездѣ, съ одинакими эпическими сравненіями и уподобленіями.

Только въ томъ разница между эпическими пріемами Слова о полку игоревѣ и малорусскихъ думъ, что въ первомъ случаѣ въ подвиги людей мѣшаются какія–то невѣдомыя силы, туманныя личности миѳологическихъ существъ: и «дивъ кличетъ врьху древа, велитъ послушати земли незнаемѣ,» и князь рыщетъ волкомъ и поспѣваетъ въ ночь, до пѣтуховъ изъ Кіева въ Тмутаракань, и вѣтры олицетворяются, какъ живыя существа. Все это еще далеко отъ дѣйствительной жизни. Между тѣмъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ — тожество пріемовъ удивительное: внѣшнее тожество или одинаковость выраженій, эпическое повтореніе однихъ и тѣхъ же словъ было

слѣдствіемъ — тожества воззрѣній на извѣстныя, большею частію внѣшнія явленія; но эта внѣшняя сторона поэзіи, столь важная для уразумѣнія стилистики народнаго эпоса, менѣе важна, когда мы будемъ смотрѣть на поэзію не съ лингвистической только точки зрѣнія, а разсматривать ее, какъ выраженіе народной мысли, духовной и общественной жизни массъ, — однимъ словомъ, какъ выраженіе всего человѣка, существа не только говорящаго и способнаго мыслить, но и дѣйствительно мыслящаго, радующагося и страдающаго, имѣющаго, свой взглядъ на жизнь и человѣческія отношенія, существа способнаго къ развитію и еще болѣе способнаго чувствовать свое положеніе. Для этой внутренней стороны поэзіи мы невольно забываемъ внѣшнюю чисто-лингвистическую, потому что когда встрѣчаемъ тожество поэтическихъ пріемовъ въ томъ, напримѣръ, что орлы являющіеся на трупы воиновъ, вездѣ сопровождаются одинаковыми эпитетами, или что выраженіе «быть убитымъ» вездѣ замѣняется эпическими фразами — «кровью море дополнять, а бѣлымъ тѣломъ орловъ и волковъ, кормить,» — эти фразы не такъ хватаютъ за сердце, какъ тѣ, которыя самъ народъ произносилъ неравнодушно, въ которыхъ проглядываетъ его человѣческое чувство, въ которыхъ приковываетъ ваше вниманіе не столько внѣшняя форма или эпичность выраженія, сколько тотъ внутренній смыслъ, прикрытый этою формою, который цѣннѣе всякой внѣшности. Русская народная поэзія, кромѣ эпичности пріемовъ, пѣвучести и музыкальности стиха, кромѣ образности и выразительности языка, не чужда и общечеловѣческаго смысла, и внутреннее, историческое ея значеніе имѣетъ несравненно бо́льшую цѣну, чѣмъ всѣ эти, по нашему мнѣнію, чисто внѣшнія достоинства. Эти-то, жизненныя стороны нашей поэзіи, эти-то, такъ сказать, проблески дѣйствительной, разумной жизни пѣвучаго, но къ сожалѣнію мало развитаго народа мы и будемъ преимущественно имѣть въ виду при дальнѣйшемъ знакомствѣ съ изслѣдованіями г. Буслаева, въ полной увѣренности, что только такое изученіе памятниковъ внутренней самодѣятельности народа покажетъ намъ, что̀ вынесъ онъ изъ своего недѣятельнаго, хотя продолжительнаго историческаго существованія и чего не достаетъ ему.

Д. МОРДОВЦЕВЪ.

(*Окончаніе будетъ.*)

Уличные типы. Текстъ А. Голицынскаго, съ 20-ю рисунками М. Никколо. Изданіе К. Рихау. 1860. Москва.

«Если хотите знать народъ, изучайте его на улицѣ», сказалъ одинъ философъ. Къ русскому человѣку скорѣй всего можно сдѣлать такое приложеніе. Нашъ простолюдинъ — гость у себя дома, и часто гость очень церемонный: тутъ вы отъ него иногда слова не добьетесь. Онъ является домой большею частью для того только, чтобъ поѣсть, отдохнуть, да пожалуй умереть. Вся его жизненная и общественная дѣятельность выражается на улицѣ: здѣсь онъ работаетъ, пьетъ, гуляетъ, бранится, торгуетъ, мошенничаетъ, значитъ, весь на распашку; наблюдай и рисуй, сколько хочешь».

Такъ г. Голицынскій начинаетъ вступленіе къ своей книгѣ: «Уличные типы». Это его программа. Изъ этихъ словъ видно, что авторъ придаетъ своему произведенію довольно важное значеніе; онъ полагаетъ, что оно можетъ познакомить читателя съ народною жизнью, и конечно, всякій образованный читатель согласится, что узнать свойства и потребности нашего народа,—насущная задача нашего времени. Мы съ живѣйшимъ сочувствіемъ встрѣчаемъ комедіи Островскаго и Писемскаго, потому что онѣ открываютъ черты народнаго характера; каждое собраніе пѣсенъ, сказаній, легендъ подвергается серьезной критикѣ и внимательному изученію; каждая черта народной жизни, занесенная въ лѣтописи или въ разгульную пѣсню бурлака, съ любовью и съ жаднымъ вниманіемъ отмѣчается талантливыми и добросовѣстными изслѣдователями нашей отечественной исторіи.—Мы недавно принялись за изученіе народности, и какъ будто въ разъясненіи ея хотимъ провѣрить свои недостатки, слабости, несчастія, однимъ словомъ, подмѣтить и опредѣлить истинныя черты своего характера. Мы приходимъ къ сознанію, что историческая маска вовсе не передаетъ вѣрнаго портрета народной физіономіи. И вотъ, намъ обѣщаютъ представить рядъ картинъ, изображающихъ жизнь народа на московскихъ улицахъ. Это любопытно. Не ожидая глубокаго изученія, мы однакожъ позволяемъ себѣ надѣяться, что встрѣтимъ нѣсколько сценъ, полныхъ жизни и здороваго юмора, нѣсколько мѣтко схваченныхъ чертъ народнаго характера, нѣсколько типическихъ, бойко очерчен-

ныхъ фигуръ. Надѣемся, наконецъ, что авторъ, согласно своему обѣщанію, отнесется къ предмету серьезно и тепло, какъ должно относиться къ свѣжему и молодому организму, не успѣвшему развернуться, но представляющему задатки здоровой силы и будущей самостоятельной дѣятельности. Во имя этихъ задатковъ надо извинить и оправдать существующія безобразныя уклоненія и ошибки; молодостью этого народа, его неразвитостью, объясняется большая часть его слабостей и недостатковъ. Мы не требуемъ оптическихъ обмановъ, мы не боимся тяжелаго впечатлѣнія, не отвертываемся отъ нравственнаго зла, но настоятельно требуемъ, чтобъ это зло было намъ объяснено, чтобы наше обличеніе было не клеветой на дѣйствительность, не камнемъ, брошеннымъ въ грѣшника, а осторожнымъ и бережнымъ раскрытіемъ раны, на которую мы не имѣемъ права смотрѣть съ ужасомъ и отвращеніемъ. Наука и искусство должны мирить насъ съ жизнью, объясняя намъ ея смыслъ и внушая мягкое и осмысленное состраданіе къ самымъ, по видимому, неизвинительнымъ уклоненіямъ ея отъ законовъ разума. Законъ осуждаетъ уголовнаго преступника, отдѣляетъ его отъ общества, наказываетъ его физическою или гражданскою смертью, повинуясь грустной необходимости оберегать большинство и во имя его интересовъ и безопасности жертвовать отдѣльною личностью; но человѣкъ, и тѣмъ болѣе художникъ, долженъ видѣть въ преступникѣ человѣка, смотрѣть на него какъ на больнаго, и не клеймить его своимъ презрѣніемъ. Объясняя преступленіе, мы уже до нѣкоторой степени его извиняемъ; человѣкъ дурно воспитанный, не видѣвшій съ дѣтства ни ласки, ни совѣта, можетъ сдѣлаться бездушнымъ эгоистомъ, мелкимъ или крупнымъ взяточникомъ, уличнымъ воромъ или грубымъ деспотомъ въ семействѣ, смотря по тѣмъ обстоятельствамъ, при которыхъ сложилась его жизнь, смотря по тому положенію, которое онъ займетъ въ обществѣ, смотря по тѣмъ жизненнымъ средствамъ, которыя достанутся ему на долю. Порокъ, которому онъ предается, конечно будетъ противенъ нашему нравственному и эстетическому чувству, но одержимая имъ личность возбудитъ наше состраданіе; если дерево ростетъ въ сукъ, его надо выправлять, разузнавъ сначала причины, заставившія его уклониться отъ нормальнаго направленія; если ребенокъ капризенъ, или склоненъ ко лжи, надо изучить его характеръ и подъискать средства, способныя дѣйствовать на него благотворно, а не презирать его и не глумиться надъ его слабостями. А развѣ больной не тотъ же ребенокъ? А развѣ человѣкъ,

испорченный въ нравственномъ отношеніи,—не больной? А развѣ пороки цѣлаго сословія или даже цѣлаго народа не болѣзни? Относиться къ этимъ порокамъ съ легкою шуткою—непростительно. Это значитъ зубоскалить надъ тѣмъ, отъ чего многіе страдаютъ и плачутъ. Относиться къ нимъ съ безпощаднымъ осужденіемъ, хладнокровно презирать ихъ, значитъ бить ребенка за то, что онъ не понимаетъ заданнаго урока. Есть, конечно, нравственное зло до такой степени наглое, есть люди до такой степени испорченные, что противъ нихъ возмущается вся наша природа; отъ такихъ людей отступится самый гуманный педагогъ, самый великодушный филантропъ, какъ самый просвѣщенный медикъ можетъ отказаться отъ больнаго, уже превращающагося въ трупъ. Но съ такими исключеніями литературѣ нечего дѣлать. Раскапывать грязь, чтобы показать, какъ она грязна, раскапывать ее безъ малѣйшей надежды, и даже безъ желанія отъискать въ ней что нибудь, заслуживающее оправданія или объясненія — трудъ безплодный и неблагодарный. Что говорятъ намъ злодѣи разныхъ парижскихъ и лондонскихъ тайнъ, наводнявшихъ французскую литературу? Что есть негодяи, мошенники и разбойники. Это всякій знаетъ. Кто желаетъ по этому предмету навести статистическія справки, тому всего удобнѣе обратиться въ архивы уголовныхъ судовъ. Тамъ, по крайней мѣрѣ, найдется дѣйствительность, а не поддѣлка, не вымыселъ. Со стороны художника нельзя считать законнымъ ни враждебное отношеніе къ выводимой имъ дѣйствительности, ни холодное равнодушіе. Кто смотритъ на предметъ непріязненно, тотъ видитъ или слишкомъ мало или слишкомъ много, тотъ вмѣсто картины представитъ каррикатуру. Кто смотритъ на предметъ совершенно холодно, тотъ не имѣетъ достаточной побудительной причины вглядѣться въ него и изучить его, тотъ не имѣетъ достаточно внутренней силы и теплоты, чтобы выносить его въ груди и вдохнуть ему живое дыханіе жизни. Фотографія не картина, и ремесленникъ не художникъ, хотя бы онъ довелъ до высокаго совершенства техническую отдѣлку своихъ произведеній. Дайте намъ въ художникѣ человѣка, и хорошаго человѣка, способнаго хоть въ минуты творчества любить горячо и сильно, стремиться къ добру и красотѣ и, ненавидя зло, прощать и щадить злодѣя, какъ слабаго и больнаго человѣка! Чтобы возсоздавать сцены народной жизни, всего необходимѣе эта способность любить, способность спускаться въ міросозерцаніе людей, стоящихъ ниже насъ по своему развитію, и не относиться къ ихъ

радостямъ и горестямъ, къ ихъ ошибкамъ и страданіямъ съ холодной высоты отвлеченной мысли.

Эти замѣчанія вызваны не самою книгою г. Голицынскаго, а тѣми ожиданіями и требованіями, на которыя даетъ намъ право самоувѣренный и самодовольный тонъ его вступленія. Трудно, впрочемъ, согласиться съ тѣми словами, которыя я привелъ въ началѣ статьи. Россія — не Италія, Москва — не Римъ; ни климатъ, ни характеръ народа не располагаютъ къ такому обширному развитію наружной жизни, при которомъ изучать народъ было бы всего удобнѣе на улицѣ. Мысль о томъ, что русскій «простолюдинъ гость—дома, и часто гость очень церемонный» высказана г. Голицынскимъ смѣло и голословно, какъ неопровержимая аксіома. Доказательства, которыя онъ выдвигаетъ на поддержку ея, состоятъ въ общихъ фразахъ, которыя въ свою очередь должны быть доказаны. «Вся его жизненная и общественная дѣятельность», говоритъ авторъ, «выражается на улицѣ». Въ чемъ же состоитъ эта жизненная и общественная дѣятельность? Вотъ въ чемъ: «здѣсь, продолжаетъ г. Голицынскій, онъ работаетъ, пьетъ, гуляетъ, бранится, торгуетъ, мошенничаетъ, значитъ весь на распашку....»

Работаетъ русскій человѣкъ, сколько мнѣ извѣстно, не на улицѣ, а въ мастерскихъ или у себя дома, — стало быть съ этой стороны изучить его на улицѣ мудрено; самъ г. Голицынскій, кромѣ извощиковъ, не нашелъ въ уличныхъ типахъ ни одного ремесла, производимаго на улицѣ. Торгуетъ русскій народъ, дѣйствительно, отчасти и на улицѣ, но что же изъ этого? Если вы будете наблюдать русскаго человѣка съ одной этой стороны, то рискуете или не сдѣлать никакого заключенія о его характерѣ, или придти къ невѣрнымъ выводамъ. Глядя на суетливость московскихъ мелкихъ торговцевъ, вы пожалуй, подумаете, что дѣятельность и подвижность составляютъ основныя черты народнаго характера. Затѣмъ, изъ всѣхъ проявленій «жизненной и общественной дѣятельности» русскаго человѣка остается только то, что онъ на улицѣ «*пьетъ* (?), гуляетъ, бранится и мошенничаетъ». Чтобы по этимъ проявленіямъ составить себѣ понятіе о народномъ характерѣ, надо быть ясновидящимъ или пророкомъ, а ясновидящему не нужно вовсе никакихъ наблюденій; онъ и такъ угадаетъ духъ народа. Но г. Голицынскій не пророкъ и потому ему слѣдовало бы вглядѣться въ свой предметъ попристальнѣе и подумать посерьезнѣе. Считать вычислен-

ныя имъ проявленія существенными моментами народной жизни, значитъ не понимать народа, не любить и не уважать его. Если мы хотимъ знать о народѣ только то, какъ онъ работаетъ, торгуетъ, пьетъ, гуляетъ, бранится и мошенничаетъ, то мы этимъ самымъ или отвергаемъ въ немъ присутствіе другихъ, болѣе благородныхъ инстинктовъ, или не интересуемся ими. Какъ мужикъ любитъ, какъ онъ живетъ въ семействѣ, какъ онъ воспитываетъ своихъ дѣтей, что думаетъ и чувствуетъ, — этого мы, стало быть, и знать не хотимъ. Если народность даетъ намъ поводъ съострить, разсказать забавный анекдотъ или нарисовать бойкую каррикатуру, тогда мы ей рады, какъ случаю выказать наше остроуміе, а иначе намъ до нея и дѣла нѣтъ. Приступать съ такими идеями къ изученію русскаго народа — по меньшей мѣрѣ несовременно. Но, можетъ быть, подумаетъ читатель, это только неудачное выраженіе, употребленное въ предисловіи г. Голицынскаго случайно, и неимѣющее логической связи съ характеромъ всей книги. Посмотримъ же, что даетъ намъ книга и на сколько въ своихъ очеркахъ авторъ остается вѣренъ идеямъ, высказаннымъ въ вступленіи. Во всей книгѣ четыре очерка: Нищіе, Пріѣзжіе мужички, Прислуга и Представители толкучаго рынка. Въ очеркахъ «Пріѣзжіе мужички» авторъ описываетъ тѣ иллюзіи и мистификаціи, которыя приходится встрѣтить простолюдину провинціалу на московскихъ улицахъ. Вотъ идетъ по тротуару мужикъ, спрашивая у каждаго встрѣчнаго, гдѣ живетъ «нѣмка Мантилья Карловна, бѣлобрысая такая, дюжая изъ себя» (стр. 24); вотъ мужикъ хлебнулъ московской водки и отплевывается, говоря, что у нихъ «водка въ Смоленскѣ хмельнѣе и лучше» (стр. 25); далѣе мужики разговариваютъ о томъ, какъ «Нѣмецъ по пружинѣ на телеграпѣ чихвири пишетъ» (стр. 25). Далѣе заѣзжій извощикъ—ванька терпитъ горькую долю то отъ господъ, дешево платящихъ за далекіе концы, то отъ козака, везущаго въ часть арестанта, то отъ такихъ людей, которые отъ извощиковъ уходятъ въ проходные дворы. Въ этомъ очеркѣ остроуміе г. Голицынскаго разыгрывается самымъ роскошнымъ образомъ. Не смѣшно ли въ самомъ дѣлѣ, что мужикъ говоритъ *Мантилья* вмѣсто *Матильда, телеграпъ* вм. *телеграфъ, чихвирь* вм. *цыфра?* Не смѣшно ли, что мужикъ не знаетъ, что справляются объ адресахъ въ адресномъ столѣ или въ полиціи, что въ московскихъ кабакахъ продаютъ разбавленную водку, что отъ Сухаревой башни до Зубова очень далеко,

и что бываютъ дома съ проходными дворами. Выставить на показъ это незнаніе и посмѣяться надъ нимъ съ полнымъ удовольствіемъ и съ беззавѣтнымъ увлеченіемъ — вотъ цѣль автора въ названномъ очеркѣ и, конечно, цѣль достигается вполнѣ. Народность выводимыхъ личностей тоже выражается вполнѣ, какъ въ ихъ незнаніи, такъ и въ ихъ произношеніи. У насъ еще до сихъ поръ не перевелись писатели, которые характеризуютъ русскаго мужика тѣмъ, что онъ почесываетъ затылокъ, говоритъ *эфтотъ* вмѣсто этотъ, и коверкаетъ иностранныя слова. Гуманность этихъ писателей вообще, и г. Голицынскаго въ особенности, заключается по большей части въ томъ, что они, считая слово *мужикъ* грубымъ и обиднымъ, представляютъ его въ смягченномъ видѣ *мужичекъ*. Совершенно одобряя такого рода гуманное смягченіе, я позволю себѣ замѣтить, что въ такомъ случаѣ было бы очень хорошо и удобно, а, главное дѣло, гуманно говорить: *козачокъ* вм. *козакъ*, *солдатикъ* вм. *солдатъ*, *бабочка* вм. *баба*, смягчая такимъ образомъ постоянно слова, обозначающія собою низшія ступени сословій.

Въ разсказѣ «Прислуга» вся соль заключается въ томъ, что лакеи, кучера, кухарки и горничныя на чемъ свѣтъ стоитъ ругаютъ своихъ господъ, разсказываютъ о ихъ любовныхъ похожденіяхъ, и отпускаютъ другъ другу площадныя любезности и такія же остроты. Вотъ, напр., сцена за воротами (стр. 35).

— Какой же это клубъ на цвѣточномъ бульварѣ? спросили лукаво дѣвушки.

— А мы тамъ свой завели (отвѣчаетъ кучеръ) тальянскій, значитъ, съ французскимъ угощеніемъ... на нѣмецкій ладъ.

Кучеръ опять откашлянулся, наклонилъ голову на сторону, и запѣлъ подъ свою гармонію: «Вотъ на–а пути–и–и село–о большо–о–е, туда.... Чтожъ орѣшками то не попоштуете, крикнулъ онъ неожиданно, щипнувъ за талью одну изъ слушательницъ.

— Ахъ, чтобъ тебѣ лопнуть! Жидъ ты эдакій! Перепугалъ до смерти! крикнула та въ свою очередь, изо всѣхъ силъ треснувъ его по спинѣ ладонью.

— Попоштуйте орѣхами то, хоть крѣпки ли зубы попробовать.

— На те вотъ, берите, коль не побрезгаете.

— Изъ вашего платочка завсегда очинно пріятно, отвѣчалъ Ловеласъ съ необыкновенною галантерейностью.

— Почемужъ это?

— А потому не въ примѣръ скуснѣе орѣхи будутъ... его забилось ре–е–ти–во–о–е, и по–о–тих.... и т. д.

Были и до сихъ поръ есть писатели, принимающіе тривіальность за народность; употребляя слова *треснуть*, *лопнуть*, *тальянскій*, *галантерейность*, *поштовать*, *скуснѣе*, и восклицанія въ родѣ: *жидъ ты эдакій*! г. Голицынскій убѣжденъ въ томъ, что во 1-хъ, онъ уловилъ букетъ народности, и что, во 2-хъ, онѣ создалъ сцену, исполненную неподдѣльнаго комизма и самаго живаго юмора. Писатели съ посредственнымъ талантомъ и съ ограниченнымъ даромъ наблюдательности не умѣютъ возсоздавать народное міросозерцаніе и часто вовсе не подозрѣваютъ его существованія. Они подмѣчаютъ только внѣшнія угловатости и рѣзкости, и потому ихъ сцены изъ народной жизни, при бѣдности и безцвѣтности внутренняго содержанія, отличаются аффектаціею и поддѣлкою народнаго разговорнаго языка. Инымъ это нравится, и не мудрено; романы гг. Зотова и Воскресенскаго находятъ себѣ многочисленныхъ читателей; выходки фарсеровъ въ водевиляхъ, дающихся для съѣзда и разъѣзда публики, возбуждаютъ въ райкѣ громкій хохотъ и рукоплесканія. Эстетическія понятія и требованія различныхъ людей отличаются безконечнымъ разнообразіемъ; почему же и г. Голицынскому не прослыть въ извѣстномъ кругу читателей юмористомъ и знатокомъ русской народности? Наше дѣло — показать, что̀ въ его книгѣ можно встрѣтить, чтобы предостеречь болѣе разборчивую публику отъ разочарованія. Комизмъ г. Голицынскаго далеко не изященъ, но смѣется каждый тому, что ему кажется смѣшнымъ; смѣялся же сослуживецъ Жевакина надъ тѣмъ, что ему показывали палецъ, а между тѣмъ, у кого же достанетъ духу быть за это въ претензіи на добродушнаго мичмана? Но если писатель позволитъ себѣ смѣяться надъ тѣмъ, что въ каждой гуманной личности должно возбудить чувство грусти, состраданія или ужаса, тогда мы въ правѣ сказать и доказать, что такой смѣхъ—кощунство, и что вліяніе его, по крайней мѣрѣ на ту часть публики, которая вѣритъ авторитету печатной буквы, безнравственно и вредно. Это гаерство, которому нуженъ канатъ и дурацкая шапка, чтобъ развлекать публику, а не любовь и симпатія къ народу. Читая очерки г. Голицынскаго «Нищіе» и «Представители толкучаго рынка» я не могъ отдать себѣ отчета въ томъ, съ какою цѣлью написалъ ихъ авторъ. Я даже сомнѣваюсь, чтобы самъ авторъ сознавалъ въ нихъ какую

нибудь цѣль. Хотѣлъ ли онъ обличить плутни нищихъ и московскихъ жуликовъ и должно ли поставить эту статью на ряду съ книгою г. Зоркина, обличающаго плутни шуллерской игры? Хотѣлъ ли онъ представить рядъ очерковъ съ чисто-эстетическою цѣлью, какъ писатель, изображающій «бѣдность, да бѣдность, да несовершенства нашей жизни?» Что онъ хотѣлъ сдѣлать, мы не знаемъ; посмотримъ же, что онъ сдѣлалъ.

Въ очеркѣ «Нищіе» представлены *салопница*, *«бѣдный, но благородный человѣкъ»*, *шарманщикъ*, и наконецъ очерченъ вертепъ или подвалъ, въ которомъ живутъ калеки нищіе, пробавляющіеся милостынею у входа въ церкви, на паперти, на бульварахъ и на улицахъ. Почти во всѣхъ этихъ сценахъ мы имѣемъ дѣло съ поддѣльною бѣдностью, и авторъ вездѣ обращаетъ вниманіе не на степень матеріальнаго недостатка, а на средства, которыя употребляютъ бѣдняки, чтобы возбуждать состраданіе народа. Онъ относится къ самой бѣдности ихъ холодно, а по поводу ихъ пронырства и искусства притворяться даетъ полную волю своему натянутому юмору. Онъ чрезвычайно игриво острitъ и надъ салопницею, и надъ *«бѣднымъ, но благороднымъ человѣкомъ»*, и даже надъ бѣдною дѣвочкою, сопровождающею шарманщика и дѣлающеюся жертвою разврата въ такомъ возрастѣ, когда еще ни физическія, ни нравственныя силы не окрѣпли и не способны поддержать и предохранить ее отъ пагубнаго вліянія окружающей среды. О салопницѣ онъ говоритъ, напримѣръ, что салопъ «служитъ такимъ же отличительнымъ признакомъ ея званія, какъ, напримѣръ, для Испанки мантилья» (стр. 9). О *«бѣдномъ, но благородномъ человѣкѣ»* приводится цѣлая сцена (стр. 11), въ которой такой проситель на ломаномъ французскомъ языкѣ обращается къ состраданію порядочно одѣтаго господина. Остроуміе г. Голицынскаго остается вѣрно себѣ: вся соль этой сцены заключается въ искаженіи французскихъ словъ, которыя даже для большей картинности напечатаны русскими буквами. Напримѣръ:

— Vous demandez *l'аймоне?* (спрашиваетъ господинъ).

— Фи донъ, лимонъ... (отвѣчаетъ проситель), жё при сюръ поврете, мусье.

Веселость г. Голицынскаго не помрачается даже тогда, когда онъ разсказываетъ о томъ, что одного *«бѣднаго, но благороднаго человѣка»* нашли замерзшимъ на улицѣ. Остроуміе его не сдерживается

и передъ трупомъ. Дѣло вотъ въ чемъ. Однажды отставной чиновникъ выпросилъ у г. Голицынскаго гривенникъ, говоря, что ему необходимо ѣхать на Амуръ; на другой день утромъ, въ присутствіи г. Голицынскаго, поднимаютъ на улицѣ чей то замерзшій трупъ. «Представьте же мое удивленіе, когда взглянувъ на его посинѣлое лицо, продолжаетъ авторъ, я узналъ вчерашняго амурца. И даже бронзовая медаль болталась у него въ петлицѣ. Доѣхалъ! подумалъ я, и спросилъ у квартальнаго: куда жъ вы теперь его повезете?» — Человѣкъ умеръ какъ собака, подъ заборомъ, безъ пріюта, безъ ласки и не возбуждаетъ въ г. Голицынскомъ даже той жалости, какую невольно чувствуешь къ страданіямъ животнаго. Я могу объяснить этотъ фактъ только гипотезою; вѣроятно, г. Голицынскій заподозрилъ своего Амурца въ пьянствѣ и, возмущенный этою слабостью, отнесся къ его жалкой кончинѣ съ добродѣтельнымъ равнодушіемъ и презрѣніемъ. Но любопытно то обстоятельство, что сцена, разсказанная г. Голицынскимъ, производитъ на читателя совсѣмъ не то впечатлѣніе, какого ожидалъ авторъ. Если кто изъ трехъ личностей, дѣйствующихъ въ сценѣ, разсказанной г. Голицынскимъ, способенъ подѣйствовать на читателя тяжело и враждебно, то это конечно тотъ *я*, отъ лица котораго идетъ весь разсказъ. Бродяга, собиравшійся ѣхать на Амуръ, умеръ мучительною смертію, онъ погибъ, какъ «собака подъ заборомъ.» Если квартальный, отзывается о смерти человѣка совершенно равнодушно, то это извиняется его необразованностью или давнишней привычкою. Но что же сказать въ оправданіе того *я*, который, закутываясь въ шубу, думаетъ о замершемъ бѣднякѣ: «доѣхалъ!» что значитъ другими словами: «околѣлъ! туда и дорога!» А всего любопытнѣе то, что г. Голицынскій даже не выдѣляетъ себя изъ этого *я*, не замѣчаетъ, что это *я* нуждается въ оправданіи или въ презрительномъ состраданіи, и довольный своею теплою шубою и неизсякаемымъ остроуміемъ, переходитъ къ другимъ забавнымъ сценамъ. Къ числу такихъ забавныхъ сценъ относится аукціонъ на ребенка, происходящій въ вертепѣ (стр. 18). Къ числу такихъ же сценъ относится смерть ребенка въ этомъ вертепѣ, смерть, которая разсказана такъ: «Мать видитъ, что ребенокъ дѣйствительно кончается и начинаетъ выть и причитать по привычкѣ. Жильцы вертепа, Богъ знаетъ почему, хохочутъ. Черезъ часъ, маленькій герой нашъ умираетъ и — finita la comedia (стр. 20)». Что за наглый

цинизмъ! Кто далъ право г. Голицынскому относиться такъ грубо къ лучшимъ чувствамъ человѣческой природы! Мать—нищая, развратная, безносая женщина, какъ неоднократно (стр. 19, 20.) съ какимъ то особеннымъ удовольствіемъ повторяетъ г. Голицынскій; такъ что же изъ этого? Развѣ она не можетъ любить своего ребенка? Она отдаетъ его на прокатъ другимъ нищимъ старухамъ, она торгуетъ имъ, она поступаетъ отвратительно, но что же изъ этого? Развѣ въ минуту агоніи ребенка въ ней не можетъ проснуться материнское чувство, усиленное внезапно выступившими угрызеніями совѣсти. Надо быть сердцевѣдцемъ, надо быть Богомъ, чтобы осмѣлиться сказать, что эта несчастная мать воетъ и причитаетъ *по привычкѣ*. Жильцы вертепа смѣются—не мудрено! Образованный человѣкъ, литераторъ находитъ сказать только — finita la comedia; было бы удивительно, если бы нищіе не смѣялись и не глумились надъ смертью бѣднаго ребенка; осуждать ихъ за это несправедливо, можно только замѣтить, что сцены, подобныя описанной, составляютъ клевету на человѣчество. Онѣ могутъ войти только въ протоколъ уголовнаго процесса; многое совершенно не правдоподобное случается иногда въ дѣйствительности, но мы не повѣримъ художнику, если онъ представитъ намъ въ своей картинѣ эти случайности и исключенія, потому что исключительныя личныя положенія не даютъ матеріала для типа, а только могутъ быть до нѣкоторой степени объяснены случайнымъ и страннымъ стеченіемъ обстоятельствъ. Въ природѣ встрѣчаются, можетъ быть, совершенные злодѣи, но нуженъ колоссальный талантъ, чтобы заставить повѣрить въ возможность такого злодѣя, представленнаго въ литературномъ произведеніи. Если смерть ребенка въ вертепѣ нищихъ происходила передъ глазами самаго г. Голицынскаго, тогда холодный цинизмъ, съ которымъ она разсказана, приведетъ читателя въ ужасъ. Если эта сцена создана фантазіею автора, тогда это лишній камень осужденія, брошенный безъ особенной причины въ классъ людей, который нуждается въ состраданіи, и который безъусловно презирать — несправедливо, чтобы не сказать больше. Народные пороки—вопросъ до такой степени серьезный, что къ нему надо относиться осторожно, съ знаніемъ и пониманіемъ дѣла, съ полною способностью сочувствовать несчастному и съ полнымъ желаніемъ простить и оправдать то, что упало въ грязь случайно, и стремится изъ нея выйти. Въ подобныхъ случаяхъ всегда лучше быть слишкомъ мягкимъ, нежели слишкомъ жестокимъ; изящнѣе, справед-

ливѣе и гуманнѣе тотъ сердобольный купецъ или мужикъ, который подастъ нищему грошъ, не справляясь даже о его нравственности, чѣмъ тотъ писатель обличитель, которому во всякомъ оборванномъ просителѣ мерещится тунеядецъ, обманщикъ или мошенникъ. Г. Голицынскій такъ презираетъ поддѣльную бѣдность, что рядомъ съ нею рѣшительно не даетъ мѣста истинной бѣдности. Эта брезгливость не достойна ни художника, ни развитаго человѣка. Подумайте, что такое поддѣльная бѣдность? Заслуживаетъ ли она дѣйствительно такого безжалостнаго осужденія? Если проситъ милостыню человѣкъ, имѣющій состояніе, то это болѣзнь, мономанія. Если человѣкъ, дѣйствительно не имѣющій средствъ и даже работы, прикидывается калѣкою, то онъ выставляетъ только яркую вывѣску того положенія, въ которомъ дѣйствительно находится. Нищенство—занятіе очень не изящное; нищенство развращаетъ того, кто имъ питается — это справедливо, но нищенство не излѣчивается тѣмъ величавымъ презрѣніемъ, съ которымъ вы будете смотрѣть на бѣдняка. Амурецъ, которому г. Голицынскій далъ гривенникъ, былъ очень здоровъ, однако это не помѣшало ему замерзнуть; стало быть, онъ дѣйствительно былъ въ крайности, потому что даже авторъ уличныхъ типовъ, строгій censor morum, не говоритъ положительно о томъ, что онъ замерзъ въ пьяномъ видѣ. Зачѣмъ, скажете вы, здоровому человѣку нищенствовать и пить, когда онъ можетъ работать? Да развѣ, отвѣчу я, всякому здоровому человѣку такъ легко найти себѣ работу? Вы безъ рекомендаціи не наймете дворника, не пустите къ себѣ въ домъ кухарку, тѣмъ болѣе не дадите работы человѣку, протягивающему вамъ руку на улицѣ. А, можетъ быть, есть между нищими и такіе люди, которые душою рады были бы найти себѣ занятія. Можетъ быть, униженные случайно, эти люди стремятся выйти изъ своего тяжелаго положенія, но ихъ отталкиваетъ окружающее общество, и они медленно развращаются и мирятся съ жизнью тунеядца и бродяги. Сидя безъ хлѣба и безъ мѣста, отвѣдавши случайно, въ крайности, даровато пропитанія, молодой и здоровый малый можетъ совершенно испортиться, отбиться отъ работы и поступить въ разрядъ поддѣльныхъ калѣкъ. Жалкое паденіе, скажемъ мы, но это паденіе, какъ и большая часть человѣческихъ пороковъ, простительно и заслуживаетъ состраданія, а не презрѣнія. Съ распространеніемъ грамотности развивается обыкновенно трудолюбіе и слѣдовательно уменьшается число тунеядцевъ и ни-

щихъ. Содѣйствовать такого рода усовершенствованіямъ — дѣло каждаго честнаго гражданина, но кто же станетъ этому содѣйствовать. У кого хватитъ духу смѣяться надъ тѣмъ, въ чемъ проявляется слабость человѣческой природы во всей своей ужасающей наготѣ? Кто способенъ стать къ очерку г. Голицынскаго въ критическія отношенія, тому онъ покажется жалокъ и смѣшонъ; кто увлечется юморомъ автора, тотъ вмѣстѣ съ нимъ погрѣшитъ противъ справедливости и здраваго смысла.

«Представители Толкучаго рынка» конечно блѣднѣютъ передъ очеркомъ «Нищіе». Автору не приходится имѣть дѣло съ такими мрачными явленіями жизни, и потому остроуміе его уже не производитъ на читателя такого сильнаго и страннаго впечатлѣнія. Въ этомъ очеркѣ любопытно и поучительно замѣтитъ только то, что авторъ съ особеннымъ удовольствіемъ напираетъ на подробности, напоминающія романы Поль-де-Кока; но у Поль-де-Кока эти подробности наивны и веселы, а у г. Голицынскаго онѣ просто плоски и грязны. Онъ любитъ останавливаться на такихъ подробностяхъ, въ которыхъ, по его мнѣнію, лежитъ и особенность русскаго народа, и мѣстный колоритъ московскаго толкучаго рынка. Какъ ѣстъ русскій мужикъ, и чѣмъ отъ какой рыбы пахнетъ, и какъ поддерживается теплота въ кушаньѣ на открытомъ воздухѣ, — все это описано съ такою любовью, что иностранецъ могъ бы подумать, что русская народность безъ этихъ особенностей невообразима. Опять мы скажемъ: «вольному воля!» Остроуміе г. Голицынскаго мнѣ кажется плоскимъ и натянутымъ, но вѣдь много у насъ на Руси такой публики, для которой двусмысленный, часто очень топорный анекдотъ стоитъ любой комедіи Островскаго; что же съ этимъ дѣлать? Какъ ни грустно признаться въ этомъ, а можно быть увѣреннымъ, что книга: «Уличные типы» разойдется хорошо, и что, читая ее, многіе православные будутъ надрывать животики. Пріятно, по крайней мѣрѣ, встрѣтить въ этой же самой книгѣ приговоръ надъ нею въ бесѣдѣ двухъ букинистовъ. Обсуживая состояніе современной книжной торговли, одинъ изъ этихъ промышленниковъ замѣчаетъ между прочимъ, что книжка: «Старичокъ-весельчакъ, разсказывающій старинныя московскія были» вышла шестымъ изданіемъ и «ходко идетъ». Этими словами букиниста г. Голицынскій очевидно даетъ публикѣ урокъ и старается показать ей, что она раскупаетъ дрянь и ею услаждаетъ свои досуги. Но мы пожалѣли бы и букиниста и публику, еслибъ этотъ урокъ послужилъ

въ пользу и былъ примѣненъ къ оцѣнкѣ разобранной нами книги. «Уличные типы» г. Голицынскаго составляютъ на русской почвѣ подражаніе безчисленнымъ юмористическимъ изданіямъ, наводняющимъ французскую литературу и потѣшающимся надъ смѣшными и плачевными сторонами народности. Всѣ эти изданія, начиная съ самаго роскошнаго: «Le diable à Paris», отличаются гласированною бумагою, прекраснымъ выполненіемъ рисунковъ и замѣчательною пустотою содержанія. Всѣ эти качества замѣчаются въ книгѣ г. Голицынскаго, конечно въ ослабленномъ видѣ, какъ и слѣдуетъ ожидать отъ подражанія. О пустотѣ содержанія мы уже говорили; о внѣшности изданія нельзя не отозваться съ похвалою. Бумага и шрифтъ хороши; а рисунки напоминаютъ собою манеру Гаварни и выполнены опытной и искусной рукой. Даже жаль, что издержки издателя и талантъ художника потрачены на такую ничтожную книгу. Эта книга, сама по себѣ, конечно не стоила такого подробнаго разбора, но я рѣшился отдать ей нѣсколько страницъ, потому что она грубо и неловко затрогиваетъ предметъ, близкій сердцу каждаго честнаго человѣка. Грустно видѣть, когда гримасничаютъ, кривляются и глумятся надъ такимъ предметомъ, который любишь горячо, искренно и сознательно, надъ предметомъ, которому даровитые дѣятели посвящаютъ лучшіе труды свои, къ которому избранные люди приступаютъ съ любовью и уваженіемъ. Тутъ по неволѣ зашевелится въ душѣ негодованіе и невольно подумаешь, что проходя молчаніемъ постыдное кощунство, дѣлаешься его пассивнымъ соучастникомъ и ободрителемъ. Въ оправданіе книги г. Голицынскаго сказать нечего. Въ извиненіе самаго автора можно привести развѣ то обстоятельство, что онъ самъ не вѣдаетъ, что творитъ: и въ этомъ лучшее оправданіе его передъ судомъ критики.

Д. ПИСАРЕВЪ.

1861.
13 января.

Записки нѣкоторыхъ обстоятельствъ жизни и службы дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, сенатора И. В. Лопухина, сочиненныя имъ самимъ. Москва 1860. in 4° (стр 172).

Появленіемъ въ свѣтъ этихъ замѣчательныхъ и интересныхъ мемуаровъ обязаны мы г. О. Бодянскому, который самъ свѣрилъ ихъ съ нѣсколькими списками. Извѣстно, что Лопухинъ роздалъ довольно списковъ своихъ «Записокъ» въ разныя мѣста и руки, а въ томъ числѣ одинъ и для храненія въ архивъ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ, откуда, какъ кажется, и взялъ его г. Бодянскій. Записки эти тѣмъ болѣе интересны для насъ, что по свидѣтельству издателя, «изъ нихъ ни одно мѣсто, ни одно выраженіе, даже слово не исключены никѣмъ, но все въ нихъ именно въ томъ самомъ видѣ, какъ въ подлинникѣ». Конечно, нельзя не порадоваться за это отческое снисхожденіе господъ исказителей и исключителей къ Запискамъ Лопухина, потому что эти записки принадлежатъ къ тому роду сочиненій, которыя представляютъ собою лучшія характеристики какой либо эпохи, слѣдственно являются такимъ матерьяломъ, въ важности и глубокой пользѣ котораго могли бы поусомниться развѣ только головы вышеназванныхъ господъ; но и тѣ, слава богу, наконецъ какъ будто начали прозрѣвать важность, безвинность и благонамѣренность подобныхъ матерьяловъ.

Мы съ живымъ интересомъ и любопытствомъ прочли записки Лопухина и вынесли изъ нихъ кромѣ яснаго представленія жизни той эпохи, еще и полное представленіе свѣтлой, передовой личности того времени, какою является Иванъ Владиміровичъ Лопухинъ. Дѣйствительно, на основаніи этихъ мемуаровъ, мы можемъ смѣло сказать, что онъ представляетъ собою типъ передоваго человѣка, прогрессиста и замѣтьте, *русскаго* прогрессиста конца XVIII и начала XIX вѣковъ.

Во всякомъ случаѣ, для насъ будетъ не безъинтересно бросить взглядъ на подобный типъ прошлаго времени, которое отодвинулось уже отъ насъ на историческое разстояніе, какъ цѣлая, замкнутая въ себѣ эпоха, и съ этого разстоянія освѣщается для насъ своимъ настоящимъ, такъ сказать, естественнымъ своимъ свѣтомъ. Попробуемъ же сдѣлать по возможности болѣе яркій очеркъ этой лично-

сти, которая рисуется передъ нами въ запискахъ то въ отдѣльныхъ мысляхъ, брошенныхъ кое гдѣ, то въ цѣлыхъ фактахъ и дѣйствіяхъ своихъ при столкновеніи съ адептами консерватизма и старыхъ порядковъ того времени. Все на землѣ подлежитъ прогрессу, — прогрессъ существуетъ для всего и для всѣхъ и, слѣдственно, въ силу высказаннаго нами сейчасъ положенія, существуетъ онъ также и для самаго себя, — и прогрессъ въ свою очередь подлежитъ прогрессу. Поэтому, любопытно бы было сличить моральную разницу между прогрессистомъ современнымъ, идеалъ котораго, конечно, сложился въ головѣ каждаго образованнаго человѣка нашего времени и прогрессистомъ конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтій.

Въ то время въ Европѣ распространилось масонство. Знамя этого ордена держала тогда одна изъ самыхъ свѣтлыхъ и благороднѣйшихъ личностей того вѣка, мученикъ своей идеи Новиковъ. Лопухинъ по своему образованію и въ особенности по своимъ убѣжденіямъ, конечно, не могъ стоять внѣ этого кружка—онъ весь и душой и состояніемъ принадлежалъ ему. Мы сказали *состояніемъ* потому, что этотъ человѣкъ дѣйствительно безкорыстно жертвовалъ имъ для распространенія грамотности и образованія въ народѣ, такъ что почти совершенно раззорился и впалъ даже въ долги. Лопухинъ былъ одинъ изъ самыхъ полезныхъ и дѣятельныхъ членовъ общества, и его запискамъ обязаны мы многими интересными свѣдѣніями о Новиковѣ и самомъ обществѣ, которыя, насколько позволяютъ намъ предѣлы журнальной статьи, мы постараемся разсказать читателямъ въ извлеченіи. Какъ извѣстно, одна изъ отличительно-характерныхъ чертъ франкъ-масонства была чрезвычайная, религіозность и вмѣстѣ съ нею мистицизмъ, который былъ тогда въ нѣкоторомъ родѣ маніей вѣка и который естественно вытекалъ изъ идеи масонства, какъ идеи поборничества религіи *духа*. Лопухинъ съ этою религіозностью, чисто христіанскою, въ смыслѣ первобытнаго и нестѣсненнаго разными формальностями духа этой религіи, соединялъ и глубокій мистицизмъ. Онъ составилъ отдѣльный «нравоучительный катихизисъ истинныхъ франкъ-масоновъ», переведенный имъ на французскій языкъ и напечаталъ его съ цѣлію уяснить тогдашнему обществу истинный духъ, смыслъ и направленіе ордена; это отчасти было сдѣлано имъ и для того, что при екатерининскомъ дворѣ начали тогда уже довольно-таки подозрительно и весьма неблагосклонно посматривать на орденъ и его адептовъ. Мы позволимъ

себѣ привести здѣсь болѣе характерные и интересные тезисы этого катехизиса, эпиграфомъ къ которому былъ выставленъ текстъ евангелія: «Аще сынъ вы освободитъ, тогда свободни будете». Этотъ текстъ является вслѣдстіе этого какъ бы краеугольнымъ камнемъ идеи франкъ-масонства.

Вотъ эти тезисы.

Вопросъ. — Чѣмъ наипаче отличается истинный Ф. М.?

Отвѣтъ. — Духомъ собратства, который одинъ есть духъ съ христіанскимъ.

— Какой главный долгъ истиннаго Ф. М.?

— Любить Бога паче всего, и ближняго, какъ самого себя, *или еще болѣе*, по примѣру Св. Павла, который желалъ даже быть анаѳема и отлученъ быть отъ Іисуса Христа, *ради своихъ братій.*

— Гдѣ истинный Ф. М. долженъ совершать свою работу?

— Посреди сего міра, не прикасаяся сердцемъ къ суетамъ его *и въ томъ состояніи, въ которое каждый былъ призванъ.*

— Какая должность истиннаго Ф. М. въ разсужденіи своего государя?

— Онъ долженъ царя чтить и во всякомъ страхѣ повиноваться ему, не токмо доброму и кроткому, но и строптивому.

— Какъ истинный Ф. М. долженъ поступать съ подвластными ему?

— Наиболѣе онъ долженъ пещись о ихъ вѣчномъ блаженствѣ, воспитывая ихъ во страхѣ и ученіи Господнемъ; обязанъ наблюдать между ними правду и уравненіе, оказывать имъ снисхожденіе и обходиться съ ними безъ жестокости, памятуя, что всѣ имѣютъ общаго владыку на небѣ, у котораго нѣтъ лицепріятія.

— Какъ долженъ онъ поступать со всѣми людьми вообще?

— Всѣхъ долженъ любить для Бога, желать имъ всѣмъ всякаго въ немъ блага, и вспомоществовать имъ сколько ему возможно.

— Какъ онъ долженъ расположенъ быть противу своихъ враговъ.

— Любить ихъ.

— А противъ тѣхъ, кои клянутъ его?

— Благословлять ихъ.

— Какъ онъ долженъ поступать съ ненавидящими его?

— Дѣлать имъ добро.

— А съ тѣми, которые гонятъ его?

— Молиться за нихъ.

— Какъ долженъ истинный Ф. М. поступать съ тѣми, которые у него просятъ?

— Онъ не долженъ отказывать тому, кто хочетъ у него занять; просящему долженъ давать; и когда даетъ милостыню, то чтобъ его лѣвая не знала что дѣлаетъ правая. Истинные Ф. М. должны наблюдать сіе правило во всѣхъ добрыхъ поступкахъ, также должны они молиться тайно, постясь, умащать голову свою и умывать лицо, какъ сказано въ евангеліи, и слѣдовать всѣмъ принятымъ въ общежительствѣ обычаямъ, какъ то: въ нарядахъ, въ обхожденіи, въ образѣ домашней жизни и прочимъ, тому подобнымъ, избѣгая и виду лицемѣрія.

— Что долженъ истинный Ф. М. дѣлать съ тѣмъ, кто хочетъ съ нимъ судиться и лишить его принадлежащаго ему?

Если кто хочетъ съ нимъ судиться и отнять у него платье, то долженъ онъ отдать ему и рубашку; и если кто пожелаетъ заставить его идти съ собой версту, то идти съ нимъ и двѣ.

— Какія чувства истинный Ф. М. долженъ имѣть къ своимъ родителямъ?

— Долженъ ихъ почитать, слушать и любить, но такою любовію, которая бы не препятствовала ему быть ученикомъ Іисуса Христа, рекшаго: «Аще кто грядетъ по мнѣ, и не возненавидитъ отца своего и матерь, и жену, и чадъ, и братія, и сестръ еще же и душу свою, не можетъ мой быти ученикъ; т. е. не можетъ быть истиннымъ послѣдователемъ Христовымъ тотъ, кто не только всѣми оными естественными связями, но даже и любовію къ самому себѣ и всякимъ къ себѣ прилѣпленіемъ пожертвуетъ дѣятельному исполненію ученія Христова, и изъ ревности къ нему не возненавидитъ, или не отвергнетъ въ оныхъ всего того, что можетъ ему препятствовать.

— Какъ истинный Ф. М. долженъ поступать съ своею женою?

— Долженъ ее любить, какъ Христосъ возлюбилъ церковь, беречь ее и содержать, какъ свое собственное тѣло и стараться, чтобъ она была освящена и омыта чистотою крещенія въ словѣ жизни.

— Когда перестанетъ всякій трудъ и работа (*)?

— Когда не останется на земли ни единой воли, которая бы не совершенно предалась Богу; когда золотой вѣкъ, который Богъ хо-

(*) Т. е. дѣло истиннаго Ф. М.

щетъ прежде внутренне возстановить въ маломъ своемъ избранномъ народѣ, распространится вездѣ и явится внѣшне, и когда царство самой натуры освободится отъ проклятій и возвратится въ средоточіе солнца».

Мы выписали эти положенія катихизиса, какъ болѣе всего характеризующія духъ общества; какъ сказано уже, катихизисъ этотъ принадлежитъ Лопухину, который и въ жизнь твердо и неуклонно переносилъ начертанныя имъ правила и, конечно, по общей и непреложной участи всѣхъ фанатиковъ идеи, перенесъ немало за нее испытаній.

Первыя непріятности для общества, съ пріѣздомъ въ Москву главнокомандующаго графа Брюса, обрушились прежде всего на Лопухина. Оставшись однажды съ нимъ наединѣ, графъ сталъ говорить, будто ему извѣстно, что Лопухинъ находится «въ *ономъ* обществѣ» и что хотя онъ и самъ бывалъ «въ подобномъ» и зная всю святость его цѣли и упражненій, понесетъ въ сердцѣ своемъ уваженіе къ нимъ и во гробъ, однако въ нѣкоторыхъ чинахъ и лѣтахъ уже непристойно симъ заниматься. «Если это таково, какъ ваше сіятельство сказывать изволите, отвѣчалъ ему Лопухинъ, то мнѣ кажется, что чѣмъ больше лѣтъ и чиновъ имѣетъ человѣкъ, и чѣмъ важнѣйшею обязанъ должностью, тѣмъ пристойнѣе и нужнѣе упражняться ему въ томъ, что его просвѣщаетъ, учитъ добродѣтели и заставляетъ исполнять ея правила». Однако Брюсъ продолжалъ настоятельно требовать, чтобы Лопухинъ оставилъ общество и свои занятія, говоря, что это будетъ угодно государынѣ.

— Волю ея о семъ, что ли, объявляете вы мнѣ? спросилъ его Лопухинъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ графъ, но можете разумѣть, что не отъ себя говорю я вамъ это.

— Чтожъ, неужели государыня изволитъ знать о моихъ связяхъ и упражненіяхъ? продолжалъ Лопухинъ, я думаю, едвали ей извѣстно мое имя и существованіе на свѣтѣ.

— Да, вы ей слишкомъ извѣстны, подтвердилъ Брюсъ, и она непремѣнно требуетъ отъ васъ того, что вы отъ меня слышите.

— Позвольте мнѣ усумниться, возразилъ ему Лопухинъ, чтобъ такой мудрой государынѣ было неугодно такое доброе дѣло, какимъ и вы его признаете.

— Да она не такъ думаетъ...

— Можетъ потому, что оно ей непрямо извѣстно; такъ стоитъ только ей объяснить; а объ дѣлахъ добрыхъ не только полезно, да и долгъ вѣрнаго подданнаго объяснять государямъ правду.

— Ты поди, объясняй ей! разгорячась, сказалъ ему, Брюсъ и еще съ сильнѣйшимъ жаромъ сталъ требовать его согласія на свое предложеніе.

Однако Лопухинъ, предупредя графа что если ему угодно, то онъ можетъ слова его донести хоть самой государынѣ, возразилъ, что онъ никакъ не можетъ повѣрить, чтобы ея величеству угодно было заставлять кого бы то ни было оставить столь хорошія занятія. «Если жь она того желаетъ, по противному объ нихъ понятію, не имѣя способовъ получить истиннаго, продолжалъ онъ, то я думаю, угождать въ такомъ случаѣ мыслямъ ея, была бы слабость и чувство противное тому уваженію, какое естественно имѣть къ такой государынѣ; а великодушіе ея представляю я себѣ въ столь высокой степени что такіе-то подлые угождатели должны быть ей болѣе всего неугодны.

— Знайте же, сказалъ ему на это графъ, голосомъ, дрожавшимъ отъ досады, что съ теперешней минуты буду я всякое вамъ зло дѣлать! и побѣжалъ вонъ, хлопнувъ дверью. Лопухинъ спокойно уѣхалъ домой.

Наконецъ, въ Апрѣлѣ 1792 года рѣшилось много разъ и нѣсколько лѣтъ предпринимавшееся пораженіе общества.

Вдругъ всѣ книжныя лавки въ Москвѣ запечатали, типографію и книжные магазины Новикова, также и дома его, наполнили солдатами, а самъ онъ изъ подмосковной взятъ былъ подъ тайную стражу съ крайними предосторожностями и «съ такими воинскими нарядами, какъ будто на волоскѣ тутъ висѣла цѣлость всей Москвы».

Новиковъ содержался недѣли три въ Москвѣ и потомъ отвезенъ окольными дорогами въ Шлиссельбургъ. Его везли на Ярославль и на Тихвинъ. Приставу отъ князя Прозоровскаго предписано было «съ особливою опасностію проѣзжать Ярославль, потому-де, что въ немъ была нѣкогда масонская ложа, подъ покровительствомъ бывшаго тамъ генералъ-губернаторомъ Алексѣя Петровича Мельгунова, котораго тогда и съ ложею уже нѣсколько лѣтъ небыло на свѣтѣ. Въ Петербургъ Новикова не привозили даже ни на часъ; а извѣстный Шешковскій ѣздилъ допрашивать его въ Шлиссельбургъ. Мѣсяца три небыло ничего извѣстно о томъ, что такое тамъ происходило, какъ

вдругъ князь Прозоровскій получаетъ секретный имянной указъ, чтобы князя Николая Никитича Трубецкого, Ивана Петровича Тургенева и Лопухина, какъ главныхъ сообщниковъ, допросить по приложеннымъ отъ государыни пунктамъ и потомъ объявить имъ ссылку на житье въ дальнихъ отъ Москвы деревняхъ, подъ присмотромъ и безъ выѣзду изъ тѣхъ губерній, въ которыя они будутъ отправлены.

Началось слѣдствіе. Какъ интересный образчикъ слѣдованія мы перескажемъ здѣсь два небольшіе мѣста изъ «записокъ», весьма достойныя вниманія по своей характерности; конечно это дѣло прошлаго, что же касается до настоящаго времени, когда Россія и прогрессъ и благодѣтельная гласность и т. д... то мы можемъ питать себя сладостнымъ утѣшеніемъ, что нынѣ подобныя дѣла производятся вѣрно ужъ и не такъ, какъ во время оно, о которомъ смѣло можно сказать:

Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ.

хотя для нѣкоторыхъ, весьма можетъ статься, оно вовсе еще не преданіе...

Но дѣло вотъ въ чемъ: главнаго слѣдователя, князя Прозоровскаго весьма интересовали письма и бумаги Лопухина, такъ что онъ особенно налегалъ на пунктъ о перепискѣ.

— Однако, говорилъ онъ ему, съ Французами-то вы имѣли переписку?

— Кто? возразилъ въ видѣ обратнаго вопроса Лопухинъ.

— Вы, и именно вы, сирѣчь, ты?

— Имѣлъ, отвѣчалъ просто и прямо Лопухинъ.

Обрадовался князь несказанно и вдругъ съ веселымъ лицомъ и самымъ ласковымъ тономъ продолжаетъ:

— Это хорошо, что вы чистосердечны, да и дѣло уже извѣстное. Скажи, пожалуй, о чемъ же и когда вы къ нимъ писывали?

— Не упомнишь всего, о чемъ и когда.

— Однако, сколько можешь вспомнить.

— Ну, я писывалъ къ нимъ, чтобъ прислать табаку, вина, конфектъ, сукна какого нибудь, игрушекъ въ подарки дѣтямъ.

— Вы шутите!.. осердясь замѣтилъ ему любопытный князь, къ какимъ же Французамъ вы писывали это?

— Къ лавочникамъ здѣшнимъ, а то къ какимъ же?

— Нѣтъ! Вы были въ перепискѣ съ Якобинцами!

— А ваше сіятельство бывали съ ними въ перепискѣ?

— Можетъ ли это быть, чтобъ я съ ними переписывался? возразилъ геніально сообразительный слѣдователь.

— Такъ знайте жъ, отвѣтилъ ему Лопухинъ, «сидя и гораздо не учтивясь,» что въ чести, въ вѣрности къ государю и отечеству я никакъ вамъ не уступлю, и не смѣйте мнѣ дѣлать такихъ вопросовъ!

— Что жъ ты эдакъ на меня нападаешь: вѣдь не я,—государыня объ этомъ тебя спрашиваетъ! сказалъ ему на много посбавивши своего жару князь Прозоровскій.

— Гдѣ же этотъ вопросъ? спросилъ допрашиваемый.

— Вотъ будетъ..

— А я буду отвѣчать.

— Что жъ отвѣчать будешь, скажи, пожалуй?

— Тогда увидите.

— Лучше скажи, пожалуй, прежде, такъ можетъ быть мы и посовѣтуемся, настаивалъ князь, прилежно уговаривая его разсказать ему напередъ этотъ отвѣтъ.

— Скажу вамъ только, что ежели государыня изволитъ меня объ этомъ спрашивать, отвѣтилъ ему подсудимый, то я конечно, въ отвѣтѣ своемъ ей шутить не буду; и чѣмъ онъ будетъ серьезнѣе, тѣмъ основательнѣе отразится клевета.

Между тѣмъ Лопухинъ продолжалъ писать отвѣты и ни въ одномъ пунктѣ не нашелъ подобнаго вопроса. Онъ прямо въ глаза высказалъ Прозоровскому, что «такой поступокъ съ его стороны слишкомъ явно доказываетъ его неблагорасположеніе къ нему, и, конечно, не принесетъ ему никогда славы.»

А вотъ и другой образчикъ слѣдованія неумытнаго судіи, его сіятельства князя Прозоровскаго:

Во время допросовъ ему почему-то хотѣлося сочинить изъ открытаго общества масоновъ, общество иллюминатовъ и по этому онъ, безъ дальнихъ церемоній обратился къ Лопухину, со словами: «вы иллюминаты,» какъ буто бы это было дѣло уже доказанное и рѣшенное.

Лопухинъ возразилъ ему: они отнюдь не иллюминаты, что общество ихнее даже расходится въ убѣжденіяхъ съ ними и что они давно уже постановили мѣры предосторожности противу сближенія этихъ двухъ обществъ, чему даже наконецъ и планъ за нѣсколько лѣтъ сочиненный имъ имѣется у него, и что если князю угодно, то онъ тотчасъ же привезетъ къ нему этотъ планъ, написанный вчернѣ

его собственною рукою.—Очень хорошо, отвѣтилъ князь, привезите завтра. «Привезъ Лопухинъ эту бумагу, только вдругъ князь Прозоровскій прочитавъ ее, возвращаетъ ему обратно, говоря что она ровно ничего не значитъ.

— Она только то значитъ, что мы не иллюминаты, возразилъ ему Лопухинъ, такъ прошу принять ее въ оправданіе.

— Пусть вы и не они, да это все тоже! настаивалъ князь Прозоровскій.

— Ужь какъ скоро это доказываетъ, что мы не иллюминаты, какими нас считаютъ, то естественно доказываетъ и ложность заключенія объ насъ, и оправдываетъ, возразилъ ему въ свою очередь Лопухинъ, но если бъ это мнѣ и казалось только оправданіемъ, то я думаю, ваше сіятельство должны отъ меня принять эту бумагу; ибо я не думаю, чтобъ было намѣреніе только винить насъ.

— Не приму! отвѣчалъ рѣшительно князь Прозоровскій.

Между тѣмъ продолжая писать отвѣты на допросные пункты, Лопухинъ увидѣлъ, что въ одномъ изъ нихъ сказано, чтобъ онъ представилъ всѣ свои бумаги, подъ опасеніемъ наистрожайшей казни за сокрытіе хотя одной. Лопухинъ весьма обрадовавшись этому обстоятельству, и весьма законно думая, что теперь уже князь не посмѣетъ отказаться отъ этой бумаги а тѣмъ болѣе скрыть ее, предложилъ ему сдѣлать всѣмъ имъ общій реестръ; отчего князь поспѣшилъ отказаться, говоря, что этого вовсе не нужно.

На другой день, когда князь принялъ привезенные ему Лопухинымъ бумаги, то этотъ послѣдній, вынувъ изъ кармана неугодную ему, просилъ принять ее особо.

— Я уже вамъ сказалъ, что не приму ее, и отнюдь не приму! отвѣчалъ ему Прозоровскій. Однако Лопухинъ продолжалъ настаивать:

— За что такъ особливо не нравится эта бумага вашему сіятельству? говорилъ онъ.

— Она ничего не значитъ, и я уже сказалъ, что не приму ее! отвѣчалъ ему князь.

— Такъ позвольте же сказать, продолжалъ подсудимый, вы должны принять ее, какая бъ она ни была. Когда государыня приказываетъ представить мнѣ *всѣ* мои бумаги, то я обязанъ всѣ ихъ отдать, а вы обязаны принять.

— Извольте, я ее приму, если то вамъ непремѣнно надобно,

одумавшись порѣшилъ наконецъ князь, съ нѣкоторою торопливостью принимая отъ Лопухина бумагу, который просилъ его позволить ему въ отвѣтахъ своихъ прибавить, что онъ, въ исполненіе требованія, отдалъ слѣдователю *всѣ* свои бумаги. Князю однако жъ этого не захотѣлось.

— За чѣмъ же? возразилъ онъ, государыня мнѣ и безъ того вѣритъ.

— Не сомнѣваюсь, отвѣчалъ Лопухинъ, но признаюсь, что я немножко педантъ и въ приказной службѣ къ формамъ сдѣлалъ привычку.

— Пожалуйте, извольте! И онъ вынулъ изъ бюро тетрадь отвѣтовъ въ которой Лопухинъ приписалъ то, что ему хотѣлось; о врученіи же спорной бумаги написалъ особо, представя обстоятельно ея содержаніе и причину по которой долженъ былъ вручить ее особо.

— Прочіе вопросы сочинены были, продолжаетъ онъ въ своихъ запискахъ, только для расширенія, той завѣсы, которая закрывала главный предметъ подозрѣнія; а предметъ сей столько же казался важнымъ, сколько въ основаніи своемъ мечтателенъ былъ.

Окончаніе этого дѣла счастливѣе всѣхъ обошлось однакожъ для Лопухина: вслѣдствіе совершенно непредвидѣнной высочайшей милости онъ былъ оставленъ въ Москвѣ, конечно, подъ достодолжнымъ и благодѣтельнымъ присмотромъ и попеченіями полиціи. Князь же Н. И. Трубецкой и И. П. Тургеневъ безъ дальнѣйшихъ разговоровъ были отправлены на житье въ дальнія деревни. Н. И. Новиковъ на пятнадцать лѣтъ заключенъ въ казематы Шлиссельбургской крѣпости; студенты Колокольниковъ и Невзоровъ оставлены также подъ тайною стражею.

Новиковскіе дома и книжные магазины все еще находились подъ арестомъ, и разборъ этихъ книгъ продолжался нѣсколько лѣтъ: множество сожжено и все почти исчезло. Это обстоятельство нанесло огромныя убытки многимъ, участвовавшимъ въ типографической компаніи и въ особенности Лопухину, для котораго оно было главною причиною долговъ его. При новиковскомъ арестѣ были запечатаны также въ Москвѣ и всѣ остальныя книжныя лавки, при разборѣ которыхъ нашлись у нѣкоторыхъ книгопродавцевъ въ продажѣ запрещенныя книги. Книгопродавцы были преданы публичному суду. Такъ кончилось знаменитое новиковское дѣло.

Личность Лопухина достаточно уже рисуется вамъ и въ этихъ,

приведенныхъ нами фактахъ изъ новиковской исторіи; вы видите передъ собою образъ этого честнаго, энергичнаго человѣка, человѣка съ желѣзной, непоколебимой волей, безкорыстно жертвующаго всѣмъ своей идеи и упорно преслѣдующаго свою цѣль. Девизъ всей жизни этого человѣка была правда, прямота убѣжденія, иногда даже дерзкая и неподкупное, строгое правосудіе. Надобно сказать еще, что онъ былъ юристъ и судья замѣчательный. Эта дерзкая прямота убѣжденія не разъ служила ему камнемъ преткновенія на гражданскомъ поприщѣ, — но, къ чести этой личности, надобно сказать, что онъ никогда не споткнулся. Нѣсколько ниже мы разскажемъ одинъ случай столкновенія его съ императоромъ Павломъ, — случай какъ съ той, такъ и съ другой стороны чрезвычайно характеристичный. Теперь же для большаго уясненія читателямъ этой замѣчательной личности, какъ судьи и юриста, мы попросимъ позволенія привести здѣсь нѣсколько его мыслей, касательно наказаній и уголовнаго суда вообще:

— Я думаю что предметъ наказаній долженъ быть исправленіе наказуемыхъ и удержаніе отъ преступленій, пишетъ онъ въ своихъ «Запискахъ.» «Жестокость въ наказаніяхъ есть только плодъ злобнаго презрѣнія человѣчества и одно всегда безполезное тиранство.»

— Мщеніе, какъ звѣрское свойство тиранства, ни одною каплею не должно вливаться въ наказанія. Вся ихъ цѣль должна быть исправленіе наказуемаго и примѣръ для отвращенія отъ преступленій. Все же, превосходящее сію мѣру, есть только безплодное терзаніе человѣчества и дѣйствіе неуваженія къ нему, или лютости.

— Судія, который не истощаетъ всего своего вниманія, судя человѣка въ уголовномъ дѣлѣ и безъ совершеннаго увѣренія или хотя съ малымъ небреженіемъ, осуждаетъ его на тяжкую казнь, — столько же самъ ее заслуживаетъ, и столько же преступникъ, если не больше, какъ неумышленный убійца, и даже такой, который убилъ, разсерженъ будучи. Кто наклонилъ вѣсы суда, и хотя не изъ мздоимства, но изъ уваженія къ пріязни, или въ угожденіе лицу сильнаго, и черезъ то лишилъ кого либо собственности его несправедливо, конечно виноватъ не меньше бѣднаго невѣжи, укравшаго отъ крайности и отъ того, что не имѣлъ при ней довольно разума и твердости духа одолѣть себя при соблазнѣ.

— Думаю, что также не должно опредѣлять наказаній безконечныхъ въ здѣшней жизни, потому что въ христіанскихъ правительствахъ исправленіе наказуемаго и внутреннее обращеніе его къ добру

надлежитъ имѣть важнѣйшимъ при наказаніяхъ предметомъ, и что нѣтъ такого злодѣя, о которомъ бы можно рѣшительно заключить, что предметъ оный въ немъ неисполнится, и что онъ не можетъ еще сдѣлаться полезнымъ для общества, въ лучшемъ и свободномъ состояніи жизни.

— Что касается до смертной казни, то она, по мнѣнію моему и безполезна, кромѣ того, что одному только Творцу жизни извѣстна та минута, въ которую можно ее пресѣчь, не возмущая порядка его божественнаго строенія.

Думаемъ, что подобныя мысли и подобныя правила, какими руководствовался Лопухинъ въ своей служебной дѣятельности, должны были въ одно и тоже время казаться большинству сослуживцевъ и дикими, и нелѣпыми, и оказывать на общество или, по крайней мѣрѣ, на самую угнѣтенную часть его высокое и благодѣтельное вліяніе. Надобно вспомнить только знаменитое «Слово и дѣло,» застѣнокъ и дыбу, плеть и кабылу, клейма и цѣпи, наконецъ колесо и висѣлицу, чтобъ понять, на какой нравственной высотѣ стояла эта свѣтлая, гуманная личность среди грязнаго и темнаго приказнаго міра того времени!

Отъ этихъ правилъ, сдѣлавшихся нравственнымъ принципомъ, подкрѣпленнымъ всею силою независимаго убѣжденія, Лопухинъ не отступалъ нигдѣ и не передъ кѣмъ. Достаточно вспомнить случай столкновенія его съ Павломъ I, который мы хотѣли пересказать читателямъ. Случай, повторяемъ, чрезвычайно характеризующій какъ ту, такъ и другую личность.

Однажды Государь приказываетъ Лопухину съѣздить къ Трощинскому, разсмотрѣть конфирмованный уже имъ докладъ сената о нѣкоторыхъ осужденныхъ по дѣлу объ утратѣ денегъ въ государственномъ банкѣ, начавшемуся еще при жизни покойной Екатерины; надо было остановить исполненіе и найдти способъ оправдать, или гораздо облегчить участь одного изъ осужденныхъ, иностранца.

— Меня объ немъ просилъ сынъ, Александръ Павловичъ, сказалъ Лопухину Государь, а его разжалобила жена этого арестанта, которую онъ видѣлъ у мужа ея, посѣщая арестантовъ по должности военнаго губернатора петербугскаго.

Лопухинъ поѣхалъ къ Трощинскому, у котораго изъ короткой записки объ этомъ дѣлѣ, увидѣлъ, что осужденный этотъ признанъ равно виноватымъ съ нѣсколькими другими и приговоренъ къ одинаковому публичному наказанію. Конфирмованный государемъ докладъ

былъ уже возвращенъ въ сенатъ, а изъ сената посланъ уже указъ ко второму военному губернатору объ исполненіи.

— Сообразивъ обстоятельства дѣла, пишетъ Лопухинъ, я думалъ, что простить или облегчить казнь всегда прилично милосердію самовластнаго Государя; но изъ осужденныхъ къ равному наказанію равныхъ преступниковъ одного исключить, или очень меньше наказать передъ другими, было бы нарушить правосудіе съ наглымъ презрѣніемъ къ человѣчеству.

Съ этими мыслями возвратился онъ къ Государю. Павелъ былъ тогда у себя въ кабинетѣ вмѣстѣ съ наслѣдникомъ Александромъ Павловичемъ и княземъ Безбородко. Вскорѣ онъ вышелъ въ секретарскую комнату, которая находилась передъ самымъ кабинетомъ и подойдя къ Лопухину, спросилъ его потихоньку, о томъ что онъ сдѣлалъ? Лопухинъ доложилъ ему о своей справкѣ и представилъ свое мнѣніе объ этомъ предметѣ, прося помиловать всѣхъ.

— Какъ же, всѣхъ? они виноваты! отозвался государь.

— Да и онъ виноватъ, отвѣтилъ ему на это Лопухинъ.

Павелъ отошелъ отъ него и подойдя къ Безбородко, началъ тихо говорить съ нимъ. Лопухинъ остался у своего секретарскаго стола. Поговоривъ нѣсколько времени съ Безбородко, Государь снова обратился къ нему.

— Чтожъ не подойдешь ты къ намъ, Иванъ Владиміровичъ? проговорилъ онъ; мы говоримъ о твоемъ дѣлѣ... Вотъ и Александръ Андреевичъ говоритъ, продолжалъ онъ, указывая на Безбородко, когда Лопухинъ подошелъ къ нимъ, что можно его освободить и послать только какъ хорошаго художника, (не помню, какого только мастерства), на житье въ бывшій городъ Воскресенскъ московской губерніи, гдѣ онъ и полезенъ будетъ для отдѣлки монастыря.

— А прочихъ-то, съ коими онъ равно виноватъ, куда же? доложилъ въ видѣ вопроса Лопухинъ.

— Въ ссылку, по приговору! отвѣчалъ государь.

— Воля ваша, возразилъ секретарь:—только это будетъ несходно съ правдою и порядкомъ.

— Да онъ же почти и не виноватъ, выговорилъ при этомъ князь Безбородко.

— Какъ же невиноватаго сенатъ осудилъ и государю казнь его подписать далъ? возразилъ Лопухинъ.

— Полно, братецъ, перестань!... крикнулъ ему государь съ гнѣвомъ.

И онъ замолчавъ, снова отошелъ къ своему секретарскому столу.

— Ну, что жъ ты думаешь сдѣлать? проговорилъ уже милостивымъ тономъ Павелъ, переговоривъ съ Безбородко и подойдя къ Лопухину.

— Я сдѣлаю то, что ваше величество приказать изволите, твердо отвѣтилъ этотъ послѣдній:—а думаю, что не сравнять наказаніе будетъ несправедливо и несходно съ вашимъ великодушіемъ.

— Нѣтъ, сказалъ государь:—эдакъ нельзя: я прикажу Архарову.

И съ этой послѣдней сцены при дворѣ уже положительно рѣшили, что Лопухинъ не останется при государѣ. Дѣйствительно, вскорѣ онъ былъ удаленъ въ Москву, впрочемъ, при почетномъ званіи сенатора.

Въ «Запискахъ» Лопухина на каждой почти страницѣ разбросано множество характерныхъ и интересныхъ фактовъ, которые живо и ярко рисуютъ нашему воображенію картину прожитой имъ эпохи. Въ особенности интересны описываемые имъ юридическіе случаи и слѣдствія, въ которыхъ онъ по большей части принималъ самъ личное участіе. Надѣемся, что читатели не посѣтуютъ на насъ, если мы захотимъ познакомить ихъ, напримѣръ, хоть съ интереснѣйшимъ дѣломъ о духоборцахъ, возникшимъ по случаю рвенія земскихъ и духовныхъ властей о обращеніи ихъ въ лоно православія. Зная, сколь мало извѣстны у насъ большинству нашего общества подобныя дѣла, собственно по недоступности ихъ для общественной критики и суда, мы думаемъ, что для читателей будетъ не безъинтересно познакомиться съ однимъ изъ подобныхъ дѣлъ, хотя оно уже и дѣло давно минувшихъ дней и относится къ 1801 году.

Лопухинъ былъ посланъ вмѣстѣ съ товарищемъ Нелединскимъ-Мелецкимъ для осмотра слободско-украинской губерніи. Проѣзжая въ Харьковъ, остановились они на сутки въ Бѣлгородѣ. За обѣдомъ у архіерея вспомнилъ Лопухинъ, что еще при Екатеринѣ поручено ему было увѣщаніе окрестныхъ духоборцевъ и полюбопытствовалъ пообстоятельнѣе узнать отъ него объ этомъ дѣлѣ. Но архіерей только ругалъ отщепенцевъ и похвалялся строгостями своего усердствованія и суда, такъ что Лопухинъ долженъ былъ прекратить разговоръ. Тутъ же обѣдалъ одинъ чиновникъ, бывшій земскимъ исправникомъ во времена розысковъ надъ духоборцами, который помогалъ хозяину ругаться. По-

слѣ обѣда Лопухинъ, вмѣстѣ съ этимъ чиновникомъ, пошелъ прогуливаться по городу и разспрашивалъ его наединѣ о духоборцахъ. Но тотъ продолжалъ только ругаться.—«Извольте ихъ посмотрѣть, говорилъ онъ: — похожи ли хоть мало на христіанъ: кровинки въ лицѣ нѣтъ! Они, злодѣи, и въ церкви хаживали; да полно что въ церкви стоитъ, а не это думаетъ. Только, бывало, и отрада душѣ, что оттуда ихъ вытащишь, да въ одн͏ихъ рубашкахъ палочьемъ дуть!

— Почему-жъ знать вамъ, что они думаютъ?

— Какъ же-съ, это видно! отвѣчалъ ему ревнитель-исправникъ.

Пріѣхавъ въ Харьковъ, Лопухинъ, между прочими вѣдомостями, потребовалъ еще особую вѣдомость о томъ, что происходило и происходитъ съ духоборцами, живущими въ тамошней губерніи. Изъ вѣдомости оказалось, что въ царство Екатерины нѣкоторые изъ нихъ заключены были въ тѣсное заключеніе и не возвратились, а при Павлѣ всякій генералъ-прокуроръ, вслѣдствіе губернаторскихъ представленій, объявлялъ именной указъ о ссылкѣ ихъ цѣлыми семействами въ разныя мѣста на поселеніе и въ каторгу, и сослано ихъ такимъ образомъ не одна сотня.... Александръ I освободилъ ихъ, приказалъ водворить ихъ на мѣста прежнихъ жительствъ и оставить ихъ въ покоѣ.

Въ августѣ возвратились они нищими на мѣста опустошенныхъ домовъ ихъ, а въ октябрѣ, по отзывамъ нѣкоторыхъ поповъ и чиновниковъ земской полиціи, начали ихъ опять увѣщевать. И для этого отряжены были епархіальнымъ архіереемъ два ученѣйшіе, какъ въ вѣдомости было сказано, священника и земскаго суда засѣдатель съ командою.

— Вы сдѣлаете бунтъ, говорилъ Лопухинъ губернатору: — люди не успѣли вздохнуть спокойно, а ихъ опять тревожатъ! За послѣдствія *вы* будете отвѣчать! прикажите командѣ возвратиться; а чтобъ священники теперь погодили трудиться, о томъ переговорите съ преосвященнымъ.

И дѣйствительно: на другой день утромъ къ Лопухину вбѣгаетъ губернаторъ, весь блѣдный, съ бумагою въ рукахъ, въ которой заключалось извѣстіе о бунтѣ.

— Ваше превосходительство отгадали, говорилъ онъ.—Въ Изюмскомъ уѣздѣ, гдѣ происходило увѣщаніе, бунтъ,—и я пропалъ! Духоборцы не слушаются; говорятъ, что они государя помазанникомъ божіимъ не признаютъ, распятому господу Іисусу Христу не покланяются и никакихъ податей платить и государственныхъ повинностей

исполнять не хотятъ. Вотъ о семъ и секретный рапортъ ко мнѣ отъ засѣдателя съ нарочнымъ (при которомъ приложенъ и напѣвъ ихъ, пѣснь или псаломъ, дурными стихами сочиненная), доказывающій ихъ безбожіе. Нѣкоторые изъ нихъ взяты подъ стражу и земскій судъ отправился на мѣсто слѣдствія. Что прикажете дѣлать?! спрашивалъ его струсившій губернаторъ.

— А вотъ что: говорилъ ему Лопухинъ,—повѣрьте, что все это произошло отъ того, что стали увѣщевать этихъ людей безъ нужды, не во-время, неискусно, ожесточили ихъ и не такъ поняли. Доказательство тому самый присланный къ вамъ напѣвъ ихъ; читайте его: онъ присланъ въ обличеніе ихъ невѣрія къ спасителю, а преисполненъ благоговѣнія къ нему (*). Вѣрно ихъ спрашивали, что думаютъ о коронаціи, которая недавно была. Извѣстно, что обрядовъ они никакихъ не уважаютъ, то, конечно, и о семъ надлежащаго понятія не имѣютъ. Да какая же нужда всякаго теперь мужика, который встрѣтится, спрашивать, что онъ думаетъ о коронаціи? Вѣрно ихъ заставляли кланяться образу, и они, по своимъ понятіямъ, не послушались. Вѣрно ихъ спрашивали, будутъ ли платить подати? Они, будучи теперь раззоренные нищіе, которые сами требуютъ помощи, ожесточились такимъ вопросомъ и проч.

— И такъ, вотъ что вы сдѣлайте, продолжалъ Лопухинъ давать наставленія струсившему и растерявшемуся губернатору: — пошлите тотчасъ туда нарочнаго, прикажите всѣхъ, взятыхъ подъ стражу, освободить. Донесеніе объ увѣщаніи припишите тому, что не такъ ихъ поняли, какъ и подлинно. Земскому суду сдѣлайте самый строгій выговоръ за то, что онъ въ такомъ дѣлѣ не описавшись къ вамъ и безъ вашего наставленія, осмѣлился отправляться на мѣсто для слѣдствія; прикажите ему и съ командою тотчасъ выѣхать въ городъ, а засѣдателю явиться сюда къ отвѣту. О возвращеніи же увѣщателей-священниковъ извольте отнестись офиціально къ преосвященному, а мы на нынѣшней же почтѣ донесемъ о всемъ томъ государю.

Возвратившіеся увѣщатели подтвердили догадку Лопухина.

Въ отчетѣ своемъ они показали, что дѣйствительно, первый вопросъ ихъ духоборцамъ былъ о коронаціи. Духоборцы, не имѣющіе

*) Въ напѣвѣ этомъ написано было: «Поклоняемся Христу, не мѣдному, не серебряному, не золотому, не кованному и не литому, и не писаному, а Христу, Сыну божію, Спасу міра», и проч.

къ обрядамъ уваженія, не могли, конечно, и дать имъ удовлетворительнаго отвѣта, а сказали только, что всякаго царя почитаютъ они отъ Бога постановленнымъ, добраго—даромъ божіимъ, а злаго—бичемъ за грѣхи. Поставили передъ нихъ образъ спасителевъ и спрашивали ихъ, вѣруютъ ли они въ предстоящаго передъ ними спасителя? Духоборцы отвѣчали: «это не Спаситель, а доска росписанная.» Наконецъ ихъ спрашивали: «будутъ ли они платить подати и рекрутъ ставить?» Они, конечно, съ досадою отвѣчали: «мы нищіе: чѣмъ намъ подати платить? Какіе отъ насъ рекруты? Остался старый, да малый, да изувѣченный. Мы прежде служили государю, какъ и другіе, а теперь — власть его, не можемъ!»

Скоро въ Харьковѣ собралось много духоборцевъ. Лопухинъ часто бесѣдовалъ съ ними и нашелъ въ нихъ понятія о христіанствѣ самыя чистыя и правильныя. «Никто почти изъ нихъ грамотѣ не знаетъ хорошенько, замѣчаетъ онъ: — писать изъ многихъ, бывшихъ тогда у насъ, худо умѣлъ только одинъ, а всякій о законѣ говоритъ, какъ книга.»

— Для чего жъ, спрашивалъ онъ у нихъ: — перестали вы ходить въ церковь? вѣдь вы прежде ходили и исполняли все, какъ и прочіе?

— Признаемся въ грѣхѣ своемъ, отвѣчали они ему:—что перестали ходить отъ досады, и теперь не можемъ переломить себя.

— Отъ какой же досады?

— Ну, да какъ насъ начали изъ церквей—то таскать, да въ однихъ рубашкахъ палочьемъ бить, приговаривая: «въ церкви стоишь, а не то думаешь!»

Вскорѣ послѣдовалъ отъ Александра I благодарственный рескриптъ, въ которомъ, между прочимъ, заключались слѣдующія замѣчательныя слова: «Вмѣстѣ съ симъ вразумляю я губернатора, какимъ обрззомъ должно располагать ему назначенное при возвращеніи сихъ духоборцевъ увѣщаніе, и, находя между тѣмъ, что прежде предпринятаго тамошнимъ правительствомъ наряднаго просвѣщенія ихъ умовъ, пристойнѣе и нужнѣе бы было помыслить о ихъ пропитаніи и водвореніи, и что прежде настоятельныхъ вопросовъ о ихъ обязанностяхъ къ правительству, должно бы было дать имъ почувствовать, что правительство сіе въ раззоренномъ ихъ положеніи готово простерть имъ руку помощи и покровительства, я предписываю ему, войти въ ихъ состояніе и, описавъ ихъ нужды, представить мнѣ, имѣютъ ли они домы,

и если не имѣютъ, то сколько потребно будетъ на ихъ построеніе, дабы можно было дать имъ немедленно нужное пособіе. Александръ.»

Въ началѣ нашей статьи мы назвали Лопухина прогрессистомъ *русскимъ*; подъ этимъ послѣднимъ словомъ разумѣли мы человѣка, державшагося въ убѣжденіяхъ своихъ на своей родной почвѣ; во всѣхъ преобразованіяхъ и нововведеніяхъ, обращавшаго взглядъ свой на народъ, стараясь при этомъ соображаться съ его пользами и потребностями, человѣка, не принимавшаго съ безусловнымъ благоговѣніемъ всякое иноземное нововведеніе, привитое къ русской жизни, даже проникнутаго къ такимъ нѣкоторымъ недовѣріемъ и враждебностью; короче, это былъ руссофилъ своего времени. Онъ, напримѣръ, высказываетъ мысли такого рода:

«Хотя я мало свѣдущъ въ дѣлахъ иностранныхъ и коммерческихъ, однако при семъ могу, кажется, не безъ основанія осмѣлиться сказать, что главное искусство россійской политики должно состоять въ томъ, чтобъ сколько можно не только меньше зависѣть отъ Европы, но и меньше связей съ нею имѣть, какъ политическими сношеніями, такъ и нравственными. Подъ именемъ послѣднихъ разумѣю я обычаи, *коихъ заразительная гнилость снѣдаетъ древнее здравіе душъ и тѣлъ россійскихъ*....» «Хорошо бы было при нужномъ знаніи иностранныхъ языковъ, при упражненіяхъ въ изящныхъ и полезныхъ наукахъ и художествахъ, *не стыдиться многихъ своихъ старинныхъ обычаевъ*....» «Истинный патріотизмъ въ томъ, чтобъ желать отечеству истиннаго добра и содѣйствовать тому всѣми силами; желать, чтобъ не на Французовъ или Англичанъ походили бы Русскіе, а были бы столько счастливы, какъ только они быть могутъ.»

Но вотъ что замѣчательно: что это былъ человѣкъ истинно гуманный, въ томъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія; что это былъ человѣкъ искренно любившій народъ, тоже не подлежитъ сомнѣнію: — стоитъ вспомнить длинный рядъ дѣйствій его на гражданскомъ поприщѣ, чтобъ вполнѣ убѣдиться какъ въ томъ, такъ и въ другомъ; и при всемъ этомъ былъ пунктъ въ которомъ Лопухинъ совершенно становился въ разрѣзъ съ убѣжденіями не говоримъ уже, нашего времени, но своего-же. Пунктъ этотъ заключался во взглядѣ его на крестьянскій вопросъ. Впрочемъ, надо вспомнить, что въ то время весьма и весьма не многіе еще начинали провидѣть и сознавать настоящее отношеніе къ этому дѣлу; это были свѣтлые умы, далеко опередившіе свое время, дозрѣвшіе до сознанія иныхъ формъ общественной жиз-

ни, да и тѣ еще молчали и держали про себя эти идеи въ ту пору, а Лопухинъ при всѣхъ своихъ блестящихъ сторонахъ принадлежалъ все таки своему вѣку, былъ вскормленъ и воспитанъ имъ въ принципахъ хотя и благодѣтельныхъ, и благородныхъ, но не выступавшихъ за уровень развитія вѣка. Вотъ его мысли объ этомъ предметѣ:

— Въ Россіи ослабленіе связи подчиненности крестьянъ помѣщикамъ опаснѣе самаго нашествія непріятельскаго, и не въ настоящемъ положеніи вещей. Я могу о семъ говорить безпристрастно, никогда истинно не доруживъ правами господства, стыдясь даже выговаривать слово холопъ, до слабости можетъ быть, снисходителенъ будучи къ своимъ крестьянамъ. Первый можетъ быть желаю, чтобъ небыло на русской землѣ ни одного несвободнаго человѣка, еслибъ только то безъ вреда для нея возможно было.

— Народъ требуетъ обузданія и для собственной его пользы. Для сохраненія же общаго благоустройства нѣтъ надежнѣе полиціи, какъ управленіе помѣщиковъ. Тираны изъ нихъ должны быть обузданы, но сіе должно быть такъ расположено, чтобъ начальники губерній при обузданіяхъ тиранства, столько же страшились бы наказанія за малѣйшее въ томъ излишие или пристрастіе, и столько же бы увѣрены были неизбѣжать того наказанія, сколько тираны за тиранство.

Мы выполнили задачу нашей статьи—очертить личности гражданскаго дѣятеля-прогрессиста начала нынѣшняго вѣка; на основаніи собственныхъ его записокъ, мы показали рѣзко характерныя стороны этой личности, отнесясь къ ней, какъ къ простому историческому факту. Намъ хотя и пришлось уже услышать хулы на этого человѣка, за его послѣднее только-что высказанное нами убѣжденіе, несходное съ убѣжденіями нашего времени, но мы въ свою очередь не повторимъ этой хулы; не повторимъ не потому, что de mortius aut bene, aut nihil, но потому что уважаемъ всякое *честное* и прямо высказанное убѣжденіе, хотя бы и ложное, хотя бы оно было и совершенное заблужденіе, но заблужденіе искреннее, честное, безкорыстное. Мы на это смотримъ нѣсколько другими глазами; оно для насъ является только подтвержденіемъ мысли, что и для прогресса есть свой прогрессъ. Не бросимъ же въ него камень осужденія, а лучше вспомнимъ старую мысль высказанную когда-то Гегелемъ, что «всякая личность, есть дитя своего времени».

В. К-ій.

Житіе Ивана Яковлевича, извѣстнаго пророка въ Москвѣ (съ портретомъ) соч. И. Прыжова. Спб 1860 г.

Бываютъ явленія, повидимому, незначительныя, но которыя въ сущности бросаютъ свѣтъ на извѣстную эпоху и составляютъ драгоцѣнный матеріалъ для историка. Оставаясь неизмѣнными въ теченіи тысячилѣтій, страсти человѣческія постоянно проявляются въ новыхъ формахъ: та или другая форма развивается подъ вліяніемъ личныхъ и общественныхъ условій человѣка, въ связи съ направленіемъ, эпохи и народной жизни: сатурналіи, описанныя въ Сатириконѣ Петронія, возможны были только въ императорскомъ Римѣ; саббаты—только въ средневѣковой Европѣ, оргіи Филиппа Орлеанскаго и Людовика XV только во Франціи XVIII вѣка. Но при всемъ разнообразіи среды, въ которой совершаются подобныя явленія, мы находимъ въ нихъ одно общее — это униженіе личности. Въ обществахъ варварскихъ господствуетъ жестокость: побѣжденные переносятъ всю тяжесть необузданной воли побѣдителя: они покоряются насилію, но не идутъ сами добровольно подъ иго; тогда какъ въ обществахъ вымирающихъ на всякомъ шагу встрѣчается не уваженіе къ самому себѣ, презрѣніе человѣческаго достоинства, готовность для личныхъ выгодъ жертвовать общественными интересами. Такимъ образомъ совершенное невѣжество и дурно-понятое образованіе приводятъ къ одинаковымъ результатамъ, съ тою только разницею, что для невѣжества есть исходъ въ просвѣщеніи, тогда какъ растлѣніе ведетъ прямо къ смерти. На той и другой ступени общественнаго быта у человѣка является потребность искать помощи въ темныхъ, сверхъ-естественныхъ силахъ; онъ относится къ нимъ съ тѣми вопросами, которые тревожатъ его и не находятъ отвѣта въ его самосознаніи и самоувѣренности. Онъ тупо преклоняется предъ всѣмъ, выходящимъ изъ ряду обыденныхъ явленій. Страшныя душевныя болѣзни свирѣпствуютъ въ такія эпохи; религіозныя стремленія отличаются мистицизмомъ и нетерпимостью. Исторія XVI и XVII столѣтій ужасаетъ своими жертвами; варварство и нелѣпость процессовъ противъ волшебниковъ изумительныя; они гибли тысячами; въ 1515 въ Женевѣ сожгли до 500 человѣкъ, обвиненныхъ въ колдовствѣ и въ присутствіи на шабашѣ; въ Лотарингіи отъ 1580 до 1595 погибло болѣе 900

человѣкъ: въ Вюрцбургѣ въ два года до 160 человѣкъ; во Франціи при Карлѣ IX истреблено до 30,000 мнимыхъ волшебниковъ и столько же въ Испаніи въ царствованіе Филиппа II. Швеція и Англія не отстали отъ другихъ, и въ первой въ знаменитомъ блокульскомъ процессѣ (1669—70) обвинили въ колдовствѣ 70 человѣкъ; многіе изъ нихъ были казнены: сверхъ того подверглись смертной казни 15 дѣтей; во второй Яковъ I издалъ статутъ противъ волшебниковъ, и Гопкинсъ принялъ титулъ генеральнаго открывателя колдуновъ.

Всѣ эти данныя подтверждаютъ наше положеніе, что суевѣрія и гоненія составляютъ принадлежность больнаго общества. Народныя бѣдствія возбуждаютъ иногда фанатизмъ до высшей степени: всѣ силы душевныя и тѣлесныя напрягаются, организмъ не выдерживаетъ, и являются пророки: одни увлекаясь игрой разстроеннаго воображенія, добросовѣстно выдаютъ свои видѣнія за божественныя; другіе искусно притворяются и служатъ извѣстнымъ политическимъ цѣлямъ. Жанна д' Аркъ, севенскіе пророки, пуританскіе проповѣдники представляютъ разительныя доказательства этому. Чѣмъ невѣжественнѣе масса, тѣмъ болѣе для нея авторитетовъ, тѣмъ менѣе критики: это справедливо какъ въ отношеніи къ цѣлымъ народамъ, такъ и къ отдѣльнымъ личностямъ: самоотреченіе и идолопоклонство вѣрный признакъ неразвитости или угнетенія: въ этомъ состояніи, состояніи непосредственности, даже лучшія качества подъ вліяніемъ ложныхъ началъ принимаютъ другой характеръ. Ни общество, ни отдѣльный кружокъ не могутъ существовать въ такомъ видѣ: они должны переродиться или уничтожиться.

Древняя Русь по единогласному свидѣтельству дошедшихъ до насъ памятниковъ была наполнена ханжами. Даніилъ Заточникъ, Стоглавъ, указы Михаила Ѳедоровича и Алексѣя Михаиловича показываютъ какъ сильно они были распространены у насъ; это было для нихъ золотое время. Уровень народнаго образованія понизился такъ, что въ половинѣ XVII вѣка софійскій соборъ въ Новгородѣ никакъ не можетъ отыскать себѣ грамотнаго ризничаго. Титулъ, борода, табакъ, да сложеніе перстовъ важнѣйшіе государственные и общественные вопросы. Замеръ русскій языкъ, а вмѣсто народа—толпы холоповъ и рабовъ; вмѣсто международныхъ отношеній нетерпимость всего чужаго и страшная боязнь за свое; вмѣсто любви—проклятія; вмѣсто народнаго богатства логовище нищихъ; и заключенная въ самой себѣ, покрывается русская земля кромѣшной тьмой, гдѣ, не видя другъ друга, борятся на смерть фанатизмъ, ереси, крамолы, язычество, пьянство, бѣд-

дность и развратъ. (ж. Ив. Як. стр. 31) Тщетно соборы 1666 и 1681 годовъ пытаются исцѣлить зло: усилія ихъ пропадаютъ, только въ концѣ XVII вѣка являются первыя рѣшительныя мѣры противъ ханжества. Въ 1690 году всѣхъ этихъ, которые за святыхъ-то считались, велятъ бить кнутомъ и ссылать въ Сибирь, а въ 1694 брать въ стрѣлецкій приказъ (ж. Ив. Як. стр. 8) Въ XVIII вѣкѣ ханжи становятся замѣтнѣе. Петръ справедливо сказалъ о нихъ: «въ церкви поютъ: спаси отъ бѣдъ, а на паперти на убійство деньги даютъ». Берхгольцъ рисуетъ такія картины ханжества и разврата, что становится страшно. Немудрено, что указы 1717 и 19 годовъ велятъ ловить ханжей, а духовный регламентъ называетъ ихъ бездѣльниками и тунеядцами. Увѣщаніе св. синода, указы Анны Ивановны, комедіи Екатерины II доказываютъ, какъ крѣпко у насъ укоренилось ханженство. Мѣры строгости были недѣйствительны, потому что гоненіе придаетъ только силу гонимымъ; насмѣшки не дѣйствовали, потому что не проникали въ тотъ кругъ, гдѣ гнѣздилось ханженство. Оставалось ожидать лекарства отъ распространенія образованности, отъ просвѣщенія народа...

— Въ различныхъ родахъ ханжей, говоритъ г. Прыжовъ, первое мѣсто занимаютъ уроды, юроды и убогіе... Уроды въ нравственномъ смыслѣ, т. е. дураки, безумные идіоты были уродами высшей школы и назывались юродивыми. Искуственные юроды приготовлялись или изъ дѣтей или изъ нищихъ съ юродственными наклонностями, которые сманивались старцами. Были также притворные юроды, ибо юродство считалось почетнымъ и выгоднымъ занятіемъ... Какъ много было въ древней Руси юродивыхъ и блаженныхъ, мы можемъ заключить изъ того, что въ одномъ только синодикѣ Синод. библ. полууст. XVII в. № 665) послѣ именъ царей, царицъ, святителей и патріарховъ, помѣщено 25 юродивыхъ, въ числѣ которыхъ три женщины (ж. Ив. Як. стр. 10. 11. 12).

Неудивительно, что такія явленія существовали прежде, но удивительно, что они существуютъ теперь, какъ будто до нихъ не коснулись ни время, ни общественное движеніе.

Да, у насъ, въ Москвѣ можно еще изучать древнихъ юродовъ въ особѣ Ивана Яковлевича и Семена Дмитрича!

Впрочемъ Иванъ Яковлевичъ замѣчателенъ не столько своими вѣрованіями, сколько тѣмъ культомъ, который окружаетъ его и служительницей котораго является русская женщина.

Кто-же такой этотъ Иванъ Яковлевичъ?

— Онъ изъ смоленскихъ священническихъ дѣтей, учился въ духовной академіи, потомъ жилъ въ Смоленскѣ, занимаясь управленіемъ чего-то, что-то напроказилъ и ушелъ въ лѣсъ, рѣшившись юродствовать. Крестьяне построили ему избушку и стали къ нему ходить. Молва объ немъ распространилась. Одна изъ знатныхъ и богатыхъ барынь, жившихъ въ Смоленскѣ, выдавая дочь свою за г. Э—а (по другимъ К.) вздумала посовѣтоваться съ Иваномъ Яковлевичемъ. Тотъ застучалъ кулаками по столу и закричалъ: «разбойники, воры, бей, бей!». Жениху отказали. Узнавъ причину отказа, онъ отправился къ пророку, поколотилъ его и просилъ смоленскаго губернатора, избавить общество отъ этого изувѣра, который разстроиваетъ семейныя связи. Ивана Яковлевича отправили вч московскій «безумный домъ». Здѣсь онъ жилъ сорокъ три года и собиралъ обильную дань съ людскаго невѣжества.

Обращеніе его съ посѣтителями доходило до крайней степени цинизма: «дѣвушекъ онъ сажаетъ къ себѣ на колѣни и вертитъ ихъ; пожилыхъ женщинъ онъ обливаетъ и обмазываетъ разными мерзостями, заворачиваетъ имъ платье, дерется и ругается, безъ сомнѣнія, придавая тому и другому символическое значеніе; «княгиню В—ю онъ ударилъ яблоками по животу; а купчихѣ Ш-ой, извѣстной нѣкогда красавицѣ, поднявъ подолъ, сказалъ: все растрясла, ступай прочь» (стр. 24).

Наружность этого юродиваго внушаетъ невольное отвращеніе, и надо имѣть особенное терпѣніе, чтобъ не возмутиться, видя до какого скотскаго состоянія можетъ дойти человѣкъ. «На всѣхъ другихъ больныхъ надѣто бѣлье изъ полотна, а у Ивана Яковлевича и рубашка, и одѣяло, и наволочка изъ темноватаго ситца. И этотъ темный цвѣтъ бѣлья и обычай Ивана Яковлевича совершать на постели всѣ отправленія, какъ то обѣды и ужины (онъ все ѣстъ руками — будь это щи или каша) и о себя обтираться, все это дѣлаетъ изъ его постели какую-то темно-грязную массу, къ которой трудно и подойти. Лежитъ онъ на спинѣ, сложивъ на груди жилистыя руки. Ему около 80 лѣтъ. Лобъ высокій, голова лысая, лицо какое-то придавленное и такъ непріятно, что у меня не достало духу его разсмотрѣть» (стр. 20).

На вопросы людей образованныхъ Иванъ Яковлевичъ ничего не отвѣчаетъ, или говоритъ общія мѣста; пошлыхъ дураковъ выгоняетъ,

но за то вѣрующимъ въ него никогда не отказываетъ въ отвѣтахъ. Такъ одна дама, вышедшая изъ Екатерининскаго института, впродолженіи 20 лѣтъ обращалась къ нему за совѣтами. Г. Прыжовъ приводитъ копіи съ 30 писемъ, адресованныхъ Иваномъ Яковлевичемъ къ этой дамѣ.

Таковъ московскій пророкъ, и таково общество, почтившее его. Грустно видѣть, что подобныя явленія совершаются въ нашей древней столицѣ, гдѣ есть университетъ, гдѣ столько дѣльныхъ органовъ гласности. А между тѣмъ разсмотрѣвъ хладнокровно дѣло, увидимъ, что подобное явленіе возможно именно только въ Москвѣ.

Причина этому заключается въ праздности. Составленное изъ богатыхъ помѣщиковъ, живущихъ доходами съ своихъ деревень, изъ купцовъ и аферистовъ, московское общество находится еще въ младенческомъ допетровскомъ состояніи, разумѣется, исключая небольшаго кружка мыслящихъ людей.

Москва живетъ преимущественно чувствомъ и ворожитъ на кофейной гущѣ по увлеченію. Она ни какъ не можетъ отдѣлить своего теплаго патріотизма отъ Ивана Великаго и Кремля; ея консервативныя понятія остановились на бородѣ и кафтанѣ, ея цивилизація никогда не шла дальше подражанія Петербургу. Она составила себѣ всесвѣтную славу длинными и жирными обѣдами, и слыветъ за гостепріимную матушку. Къ ней относится вся остальная Россія за двумя главными продуктами — за спѣлыми невѣстами и превосходными сайками. И Москва съ избыткомъ надѣляетъ тѣмъ и другимъ. Любимѣйшій городъ спокойныхъ ученыхъ и неудавшихся поэтовъ, она возводитъ обрядность, визиты и карты на степень не менѣе серьезнаго дѣла, чѣмъ старую земскую думу или колокольный звонъ. Милая и набожная старушка, она никакъ не можетъ выйдти изъ состоянія барыни — экономки, а ужъ чему не учили ее, чего только не посылала ей Европа, начиная съ французскихъ актрисъ и оканчивая англійскими жокеями.

Чье сердце не билось при словѣ Москва, кто не любовался ея майскими ночами съ кремлевскаго холма, кто не заплатилъ ей дань молодой мечты въ стихахъ или прозѣ, но никто еще не замѣтилъ въ ней одного величайшаго достоинства — способности претворять все чужое въ свое собственное добро. Кто бы и откуда бы ни явился въ Москву, она тотчасъ положитъ на него «свой собственный отпечатокъ». У нея есть свой типъ женщины, чиновника, купца и

работника. Ея женщина, прекраснѣйшая изъ женъ міра, еще не совсѣмъ освободилась отъ преданія теремовъ и сафьяныхъ клетокъ.

Послѣ этого неудивительно, что Москва открыла даръ пророчества и въ Иванѣ Яковлевичѣ.

Спасибо г. Прыжову, что онъ вывелъ наконецъ на свѣтъ этого ханжу и дурака, съ его братіей. Теперь мы видимъ, насколько правы его защитники и насколько виноваты его противники. Пройдетъ еще нѣсколько десятковъ лѣтъ, наступитъ пора сознательной жизни, и мы съ трудомъ повѣримъ, чтобъ какой нибудь юродивый Иванъ Яковлевичъ былъ предметомъ боязни, уваженія и поклоненія для русской женщины и русскаго общества.

Н. РУДНЫЙ.

Очерки заграничной жизни. А. Забѣлина.

Москва. 1861.

Путешествія въ западную Европу всегда были для насъ чѣмъ-то въ родѣ мусульманскаго поклоненія Меккѣ. Въ XVII столѣтіи мы отправлялись заграницу съ длинными обозами холоповъ, мѣховъ, посуды и образовъ, желая вчужѣ сохранить свой образъ жизни и привычки и боясь заразиться отъ иностранцевъ чѣмъ нибудь бусурманскимъ. Смѣсь дикой роскоши съ болѣе дикимъ невѣжествомъ отличала эти поѣзды нашихъ бояръ. Пріѣзжая въ Германію или Францію они соблюдали посты, отплевывались отъ чужихъ обѣдовъ, бранили чужіе нравы и вездѣ оставляли за собой свой *московскій запахъ*. Въ XVIII вѣкѣ Европа открываетъ намъ свои университеты, музеумы и студіи; обривъ широкія бороды и обрѣзавъ длинныя полы кафтановъ, мы приходимъ сюда со всѣми наружными условіями образованныхъ людей и наперерывъ стараемся усвоить новую для насъ цивилизацію. Насъ принимаютъ не лучше, чѣмъ въ прошломъ вѣкѣ, но мы ищемъ, въ качествѣ робкихъ учениковъ, сближенія съ другими народами и ставимъ французскіе парики, языкъ и салонныя ужимки отличіемъ человѣческаго имени. Въ старыхъ боярскихъ гостиныхъ появилось странное смѣшеніе допетровскихъ кокошниковъ и тѣло-

грѣекъ съ парижскими модными платьями и прическами, тупоумнѣйшихъ недорослей съ заморскими франтами, старыхъ, тяжелыхъ обычаевъ домашней жизни съ новыми и черезъ-чуръ свободными нравами, набожныхъ старушекъ, воспитанныхъ на постномъ маслѣ и въ страхѣ Божіемъ съ питомицами французскихъ гувернантокъ, и все это обрисовалось на одной картинѣ общественной жизни комическими контрастами, яркой пестротой разнообразныхъ понятій, взглядовъ и желаній. Это былъ маскерадъ, начатый Петромъ и продолжаемый исторіей. Общество распалось на двѣ половины; на одной сторонѣ стояла густая масса народа, въ его непочатомъ, самородномъ состояніи, на другой—такъ называемое цивилизованное сословіе, одѣтое въ мундиры и фраки, съ канцелярскими манерами и университетскими дипломами. Вторая половина стояла къ первой какимъ-то угломъ, насильственно вдвинутымъ въ плотное тѣло. Между тѣмъ, какъ броженіе осѣдало, контрасты сглаживались, понятія измѣнялись, время привело насъ къ серьёзной потребности образованія, и мы начали учиться не изъ одного подражанія, но и для дѣйствительныхъ цѣлей.

Еще шагъ впередъ, и отношенія наши къ западной Европѣ сдѣлались болѣе сознательными и менѣе рабскими. Теперь мы ищемъ за-границей не одной *чести* познакомиться съ Лабулэ или удостоиться лестнаго отзыва французской академіи наукъ, теперь мы менѣе покупаемъ нѣмецкихъ докторскихъ дипломовъ, убѣдившись наконецъ, что они продаются также легко, какъ оберточная бумага въ мелочныхъ лавочкахъ; правда, мы еще дорожимъ мнѣніемъ Европы и готовы платить ей за одно поставленіе нашего имени на столбцахъ иностранной газеты, какого бы она знамени ни была, но это *всенижайшее* искательство сдерживается нѣкоторой гордостью и уваженіемъ къ своему личному достоинству. Этого мало; въ насъ открывается критическій даръ, и мы начинаемъ сознавать недостатки европейской жизни, повѣрять свои старыя мнѣнія о ней и во многомъ разочаровываться. Иные даже находятъ, что въ Саратовѣ или Тамбовѣ гораздо лучше живется и спится, чѣмъ въ Берлинѣ или Лондонѣ; иные (и это разрядъ самыхъ храбрыхъ критиковъ) думаютъ, что если есть будущее у человѣчества, то зародышь его въ Москвѣ или Тобольскѣ, но ужъ никакъ не въ западной Европѣ, видимо одряхлѣвшей и умирающей. Завсѣмъ тѣмъ, мы не можемъ жить безъ того или другаго идеала; намъ, какъ дѣтямъ, начинающимъ ходить, непремѣнно нужна посторонняя опора, и потому

Европа доселѣ не потеряла въ нашихъ глазахъ своего мусульманскаго авторитета. Мы выиграли только въ одномъ,—раздѣлили свои мнѣнія на разныя рубрики и отъ общаго поклоненія всему Западу перешли къ спеціальному удивленію отдѣльнымъ національностямъ. Для однихъ идеалъ скрывается въ Англіи, гдѣ все—и Пальмерстонъ и административная рутина и грязная Тэмза кажется верхомъ совершенства. Для другихъ величіе цивилизаціи лежитъ въ Германіи, особенно въ дрезденской галереѣ и карльсбадскихъ водахъ. Для третьихъ—и это наше большинство,—нѣтъ лучше въ мірѣ страны, какъ Франція, гдѣ живется такъ легко, гдѣ развлеченія такъ дешевы, гдѣ уличныя наблюденія такъ богаты, гдѣ такъ много модныхъ магазиновъ и кофеенъ, что только одни варвары не могутъ восхищаться такими удобствами. Замѣтимъ однакожъ, что поклонники Парижа съ нѣкотораго времени стали болѣе скромны въ своихъ восторгахъ, потому, что Евгенія Туръ и г. Ѳеоктистовъ похоронили Францію вмѣстѣ съ своими именами на листахъ Русскаго Вѣстника. И чего только не досталось отъ нихъ Французамъ!—и рутинеры они, и пустые болтуны и грубые невѣжды, и все это относилось къ цѣлой націи, какъ будто дюжина жандармовъ, да нѣсколько чиновниковъ составляютъ націю. Такимъ образомъ въ нашей литературѣ произошелъ рѣшительный расколъ въ вѣроисповѣданіи европейскаго генія, такъ что не знаешь, чего держаться и кому вѣрить. Одно ясно, что Англоманъ ни за что не похвалитъ Францію, и нѣмецкій Русскій ужасно обидится, если вы назовете Германію ученымъ кёльнеромъ.

Но позвольте спросить, на какомъ основаніи мы произносимъ свои диктаторскіе вердикты? Дѣйствительно ли мы знаемъ западную Европу такъ, чтобъ судить и рядить о ней, что называется, съ—плеча? Какъ трудно изучать народную жизнь, какихъ необыкновенныхъ усилій стоитъ точное наблюденіе коренныхъ и глубокихъ сторонъ ея, въ этомъ мы убѣждаемся каждый день. Конечно, всего ближе знать свою собственную жизнь, а между тѣмъ мы не только не знаемъ, но и не чуемъ ее. Передъ нами проходятъ колоссальныя явленія едва замѣченными, а мелкія и пустыя событія возводятся нами въ историческіе начала. Но если это такъ въ отношеніи своей собственной національности, съ которой мы связаны родственными инстинктами, то что же должно быть въ отношеніи чужой, имѣющей съ нами такъ мало общаго? Пониманіе западной Европы тѣмъ труднѣе,

что формы ея соціальной жизни чрезвычайно разнообразны и многосложны; онѣ развились подъ вліяніемъ долговременнаго историческаго процесса, и на почвѣ нѣсколькихъ отдѣльныхъ цивилизацій. Греческій миѳъ, римское право, германскій обычай, восточный исламизмъ—всѣ эти элементы вошли въ ея плоть и кровь. Притомъ, изучая иностранную народность, не легко отдѣлиться отъ личныхъ воззрѣній, отъ тѣхъ національныхъ предразсудковъ, которыя заслоняютъ отъ насъ истинныя черты другаго общества и другой жизни. Наконецъ многіе ли изъ насъ потрудились добросовѣстно ознакомиться съ внутренней, истинно-народной стороной Европы? Описаніе монументальныхъ соборовъ, дворцовъ, гостинницъ, площадей и памятниковъ еще не составляетъ знанія народной жизни; тѣмъ менѣе составляютъ его случайно схваченныя впечатлѣнія, изъ окна вагона или на городской улицѣ, подслушанныя въ ресторанѣ или просто придуманныя *у себя*, на досугѣ, за неимѣніемъ дѣйствительныхъ наблюденій.... А между тѣмъ, надо признаться, что заграничные *очерки, письма, впечатлѣнія* нашихъ путешественниковъ состоятъ именно изъ этого рода наблюденій. Одинъ спѣшитъ заявить своему отечеству, что въ гейделберскомъ университетѣ есть знаменитый профессоръ; другой сообщаетъ, что въ Лондонѣ въ воскресные дни ужасно скучно и нелюдимо; третій пишетъ, что на берегахъ Рейна, между зеленью виноградниковъ и базальтовыми горами — рѣшительное блаженство для души поэта и гемороидальнаго желудка профессора; четвертый не обинуясь совретъ, въ родѣ того ex-инженера Комарова, который удобрялъ фельетоны петербургскихъ вѣдомостей нелѣпѣйшими сказками. Но чтоже можно извлечь изъ всей этой болтовни, не имѣющей ни взгляда, ни интереса фактовъ, ни живой связи съ общимъ ходомъ европейской жизни? Нельзя сказать, чтобъ мы, перечитавъ въ послѣдніе четыре года безчисленное множество заграничныхъ корреспонденцій, узнали Европу лучше, чѣмъ изъ писемъ Карамзина; нельзя сказать, чтобъ мы, выселяясь за-границу сотнями тысячь, особенно близко познакомились съ ея современнымъ состояніемъ или исторіей. Тѣ же общія мѣста, тѣ же возгласы о прелести италіянскаго неба, о лондонскихъ туманахъ, о французской любезности и нѣмецкой чистотѣ, только съ тѣмъ единственнымъ различіемъ, что къ этимъ возгласамъ мы прибавили немного пристрастія къ одной націи и книжной антипатіи къ другой. Такіе же вопросы, какъ народные кризисы 1848 г., ретроградныя дви-

женія Германіи и Франціи послѣднихъ лѣтъ, состояніе рабочихъ классовъ въ Англіи и Ирландіи, значеніе народнаго воспитанія въ зависимости отъ разныхъ политическихъ системъ, и вѣрная характеристика людей, управляющихъ ходомъ современныхъ событій,— все это и множество другихъ насущныхъ свѣдѣній объ общественной европейской жизни попрежнему остаются для насъ нетронутыми вопросами. Говоря откровенно, немногіе изъ насъ съумѣютъ удовлетворительно отвѣтить, напримѣръ, на такую тему: почему, переѣзжая границу Швейцаріи, мы не открываемъ своихъ чемодановъ для таможеннаго осмотра и почему Англія, при всемъ ея гостепріимствѣ, подозрительно смотритъ на иностранца?

Но отчего же наши ученые и недоученные путешественники ограничиваются одними поверхностными наблюденіями, не проникая глубже въ народную жизнь Европы? Отчего мы останавливаемся на однихъ фасадахъ, колоннахъ, озерахъ и магазинахъ, не затрогивая болѣе серьёзныхъ вопросовъ европейскаго общества? Причина очень понятная: большинство переѣзжаетъ за-границу безъ всякой положительной цѣли, такъ-себѣ, ради заведеннаго обычая, чтобъ Максимъ Иванычъ не укорилъ Петра Тимофѣича, что послѣдній не видѣлъ елисейскихъ полей или не завтракалъ на итальянскомъ бульварѣ. Какъ можно! необразованнымъ назовутъ, если я не побываю въ Римѣ или Неаполѣ, хотя бы мое пребываніе тамъ было пустѣе самого небыванья. Нельзя: хоть съ толпой пирожниковъ, квасниковъ, толмачей, но надо проѣхаться по Европѣ. Это первый разрядъ нашихъ туристовъ. Другіе ѣдутъ за тѣмъ, чтобъ высидѣть извѣстный срокъ въ бонскомъ университетѣ или сорбонской лабораторіи, заучить нѣсколько математическихъ формулъ, какъ будто въ Москвѣ или Кіевѣ нельзя заниматься математикой, и потомъ, возвратившись въ Россію, сказать вступительную рѣчь, гдѣ первой фразой будетъ признаніе въ томъ, что меня почтилъ знакомствомъ такой-то докторъ. Это разрядъ людей дѣловыхъ, серьёзныхъ, но сбитыхъ съ толку худо-понятой доктриной. Намъ было жалко смотрѣть на нихъ за-границей; передъ ними несется живая общественная дѣятельность, составляются громадные планы, собираются одушевленные митинги, негодуютъ цѣлыя сословія, рѣшаются капитальныя задачи міра, а они зябнутъ и дрожатъ въ нетопленныхъ комнатахъ надъ составленіемъ интегральныхъ вычисленій или затверживаніемъ неправильныхъ глаголовъ изъ французской грамматики. Само собою разу-

мѣется, что мы далеки отъ того, чтобъ не уважать ихъ ученаго спокойствія или полезныхъ трудовъ, но мы не понимаемъ одного, неужели чтеніе Нибура или Грота наставительнѣе или удобнѣе въ Мюнхенѣ, чѣмъ въ Петербургѣ? Отдавая справедливость любознательности молодаго поколѣнія, мы объ одномъ пожалѣемъ, что оно мало обращаетъ вниманіе на тѣ предметы въ заграничной жизни, которые только тамъ и можно изучить: такъ, напримѣръ, воспитаніе въ себѣ современнаго человѣка, сознаніе личнаго достоинства, знакомство съ тѣми наглядными, но необходимыми понятіями, безъ которыхъ ни наука, ни ученыя отличія не прибавятъ къ нашему умственному капиталу ни одной копѣйки,—теряются изъ виду большей части русскихъ путешественниковъ. Отъ нихъ нечего и ожидать новыхъ свѣдѣній о европейской жизни. Наконецъ замѣтимъ, что вообще мы являемся въ Европу съ отсталыми взглядами, съ идеальными вѣрованіями и, озадаченные на первомъ же шагу, строгимъ и совершенно новымъ характеромъ политической и общественной дѣятельности, становимся къ ней почти въ такое же положеніе, въ какомъ находится тамбовскій помѣщикъ передъ памятникомъ Минина и Пожарскаго, въ первый разъ посѣтившій Москву. Наша неловкость чувствуется тѣмъ болѣе, что мы (говоря между нами) плохо воспитаны въ гражданскомъ отношеніи: мы какъ будто тяготимся равными отношеніями и если не *приказываемъ*, то *служимъ*. Поэтому общій тонъ нашего обращенія съ иностранцами за-границей или очень спѣсивый или крайне заискивающій. Этотъ недостатокъ мѣшаетъ намъ сливаться съ другими народностями такъ, чтобъ пользоваться ихъ искреннимъ расположеніемъ, чтобъ не отталкивать ихъ отъ себя или не обращать въ своихъ льстецовъ и нахлѣбниковъ.

Теперь посмотримъ, къ какому разряду путешественниковъ принадлежитъ авторъ книги, поставленной въ началѣ нашей рецензіи? Повидимому, г. Забѣлинъ не увлекается безусловно ни одной страной Европы; онъ посѣтилъ Германію, Францію и Англію, вездѣ нашелъ свои недостатки и достоинства, вездѣ пожилъ недолго, видѣлъ мало, но наговорилъ въ своихъ письмахъ чрезвычайно много. Самый методъ наблюденія г. Забѣлина очень интересенъ. Само собою разумѣется, что отъ туриста мы не въ правѣ требовать строгой системы въ изученіи видѣнныхъ имъ предметовъ; онъ смотритъ на нихъ мимоходомъ и часто сообщаетъ свое мнѣніе по первому впечатлѣнію. Но при такой быстротѣ взгляда, путешественнику надо имѣть боль-

шую проницательность или самое разностороннее образованіе. Иначе онъ, поддаваясь своимъ личнымъ убѣжденіямъ или капризамъ фантазіи, легко можетъ изъ слона сдѣлать муху, и обратно. Нельзя сказать, чтобъ г. Забѣлинъ доходилъ до такой крайности, но нельзя и положиться на его сужденія и отзывы. Иногда онъ подступаетъ къ наблюденію предмета уже съ готовымъ мнѣніемъ и выражаетъ его безъ всякаго достаточнаго основанія. Такъ, напримѣръ, пріѣхавъ въ Страсбургъ, онъ посылаетъ купить себѣ страсбургскій пирогъ и, сторговавшись съ посланнымъ за пять су (т. е. 7 к. сер.), за коммиссію, прибавляетъ: «Я твердо рѣшился съ *назойливыми* Французами торговаться такъ же, какъ съ нашими лавочниками въ ножовой линіи и на Щукиномъ дворѣ. Что нашимъ прощается по невѣжеству, того нельзя простить *грамотному хвастуну* и прогрессисту Французу» (стр. 213.) На какомъ основаніи г. Забѣлинъ называетъ Французовъ ***назойливыми*** и ***хвастунами***, мы не знаемъ; онъ не приводитъ ни одного факта, который бы подтверждалъ его рѣзкіе эпитеты. Кто знаетъ Французовъ ближе, тотъ скорѣе упрекнетъ ихъ въ слишкомъ неумѣстной гордости съ иностранцами, чѣмъ въ назойливости. Эта черта ярко выдается въ характерѣ Швейцарца и Итальянца, разумѣется, въ самыхъ бѣдныхъ людяхъ, но отнюдь не составляетъ типическаго свойства Франціи. Мы не замѣтили также и особеннаго хвастовства въ Французахъ, если только станемъ судить о народѣ не по трактирнымъ лакеямъ и какому нибудь страсбургскому комиссіонеру. «Отъ всякаго Нѣмца, продолжаетъ авторъ, можно узнать что нибудь дѣльное, отъ Француза же очень рѣдко; хотя объ чемъ бы вы ни завели рѣчь, онъ будетъ говорить съ тономъ знатока, и будетъ лгать не краснѣя» (стр. 217). Здѣсь опять говорится вообще о національномъ свойствѣ, и говорится совершенно наобумъ. Тамъ, гдѣ рѣшаются самые важные судебные процессы на одномъ показаніи свидѣтелей, гдѣ большая часть промышленныхъ сдѣлокъ ведется на основаніи даннаго слова, тамъ не совсѣмъ удобно лгать и не краснѣть. Притомъ смѣемъ думать, что мы въ этомъ отношеніи далеко перещеголяли Французовъ, если захотимъ быть безпристрастны къ себѣ. Чтобъ не ходить далеко за примѣромъ, обратимся къ самымъ письмамъ г. Забѣлина. Такъ, пріѣхавъ въ Лондонъ, въ воскресенье, въ 11 часовъ ночи, онъ находитъ его мертвымъ городомъ, что совершенно несправедливо. Съ 7-ми часовъ вечера строгость воскреснаго дня теряетъ свою силу для Англіи, и жи-

тели огромной столицы спѣшатъ вознаградить себя съ избыткомъ въ ночные часы за скучно-проведенный день. Кто жилъ болѣе двухъ недѣль въ Лондонѣ, тотъ знаетъ, что вечеръ воскресенья проводится тамъ вовсе не такъ монотонно, какъ полагаетъ русскій путешественникъ. Потомъ, осматривая знаменитое кладбище Лашеза, онъ видитъ громадную колонну, подходитъ, оглядываетъ ее и потомъ пишетъ: «Это памятникъ какому-то богатому французскому купцу» (стр. 256). Нѣтъ, г. Забѣлинъ, — это памятникъ бывшему министру Лудовика-Филиппа, Казиміру Перье, а не французскому купцу. Далѣе описывая парижскіе балы, авторъ одушевляется ихъ приличіемъ, уваженіемъ къ закону, передъ которымъ, изволите видѣть, всѣ равны; одно обстоятельство немножко обезпокоиваетъ нашего туриста: именно то, что дамы, танцуя, «слишкомъ часто и высоко поднимаютъ свои платья и выкидываютъ ногами разныя штуки. Но око сержанта, замѣчаетъ г. Забѣлинъ, за всѣмъ слѣдитъ зорко и никому не даетъ пощады: даму выведетъ вонъ, а кавалера, кто бы онъ ни былъ, хоть какой-нибудь посланникъ, за нарушеніе правилъ приличія представитъ въ полицейскій судъ» (стр. 276). Ужасно строго! Но дѣйствительно ли такъ? Мы знаемъ другой случай: одинъ богатый Англичанинъ, находившійся подъ особеннымъ покровительствомъ своего посольства, постоянно напивался пьянъ и шумѣлъ въ кафе и на улицахъ. Полиція знала его и, желая избавиться отъ скандала, всегда очень деликатно сажала его въ карету и привозила домой, но не тащила въ префектуру. Безъ особенно-важнаго повода она не имѣетъ права арестовать не только посланника, но самого простаго смертнаго, въ родѣ медицинскаго студента. Разбирая дальше книгу г. Забѣлина, мы могли бы указать много подобныхъ промаховъ, но тогда намъ пришлось бы заключить, что и мы, русскіе путешественники, тоже любимъ говорить съ тономъ знатока о томъ, чего не знаемъ, а иногда и солгать не краснѣя.

Но если г. Забѣлинъ часто выражаетъ свои мнѣнія наугадъ или по давно составленной программѣ, то еще чаще онъ ошибается потому, что вѣритъ всякому слуху. Избраннымъ предметомъ его любопытства въ Парижѣ былъ Наполеонъ III; всячески онъ искалъ увидѣть его, но никакъ не удалось, и вотъ г. Забѣлинъ начинаетъ разспрашивать и развѣдывать о правителѣ Франціи. «Наиболѣе свѣдѣній о немъ, говоритъ онъ, сообщилъ мнѣ одинъ нашъ соотечественникъ, давно живущій въ Парижѣ, мнѣнія котораго, какъ человѣка безпристрастнаго,

имѣли для меня наибольшій интересъ. По его словамъ, Наполеонъ III еще болѣе Наполеона I умѣетъ привязывать къ себѣ вѣтреный французскій народъ, и дѣлая ему добро, въ то же время не упускаетъ и своихъ собственныхъ разсчетовъ....» (стр. 229). Вѣроятно, тотъ же безпристрастный соотечественникъ разсказывалъ г. Забѣлину, что императоръ 2-го декабря «имѣетъ на своей сторонѣ консервативный элементъ простаго народа», что «богатый классъ несетъ на своихъ плечахъ всю тягость налоговъ и наполеоновскихъ предпріятій для доставленія большихъ средствъ земледѣльческому и особенно безпокойному ремесленному классу» (стр. 230). За такими свѣдѣніями не стоило ѣздить въ Парижъ; ихъ можно было вычитать на сѣрыхъ страницахъ какого-нибудь «Сына Отечества», — куда сваливается соръ изъ разныхъ жиденькихъ газетъ и немудрыхъ головъ завода г. Старчевскаго. Но кому же неизвѣстно, что богатые классы Франціи пользуются особенными привиллегіями второй имперіи и служатъ ея главной подпорой. Далѣе г. Забѣлинъ «слышалъ нѣсколько разсказовъ о прекрасныхъ чувствахъ великодушія императора къ врагамъ и благодарности къ прежнимъ друзьямъ» (стр. 233). Что у Наполеона III было много враговъ, это не подлежитъ сомнѣнію; но мы не знаемъ, кого же назвать въ числѣ его друзей? Относительно великодушія къ первымъ поясняетъ истину смерть Орсини, а благодарность ко вторымъ доказывается нѣсколько савойскимъ вопросомъ и его отношеніями къ либеральной партіи, съ которой онъ былъ соединенъ политической судьбой до имперіи. Объ одномъ только жалѣетъ г. Забѣлинъ, что Наполеонъ III «воспитываетъ своего сына не какъ философъ..., а какъ прежніе французскіе короли, — въ той же роскоши и съ той же обстановкой солдатскихъ мундировъ» (стр. 233). Конечно жалко; но какъ же иначе воспитывать, когда консервативный элементъ народа лежитъ краеугольнымъ камнемъ французской имперіи?

Вообще надо сказать, что г. Забѣлинъ чрезвычайно впечатлительный туристъ. Если какое нибудь уличное явленіе попадается ему наглаза, онъ торопится дать ему смыслъ общаго закона и вывести изъ него принципъ. Такъ онъ видитъ, что парижскіе извощики иногда позволяютъ себѣ развалиться на козлахъ, или зрители театра шагаютъ черезъ кресла, и г. Забѣлинъ приходитъ къ такому результату: «Вообще здѣсь не терпятъ никакого принужденія и стѣсненья человѣческой свободы, даже извощики.» — А какъ же полиція-то можетъ

арестовать посланника на публичномъ балу за нарушеніе приличій? Мы сказали выше, что г. Забѣлинъ, повидимому, не увлекается безусловно ни одной страной Европы, но нельзя не замѣтить особеннаго сочувствія его Англіи. Правда, онъ пробылъ здѣсь только нѣсколькихъ дней, но это не мѣшаетъ ему восхищаться всѣмъ, что онъ видѣлъ въ Лондонѣ, за исключеніемъ «мертвящихъ туманомъ» и «отчаянныхъ мошенниковъ Нѣмцевъ.» Особенно понравился нашему туристу стеклянный дворецъ, гдѣ онъ нашелъ и музыку огромнѣйшаго органа, и тропическія растѣнія со всего свѣта, и дикарей, и кіоски, и сады, и фонтаны, и картинную галлерею, но не видѣлъ — чего бы вы думали? — именно слона, между разными мошками и букашками — нижняго этажа, наполненнаго земледѣльческими орудіями новаго изобрѣтенія, составляющими главное богатство кристальнаго дворца. По крайней мѣрѣ, объ этомъ ничего не говорится въ его очеркахъ.

Но чему же новому наконецъ могутъ научить насъ заграничныя письма г. Забѣлина? На этотъ вопросъ очень трудно отвѣчать. Точно также не легко сказать, зачѣмъ они написаны и напечатаны? Кому нужны такіе факты — что городъ Островъ замѣчателенъ мостомъ черезъ рѣку Великую, что въ Берлинѣ можно обѣдать дешево и надо ложиться спать рано, что въ Нюрнбергѣ можно курить на улицахъ и т. п., а между тѣмъ издается книга въ 374 страницы и продается по рублю за экземпляръ. Мы ничего не сказали бы о подобномъ сочиненіи, если бы не сознавали той горькой истины, что богатыя литературы обусловливаются богатствомъ содержанія самой народной жизни, и что тамъ, гдѣ жизнь бѣдна, умственный капиталъ обращается въ рыночную спекуляцію.

Р. Р.

Крѣпостное населеніе въ россіи, по 10-й народной переписи. Статистическое изслѣдованіе А. Тройницкаго. (Изданіе Статистическаго Отдѣла Центральнаго Статистическаго Комитета) СПБ. 1861.

Въ настоящее время, или правильнѣе въ настоящую минуту, когда, вся Россія съ такимъ напряженнымъ вниманіемъ слѣдитъ за разрѣшеніемъ крестьянскаго вопроса и старается предугадать его окончаніе, появленіе такого труда, какъ *Крѣпостное населеніе въ Россіи,* конечно и въ высшей степени интересно, и весьма важно. Интересно оно потому, что касается одного изъ самыхъ современныхъ, живо-трепещущихъ вопросовъ нашей жизни; важно потому, что статистическія данныя разливаютъ новый свѣтъ на многія стороны крестьянскаго дѣла и еще болѣе рельэфно выставляютъ его огромное значеніе. Поэтому, несмотря на скромную цѣль изслѣдованія г. Тройницкаго—*исчисленіе крѣпостнаго населенія въ Россіи, въ нынѣшнемъ его составѣ,*—какъ сказано въ предисловіи къ этому труду, мы должны быть весьма благодарны за обнародованіе такихъ офиціальныхъ данныхъ, которыя прежде, по правиламъ отжившаго нѣмецкаго бюрократизма, погребались въ архивной пыли. Выходъ въ свѣтъ *Крѣпостнаго населенія въ Россіи* подаетъ надежду, что наконецъ наступаетъ время разрѣшенія этого міроваго вопроса нашей соціальной жизни.

Трудъ г. Тройницкаго раздѣляется на три отдѣла. Первый содержитъ въ себѣ краткое обозрѣніе существа и разныхъ видовъ крѣпостнаго состоянія въ Россіи. Для уясненія же того, какимъ образомъ сложились *общія* для всѣхъ и *особенныя* для нѣкоторыхъ видовъ крѣпостныхъ людей обязанности, этому обозрѣнію предпосланъ краткій очеркъ происхожденія и установленія крѣпостнаго сословія въ Россіи. Второй отдѣлъ состоитъ изъ главныхъ вѣдомостей и общей таблицы о разныхъ разрядахъ крѣпостнаго населенія, къ которымъ приложена статистическая карта европейской Россіи и Кавказскаго намѣстничества, относительно распредѣленія губерній по крѣпостному проценту. Наконецъ въ третьемъ отдѣлѣ изложены главнѣйшіе выводы изъ числовыхъ вѣдомостей, вошедшихъ въ составъ втораго отдѣла.

Въ очеркѣ происхожденія и установленія крѣпостнаго сословія,

авторъ говоритъ, между прочимъ:» Русское крѣпостное состоянiе не есть рабство въ томъ смыслѣ, въ какомъ рабство принималось по римскому и германскому праву, или въ какомъ удерживается и нынѣ въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ. Такого рода рабство существовало въ древней и средневѣковой Россiи, въ видѣ холопства и кабалы. По стариннымъ русскимъ узаконенiямъ: Русской Правдѣ, судебникамъ и уложенiю, холопы, закупы и кабальные люди, попадавшiе въ неволю вслѣдствiе плѣненiя, покупки, присужденiя за преступленiя или долги, и добровольно запродававшiе себя на неопредѣленный срокъ или по смерть, считались полною и безусловною личною собственностью, или имуществомъ господина или владѣльца. Законы охраняли, въ нѣкоторомъ отношенiи, ихъ человѣческiя права, но не давали имъ никакихъ правъ гражданскихъ. Рабство въ этомъ видѣ никогда, однакожъ, не распространялось въ значительномъ размѣрѣ и въ древней Россiи.»

Хотя приведенная г. Тройницкимъ мысль о кабалѣ принадлежитъ къ числу общепринятыхъ у насъ въ Россiи, и хотя онъ довольно точно опредѣляетъ происхожденiе и значенiе кабалы; тѣмъ не менѣе, намъ кажется, что для большаго и окончательнаго его подтвержденiя не мѣшало бы провести параллель между кабальными и крѣпостными, для того, чтобы еще болѣе выяснить различiе между этими двумя состоянiями de facto и de jure. Несмотря на то, что крѣпостное право не установлялось у насъ ни плѣненiемъ, ни добровольною запродажею, ни судебнымъ приговоромъ, но незнакомые съ историческимъ его происхожденiемъ могутъ затрудниться провести предѣльную черту между кабальными и крѣпостными, такъ какъ и тѣ и другiе прiобрѣтались покупкою и составляли личную собственность владѣльца. Впрочемъ, при дальнѣйшемъ изложенiи законодательства о крѣпостномъ состоянiи въ Россiи, это недоумѣнiе исчезаетъ и дѣлается очевиднымъ, что крѣпостнаго состоянiя вовсе не было въ древней Россiи, что сельскiе обыватели или земледѣльцы были совершенно свободны отъ начала русскаго государства до конца XVI столѣтiя, и что, въ противоположность кабалѣ, которая была преимущественно результатомъ побѣды и насилiя частныхъ лицъ, свободныя состоянiя прикрѣплялись исключительно постановленiями верховной власти сперва къ землѣ, потомъ къ лицу землевладѣльца и наконецъ къ разнымъ предметамъ: церквамъ, монастырямъ, мечетямъ, фабрикамъ, заводамъ, домамъ и т. п.

Такимъ образомъ изъ историческаго очерка крѣпостнаго состоянія видно, что первый слѣдъ прикрѣпленія свободныхъ сословій явился еще подъ татарскимъ владычествомъ, по случаю народной переписи, учрежденной Монголами въ половинѣ XIII вѣка (1257 г.), для обезпеченія исправнаго взноса податей. Всѣмъ городскимъ жителямъ и сельскимъ обывателямъ, поселеннымъ на казенныхъ земляхъ, указано было не переходить, безъ разрѣшенія, съ этихъ земель на другія. Мало по малу, однакожъ, этотъ законъ потерялъ силу и крестьяне снова переходили съ своей земли на другую, но не иначе, какъ предъ началомъ, или по окончаніи полевыхъ работъ. Обычай этотъ, съ положительнымъ установленіемъ осенняго Юрьева дня (26-го ноября), срокомъ для переѣздовъ, узаконенъ былъ въ судебникахъ Іоанна III, 1497 г., и Іоанна IV, 1550 г. При царѣ Ѳеодорѣ Ивановичѣ, съ развитіемъ потребностей и государственнаго хозяйства, и государственной службы, признано было необходимымъ пріостановить переходъ крестьянъ съ однѣхъ земель на другія. По совѣту и вліянію сильнаго тогда Бориса Годунова, изданъ былъ указъ 24 ноября 1597 г., которымъ воспрещено было всѣмъ крестьянамъ сходить съ тѣхъ земель, гдѣ ихъ засталъ этотъ указъ, а удалившимся повелѣно возвратиться на земли, на которыхъ они были водворены за пять лѣтъ передъ тѣмъ, т. е. около 1592 г., когда составлены были переписныя книги или когда, какъ думаютъ, былъ изданъ первый указъ, воспрещавшій переходъ въ Юрьевъ день. Это прикрѣпленіе къ землѣ подвергалось потомъ разнымъ измѣненіямъ и окончательно утвердилось уложеніемъ царя Алексѣя Михайловича въ 1649 году. Прикрѣпленіе къ землѣ по уложенію вовсе не было, однакожъ, юридическимъ актомъ, отдававшимъ крестьянъ въ чью либо собственность: оно было только административно-полицейскою мѣрою, относившеюся ко всѣмъ вообще сельскимъ обывателямъ и имѣвшею цѣлью обезпеченіе исправнаго отбыванія ими повинностей ихъ къ государству и пресѣченію бродяжничества, сильно развившагося, вслѣдствіе обстоятельствъ того времени, голода, внутреннихъ смутъ и войнъ. Но такъ какъ правительство обращалось преимущественно къ землевладѣльцамъ съ требованіемъ по взысканію податей и повинностей, а также съ призывами къ военной службѣ, въ сопровожденіи ратниковъ, то должно было предоставить землевладѣльцамъ нѣкоторыя права и на личность поселенныхъ на земляхъ ихъ крестьянъ. Вслѣдствіе этого землевладѣльцы стали переселять крестьянъ съ одной изъ своихъ земель на другую,

переводить съ пашни на дворъ, и наконецъ отчуждать посредствомъ продажи и завѣщанiй. Такимъ образомъ, крестьяне, по закону прикрѣпленные еще только *къ землѣ*, стали прикрѣпляться на дѣлѣ и къ *лицу землевладѣльца*. Этотъ второй видъ прикрѣпленiя крестьянъ получилъ болѣе опредѣлительныя формы, при великомъ преобразователѣ Россiи—Петрѣ Великомъ, который, замѣнивъ взиманiе податей «по землямъ» и отбыванiе воинской повинниости «по дворамъ» общею поголовною повинностью или «подушнымъ окладомъ», закономъ (1718 г.) возложилъ на владѣльцевъ земель полную отвѣтственность въ исправномъ сборѣ подушнаго оклада и отбыванiи воинской повинности всѣми водворенными на ихъ земляхъ какъ крестьянами, такъ и дѣловыми, задворными и дворовыми людьми, т. е. бывшими холопами и кабальными людьми. Такимъ образомъ, крестьяне, бывшiе до этого времени если уже не вполнѣ свободнымъ, то полусвободнымъ сословiемъ, сравнялись теперь съ сословiемъ положительно несвободнымъ и зачисленiе ихъ за землевладѣльцемъ не но дворамъ, а по душамъ было первымъ законнымъ распоряженiемъ объ укрѣпленiи крестьянъ *лично* за владѣльцами земли... При Петрѣ же Великомъ, въ видахъ развитiя горнозаводской и фабричной промышленности, введено было приписыванiе крестьянъ нетолько къ землѣ, но и къ фабрикамъ и заводамъ (1721 г.) Въ послѣдующiя затѣмъ царствованiя Анны Ивановны и Елизаветы Петровны, прикрѣпленiе крестьянъ къ лицу землевладѣльца утвердилось еще положительнѣе, безусловнымъ обращенiемъ въ полную крѣпость кабальныхъ людей, все еще считавшихъ себя временно-крѣпостными, воспрещенiемъ крѣпостнымъ вступать въ военную службу безъ согласiя помѣщика, запрещенiемъ имъ прiобрѣтать недвижимыя имѣнiя и окончательнымъ уравненiемъ помѣстiй съ вотчинами. При всемъ томъ исключительное право дворянъ владѣть населенными имѣнiями считалось, по смыслу закона, все еще какъ бы *условнымъ*, т. е. соединеннымъ съ непремѣнною обязанностiю нести государственную службу; но когда въ царствованiе Екатерины II дворянство было положительно освобождено отъ обязанности непремѣнно вступать въ государственную службу, съ подтвержденiемъ права его покупать деревни, то крестьяне *окончательно* и *безусловно* были закрѣплены за землевладѣльцами. Наконецъ сенатскимъ указомъ 7 октября 1782 г., по одному частному дѣлу, было опредѣлено, что «крѣпостные владѣльческiе люди и крестьяне *заключаются и долженствуютъ заключаться въ числѣ имѣнiй*, на которыхъ по нродажамъ отъ од-

ного другому купчія пишутся и совершаются у крѣпостныхъ дѣлъ, со взятіемъ въ казну пошлинъ, *такъ какъ на прочее недвижимое имѣніе*». Слѣдовательно къ концу XVIII столѣтія крѣпостные люди вошли въ составъ недвижимыхъ имѣній и установленіе крѣпостнаго состоянія изъ административнаго и финансоваго сдѣлалось *юридическимъ*. На основаніи дѣйствующихъ нынѣ постановленій, вошедшихъ въ составъ Т. IX Св. Зак., общее крѣпостное право слагается изъ нравъ и обязанностей владѣльца, въ отношеніи къ принадлежащимъ ему людямъ, и изъ обязанностей крѣпостныхъ въ отношеніи къ ихъ владѣльцу и къ государству.

Переходя затѣмъ къ обозрѣнію существа и разныхъ видовъ крѣпостнаго состоянія въ Россіи, г. Тройницкій подраздѣляетъ крѣпостныхъ людей, на основаніи существующихъ постановленій, на слѣдующіе разряды:

I, крестьяне помѣщичьи.
- 1, на общемъ крѣпостномъ правѣ.
  - а, крестьяне поселенные на помѣщичьей землѣ.
  - б, дворовые люди.
    - аа, приписанные къ населеннымъ имѣніямъ.
    - бб, приписанные къ домамъ своихъ или постороннихъ владѣльцевъ.
    - вв, записанные за безпомѣстными дворянами при денежномъ обезпеченіи.
    - гг, записанные за безпомѣстными дворянами безъ денежнаго обезпеченія.
- 2, на условномъ крѣпостномъ правѣ.
  - а, владѣльческіе ординацкіе.
  - б, поіезуитскіе.
  - в, ленные.
  - г, подлежащіе обращенію въ казну.
  - д, обязанные.
    - аа, водворенные въ помѣщичьихъ имѣніяхъ,
    - бб, водворенные въ маіоратныхъ имѣніяхъ.

II, крестьяне, принадлежащіе разнымъ вѣдомствамъ и недворянскимъ сословіямъ.
- 1, благотворительнымъ и воспитательнымъ учрежденіямъ.
- 2, городамъ западнаго края.
- 3, церквамъ и монастырямъ западнаго края.

4, вѣдомству коменданта с.-петербургской крѣпости.

5, разнымъ вѣдомстамъ, состоящимъ въ казенномъ управленіи.

6, однодворцамъ.

7, обѣльнымъ вотчинникамъ.

III, крестьяне, приписанные къ частнымъ заводамъ и фабрикамъ.

1, на владѣльческомъ правѣ.

2, на поссесіонномъ правѣ.

IV, крестьяне въ Закавказскомъ краѣ, состоящіе на особомъ положеніи.

Такъ какъ трудно дать понятіе о числовыхъ вѣдомостяхъ, заключающихся въ трудѣ г. Тройницкаго, безъ представленія самыхъ вѣдомостей, поэтому мы перейдемъ прямо къ третьему отдѣлу этого труда, т. е. къ выводамъ, извлеченнымъ изъ числовыхъ данныхъ.

Число помѣщичьихъ крѣпостныхъ людей, въ Европейской Россіи и Сибири, по тремъ послѣднимъ ревизіямъ, представляется въ слѣдующемъ видѣ:

	по 8 ревизіи	по 9 ревизіи	по 10 ревизіи,	
крестьянъ.	21,163,099,	20,576,229,	20,158,231,	д. об. п.
дворовыхъ людей.	914,524,	1,035,924,	1,467,378,	— « —
итого . .	22,077,623,	21,612,153,	21,625,609,	— « —

Итакъ съ уменьшеніемъ числа крестьянъ, постепенно увеличивалось число дворовыхъ. Изъ этого необходимо слѣдуетъ заключить, что мѣры, принимавшіяся правительствомъ, въ послѣднее время, къ уменьшенію числа дворовыхъ людей не достигли успѣха, и что значительное число крестьянъ постоянно перечислялось съ пашни на дворъ. Хотя дворовые люди составляютъ неосѣдлый классъ крѣпостныхъ помѣщичьихъ людей, который за пищу и одежду употребляется владѣльцемъ въ работу на опредѣленное число дней, и постоянно, но такъ какъ перечисленіе крестьянъ въ дворовые, въ періодъ времени между 9 и 10 ревизіями, произошло преимущественно въ губерніяхъ земледѣльческихъ, гдѣ трудъ селянина весьма важенъ для помѣщика, то нельзя не предположить, что поводомъ къ такому перечисленію были слухи, что, при предстоящемъ преобразованіи положенія крѣпостнаго сословія, дворовые люди будутъ выкуплены правительствомъ или, покрайней мѣрѣ, изъяты изъ поземельнаго надѣла; естественно, что въ губерніяхъ, куда проникли подобные слухи, и наиболѣе въ тѣхъ, гдѣ мало мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ и гдѣ

земля имѣетъ особенную цѣну по черноземной почвѣ, помѣщики не желали воспользоваться возможностью ограничить напередъ размѣры надѣла своихъ крестьянъ землею въ пользованіе (*). Наибольшее число дворовыхъ, по 10-й ревизіи, показано въ курской губерніи, именно 136,499 душъ обоего пола; наибольшее же увеличеніе числа дворовыхъ, между 9 и 10 ревизіями, произошло въ харьковской губерніи, именно это число возрасло въ $3^1/_2$ раза. Понятно, что, въ отношеніи пищи и одежды, еще могутъ быть обезпечены дворовые люди такихъ владѣльцевъ, которые имѣютъ населенныя имѣнія или дома; дворовые же люди, приписанные къ домамъ посторонних владѣльцевъ, при денежномъ обезпеченіи (въ 72 р. сер., въ исправной уплатѣ податей) и безъ всякаго обезпеченія не могутъ быть гарантированы и въ отношеніи своихъ первыхъ жизненныхъ потребностей, потому что сами владѣльцы ихъ могутъ имѣть въ томъ крайнюю необходимость.

Что касается крѣпостныхъ людей на условномъ правѣ, то къ этому разряду принадлежатъ такія населенныя имѣнія, владѣніе которыми обусловливается выполненіемъ особенныхъ обязанностей. Выполненіе этихъ обязанностей лежитъ собственно на владѣльцахъ имѣній; водворенные же въ послѣднихъ крестьяне, хотя и носятъ разныя названія по наименованіямъ тѣхъ имѣній, но, въ отношеніи къ своимъ помѣщикамъ, состоятъ на общемъ крѣпостномъ правѣ, съ нѣкоторыми только ограниченіями. Число крѣпостныхъ на условномъ правѣ не превышаетъ 354,324 и по присоединеніи ихъ къ крѣпостнымъ на общемъ правѣ, число послѣднихъ возрастетъ до 21,979,933.

Число крестьянъ, принадлежащихъ разнымъ вѣдомствамъ и недворянскимъ сословіямъ, простирается въ европейской Россіи до 40,554 душъ обоего пола. Всѣ они управляются на помѣщичьемъ правѣ. Изъ числа крестьянъ этого разряда обращаютъ на себя вниманіе принадлежащіе церквамъ и монастырямъ западнаго края. Хотя со второй половины прошлаго столѣтія, православное духовенство не владѣетъ болѣе крѣпостными людьми, но въ западныхъ губерніяхъ (населенныхъ преимущественно неправославными) это право

(*) Замѣчательно также, что съ 1856 по 1859 годъ, число заложенныхъ въ кредитныхъ учрежденіяхъ крестьянъ увеличилось почти на 600000 душъ, а сумма ссудъ возрасла почти на $27^1/_2$ милліоновъ руб. сер., хотя въ это время ни неурожаевъ, ни другихъ особенныхъ бѣдствій не было.

сохранилось и до настоящаго времени за нѣкоторыми церквами и монастырями бывшаго Базиліянскаго ордена греко-уніятскаго исповѣданія, нынѣ возсоединенными съ православною церковью. Управленіе крестьянами этихъ имѣній, на помѣщичьемъ правѣ, предоставлено плебаніямъ или настоятельствамъ и церковнымъ причтамъ этихъ церквей и монастырей. Сверхъ принадлежащихъ православному духовенству, въ западномъ же краѣ, сохранились еще, какъ странный остатокъ стариннаго крѣпостнаго права, понѣсколько душъ крестьянъ, приписанныхъ къ раскольничьему Куриневскому монастырю, въ ольгопольскомъ уѣздѣ подольской губерніи (26 душъ), и къ мусульманской — Рѣжевской мечети, въ трокскомъ уѣздѣ виленской губерніи (24 души); первые управляются инокомъ монастыря, а послѣдніе муллою мечети, также на помѣщичьемъ правѣ. Не менѣе замѣчательны и принадлежащіе также къ этому разряду *обѣльные крестьяне.* Обѣльные вотчинники (семейства Ключаревыхъ), живущіе въ челмутскомъ погостѣ, повѣнецкаго уѣзда, олонецкой губерніи, составляютъ особое исключительное въ имперіи сословіе. Предку ихъ, священнику Ермолаю Герасимову, за особыя услуги, оказанныя имъ царицѣ-инокинѣ Мароѣ Ивановнѣ, и сыну его священнику же Исааку, пожалована была царемъ Михаиломъ, по грамотѣ 1614 года марта 18, царская волостца, при впаденіи рѣки Камени въ Онѣжское озеро, въ вѣчное и потомственное владѣніе, съ освобожденіемъ отъ всякихъ государственныхъ повинностей.

По нынѣ дѣйствующему своду законовъ обѣльные вотчинники причислены къ сословію государственныхъ поселянъ, но за ними сохранено *обѣленіе* ихъ, т. е. освобожденіе отъ подушной подати, и сверхъ того право, присвоенное позже только дворянству, владѣнія пожалованными имъ крестьянами, которые, и съ своей стороны составляютъ особый видъ крѣпостныхъ, подъ названіемъ *обѣльныхъ крестьянъ.* Эти крѣпостные, подобно владѣльцамъ своимъ, освобождены отъ всякихъ государственныхъ, денежныхъ и натуральныхъ повинностей; но они закрѣплены навсегда въ родъ своимъ владѣльцамъ, не могутъ быть ни отпускаемы на волю, ни перекрѣпляемы въ другія руки, ни отчуждаемы, ни закладываемы; на нихъ не распространилось и ограниченіе крѣпостной обязательной работы тремя днями въ недѣлю; они всѣ состоятъ на барщинѣ и у нихъ число рабочихъ дней зависитъ отъ произвола владѣльца и отъ количества обрабатываемой земли, съ тѣмъ только, что, въ случаѣ ежедневнаго упо-

требленія ихъ на работы, владѣльцы обязаны содержать ихъ (подобно дворовымъ) пищею. Число этихъ крестьянъ простирается въ настоящее время до 205 душъ обоего пола. Они остаются до сихъ поръ, въ отношеніи къ своимъ вотчинникамъ или «барамъ», почти въ томъ же положеніи, въ какомъ были вообще, въ XVII столѣтіи, холопы и кабальные люди, относительно къ своимъ владѣльцамъ. Это остатокъ кабальнаго права въ Россіи. Права обѣльныхъ вотчинниковъ въ послѣдній разъ были подтверждены Высочайшимъ указомъ 10 сентября 1837 года, въ царствованіе въ Бозѣ почившаго императора Николая I.

Хотя г. Тройницкій въ нѣсколькихъ мѣстахъ упоминаетъ о предстоящемъ преобразованіи въ бытѣ крѣпостнаго сословія, но мы не могли найти въ его книгѣ указанія, будетъ ли относиться это преобразованіе только къ помянутымъ крестьянамъ, или оно распространится и на крестьянъ, принадлежащихъ разнымъ вѣдомствамъ и недворянскимъ сословіямъ. Мы никакъ не можемъ допустить мысли, чтобы 40,354 души были оставлены безъ вниманія.

Общее число крестьянъ, приписанныхъ къ заводамъ и фабрикамъ, по 10-й ревизіи простирается до 542,599 душъ обоего пола; въ томъ числѣ на полномъ владѣльческомъ правѣ 151,815 и на поссесіонномъ—390,784. Наибольшее число фабричныхъ крестьянъ находится въ пермской губерніи, именно 277,717 душъ обоего пола, т. е. почти половина общаго числа всѣхъ крестьянъ этого разряда.

Наконецъ въ закавказскомъ краѣ крѣпостное состояніе образовалось на условіяхъ существенно различныхъ съ условіями образованія его во внутреннихъ губерніяхъ Россіи. Въ мусульманскихъ областяхъ этого края крѣпостнаго состоянія не существовало и не существуетъ; въ Грузіи же, Имеретіи, Мингреліи и Абхазіи, оно возникло и укрѣпилось въ видѣ подчиненія сельскихъ жителей высшимъ сословіямъ края, путемъ завоеванія, раздачею бывшими владѣтелями этихъ областей своимъ вассаламъ и церквамъ земель съ крестьянами, и продажею и покупкою такихъ земель, слѣдовательно ближе къ средневѣковымъ формамъ феодальной системы, нежели къ русской формѣ прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ. По присоединеніи этого края къ Россіи, крѣпостное положеніе въ немъ постепенно подводилось подъ общія формы имперіи, съ которыми оно уже почти слилось, и закавказскіе крестьяне со-

стоятъ нынѣ на общемъ русскомъ крѣпостномъ положеніи, съ нѣкоторыми только измѣненіями, обусловливаемыми мѣстными обстоятельствами. Крѣпостными людьми въ Закавказскомъ краѣ могутъ быть только туземцы и въ настоящее время они находятся только въ губерніяхъ Тифлиской и Кутаиской и во владѣніяхъ Мингреліи и Абхазіи. Общее число крѣпостныхъ въ закавказскомъ краѣ простирается до 506,545 душъ обоего пола; изъ нихъ помѣщичьихъ 304,943 и разныхъ вѣдомствъ 201,602. Впрочемъ, г. Тройницкій замѣчаетъ, что это раздѣленіе только приблизительное по неполнотѣ собранныхъ свѣдѣній, и что, по всей вѣроятности, число помѣщичьихъ крестьянъ болѣе четырехъ пятыхъ всего количества тамошнихъ крѣпостныхъ.

Общее число крѣпостныхъ людей въ Россіи, по народоисчисленію, произведенному въ 1858 и 1859 годахъ, простирается до 23 милліоновъ душъ обоего пола. Въ томъ числѣ считается: въ европейской Россіи и Сибири, по 10-й народной переписи, болѣе $22^1/_2$ милліоновъ, и въ Закавказскомъ краѣ, по вновь повѣреннымъ камеральнымъ описаніямъ, полмилліона д. об. п., а именно:

	муж. пол.	жен. пол.	об. пол.
въ европейской Россіи и Сибири. . . .	10,974,944	11,588,142	22,563,086
въ закавкаеcкомъ краѣ .	269,969	236,576	560,545
итого . .	11,244,913	11,824,718	23,069,631.

Въ итогахъ крѣпостнаго населенія виденъ значительный числовой перевѣсъ женскаго пола надъ мужскимъ: на 100 крѣпостныхъ мужчинъ приходится $105{,}_{16}$ женщинъ. Въ общемъ народонаселеніи имперіи, число женщинъ также выше числа мужчинъ, но этотъ перевѣсъ далеко не такъ ощутителенъ, какъ въ крѣпостномъ. По «Статистическимъ таблицамъ Россійской имперіи за 1856 годъ», на 100 мужчинъ приходилось по всей имперіи $102{,}_{16}$ женщинъ; по исчисленію же, произведенному центральнымъ статистическимъ комитетомъ, на 1858 годъ, на 100 мужчинъ оказывается около 101 женщины: слѣдовательно перевѣсъ женскаго пола надъ мужскимъ, въ крѣпостномъ населеніи, на 4 процента выше, чѣмъ въ общемъ. Перевѣсъ этотъ, въ обоихъ видахъ населенія, т. е. и въ общемъ и въ крѣпостномъ, относится къ европейской Россіи, потому что въ Сибири, и особенно въ Закавказскомъ краѣ число мужчинъ вообще болѣе числа женщинъ.

Къ сожалѣнію, г. Тройницкій не разъясняетъ причины такого перевѣса въ крѣпостномъ состояніи женскаго пола надъ мужскимъ. Таблицы рождаемости конечно обнаружили бы, отчего происходитъ числовое преобладаніе женскаго пола, вслѣдствіе ли большаго числа рождающихся дѣвушекъ, или вслѣдствіе особенной убыли въ мужскомъ полѣ. Конечно, положеніе крѣпостнаго сословія мало обнаружитъ нѣкоторое вліяніе на физіологическіе законы рожденія, но едвали это вліяніе могло такъ сильно измѣнить числовыя отношенія половъ, и потому гораздо вѣроятнѣе, что преобладаніе женскаго пола скорѣе зависитъ отъ большей, чѣмъ въ другихъ сословіяхъ, убыли мужскаго пола. Эта убыль можетъ, въ свою очередь, зависѣть отъ рекрутской повинности, лежащей исключительно на ревизскихъ душахъ, и отъ числа умирающихъ. Во всякомъ случаѣ таблицы смертности крѣпостнаго сословія бросили бы свѣтъ на этотъ вопросъ.

По главнымъ разрядамъ, крѣпостные люди распредѣляются, въ европейской Россіи и Сибири, въ слѣдующей пропорціи:

	муж. пол.	жен. пол.	об. пол.
I Помѣщичьихъ (на общемъ и условномъ правѣ)	10,696.139	11,283,794	21,979,933
II Разныхъ вѣдомствъ . .	19,350	21,204	40,554
III Приписанныхъ къ частнымъ заводамъ и фабрикамъ	259,455	283,144	542,599
итого.	10,974,944	11,588,142	22,563,086.

Слѣдовательно, преобладающее большинство крѣпостнаго населенія въ Россіи состоитъ изъ помѣщичьихъ крѣпостныхъ людей, и всѣ остальные разряды крѣпостныхъ составляютъ только 37-ю часть количества помѣщичьихъ.

По тремъ послѣднимъ ревизіямъ число крѣпостныхъ людей обоего пола представляется въ слѣдующемъ видѣ:

	по 8-й ревизіи	по 9-й ревизіи	по 10 ревизіи
помѣщичьихъ (на общемъ и условномъ правѣ)	22,305,998	21,845,762	21,979,933
разныхъ вѣдомствъ. .	376,521	86,933	40,554
заводскихъ и фабричныхъ.	95571	435,021	542,599
итого.	22,778,090	22,367,716	22,563,086.

Изъ сравненія этихъ результатовъ трехъ послѣднихъ ревизій обнаруживается, что *числовой составъ крѣпостнаго населенія остался почти неподвижнымъ и даже уменьшился, въ теченіе 22-хъ лѣтъ* (т. е. со времени производства 8-й, до окончанія 10-й ревизіи). Отъ 8-й до 9-й этотъ составъ уменьшился весьма ощутительно, что слѣдуетъ приписать отчасти обращенію въ государственные крестьяне, въ этотъ промежутокъ времени, значительнаго числа крестьянъ принадлежавшихъ прежде иновѣрческому духовенству, въ западномъ краѣ, и крестьянъ однодворческихъ, въ томъ же краѣ; отъ 9-й до 10-й ревизіи итогъ крѣпостнаго населенія нѣсколько увеличился, но не дошелъ до того размѣра, въ какомъ онъ былъ при заключеніи 8-й переписи, въ 1836 году. По 10-й ревизіи, сравнительно съ 8-ю оказывается *уменьшеніе около 250,000 душъ обоего пола.* Между тѣмъ, въ тотъ же 22-хъ-лѣтній періодъ времени, *общее народонаселеніе имперіи* (не включая Царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго, равно какъ и не входящихъ въ перепись регулярныхъ войскъ и оренбургскихъ Киргизовъ), по сравненію итоговъ 8-й и 10-й ревизій, возрасло отъ 53,600,000 до 62,600,000 душъ обоего пола, т. е. *увеличилось на девять миллионовъ душъ обоего пола.*

Очевидный, такимъ образомъ, застой, или даже уменьшеніе численнаго состава крѣпостнаго сословія Россіи, въ то время, какъ другія сословія увеличивались въ своей численности, не можетъ не обратить на себя особеннаго вниманія. Безъ сомнѣнія, главною причиною такого неотраднаго явленія въ значительной части государственнаго населенія слѣдуетъ считать особенное вліяніе на крѣпостное сословіе отбываніе въ натурѣ рекрутской повинности. Это предположеніе подтверждается и тѣмъ, что въ крѣпостномъ населеніи уменьшается преимущественно мужской полъ. Только весьма незначительное число крѣпостныхъ перечисляется въ свободныя сословія и по другимъ причинамъ. Во всякомъ случаѣ, уменьшеніе состава крѣпостнаго населенія объясняется, главнымъ образомъ, *перечисленіемъ* части этого населенія *въ другія сословія.* Но, если такое перечисленіе и принять *главною*, то едва ли его можно признать *единственною* причиною указаннаго явленія. Нѣтъ сомнѣнія, что и условія естественнаго приращенія въ этой части народонаселенія, т. е. заключеніе браковъ (въ крѣпостномъ сословіи не свободныхъ), рождаемость и смертность, находятся въ положеніи менѣе

выгодномъ и менѣе правильномъ, нежели въ другихъ сословіяхъ государства; нельзя не предположить, что весь экономическій бытъ крѣпостнаго сословія находится въ ненормальномъ положеніи. Одни, приведенные здѣсь, статистическіе выводы, не говоря о другихъ побудительныхъ причинахъ, доказываютъ, слѣдовательно, что предпринятое нынѣ преобразованіе, имѣющее въ виду улучшеніе быта этого сословія, *и необходимо и своевременно*. Едва-ли можно было оставить долѣе въ настоящемъ, явно неудовлетворительномъ положеніи *цѣлую треть* государственнаго населенія, тѣмъ болѣе, что эта неудовлетворительность отражается преимущественно на главной производительной его части, мужскомъ полѣ. Уравненіе, въ возможной степени, положеніе нынѣшнихъ крѣпостныхъ съ положеніемъ свободныхъ сельскихъ сословій не замедлитъ, конечно, обнаружить благодѣтельное вліяніе и на естественное приращеніе этого многочисленнаго класса трудящагося государственнаго населенія.

Число владѣльцевъ въ европейской Россіи и Сибири, въ отношеніи принадлежащихъ имъ крѣпостныхъ людей, представляется въ слѣдующемъ видѣ:

		у нихъ крестьянъ муж. пола:
мелкопомѣстныхъ, т. е. имѣющихъ до 100 душъ крестьянъ	79,171	2,037,500
среднепомѣстныхъ, т. е. имѣющихъ отъ 101 до 500 душъ	20,165	3,974,629
великопомѣстныхъ, т. е. имѣющихъ болѣе 500 душъ	3,858	4,671,724
Итого . .	103,194	10,683,853.

Изъ этихъ общихъ выводовъ слѣдуетъ, что среднимъ числомъ на одного помѣщика приходится по 103,53 мужскаго пола души, а обоего пола значитъ придется около 210 душъ.

Безпомѣстныхъ дворянъ числилось 3,703; у нихъ дворовыхъ 12,286; въ средней сложности на каждаго изъ безпомѣстныхъ дворянъ приходится по 3,32 души. Самое значительное число такихъ владѣльцевъ—болѣе 200 на губернію, оказывается въ трехъ малороссійскихъ губерніяхъ: полтавской, харьковской и черниговской. Самыя огромныя, населенныя крестьянами, имѣнія находятся въ пермской губерніи (на 1 владѣльца приходится по 2,621 д. м. п., т. е. около 5,200 д. об. п.), гдѣ большіе горные заводы и про—

мыслы, съ значительнымъ заводскимъ населенiемъ, сосредоточены во владѣнiи весьма не многихъ богатыхъ фамилiй, устроившихъ свои имѣнiя на обширныхъ, издавна занятыхъ ими земляхъ; на этихъ промыслахъ и заводахъ работаютъ нетолько крестьяне, приписанные собственно къ нимъ, на заводскомъ правѣ, но и значительная часть помѣщичьихъ крестьянъ, приписанныхъ къ деревнямъ (около 122,000 душъ мужск. пола). Затѣмъ слѣдуютъ три юго-западныя, хлѣбородныя губернiи (кiевская, подольская и волынская), замѣчательныя по богатству многихъ, большихъ дворянскихъ помѣстiй, устроившихся тамъ еще во время польскаго владычества, и двѣ изъ сѣверо-восточныхъ: нижегородская, гдѣ сохранилось въ цѣлости нѣсколько большихъ старинныхъ вотчинныхъ имѣнiй, и вятская, въ которой значительное число крестьянъ приходится, въ средней сложности, на одного помѣщика, по причинѣ весьма небольшаго числа помѣстiй въ этой губернiи.

Въ 1858 году считалось въ имперiи 65 губернiй и областей. По 10-й ревизiи, крѣпостные люди показаны приписанными только въ 56 губернiяхъ и областяхъ: 47-ми въ европейской Россiи, 6-ти въ Сибири и 3-хъ въ закавказскомъ краѣ, изъ числа которыхъ въ бессарабской области крѣпостными могутъ быть только Цыганы; въ губернiяхъ же архангельской и шемахинской (нынѣ бакинской) и въ областяхъ забайкальской и якутской есть только дворовые люди, а населенныхъ и заводскихъ или фабричныхъ крестьянъ нѣтъ; точно также въ иркутской губернiи нѣтъ населенныхъ крестьянъ, а есть только дворовые и заводскiе. Въ остальныхъ 9-ти губернiяхъ и областяхъ (не включая амурской, которая не была еще отдѣлена отъ сосѣднихъ съ нею при 10-й ревизiи) вовсе нѣтъ крѣпостныхъ людей; а именно въ европейской Россiи — въ трехъ остзейскихъ губернiяхъ и въ землѣ черноморскаго войска; въ Сибири — въ трехъ областяхъ: приморской восточной Сибири, семипалатинской и сибирскихъ Киргизовъ, и въ закавказскомъ краѣ — въ двухъ губернiяхъ: дербентской съ прикаспiйскимъ краемъ (нынѣ дагестанской области) и эриванской. Такимъ образомъ, за исключенiемъ тѣхъ губернiй и областей, въ которыхъ вовсе нѣтъ крѣпостныхъ, а также тѣхъ (архангельская, шемахинская, забайкальская и якутская), въ которыхъ считается только нѣсколько дворовыхъ людей, находящихся тамъ въ услуженiи у своихъ господъ, получатся съ крѣпостнымъ населенiемъ 52 губернiи и области. Изъ числа ихъ наибольшее число крѣ-

постныхъ людей всѣхъ разрядовъ показано въ кіевской губерніи (1,121,062 души об. пола), наименьшее же, по европейской Россіи и закавказскому краю, въ бессарабской области (10,844 души), а по всей имперіи, въ енисейской губерніи (266 д. об. п.).

Что касается распредѣленія крѣпостнаго сословія по уѣздамъ, то на число 474 уѣздовъ европейской Россіи (въ 47 губерніяхъ, въ которыхъ приписаны крѣпостные люди), въ 10 уѣздахъ (6 архангельской, 2-хъ вологодской, 1-го вятской и 1-го олонецкой) вовсе нѣтъ крѣпостныхъ; наибольшеее число помѣщичьихъ крестьянъ мужескаго пола показано въ міусскомъ округѣ (принимаемомъ за уѣздъ) земли донскаго войска—62,483 души и въ каневскомъ уѣздѣ кіевской губерніи—61,144 души; наименьшее же число въ устьсысольскомъ уѣздѣ вологодской губерніи—6 душъ поселенныхъ крестьянъ, и въ орловскомъ уѣздѣ вятской губерніи — 2 души дворовыхъ. 6 сибирскихъ губерній и областей, съ крѣпостными помѣщичьими людьми, дѣлились, въ 1858 году, на 32 округа. Въ 14-ти изъ нихъ вовсе нѣтъ крѣпостныхъ; наибольшее число помѣщичьихъ крѣпостныхъ мужскаго пола показано въ тюменьскомъ округѣ тобольской губерніи—319 душъ, а наименьшее въ верхнеудинскомъ съ нерчинскимъ забайкальской области — 1 душа.

Въ началѣ 1859 года общее число жителей имперіи и число крѣпостныхъ обоего пола составляли:

	жителей обоего пола.	крѣпостныхъ обоего пола.	на 100 душъ общаго населенія приходится крѣпостныхъ.
Въ европейской Россіи .	60,143,478	22,558,748	37,51
Въ Сибири	4,239,534	4,338	0,10
Во владѣніи сѣверо-американской компаніи .	9,982	—	—
Въ закавказскомъ краѣ .	2,688,173	506,545	18,84
Итого . . .	67,081,167	23,069,631	34,39.

Изъ этихъ чиселъ слѣдуетъ, что изъ *всего народонаселенія имперіи болѣе третьей части находится въ крѣпостномъ или несвободномъ состояніи*; собственно же *въ европейской Россіи* крѣпостное населеніе составляетъ гораздо болѣе трети, именно *три осьмыхъ части общаго числа жителей*. Сравнивая, затѣмъ, крѣпостной процентъ по тремъ ревизіямъ только относительно европейской Россіи, находимъ, что этотъ процентъ ощутительно уменьшился и, въ

теченіи 22 лѣтъ, т. е. съ 8-й до 10-й ревизіи, показался, съ 44,93 до 37,51, или почти на $7^1/_2$ со ста. Положеніе крѣпостнаго процента, въ теченіи означеннаго періода, общее для всей европейской части Россіи, въ большей или меньшей степени обнаруживается и по всѣмъ почти губерніямъ въ частности. Сущность этихъ выводовъ, т. е. общее, ощутительное положеніе крѣпостнаго процента въ имперіи, въ послѣднюю четверть столѣтія, ясно подтверждаетъ приведенное выше заключеніе, что между свободными сословіями видно постоянное и прогрессивное приращеніе населенія; несвободныя же сословія, вслѣдствіе экономическихъ и другихъ причинъ, уменьшились въ своемъ численномъ составѣ.

Мы, съ своей стороны, прибавимъ, что эти безспорно-вѣрные выводы г. Тройницкаго сдѣлались бы еще болѣе рельэфными и осязательными, еслибъ онъ включилъ въ свой трудъ сравнительную вѣдомость смертности и средняго числа лѣтъ свободныхъ и несвободныхъ сословій.

Приведенное, въ средней сложности, для всей имперіи, отношеніе крѣпостнаго населенія къ общему числу жителей представляется чрезвычайно разнообразнымъ, при разсмотрѣніи его въ частности, по губерніямъ. Крѣпостной процентъ, по европейскимъ и закавказскимъ губерніямъ, измѣняется отъ высшаго 69,07, въ смоленской губерніи, до низшаго 1,17, въ бессарабской области.

Для болѣе нагляднаго распредѣленія губерній, въ отношеніи къ крѣпостному проценту, къ труду г. Тройницкаго приложена статистическая карта европейской Россіи и кавказскаго намѣстничества. На этой картѣ губерніи, въ отношеніи къ крѣпостному проценту, раздѣлены на 4 группы и означены четырьмя разными оттѣнками.

Въ первую группу, съ крѣпостнымъ населеніемъ, превышающимъ половину, а въ нѣкоторыхъ губерніяхъ доходящимъ до двухъ третей общаго губернскаго, входятъ 16 губерній въ европейской Россіи и одна закавказская. Первая составляетъ почти сплошную массу въ центрѣ и на юго-западѣ имперіи; изъ нихъ десять, съ великорусскимъ населеніемъ, составляли ядро московскаго государства, во время установленія въ немъ единодержавія и, потомъ, во время перваго прикрѣпленія сельскихъ обывателей къ землѣ. Въ остальныхъ 6 губерніяхъ, съ населеніемъ бѣлорусскимъ, литовскимъ, польскимъ и малороссійскимъ, сельское населеніе было уже прочно водворено въ XVI столѣтіи, а потому ранѣе подпало крѣпостному положенію,

во время первоначальнаго его установленія. Нельзя не обратить вниманія, что въ первую группу не вошла московская губернія, бывшая средоточіемъ московскаго государства въ періодъ перваго прикрѣпленія сельскаго населенія къ землѣ; но если изъ числа жителей губерніи исключить 386 тысячъ жителей столицы, въ числѣ которыхъ не болѣе 724-хъ душъ крѣпостныхъ, приписанныхъ собственно къ столицѣ, то собственно для губерніи, безъ столицы, крѣпостной процентъ возвысился бы до 51 и московская губернія вошла бы, въ такомъ случаѣ, въ первую группу.

Вторая группа состоитъ изъ 19 губерній, съ крѣпостнымъ процентомъ отъ 50 до 25. Къ числу этихъ губерній принадлежатъ лежащія къ югу отъ первой группы и составлявшія русскую Украйну, жители которой, въ XVI и XVII столѣтіяхъ, вели жизнь подвижную, къ чему вынуждены были пограничными волненіями; поэтому и прикрѣпленіе къ землѣ оказалось въ этой полосѣ не столь всеобщимъ, какъ въ губерніяхъ центральныхъ. Затѣмъ ко второй группѣ принадлежатъ губерніи малороссійскія, гдѣ въ XVII столѣтіи сельское населеніе находилось подъ вліяніемъ вольнаго козачества. Наконецъ къ этой же группѣ принадлежитъ и новгородская губернія, находившаяся долго внѣ вліянія московскихъ государей и удѣльной системы, а потому въ ней менѣе образовалось къ XVII столѣтію княжескихъ и боярскихъ вотчинъ и помѣстій.

Къ третьей группѣ, съ крѣпостнымъ процентомъ отъ 25 до 10, относится с.-петербургская губернія, въ которую, по позднѣйшему ея населенію, крѣпостное состояніе проникло позже нежели въ сосѣднія съ нею губерніи; затѣмъ къ ней же принадлежитъ вологодская губернія, бывшая долго подъ вліяніемъ Новгорода, и наконецъ приволжскія губерніи, въ которыхъ также крѣпостное состояніе проникло позже.

Въ четвертую группу, съ крѣпостнымъ процентомъ менѣе 10, вошли двѣ сѣверныя губерніи (олонецкая и вятская), гдѣ по бѣдности природы не могли устраиваться большія помѣщичьи имѣнія, и четыре самыя южныя въ европейской Россіи, которыя позже подошли подъ общія формы русскаго государственнаго устройства.

Конечно, большее или меньшее распространеніе крѣпостнаго состоянія, кромѣ историческихъ причинъ, не мало также зависитъ и

отъ племенныхъ свойствъ народонаселенія; но этотъ вопросъ у насъ далеко еще не разработанъ (*).

Въ заключеніе повторимъ за г. Тройницкимъ, что при народныхъ переписяхъ у насъ въ послѣдній разъ являются сословія *крѣпостныя* или *несвободныя* и что составленныя имъ числовыя вѣдомости и карта, представляющія теперь статистическій указатель того, что *есть*, скоро сдѣлаются историческимъ документомъ того, что *было*.

(*) Къ числу замѣчательныхъ трудовъ, по части этнографіи и статистики Россіи, безъ сомнѣнія принадлежатъ этнографическія изслѣдованія воронежской губерніи, произведенныя, въ послѣднее время, дѣйствительнымъ членомъ русскаго географическаго общества Н. И. Второвымъ. Въ текстѣ, приложенномъ къ № 34 Русскаго Художественнаго Листка 1860 года помѣщено извлеченіе изъ этого труда, изданіе котораго приняло на себя географическое общество.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Последніе дни римской имперіи. (Récits de l'histoire romaine au V siécle. Derniers temps de l'empire d'Occident. Par *Amédée Thierry*. Paris. 1860.)

Предисловіе къ своему новому труду Амедей Тьерри начинаетъ жалобой на всеобщее равнодушіе къ эпохѣ, ознаменованной паденіемъ классическаго міра и рожденіемъ новаго общества. Въ самомъ дѣлѣ, эта эпоха не пользуется большимъ почетомъ въ наукѣ. Уже болѣе тридцати лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ разработка средневѣковой исторіи, изученіе политической и нравственной жизни средневѣковыхъ народовъ, выступили на первый планъ въ исторической наукѣ, заняли въ ней очень видное мѣсто; а между тѣмъ, мы съ трудомъ можемъ назвать двѣ–три замѣчательныя книги, посвященныя эпохѣ паденія западной римской имперіи,—эпохѣ, изъ которой выросло средневѣковое общество. Причина тому очень понятна: кого заинтересуютъ эти жалкія, безцвѣтныя личности, въ томительномъ однообразіи проходящія передъ глазами историка, эти выдохшіеся и выродившіеся потомки цезарей, историческія маріонетки, вступающія на шаткій тронъ Августа, чтобъ заключить свое позорное царствованіе не менѣе позорною смертью? Что̀ оставили послѣ себя всѣ эти Максимы, Авиты, Северы, Антеміи, Олибріи, Гликеріи, Непоты, Августулы? Какое намъ дѣло до именъ, болѣе пустыхъ, чѣмъ звукъ, и менѣе интересныхъ, чѣмъ бѣлая страница исторіи. Гиббонъ, принимаясь за свою «History of the decline and fall of the Roman empire», вполнѣ сознавалъ историческую безцвѣтность этой жалкой въ лѣтописяхъ Рима эпохи и старался одушевить ее высшей нравствен-

ной идеей; философскій ригоризмъ, который онъ внесъ въ свой исполинскій трудъ, помогъ ему придать всему творенію характеръ цѣльности и систематичности. Но Гиббонъ писалъ въ то время, когда законы исторической критики только что начинали выработываться, и потому въ знаменитомъ трудѣ его въ настоящее время легко подмѣтить мѣста непростительно-слабыя; при томъ же, глубоко изучивъ жизнь Рима въ послѣднія времена имперіи, онъ былъ очень неудовлетворительно знакомъ съ бытомъ германскихъ и гальскихъ народовъ, и потому варварскій элементъ, на которомъ преимущественно должна сосредоточиваться исторія IV и V вѣка, получилъ у него крайне недостаточное развитіе. Въ главахъ посвященныхъ собственно римской имперіи, онъ навсегда останется тѣмъ же великимъ Гиббономъ, какимъ знали мы его на школьной скамейкѣ; но тамъ, гдѣ онъ переносится въ глубину заповѣдныхъ лѣсовъ Германіи, гдѣ перо его слѣдуетъ за передвиженіемъ новыхъ народовъ, за историческимъ ростомъ новыхъ народныхъ ассоціацій, тамъ онъ долженъ уступить первенство другимъ, болѣе близкимъ къ нашему времени талантамъ. При всемъ томъ, въ современной исторической литературѣ добросовѣстный трудъ Гиббона стоитъ совершенно уединенно: до сихъ поръ онъ служитъ почти единственнымъ источникомъ свѣдѣній о времени паденія римской имперіи для всякаго, кто не можетъ или не хочетъ изучать эту эпоху по лѣтописнымъ памятникамъ. Новые историки, посвятившіе себя разработкѣ средневѣковаго періода, впали въ крайность, противоположную той, которая составляетъ главный недостатокъ творенія Гиббона: они обратились исключительно къ варварскому элементу и забыли имперію. Исторію послѣднихъ временъ Рима связываютъ обыкновенно съ исторіей Византіи,— а извѣстно, что Византія, это несчастное «Bas-Empire» Французовъ, сдѣлалась ругательнымъ именемъ въ политической наукѣ. «Bas-Empire» на современныхъ языкахъ служитъ синонимомъ всякой мертвой, бюрократической державы. Кто же, послѣ этого, захочетъ писать исторію послѣднихъ временъ римской имперіи?

А между тѣмъ, эта эпоха запечатлѣна высоко-драматическимъ характеромъ. Это драгоцѣннѣйшій моментъ для приверженцевъ историческаго фатализма. Нигдѣ теорія провиденціальной миссіи народовъ, проповѣдуемая Лораномъ, не получаетъ такого широкаго и, повидимому, законнаго примѣненія, какъ въ исторіи V вѣка. Есть что-то мистическое въ этой смутной порѣ. Древній міръ, съ его разрабо-

танной цивилизаціей, съ его художественной религіей, съ его безсмертными памятниками науки и искусства, разлагается по всѣмъ направленіямъ своей жизни; новый міръ, еще не высвободившійся изъ оковъ простаго, естественнаго быта, неудержимо стремится разрушить величественное, но обветшавшее зданіе предшествовавшихъ столѣтій. Какая то таинственная сила управляетъ движеніями варваровъ. «Аларихъ шелъ на Римъ; пустынникъ останавливаетъ завоевателя, умоляетъ его пощадить городъ, и предсказываетъ, что рѣзня и убійства будутъ гибельны для него самого.

— Я не по своей волѣ иду на Римъ, отвѣчаетъ Аларихъ:—я чувствую, что кто-то безостановочно гонитъ меня туда и заставляетъ раззорить городъ.»

Что же дѣлалось въ это время въ Римѣ, когда варвары со всѣхъ сторонъ облегали и давили его?

Римъ былъ въ это время занятъ многочисленными праздниками... казалось онъ хотѣлъ заранѣе отпировать свою похоронную тризну. Императоры смѣнялись одинъ за другимъ, какъ въ кукольномъ театрѣ; но каждое новое восшествіе на престолъ сопровождалось блистательными оваціями, невиданными даже въ лучшія времена имперіи—«Вотъ, я въ самомъ разгарѣ свадебнаго праздника», писалъ къ своему другу Геронію Апполинарій Сидоній, присяжный панегиристъ каждаго новаго императора, попавшій въ Римъ какъ разъ на свадьбу Рицимера и дочери Антемія, только что вступившаго на престолъ цезарей. «Патрицій Рицимеръ женится на дочери нашего августѣйшаго императора, что подаетъ надежду на возстановленіе общественнаго спокойствія. Ты догадываешься, что посреди этой всеобщей радости твой Транзальпинецъ (*) предпочелъ скрыться, и пиша къ тебѣ эти строки, только прислушивается къ отдаленному эху праздничныхъ пѣсенъ, которыя раздаются въ театрахъ, храмахъ, преторіяхъ, гимназіяхъ, во всемъ городѣ. Среди этого оглушающаго шума, ученье вездѣ прекратилось, дѣла отдыхаютъ, судьи безмолвствуютъ, посольскія аудіенціи отложены на неопредѣленное время. Отецъ уже отпустилъ невѣсту, женихъ взялъ уже вѣнецъ, консулярій надѣлъ свое парадное платье, сенаторъ величается въ своей тогѣ, простонародье сбрасываетъ свои будничные плащи и надѣваетъ праздничное платье».

(*) Аполлинарій Сидоній былъ уроженецъ ліонскаго округа въ Галліи.

За этимъ празднествомъ тотчасъ слѣдовало другое: приближались январскіе календы—день, назначенный для торжественнаго вступленія новаго императора въ должность римскаго консула. Народъ въ нарадныхъ одеждахъ съ утра толпился на площадяхъ; сенаторы шли въ торжественной процессіи; ликторы съ пучками розогъ разгоняли передъ ними толпу; солдаты выступали длинными рядами, въ бѣлыхъ мантіяхъ, волочившихся сзади по землѣ, великолѣпныя носилки стояли у дома новаго консула, чтобъ пронести его въ церемоніяльной процессіи по городу. Шествіе продолжалось почти цѣлый день, изъ капитолія въ курію, изъ куріи на форумъ, съ форума въ театръ или въ циркъ. Въ одной изъ залъ императорскаго дворца, въ торжественномъ собраніи сенаторовъ и знатнѣйшихъ гражданъ города, Аполлинарій Сидоній произнесъ свой знаменитый панегирикъ Антемію...

Но Римъ, бывшій свидѣтелемъ этихъ блистательныхъ празднествъ, въ то время былъ лишенъ своего прежняго великолѣпія. Два раза варвары наносили свою тяжелую руку на столицу міра, и ихъ опустошенія оставили тяжелый слѣдъ въ стѣнахъ нѣкогда богатаго и славнаго города. Многочисленные памятники печально стояли на площадяхъ, обнаженные отъ ихъ золотыхъ украшеній; капитолій поднималъ къ небу только половину своей вызолоченой крыши—другая была вывезена Гензерихомъ въ Кароагенъ. Безчисленныя статуи, избитыя и изломанныя, валялись въ пыли по улицамъ, и никто не хотѣлъ поднимать ихъ. Большая часть общественныхъ зданій была разрушена въ конецъ; другія уединенно возносили къ небу свои обезображенныя стѣны и кровли, почернѣвшія и потрескавшіяся отъ страшныхъ пожаровъ. Дворецъ цезарей, сохранявшій еще наружную роскошь, внутри носилъ слѣды опустошеній: всѣ пышныя императорскія декораціи были вынесены, золото и серебро расхищено, статуи побиты.

Но среди этихъ безпрерывныхъ празднествъ и пошлыхъ чувственныхъ наслажденій томительная тоска и апатія господствовали надъ людьми. Веселье Римлянъ было наружное: подъ нимъ крылось глухое, мертвое отчаяніе. Это была вспышка жизни на трупѣ, который весь принадлежалъ могилѣ, но еще дышалъ и боролся съ смертью.

И Римляне чувствовали свое отчаяніе и безвыходное положеніе. Они видѣли передъ собой неминуемую гибель, и безнадеж-

ность ихъ была тѣмъ мучительнѣе, что никто не могъ указать средствъ для предотвращенія грозящей опасности. Варвары все тѣснѣе и тѣснѣе окружали имперію, которая съ каждымъ десятилѣтіемъ теряла то ту, то другую провинцію; движенія и удары ихъ съ каждымъ годомъ становились сильнѣйи систематичнѣй. Уже давно миновало то время, когда дикія орды Готовъ или Гунновъ врывались неожиданнымъ набѣгомъ въ римскія области, разрушали все огнемъ и мечемъ, гнали и убивали жителей, и наконецъ, влача за собою награбленную добычу, уходили за Альпы или за Дунай. Эти времена могли бы почесться золотымъ вѣкомъ для имперіи въ сравненіи съ тѣмъ, что совершалось во второй половинѣ V-го столѣтія. Теперь варвары уже не были хищными, бездомными дружинами, искавшими одного грабежа, они требовали поземельной собственности и вырывали изъ рукъ Римлянъ одну за другой ихъ обширныя области. Въ сѣверовосточной Галліи, на верхнемъ Рейнѣ, на Дунаѣ, образовались самостоятельные центры германскихъ племенъ, откуда варвары производили по временамъ опустошительные набѣги, повторяя въ болѣе скромныхъ размѣрахъ то, на что прежде смотрѣли, какъ на эпоху въ исторіи. Эти центры съ каждымъ годомъ все ближе и ближе придвигались къ Риму и, казалось, можно было вычислить время, когда они должны были подступить къ самому средоточію имперіи. Въ самомъ Римѣ, варварскій элементъ выдавался на первомъ планѣ, и патрицій-варваръ давно уже поставилъ въ тѣни императора-римлянина. Судьбы имперіи уже нѣсколько десятковъ лѣтъ находились въ рукахъ германскихъ военачальниковъ, которые, по какому то инстинктивному благоговѣнію къ императорскому сану, не рѣшались сами вступать на тронъ цезарей, а предпочитали управлять Римлянами при помощи зависѣвшихъ отъ нихъ и поставленныхъ ими императоровъ. Съ тѣхъ поръ, какъ Рицимеръ низложилъ Авита и возвелъ себя въ достоинство римскаго патриція, варвары окончательно стали въ головѣ имперіи. Въ Италіи сложилось нѣчто въ родѣ постояннаго варварскаго гарнизона, который контролировалъ дѣла правленія, смѣнялъ императоровъ, какъ высшихъ государственныхъ чиновниковъ, и ревниво слѣдилъ за каждымъ проявленіемъ римской національности. Титулярные императоры, поставляемые варварами и зависѣвшіе отъ варваровъ, напрасно употребляли всѣ усилія, чтобъ возвратить себѣ хоть что нибудь изъ прежней самостоятельности. Они интриговали, подкупали, грозили,

умоляли, прибѣгали къ посредничеству христіанскихъ іерарховъ, взывали къ константинопольскимъ императорамъ,—и все было напрасно. Послѣ того какъ Майоранъ, лучшій изъ послѣднихъ римскихъ цезарей, палъ въ борьбѣ съ Рицимеромъ, преемникамъ его не оставалось никакой надежды на возстановленіе прежняго значенія императорской власти. Собственно говоря, всѣ эти Антеміи, Гликеріи, Непоты, въ сравненіи съ ихъ болѣе-знаменитыми предшественниками, не были людьми положительно дурными: они не запятнали себя, по крайней мѣрѣ, громкими злодѣяніями, а нѣкоторые изъ нихъ были даже надѣлены многими весьма похвальными качествами. Антемій, напримѣръ, былъ, говоря относительно, человѣкъ очень не бездарный и не безъ добрыхъ намѣреній. Проведя молодость въ Константинополѣ, онъ усвоилъ себѣ тамъ разностороннее образованіе, какого, конечно, были лишены многіе изъ его болѣе достойныхъ предшественниковъ. Аполлинарій Сидоній въ своемъ панегирикѣ оставилъ намъ очень обстоятельный перечень всего, что̀ изучалъ Антемій въ столицѣ восточной имперіи. Изъ его словъ мы узнаёмъ, что будущій императоръ съ жадностью читалъ греческихъ историковъ, Геродота, Ѳукидида, Ксенофонта, не забывая также и римскаго Тита Ливія, и обнаруживая особенное пристрастіе къ суровому разсказу Тацита. Римскіе поэты, комики и ораторы были для Антемія также любимымъ предметомъ изученія; по крайней мѣрѣ Сидоній упоминаетъ о его занятіяхъ Цицерономъ, Виргиліемъ и Плавтомъ. Не забыты были также и римскіе грамматики—Квинтиліянъ и Варронъ. Изъ всего этого можно заключить, что Антемій обладалъ весьма достаточнымъ по тому времени запасомъ знаній, а его законодательная дѣятельность показываетъ, что онъ не чуждъ былъ нѣкоторыхъ достойныхъ стремленій. И, однако, все это не помѣшало ему быть самымъ ничтожнымъ правителемъ. Съ самаго въѣзда въ Римъ онъ поставилъ себя въ крайне-двусмысленное положеніе. Онъ выдалъ дочь свою за Рицимера, но дѣйствовалъ при этомъ такъ неловко, что гордый варваръ сразу понялъ, сколько презрѣнія и ненависти питалъ къ нему его вѣнчанный тесть. Этого было довольно, чтобъ поставить ихъ другъ къ другу въ самое непріязненное положеніе, и такимъ образомъ Антемій, пожертвовавъ своей дочерью, ничего не выигралъ со стороны Рицимера. Онъ не могъ также расчитывать и на содѣйствіе народа: Римляне всегда питали сильное нерасположеніе къ Византійцамъ, и «греческій императоръ», какъ называли

Антемія въ Италіи, не могъ внушить имъ никакого довѣрія. Даже лучшія качества Антемія послужили только къ усиленію народной непріязни. Этотъ ученый императоръ, воспитанный въ Константинополѣ, привезъ съ собою въ Римъ капризный, діалектическій умъ средневѣковаго Грека, страсть къ метафизическимъ тонкостямъ, къ богословскимъ и схоластическимъ преніямъ, которыя сильно возмущали Римлянъ и возбуждали въ нихъ сомнѣніе въ правовѣріи императора. Антемій держалъ при своемъ дворѣ множество византійскихъ философовъ, риторовъ, софистовъ, съ которыми проводилъ по цѣлымъ днямъ, забывая о дѣлахъ правленія. Его величайшимъ наслажденіемъ было—призвать къ себѣ какого нибудь злополучнаго еретика и публично опровергать его заблужденія. Самыми приближенными къ нему лицами были—софистъ Северъ и еретикъ Филоѳей, которыхъ онъ выписалъ изъ Константинополя, чтобъ всегда имѣть при себѣ людей, способныхъ потѣшать его своими преніями. Северъ былъ человѣкъ очень ученый и одаренный богатыми способностями, которыхъ онъ однакожъ не умѣлъ примѣнить къ дѣлу. Онъ долго странствовалъ по востоку, изучая всевозможныя религіозныя и философскія системы, и наконецъ утвердился въ Египтѣ, куда навезъ съ собою толпу индѣйскихъ браминовъ, совершавшихъ по его приказанію свои мистическіе обряды, къ великому скандалу Египтянъ. Особенно ужасала всѣхъ его лошадь, отъ прикосновенія къ которой сыпались искры, и даже брызгала молнія. Пріѣхавъ, по приглашенію Антемія, въ Римъ, онъ началъ производить тамъ такіе опыты, которые заставили Римлянъ думать, что императоръ имѣетъ тайную наклонность къ чернокнижію. Другой неизмѣнный спутникъ Антемія, Филоѳей, проявилъ себя въ Римѣ подобнымъ же образомъ: принадлежа къ сектѣ Македонія, который видѣлъ въ св. духѣ божественную силу, разлитую во вселенной, онъ бѣгалъ по улицамъ, вызывая на состязаніе христіанъ, собиралъ вокругъ себя еретиковъ изъ всѣхъ закоулковъ, вступалъ съ ними въ торжественныя пренія, и своими воинственными наклонностями перетревожилъ все римское духовенство. Всѣ эти обстоятельства, сами по себѣ очень незначительныя, сильно возбуждали народное негодованіе, потому что Римляне смотрѣли на нихъ, какъ на затѣи ненавистныхъ Грековъ.

При наслѣдникахъ Антемія, нечего было думать о возстановленіи прежняго значенія имперіи: новые цезари не имѣли и тѣни тѣхъ достоинствъ, которыми, хотя и скудно, былъ надѣленъ Антемій, а на-

родъ, привыкшій къ безпрерывнымъ перемѣнамъ императоровъ и деморализованный возраставшими успѣхами варваровъ, потерялъ всякое участіе къ національному дѣлу и съ апатическимъ равнодушіемъ ждалъ «совершенія судебъ.» — Значеніе императоровъ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе ослабѣвало. Въ Антеміѣ еще можно было замѣтить стремленіе возвыситься на счетъ варваровъ, поддержать блескъ своего сана; получивъ корону изъ рукъ константинопольскаго императора, онъ считалъ себя независимымъ отъ варваровъ, держалъ себя въ отношеніи къ Рицимеру съ нѣкоторымъ достоинствомъ, по крайней мѣрѣ сносился съ нимъ, какъ равный съ равнымъ. Но при преемникахъ его измѣнились даже самыя воззрѣнія на отношенія императора къ патрицію. Если Антемій видѣлъ въ римскомъ патриціѣ своего соперника, силою присвоившаго себѣ незаконную власть въ государствѣ, то послѣдніе цезари смотрѣли на варварскихъ военачальниковъ какъ на своихъ естественныхъ покровителей, которымъ они были обязаны своимъ титуломъ, и безъ которыхъ они не могли бы удержаться на тронѣ. Поэтому, Антемія можно считать послѣднимъ цезаремъ, умѣвшимъ сохранить хотя тѣнь прежняго императорскаго достоинства; послѣ него, императорство сдѣлалось пустымъ титуломъ, а императоры—жалкими прислужниками римскихъ патриціевъ.

А между тѣмъ, нельзя не замѣтить, что для имперіи еще не все было потеряно: удачная дѣятельность Аполинарія Сидонія въ Оверни и мужественный патріотизмъ Экдиція ясно свидѣтельствовали, что если не въ самой Италіи то по крайней мѣрѣ въ провинціяхъ было еще много жизненныхъ соковъ, много народной силы. Тревога, поднятая въ Галліи постыднымъ малодушіемъ Гликерія и Непота, была патріотическимъ воззваніемъ къ Италіи: мужественные Оверницы звали Римлянъ къ союзу на общее дѣло, къ соединенной борьбѣ съ врагами имперіи. Но Римъ оставался глухъ къ патріотическимъ призывамъ Транзальпинцевъ, и императоры малодушно предавали варварамъ провинціи, защищать которыя сами вызывались ихъ подданные.

Но что всего печальнѣе видѣть въ исторіи Рима V-го вѣка это страшный императорскій деспотизмъ внутри, рука объ руку съ безсиліемъ извнѣ и постыднымъ равнодушіемъ къ народнымъ интересамъ. Эти картонные цезари, трепетавшіе передъ грубымъ варваромъ и продававшіе изъ позорной трусости народную собственность, хотѣли быть страшными тиранами у себя дома. Никогда политическая и граждан-

ская свобода Римлянъ не была такъ дерзко поругана, какъ при последнихъ императорахъ. Какой нибудь Гликерій, унижавшійся до рабскаго ничтожества передъ вождемъ дикихъ Бургундовъ, Гундобальдомъ, былъ нестерпимымъ деспотомъ въ Римѣ и съ комическою важностью толковалъ объ «оскорбленіи величества» или наряжалъ слѣдствія надъ небывалыми заговорщиками... Неосторожное слово, вырвавшееся въ бесѣдѣ съ самыми близкими родными, воодушевленный тостъ, провозглашенный на дружеской пирушкѣ—и этого было достаточно, чтобъ десятки гражданъ шли на казнь по мановенію того, кто вчера еще ползалъ въ пыли передъ Рицимеромъ или Орестомъ и постыдно торговалъ народными интересами. Есть много поборниковъ деспотизма (римскаго), старающихся оправдать его величіемъ императорской диктатуры и возвышенностью правительственныхъ цѣлей; но та узкая форма самовластья, которая проявилась въ дѣятельности послѣднихъ римскихъ цезарей, лишена всякаго нравственнаго оправданія и ничего не можетъ возбудить въ душѣ историка, кромѣ глубокаго омерзенія.

Мудрено ли, что народъ, погрязшій въ рабствѣ и не умѣвшій различить идею имперіи отъ идеи цезаря, оставался глухъ ко всякому патріотическому призыву?

Впрочемъ во второй половинѣ V-го вѣка политическая и нравственная жизнь имперіи очень слабо тяготѣла къ Риму. Пробѣгая лѣтописные памятники этой эпохи, безпрерывно встрѣчаешься съ фактами, свидѣтельствующими, какъ сильно успѣли къ тому времени выдвинуться на первой планъ провинціальные интересы, и какъ мало по малу ослабѣла внутренняя связь, соединявшая нѣкогда трансальпійскія области съ столицей Италіи. Бюрократическая язва, всосавшаяся во всѣ поры народнаго организма, успѣла окончательно загубить только апеннинскій полуостровъ, между тѣмъ какъ въ Галліи, Илиріи, Панноніи и верхне-дунайскихъ провинціяхъ бродило еще много свѣжихъ народныхъ силъ. Нравственное обаяніе, которымъ облечена была идея имперіи, сохраняло только очень слабое вліяніе въ этихъ полу-римскихъ странахъ, и едва ли могло повести къ какимъ нибудь смѣлымъ и рѣшительнымъ проявленіямъ народнаго патріотизма. Италія съ малодушнымъ эгоизмомъ продала провинціи варварамъ; имѣла ли она право требовать отъ нихъ дѣятельнаго сочувствія ея собственнымъ, императорскимъ интересамъ? Провинціи не хотѣли болѣе знать имперіи, не считали себя связанными съ ней

никакими нравственными узами, и каждая изъ нихъ старалась на самой себѣ сосредоточить всю свою дѣятельность. Римская исторія въ эту эпоху, по выраженію Амедея Тьерри, дробится точно также, какъ и римская территорія. Галлія, Испанія, Британія, чувствуютъ въ себѣ призывъ къ самостоятельной жизни и спѣшатъ замкнуться каждая въ отдѣльное независимое цѣлое. Изучать ихъ въ непосредственной связи съ Италіей становится невозможно: каждая изъ нихъ заявляетъ уже программу своей собственной личной исторіи, и стремится расторгнуть послѣднія звѣнья, приковывающія ихъ къ Риму.

Говоря такъ, мы въ отношеніи Галліи нѣсколько опередили исторію: въ разсматриваемую нами эпоху, эта провинція—и особенно юговосточная часть ея—не только состоитъ въ самой непосредственной связи съ имперіей, но даже, можно сказать, сосредоточиваетъ на себѣ весь интересъ римской исторіи. Возстаніе Оверни на защиту гальской національности, мужественная борьба Экдиція съ Готами, патріотическая дѣятельность Аполлинарія Сидонія, возведеннаго въ то время въ достоинство епископа—вотъ единственныя явленія послѣднихъ годовъ римской имперіи, вызывающія симпатію историка. Галлія одна сохраняла еще идею прежнихъ лучшихъ временъ имперіи, въ ней жило еще сознаніе національности и стремленіе къ дѣятельной борьбѣ съ врагами классическаго міра. Можетъ быть, то же самое проявилось бы и въ другихъ провинціяхъ; но, къ несчастію, въ то время только одна Галлія, благодаря своему географическому положенію и нѣкоторымъ чисто внѣшнимъ и случайнымъ причинамъ, находила въ себѣ достаточно силы къ продолжительному отпору варварамъ. Въ Испаніи, Британіи, Африкѣ, римскій элементъ былъ слишкомъ слабъ для того, чтобъ отстоять идею римской національности посреди наплыва германскихъ народовъ; при томъ же, эти провинціи были оторваны отъ имперіи еще за долго до той эпохи, которую мы разсматриваемъ, и въ каждой изъ нихъ бродила уже закваска новой, не-римской, гражданственности. Что касается до дунайскихъ провинцій, которыя въ теченіи пяти вѣковъ были предметомъ ожесточенной борьбы между Римлянами и варварами, то онѣ представляли въ это время самое печальное зрѣлище. Незащищенныя никакими природными рубежами отъ внѣшняго нападенія, отдѣленныя высокими горными кряжами отъ Италіи, онѣ никогда не принадлежали имперіи безраздѣльно, и римскій элементъ никогда не могъ тамъ прочно укорениться. Это было перепутье всѣхъ германскихъ племенъ, большая дорога народныхъ

передвиженій. Сюда, въ теченіи вѣковъ, врывались всѣ гальскія, германскія и финскія племена, стремившіяся на западную имперію, и переходы ихъ оставили во всей странѣ неизгладимые слѣды опустошенія и смерти. Утвердить прочный гражданственный бытъ здѣсь не было никакой возможности. Вся страна представлялась изрѣзанною обширными становищами германскихъ племенъ, безпрерывно передвигавшимися съ мѣста на мѣсто, и откуда варвары производили внезапные набѣги другъ на друга или на сосѣднихъ Римлянъ и образовывали во всѣхъ гористыхъ мѣстностяхъ многолюдные разбойничьи центры. Между этими становищами хищныхъ варварскихъ дружинъ встрѣчались кое гдѣ небольшія полосы земли, заселенныя Римлянами, робко жавшимися другъ къ другу подъ стѣнами какого нибудь уцѣлѣвшаго города или въ затишьи дикой горной котловины. Сообщеній между этими жалкими обрывками западной имперіи почти не существовало: каждый шагъ за рубежемъ селенія грозилъ рабствомъ или смертью. Слабость и безпечность правительства доходили здѣсь до крайнихъ предѣловъ: часто населеніе цѣлыхъ городовъ подвергалось голодной смерти, потому что никто не заботился о народномъ продовольствіи, никто не думалъ дѣлать заблаговременныхъ запасовъ. Часто шайка бездомовныхъ варваровъ перехватывала обозы съ съѣстными припасами, и городскіе жители, не смѣя показаться за стѣнами, съ мучительнымъ безпокойствомъ ждали, не доставитъ ли имъ какой нибудь случай новыхъ подвозовъ. Во внутреннемъ городскомъ управленіи царствовалъ совершенный хаосъ; магистратъ не имѣлъ никакой силы, высшихъ муниципальныхъ чиновниковъ часто по нѣскольку лѣтъ не было на лицо. Всѣ связи гражданственности распались, всѣ узаконенія потеряли силу и приложимость; въ общественной жизни господствовали произволъ и грубое насиліе, и эгоизмъ былъ для каждаго единственнымъ правомъ и единственной религіей.

Но чувство законности, стремленіе организоваться во что-бы то ни стало и какимъ бы то ни было образомъ, никогда не умираетъ въ обществѣ. Въ эпоху страшныхъ потрясеній общество находитъ въ самомъ себѣ какое нибудь жизненное начало, уцѣлѣвшее посреди всеобщаго погрома, и вручаетъ ему на время верховную диктатуру. Этотъ новый порядокъ всегда бываетъ уродливъ, всегда носитъ на себѣ характеръ той ненормальной, критической эпохи, которая его породила; но онъ принимаетъ на себя высшее полномочіе—удержать общество отъ конечнаго распаденія до той поры, когда

изъ всеобщаго хаоса возникнетъ новый, болѣе законный строй его. Такой диктатурой облеченъ былъ національный конвентъ среди разгрома французской революціи; съ такой же миссіей выступила христіанская теократія въ эпоху паденія древняго міра.

«На западномъ склонѣ горы Каленберга (Цеттіи у древнихъ), говоритъ Ам. Тьерри, на покатости долины, поросшей виноградниками, показываютъ слѣды древней пустыни, не вдалекѣ отъ которой возвышаются два селенія и двѣ церкви, носящія имя св. Северина. Изрѣдка богомольцы приходятъ еще по преданію къ этимъ развалинамъ, которыя въ средніе вѣка привлекали безчисленныя толпы вѣрныхъ, стекавшихся сюда съ обоихъ береговъ Дуная, чтобъ посѣтить землю, по которой нѣкогда ступалъ великій апостолъ Норика. Тысяча четыреста лѣтъ тому назадъ эти холмы, какъ и теперь, были усажены виноградниками, что доказываетъ ихъ древнее латинское прозваніе *ad Vineas*; но въ половинѣ V-го вѣка, въ эпоху, съ которой начинается нашъ разсказъ, война уничтожила винодѣліе, разсѣяла жителей и превратила веселую долину въ пустыню. При всемъ томъ, эта долина была мѣстопребываніемъ правительства, дѣятельность котораго обнимала четыре провинціи и продолжалась не менѣе двадцати восьми лѣтъ, — страннаго правительства, въ одно и тоже время кроткаго и деспотическаго, безъ всякихъ другихъ узаконеній, кромѣ заповѣди о любви. Это былъ добровольно признанный деспотизмъ, у котораго капитоліемъ была келья, а тираномъ — монахъ.» (p. 141—142).

Это явленіе запечатлѣно такимъ оригинальнымъ характеромъ, такъ ясно отражаетъ въ себѣ своеобразныя черты той смутной, критической поры, которая вызвала его существованіе, что мы позволимъ себѣ разсказать о немъ здѣсь съ нѣкоторыми подробностями.

Чрезъ годъ послѣ смерти Аттилы, въ Панноніи появился бѣдный странникъ, одѣтый въ рубище и милостынею добывавшій себѣ пропитаніе. Его чистый латинскій выговоръ, его образованность и благородство обращенія обличали въ немъ уроженца Италіи и человѣка знатнаго происхожденія. Но грязные лохмотья отталкивали отъ него очерствѣвшихъ среди постоянныхъ бѣдствій Паннонцевъ, и никто не хотѣлъ подать ему милостыню, никто не хотѣлъ пріютить его у себя въ домѣ. Бѣдный странникъ погибъ бы отъ голода и

ненастья, еслибъ одинъ набожный привратникъ не принялъ его въ свою скромную хижинку.

Этотъ безвѣстный пришелецъ называлъ себя Северпномъ. Ему было тогда около тридцати лѣтъ. Никто не зналъ, откуда пришелъ онъ, гдѣ провелъ свою молодость: непроницаемая тайна покрывала его происхожденіе и первые годы его жизни. Изъ отрывочныхъ, неясныхъ намековъ, вырывавшихся иногда противъ воли изъ устъ молчаливаго монаха, можно было только заключить, что еще въ ранней юности, увлекаемый страстью къ созерцательной жизни, онъ покинулъ родину, долго странствовалъ по востоку, подвергаясь многоразличнымъ опасностямъ, которыя всѣ, по его словамъ, преодолѣлъ онъ чудеснымъ образомъ, и наконецъ, слѣдуя велѣнью божьему, вернулся въ Европу. Болѣе ничего не могли узнать отъ него о его прошлой жизни: на всѣ распросы онъ хранилъ упорное молчаніе.

Городъ, въ которомъ поселился Северинъ, назывался Астурой. Это было важное складочное мѣсто на берегу Дуная, сохранившее еще слѣды своего прежняго богатства. Здѣсь началъ Северинъ ту высокую миссію, къ которой, какъ онъ твердо вѣрилъ, былъ призванъ самимъ Богомъ, и которая наполнила послѣднія тридцать лѣтъ его безпокойной жизни. Едва пріютившись у бѣднаго церковнаго привратника, онъ сталъ ходить по городу, призывая богатыхъ къ воздержанію и милостыни, вымаливая одежду и пропитаніе для бѣдныхъ, проповѣдуя покаяніе, постъ и молитву; указывая на варваровъ, бродившихъ день и ночь подъ стѣнами города и ежеминутно угрожавшихъ нападеніемъ, онъ называлъ ихъ вѣстниками гнѣва Божьяго. Самъ онъ велъ жизнь, исполненную трудовъ и лишеній. Онъ спалъ на голой землѣ, подославъ только власяницу, и не зналъ, что такое теплая одежда. По глубокимъ снѣгамъ, наметеннымъ горнымъ вѣтромъ, ходилъ онъ босыми ногами; пищу его составляла трава, и употреблялъ онъ ее разъ въ сутки.

Въ первые годы своей миссіи, Северинъ не имѣлъ никакого успѣха. Общество оставалось совершенно равнодушно къ его увѣщаніямъ, а духовенство, утопавшее въ развратѣ и оскорбленное его смѣлыми обличеніями, готово было поднять противъ него знамя преслѣдованія. Раздраженный упорствомъ Астурцевъ, Северинъ проклялъ ихъ городъ и предсказалъ ему близкую гибель отъ руки варваровъ. Ко всеобщему изумленію и ужасу, пророчество Северина

исполнилось очень скоро: варвары, давно уже сторожившіе удобную минуту, воспользовались какимъ то шумнымъ полу—языческимъ праздникомъ, на которомъ всѣ жители перепились пьяны, напали на городъ и наполнили его убійствами. Предсказать это событіе, конечно, было очень не трудно, но, тѣмъ не менѣе, удачное пророчество Северина произвело по всей странѣ сильное впечатлѣніе. Жители Комагена, куда удалился Северинъ изъ Астуры, признали его святымъ, пророкомъ, и съ энтузіазмомъ поддались его вліянію. По всему Норику распространился слухъ объ этомъ будто—бы необыкновенномъ событіи; вездѣ только и говорили, что о пророкѣ, пришедшемъ съ востока, и отовсюду стекались къ нему толпы легковѣрныхъ, частью изъ любопытства, частью по религіозному увлеченію. Северинъ вдругъ сдѣлался оракуломъ всей страны: къ нему приходили совѣщаться объ общественныхъ дѣлахъ и домашнихъ нуждахъ, города стали приглашать его въ свои стѣны, съ увѣренностью, что присутствіе его принесетъ имъ счастіе. Съ каждымъ днемъ репутація Северина, какъ пророка, возрастала; довольно было самаго простаго случая, самаго незначительнаго событія, чтобъ прибавить новый чудесный расказъ къ исторіи подвиговъ «человѣка Божьяго». Однажды жители города Тибурніи медлили выслать къ Северину взносъ одеждъ и провизіи, котораго тотъ энергически требовалъ отъ нихъ для бѣдныхъ. Разгнѣванный такимъ равнодушіемъ къ его просьбѣ о милостынѣ, Северинъ вскричалъ: «вѣрно, они берегутъ свое богатство для варваровъ!»—и когда черезъ нѣсколько времени Тибурнія была разграблена Готами, народъ приписалъ это чуду, хотя каждый зналъ, что предсказать нападеніе варваровъ въ то время было болѣе чѣмъ не трудно.

Северинъ, съ своей стороны, старался извлечь всевозможную пользу изъ рода предвидѣнія, и оказалъ много истинныхъ благодѣяній странѣ. Его предусмотрительность не знала границъ; совѣты его, всегда основанные на здравомъ соображеніи и глубокомъ знаніи мѣстныхъ условій, были спасительны для каждаго, кто прибѣгалъ къ нимъ. Однажды многочисленная и хорошо вооруженная шайка варваровъ напала на одно селенье близъ города Фавіана, въ которомъ съ нѣкотораго времени жилъ Северинъ, разграбила домы, угнала стада и увлекла въ рабство множество жителей съ ихъ женами и дѣтьми. Нѣкоторымъ изъ этихъ несчастныхъ удалось бѣжать. Одни отправились прямо къ Северину. «Человѣкъ божій! го-

ворили они ему, обнимая его колѣна; возврати намъ нашихъ братьевъ, похищенныхъ разбойниками, освободи нашихъ женъ и дѣтей отъ постыднаго рабства!» Северинъ распросилъ ихъ подробно о всемъ случившемся, и получивъ удовлетворительныя свѣдѣнія о числѣ хищниковъ и о направленіи, какое они приняли, успокоилъ колоновъ и, не теряя ни минуты, отправился къ трибуну Мамертину, коменданту Фавіана, и передалъ ему все, что слышалъ. «Достаточно ли у тебя солдатъ, чтобъ пуститься въ погоню за разбойниками?» спросилъ онъ его. «У меня только горсть людей, плохо вооруженныхъ, съ которыми нельзя отважиться на подобное предпріятіе», отвѣчалъ Мамертинъ. «Не отчаявайся, возразилъ Северинъ, — если у твоихъ людей мало оружія, они добудутъ его отъ непріятеля.» И затѣмъ, изложивъ передъ комендантомъ обдуманный имъ планъ аттаки, Северинъ убѣдилъ его отправиться на поимку хищниковъ. Планъ этотъ былъ такъ хорошо составленъ, что предпріятіе увѣнчалось полнымъ успѣхомъ. Гарнизонъ накрылъ варваровъ среди шумной оргіи, забралъ многихъ изъ нихъ въ плѣнъ, снялъ цѣпи съ римскихъ колоновъ, уведенныхъ въ рабство, и съ торжествомъ вернулся въ городъ. Съ этихъ поръ, варвары стали бояться Северина и не приближались болѣе къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ утверждалъ онъ свое пребываніе.

Среди подобной дѣятельности, Северинъ вдругъ ощутилъ въ себѣ непреодолимое стремленіе удалиться въ пустыню и зажить отшельникомъ. Онъ неожиданно исчезъ изъ Фавіана, стараясь скрыть слѣды свои, и когда, послѣ долгихъ поисковъ, Фавіанцамъ удалось найти его — онъ жилъ уже въ той самой долинѣ *ad Vineas*, о которой мы приводили слова Ам. Тьерри, на скалѣ цеттійской горы, въ кельѣ, построенной собственными руками его. Скоро однакожъ Северинъ почувствовалъ необходимость возвратиться въ городъ, и объявилъ обрадованнымъ Фавіанцамъ, что онъ намѣренъ жить среди людей и основать монастырь въ окрестностяхъ Фавіана.

Монастырь этотъ возникъ очень быстро, потому что Фавіанцы ревностно работали надъ его построеніемъ, надѣясь этимъ средствомъ навсегда удержать Северина въ предѣлахъ своего округа. Слова основателя скоро привлекли въ эту обитель такое множество желавшихъ принять иноческій санъ, что Северинъ нашелъ возможнымъ открыть другой монастырь, близь Пассау. Самъ онъ жилъ попере-

мѣнно то въ томъ, то въ другомъ, но вездѣ избѣгалъ общества и даже рѣдко являлся въ кругу учениковъ своихъ, предпочитая всему уединеніе и подвижничество.

Съ этихъ поръ, задушевныя намѣренія и надежды Северина начали ясно обозначаться: онъ построилъ въ умѣ своемъ громадный, величественный по замыслу планъ — обновить общество посредствомъ любви, вдохнуть въ омертвѣвшій организмъ разлагавшагося міра новую жизнь, исполненную самоотверженія и дѣятельнаго сочувствія къ ближнему. Но этотъ планъ, конечно, былъ слишкомъ великъ и грандіозенъ, чтобъ придти къ осуществленію въ грубой и зачерствѣвшей въ эгоизмѣ средѣ того общества, которому посвятилъ Северинъ свою дѣятельность. Это была утопія, — правда, высокая и благородная, но безплодная и неприложимая къ дѣлу.

Надо, впрочемъ, отдать справедливость Северину: онъ избралъ прямой и честный путь къ осуществленію своей мечты. Въ его характерѣ не было фанатизма; онъ не хотѣлъ знать, къ какой сектѣ принадлежалъ тотъ или другой членъ общества и каковы были его богословскія убѣжденія; католикъ, аріанинъ, даже язычникъ — всѣ находили у него одинаково радушный пріемъ и сочувствіе. Находясь въ самыхъ близкихъ сношеніяхъ съ аріанами–Ругіями, онъ ни разу не позволилъ себѣ сдѣлать попытку къ обращенію ихъ въ православіе. Самая религія, которую онъ исповѣдывалъ, не имѣла въ себѣ ничего исключительнаго и богословскаго: это былъ христіанскій энтузіазмъ, чуждый всякой нетерпимости и фанатизма. Всякій нуждающійся, къ какому бы племени и къ какому бы исповѣданію онъ ни принадлежалъ, смѣло стучался въ дверь его кельи и получалъ отъ него въ помощь все, что только было въ его распоряженіи. Обладая обширными по тому времени познаніями въ медицинѣ, онъ собиралъ цѣлебныя травы и лечилъ больныхъ; пользуясь своимъ вліяніемъ на страну, онъ убѣдилъ всѣхъ достаточныхъ колоновъ устроить въ разныхъ мѣстахъ запасные магазины для бѣдныхъ, куда каждое селеніе доставляло въ извѣстное время приходившуюся на его долю часть взноса хлѣбомъ и готовымъ платьемъ. Его заботливость о бѣдныхъ увлекала его часто даже къ деспотическимъ мѣрамъ: онъ съ неумолимою строгостью требовалъ отъ каждаго извѣстной части его имущества для своихъ запасныхъ магазиновъ и безпощадно преслѣдовалъ эгоизмъ и равнодушіе къ ближнему. Въ отношеніи къ духовенству, онъ былъ суровъ, неумолимъ; никто не могъ сравниться

съ нимъ въ безпощадной смѣлости обличенія. Для народа онъ былъ единственнымъ правительствомъ, единственной властью; кромѣ него, другаго авторитета не знало населеніе четырехъ провинцій. Подъ его добровольно признаннымъ господствомъ образовалась вполнѣ самостоятельная и независимая теократія, территорія которой обнимала обширную полосу по берегу Дуная и неприкосновенность которой почти тридцатъ лѣтъ уважали варвары. Въ послѣдніе годы жизни Северина, это была единственная провинція, въ которой римскій элементъ сохранялъ еще слѣды самостоятельности; и этой провинціей тридцать лѣтъ самовластно управлялъ монахъ, безъ всякаго права и титула, и дѣятельность котораго была вызвана и узаконена единственно неодолимою силою обстоятельствъ!

Но трудъ Северина рушился вмѣстѣ съ его смертью. Христіанская теократія не въ силахъ была въ эту эпоху противустоять неудержимому напору варваровъ. Едва умеръ Северинъ, какъ монастыри его были разграблены, селенія раззорены, жители избиты или уведены въ рабство. Всю страну затопили варвары, и надолго она утратила всякій слѣдъ жизни.

Но даже въ самую блестящую эпоху дѣятельности Северина, его правительственная миссія не была признана всѣми. То самое общество, которое онъ силился спасти подъ своей верховной диктатурой отъ конечнаго истребленія, представляло кое гдѣ въ ту эпоху странное и мрачное зрѣлище предсмертной агоніи. Въ нѣкоторыхъ городахъ, уцѣлѣвшихъ по какому нибудь счастливому случаю среди всеобщаго разрушенія, граждане собирались другъ къ другу на шумныя оргіи и, увѣнчанные цвѣтами, съ кубкомъ въ рукѣ, — ждали, пока мечъ варваровъ положитъ конецъ ихъ постыдному существованію. Въ другихъ концахъ издыхавшей имперіи, Римляне-христіане отрекались отъ своей религіи и приносили человѣческія жертвы богамъ древней Греціи... Эти жертвы были похоронною тризною древняго міра.

Въ заключеніе прибавимъ, что книга Ам. Тьерри, очень интересная по выбору предмета, далеко не удовлетворяетъ читателя. Въ ней нѣтъ ни зоркаго историческаго взгляда, ни смѣлой критической оцѣнки фактовъ, ни художественнаго воспроизведенія, какъ въ цѣльной и живой картинѣ Останавливая взглядъ на этомъ періодѣ римской жизни, намъ любопытно знать не ходъ внѣшнихъ событій (они были однообразны и безцвѣтны) а внутренній процессъ разложенія са-

маго общества; намъ любопытно подмѣтить, какъ въ этомъ обществѣ замирали силы одна за другой, какъ порывались связи и жизненныя ткани огромнѣйшаго соціальнаго организма и какъ, наконецъ, съ послѣднимъ ударомъ его пульса, римскій міръ умеръ послѣ нѣсколькихъ вѣковъ ужаснѣйшей агоніи. Такое всемірное явленіе ожидаетъ еще великаго историка.

В. Г. АВСѢЕНКО.

Histoire politique des papes, par P. Lanfrey. Paris. un vol. 1860.

Политическая исторія папъ. Ланфрэ.

Г. Ланфрэ принадлежитъ къ числу людей, ничѣмъ не запятнавшихъ себя въ эту грустную эпоху, замѣчательныхъ по твердости и чистотѣ своихъ убѣжденій. Его «Исторія французской революціи» надѣлала много шуму: изъ за нее онъ лишился мѣста инспектора въ Нормальной школѣ, но за то обратилъ на себя общественное вниманіе и получилъ приглашеніе отъ Journal des Debats быть постояннымъ его сотрудникомъ.

Новое сочиненіе г. Ланфрэ представляетъ замѣчательное явленіе во французской литературѣ, хотя и не можетъ выдержать строгой критики. Общіе законы антогонизма между папствомъ и имперіей, значеніе папства въ итальянскомъ развитіи, отношеніе Италіи къ Франціи выражены превосходно; но какъ скоро дѣло касается частностей исторіи Италіи,—авторъ оказывается несостоятельнымъ: онъ смотритъ на нихъ съ французской точки зрѣнія: ему не достаетъ того политическаго смысла, которымъ такъ богаты сочиненія Англичанъ и Итальянцевъ; сверхъ того нельзя не замѣтить нѣкоторыхъ мелкихъ промаховъ его въ фактахъ и совершеннаго незнанія исторіи Россіи. (*)

Приступая къ исторіи папъ, г. Ланфрэ ставитъ въ началѣ своего сочиненія слѣдующія два положенія, или, лучше сказать, двѣ аксіомы.

(*) Напр. см. стр. 110.

1) Дѣло касается учрежденія, а не человѣка, вопроса политическаго и историческаго, а не религіознаго; интересовъ Италіи, а не какой нибудь парижской котеріи.

2) Націи, исповѣдующія вѣру, основанную на милосердіи, не могутъ требовать, чтобъ народъ пожертвовалъ своей независимостью и національностью учрежденію, котораго сами они не захотѣли-бы сохранить за такую цѣну.

Принявъ эти положенія за безспорныя, авторъ переходитъ къ опредѣленію первобытнаго значенія христіанства. По его мнѣнію, это былъ прежде всего гигантскій порывъ человѣческаго духа, чтобы вырваться изъ царства силы. Ученіе это нравилось массамъ: оно было понятно имъ, оно равняло ихъ съ знатнѣйшимъ патриціатомъ вселенной. Такимъ образомъ, по самому характеру своему, христіанство не могло допустить олицетворенія духовнаго авторитета въ одномъ человѣкѣ. Правда, въ первое время встрѣчается имя папы, но оно придается всѣмъ архіепископамъ безъ различія. Не только римскіе архипастыри не имѣютъ никакого преимущества надъ своими товарищами, но и не обнаруживаютъ на то притязанія; всѣ прерогативы, которыми они впослѣдствіи пользовались, принадлежали соборамъ....

Но вскорѣ обстоятельства сложились такъ, что власть должна была сосредоточиться въ рукахъ одного лица. Это совершилось не вдругъ, не рядомъ постоянныхъ успѣховъ, но было куплено тяжелой цѣной нравственнаго униженія, отверженіемъ основнаго начала религіи, соединеніемъ непрерывныхъ обмановъ и злодѣяній.

Первое усиленіе церкви принадлежитъ Константину. При немъ христіанство сдѣлалось господствующимъ вѣроисповѣданіемъ въ имперіи. Въ 342 г. онъ запретилъ жертвы богамъ, подъ страхомъ смертной казни и конфискаціи имущества; тому-же наказанію подвергались губернаторы провинцій, оставлявшіе подобныя преступленія безъ наказанія. Церковь преслѣдуетъ во имя единства, какъ прежде преслѣдовала имперія. Указы Аркадія, Гонорія, Өеодосія и Валентиніана еще болѣе усиливаютъ вліяніе архіепископовъ (*); но какъ скоро

(*) Эти указы объявляли ересь манихеевъ государственнымъ преступленіемъ; виновные въ ней подвергались конфискаціи и лишенію всѣхъ правъ (mort civile); дѣти не могли наслѣдовать имъ (Аркадіи и Гоноріи). Потомъ эти наказанія были замѣнены смертною казнью; за другія же ереси виновные подвергались конфискаціи и ссылкѣ, и только въ случаѣ собраній или

церковь стала тождественна съ имперіей, она захотѣла стать на первомъ мѣстѣ—съ этихъ поръ духовенство пережило всѣ перипетіи королевства. Какъ скоро архіепископы увидѣли возможность усилиться, они приступили къ дѣлу съ рѣдкой осторожностью и послѣдовательностью. Во всѣхъ городахъ, гдѣ существовалъ защитникъ народа (послѣднее воспоминаніе о трибунахъ) должность эту занималъ архіепископъ (*). Опеки и попечительства также по большей части были въ рукахъ духовенства. Вообще оно присвоило себѣ всѣ благотворительныя должности, оставивъ свѣтской власти тѣ, которыя были непопулярны.

Перенесеніе столицы въ Византію, разумѣется, способствовало независимости западнаго духовенства болѣе, чѣмъ восточнаго. Постоянныя нашествія варваровъ сдѣлали власть восточныхъ императоровъ въ Италіи номинальною. Папы мастерски умѣли воспользоваться обстоятельствами; съ одной стороны они обращались къ національному чувству Римлянъ, сохранившихъ еще воспоминанія о прошедшемъ величіи; съ другой старались не доводить императоровъ до крайности. Самыми опасными врагами папства были варвары: Герулы, Готы, Лонгобарды, потому что лишали папъ возможности сдѣлаться свѣтскими государями. Характеръ папства — космополитизмъ; характеръ королевства—національность; естественно, эти два начала не могли ужиться... Папы рѣшились пожертвовать народностью Италіи для увеличенія своей власти. Пепинъ захотѣлъ быть королемъ; ему нужно было освятить чѣмъ нибудь похищеніе короны у законнаго государя, и онъ обратился къ папѣ.... Дарственная грамота Пепина и Карла Великаго подлежатъ большому сомнѣнію: извѣстія объ нихъ встрѣчаются только у одного Анастасія, бывшаго папскимъ библіотекаремъ сто лѣтъ спустя послѣ описанныхъ событій. Весьма вѣроятно, что права папъ были весьма ограничены. Карлъ былъ не такой человѣкъ, чтобы покориться кому-бы то ни было; какъ мало онъ ува-

---

крещенья—смерти. Тѣ, которые знали о манихсѣ и не доносили, наказывались смертью (Ѳеодосій и Валентиніанъ). Отступники лишались всѣхъ правъ; возбуждавшіе къ отступничеству другихъ теряли имущество и жизнь. Евреямъ было предписанó императоромъ Львомъ креститься подъ страхомъ тѣхъ-же наказаній; противъ аруспицієвъ и другихъ гадателей былъ изданъ цѣлый рядъ постановленій, назначавшій имъ костеръ и другіе виды смертной казни (Константинъ, Констанцій, Юліанъ).

(*) Нѣкоторые архіепископы занимали даже мѣста префектовъ.

жалъ духовенство видно изъ того, что онъ былъ девять разъ женатъ, уничтожалъ рѣшенія духовныхъ судовъ, какъ скоро онѣ казались ему неправильными, принялъ титулъ итальянскаго короля, чеканилъ монету съ своимъ изображеніемъ, разбиралъ споръ между папой и патріархомъ равенскимъ. Жалобы и докуки Адріана подтверждаютъ это мнѣніе; сверхъ того всѣ письма папъ начинаются датой царствованія восточныхъ императоровъ, что доказываетъ что прежняя зависимость еще существовала, хотя и номинально. Послѣдній разъ эта формальность встрѣчается десять лѣтъ спустя послѣ подтвержденія Карломъ дарственной грамоты Пепина.

Коронованіемъ Карла начинается новая эпоха исторіи папъ. Корона была возложена папой, какъ представителемъ римской республики, единственнаго источника императорской власти. Императоръ сдѣлался жертвой своего славолюбія; онъ былъ обманутъ Львомъ III онъ полагалъ, что право подтверждать избраніе папъ достаточно гарантируетъ его; но онъ ошибся: развѣ случайности наслѣдія могли спорить съ учрежденіемъ основаннымъ на расчетѣ и благоразуміи, олицетворявшемъ въ себѣ самое умное и опытное въ совѣтахъ церкви. Чего не могло быть при Карлѣ, то легко могло случиться при его слабыхъ преемникахъ.

Договоръ этотъ не имѣлъ ничего общаго съ древними преданіями, онъ походилъ на феодальный; на взаимное обязательство сеньера и вассала.

Съ этого времени въ Италіи возникаетъ антагонизмъ между графами и архіепископами. Папство становится духовной монархіей, единствомъ, и испытываетъ борьбу съ архіепископами, подобно тому какъ королевство борется съ баронами; другая борьба возникаетъ между властью свѣтской и духовной. Въ лицѣ папы соединяются два несовмѣстимыя начала: національность и космополитизмъ и осуждаютъ его на безконечную войну.

По смерти Карла Великаго начинаются притязанія папъ на право располагать короной. Въ основаніи правъ своихъ они положили ложныя декреталіи Изидора и мнимую дарственную запись Константина. Впослѣдствіи времени къ этому былъ прибавленъ подложный указъ Граціана. Лудовикъ простякъ (Debonnaire) былъ именно такой государь, какого только они могли желать. Единственное серьезное сопротивленіе встрѣтили они во французскомъ духовенствѣ; но не безкорыстная привязанность къ королямъ заставляла его такъ дѣй

ствовать. Французскіе прелаты надѣялись сами управлять королями. Тотъ самый Гинкмаръ, который писалъ къ Адріану III отъ имени своего государя «знайте, что мы, короли Франціи, рождены отъ царской «крови и до сихъ поръ были владыками земли, а не намѣстниками рим-«скихъ первосвященниковъ. Короли и императоры, которыхъ Богъ «поставилъ управлять міромъ, позволили епископамъ управлять эпархіей «сообразно съ закономъ, но никогда не были ихъ экономами; пере-«смотрите посланія своихъ предшественниковъ, вы нигдѣ не найдете, «чтобъ они писали къ нашимъ предкамъ въ томъ тонѣ, какъ вы», этотъ самый Гинкмаръ писалъ потомъ къ Лудовику III: «не вы избрали меня, «чтобъ править церковью, но я съ моими товарищами избралъ васъ «для управленія королевствомъ. съ тѣмъ, чтобы вы соблюдали за-«коны». Такимъ образомъ и въ церкви отразился общій законъ раз-витія—децентрализація. Въ Италіи борьба свѣтской власти съ духов-ной кончилась низложеніемъ графовъ; борьба папства съ епископами — торжествомъ послѣднихъ. Нравственный авторитетъ епископата былъ выражаемъ такими людьми, какъ Гербертъ, св. Дунстанъ, Ро-муальдъ, Бонифацій, Адальбертъ. Что могъ противоставить имъ Римъ? папъ въ родѣ Іоанна XII. Но скоро является человѣкъ, который по-нялъ въ чемъ состояла сила папства, который понялъ, что только централизація можетъ возвратить папскому престолу прежнее значе-ніе. Это возможно было только съ помощію демократіи. Низшее ду-венство и монахи были главными его орудіями.

Реформа церкви была необходима: Стефанъ IX началъ ее съ по-мощію Гильдебранда. Симонія и бракъ духовенства дѣлаются глав-ными предметами гоненія; затронутые такъ живо въ своихъ интере-сахъ, архіепископы противятся римскому первосвященнику всѣми си-лами. Итальянская аристократія видитъ въ свѣтской власти папы препятствіе своему самоволію; римская демократія защищала его по-тому, что онъ льстилъ ея тщеславію всемірнымъ владычествомъ, а не по убѣжденію. Григорій VII прежде всего былъ человѣкъ ка-сты; напрасно приписываютъ ему демократическія стремленія: онъ легитимировалъ завоеваніе Англіи Вильгельмомъ, Сициліи Робертомъ Гискаромъ; онъ принялъ однообразіе за порядокъ, неподвижность за прочность; безсознательное послушаніе за гармонію, всеобщее угне-тѣніе за спокойствіе. Онъ добросовѣстно вѣрилъ этому и дозволялъ себѣ всѣ средства для достиженія цѣли. Г. Ланфрэ увѣряетъ, что этотъ папа не можетъ упрекнуть себя ни въ одномъ изъ тѣхъ кро-

вавыхъ жертвоприношеній, которыя обагряли впослѣдствіи римскій пурпуръ; онъ говоритъ, что онъ былъ великодушенъ и милосердъ къ личнымъ врагамъ. Но развѣ война, зажженная происками Григорія, раззорившая Германію, обагрившая Италію кровью лучшихъ дѣтей ея, не стоитъ войнъ Юлія II и Льва. Можно-ли назвать милосерднымъ человѣка, который для удовлетворенія своего честолюбія, требовалъ, чтобы тысячи бросили семейство и, такимъ образомъ, не имѣя на землѣ никакихъ прочныхъ привязанностей, предались вполнѣ ему. Эта мѣра была тѣмъ болѣе несправедлива, что духовенство Германіи не было въ то время такъ развращено, какъ духовенство Италіи.

Программа Григорія VII ясно доказала еще разъ невозможность всемірной монархіи; съ него начинается паденіе папства. Урбанъ II продолжаетъ войну противъ Генриха но не противъ принципа. На самый крестовый походъ смотрѣлъ онъ съ своекорыстной точки зрѣнія: онъ считалъ его средствомъ къ возстановленію своей власти въ Римѣ и удаленію императорскихъ войскъ изъ своихъ владѣній.

Еще разъ поднимаетъ папство голову при Иннокентіи III. Это былъ достойный преемникъ Григорія. Таже желѣзная воля, тотъ-же глубокій умъ, но только болѣе жестокости, болѣе безсовѣстности въ выборѣ средствъ. Онъ превосходно понималъ, что начало индивидуальной свободы опаснѣе для его владычества чѣмъ всѣ ереси. Папы охотно мирились съ демократическими тенденціями, стремившимися къ равенству, потому что онѣ вели къ деспотизму. Самыми опасными врагами папства были тѣ идеи и учрежденія, которыми пытались поднять человѣка посредствомъ его личной энергіи и свободнаго развитія нравственной и умственной дѣятельности. Въ короткое время, честолюбіе Иннокентія облило кровью всю Европу: 4-й крестовый походъ; преслѣдованіе Албигойцевъ, война съ Альмогадами; смуты въ Англіи; войны Филиппа-Августа и Оттона—все это было плодомъ его соображеній. Сознавая, что главнѣйшая опора его власти въ монахахъ, онъ учредилъ новые ордена ихъ: францисканцевъ и доминиканцевъ. Эти легіоны разрушили феодальную церковь, тѣмъ легче, что она во многихъ странахъ была подкопана коммунами; но выигравъ здѣсь, Иннокентій потерялъ въ Англіи, которая вырвала Великую Хартію изъ рукъ Ивана Безземельнаго, не смотря на папу; потерялъ во Франціи, въ которой Филиппъ Августъ, разбивъ войска Оттона при Бувинѣ, послалъ сына своего въ Англію, не обра-

щая вниманія на запрещеніе Иннокентія. Разгнѣванный первосвященникъ рѣшился воздвигнуть на ослушниковъ все христіанство, но смерть прекратила его замыслы.

Разсматривая правленіе Иннокентія III, мы видимъ, что онъ привелъ въ дѣйствіе всѣ пружины всемірной монархіи. Запрещенія, отлученіе отъ церкви, крестовые походы, помазанія, инквизиція, индульгенціи, составленіе фальшивыхъ документовъ—все было употреблено для того, чтобы остановить успѣхи человѣческаго разума. И противъ какихъ противниковъ употребляется столько средствъ: противъ последователей бѣдныхъ философовъ, сильныхъ только мыслью. Не прошло ста лѣтъ по смерти Абеляра и уже Арнольдо Брешіанскій успѣлъ поколебать папскій престолъ въ Италіи, а многочисленныя толпы Албигойцевъ грозили отнять у папъ югъ Франціи; въ Англіи же Готье Мапсъ и Мэтью Парисъ являются какъ—бы предшественниками Виклефа и громятъ духовенство за его пороки. Такое положеніе вещей не могло продолжаться: государи видѣли, что папы прибѣгали постоянно къ возбужденію бунтовъ, какъ единственнаго средства для достиженія своихъ цѣлей, какъ—бы малы они не были. И вотъ вскорѣ является достойный соперникъ папства, императоръ Фредерикъ II. Онъ сражается съ папами, обращаясь къ общественному мнѣнію; онъ раскрываетъ тайны римской политики въ своихъ манифестахъ и письмахъ къ государямъ; онъ, вмѣстѣ съ трубадурами Прованса, въ ѣдкихъ сирвентахъ смѣется надъ папами, выставляя ихъ пороки на посмѣяніе свѣту.

Папство поразило своего противника, но за то онъ нанесъ ему такой ударъ, послѣ котораго оно никогда уже не могло стать на прежнюю высоту.

Первые признаки упадка теократіи обнаружились въ истощеніи финансовъ: папская казна была бездонная бочка, которую не могли наполнить ни приношенія вѣрующихъ, ни церковныя подати. Для Италіи настаетъ періодъ синьоровъ и кондотьеровъ, а при такихъ условіяхъ папа могъ поддержаться только деньгами. Бонифацій VIII былъ полное олицетвореніе этого періода. Онъ обогатился, но истратилъ всѣ сокровища на безплодную борьбу съ Филиппомъ Красивымъ и Фредерикомъ III, королемъ Тринакріи.

Съ перенесенія папской резиденціи въ Авиньонъ начинается новая эпоха: папы дѣлаются покорными слугами французскихъ королей. Они утрачиваютъ свое космополитическое значеніе и теряютъ

свѣтскую власть въ Италіи: Римъ раздирается партіями Колонна и Орсини. Народъ страдаетъ; сенаторъ и папскій викарій не въ силахъ остановить безпорядковъ. Съ отсутствіемъ папы Римляне потеряли и обольщеніе преданія, и возможность наживаться отъ пилигримовъ. Это заставило ихъ сблизиться съ папами, которымъ, съ своей стороны, тоже наскучило быть въ зависимости у французскихъ королей. Но прежде чѣмъ переселиться въ столицу католическаго міра, римскіе первосвященники захотѣли возвратить себѣ хотя часть прежней власти. Революція Ріенци, совершенная съ помощью архіепископа орвіеттскаго, казалось выполняла ихъ намѣренія, но они не поняли характера трибуна. Духъ Арнольда жилъ въ немъ: онъ мечталъ о возрожденіи церкви съ помощью первоначальнаго преданія и нищенствующихъ орденовъ; но Ріенци присоединилъ къ этому еще римско–республиканское преданіе, сильное языческимъ классицизмомъ: т. е., слилъ два элемента, которые не могли существовать вмѣстѣ. Напрасно г. Ланфрэ обвиняетъ трибуна въ трусости и непослѣдовательности; напрасно называетъ его фразеромъ безъ характера. Очевидно авторъ пользовался анонимной біографіей Ріенци, помѣщенной у Муратори, въ томѣ, заключающемъ отрывки итальянской исторіи (Frammenti di Storia d'Italia). Къ этому источнику прибѣгаетъ большая часть французскихъ историковъ; но болонская хроника и флорентинскіе историки совершенно другаго мнѣнія о характерѣ трибуна. Трусость его опровергается битвой подъ стѣнами Рима, гдѣ онъ выказалъ блестящее мужество; воля его не сломилась ни изгнаніемъ, ни заточеніемъ; фразерство его заставляло плакать и увлекало массы, потому, что всякое слово исходило изъ сердца, наболѣвшаго отъ бѣдствій народа; непослѣдовательность его происходила отъ хода событій: сперва онъ былъ чисто народнымъ трибуномъ и мечталъ о народномъ единствѣ въ формѣ республиканской федераціи; потомъ, не отказываясь въ душѣ отъ этого плана, онъ хотѣлъ совершить его съ помощью папства. Народъ въ обоихъ случаяхъ измѣнилъ ему, потому что не былъ достаточно развитъ, потому что сражался противъ личностей, а не противъ принциповъ. Правленіе папъ оставило глубокіе слѣды въ народной жизни. Жадность, безсовѣстность и эгоизмъ Римлянъ обратились въ пословицу. Преданіе республиканское, на которое опирался Ріенци, было несвоевременно и не вязялось съ жизнью народа, умышленно развращаемаго въ теченіи вѣковъ.

Вскорѣ послѣ возвращенія папъ въ Римъ начинается великій рас-

колъ. Это было самымъ страшнымъ ударомъ для папства. Взаимныя проклятія, открытіе закулисныхъ тайнъ римскаго двора, раздробленіе власти—все это выставило папъ въ очень незавидномъ свѣтѣ; вѣрующіе утратили къ нимъ остатки уваженія: соборы стали выше ихъ, императоры, поддерживая соборы и опираясь на юристовъ, освободились совершенно изъ подъ папской опеки.... Папы поняли, что имъ надо было сдѣлаться первенствующими государями въ Италіи, чтобы имѣть довольно матеріальныхъ средствъ для приведенія своихъ приговоровъ въ дѣйствіе.

Съ этого времени начинается новая эпоха для папъ, эпоха усиленія ихъ власти, какъ итальянскихъ государей. Честолюбіе ихъ, развратъ и злодѣянія привели страну въ самое печальное положеніе. Никто справедливѣе Маккіавелли не высказалъ результатовъ ихъ политики. Вотъ что говоритъ онъ: «Порочные примѣры римскаго двора потушили у насъ остатки набожности и религіи, что влечетъ за собой пропасть затрудненій и безпорядковъ.... Церкви и ея служителямъ одолжены мы, Итальянцы, нашимъ безвѣріемъ и безнравственностью; но мы обязаны имъ еще болѣе, обязаны источникомъ нашей гибели: церковь постоянно поддерживала и поддерживаетъ раздоръ въ нашей несчастной странѣ.... Причина, почему Италія не могла соединиться ни подъ какимъ правленіемъ, ни подъ монархическимъ, ни подъ республиканскимъ — римская церковь, которая, извѣдавъ прелесть свѣтской власти, не имѣла ни довольно силы, ни довольно мужества, чтобы овладѣть остальной Италіей; съ другой стороны она никогда не была такъ слаба, чтобъ изъ боязни лишиться свѣтской власти, не могла призвать на помощь иноплеменниковъ.» (Discorsi. lib. 1, cap. XII.)

Эти иноплеменники пролили потоки итальянской крови, но нисколько не возвысили могущества папъ. Пора ихъ обаянія миновалась. Классическая древность и потомъ реформація потрясли ихъ тронъ въ самомъ основаніи. Централизація свѣтской власти проявилась въ громадныхъ размѣрахъ во Франціи и монархіи Карла V; Англія отдѣлилась окончательно; самый Римъ былъ разграбленъ и Климентъ VII принужденъ былъ согласиться на всѣ мирныя условія императора. Но неожиданная помощь спасаетъ одряхлѣвшій католицизмъ. Игнатій Лойола предлагаетъ проектъ ордена іезуитовъ. Папа съ восторгомъ ухватывается за эту мысль, и новая милиція идетъ повсюду утверждать поколебленное могущество главы католическаго міра. Такимъ

образомъ монашескіе ордена въ третій разъ спасаютъ папскій престолъ, дѣйствуя съ удивительнымъ тактомъ. При Иннокентіи надо было дѣйствовать на фанатизмъ народа, на его невѣжественныя страсти — и вотъ являются доминиканцы и францисканцы. Шестнадцатое столѣтіе представляло другія условія: безнравственность и скептицизмъ достигли до высшей степени; всѣ мелкія пружины политики синьоровъ были изучены до тонкости; думать о быстромъ возрожденіи централизаціи посредствомъ добродѣтели въ такомъ обществѣ было безуміемъ; тѣмъ болѣе, что врядъ ли человѣкъ съ здравымъ умомъ и чистою совѣстью, могъ чистосердечно стать за папство. Іезуиты знали это, знали, что довольно казаться добродѣтельнымъ, чтобъ внушить уваженіе людямъ, и потому притворство сдѣлали главнымъ догматомъ своего общества. Дѣйствуя такимъ образомъ, они въ скоромъ времени пріобрѣли огромное вліяніе на дѣла. Трентскій соборъ еще болѣе усилилъ власть папъ въ ущербъ епископату. Имперіи стало выгодно соединиться съ церковью, потому что у нихъ были общіе враги: демократія и протестантство, тѣсно связанныя между собою. Такимъ образомъ, утративъ половину католическаго міра, папство вздумало сохранить остальную учрежденіемъ инквизиціи и другими способами, недѣйствительность которыхъ имъ показали вѣка опыта. Хороша власть, которая основывается на тираніи, лицемѣріи и униженіи человѣческаго достоинства!

И такъ, изъ трехъ цѣлей, которыя папство задало себѣ въ началѣ XVI вѣка, ни одна не была достигнута: свѣтская власть папъ стала въ зависимость отъ политики императоровъ; освобожденіе Италіи кончилось испанскимъ протекторатомъ; истребленіе ереси отдѣленіемъ отъ католицизма Англіи и части Германіи. Конечно, въ сохранившихся областяхъ духовная власть папъ усилилась, но какой цѣною: Испанія бросила въ Италію цѣлые легіоны фанатиковъ—монаховъ и безсовѣстныхъ казуистовъ. Плодомъ этого нашествія было образованіе поколѣнія выродившагося, безнравственнаго, лицемѣрнаго. Папству предстояло или царствовать надъ рядомъ подобныхъ поколѣній, или трепетать за свою власть при малѣйшемъ развитіи народа. Оно избрало первое, и теперь Римъ представляетъсамое печальное зрѣлище во всей Италіи; стоитъ только прочитать книгу Абу объ Римѣ, чтобъ убѣдиться, до чего довели папы свою столицу: нищенство покровительствуется правительствомъ; воровство остается безъ наказанія; семейный развратъ вошелъ въ систему по милости духовенства; окрест-

ности Рима приведены въ запустѣніе папскими указами — вездѣ застой, вездѣ слѣды папскаго абсолютизма. А между тѣмъ сколько разъ событія показали, что нельзя управлять такимъ образомъ. Но все это оставалось тщетно для римскихъ первосвященниковъ: ни французская революція, ни тайныя общества, ни возстанія 1849 года, ни послѣднія происшествія не вразумили ихъ. При всякомъ удобномъ случаѣ они хватались за все, чтобъ возвратить утраченное значеніе. Іезуиты были самыми вѣрными ихъ помощниками. Пока Лудовикъ XIV находился подъ вліяніемъ галликанскаго духовенства, онъ не обращалъ вниманія на папскія притязанія; но едва подчинялся іезуитамъ, которыхъ интересъ былъ тождественъ съ папскимъ, какъ написалъ къ Иннокентію XII извинительное письмо, отрекаясь отъ деклараціи 1682. Самое уничтоженіе іезуитовъ было только номинально и стоило жизни несчастному Ганганелли. Вскорѣ потомъ они были возстановлены и получили еще больше вліянія на дѣла, чѣмъ прежде. Бѣдствія Испаніи, страданія ея колоній, развращеніе юношества въ цѣломъ свѣтѣ іезуитскимъ воспитаніемъ — вотъ плоды папства.

Возможно ли его существованіе, полезно ли оно, законно ли? Вотъ вопросы, на которые мы должны отвѣчать отрицательно.

Разсмотрѣвъ исторію его, мы нашли, что свѣтская власть его основана на обманѣ, на фальшивыхъ документахъ, что поддержаніе ея влекло за собой пропасть злоупотребленій и неудобствъ въ духовной части. Какъ свѣтскіе государи, папы раззорили свои владѣнія, не доставили счастія своимъ подданнымъ и вообще отличались замѣчательной административной тупостью. Мы не говоримъ уже о порокахъ ихъ.... Кому неизвѣстны злодѣянія Александра VII, тиранство Павла IV, симонія Бонифація VIII, безхарактерность и уклончивость послѣднихъ папъ? Много ли найдется изъ 264 папъ людей, подобныхъ Сиксту V и Клименту XIV? Многіе ли изъ нихъ заботились о нуждахъ народа, а не о расширеніи принципа о своей непогрѣшимости и правѣ разрѣшать отъ самыхъ священныхъ обязательствъ, принциповъ, вредныхъ для общественной нравственности.

Идея всемірной монархіи, какой-бы то ни было, давно уже осуждена разумомъ и опытомъ. Какъ только принимались за нее, съ помощью или безъ помощи папъ, честолюбцевъ ожидало совершенное паденіе. Наполеонъ I сталъ въ положеніе Карла Великаго и былъ осужденъ пережить всѣ борьбы папства съ имперіей. Напрасно онъ заставилъ Пія VII подписать знаменитый конкордатъ 1813 года:

едва союзники возстали на Францію — папа спѣшилъ отречься отъ своего обѣщанія. Точно также и теперь, пока папа находится подъ французскимъ вліяніемъ; онъ можетъ дѣлать незначительныя уступки, но какъ скоро придетъ благопріятная пора для него, кто поручится, что онъ не откажется отъ нихъ. Вѣдь подобные примѣры были не разъ. Г. Ланфрэ думаетъ, что переселеніе папы во Францію поможетъ злу; оно только польститъ народному тщеславію, но кажется, не принесетъ никакой пользы; вмѣстѣ съ папами переселятся туда и пороки папскаго двора; содержаніе его обойдется чрезвычайно дорого, а Франція и безъ того страдаетъ многочисленностью непроизводительныхъ классовъ. Усиленіе французской централизаціи централизаціей католической не произведетъ тѣхъ результатовъ, какъ прежде. Пора крестовыхъ походовъ миновалась, проклятія римскихъ первосвященниковъ не производятъ впечатлѣнія даже на католиковъ. Ими трогаются только тѣ, которыхъ интересы тѣсно связаны съ интересами папства, а такіе люди и безъ религіозныхъ побужденій станутъ горой за него. Разсматривая-же вопросъ съ исторической точки зрѣнія, мы видимъ, что нѣтъ никакихъ данныхъ для прочнаго утвержденія папства, какъ поддержки правительства, во Франціи. Исторія ея показываетъ удивительную измѣнчивость мнѣній: абсолютизмъ имѣлъ либеральныя мгновенія и либерализмъ деспотическія; литература колебалась между древне классической свободой и христіанскимъ фанатизмомъ; парламенты были то покорны до низости, то непослушны до бунта; Сорбонна поддерживала сегодня права государя, завтра права народа; іезуиты проповѣдывали въ политикѣ начала демократическія, а въ религіи деспотизмъ. Слѣды этой неурядицы сохранилась до сихъ поръ; но тѣмъ не менѣе развитіе націи совершилось.

Духъ независимости, не имѣя возможности проникнуть въ романскія расы путемъ религіознымъ, проникъ въ нихъ посредствомъ литературы и привелъ ихъ къ національной дѣятельности и политической свободѣ. Были моменты, когда абсолютизмъ останавливалъ это движеніе, но никогда не могъ его прекратить: оно совершалось подземными путями и прорывалось народными возстаніями. Такимъ образомъ при переселеніи папы во Францію представляются двѣ проблеммы: или Франція сдѣлается совершенно іезуитской и лишится своего значенія, или папство должно остаться въ ней какъ безполезный наростъ, замедляющій ея развитіе; въ этомъ послѣднемъ случаѣ пап-

ству предстоитъ переродиться или сдѣлаться совершенно ничтожнымъ. Для Италіи-же переселеніе папы куда-бы то ни было будетъ благодѣтельно, освобождая ее отъ одного изъ злѣйшихъ враговъ ея—преданія. Какая польза для ней въ учрежденіи, которое постоянно было враждебно національности; которое оставило по себѣ самыя кровавыя воспоминанія. Конечно для Италіи папа, лишенный свѣтской власти, менѣе вреденъ, чѣмъ для Франціи, потому что Италія прожила болѣе Франціи. Но папство, лишаясь свѣтской власти должно будетъ радикально переродиться; потому что большая часть его духовныхъ учрежденій устроена для поддержки свѣтской власти. Какое-же перерожденіе возможно для іезуитовъ, составляющихъ главную опору папскаго престола? Не вызоветъ-ли безконечныхъ неудовольствій отнятіе доходовъ у тѣхъ лицъ, которыя питались отъ дурнаго устройства римской администраціи? Безъ столкновеній дѣло не обойдется и единственное дѣйствительное средство противъ нихъ это гласность и повышеніе уровня народнаго образованія; чѣмъ просвѣщеннѣе страна, чѣмъ болѣе индивидуальной свободы, тѣмъ менѣе опасны папство и другія темныя порожденія среднихъ вѣковъ, основанныя на воображеніи и народномъ невѣжествѣ.

В. ПОПОВЪ.

Литературная корреспонденція.

Я былъ бы неправъ и оставилъ бы васъ безъ отвѣта, если бъ не указалъ на одно явленіе, въ высшей степени замѣчательное. По мѣрѣ того, какъ внѣшнее давленіе съуживало кругъ нашей литературной дѣятельности, общественная мысль тѣмъ глубже уходила въ себя, тѣмъ сильнѣй работала внутри своего собственнаго сознанія. Мы чувствуемъ, что въ насъ происходитъ серьезный умственный процесъ, обнимающій всѣ сословія, въ особенности ремесленныя; но никогда небыло видно такой тревожной дѣятельности среди рабочихъ классовъ, такого самоотверженія съ ихъ стороны въ пользу элементарнаго и высшаго образованія. Залы университета полны блузами;

техническія школы считаютъ до двѣнадцати тысячь воспитанниковъ самыхъ бѣдныхъ семействъ. Это подаетъ надежду и служитъ признакомъ живучести Франціи, въ которой иногда нельзя не усомниться.

Послѣ декрета 24 Ноября появилось множество новыхъ журналовъ, еще больше желанія издавать ихъ, но едвали всѣ эти увлеченія не ограничатся пустяками.

Вотъ почему появленіе такой книги, какъ «очерки философской и религіозной критики» Эдмонда Шерера производитъ пріятное впечатлѣніе. Авторъ ея—бывшій профессоръ въ Женевѣ, нѣкогда надѣлавшій столько шуму въ лагерѣ англійскаго и французскаго протестантизма своимъ знаменитымъ письмомъ, въ которомъ онъ разрушалъ поэтическій докладъ защитниковъ буквальной и мертвой религіи, закованной въ прежнія и старыя отжившія формы. Кто желаетъ знать крайніе предѣлы протестантской критики, за которыми начинается сфера чистаго разума, тотъ съ удовольствіемъ прочтетъ это сочиненіе.

Оно обдумано довольно глубоко и превосходно изложено. Понятіе о свободѣ совѣсти и философскаго анализа выступаетъ въ немъ такъ полно и логично, что намъ уже давно не приводилось читать ничего подобнаго въ этомъ родѣ.

Между тѣмъ неистощимая мастерская Дантю (*) работаетъ съ прежнимъ усердіемъ. Не проходитъ дня, чтобъ она не бросила въ публику какой нибудь книжонки о современномъ состояніи Европы. Въ числѣ этихъ случайныхъ порожденій дѣльнаго интереса, въ послѣднее время обратила на себя вниманіе брошюра, которую общій голосъ приписываетъ Эмилю Перейра.

(*) Дантю—парижскій книгопродавецъ и издатель всѣхъ мелкихъ и современныхъ монографій, которыя имѣютъ предметомъ вопросы настоящей минуты. Какая бы тема и къ какой бы отрасли литературы она не относилась: но если общественное мнѣніе интересуется этой темой, Дантю первый старается подать голосъ о ней. Извѣстіе сообщенное вчера телеграфической нитью, на другой день написано Дантю и передается публикѣ въ видѣ брошюры. Это дѣятельность необыкновенная, удовлетворяющая любопытство публики по первому ея запросу. Разумѣется, Дантю, какъ книгопродавецъ не заботится о направленіи или нравственной сторонѣ вопроса; главная цѣль его въ томъ, чтобъ прежде другихъ заявить политическую или спеціальную новость, въ болѣе подробномъ видѣ, чѣмъ передаютъ ее на листахъ газеты, и заявить, какъ можно выгоднѣе для своей лавки. Магазинъ Дантю находится въ Пале-Роялѣ, въ самомъ центрѣ города, и каждый годъ выпускаетъ не менѣе 40,000 брошюръ. *Отъ Ред.*

Въ ней доказывается Австріи, что продажа Венеціи за нѣсколько сотенъ милліоновъ поставитъ вѣнскій кабинетъ въ возможность спасти свое достоинство и, можетъ быть, существованіе. По мнѣнію автора, такая операція имѣетъ двойную выгоду: во первыхъ она пополнитъ пустую казну правительства, которое за исключеніемъ денегъ и кредита, не можетъ предпринять не только атаки, но даже выдержать обороны со стороны Дуная или Альпъ; вовторыхъ эта сдѣлка разомъ распутала бы тотъ гордіевъ узелъ, который затягиваетъ Австрію съ каждымъ днемъ больше и больше. Перейра, разсматривая вопросъ съ точки зрѣнія капиталиста и имѣя въ виду свои непремѣнные проценты, не останавливается передъ тѣмъ, чтобы продажа цѣлаго народа есть дѣло довольно щекотливое даже для репутаціи Австріи. При томъ мы сомнѣваемся, чтобы неловкая политика Габсбурговъ могла хорошо воспользоваться такимъ пріобрѣтеніемъ, если бъ оно и удалось ей; мы боимся, чтобъ эта наличная сумма вмѣсто поправленія внутренняго кредита, не пошла на выдѣлку бомбъ, висѣльныхъ веревокъ и тому подобнаго матеріала.

За герцогомъ слѣдуетъ маркизъ Рошжаклэнъ, бывшій орлеанистъ на пенсіи, а теперь сенаторъ съ 30,000 фр. годоваго оклада, набожный католикъ и человѣкъ, не имѣвшій никогда ни одной здравой идеи въ головѣ. Онъ громко возвѣщаетъ, что современное либеральное движеніе, хуже всемірнаго потопа, и окончится самыми чудовищными результатами, а именно, оно, по мнѣнію маркиза, разрѣшится расколомъ въ родѣ германской реформы или въ родѣ отступничества Генриха VIII въ Англіи. Италія по словамъ его, отдѣляясь отъ римскаго папы, имѣетъ тайную цѣль организовать національную церковь, первосвященникомъ которой будетъ Викторъ Эммануилъ, а Кавуръ и Гарибальди придворными кардиналами. Рошжаклэнъ заклинаетъ Францію не вдаваться въ это пагубное движеніе и заставляетъ Лудовика Наполеона отвѣчать себѣ: «будьте спокойны, маркизъ!»

Какъ ни пардоксально такое мнѣніе, но въ Парижѣ нашлись люди, озабоченные имъ. Первый толчекъ далъ ему — редакторъ газеты Nationale, г. Кайль; въ двухъ изданіяхъ: «Папа и Императоръ», и «Франція безъ папы» онъ требуетъ полной независимости галликанской церкви и переноситъ духовный авторитетъ на Лудовика-Наполеона. Увлекаясь казарменнымъ патріотизмомъ, онъ видитъ въ этой реформѣ какое-то новое величіе Франціи и, что особенно трудно объяснить,

какую-то національную прерогативу страны, которая будетъ созерцать на одной головѣ корону и тіару.

Всего этого я коснулся здѣсь единственно потому, чтобъ показать до какихъ нелѣпостей можетъ доходить литература, когда лишаютъ ее дѣйствительныхъ силъ, когда ханжи и ультрамонтаны мѣшаются въ вопросы нашего времени. Я убѣжденъ, что умная и добросовѣстная оппозиція помогаетъ разъясненію задачъ, занимающихъ общественное мнѣніе, она вноситъ противорѣчіе за тѣмъ, чтобъ лучше осмотрѣть то положеніе, на которомъ надо остановиться.

Вслѣдствіе этого, самыя ретроградныя партіи заслуживаютъ нѣкотораго вниманія, когда онѣ выражаютъ свои мнѣнія искренно. Но я не понимаю оппозиціи, основанной на одномъ матеріальномъ разсчетѣ, на тѣхъ узкихъ и часто пошлыхъ надеждахъ, которыми не перестаетъ утѣшать себя католическое духовенство, руководимое шайкой іезуитовъ. Напрасно они думаютъ, что если нѣсколько глупыхъ парижскихъ купцевъ еще продолжаютъ вѣрить ихъ запоздалой пропагандѣ, то имъ вѣритъ и большинство народа. Напротивъ, національному чувству Франціи всегда было противно это систематическое лицемѣріе *чернаго* сословія; иначе, пѣсни Беранже не были бы такъ популярны во Франціи.

Вѣроятно, настоящее мое письмо кончилось бы очень желчно, если бъ не освѣжила его сейчасъ доставленная мнѣ книга, тѣмъ болѣе интересная, что она говоритъ о личности, знакомой Россіи, хотя и не съ той стороны, съ какой слѣдовало бы знать ее..... Это-біографія народнаго поэта Венгріи, несчастнаго Петёфи, написанная той же опытной рукой, отъ которой мы недавно приняли исторію Гуніади или послѣдней венгерской революціи и прекрасный разборъ произведеній Эдгара Кине.

Петёфи былъ самаго темнаго происхожденія, сынъ содержателя пивной лавки; убѣжавъ изъ школы, онъ служилъ два года простымъ солдатомъ. Бѣднякъ и балагуръ, онъ былъ дитя народа и остался всю жизнь близокъ къ нему. Онъ раздѣлилъ все его горе, и не отрекался отъ него во время народныхъ бѣдствій, онъ честно служилъ своей странѣ и въ совѣтѣ и на полѣ битвы,—всегда и вездѣ....

Вышла еще новая книга Мишле. Съ того времени, какъ имперія закрыла историку доступъ къ университетской каѳедрѣ и лишила его возможности продолжать историческія работы такъ, какъ онъ началъ ихъ, Мишле обратился къ природѣ

Его «Птицы» и «Насѣкомыя» были популярными эскизами, съ удовольствіемъ прочитанными Франціей. Въ нихъ нѣтъ ни глубокихъ идей, ни строгаго плана, ни смѣлыхъ соображеній, свойственныхъ его соціальнымъ взглядамъ, но въ нихъ есть сочувствіе всему живому, теплота сердца, которая соединяетъ писателя съ массой. Мишле читается охотно особенно потому, что отвлеченныя идеи облекаются у него въ осязательные образы, и сила языка достигаетъ истинной поэзіи. Для критики, изъ стана католическихъ поповъ и трактирныхъ философовъ Парижа, послѣднія произведенія Мишле казались жалкими компиляціями ума, оставившаго болѣе серьёзное направленіе. На вопросъ одного изъ такихъ критиковъ: «почему г. Мишле, долго писавшій о людяхъ, вдругъ началъ изучать и говорить намъ о насѣкомыхъ?» авторъ Фронды отвѣчалъ очень мѣтко: «что дѣлать? людей стало мало, а насѣкомыхъ развелась тьма, особенно въ Парижѣ»....

Новое сочиненіе Мишле называется «Море». Въ немъ нѣтъ ничего цѣлаго, но отдѣльныя картины, взятыя изъ природы и жизни человѣка, кромѣ литературнаго художества замѣчательны оригинальностью мыслей. Взглядъ автора на плодовитость моря, которое онъ называетъ «маткою вселенной,» отличается величавой силой. Его замѣчанія о жизни, объ умственныхъ способностяхъ, о нравахъ и обычаяхъ жителей моря заставляютъ думать читателя, не изучавшаго спеціально этотъ предметъ.

Напрасно мы стали бы требовать отъ популярной книги точнаго знанія естественныхъ наукъ. Мишле не физіологъ, но коротко знакомъ со многими первостепенными умами, которыхъ сильно занимаютъ эти вопросы; онъ воспринялъ ихъ воззрѣнія, и, какъ должно было ожидать отъ такой поэтической организаціи, преимущественно обратилъ свое вниманіе не на спеціально научные ихъ опыты и изслѣдованія, а на теоретическія гипотезы и общіе взгляды. Мы слишкомъ уважаемъ Мишле, чтобъ относиться къ его произведеніямъ съ шутовскимъ тономъ, мы слишкомъ цѣнимъ такія личности, чтобъ говорить о нихъ съ пренебреженіемъ или гримасой, но мы не ослѣплены настолько, чтобъ не видѣть недостатковъ въ новомъ сочиненіи Мишле.

По поводу первой книги, мы жалѣемъ о томъ, что живое пониманіе дѣйствительности, составляющее принадлежность автора, не

опирается на основательное знакомство съ географическими подробностями. Это сожалѣніе возбуждено въ насъ не погрѣшностями, къ которымъ подала поводъ эта недостаточность фактическихъ знаній; нѣтъ, дѣло въ томъ, что эстетическое чувство остается неудовлетвореннымъ. Впечатлѣніе, произведенное на умъ читателя, не полно, потому что читатель видитъ, что авторъ не вполнѣ владѣетъ описываемымъ предметомъ, что онъ какъ будто мимоходомъ и робко заходитъ въ такую область, которая остается для него чужой. Пока авторъ не освоится съ наукою, пока онъ не переработаетъ мыслью гидрографію, до тѣхъ поръ его выводы будутъ носить на себѣ печать случайности и произвола.

Вотъ другое замѣчаніе, болѣе важное. Намъ кажется, что книга г. Мишле много выиграла бы, если бы изъ нея выбросить нѣсколько слишкомъ откровенныхъ страницъ. Многіе люди нарочно отъискиваютъ подобныя страницы, читаютъ ихъ, ссылаются на нихъ, разносятъ ихъ по свѣту и комментируютъ ихъ по-своему. Наша французская публика не совсѣмъ заслуживаетъ то благородное довѣріе, съ которымъ авторъ разоблачаетъ передъ ней самые завѣтные тайники своего ума и сердца. Какъ довѣрчивый хозяинъ, онъ вводитъ посторонняго человѣка въ свое жилище, показываетъ ему всѣ комнаты, даетъ ему полюбоваться статуями, картинами и художественными драгоцѣнностями; но иногда приходится проходить и по такимъ комнатамъ, въ которыхъ сложенъ или разбросанъ въ безпорядкѣ разный хозяйственный хламъ. Показать его друзьямъ не бѣда. Но именно друзьямъ то и больно, когда они видятъ, что недоброжелатели и празднословцы отпускаютъ грубые каламбуры насчетъ слишкомъ довѣрчиваго и гостепріимнаго старика.

Если необходимо подтвердить наше замѣчаніе примѣромъ, мы обратимъ вниманіе читателя на окончаніе главы о раковинахъ. По поводу жемчужнаго ожерелья, авторъ увлекается въ страстное и нѣжное лирическое отступленіе, которое было бы гораздо умѣстнѣе прошептать за кисейнымъ занавѣсомъ, чѣмъ напечатать въ числѣ 10 или 20 тысячъ экземпляровъ, могущихъ попасть въ руки читателей *Constitutionnel* или *Gazette des Tribunaux*. И эти нѣжныя, быть можетъ, слишкомъ нѣжныя строки поставлены рядомъ съ довольно циническимъ разсказомъ о восточныхъ женщинахъ, которыя, не боясь нечистоплотности, носятъ свои шелковыя туники, пока онѣ не развалятся на куски.

*

Скажемъ окончательное наше мнѣніе. Сочиненіе было бы очень хорошо, еслибъ въ немъ не было этихъ мелкихъ недостатковъ, на которые намъ не хотѣлось бы указать, изъ любви къ искуству и къ художнику. Твореніе Мишле было бы превосходно, если бы въ новомъ изданіи научная часть была разработана полнѣе и основательнѣе, такъ чтобы созданіе воображенія могло пріобрѣсти въ ней болѣе прочную и незыблемую основу. Въ настоящемъ своемъ видѣ книга Мишле, по красотѣ и физіологическому строенію, похожа на тѣ блестящія морскія астры, которыя онъ описалъ намъ съ такою любовью. Хрупкія и нѣжныя, странныя и прелестныя по своей формѣ, полупрозрачныя, полуокрашенныя мягкими цвѣтами, эти астры оживлены лучомъ свѣта и ночью блещутъ на поверхности моря фосфорическимъ блескомъ. Этотъ блескъ—символъ ихъ жизни, символъ искры, мелькнувшей на морѣ времени,—на этомъ глубокомъ, безбрежномъ и таинственномъ океанѣ.

Э. РЕКЛЮ.

Шесть лекцій о различныхъ силахъ матеріи и взаимныхъ отношеніяхъ ихъ между собою. Соч. *Фарадэ.* 1861. Въ 8-ю д. л. Стр. VI и 179. (A course of six lectures on the various forces of matter and their relations to each other by *Michael Faraday*. With numerous Illustrations. Third edition. London and Glasgow. 1861.)

Раскройте любую физику, на первой же строчкѣ васъ поражаетъ офиціальность колорита и поражаетъ даже тамъ, гдѣ, во избѣжаніе непріятнаго впечатлѣнія, производимаго этою офиціальностію, хозяинъ–авторъ старается удержать на лицѣ вашемъ улыбку, стремглавъ убѣгающую и заговариваетъ съ вами по дружески или языкомъ лощеной гостиной. Напрасный трудъ; все это краснобайство — плохія кулисы; реторика скользитъ мимо ушей и вы слышите, что вы имѣете дѣло съ наукою, которая занимается изслѣдованіемъ законовъ движенія, связи и другихъ свойствъ матеріи. Вы узнаете, что физика дѣлится, напримѣръ, на общую и частную; потомъ вамъ изла-

гаютъ, коротко или пространно, ясно или запутанно, популярно или педантически, всѣ эти свойства вещества явленія, которыми обнаруживается присутствіе въ матеріи различныхъ силъ, обусловливающихъ какъ существованіе матеріи вообще, такъ и отношенія ея къ обнимающей ее средѣ. Короче сказать, васъ знакомятъ систематически и съ *матеріею*, насколько она доступна чувственному изслѣдованію, и съ присущимъ ей таинственнымъ археемъ — *силою*. И такихъ физическихъ курсовъ чуть не легіонъ; но пересмотрите всю ихъ фалангу, и вы убѣдитесь, что одни изъ нихъ доступны для чтенія не иначе, какъ ex officio, съ гимназической или университетской скамьи; что другіе, если и приноравливаются къ общимъ требованіямъ вѣка и говорятъ съ слушателемъ гуманно и просто, подлаживаясь нерѣдко даже къ складу его рѣчи, то при всемъ томъ не достигаютъ, въ большей части случаевъ, главной цѣли, не приводятъ души читателя въ теплое созвучіе съ природой, яснымъ сознаніемъ обязанности явленій, излагаемыхъ ими. Они или вовсе упускаютъ изъ вида или ставятъ на второмъ планѣ идею, въ силу которой матерія не представляется уже однимъ только фактическимъ *отрицаніемъ* жизни, а напротивъ того, физика представляется однимъ изъ тѣхъ звучныхъ нарѣчій, которыми служители истины провозглашаютъ великое слово природы, понятное намъ, когда мы принимаемъ его изъ устъ людей, подступающихъ къ изученію природы не съ однимъ сухимъ анализомъ подробностей, но общимъ взглядомъ на ея идею. Даже въ тѣхъ сочиненіяхъ, въ которыхъ обращено болѣе или менѣе вниманія на общность явленій, представляемыхъ физическимъ міромъ, идея этой общности не производитъ своего отраднаго умилительнаго впечатлѣнія, заслоняясь и ослабляясь множествомъ занимательныхъ подробностей и опытовъ, которыми объясняются различныя явленія обыденной и міровой жизни. Никому не приходило на мысль начать съ конца; начать тѣмъ, чѣмъ другіе кончаютъ; то есть начать идею о силѣ, провести эту идею чрезъ различныя категоріи физическихъ явленій и, связавъ ихъ такимъ образомъ неразрывною нитью, показать возможность превращенія одной формы этой силы, этой дѣятельности въ другую, наглядно совершенно отличную отъ первой, но въ сущности, по всей вѣроятности, тождественной съ нею.

Фарадэ начинаетъ именно тѣмъ, чѣмъ другіе кончаютъ. Мудрено, или, вѣрнѣе сказать, невозможно найти сочиненіе, которое было бы такъ доступно и занимательно по изложенію для лицъ, еще мало

знакомыхъ или почти вовсе незнакомыхъ съ физикою, и которое въ то же время было бы до такой степени увлекательно даже для посвященныхъ въ ея таинства. Техническія выраженія въ этомъ сочиненіи въ совершенной опалѣ и только изрѣдка являются, чтобы служить не исходною точкою блестящей импровизаціи маэстро науки, но чтобы, напротивъ того, настоящею точкою остановить вниманіе слушателя или читателя на общности изложенныхъ фактовъ. Искуство необычайное. Не развлекая вниманія описаніемъ употребляемыхъ имъ снарядовъ и употребляя ихъ съ величайшею умѣренностію, не пускаясь въ подробности, Фарадэ при всемъ томъ умѣетъ дать ясное понятіе о сущности предмета и утвердить, укоренить въ умѣ слушателя идею о вездѣсущности дѣятельной силы. Обходя педантическое и всегда неудовлетворительное опредѣленіе силы, несмотря на то, что именно силы составляютъ главную тему его лекцій, авторъ искуснымъ выборомъ явленій, сопоставляемыхъ имъ предъ глазами слушателя, приступаетъ къ одной изъ самыхъ сухихъ повидимому темъ физическаго курса, къ силѣ тяготѣнія. И тутъ, лицемъ къ лицу съ простотою изложенія автора, не знаешь, удивляться ли находчивости, съ которою Фарадэ наводитъ на мысль о земномъ притяженіи и, наконецъ, возводитъ эту мысль на степень убѣжденія; или удивляться тому, что такое доступное здравому смыслу объясненіе явленія паденія тѣлъ такъ долго ускользало отъ человѣческаго разума, и необходимо было явиться одному изъ величайшихъ мыслителей, чтобы указать источникъ этого явленія и дать ему значеніе мировой созидающей силы. Но тутъ же становится понятнымъ, что, несмотря на обыденность явленія, непониманіе его весьма естественно. Сколько бы ни повторялось явленіе передъ глазами даже разсуждающаго человѣка, послѣднему скорѣе придетъ въ голову спросить и доискиваться, почему дымъ подымается вверхъ, нежели освѣдомиться о причинѣ паденія тяжелаго тѣла; на то оно и тяжело, чтобы падать, и падаетъ оно, потому что тяжело. Въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, значеніе факта затрудняется для уразумѣнія неподготовленному уму именно тѣмъ, что тутъ *идея заслоняется*, такъ сказать, *словомъ*.

Тѣла *падаютъ*; и пока слушатель популярнаго курса не отрѣшится отъ затемняющаго вліянія, которое имѣетъ на него значеніе этого слова — *падаютъ*, лектору мудрено будетъ убѣдить аудиторію свою въ тождествѣ между паденіемъ тѣла и притяженіемъ послѣд-

няго къ землѣ. Напротивъ того, явленіе не менѣе чудное и на первый взглядъ рѣшительно непонятное, притяженіе, напримѣръ, кусочка бумажки наэлектризованной палочкою сургуча, доступное разумѣнію; слушатель охотно допускаетъ тутъ дѣйствіе *притягательной* какой-то *силы*, именно потому, что лекторъ называетъ ему видимый актъ дѣйствія этой силы *тѣмъ же словомъ*, которымъ называетъ его и слушатель. Убѣждаясь въ этомъ случаѣ, безъ всякихъ затрудненій, въ присутствіи особенной притягивающей силы, слушатель затрудняется объяснить себѣ паденіе тѣлъ также *притяженіемъ* именно потому, что въ понятіяхъ его къ явленіямъ послѣдней категоріи никогда не примѣнялось и потому непримѣнимо слово, примѣняемое къ явленіямъ первой категоріи. Положимъ, что передъ лекторомъ на столѣ нѣсколько лоскуточковъ бумаги; лекторъ придвигаетъ къ себѣ одинъ изъ нихъ рукою: всякому ясно, что тутъ бумажка придвинута, притянута силою, дѣйствующею въ рукѣ; къ другой бумажкѣ привязана нитка; прибирая къ себѣ послѣднюю, вы притягиваете къ себѣ и бумажку; всякому понятно, что бумажка притянута той же силою руки, но дѣйствующею уже при посредствѣ другаго тѣла. Вы ставите на нѣкоторомъ разстояніи отъ третьяго лоскуточка наэлектризованную палку сургуча, и бумажка притягивается послѣднимъ; если вы теперь скажете, что тутъ, въ сургучѣ, дѣйствуетъ на бумажку притягивающая, — какая бы то ни была, дѣло не въ названіи — сила, то и тутъ, въ третій разъ, никто не усомнится въ вѣрности объясненія, видя подъ вліяніемъ этой силы результатъ, тождественный съ тѣмъ, котораго достигло непосредственное или посредственное вліяніе *силы* руки. Если теперь опустить половину стола, на которой лежитъ чертвертая бумажка, и сказать, что и тутъ сближеніе между павшею бумажкою и землею зависитъ также отъ силы, дѣйствующей въ землѣ, на бумажку;—отъ силы, которая точно также притягиваетъ къ себѣ лоскутокъ бумаги, какъ его притягивала за минуту палка сургуча; — то такое объясненіе покажется если не убѣдительнымъ, то по крайней мѣрѣ весьма вѣроятнымъ, въ ожиданіи другихъ осязательныхъ доказательствъ тому, что всякое сближеніе между тѣлами есть только видимый актъ какой-нибудь дѣйствующей въ нихъ силы.

Сочиненіе Фарадэ поражаетъ именно умѣньемъ автора привести слушателей къ уразумѣнію истинъ, повидимому самыхъ недоступныхъ, простѣйшимъ путемъ, обходя всѣ затрудненія и препятствія, противуполагаемыя привившимся неправильнымъ взглядомъ на сущность ве-

щей и явленій, но не входя въ борьбу съ этими идеями. Сильный словомъ своимъ и въ то же время умный и искусный тактикъ, Фарадэ обходитъ ихъ словно укрѣпленія, которыя могли-бы задержать его шествіе, истощить его силы въ случаѣ правильной осады, но которыя должны неминуемо пасть сами собою, какъ скоро онъ, оставивъ ихъ всторонѣ, ударитъ, хотя бы окольнымъ путемъ, къ главной цѣли своей. А главная цѣль автора—ознакомить читателя съ тѣми взаимными соотношеніями, которыя существуютъ между различными, такъ называемыми, *физическими* силами; рядомъ самыхъ поразительныхъ доводовъ онъ доказываетъ возможность воспроизвести явленія, относимыя обыкновенно къ дѣйствію или присутствію одной силы, дѣйствіями другой, и обратно. Фактъ замѣчательный, уже давно предугаданный и провозглашенный умозрѣніемъ, но признанный только весьма недавно, потому что, несмотря на тщательное изслѣдованіе различныхъ категорій физическихъ явленій, эксперементаторы, нашедши удовлетворительное объясненіе какому нибудь явленію въ присутствіи или дѣйствіи той или другой силы, считали свое дѣло конченнымъ и переходили къ новымъ опытамъ, не обративъ надлежащаго вниманія на то полное глубокаго значенія обстоятельство, что дѣйствіе всякой силы всегда и вездѣ находится въ связи *съ частичнымъ движеніемъ* матеріи; что дѣйствіе всякой силы посредствуется или выражается этимъ движеніемъ, такъ что видимый актъ вліянія такой силы есть только сложный результатъ этого частичнаго движенія матеріи. Признавши разъ непремѣнную связь между видимымъ результатомъ дѣйствія физическихъ силъ и частичнымъ движеніемъ, трудно было бы упустить изъ вида естественное заключеніе, вытекающее само собою изъ этой истины: возможность взаимнаго воспроизведенія явленій одной силы дѣйствіемъ другой, возможность превращенія одной силы въ другую. Заключеніе, подтвержденное многочисленными опытами и указывающее умозрѣнію другую высшаго порядка истину — тождество всѣхъ силъ, составляющихъ только видоизмѣненія одного міросоздающаго принципа.

Передъ нами зеркальное стекло; если мы разобьемъ его, то какъ бы мы ни старались потомъ, мы никогда уже не сложимъ кусковъ его такъ, чтобы они составили искусную сплошную пластинку, потому что, несмотря на всѣ усилія, мы не въ состояніи сблизить на микроскопическое, или, сказать вѣрнѣе, на неизмѣримо малое разстояніе такое количество отдѣльныхъ частицъ матеріи въ изло-

махъ, чтобы массы этихъ частицъ силою взаимнаго притяженія составили сплошное цѣлое; что тутъ дѣло именно въ массѣ сближаемыхъ между собою частичекъ доказывается тѣмъ, что если взять два зеркальныхъ стекла и положить ихъ одно на другое полированными и, слѣдовательно, въ предѣлахъ человѣческой возможности сглаженными поверхностями, то они могутъ соединиться между собою въ сплошную массу, такъ что ихъ скорѣе можно будетъ разбить, нежели разъединить. Мы имѣемъ тутъ дѣло съ такъ называемою силою сцѣпленія, то есть, съ силою притяженія, присущею малѣйшимъ частичкамъ матеріи, и дѣйствіемъ которой эти частички, пришедши на неизмѣримо малое разстояніе между собою, сплачиваются въ сплошное для органа зрѣнія цѣлое, въ тѣло, которое, въ свою очередь, массою своею, то есть, сложностью всѣхъ частичныхъ притяженій своихъ, дѣйствуетъ притягивающимъ образомъ на окружающія тѣла и взаимно ими притягивается; тяготѣетъ въ большей или меньшей степени какъ къ нимъ, такъ и къ землѣ. Дѣйствуя въ каждой матеріальной частицѣ, неизмѣримо малой, и притомъ въ неизмѣримо малыхъ размѣрахъ, эта сила измѣняется относительно своего напряженія, а вмѣстѣ съ этимъ измѣняется и обусловливаемое ею относительное положеніе частичекъ матеріи. Это положеніе частичекъ измѣняется отъ малѣйшихъ вліяній, измѣняется въ большей или меньшей степени, но *измѣняется ежеминутно*, такъ, что можно почти положительно сказать, что частички всякаго тѣла находятся *въ постоянномъ движеніи*. Что тѣло не измѣняется видимымъ для глаза образомъ, нисколько не опровергаетъ предположенія объ этомъ частичномъ микроскопическомъ движеніи. Происходя въ неосязаемыхъ для зрѣнія малыхъ размѣрахъ, это движеніе совмѣстимо съ сохраненіемъ формы тѣла. И это уже не умозрѣніе; есть средства доказать передвиженіе частичекъ матеріи безъ видимаго измѣненія въ формѣ тѣла. Проведите, напримѣръ, желѣзнымъ ключемъ легонько по чистой поверхности зеркала; зеркало не поцарапано; ни глазъ, ни микроскопъ не откроютъ ни малѣйшаго измѣненія въ его поверхности, а между тѣмъ этого самаго легкаго прикосновенія къ стеклу было достаточно, чтобы по всему протяженію проведенной черты измѣнить расположеніе частичекъ и сдѣлать эту черту шероховатою; стоитъ дохнуть на зеркало и проведенная черта или надпись явственно обозначится на немъ. Извѣстно, что съ возвышеніемъ температуры тѣла расширяются, съ пониженіемъ ея сжимаются; другими словами, всякое колебаніе

температуры въ тѣлѣ,—а эти колебанія происходятъ непрерывно,—сопровождается, какъ причина или какъ слѣдствіе, *частичнымъ движеніемъ* матеріи. Мы находимъ въ оптикѣ интересный опытъ, доказывающій существованіе такого частичнаго движенія. Извѣстно, что лучъ свѣта, отраженный или преломленный подъ извѣстнымъ угломъ, измѣняется въ нѣкоторыхъ своихъ свойствахъ, такъ, что онъ уже не отражается или не пропускается другими прозрачными тѣлами при такихъ условіяхъ, при которыхъ обыкновенный лучъ отражается или пропускается ими. Такой измѣнившійся въ свойствахъ своихъ лучъ свѣта называютъ *поляризованнымъ*, и оптики съумѣли устроить снаряды, сообщающіе проходящему чрезъ нихъ лучу свѣта свойства поляризованнаго. Установимъ снарядъ такимъ образомъ, что введенная въ него стеклянная пластинка не пропускаетъ падающаго на нее поляризованнаго луча свѣта и поставленный за нею экранъ остается въ тѣни. Ясно, что при томъ положеніи, въ которомъ находятся частички стекла, послѣднее, несмотря на свою прозрачность, *непрозрачно для поляризованнаго луча*. И чтоже? Стоитъ только нагрѣть стекло и положеніе частички его измѣнится; оно становится *прозрачнымъ для поляризованнаго луча* свѣта и экранъ освѣтится свѣтлыми кругами и полосами. Если принять въ соображеніе, что въ тѣлахъ происходятъ безпрерывныя колебанія температуры, то можно, повторяемъ, безъ малѣйшаго преувеличенія сказать, что частички тѣлъ находятся въ безпрерывномъ движеніи. Вдумайтесь въ эту мысль, и все что мы привыкли называть безжизненнымъ, все мертвое, неорганическое царство преобразится нашимъ умственнымъ очамъ; все закипитъ движеніемъ, вездѣсущею жизнью.

Но если всякое колебаніе температуры поддерживаетъ частичное движеніе, то и послѣднее, съ своей стороны, постоянно вызываетъ колебаніе температуры, такъ, что уменьшеніемъ силы сцѣпленія, разъединеніемъ частичекъ тѣла вызываются явленія пониженія температуры, и наоборотъ. Возьмите уксусокислой соды и присыпайте эту соль въ стаканъ кипящей воды до тѣхъ поръ, пока послѣдняя продолжаетъ растворять въ себѣ этотъ порошокъ; если полученный такимъ образомъ насыщенный растворъ снять съ огня и дать ему постепенно охладиться, избѣгая при этомъ наималѣйшаго сотрясенія сосуда, то охладившаяся жидкость не имѣетъ повидимому особенно замѣчательнаго свойства; но стоитъ только помѣшать или взболтать ее, чтобы весь растворъ мгновенно обратился въ кристаллическую массу. Это быстрое

сближеніе частицъ сопровождается такимъ возвышеніемъ температуры, что стаканъ, содержавшій жидкость, часто лопается. Напротивъ того, растворевіе какой-нибудь соли въ водѣ, разъединеніе частичекъ первой частичками послѣдней, сопровождается пониженіемъ температуры. Въ этомъ состояніи сила сцѣпленія между частичками тѣла, разъединенными частичками воды, приведена почти къ нулю, ослаблена до потери формы тѣла, частички котораго при такомъ состояніи въ высшей степени подвижны и какъ нельзя болѣе способны подчиниться вліянію всякой движущей ихъ силы. И дѣйствительно, именно въ этомъ растворенномъ состояніи, преимущественно передъ всякимъ другимъ, въ частичкахъ матеріи обнаруживается присутствіе новой повидимому силы, подъ вліяніемъ которой частичка матеріи притягивается окружающими ее другими частичками въ различной степени и, слѣдуя вліянію сильнѣйшаго притяженія, *сильнѣйшаго сродства*, какъ выражается наука, соединяется въ этомъ новомъ *направленіи* съ другими частичками въ совершенно новое и притомъ однородное тѣло. Это новое видоизмѣненіе силы наука называетъ *химическимъ сродствомъ*, *химическою силою*. Присмотримся къ ней поближе. Вотъ два раствора; въ одномъ стаканѣ растворенъ обыкновенный содовый порошокъ, который, какъ извѣстно, съ шумомъ вспѣнивается отъ прилитія къ нему кислоты, изгоняющей изъ него углекислый газъ; въ другомъ стаканѣ голубой растворъ мѣднаго купороса, соли, получаемой чрезъ раствореніе мѣди въ сѣрной кислотѣ. Отъ прилитія содоваго раствора къ купоросному послѣдній сильно мутится и даетъ обильный голубой осадокъ; продолжайте приливать растворъ соды до тѣхъ поръ, пока купоросный растворъ не перестанетъ мутиться, и потомъ изслѣдуйте какъ образовавшійся осадокъ, такъ и отстоявшуюся надъ нимъ свѣтлую и безцвѣтную жидкость. Въ этой жидкости, содержавшей до начала опыта растворъ мѣди, не найдется и слѣдовъ этого металла; вся мѣдь окажется въ осадкѣ, и притомъ уже не въ соединеніи съ сѣрною кислотою, но съ углекислымъ газомъ, присутствіе котораго тотчасъ обнаружится вскипѣніемъ порошка, если прилить къ послѣднему какой-нибудь кислоты. Напротивъ того, отстоявшаяся свѣтлая жидкость уже не вскипаетъ отъ прилитія къ ней кислоты; она не содержитъ въ себѣ углекислаго газа, къ ней перешелъ весь въ осажденную мѣдь; углекислый газъ замѣнился сѣрною кислотою, образовавшею вмѣстѣ съ содою слабительную соль—извѣстную подъ названіемъ *глауберовой*. И такъ, въ слитыхъ вмѣстѣ раство-

рахъ произошло полное *перемѣщеніе частицъ;* приведенныя въ состояніе крайней подвижности, почти отрѣшившись отъ силы сцѣпленія, частички солей расположились совершенно иначе подъ вліяніемъ химическаго сродства своего; частичка сѣрной кислоты перешла отъ мѣди къ содѣ, углекислота перешла отъ соды къ мѣди. И подобнымъ перемѣщеніемъ частичекъ матеріи сосопровождается всякое химическое дѣйствіе; фактъ, ведущій къ заключенію, что всякій химическій процессъ долженъ сопровождаться измѣненіемъ температуры, которое неизбѣжно вызывается всякимъ *частичнымъ движеніемъ.* И дѣйствительно, нѣтъ такого химическаго акта, при которомъ не обнаружилось бы сродство между этими двумя видоизмѣненіями силы химическимъ сродствомъ и теплородомъ. Обратимся, для примѣра, къ тому же мѣдному купоросу, который мы только что употребляли для химическаго опыта, но на этотъ разъ пустили его въ дѣло не въ видѣ раствора, но цѣликомъ, каковъ онъ есть, въ кристаллахъ. Если помѣстить нѣсколько такихъ кристалловъ въ перегоночный снарядъ и нагрѣвать ихъ, то лазоревые кристаллы купороса начинаютъ бѣлѣть и, наконецъ, совершенно распадаются въ *бѣлый порошокъ;* въ то же время въ подставленномъ пріемникѣ получается чистая вода; этотъ бѣлый порошокъ существенно отличается отъ взятаго для опыта купороса, единственно отсутствіемъ воды, отдѣленной отъ него дѣйствіемъ жара. Охладите порошокъ и перегнанную воду, прилейте послѣднюю къ первому: *бѣлый* порошокъ мгновенно обращается въ *синій,* смѣсь *сильно разгорячается, воды нѣтъ и слѣдовъ;* взятый для опыта купоросъ возстановленъ.

И обратно; если химическіе акты вызываютъ явленія тепла, въ случаѣ крайней энергичности своей и явленія свѣта, какъ это мы видимъ ежедневно при горѣніи тѣла, то изъ этого слѣдуетъ, что измѣненія температуры, неизбѣжно вызывающія частичное движеніе, должны имѣть сильное вліяніе на химическіе процессы, способствуя имъ разъединеніемъ частицъ, крайнимъ ослабленіемъ силы сцѣпленія. И дѣйствительно, извѣстная степень температуры постоянно составляетъ одно изъ главныхъ условій для достиженія требуемаго химическаго процесса. И нетолько разъединяющее вліяніе теплорода, нетолько разъединеніе частичекъ тѣла раствореніемъ въ какой нибудь жидкости, вызываютъ къ дѣйствію химическую силу матеріи. Всякое вообще вліяніе, ослабляющее силу сцѣпленія, до извѣстной степени опредѣляемой степенью химическаго сродства, можетъ способствовать химическому частичному движенію. Если смѣшать въ извѣстной пропорціи порошокъ

бертоллеттовой соли съ порошкомъ сѣрнистой сюрьмы, то въ этой смѣси сила сцѣпленія до такой степени уравновѣшена силою химическаго сродства, химическимъ притяженіемъ, что достаточно сильнаго потрясенія этой смѣси, чтобы такимъ мгновеннымъ измѣненіемъ силы сцѣпленія произвести мгновенное химическое перемѣщеніе частичекъ, сопровождаемое сильнымъ взрывомъ. Сотрите вмѣстѣ одну часть бертоллеттовой соли съ тремя частями сахару, прикоснитесь къ массѣ стеклянною палочкою, обмокнутою въ купоросное масло,—смѣсь загорается въ точкѣ соприкосновенія съ кислотою; вызванное прикосновеніемъ химическое частичное движеніе распространяется отъ частички къ частичкѣ и горѣніе прекращается только тогда, когда химическій актъ пройдетъ по всей массѣ смѣшанныхъ веществъ. Тамъ наконецъ, гдѣ химическое притяженіе очень сильно, а сила сцѣпленія приведена къ нулю, тамъ достаточно бываетъ даже того неизмѣримо легкаго сотрясенія или колебанія, которымъ сопровождается или посредствуется явленіе свѣта, свѣтовая волна, достаточно паденія солнечнаго луча на смѣсь, чтобы произвести химическое соединеніе. Такъ, если смѣшать въ темнотѣ водородный газъ съ хлорнымъ, то газы соединяются со взрывами, какъ скоро въ смѣсь *παποдаетъ солнечный лучъ*.

И такъ, уже этого краткаго обзора было достаточно, чтобы указать на средство, существующее между явленіями, относимыми къ силѣ притяженія, силѣ сцѣпленія, къ теплороду, химическому сродству, свѣтовому колебанію. Между всѣми этими явленіями есть посредствующая связь; всѣ они разрѣшаются въ общей средѣ—*частичномъ движеніи*, и въ этой средѣ вызываются одни другими, преображаются одни въ другія. Фарадэ замѣчаетъ, что химическое притяженіе рѣзко отличается отъ силы сцѣпленія и тяготѣнія тѣла, что явленія, которыми они обнаруживаются, продолжаются только до тѣхъ поръ, пока продолжается самый химическій процессъ; какъ только послѣдній, то есть химическое соединеніе состоялось, химическое притяженіе уже прекращается. Не отрицая этого различія, какъ факта, мы, однако же, видимъ въ этомъ различіи лучшее доказательство тому, что химическое притяженіе—не самостоятельная сила, но только видоизмѣненіе притягательной, дѣйствующей непрерывно. И дѣйствительно, если понятіе о силѣ соотвѣтствуетъ чему нибудь самостоятельному, то сила должна дѣйствовать непрерывно; видимо или невидимо, но она должна дѣйствовать, потому что самая

сущность силы заключается въ вѣчной дѣятельности, въ вѣчномъ движеніи; идея силы несовмѣстима съ идеей абсолютнаго бездѣйствія, потому что она тождественна съ идеею вѣчной дѣятельности. Мы видимъ это на силѣ тяготѣнія или притяженія; насколько вѣчно бытіе матеріи, настолько вѣчно и явленіе притяженія. Сказать, что съ даннаго мгновенія какая нибудь сила, присущая матеріи, перестала дѣйствовать, значитъ сказать, что эта сила никогда не существовала самостоятельно. Если химическое притяженіе, какъ скоро соединеніе разъ состоялось, прекращаетъ дѣйствовать, то это доказываетъ только то, что химическое притяженіе не составляетъ самостоятельной силы, но только было видоизмѣненіемъ притягательной силы, въ которую оно и переходитъ (имѣя результатомъ точно также образованіе тѣла, какъ и сила притяженія), съ устраненіемъ условій, нарушившихъ обыкновенную форму дѣйствія притягательной силы. Мы уже видѣли, что всѣ вліянія, вызывающія химическое дѣйствіе, всвязи съ частичнымъ движеніемъ матеріи; всѣ они дѣйствуютъ, измѣняя силу сцѣпленія, слѣдовательно измѣняютъ направленіе, по которому дѣйствуетъ эта сила въ матеріи. Не слѣдуетъ ли заключить изъ этого, что явленія химическаго притяженія принадлежатъ той же притягательной силѣ, и обусловливаются только измѣненіемъ направленія, по которому дѣйствуетъ притяженіе. Съ перваго взгляда кажется страннымъ, что явленія, которыми обнаруживается дѣйствіе силы, могутъ измѣниться съ измѣненіемъ направленія дѣйствія, но мы имѣемъ совершенно аналогическое этому явленіе въ свѣтовомъ колебаніи, въ поляризаціи свѣта. Свѣтъ поляризуется, т. е. пріобрѣтаетъ свойства, отличныя отъ обыкновеннаго свѣта, какъ скоро онъ отраженъ или преломленъ подъ извѣстнымъ угломъ. Въ поляризованномъ свѣтѣ колебанія идутъ всѣ по одному направленію и происходятъ всѣ въ одной плоскости, тогда какъ въ обыкновенномъ свѣтѣ колебанія происходятъ по всѣмъ возможнымъ направленіямъ; и этого измѣненія въ направленіи свѣтовыхъ волнъ достаточно, чтобы рѣзко отличить обыкновенный лучъ свѣта отъ поляризованнаго. Не вправѣ ли мы принять подобное же отношеніе между силою притяженія, дѣйствующею по всѣмъ направленіямъ, и силою химическаго сродства, дѣйствующею вѣроятно только по извѣстному, опредѣленному направленію? По крайней мѣрѣ аналогія тутъ очевидна. Если ко всему этому принять въ соображеніе, что явленія теплорода также вызываются или непосредственнымъ измѣне-

ніемъ въ условіяхъ сцѣпленія частицъ матеріи, или составляютъ спутникъ химической дѣятельности, то есть видоизмѣненіе той же силы притяженія, то трудно отказаться отъ мысли, что и эта категорія явленій имѣетъ источникомъ не самостоятельную силу, но только своеобразное направленіе притягательной силы, *частичнаго движенія*.

Очередь за магнетизмомъ. Что магнетизмъ—сила, мы это видили изъ притягательнаго его дѣйствія на желѣзо, и это явленіе уже ставитъ магнетизмъ въ сродство съ силою притяженія. Но въ связи ли магнетизмъ съ частичнымъ движеніемъ или нѣтъ? Передъ нами магнитная полоска; магнитная сила ея сосредоточивается на концахъ ея; отъ полюсовъ къ серединѣ сила магнита ослабѣваетъ и на самой срединѣ приводится къ нулю. Уже это обстоятельство доказываетъ, что явленія магнетизма обусловливаются не относительнымъ положеніемъ частичекъ магнита, подобно тому, какъ обусловливается этимъ положеніемъ степень твердости или цвѣтъ магнита, несмотря на то, что магнетизмъ принадлежитъ нетолько цѣлому магниту, но и каждой частицѣ его. Если переломить магнитную полоску, то получаются два новыхъ не однополюсныхъ магнита, но двуполюсныхъ, и въ каждомъ изъ нихъ частицы, лежащія въ равномъ разстояніи отъ полюсовъ и прежде, то есть, въ цѣломъ магнитѣ, выказывавшія извѣстную степень магнитнаго притяженія,—отличаются совершеннымъ отсутстіемъ магнитной силы. Какъ бы далеко ни простиралось дѣленіе магнитной полоски, результатъ будетъ тотъ же, такъ, что не остается сомнѣнія, что магнетизмъ свойство присущее каждой частицѣ магнита. Но это же обстоятельство доказываетъ, что магнетизмъ не обусловливается подобно цвѣту, твердости, относительнымъ положеніемъ частей матеріи, потому что иначе магнетизмъ выказывался бы въ магнитѣ въ равной степени по всей массѣ его и не могъ бы концентрироваться на полюсахъ. Это явленіе было бы возможно только въ такомъ случаѣ, еслибы магнетизмъ былъ слѣдствіемъ своеобразнаго *частичнаго движенія* матеріи; фактъ, подтверждаемый и перемѣщеніемъ полюса, по мѣрѣ дробленія магнита, и передачею магнетизма куску желѣза, пока этотъ кусокъ въ прикосновеніи съ магнитомъ. Въ чемъ именно заключается своеобразность этого *частичнаго движенія* неизвѣстно, но ясно, что оно совершается по двумъ направленіямъ, такъ, что равнодѣйствующая всѣхъ частичныхъ притяженій сила падаетъ именно на точки, назы-

ваемыя магнитными полюсами. Какъ бы то ни было, но какъ только мы признали магнетизмъ всвязи съ частичнымъ движеніемъ, мы уже заранѣе должны допустить и сродство магнитнаго притяженія съ другими видами частичнаго движенія, и возможность взаимнаго ихъ вліянія и преображенія. И дѣйствительно, многочисленныя наблюденія, особенно послѣдняго времени, подтвердили вполнѣ это сродство, предугаданное умозрѣніемъ. Сродство, доходящее до того, что даже свѣтовыя колебанія въ состояніи возбудить то частичное движеніе, которое обнаруживается намъ подъ видомъ магнетизма. Фарадэ оканчиваетъ свое сочиненіе обзоромъ взаимнаго соотношенія между физическими силами, налегая особенно на отношеніе химической дѣятельности къ тому виду частичнаго движенія, которое извѣстно подъ названіемъ электричества и галванизма. Мы не послѣдуемъ за авторомъ. Изслѣдованія надъ этими двумя видоизмѣненіями силы привели къ тѣмъ же результатамъ. Вездѣ движеніе; вездѣ, вслѣдствіе этого *частичнаго движенія,* возможность вызвать явленія, присущія дѣйствію одной силы, дѣйствіемъ другой. Эта же общность главнаго условія, лежащаго въ основаніи всѣхъ явленій, вызываемыхъ физическими силами природы, и *состоящаго въ частичномъ движеніи матеріи*, объясняетъ, почему всѣ эти силы общи, присущи, въ большей или меньшей степени, всякому тѣлу, всякой матеріальной частицѣ.

Если нѣтъ абсолютно, химически нейтральныхъ тѣлъ, абсолютно холодныхъ или теплыхъ, точно также нѣтъ тѣлъ, которыя были бы абсолютно нечувствительны къ магнитному притяженію или были бы абсолютно непрозрачны или прозрачны. Вездѣ и все движеніе. Самый покой, на который повидимому обречены неорганическія тѣла, только наружная форма для дѣятельности, происходящей въ предѣлахъ, недоступныхъ матеріальному созерцанію; такъ, что *самыя тѣла составляютъ только видимый актъ частичнаго движенія*, видимый актъ вездѣсущей дѣятельности, вездѣсущей жизни, сведенной на неизмѣримо, безконечно малые размѣры.

В. ХАНКИНЪ.

СМѢСЬ.

Современная нѣмецкая литература.

Германія лишилась, одного за другимъ, трехъ дѣятелей съ разными умственными силами, но почти въ равной степени доставившихъ ея литературѣ славу и историческое значеніе. Эти дѣятели были: Варнгагенъ фонъ-Энзе, Александръ фонъ-Гумбольдтъ и Артуръ Шопенгауеръ. Ихъ геній и заслуги были различные. Варнгагенъ обязанъ своей славой болѣе общественному положенію, воспоминаніямъ о Рахели (*) и литературной эпохѣ двадцатыхъ годовъ, соединяющимся съ его именемъ. Его труды показываютъ въ немъ замѣчательнаго эссеиста, который иногда чистотой отдѣлки своихъ произведеній соперничаетъ съ Маколэ, хотя далеко не имѣетъ его силы. Варнгагенъ не въ одномъ отношеніи былъ похожъ на французскихъ писателей мемуаровъ XVIII столѣтія; онъ не имѣлъ той глубины мысли, какой отличался Сенъ-Симонъ, но за то его злость и любовь къ анекдотамъ и сплетнямъ не уступаютъ версальскому лѣтописцу. Варнгагенъ въ отношеніи къ двору Фридриха Вильгельма IV игралъ почти такую же роль, какую игралъ Сенъ-Симонъ въ отношеніи къ Людовику XIV. Онъ презиралъ старое правительство и дворъ, быть можетъ вслѣдствіе врожденныхъ республиканскихъ наклонностей, быть можетъ потому, что испыталъ равнодушіе и даже пренебреженіе въ этой средѣ. Часто несправедливо приписывали его перу самыя рѣзкія статьи демократической «Volkszeitung»; но это доказываетъ, что его считали способнымъ къ подобнымъ выходкамъ. Этими двумя причинами, болтливо-

(*) Рахель — жена Варнгагена.

стью Варнгагена и его либерализмомъ, не отвергавшимъ никакого орудія для пораженія враговъ, объясняется содержаніе книги «Переписка между Гумбольдтомъ и Варнгагеномъ» (Leipzig, F. A. Brockhaus). Эта книга произвела много шуму не только въ Германіи, но и далеко за ея предѣлами; она во многихъ отношеніяхъ самая знаменитая изъ всѣхъ книгъ, вышедшихъ въ прошедшемъ году. На сколько превозносила ее демократическая партія, на столько топтала ее въ грязь партія консерваторовъ. Дворъ и духовенство были возмущены появленіемъ этой переписки. Многіе охотно бы подвергли судебному преслѣдованію и книгу и ея издательницу, Людмиллу Ассингъ, племянницу Варнгагена. Мнѣніе, чуждое этихъ крайностей, казалось обѣимъ партіямъ измѣной и преступленіемъ. Теперь эти страсти улеглись и публика стала смотрѣть на книгу хладнокровно. Кто только зналъ Варнгагена и Гумбольта, тотъ не сомнѣвается, что оба они желали обнародованія своихъ писемъ и разговоровъ. Гумбольдтъ, не смотря на свой геній, отличался нѣсколько духомъ рекламы и имѣлъ причины мстить Раумеру и клерикальной партіи, окружавшей короля, точно такъ же, какъ и Варнгагенъ. И тотъ и другой были обижены, оскорблены этими людьми; и въ то же время слишкомъ стары, слишкомъ связаны обстоятельствами, слишкомъ осторожны для того, чтобы бить своихъ враговъ въ виду цѣлаго свѣта: какое впечатлѣніе могли бы произвести эти рѣзкія и горькія слова, еслибъ были произнесены громко, въ присутствіи цѣлой Европы, при Гинккельдеѣ (*), котораго народъ удачно прозвалъ «берлинскимъ пашою»; тогда какъ теперь эти самыя слова служатъ, не болѣе не менѣе, какъ отличными bonmots во время десерта! Человѣкъ, подобный Гумбольдту, долженъ имѣть свое мнѣніе и выражать его для общей пользы, во время государственныхъ кризисовъ, открыто, а не въ четырехъ стѣнахъ, съ затворенными дверями у добрыхъ пріятелей; если же онъ отъ природы несообщителенъ, сосредоточенъ въ самомъ себѣ, то долженъ оставаться таковымъ всегда, а не являться послѣ смерти болѣе какъ флюгеръ, нежели какъ знамя. Въ самомъ Берлинѣ образъ мыслей Гумбольдта не былъ тайной; въ конторѣ своего друга, банкира Мендельсона, этотъ писатель не разъ, въ досадѣ, выражался о клерикальной партіи такимъ тономъ, который не оставлялъ никакого сомнѣнія относительно настоящаго значенія его словъ. Поэтому ничего

(*) Hincke ldey — бывшій директоръ полиціи (Polizei-Director).

существенно новаго не представляетъ для насъ эта переписка. Но она служитъ торжественнымъ доказательствомъ ничтожества людей, управлявшихъ Пруссіей въ теченіе десяти лѣтъ; она содержитъ приговоръ человѣка, который, при всѣхъ своихъ слабостяхъ, носитъ на себѣ образъ безсмертія. Этому нравственному впечатлѣнію нисколько не вредитъ то обстоятельство, что мѣстами въ этой книгѣ встрѣчаются ошибки, и что не всегда можно отказаться отъ убѣжденія, что перо Варнгагена, омоченное желчью, невѣдомо для него самого, усилило нѣкоторыя черты, переданныя Гумбольдтомъ въ минуту негодованія, по возвращеніи изъ Сансуси. Иначе представится дѣло, когда мы самихъ авторовъ подвергнемъ сужденію. Правда, что для обоихъ это собраніе писемъ не служитъ почетнымъ памятникомъ; имена Варнгагена и Гумбольдта блестѣли въ какомъ-то лучезарномъ свѣтѣ, который теперь меркнетъ. Нельзя не признать человѣческой слабостью желаніе смѣяться за спиною своего господина, что напоминаетъ камердинера, для котораго не существуетъ героя; но безпристрастнаго читателя непріятно поражаетъ бѣдность мыслей этихъ двухъ великихъ умовъ, проявляющаяся въ ихъ перепискѣ. Разсмотрите страницы этой книги: ни одна строка въ нихъ не представляетъ подобія той глубины мысли и той ясности изложенія, которыя дѣлаютъ безсмертными и, въ полномъ смыслѣ, поучительными письма Вильгельма Гумбольдта, Шиллера, Гёте, Тика и Сольгера. Какихъ высокихъ идей можно было бы ожидать отъ автора Космоса, и какъ велико наше разочарованіе по прочтеніи его писемъ! При всемъ томъ успѣхъ ихъ былъ огромный; и неудивительно: популярность именъ ручалась за интересъ книги. Къ сожалѣнію, онъ далеко не удовлетворилъ самыя скромныя надежды ихъ почитателей. Одинъ Французъ, если не ошибаемся, Ренанъ, очень мѣтко замѣтилъ: «спѣшите читать письма Гумбольдта; они скоро будутъ забыты.» Вѣроятно, вслѣдствіе необыкновеннаго успѣха этой книги, появились «Переписка Варнгагена съ одной пріятельницей» (Hambourg, Hoffman und Campe), съ Амели Бёльте, содѣйствовавшею къ сближенію Варнгагена съ Томасомъ Карлилемъ (Carlyle), и «Переписка Гумбольдта съ однимъ молодымъ пріятелемъ» (Berlin, Franz Duncken), которому онъ сообщилъ рекомендательное письмо въ Америку, почти можно сказать, къ Америкѣ. Оба эти собранія писемъ подтверждаютъ высказанное нами мнѣніе; въ нихъ видна какая-то скудность мыслей, которая только въ сравненіи съ бѣдностью другихъ можетъ считаться богатствомъ. Въ Гумбольдтѣ, такъ же какъ

*

и въ Варнгагенѣ, форма преобладала надъ содержаніемъ; изслѣдованія Гумбольдта не слишкомъ высоко цѣнятся специалистами; у Варнгагена рѣдко встрѣчается критическое изслѣдованіе источниковъ. Но оба они въ необыкновенной степени обладали ясностью и красотой слова; они изумительнымъ образомъ успѣли сдѣлать то, что до безконечности трудно, почти невозможно для германскихъ ученыхъ: обработать науку популярно. Въ этомъ отношеніи Гумбольдтъ, по справедливости, заслуживаетъ названія народнаго наставника, тогда какъ глубокомысленный и геніальный братъ его, Вильгельмъ, всегда будетъ держаться въ сферѣ, высокой, но холодной, которая, по словамъ Гёте, насъ всѣхъ укрощаетъ.

Почти весь міръ провожалъ Гумбольдта на могилу и праздновалъ его память; между тѣмъ, въ сентябрѣ прошлаго года, во Франкфуртѣ на Майнѣ, скончался Артуръ Шопенгауеръ, мало извѣстный и почти незамѣченный. Ему было семьдесятъ лѣтъ, а потому и онъ, можетъ быть причисленъ къ той генераціи, которая разцвѣла подъ взмахомъ крыла Гёте и Шиллера. Участь этого человѣка не была счастлива. Послѣ нѣсколькихъ небольшихъ философскихъ работъ, доставившихъ ему академическія преміи и нѣкоторую извѣстность въ началѣ нынѣшняго столѣтія, онъ поселился въ Берлинѣ. Но здѣсь онъ не могъ возвыситься надъ состояніемъ приватдоцента и, наконецъ, уѣхалъ отсюда, чтобъ стать подальше отъ гегелевской философіи. Послѣ того онъ почти тридцать лѣтъ прожилъ уединенно во Франкфуртѣ, окруженный немногими друзьями. Огромное имѣніе освобождало его отъ необходимости сближенія съ другими людьми. Онъ отъ природы былъ желченъ, честолюбивъ и отличался непріятною, отталкивающею наружностью. Его главное сочиненіе «Die Welt als Wille und Vorstellung» (міръ какъ выраженіе воли и разума) теперь вышло третьимъ изданіемъ (Leipzig, F. A. Brockhaus). Шопенгауеръ жестоко ошибался, если воображалъ, что его ученіе осталось незамѣченнымъ и не удостоилось даже нападокъ единственно потому, что университетская философія умалчивала о немъ съ намѣреніемъ, и что могущество мнимыхъ пророковъ заставило толпу отвергнуть истину. Его философія представляла отъявленный пессимизмъ. Шопенгауеръ, подобно Буддѣ, у котораго онъ любитъ заимствовать изрѣченія, видитъ въ жизни только бѣдствіе, болѣзнь и смерть; для него, какъ и для индійскаго философа, существуетъ одно только средство для перенесенія этого бѣдствія: умерщвленіе любви къ жизни, сосредоточеніе бытія въ возможно-меньшемъ кругу

и возможно большее ограниченіе желаній. Единственный подвигъ, допускаемый Шопенгауеромъ, состоитъ въ сочувствіи и помощи всѣмъ тѣмъ, которые раздѣляютъ съ нами страданія жизни. При этомъ должно замѣтить, что не условія существованія, а самое бытіе представлялось зломъ этому угрюмому философу. Всеобщее бѣдствіе, въ отношеніи соціальныхъ условій, примѣнялось Шопенгауеромъ ко всему міру. Безъ сомнѣнія, такое ученіе не могло имѣть успѣха въ Европѣ въ тридцатыхъ годахъ, когда всѣ умы исполнены были высокихъ политическихъ, соціальныхъ, художественныхъ идеаловъ, когда перспектива надеждъ еще была довольно заманчива. Въ такія минуты жизнь, при всѣхъ своихъ бѣдствіяхъ, представляется въ болѣе отрадномъ свѣтѣ; въ концѣ этой эпохи, идеалы представлялись близкими къ осуществленію, и тогда мрачное ученіе Шопенгауера должно было показаться отреченіемъ отъ человѣческаго достоинства. Напротивъ, въ 1850 году распространился въ Германіи духъ неудовольствія и отчаянія, и этому настроенію умовъ соотвѣтствовало ученіе объ абсолютномъ бѣдствіи и ничтожествѣ міра. Оно нашло пламенныхъ послѣдователей, и благодаря ихъ стараніямъ, и въ особенности сочиненію Фрауенштедта: «Письма о философіи Шопенгауера», пріобрѣло необыкновенную популярность. Изъ сферы чистой науки, оно перешло въ область искусства. Изъ этого воззрѣнія на міръ возникли романы, принадлежащіе къ числу лучшихъ въ новѣйшей германской литературѣ, каковы: «Sturm und Kompasz» (буря и компасъ) Линднера, «Sansara» Альфреда Мейснера, «Повѣсти» и «Melusine» Карла Френцеля, «Problematische Naturen» (загадочныя натуры) Фридриха Шпильгагена. Сочиненіе Шопенгауера не представляетъ строгой системы; оно есть только собраніе мыслей, заключенныхъ въ обширную раму и едва касается одной изъ важнѣйшихъ отраслей философіи: логики. Шопенгауеръ существенно заботится о ясности изложенія, и его слогъ чрезъ это пріобрѣтаетъ беллетристическое достоинство. Нѣкоторыя страницы этого писателя могли бы служить превосходной фельетонной статьей. Его иногда слишкомъ рѣзкіе нападки на Гегеля и Фихте, который, какъ человѣкъ, безспорно превосходилъ его и энергіей и самоотверженіемъ, напоминаютъ собой ссоры филологовъ XVI столѣтія и заставляютъ безпристрастнаго читателя приписать ихъ не столько желанію защитить истину, сколько желанію отмстить за оскорбленное самолюбіе.

Было замѣчено, что на ученіи этого человѣка отразились, въ нѣкоторой степени, его личныя свойства, характеръ и даже наружность. Дѣйствительно, Шопенгауера характеризуетъ каждая написанная имъ строка, независимо отъ анекдотовъ, распространившихся о немъ во Франкфуртѣ. Пренебреженіе, испытанное этимъ писателемъ, рано сдѣлало его угрюмымъ и заставило искать уединенія. Онъ съ горечью смотрѣлъ на свѣтъ и на жизнь. Отсюда происходила односторонность его ученія; онъ смѣшивалъ свою личную судьбу съ судьбою міра; онъ видѣлъ только дурныя, а не хорошія начала жизни. Его утѣшеніе—удаленіе отъ житейскаго шума—примѣнимо только къ такому капиталисту, какимъ онъ былъ самъ; онъ, повидимому, находилъ выраженіе человѣческаго достоинства въ однихъ только «rentiers». Это утѣшеніе прекращается, какъ скоро человѣкъ, въ качествѣ профессора философіи, обязанъ заботиться о женѣ и дѣтяхъ. Поэтому, Шопенгауеръ, кромѣ профессоровъ, всего болѣе ненавидѣлъ женщинъ и любовь. Онъ видѣлъ въ этомъ чувствѣ безконечный обманъ индивидуумовъ, существующій для поддержанія человѣческаго рода. Но, какъ обыкновенно бываетъ съ строго-отрицательными ученіями, въ системѣ Шопенгауера не было полной выдержанности. Страданіе жизни, возведенное имъ въ философскій принципъ, часто покрывается блестящими лохмотьями оптимистическаго воззрѣнія на міръ. Главная заслуга этого писателя состоитъ въ томъ, что онъ безжалостно обнажилъ раны нашей эпохи. Въ этомъ отношеніи онъ могучь, какъ демонъ, и смѣлъ, какъ умъ перваго разряда. Но онъ забылъ, что страхъ передъ этимъ бѣдствіемъ, мучившій его и удалившій отъ базара житейской суеты, похожъ на лихорадочную дрожь неопытнаго солдата, въ первый разъ стоящаго подъ непріятельскими выстрѣлами; что мужественныя, даже просто человѣческія натуры, вслѣдствіе ли необходимости, или добровольно, одолѣваютъ эту боязнь и борятся съ жизнію, какъ морякъ съ противнымъ вѣтромъ; что отреченіе, принятое имъ въ основаніе своего ученія, въ сущности есть подражаніе устройству монастырей въ средніе вѣка, признающее своими пророками отшельниковъ онвайской пустыни и предпочитающее исключительно «внутреннюю жизнь» жизни соціальной.

Вообще, въ германской философіи повѣяло какимъ-то болѣе свѣжимъ духомъ. Въ ней замѣтно стремленіе примѣнить разнообразные результаты, добытые естественными науками и физіологіею, къ разъя-

сненію тѣхъ высшихъ, окончательныхъ вопросовъ, которые, не смотря на насмѣшки надъ идеализмомъ Германцевъ и надъ ихъ попытками достигнуть истины путемъ, независимымъ отъ простаго человѣческаго смысла, все же будутъ составлять для высшихъ нравственныхъ организацій такую-же насущную потребность, какъ воздухъ и свѣтъ. Споръ, повидимому безплодный, между матеріалистами и философами кантской школы, воздвигнутый нѣкогда рѣчами Молешота и сочиненіемъ Бюхнера «Kraft und Stoff», (Сила и матерія) наконецъ привелъ къ опредѣленію того, что именно принадлежитъ и что не принадлежитъ къ области наблюденія и изслѣдованія; онъ помогъ снова доказать единство человѣка и неразрывную связь его съ остальной природой.

Само собою разумѣется, что эти воззрѣнія еще недоступны для массы; времени предоставляется обобщить истины между народами. Сочиненіе Шопенгауэра снова поддержало славу Германцевъ, какъ представителей философіи. Сравните хоть нѣсколько страницъ этого писателя съ жалкими книжками Жюля Симона, котораго Французы готовы признать новымъ Декартомъ, и вы убѣдитесь на какой низкой степени находятся теперь философскія воззрѣнія за Рейномъ не только сравнительно съ Германіею, но и сравнительно съ прежними французскими дѣятелями, напримѣръ съ Дидро. Въ самой германской публикѣ, философія нашла сильную соперницу въ политикѣ и исторіи, которыя ежедневно отнимаютъ у ней все большую долю интереса. Ни художественные, ни метафизическіе вопросы не занимаютъ въ настоящее время общество; театръ, поэзія, живопись возбуждаютъ только незначительное, мимолетное участіе. Даже въ отношеніи музыки строгій взыскательный вкусъ сѣверной столицы Германіи принялъ опасное направленіе, удаляясь отъ классическаго идеала къ легкимъ и пустымъ италіянскимъ мелодіямъ. При такомъ упадкѣ нравственныхъ интересовъ, все еще утѣшительно, что почти во всѣхъ кружкахъ замѣчается значительная и все болѣе возрастающая склонность къ такой строгой и серьозной наставницѣ, какова исторія. Особенно замѣчательныхъ сочиненій, которыя бы имѣли интересъ не для однихъ спеціалистовъ, въ прошедшемъ году по этой части не появлялось. Мы можемъ упомянуть только о второмъ изданіи книги «Geschichte der deutschen Kaiserzeit». (Исторія германскихъ императоровъ) Гизебрехта, о второй части «Англійской исторіи» Леопольда Ранке, о третьемъ томѣ сочиненія «Geschichte der Stadt Rom im Mittelalter» (Исторія города Рима, въ среднихъ вѣкахъ) Ф. Грегоро-

віуса и о маленькой статьѣ Зибеля «Ueber die bisherige Auffassung der deutschen Kaisergeschichte» (О взглядѣ, существовавшемъ до настоящаго времени на исторію германскихъ императоровъ), направленной исключительно противъ Гизебрехта. Историческое изложеніе Леопольда Ранке извѣстно. Этого писателя много хвалили и много бранили. Но независимо отъ новой, свѣжей жизни, внесенной имъ и его учениками въ изслѣдованіе исторіи, никто не станетъ отрицать, что онъ одинъ изъ первыхъ сдѣлалъ нѣмецкое историческое сочиненіе доступнымъ и удобочитаемымъ для всѣхъ. У Ранке есть художественные пріемы: его характеры изображены живо и увлекательно, подобно лучшимъ головамъ художника Деннера; сраженія, напримѣръ, при Равеннѣ и Мюльбергѣ, написаны какъ будто кистью Рубенса. Предпочтеніе, какое питалъ Ранке къ костюмамъ и аристократіи XVI и XVII столѣтій, сдѣлалось для него роковымъ; оно перешло въ его образъ мыслей, въ его воззрѣніе на міръ. Представленіе всего величественнаго, геніальнаго превратилось для этого писателя въ понятіе политическаго, полезнаго. Подобно венеціянскимъ посланникамъ, которыхъ депеши и реляціи онъ такъ охотно читаетъ, и которые, быть можетъ, доставили ему самый существенный матеріалъ для сочиненія, Ранке каждый фактъ разсматриваетъ такъ долго со всѣхъ сторонъ, пока не лишитъ его всякой рѣзкости, такъ что наконецъ вся отвѣтственность за совершенныя злодѣянія падаетъ не на человѣка, а на какую-то неосязаемую, таинственную силу, политику. Онъ нисколько не сочувствуетъ страстямъ и движеніямъ народа и до крайности смягчаетъ ужасъ, внушаемый событіями вареоломеевской ночи. Подобно тому какъ во французской исторіи Катерину Медичи, онъ въ англійской извиняетъ испанскую Марію и кровавое преслѣдованіе, воздвигнутое ею на протестантовъ. Вторая часть этой исторіи обнимаетъ тридцать лѣтъ, отъ 1610 до 1642 года, до начала междоусобной войны между Карломъ I и парламентомъ. Отъ воззрѣній Ранке слѣдовало ожидать, что онъ, на сколько позволитъ его натура, избѣгающая крайностей, приметъ сторону Карла Стюарта и Страффорда, въ противоположность Гизо, вообще отдающему справедливость парламенту, и еще болѣе въ противуположность Маколэ, который придерживается мнѣнія индепендентовъ и восхищается Кромвелемъ. Ранке, какъ ни осторожно выражается на счетъ этого пункта, но видитъ въ дѣйствіяхъ парламента нарушеніе королевскихъ правъ; онъ готовъ не только извинить, но даже признать справедливою ге-

servatio mentalis, мѣру коварную, совершенно согласную съ духомъ Стюартовъ, и къ которой король прибѣгалъ во всѣхъ своихъ обѣщаніяхъ, съ тѣмъ, чтобы имѣть мнимое право нарушить впослѣдствіи свои клятвы. Съ удивленіемъ читаешь о правдивости монарха, котораго даже друзья всегда считали шаткимъ въ своихъ мнѣніяхъ, лукавымъ и невѣрнымъ и который противникамъ справедливо казался «непоколебимымъ только во лжи». Предпочтеніе, даваемое этимъ историкомъ нѣкоторымъ политическимъ системамъ, доходитъ до того, что онъ въ Іяковѣ I, одномъ изъ самыхъ презрѣнныхъ людей, когда либо сидѣвшихъ на тронѣ, видитъ чудо мудрости, втораго Соломона, какъ этотъ безумецъ охотно позволялъ себя называть своимъ приближеннымъ. Въ управленіи Страффорда Ранке упорно отвергаетъ основную мысль превратить конституціонную монархію Англіи въ деспотическую: планъ Карла I захватить въ январѣ 1642 года всѣхъ членовъ парламента онъ объясняетъ предшествовавшими событіями и не находитъ вполнѣ беззаконнымъ. При всемъ кажущемся безпристрастіи, англійская исторія Ранке основана на мнѣніи партіи, которая хотя и не искажаетъ фактовъ, но группируетъ ихъ благовиднымъ для себя образомъ. Нѣтъ въ ней и слѣда глубокаго возбужденія англійскаго народа. Какую противуположность съ нею представляетъ статья Маколэ о Гампденѣ, въ которой такъ открыто и такъ тепло говоритъ человѣкъ, вдохновленный любовью къ свободѣ и справедливости. Ранке, подобно всѣмъ дипломатамъ, болѣе на мѣстѣ за зеленымъ канцелярскимъ столомъ, чѣмъ на народномъ форумѣ. Такъ какъ въ немъ самомъ нѣтъ воодушевленія, то онъ не возбуждаетъ энтузіазма и въ своихъ читателяхъ. Черта, особенно отличающая его и придающая достоинство его англійской исторіи, заключается въ чрезвычайномъ остроуміи и политической тонкости, съ какими онъ представляетъ неуловимое вліяніе общихъ европейскихъ событій на Англію и показываетъ неразрывную связь между тридцати-лѣтней войной и смутами, происходившими въ Великобританіи. Въ этомъ отношеніи онъ всегда привлекателенъ и оригиналенъ и при этомъ онъ жертвуетъ своею наклонностью, заставляя вмѣсто себя говорить всемірно-историческія идеи.

На другую, совершенно національную точку зрѣнія поставилъ себя Зибель въ своей, названной выше статьѣ. Споръ, переходящій теперь изъ устъ въ уста по всей Германіи: на сколько германскіе интересы замѣшаны въ дѣлѣ возстановленія италіянскаго королев-

ства, переносится Зибелемъ изъ области политики въ область исторіи. Между тѣмъ какъ Гизебрехтъ въ римскихъ походахъ и въ пріобрѣтеніи императорской короны Оттономъ I видитъ главнѣйшій моментъ германской исторіи, Зибель признаетъ въ нихъ — и кажется, справедливо — тотъ принципъ, который нѣсколько столѣтій препятствовалъ единству и національной самостоятельности Германіи. Фантастическій походъ въ Италію и мечта объ идеальной всемірной монархіи лишили Германцевъ лучшихъ силъ, благороднѣйшей крови и въ продолженіе всѣхъ среднихъ вѣковъ отклоняли отъ важнѣйшей и ближайшей задачи: сосредоточенія и соединенія германскихъ племенъ неразрывными узами. Реальная потеря, по мнѣнію Зибеля, была значительнѣе идеальнаго пріобрѣтенія. Правда, разсмотрѣніе факта, давно окончившагося, не можетъ служить основаніемъ для осужденія тѣхъ, которые совершили этотъ фактъ вслѣдствіе необходимости и въ пылу страстей. Хотя мы не намѣрены отыскивать за Альпами великихъ подвиговъ Германіи, но нельзя, съ другой стороны, не признать, что въ этихъ италіянскихъ походахъ въ-первые обнаружилась универсальность германскаго народа. Но фактъ отжилъ свою историческую идею, и движеніе народовъ поворачиваетъ ее въ другую сторону.

Объ исторіи Рима въ среднихъ вѣкахъ, Грегоровіуса, мы бы здѣсь не упомянули, еслибъ предметъ ея не обращалъ на себя всеобщаго вниманія и еслибъ обработка не придавала ей значенія художественнаго произведенія, хотя и нѣсколько тяжелаго и всего болѣе похожаго на церковь, построенную въ романскомъ стилѣ, едва развившемся изъ древней постройки базиликъ. Грегоровіусъ слишкомъ увлекается любовью къ римскимъ древностямъ; онъ, именно въ этомъ третьемъ томѣ, содержащемъ періодъ отъ 810 до 1002 года, смѣшиваетъ антикварскій интересъ съ историческимъ. Въ числѣ обильныхъ фактовъ, сообщаемыхъ имъ, только незначительная часть принадлежитъ исторіи Рима; остальные относятся къ церквамъ, монастырямъ, папамъ и императорамъ. Трудно освободиться отъ того мнѣнія, что неутомимая дѣятельность и блистательное изложеніе, погрѣшающее, быть можетъ, только тѣмъ, что покрываетъ пурпуромъ даже ничтожныя обстоятельства, расточаются здѣсь на неблагодарный предметъ. Германское трудолюбіе опять поднимаетъ одно покрывало за другимъ, чтобы впослѣдствіи, быть можетъ, какому нибудь Англичанину дать случай сказать, что это толстое ученое чу-

довище отличается полнымъ отсутствіемъ мыслей и даже недостаткомъ реэстра, какъ насмѣшливо замѣтилъ Томасъ Карлиль о сочиненіи Фойхта «Geschichte Preussens» (Исторія Пруссіи).

Раздѣленіе, существовавшее прежде между различными отраслями исторической жизни, между искусствомъ и литературой, съ одной стороны, и государственными переворотами, съ другой, давно уже прекратилось. Хотя въ каждомъ историческомъ сочиненіи, смотря по его цѣли, преобладаетъ одинъ изъ трехъ элементовъ, историческій, художественный или литературный, но всѣ новѣйшіе германскіе историки сохраняютъ ихъ взаимную связь, зная, что всѣ три происходятъ отъ одного корня и что люди и времена могутъ быть поняты только тогда, когда представляются въ своемъ вліяніи другъ на друга. Какъ въ «Римской исторіи» Грегоровіуса вмѣстѣ съ историческимъ развитіемъ города описываются также его памятники и древности, его художественныя сокровища и поэзія, такъ сочиненіе Германа Гримма «Жизнь Микеля Анджело» (Hannover, Carl Rümpler) содержитъ въ себѣ, кромѣ біографіи автора, исторію Италіи XVI столѣтія. По мнѣнію автора, это лучшій, единственный фонъ, на которомъ можетъ быть выставленъ благородный, могущественный образъ этого великаго художника. Жаль, что Германъ Гриммъ, вслѣдствіе предстоящаго обнародованія новыхъ документовъ и писемъ мяэстро, былъ принужденъ остановиться на смерти Рафаеля. Такимъ образомъ, его сочиненіе представляетъ драгоцѣнный отрывокъ, богатый тонкими и остроумными замѣчаніями объ искусствѣ вообще и о нѣкоторыхъ художественныхъ произведеніяхъ въ частности. Оно не вполнѣ свободно отъ нѣкоторой напыщенности слога и отъ ошибокъ, а мѣстами и растянутости изложенія, за исключеніемъ изображенія доминиканца Савонаролы, которое представляетъ образецъ, исполненный истины и жизни. Съ большимъ сочувствіемъ къ предмету, Эйе (A. v. Eye) написалъ «Жизнь и произведенія Альбрехта Дюрера». Описаніе это вѣрно, основано на хорошихъ изслѣдованіяхъ и чуждо прикрасъ, какъ прилично біографіи нѣмецкаго художника, который отличался простотою отъ своихъ италіянскихъ современниковъ, Леонарда да Винчи, Микеля Анджело и Рафаэля.

Изъ сочиненій по исторіи литературы мы упомянемъ о книгѣ Гетнера: «Geschichte der französischen Literatur im XVIII Jahrhundert» (Исторія французской литературы XVIII столѣтія). Предметъ этотъ благодаренъ и богатъ. Правда, Гетнеръ не изслѣдовалъ его со

всѣхъ сторонъ и вообще представилъ только поверхностно. Онъ слишкомъ мало освободился изъ–подъ зависимости ближайшихъ своихъ источниковъ: Шлоссера, Вильмена, Сентъ–Бёва, и почти совершенно оставилъ безъ вниманія интересную переписку императрицы Екатерины II съ Вольтеромъ и д'Аламберомъ и пребываніе Дидро въ Петербургѣ—предметы, поучительные по заискиванію литературнаго вниманія. Не совсѣмъ онъ также знакомъ съ драматическимъ искусствомъ той эпохи. Но, надо отдать ему справедливость, онъ, по крайней мѣрѣ, вѣрно изобразилъ основныя черты развитія французскаго духа и противупоставилъ ходячимъ, часто до смѣшнаго, нелѣпымъ сужденіямъ Французовъ объ ихъ великихъ писателяхъ спокойную, ясную и справедливую критику. По нѣкоторымъ своимъ статьямъ, книга Карла Францеля: «Dichter und Frauen» (Поэты и женщины), также относится ко временамъ рококо. Она почти во всѣхъ отношеніяхъ хороша. Содержаніе ея основано на строгомъ изслѣдованіи источниковъ и скудные, повидимому, факты оживляются въ ней посредствомъ сближенія ихъ съ произведеніями поэтовъ и посредствомъ блистательнаго слога, только мѣстами черезъчуръ искусственнаго

История литературы находится въ самой тѣсной и неразрывной связи съ самой литературой. Доказательствомъ тому можетъ служить книга: «Der illustrirte neuhochdeutsche Parnasz» (Иллюстрированный новогерманскій Парнасъ, Leipzig, Arnoldische Buchhandlung), Юліуса Минквица. Эта книга представляетъ примѣръ того, какъ въ самой Германіи критикуются нѣмецкіе поэты. Въ сущности, она есть антологія, въ которой, за короткими біографіями поэтовъ, помѣщена болѣе длинная и злобная критика издателя. Минквицъ извѣстенъ какъ хорошій переводчикъ Эсхила; съ тѣхъ поръ, можно сказать, онъ какъ будто опьянѣлъ отъ греческихъ меровъ. Онъ обожаетъ Платена. Дѣйствительно, когда дѣло идетъ объ очищеніи нѣмецкаго фарса, глубоко погрузившагося въ грязь, и о превращеніи его въ художественное произведеніе, то должно обратиться къ комедіямъ Платена: «Die verhängnissvolle Gabel» (Роковая Вила) и «Der romantische Oedipus». (Романтическій Эдипъ) Но все же должно согласиться, что этотъ писатель далеко не принадлежитъ къ числу великихъ поэтовъ, такъ же, какъ превосходный живописецъ Аннибалъ Каракчи не можетъ быть поставленъ рядомъ съ Рафаэлемъ или Кореджіо. Платенъ отличается подражательною, а не творческою способностью. Даже форма у него изученная, заимствованная, а не самородная, основанная на существѣ его

генія, какъ у Шекспира и Гёте. Не его стихотворенія, а пѣсни Гейнриха Гейне, горько и несправедливо осужденнаго Минквицомъ, будутъ предметомъ пѣнія, пока будетъ существовать нѣмецкій языкъ. Но есть книги и писатели, которые съ особымъ удовольствіемъ читаются любителями древностей и въ нѣкоторыхъ исключительныхъ кружкахъ. Къ числу такихъ писателей принадлежитъ и Платенъ. Такъ нѣкоторые, вслѣдствіе ли дѣйствительнаго или мнимаго увлеченія, равнодушно проходятъ мимо превосходнѣйшей картины Галлета или Каульбаха, чтобы предаваться воображаемому восторгу при видѣ античнаго торса, лишеннаго головы и рукъ. Минквицъ производитъ въ поэты перваго разряда всякаго, кто чуть-чуть умѣетъ пролепетать какую-нибудь альцейскую оду. Имена, никому неизвѣстныя въ Германіи, какъ-то: Агнесъ ле-Граве, Аугустъ Петерсъ, Адольфъ Петерсъ, Юлiусъ Гросе, онъ ставитъ на ряду съ именами Гёте и Шиллера. Напротивъ, стихотворенія Геббеля, по мнѣнію Минквица, «безцѣльны, безъ опредѣленнаго содержанія, неточны, напыщенны и непонятны..., въ драмахъ этого писателя нигдѣ нѣтъ слѣда истиннаго поэтическаго таланта..., авторъ представляетъ однѣ только карикатуры или характеры кукольныхъ комедій»; Густавъ Фрейтагъ «только на половину поэтъ»; его «Валентина съ каждымъ актомъ становится хуже», это произведеніе представляетъ «пошлую и пеструю смѣсь приключеній, не имѣющихъ никакого идеальнаго, возвышающаго душу, фона», въ «Soll und Haben» только нѣкоторыя удачныя юмористическія сцены и нѣкоторые либеральные намеки на политическое состояніе Германіи, едва вознаграждаютъ читателя за множество пустыхъ и мертвыхъ (sic!) изображеній»; Гейне, наконецъ, «жалкій острякъ», а Гуцковъ «эфемерный писатель». Мы бы слишкомъ распространились, еслибъ привели всѣ изрѣченія этой странной книги, свидѣтельствующія о чрезмѣрномъ тщеславіи издателя; приведенныхъ здѣсь достаточно для того, чтобы представить нѣмецкую критику съ ея мелкими дрязгами и литературными буршами.

Французскимъ цѣнителямъ искусства, занимающимся иногда нѣмецкой литературой, если они не зависятъ отъ сужденій Юліана Шмидта и журнала «Grenzboten», только то представляется нѣмецкимъ, что носитъ на себѣ печать романтизма и туманности. По ихъ мнѣнію, отъ Рейна до Одера странствуютъ феи, въ каждой развалинѣ обитаютъ демоны, на каждомъ кладбищѣ пляшутъ вѣдьмы и привидѣнія, въ каждомъ озерѣ скрыто какое-нибудь нибелунгенское сокровище.

Крестьяне здѣсь заняты только тѣмъ, что любуются утренней зарей и прислушиваются къ пѣнію утренняго жаворонка; босоногія дѣвушки произносятъ золотыя изрѣченія, на манеръ Спинозы и Гёте; странствующіе князья, одѣтые какъ ремесленники, составляютъ явленіе обыкновенное. Французы считаютъ невозможнымъ, чтобы нѣмецкая поэзія имѣла реальное основаніе; Бальзакъ объявилъ, что только католическая женщина годится для романа. Писатели новой имперіи окончательно потеряли всякую идеальную мысль; только самые пошлые, ничтожные и скучные предметы обыденной жизни считаются у нихъ достойными вниманія. Въ виду этихъ «dames aux camélias» и «aux perles», и этихъ «filles de marbre» или «de plâtre», нѣмецкая поэзія еще сохраняетъ неприкосновеннымъ благородство искусства и стремленіе къ высшему идеалу, какими бы путями она ни старалась его достигнуть. Обыкновенный рынокъ беллетристической литературы не подвергается нашему разсмотрѣнію; онъ служитъ только для доставленія легкаго развлеченія массѣ читающей публики. Въ литературѣ же, которая можетъ имѣть притязаніе на критическую оцѣнку, потому что произведенія ея болѣе или менѣе носятъ на себѣ печать таланта и художественности, замѣчаются три направленія: академическое, реалистическое и юно-германское. Послѣдняя школа, разъяснивъ свои прежніе принципы, сознательно и безсознательно стремится къ сближенію реализма съ идеализмомъ. Всѣхъ древнѣе академическая школа; во главѣ ея находятся: Грильпарцеръ, Гальмъ, Гейбель, Пауль Гейзе, Боденштедтъ и нѣкоторые присоединившіеся къ нимъ молодые мюнхенскіе дѣятели; въ Берлинѣ, не смотря на неизбѣжное различіе въ частностяхъ, можно причислить къ этой школѣ: Германа Гримма, Карла Френцеля, Эд. Темпельтея, Фонтана, Рокетта и другихъ. Она произошла отъ соединенія романтизма съ классицизмомъ, тиковскаго содержанія съ формою Платена. Поэтому, у всѣхъ названныхъ нами писателей, замѣчается особая тщательность слога и изложенія, нѣчто независимое отъ содержанія, не всегда пріятно дѣйствующее на читателя и оставляющее въ душѣ его какой-то холодъ. Быть можетъ, въ этомъ и заключается причина, почему ни одной изъ многочисленныхъ драматическихъ попытокъ академической школы не удалось долго удержаться на сценѣ. Лавровый вѣнокъ, который мюнхенская коммиссія, для назначенія преміи за лучшее драматическое произведеніе, съ такою готовностью присудила Гейзе за его «Сабинянокъ», скоро былъ смятъ свободной критикой.

Эта піеса, кромѣ нѣкоторыхъ превосходныхъ стиховъ и разсказа Тулліи, описывающей убіеніе своего мужа, не представляетъ ничего, возвышающагося надъ посредственностью. «Элизабета Шарлотта» была болѣе благосклонно принята публикою, конечно по причинѣ элементовъ, которые Паулъ Гейзе, совершенно забывъ свою аристократическую натуру, заимствовалъ у драмъ госпожи Бирхъ—Пфейфферъ. Въ отношеніи поэтическаго содержанія, эта піеса еще уступаетъ «Сабинянкамъ». Наконецъ, драма «Die Grafen von Esche» (Графы Эше), которая недавно была представлена на вѣнской сценѣ, есть переложеніе анекдота, взятаго изъ хроникъ Фруассара, и въ нѣкоторомъ родѣ имѣетъ сходство съ піесами Ахима фонъ—Арнимъ, изъ которыхъ одну самъ авторъ справедливо назвалъ кукольной комедіей. Паулъ Гейзе не имѣетъ драматическаго таланта; онъ насильственно попалъ на это поприще, которое противно его уму. Онъ отъ природы лирикъ, воспитанный въ школѣ Гёте и древнихъ классиковъ. Принадлежа къ новому времени и къ романтикамъ по своей склонности къ описанію и изслѣдованію духовныхъ явленій, онъ всего свободнѣе проявляетъ свой талантъ въ повѣствованіи, какъ прозой, такъ и стихами. Здѣсь онъ съ успѣхомъ скрываетъ недостатокъ драматизма и внутренней борьбы страстей повѣствовательнымъ тономъ и спокойно изображаетъ міръ въ томъ видѣ, какъ его понимаетъ; не смотря на страданія героевъ и потрясенія, которымъ они подвергаются, разсказчикъ, подобно гомерическимъ богамъ, спокойно остается на высотѣ, защищенный отъ бурь и треволненій, потрясающихъ созданныя имъ лица. Въ сущности, Гейзе и своимъ героямъ любитъ, послѣ перенесенныхъ ими бѣдствій, доставлять ту гармонію, которою наслаждается самъ. Въ отношеніи воззрѣнія на міръ, онъ придерживается оптимизма Лейбница. Столкновенія, въ какія онъ приводитъ свои дѣйствующія лица въ разсказахъ, наконецъ объясняются заблужденіями, обстоятельствами, препятствовавшими счастію, но не нарушившими его окончательно. Если Гейзе и не значительнѣйшій, за то трудолюбивѣйшій изъ талантовъ академической школы — если только такое названіе, основанное на сходствѣ стремленій и на одинаковости принциповъ относительно художественной формы, можетъ быть отнесено къ людямъ, не имѣющимъ между собою никакой другой связи и даже часто приходящимъ другъ съ другомъ въ непріятныя столкновенія. Въ драмѣ, Гейзе превосходитъ и Гримма, котораго, «Demetrius» совершенно не удался, и Темпельтея, у котораго всякая характеристика и всякое представ-

леніе дѣйствія превращается въ какой-то лиризмъ, вслѣдствіе лирическаго увлеченія автора, доставившаго намъ прелестное собраніе пѣсенъ, подъ заглавіемъ: «Mariengarten». Вообще прошедшій годъ не благопріятствовалъ драмѣ. Коммиссія, учрежденная нынѣшнимъ королемъ Пруссіи еще въ то время, когда онъ былъ регентомъ, 10-го ноября 1859 года, для назначенія преміи за лучшее драматическое произведеніе, не признала ни одной изъ представленныхъ ей піесъ достойною награды. Она не хотѣла ни подвергнуться критикѣ, ни высказать публично своего собственнаго мнѣнія относительно драматургіи. Вообще, подобнаго рода учрежденія — дѣло весьма щекотливое и въ наше время совершенно безполезное. Еще въ 1859 году, кромѣ многихъ голосовъ, хвалившихъ эту мѣру, раздались и такіе, которые ее порицали. Главнѣйшій изъ нихъ былъ голосъ Гуцкова, который въ нѣсколькихъ остроумныхъ статьяхъ представилъ всю смѣшную сторону этого учрежденія и весь вредъ, какой оно должно обнаружить непосредственно на литературное производство, заставляя поэтовъ, вопреки ихъ собственному желанію, подвергать свои произведенія, кромѣ суда публики, еще суду особой коммиссіи. Покровительство талантамъ должно быть со стороны самого общества. Къ этому протесту присоединился также Фрейтагъ. Многіе думали, что его трагедія «Фабіи» удостоится преміи. Откровенно говоря, мы также считали это произведеніе достойнымъ награды, по причинѣ его превосходства, удачной характеристики и мастерскаго языка. Коммиссія разсудила иначе; ужъ не ожидаетъ ли она появленія новаго драматическаго Мессіи? Произведенія доставленныя на этомъ поприщѣ прошедшимъ годомъ, едва ли допускаютъ подобную надежду. Вейленъ въ своихъ драмахъ: «Тристанъ и Изольда» и «Гартманъ фонъ деръ Ауе», тщетно старается придать драматическій интересъ этимъ двумъ средневѣковымъ сагамъ. Единственнымъ украшеніемъ этихъ піесъ служитъ лирическій паоосъ, который большею частію не производитъ никакого впечатлѣнія, такъ какъ онъ насильственнымъ образомъ влагается въ уста дѣйствующихъ лицъ. Самый значительный успѣхъ, кажется, пріобрѣла піеса Густава Путлица: «Don Juan d'Austria». Въ этомъ авторѣ, который прежде извѣстенъ былъ нѣсколькими маленькими комедіями, во вкусѣ французскихъ proverbes, неожиданно проявился новый поэтическій даръ. Его піесы: «Завѣщаніе великаго курфирста» и «Донъ Жуанъ д'Аустрія», по своей формѣ, достойны замѣчанія; онѣ отличаются и удачнымъ выборомъ предмета и хорошимъ выполненіемъ. Правда, онѣ

нѣсколько напоминають собою произведенія госпожи Бирхъ-Пфейфферъ, и сюжетъ ихъ обработанъ не вполнѣ поэтически; но надо принять во вниманіе ту жалкую посредственность, какою отличаются піесы, наполняющія въ настоящее время репертуаръ нѣмецкой сцены, чтобы отдать должную справедливость этимъ искусственнымъ цвѣтамъ Путлица. Въ трагедіи «Донъ Жуанъ австрійской представлена катастрофа этого молодаго героя, послѣдняго изъ рыцарей. Поэтъ превратилъ его мать, аугсбургскую гражданку, въ бельгійскую благородную даму, которая, изъ ненависти къ своему прежнему любовнику, императору Карлу V, ненавидитъ всѣхъ Испанцевъ и, какъ пламенная патріотка, во время войны за независимость нидерландскихъ провинцій, принимаетъ сторону своихъ возмутившихся соотечественниковъ. Для прекращенія этой войны, Донъ Жуанъ австрійскій отправленъ въ Брюссель своимъ братомъ, Филиппомъ II. Но онъ видитъ, что за нимъ наблюдаютъ слуги короля, который ему не вполнѣ довѣряетъ; онъ узнаетъ, что въ Мадритѣ его вѣрнѣйшій другъ, Эсковедо, умерщвленъ по приказанію Филиппа; онъ уступаетъ требованіямъ бельгійскаго дворянства и готовъ объявить себя правителемъ Нидерландъ, но преданный въ руки враговъ, отчасти своею собственною матерью, слишкомъ поздно узнавшею тайну его рожденія, умираетъ отъ испанскаго яда. Основный недостатокъ этой трагедіи легко замѣтить. Авторъ, вслѣдствіе ли каприза или вслѣдствіе сознанія собственнаго недостатка силъ, ослабляетъ подъ конецъ трагическій элементъ своего произведенія, основанный на ненависти матери къ сыну: Донъ Жуанъ долженъ былъ бы умереть исключительно отъ руки этой женщины. Такимъ образомъ, Путлицъ превращаетъ свою трагедію въ драму, съ печальнымъ концомъ, который даже не обусловливается какою-нибудь виною главнаго дѣйствующаго лица. При этомъ великія творенія «Валленштейнъ» и «Эгмонтъ» сами собою приходятъ на умъ читателю и своимъ лучезарнымъ блескомъ ослабляютъ блескъ этого произведенія, которому они служатъ образцомъ. Въ то время, какъ «на востокѣ засіяла заря» Путлица, — мы заимствуемъ выраженіе изъ одного французскаго письма Фридриха Великаго — «на западѣ заходило солнце» Брахфогеля. Послѣ успѣха, какой имѣлъ его «Нарцисъ», вслѣдствіе геніальности, проглядывающей въ цѣломъ твореніи, не смотря на тысячу недостатковъ въ частности, Брахфогель ни въ романѣ, ни въ драмѣ не удержался на занятой имъ высотѣ. Его романы: «Фридеманъ Бахъ» и

«Бенони», по своему пестрому и фантастическому содержанію, принадлежатъ къ произведеніямъ романтической школы. По недостатку въ нихъ связи и по непослѣдовательности изложенія, они напоминаютъ собою самыя жалкія подражанія романамъ Жанъ-Поля. Мѣстами въ нихъ проглядываетъ пристрастіе къ жалкому историко-романтическому роду, которымъ Луиза Мюльбахъ сплела себѣ золотые вѣнки. Гораздо выше, по достоинству, трагедіи Брахфогеля: «Адальбертъ фонъ Бабенбергъ» Monderaus», «Узурпаторъ». Во всѣхъ этихъ произведеніяхъ видна буря дикаго, блуждающаго, съ самимъ собою борющагося духа, который не можетъ освободиться отъ собственныхъ заблужденій. Въ Брахфогелѣ недостаетъ того элемента, которымъ отличается античное искусство. Недостатокъ полнаго образованія мститъ этому писателю, тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе онъ, какъ писатель, старается освободиться отъ этого гнета и подняться на высоту философскаго воззрѣнія. Брахфогель читаетъ много, но безъ толку; многое изъ прочтеннаго онъ понимаетъ, многое же остается для него непонятымъ. Такимъ образомъ, произведенія этого автора представляютъ хаосъ мыслей и чувствъ, нѣчто въ родѣ того, что Горацій называетъ indigesta moles; они отличаются тривіальнымъ содержаніемъ и натянутою формою; дѣйствующія лица въ нихъ похожи на карликовъ, идущихъ на котурнахъ. По первоначальному своему таланту Брахфогель мелодраматикъ. Французскія чудовищныя піесы театра de la porte St.-Martin подожгли его фантазію; во всѣхъ его произведеніяхъ замѣтно стремленіе къ чему-то чудесному и непонятному. Также и въ «Узурпаторѣ». Эта пьеса представляетъ жизнь Оливера Кромвеля, не столько въ государственно-историческомъ, сколько въ семейномъ отношеніи. Убіеніе Карла I въ ней превращено въ пустую интригу, болѣе годную для какой-нибудь комедіи, въ родѣ скрибовской «Un verre d'eau». Угрызенія совѣсти и страхъ Кромвеля передъ портретомъ обезглавленнаго короля отличаются мелодраматическимъ характеромъ. Столкновенія между главнымъ дѣйствующимъ лицомъ и его сыномъ, Ричардомъ, который возстановленіе королевства предпочитаетъ республикѣ и своему собственному господству, напоминаютъ собою ссоры старыхъ, угрюмыхъ отцовъ съ ихъ вспыльчивыми сыновьями, изъ фамильныхъ піесъ Иффланда.

Въ области лирической и романтико-эпической поэзіи также не много произведеній, достойныхъ особой похвалы; въ числѣ ихъ нѣтъ ни одного, отличающагося прочнымъ достоинствомъ; всѣ они пред-

ставляютъ полевые цвѣтки, съ запахомъ, но безъ плодовъ. Куда дѣвались тѣ дни, когда настраивали свою лиру Гейне, Ленау, Грюнъ и Фрейлигратъ и когда по временамъ шумѣла буря восторга по золотымъ струнамъ старой арфы Уланда?! Гейзе, Гейбель и Фрейлигратъ большею частію занимаются переводами итальянскихъ, испанскихъ и англійскихъ стихотвореній. Въ маленькихъ эпическихъ разсказахъ, распространившихся послѣ успѣха «Амаранты», Оскара Редвица, и сдѣлавшихся, вслѣдствіе изящества изданія, необходимою модною принадлежностью каждаго дамскаго стола, и на этотъ разъ не было недостатка. Къ числу замѣчательныхъ произведеній этого рода мы относимъ; «Thekla», разсказъ Поля Гейзе, содержащій исторію святой, заимствованную изъ христіанскихъ преданій; «Das Mädchen von Capri» (каприйская дѣвушка), Юліуса Гросе, который, къ сожалѣнію, не вполнѣ еще владѣетъ гекзаметромъ, и «Ланцелотъ и Геновева», Вильгельма Герца. Послѣднему произведенію мы готовы отдать преимущество; оно отличается какою-то чувственною, слишкомъ рѣзко представленною, но мѣстами упоительною страстью, какою-то полнотою и глубиною чувства. Не вполнѣ еще обработанный талантъ автора, нѣсколько отзывающійся схоластическою школьною пылью, обѣщаетъ въ будущемъ много прекраснаго. Всего лучше эта школа проявляется въ области новеллы и романа; здѣсь она снова присвоила себѣ покинутую форму Тика и наполнила ее новою жизнью. Новеллы Гейзе, Гримма, Френцеля, съ его суровымъ, трагическимъ воззрѣніемъ на міръ, нѣмецкая критика привѣтствовала какъ мастерскія произведенія.

Въ сравненіи съ дѣятельностью этихъ юныхъ силъ, которыхъ особенность и стремленіе къ прекрасному проявляется даже въ произведеніяхъ, не удавшихся въ этомъ отношеніи, реалистическая школа произвела не много. Главнѣйшіе ея таланты, Густавъ Фрейтагъ и Отто Лудвигъ, котораго произведеніе «Zwischen Himmel und Erde» (Между небомъ и землей) всегда останется образцомъ глубочайшаго изслѣдованія человѣческой души и изумительно прекраснаго изложенія, на этотъ разъ не представили ни одного сочиненія. Удары ихъ критика, Юліана Шмидта, въ журналѣ «Grenzboten» теперь уже не падаютъ такъ часто и такъ разрушительно на головы великихъ и малыхъ писателей, какъ прежде. Очевидно наступила реакція. Реалистическая школа возникла отъ односторонняго пристрастія къ англійскимъ романамъ; начало ея совпадаетъ съ 1849 годомъ. Такъ какъ все идеальное превратилось въ ничтожество или туманъ, то литература снова устре-

милась къ дѣйствительному міру. Только въ немъ одномъ, въ деревняхъ, купеческихъ конторахъ, полагала она найти реальную жизнь, здоровыя натуры, не поврежденныя образованіемъ. Кромѣ образца, Боза, можно было назвать и нѣсколькихъ нѣмецкихъ писателей, шедшихъ по тому же пути, какъ–то: Іереміаса Готтгельфа и Бертгольда Ауербаха. У перваго съ намѣреніемъ не замѣчали, что его произведенія имѣли педагогическую цѣль, а у Бертгольда Ауербаха — что за его искусственною шварцвальдскою естественностью скрывался прежній романтизмъ. Правда, въ первомъ пылу борьбы Юліанъ Шмидтъ предалъ проклятію все то, что, по его мнѣнію, имѣло «фантастичсскій» или «безнравственный» характеръ—оба понятія сливались у него въ одно. Но теперь начинаетъ господствовать болѣе умѣренный взглядъ. Никто не станетъ отрицать, что дѣйствительность богата источниками поэзіи, что народныя сцены въ «Теллѣ», «Эгмонтѣ» и «Лагерѣ Валленштейна» созданы на прочномъ основаніи точныхъ и вѣрныхъ наблюденій народной жизни. Но, съ другой стороны, защитники реализма должны также признать, что и противники ихъ справедливы съ своей точки зрѣнія. Такимъ образомъ, готовится соединеніе обоихъ направленій. Единственное замѣчательное произведеніе, принадлежащее реалистамъ, — «Joseph im Schnee», Ауербаха. Это одна изъ тѣхъ *календарныхъ* исторій, которыя авторъ, со всевозможными украшеніями, переноситъ изъ первоначальной узкой, скромной сферы въ болѣе высокую. Талантъ Ауербаха къ представленію мелкихъ сюжетовъ обнаруживается здѣсь, какъ и во всѣхъ его произведеніяхъ. Его описанія природы имѣютъ какую то таинственную прелесть и заставляютъ забыть неестественность созданныхъ имъ лицъ. Всякій смѣялся надъ «Barfüszle» (Босоногая) и ея велемудрыми изрѣченіями и надъ крестьянами, которые топотъ коня называютъ «серебренымъ» («silbertrab»). Но что прикажете дѣлать? Не даромъ же Ауербахъ такой пламенный поклонникъ Гёте; возможно ли послѣ того, не смотря на избранный девизъ «здравый смыслъ», устоять противъ обольстительныхъ сѣтей фантазіи! Послѣдователей Ауербаха — цѣлый легіонъ. Мы упомянемъ здѣсь только о Мельхіорѣ Мейрѣ и его «Erzälung en aus dem Ries». Эти разсказы, въ отношеніи къ истинѣ и въ особенности въ отношеніи къ вѣрности описанія деревни, ея жителей, нравовъ и предразсудковъ, по нашему мнѣнію, выше произведеній наставника, которымъ они, правда, уступаютъ въ отношеніи формы.

Подъ названіемъ юно-германской школы мы разумѣемъ корифеевъ литературы прежнихъ годовъ, съ 1830 по 1846: Гуцкова, Лаубе, Кюне, Мундта. Къ нимъ же причисляемъ и Геббеля, который правда имѣетъ очевидное сходство съ послѣдователями академической школы. Быть можетъ, здѣсь всего болѣе умѣстно указать на литературное шарлатанство, обнаружившееся появленіемъ въ Амстердамѣ собранія стихотвореній въ нѣсколькихъ томахъ, подъ заглавіемъ «Heinrich Heine's Nachlasz.» Болѣе жалкаго подражанія этому поэту намъ никогда не случалось видѣть. Положимъ, что въ стихотвореніи «Lazarus in der Pariser Matrazengruft» остроты заимствованы у господъ Штрудельвица и Прудельвица, изъ берлинскаго Кладдерадача; все же такая продѣлка служитъ оскорбленіемъ памяти писателя, бывшаго любимцемъ «всѣхъ музъ». Чье ухо въ состояніи сочувствовать ритму стиха, тотъ не повѣритъ, чтобы перо, писавшее «Атта Тролля» и зимнюю сказку «Deutschland,» унизилось стихотвореніемъ, въ такой степени лишеннымъ вкуса и гармоніи, какое въ этомъ собраніи намъ представляетъ издатель, господинъ Штейнманнъ, въ «Берлинѣ». Гуцковъ всегда былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ литераторовъ юно-германской школы. Онъ въ такой степени соединяетъ въ себѣ всѣ превосходства и недостатки другихъ, что въ полномъ смыслѣ слова можетъ служить ихъ представителемъ. На поприщѣ поэзіи онъ возвысился только путемъ мысли и изслѣдованія. Поэтому, въ его произведеніяхъ, не смотря на встрѣчающіеся въ нихъ проблески чувства, главнымъ элементомъ служитъ проницательный умъ. Гуцковъ съ необыкновеннымъ остроуміемъ слѣдитъ за движеніями вкуса и взглядовъ общества и умѣетъ подмѣтить въ нихъ какую нибудь новую, никѣмъ не замѣченную сторону. Онъ принималъ самое живое участіе во всѣхъ вопросахъ, занимавшихъ современниковъ. Иногда онъ разсматривалъ эти вопросы какъ журналистъ, иногда употреблялъ ихъ матеріаломъ для своихъ драмъ и романовъ. Поэтому, во всѣхъ его твореніяхъ появляется философія, политика, теологія. Гуцковъ не можетъ себѣ представить искусства безъ такого соединенія. Всякое литературное произведеніе, по его мнѣнію, должно имѣть современную тенденцію. Новѣйшій романъ Гуцкова «der Zauberer von Rom» (Римскій чародѣй) основанъ на этихъ началахъ. Онъ не оконченъ, а потому еще невозможно судить о цѣломъ твореніи. Только то не подлежитъ сомнѣнію, что романъ въ девяти частяхъ, по самому отсутствію въ немъ формы, уклоняется

отъ всѣхъ законовъ, требуемыхъ этого рода прозаическими разсказами. Эпизоды въ немъ, по необходимости, дѣлаются все многочисленнѣе и обширнѣе, чѣмъ тонкая нить главнаго дѣйствія. Интрига становится все запутаннѣе и цѣлое твореніе принимаетъ тѣмъ болѣе фантастическій тонъ, чѣмъ болѣе авторъ старается поставить на реальную почву свои символическія фигуры, которыя должны представить только отдѣльныя стороны его идеи. Гуцковъ самъ разсказалъ первую поэтическую мысль, подавшую поводъ къ этому роману: видъ двухъ медленно сгоравшихъ свѣчей, стоявшихъ другъ противъ друга на алтарѣ церкви, представился ему символомъ несчастной любви, которая, вслѣдствіе невозможности удовлетворенія, медленнымъ огнемъ пожираетъ католическаго патера и католическую дѣвушку, отличающуюся чистымъ, безпорочнымъ сердцемъ. Но этотъ сюжетъ, чисто поэтическій, казался автору недостаточнымъ; Гуцковъ тотчасъ присоединилъ къ нему цѣль: представить сущность католицизма и вліяніе, которое Римъ «своими чарами» обнаруживаетъ на міръ и въ особенности на Германію. Между тѣмъ, какъ романъ «die Ritter vom Geist» изображаетъ состояніе и политическіе вопросы сѣверной Германіи, въ романѣ «der Zauberer von Rom» выставляется картина южной Германіи, Италіи и католической церкви. Какъ мы уже замѣтили, нельзя еще сдѣлать сужденія относительно цѣлаго произведенія и основной его интриги. Частности превосходны. Картины вестфальской жизни, написанныя широкою кистью, принадлежатъ къ лучшимъ страницамъ Гуцкова. Книга не бѣдна также поэтическими сценами. Независимо отъ растянутости романа, мы считаемъ главнымъ его недостаткомъ то обстоятельство, что авторъ слишкомъ часто смѣшиваетъ средневѣковую католическую церковь съ новѣйшею и относитъ къ послѣдней образы и явленія, которые возможны были только въ среднихъ вѣкахъ. Во всякомъ случаѣ, это произведеніе служитъ новымъ доказательствомъ ума и богатой фантазіи Гуцкова.

Ни Лаубе, ни Кюне не представили въ прошедшемъ году ни одного творенія; «Нибелунги» Геббеля существуютъ еще только въ рукописи, а Мундтъ пишетъ «историческіе романы» на перегонку съ своею женою, Луизою Мюльбахъ. Здѣсь мы касаемся той точки литературы, гдѣ, само собою разумѣется, прекращается всякая критика. Напрасно было бы бороться съ плодовитостью Левина Шюккинга, Теодора Мюгге и Эрнста-Виллькомна, которымъ, при всей

ихъ поспѣшности, нельзя отказать въ изобрѣтательности и искусствѣ изложенія. Но критика стыдливо должна опустить свой флагъ передъ Луизою Мюльбахъ. Нѣтъ ни одного писателя, который бы съ такою неустрашимостью и беззаботностью изъ каждаго листка исторіи выкраивалъ романъ. Этой дамѣ стоитъ только опустить руку въ историческую жизнь, чтобы черпать оттуда сюжеты. Одно произведеніе влечетъ за собой другое: за Фридрихомъ II является Іосифъ II, потомъ Леопольдъ II, далѣе картины «наполеонскихъ временъ»: Гортензія, Жозефина, Наполеонъ въ Германіи. Крохи, падающія со стола богатой госпожи, подбираетъ ея супругъ и превращаетъ въ новые образы. Такъ возникли: Мирабо, Робеспіеръ, царь Павелъ. Фабрикація этихъ «романовъ» легка: всѣ они состоятъ изъ какой-нибудь несчастной любовной интриги, къ которой присоединяется извлеченіе изъ мемуаровъ и собраній анекдотовъ, частію представляемое въ видѣ простой выписки, частію перелагаемое въ форму разговора. Примѣръ госпожи Мюльбахъ обнаружилъ поджигательное дѣйствіе: вездѣ стали являться подражатели и подражательницы на открытомъ ею поприщѣ. Частію такой маніи содѣйствуетъ вкусъ публики къ историческому чтенію. Эти такъ называемые «историческіе романы,» заимствованные изъ мемуаровъ, занимаютъ въ литературѣ такое же мѣсто, какое на сценѣ занимаютъ фарсы, сто разъ дававшіеся на второстепенныхъ столичныхъ театрахъ. Они представляютъ жалкія творенія, лишенныя всякаго огня. Гораздо болѣе отраднымъ явленіемъ служатъ историческіе романы Георга Гезекіеля: «Ein Graf von Koenigsmark»—и «Lux et Umbra» (Свѣтъ и тѣнь), содержащій исторію прелестной Филиппины Вельзеръ. Въ этихъ произведеніяхъ виденъ свѣжій живописный талантъ историческаго *genre*. Они не проникнуты художественной идеей, но связаны только личностью главнаго дѣйствующаго лица. Это блистательные эскизы, часто поражающіе вѣрностью изображенія. Нѣкоторое сродство съ ними имѣютъ прелестныя описанія путешествій Юліуса Роденберга: «Островъ святыхъ» и «Странствованіе въ Ирландію.» Въ нихъ превосходное знаніе страны и народа соединяется съ юмористическими приключеніями путешественника и съ блистательнымъ описаніемъ природы. Нѣкоторыя страницы этихъ описаній, по своему остроумному изложенію, могутъ выдержать сравненіе съ «Сентиментальнымъ путешествіемъ» Стерна.

Такимъ образомъ, нѣмецкая литература 1860 года, хотя и не представляетъ ни одного сочиненія, производящаго эпоху, ни одного

таланта, на которомъ бы взоръ Германіи останавливался съ особеннымъ удовольствіемъ, но въ общемъ итогѣ ея современная литература стоитъ выше французской и во многихъ отношеніяхъ соперничаетъ съ англійской. Идеализмъ, въ которомъ такъ долго и такъ безплодно носилась наша мысль, начинаетъ сближаться съ реализмомъ; но между этими двумя направленіями еще есть огромное разстояніе, наполняемое посредственностями нашей эпохи. Нельзя не замѣтить, что литературы всей Европы, какъ и политическія судьбы ея, находятся въ переходномъ состояніи: есть идея, неосязаемая для чувства, неясная для ума, но эта идея тревожитъ человѣчество и неоспоримо влечетъ его на новый, можетъ быть, болѣе широкій путь. Что касается національнаго ума Нѣмцевъ, онъ развивается все болѣе и болѣе рельефно. Быть можетъ, на поприщѣ поэзіи явится новый геній, который будетъ имѣть то превосходство передъ Гёте и Шиллеромъ, что въ его произведеніяхъ отразится народное чувство и народная самобытность, какъ въ трагедіяхъ Эсхила и Софокла, въ идеальномъ величіи, отражался образъ каждаго аѳинскаго гражданина.

Д. ФРЕНЦЕЛЬ.

Письмо А. Пушкина А. А. Бестужеву.

Безъ означенія числа и года.

Отвѣчаю на первый параграфъ твоего взгляда. У Римлянъ вѣкъ посредственности предшедствовалъ вѣку *геніевъ* — грѣхъ отнять это титло у таковыхъ людей, каковы Виргилій, Горацій, Тибуллъ, Овидій и Лукреціи, хотя они (*)—кромѣ двухъ послѣднихъ, шли столбовою дорогою подражанія. Критики греческой мы не имѣемъ. Въ Италіи Dante и Petrarca предшествовали Тассу и Аріосту, сіи предшествовали Alfieri и Foscolo. У Англичанъ Мильтонъ и Шекспиръ писали прежде Аддиссона и Попа, послѣ которыхъ явились

(*) *Виноватъ*! Горацій не подражатель.

Southey, Walter Scott, Moor и Byron — изъ этого мудрено вывести какое нибудь заключеніе или правило. Слова твои вполнѣ можно примѣнить къ одной французской литературѣ.

У насъ есть критика, а нѣтъ литературы. Гдѣ-жь ты это нашелъ? именно критики у насъ и недостаетъ. Отселѣ репутаціи Ломоносова (*) и Хераскова, и если послѣдній упалъ въ общемъ мнѣніи, то вѣрно ужъ не отъ критики Мерзлякова. Кумиръ Державина $^1/_4$ золотой $^3/_4$ свинцовой донынѣ еще не оцѣненъ. Ода къ Фелицѣ стоитъ на ряду съ Вельможей, ода Богъ съ одой на Смерть Мещерскаго, Ода къ Зубову недавно открыта. Княжнинъ безмятежно пользуется своею славою, Богдановичь причисленъ къ лику, великихъ поэтовъ, Дмитріевъ также. Мы не имѣемъ ни единаго коментарія, ни единой критической книги. Мы не знаемъ что такое Крыловъ, Крыловъ который столь же выше Лафонтена, какъ Державинъ выше Б. Руссо. Что же ты называешь критикою? Вѣстникъ Европы и Благонамѣренный? библіографическія извѣстія Греча и Булгарина? свои статьи? но признайся что это все не можетъ установить какого нибудь мнѣнія въ публикѣ, не можетъ почесться уложеніемъ вкуса. Каченовскій тупъ и скученъ; Гречь и ты остры и забавны — вотъ все что можно сказать объ васъ. — Но гдѣ-же критика? Нѣтъ, фразу твою скажемъ на оборотъ, литература кой какая у насъ есть, а критики нѣтъ — Впрочемъ ты самъ не много ниже съ этимъ соглашаешься.

Отъ чего у насъ нѣтъ геніевъ и мало талантовъ? Во первыхъ у насъ Державинъ и Крыловъ, — во вторыхъ гдѣ-же бываетъ *много* талантовъ.

Ободренія у насъ нѣтъ — и слава Богу! Отъ чего же нѣтъ? Державинъ, Дмитріевъ были *въ ободреніе* сдѣланы министрами. Вѣкъ Екатерины — вѣкъ ободреній, отъ этого онъ еще не ниже другаго. Карамзинъ кажется ободренъ; Жуковскій не можетъ жаловаться, Крыловъ также. Гнѣдичь въ тишинѣ кабинета совершаетъ свой подвигъ; посмотримъ когда появится его Гомеръ. Изъ неободренныхъ вижу только себя да Баратынскаго — и не говорю слава Богу! *Ободреніе можетъ оперить только обыкновенныя даро-*

(*) Уважаю въ немъ великаго человѣка, но конечно не великаго поэта. Онъ понялъ истинный источникъ русскаго языка и красоты онаго; вотъ его главная заслуга.

ванія. Не говорю объ Августовомъ вѣкѣ. Но Тассъ и Аріостъ оставили въ своихъ поэмахъ слѣды княжескаго покровительства. Шекспиръ лучшія свои комедіи написалъ *по заказу* Елисаветы. — Мольеръ былъ камердинеромъ Людовика; безсмертный Тартюфъ, плодъ самаго сильнаго напряженія комическаго генія, обязанъ бытьемъ своимъ заступничеству монарха; Вольтеръ *лучшую* свою поэму писалъ подъ покровительствомъ Фридерика.... Державину покровительствовали три царя.... Ты не то сказалъ, что хотѣлъ; я буду за тебя говорить.

Такъ! мы можемъ праведно гордиться: наша словесность, уступая другимъ въ роскоши талантовъ, тѣмъ предъ ними отличается, что не носитъ на себѣ печати рабскаго униженія. Наши таланты благородны, независимы. Съ Державинымъ умолкнулъ голосъ лжи — а какъ онъ льстилъ?

О вспомни какъ въ томъ восхищеньи
Пророча, я тебя хвалилъ:
Смотри, я рекъ, тріумфъ минуту
А добродѣтель вѣкъ живетъ.

Прочти посланіе къ А. (Жук, 1815 году), вотъ какъ русскій поэтъ говоритъ русскому Царю. Пересмотри наши журналы, все текущее въ литературѣ.... Объ нашей–то лирѣ можно сказать, что Мирабо — сказалъ о Сіесѣ: Son silence est une calamité publique. Иностранцы намъ изумляются — они отдаютъ намъ полную справедливость — не понимая какъ это дѣлалось. — Причина ясна. У насъ писатели взяты изъ высшаго класса общества. — Аристократическая гордость сливается у нихъ съ авторскимъ самолюбіемъ, мы не хотимъ быть покровительствуемы равными. Вотъ чего В. не понимаетъ. Онъ воображаетъ, что русскій поэтъ явится въ его передней съ посвященіемъ или съ одою — а тотъ является съ требованіемъ на уваженіе какъ шести-сотъ-лѣтній дворянинъ — дьявольская разница!

Все, что ты говоришь о нашемъ воспитаніи, о чужестранныхъ и междуусобныхъ (прелесть!) подражателяхъ — прекрасно, выражено сильно, и съ краснорѣчіемъ сердечнымъ. Вообще мысли въ тебѣ кипятъ. — Объ *Онѣгинѣ*, ты не высказалъ всего, что имѣлъ на сердцѣ, чувствую почему и благодарю — но зачѣмъ–же ясно необнаружить своего мнѣнія? — покамѣсть мы будемъ руководствоваться личными нашими отношеніями, критики у насъ не будетъ — а ты достоинъ её создать,

Твой Турниръ напоминаетъ турниры W. Scotta. Брось этихъ нѣмцевъ и обратись къ намъ православнымъ; да полно тебѣ писать *быстрыя* повѣсти съ романтическими переходами — это хорошо для поэмы байронической. Романъ требуетъ *болтовни;* высказывай все на чисто. Твой Владиміръ говоритъ языкомъ нѣмецкой драмы, смотритъ на солнце въ полночь (*), etc. но описаніе стана литовскаго, разговоръ плотника съ час. прелесть, конецъ такъ же. Впрочемъ вездѣ твоя необыкновенная живость, а ты перешли мнѣ свои возраженія, покамѣсть обнимаю тебя отъ души.

Еще слово: ты умѣлъ въ 1822 году жаловаться на туманы нашей словесности — а нынѣшній годъ и спасибо не сказалъ старику Шишкову. — Кому же какъ не ему обязаны мы нашимъ оживленіемъ?

Отъ А. Пушкина А. А Бестужеву.

30 Ноября, безъ означенія года.

Я очень обрадовался письму твоему, мой милый, я думалъ уже что ты на меня дуешься,—радуюсь и твоимъ занятіямъ. Изученіе новѣйшихъ языковъ должно въ наше время замѣнить латинскій и греческій—таковъ духъ вѣка, и его требованія. Ты—да, кажется, Вяземскій—одни изъ нашихъ литераторовъ—учатся; всѣ прочія разучаются—жаль, высокій примѣръ Карамзина долженъ былъ ихъ образумить. Ты ѣдешь въ Москву; поговори тамъ съ Вяземскимъ объ журналѣ; онъ самъ чувствуетъ въ немъ необходимость—а дѣло было бы чудно—хорошо. Ты пѣняешь мнѣ за то, что я не печатаюсь—надоѣла мнѣ печать—опечатками, критиками, защищеніями etc... Однако поэмы мои скоро выдутъ. И онѣ мнѣ надоѣли; Русланъ—молокососъ; Плѣнникъ зеленъ и передъ поэзіей Кавказской природы,—поэма моя—Голиковская проза. Кстати: кто писалъ о горцахъ въ пчелѣ? вотъ

(*) Стр. 330.

поэзія! не я-ли, герой моего воображенія? когда я вру съ женщинами, я ихъ увѣряю, что я съ нимъ разбойничалъ на Кавказѣ, прострѣливалъ Грибоѣдова, хоронилъ Шереметева—въ немъ много, въ самомъ дѣлѣ, романтизма. Жаль, что я съ нимъ не встрѣтился въ Кабардѣ—поэма моя была бы лучше!—Важная вещь. я написалъ трагедію, и ею очень доволенъ, но страшно въ свѣтъ выдать—робкій вкусъ нашъ не стерпитъ истиннаго романтизма. Подъ романтизмомъ у насъ разумѣютъ Ламартина. Сколько я не читалъ о романтизмѣ, все не то; даже К. вретъ. Что такое его духи? до сихъ поръ я ихъ не читалъ. Жду твоей новой повѣсти да возьмись-ка за цѣлый романъ—и пиши его со всею свободою разговора или письма, иначе все будетъ слогъ сбиваться на Коцебятину. Кланяюсь плащщику Р. какъ говаривалъ покойникъ Платовъ, но я право болѣе люблю стихи безъ плана, чѣмъ планъ безъ стиховъ.

Желаю вамъ, друзья мои, здоровья и вдохновенія.

30 Ноября.

Принцъ Уэльскій на могилѣ Вашингтона.

Трудныя эпохи народной жизни богаты замѣчательными личностями, на которыхъ историкъ останавливается съ отраднымъ чувствомъ. Когда общество слагается, или измѣняетъ прежнія формы политическаго быта, когда новыя начала и новыя идеи вводятся въ жизнь,—въ народѣ всякій разъ закипаетъ броженіе.

Первыя волненія, поднятыя въ Сѣверо-Американскихъ колоніяхъ незаконными пошлинами застали Вашингтона на его плантаціи, Моунтъ-Вернонѣ. Онъ принималъ энергическое участіе во всѣхъ мѣрахъ противъ несправедливыхъ притязаній Англіи. Скоро голосъ гражданъ вызвалъ его изъ уединенія. Послѣ сраженія при Лексингтонѣ ему поручили начальство надъ арміею. Вашингтонъ принялъ эту обязанность съ скромнымъ недовѣріемъ къ себѣ и прежде всего отказался отъ жалованья главнокомандующаго. Лучшаго выбора нельзя

было сдѣлать. Вашингтонъ соединялъ въ себѣ терпѣніе и мужество, искусство выжидать и смѣлую рѣшимость дѣйствовать, когда наступала удобная минута. Но его положеніе въ началѣ войны было въ высшей степени тяжелое. Общій голосъ признавалъ Вашингтона душей всего, что дѣлалось для защиты Америки, и между тѣмъ съ своею властью главнокомандующаго онъ едва могъ обезпечить содержаніе арміи: собрать запасы провіанта и фуража, пополнить кадры, дать направленіе народнымъ силамъ среди разъединенія и всевозможныхъ препятствій; здѣсь надо убѣдить одного, тамъ склонить другаго, вездѣ говорить громко, на весь народъ, и въ тоже время такъ осторожно, чтобъ не задѣть демократической щекотливости. Эта зависимость дорого стоила Вашингтону. Но онъ пожертвовалъ всѣмъ благу народа и передъ общими интересами страны сдержалъ свое личное самолюбіе. Это едва ли не высшая черта гражданской доблести! Его самоотверженіе, твердость и благородство помогли Америкѣ выйти изъ труднаго положенія и стать прочно въ ряду независимыхъ государствъ.

Еще болѣе достойна удивленія роль Вашингтона по окончаніи войны. Образовалась партія, которая мечтала о возстановленіи монархіи и хотѣла вручить верховную власть побѣдителю. Въ этой партіи были вліятельные люди. Они искренно вѣрили въ опасность и даже невозможность республики и считали британское государственное устройство лучшимъ въ мірѣ. Самъ Вашингтонъ думалъ, что эта демократическая форма правленія невозможна для Америки. Для достиженія верховной власти ему стоило только воспользоваться ошибками конгресса и принять власть изъ рукъ арміи.

Въ то время, когда Вашингтонъ добровольно отказался отъ верховной власти, его родина управлялась временною конституціею; онъ легко могъ предвидѣть большія затрудненія и сильныя потрясенія; общественное мнѣніе распалось; политическія страсти волновали всѣхъ; грозила даже опасность отъ разрушительныхъ утопій. «Бѣдность, банкротство, соціальная борьба внутри отдѣльныхъ штатовъ, гражданская война между ними, оскорбленія со стороны иностранныхъ державъ, — всѣ эти бѣдствія обрушились на юное государство, или грозили въ недалекомъ будущемъ». Кто не подумалъ бы, на мѣстѣ Вашингтона, что онъ судьбою призванъ спасти отечество отъ бѣдствій и не захватилъ бы власти въ свои руки? Но великій амери-

канскій патріотъ не поддался эгоистическимъ внушеніямъ и сталъ выше всего.

Все для народа и ничего для своего честолюбія и своихъ личныхъ выгодъ—было девизомъ общественной дѣятельности Вашингтона. Неудивительно, что Англичане смотрятъ на него съ глубокимъ уваженіемъ: имя его принадлежитъ не одному англосаксонскому племени, но всему человѣчеству. Съ тѣхъ поръ, какъ особенныя обстоятельства вызвали его на борьбу съ Англіею, прошло восемьдесятъ-три года. Въ теченіе этого, небольшаго въ жизни народовъ періода, изгладились въ Англіи всѣ слѣды враждебныхъ чувствъ къ памяти Вашингтона. Теперь всякій Англичанинъ, путешествуя по Америкѣ, считаетъ долгомъ поклониться его могилѣ. Не врага они видятъ въ немъ, а великаго творца американской свободы.

Блистательное доказательство этого благороднаго образа мыслей мы видимъ въ недавнемъ путешествіи принца Уэльскаго по Америкѣ. Объѣхавъ англо-американскія владѣнія, молодой принцъ посѣтилъ также Соединенные Штаты и не забылъ отдать честь могилѣ Вашингтона. Передадимъ разсказъ объ этомъ исторически-замѣчательномъ фактѣ словами очевидца, корреспондента газеты «Times».

Принцъ и его свита провели ночь въ Вашингтонѣ. На другой день (5 октября н. ст.) огромное общество рано утромъ спустилось къ докамъ, гдѣ былъ приготовленъ пароходъ Горріетъ Ленъ, такъ названный по имени племянницы нынѣшняго президента. Прогремѣлъ двойной салютъ въ честь принца и президента; общество размѣстилось на пароходѣ и онъ пустился внизъ по широкимъ и свѣтлымъ водамъ Потомака. Видъ города Вашингтона не привлекателенъ съ рѣки. Задуманный въ огромныхъ размѣрахъ куполъ капитолія теперь отдѣланъ только на половину и глядитъ довольно странно; памятникъ Вашингтону отсюда еще больше, чѣмъ вблизи, походитъ на маякъ; городъ лежитъ на низкомъ мѣстѣ, разбросанъ и представляетъ что-то ровное; взору не на чемъ остановиться на этой глади все такъ бѣдно. Современемъ онъ непремѣнно разростется; по мнѣ нѣтъ дѣла до того, что̀ будетъ; я описываю то, что̀ есть теперь. Ниже по рѣкѣ гнѣздится на зеленой косѣ городокъ Александрія. Миль на десять по дальше, берега становятся выше и грандіознѣе;

Горріетъ Ленъ направился къ самому видному мѣсту, сталъ на якорь и все общество вышло на берегъ въ катерахъ; въ одномъ сидѣлъ принцъ у руля и правилъ; рядомъ съ нимъ президентъ. Съ лодки ступаешь прямо на виргинскую территорію, у подошвы Моунтъ—Вернона, крутаго лѣсистаго мыса, который разомъ поднимается отъ уровня Потомака. Зелень вьющихся деревьевъ и толстаго густо растущаго кустарника выдается рѣзко на красноватой землѣ, отличительномъ цвѣтѣ виргинской почвы. На вершину утеса ведетъ извилистая тропинка, вся изрытая ямами; мѣстами земля обвалилась и нѣсколько толстыхъ досокъ брошено поверхъ. Узкій и трудный всходъ забросанъ обломками кирпича и камней, усыпанъ сухими листьями и заваленъ вѣтвями, а кругомъ, на сколько можно окинуть глазомъ, глухой кустарникъ, не тронутый рукою человѣка, растетъ привольно и роскошно; дикая, разбросанная густая чаща ясно говоритъ о запущенности, о медленномъ и долгомъ небреженіи. Даже деревья покрылись нездоровымъ мохомъ, зачахли и смотрятъ не весело, какъ разбитая старость; на прогалинахъ нога тонетъ въ кучахъ листьевъ и сухія, побѣлѣвшія, хрупкія вѣтки попадаются на каждомъ шагу и угрюмо торчатъ изъ густой переплетшейся травы. Неужели это Моунтъ Вернонъ, родной уголокъ Вашингтона? Неужели это его собственность, которую признательная нація купила и сберегаетъ отъ паденія и разрушенія? Увы! и республики часто отличались неблагодарностью! Съ такими мыслями пробиваешь себѣ дорогу впередъ сквозь эту неровную, заглохшую пустыню и выбираешься наконецъ на поросшую травою покатость; теперь она глядитъ заброшеннымъ лугомъ, а прежде, вѣрно, была красивою чистенькою поляною. По ней тамъ и сямъ насажены деревья небольшими группами; подъ деревьями нѣсколько скамеекъ съ широкими спинками. Онѣ насквозь побѣлѣли отъ времени и погоды и почти разсыпались на части. По серединѣ луга стоитъ длинный, широко раскинутый, старинный деревенскій домъ. Домъ этотъ деревянный, въ три этажа, съ широкимъ балкономъ, который поддерживается очень высокими, четвероугольными колоннами и бросаетъ тѣнь на весь фронтонъ. Подъ балкономъ, на каменномъ помостѣ вдѣлано длинное деревянное сидѣнье, побѣленное и тоже почти развалившееся; рядомъ съ нимъ узкая, двухстворчатая дверь. Она была когда то окрашена, но желтая краска давно сгладилась и вся дверь покоробилась и потрескалась. Досчатая рѣшетка вдоль балкона разсыпалась и торчитъ, слов-

но оборванныя кружева, а повыше черепичная покатая кровля вся покрылась зеленымъ мхомъ и пропиталась многолѣтнею влагою. По бокамъ кровли, изъ за водосточныхъ трубъ, боязливо выглядываютъ четыре остроконечныя оконца, а на самой срединѣ поднимается маленькая стеклянная башня съ огромнымъ заржавѣвшимъ флюгеромъ и громовымъ отводомъ, необыкновенной толщины. По сторонамъ дома, видны остатки небольшихъ крытыхъ ходовъ; они когда-то вели къ надворнымъ постройкамъ, теперь развалившимся. Слѣва дополняетъ сцену большой, крытый черепицею флигель, который сохранился нѣсколько лучше, но и онъ, въ уровень со всѣмъ остальнымъ, идетъ къ быстрому разрушенію. Вотъ первое впечатлѣніе, вызываемое остатками этого всемірно-славнаго зданія! Вотъ какова вѣрная истинѣ, простая картина дома, гдѣ жилъ и умеръ Джоржъ Вашингтонъ! А здѣсь каждое окно на этомъ причудливомъ фасадѣ возбуждаетъ интересъ; стоя среди этой мертвой тишины хочется всмотрѣться въ каждую мелкую особенность, хочется навсегда запечатлѣть въ памяти каждый предметъ до послѣдней черты, и потомъ любоваться имъ, какъ дорогимъ сокровищемъ и перебирать на досугѣ. Поблеклыя зеленыя занавѣски въ гостиной опущены, какъ будто домъ одѣлся въ трауръ; въ другихъ комнатахъ окна не завѣшаны, но они такъ тусклы и пусты, что напоминаютъ широко раскрытые глаза слѣпаго, недоступные лучамъ свѣта. Да! закрытыя окна говорятъ только о смерти; но есть что-то особенное въ этихъ непрозрачныхъ, тускло свѣтящихся стеклахъ, почернѣвшихъ отъ пыли и затканныхъ паутиною; они какъ будто силятся не пропустить дневнаго свѣта въ мрачныя комнаты; нѣмая, молящая скорбь слышится въ нихъ разрушеніи. Вы тронуты до глубины души и видите, что здѣсь не только смерть прошла, но хозяинъ давно умеръ и давно позабытъ. Тощія высокія бѣлыя колонны потрескались и готовы разсыпаться; проволоки колокольчика около дома обратились въ тонкія нити, порвались и оставляютъ пятна ржавчины и плѣсени вдоль деревянныхъ стѣнъ. Верхнія окна совсѣмъ, кажется, развалились и потеряли блескъ и свѣтъ; вѣрно, оттого, что долго не отворялись. И въ самомъ дѣлѣ, годы приходили и уходили — а ничья рука не касалась ихъ, ни одно живое лицо не глядѣло въ нихъ. Даже шаги подъ аркадами пробуждаютъ какое-то слабое холодное эхо прошлаго; одинокій плескъ, плескъ капель воды разносится съ шумомъ среди этой тишины; старая, позеленѣвшая кровля осѣдаетъ медленно, какъ

будто и она, отслуживъ свое, тоже задремала и разрушается вмѣстѣ со всѣмъ окружающимъ. Вокругъ этого мѣста, пустаго, заглохшаго, одинокаго, такая тишина, какой нѣтъ и на могилахъ: эхо звучно откликается въ тишинѣ опустѣлаго дома, дома, который покинутъ великимъ человѣкомъ и осужденъ на вѣчную пустоту. Трубы каминовъ, острыми линіями рисуясь на холодномъ октябрскомъ небѣ, стоятъ неподвижно; надъ ними не клубится дымъ, привѣтъ гостепріимства, не видно признаковъ жизни за этими безмолвными, посѣдѣвшими стѣнами. Подлѣ дома нѣтъ ласточекъ; кругомъ двора нѣтъ людей; самый флюгеръ надъ башнею неподвижно заржавѣлъ и какъ будто прислушивается; но кругомъ тишина, ничѣмъ невозмутимая: развѣ листокъ зашелеститъ, развѣ вѣтеръ прошумитъ да капля воды упадетъ. И стеклянная башня на кровлѣ глядитъ привидѣніемъ: стоитъ она вся бѣлая и пустая; желѣзный ея колокольчикъ не звенитъ, окна потускнѣли и лучи холоднаго октябрскаго солнца слабо отражаются на маленькихъ стеклахъ.

Самый черствый иностранецъ, входя въ эту священную ограду, не можетъ смотрѣть кругомъ безъ волненія, не можетъ прогнать съ души горькаго чувства и думаетъ: какъ можно было довести до такого состоянія эти трогательные остатки, напоминающіе благороднѣйшаго изъ людей? Какъ можно было предать ихъ такому запустѣнію?

Чтобъ видѣть внутренность дома, надо зайти слѣва; тамъ, внизу, въ погребу негритянка и ея семейство живутъ, какъ въ берлогѣ. Раба служитъ здѣсь единственнымъ чичероне, раба показываетъ опустѣлое жилище того, кто далъ свободу и независимость цѣлому континенту. У этой женщины хранится ключъ отъ дома; угрюмо входитъ она подъ крытую аркаду и протяжно, съ заученною фразою, указываетъ на кресло, на которомъ Вашингтонъ любилъ сидѣть у дверей; съ боку кресла придѣланъ небольшой столикъ; здѣсь онъ писалъ отвѣты на депеши; онѣ сложены тутъ же, въ нижнемъ ящикѣ. Мы выдвинули кресло и, въ знакъ особаго почета, усадили принца на нѣсколько минутъ. Но негритянкѣ соскучилось стоять долго подлѣ этого кресла; она спѣшитъ къ двери и, доставая ключъ изъ кармана, бормочетъ извиненія: не она–де виновата, что домъ такъ запущенъ. О, суета сует! Грязная негритянка за мѣдныя деньги показываетъ домъ Вашингтона и горько, подъ вліяніемъ хмѣля, изливаетъ свои жалобы на его мрачное запустѣніе!

Внутренность дома открывается старинною залою, широкою и низ-

кою; стѣны ея отдѣланы тяжелыми, досчатыми карнизами; двери съ рѣзьбою; отъ угла залы ведетъ на верхъ широкая, съ золотыми ступеньками лѣстница. Доски скрипятъ громко, когда вы всходите по ней и эхо мрачно разносится по всему дому; двери и ставни развалились, потрескались и пропускаютъ острые лучи свѣта; по свѣтлымъ лучамъ жутко среди мрачныхъ комнатъ, и они, окунувшись въ пыльныхъ, облакомъ кружащихся атомахъ, спѣшатъ вырваться на просторъ. На одномъ карнизѣ лежитъ нѣсколько грубыхъ камней: это окаменѣлости, которыя собраны рукою Вашингтона; подумаешь, что они окаменѣли съ тѣхъ поръ, какъ положены хозяиномъ: столько вѣковъ, кажется, прошло надъ всѣмъ, принадлежащимъ ему, здѣсь, въ его собственномъ домѣ. Налѣво, въ маленькомъ ящикѣ виситъ массивный ключъ грубой работы; онъ замыкалъ когда-то преступленія и тайны, о которомъ свѣтъ знаетъ теперь по однимъ догадкамъ. Это ключъ Бастиліи, первый трофей французской революціи. Рядомъ съ нимъ — маленькій, черными красками портретъ Лафайета, подаренный имъ Вашингтону.

Невольно глаза обращаются на противоположную стѣну и ищутъ какого нибудь символа свободы, воспоминанія о томъ, кто далъ ее Сѣверной Америкѣ; но потрескавшіяся и почернѣвшія обои говорятъ только о разрушеніи. Нѣтъ признака, чтобъ память о немъ жила въ сердцѣ благодарной націи. Но что дѣлать? Пойдемъ дальше. Дверь изъ залы ведетъ въ его гостиную. Въ ней пусто, холодно, непріятно; одно тусклое окно едва пропукаетъ дневной свѣтъ; въ углу маленькій очагъ; кто-то сорвалъ съ него рѣшетку и осталось одно черное отверстіе, печальное, какъ могила. Надъ очагомъ, въ рѣзной рамкѣ, стоитъ картина, когда-то изображавшая свѣтлый лѣтній день; но время и долгое забвеніе стерли живыя краски; тусклая, вся въ дырахъ, въ лохмотьяхъ, она глядитъ теперь изъ подъ пыли такъ же уныло, какъ комната. Въ другомъ углу поставлено единственное украшеніе— огромный земной глобусъ, съ зодіакомъ, на-половину съѣденнымъ ржавчиною, и изломаннымъ компасомъ; самый глобусъ обратился въ черноватый шаръ; всѣ очертанія почти изгладились на немъ отъ сырости. Поворотите его кругомъ и на мѣстѣ Соединенныхъ Штатовъ вы увидите черное, неузнаваемое пятно. Это та страна, судьбы которой великій человѣкъ изучалъ на этомъ глобусѣ. Не воздаяніе ли это за грубую небрежность? Въ Св. Писаніи сказано: «Не надѣйтеся на князи»; съ такою же истиною можно сказать: «Не надѣйтеся на народы»; ихъ преходящую любовь такъ трудно заслужить и такъ лег-

ко потерять. Слѣдующая комната служила столовою и пріемною и ничѣмъ не отличается отъ гостиной по величинѣ, мрачности и пустотѣ; только въ одномъ ея углу стоитъ фортепьяно генерала, старинный, желтый бренчащій клавиръ. По срединѣ клавира, на эмалевой дощечкѣ, въ видѣ циферблата, написано: «Лонгменъ и Бродерипъ, инструментальные мастера, Чипсайдъ, Лондонъ». Въ другомъ углу лежитъ куча грязной кожи и старыхъ тряпокъ. Какъ они попали сюда? Неужели домъ этотъ упалъ еще не довольно низко? Неужели еще надо было обратить его въ складъ старой ветоши? «Ветошь!» говоритъ проводница: «сколько помню, это сѣдла и чепраки, принадлежавшіе генералу». Такъ оказывается на самомъ дѣлѣ. Эти заплеснѣвшія, гнилыя тряпки, въ дырахъ и оборванныя, остались отъ шитыхъ чепраковъ; сѣдельныя подушки источены молью, распались на клочки и валяются на полу, какъ безобразная подстилка. Въ этой же комнатѣ находится прекрасная мраморная доска для камина, подаренная Вашингтону его преданнымъ другомъ и почитателемъ Лафайетомъ — богатая, прекрасно отдѣланная вещь,—единственный предметъ въ цѣломъ домѣ, который сохранилъ свою прежнюю чистоту и форму и блеститъ, какъ яркій цвѣтокъ среди развалинъ. Комната, гдѣ умеръ Вашингтонъ, находится на верху; но никому не позволяется входить туда. Можетъ быть, это святилище въ такомъ разрушеніи, что посѣтителямъ не безопасно видѣть его. Больше нечего смотрѣть, да если бы и было что—вамъ не захочется. Дадимъ улечься пыли въ комнатахъ, въ которыхъ Вашингтонъ жилъ, мыслилъ и работалъ для своей страны! Эхо разносится глухими и слабыми звуками по этимъ покоямъ, какъ будто они свыклись съ своимъ разрушеніемъ и имъ больно отъ непривычнаго шума. Опустимъ занавѣски: пусть ихъ тлѣютъ въ безмолвіи. Этотъ домъ не долго будетъ бременить землю. Какъ глубоко-справедлива эта вѣчная истина: «Зло, которое люди сдѣлали, живетъ подлѣ нихъ; добро часто погребается съ ихъ костьми». Ключъ Бастиліи сохранится еще долго, а мѣсто въ которомъ онъ теперь хранится, исчезнетъ безъ слѣда, *какъ звукъ пропѣтой пѣсни.*

Въ сторонѣ отъ дома нерасчищенная ухабистая дорожка пролегаетъ по заброшенному пустырю. Здѣсь цѣлая руина упавшихъ деревьевъ и зданій. Принцъ, президентъ и все общество, веселое собраніе около 100 человѣкъ, направились по этой дорожкѣ къ могилѣ Вашингтона. Не стану повторять, въ какомъ жалкомъ состояніи это тропа, проложенная по колючему дикому кустарнику и напоминающая заброшен-

ный слѣдъ, по которому давнымъ—давно гоняли скотъ. Наконецъ сквозь деревья мы выбрались на какія-то развалины кладбища. Здѣсь, передъ красною кирпичною стѣною нѣсколько бѣлыхъ мраморныхъ колоннъ, обнесенныхъ желѣзною рѣшеткою, стоятъ какъ часовые, охраняющіе мертвыхъ. Поворотимъ къ этой стѣнѣ и передъ нами откроется въ углубленіи арка съ двойною рѣшеткою. Подъ темнымъ ся сводомъ поставлены два саркофага изъ бѣлаго мрамора, въ формѣ гробовъ; слабый свѣтъ падаетъ на нихъ сверху. На лѣвомъ саркофагѣ написано: «Марта, супруга Вашингтона; на другомъ только и вырѣзано массивными, тяжелыми буквами одно слово:» Вашингтонъ. «Кромѣ этихъ буквъ нѣтъ ничего; и ничего болѣе не нужно: исторія новаго міра вылита въ этихъ 10 буквахъ. Кругомъ не видно великолѣпныхъ символовъ печали. Но такъ и хочется, чтобъ они были; безъ нихъ могила поражаетъ простотою, близкою къ небрежности, а небрежность не замедлитъ привести къ быстрому упадку. Старыя красныя стѣны исчерчены ничтожными именами; кой—гдѣ вынуты кирпичи и даже каменная дощечка на верху съ надписью:» Въ этой оградѣ покоятся останки Генерала Джоржа Вашингтона» осквернена царапаньемъ путешественниковъ, которымъ не стыдно было оставить по себѣ эти пошлые знаки воспоминанія. По кирпичамъ ползетъ дикій густой кустарникъ; сухія растенія, щебень, известь лежатъ подлѣ кучами, — и все кругомъ такъ не чисто, такъ запущено, какъ на мѣстѣ давно заглохшаго жилья. Видно что любящая, и нѣжная рука никогда не касалась этой заброшенной могилы. Она стоитъ одинокая въ своей славѣ, забытая, рѣдко посѣщаемая, никѣмъ не охраняемая; только ночной вѣтеръ плачетъ надъ нею, проносясь вздохами по заглохшимъ деревьямъ и пепломъ разсыпая побитые черные листья. Таково мѣсто погребенія Вашингтона!

Передъ этою скромною могилою принцъ, президентъ и всѣ ихъ спутники сняли шляпы. Нѣсколько минутъ все общество стояло безмолвно и неподвижно; потомъ принцъ началъ сажать орѣховое дерево подлѣ могилы. Царственный юноша зарылъ маленькое зерно—и казалось, что съ этимъ онъ предалъ землѣ послѣдній слабый слѣдъ раздора между Англичанами и ихъ западными братьями. Да будетъ такъ! Да хранится долго въ памяти обѣихъ націй этотъ благородный поступокъ и да послужитъ онъ примѣромъ...

По окончаніи этой простой церемоніи общество возвратилось на Горріетъ Ленъ и *сбросило съ себя слѣды грусти*. Увы! я дол-

женъ сказать правду: наше странствованіе къ могилѣ Вашингтона скорѣе было похоже на празднество, чѣтъ на печальный долгъ. Но свѣтъ полонъ непослѣдовательностей и, какъ говоритъ Теккерей: «Мы часто видимъ слезы подъ вѣнкомъ невѣсты и слышимъ веселыя шутки въ погребальныхъ поѣздахъ.»

Я. БАЛЯСНЫЙ.

ОТВѢТЪ ОТЕЧЕСТВЕННЫМЪ ЗАПИСКАМЪ.

Въ январской книгѣ Отечественныхъ Записокъ мы прочитали, между прочимъ, замѣтку неизвѣстнаго рецензента, имѣющую прямое отношеніе къ редакціи «Русскаго Слова» и ея рецензенту. Авторъ этой замѣтки разсматриваетъ новые учебники русской исторіи г.г. Соловьева и Иловайскаго. Оставимъ въ сторонѣ мнѣніе его о трудахъ того и другаго историка, а займемся только тѣмъ, что имѣетъ прямое отношеніе къ намъ. Онъ такъ выражается о нашемъ обзорѣ книги г. Иловайскаго, помѣщенномъ въ сентябрскомъ №: Русскаго Слова: «Русское Слово поступило еще храбрѣе (т. е. храбрѣе, чѣмъ Московскія вѣдомости) съ книгою г. Иловайскаго: рецензентъ этого журнала объявилъ, что краткіе очерки исторіи ничто иное какъ сокращеніе учебника г. Соловьева и тѣмъ доказалъ, что *не читалъ ни той ни другой книги. Не думаемъ, чтобъ въ какой нибудь литературѣ, кромѣ русской, можно было бы безнаказанно шутить такимъ образомъ съ публикой.* Мы упомянули объ этомъ отзывѣ потому, что до сихъ поръ еще не встрѣчали его опроверженія».

Какое сильное негодованіе въ словахъ рецензента «Отечественныхъ Записокъ»! Да, за словами мы не полеземъ въ карманъ. Теперь слова и фразы въ большомъ ходу. Что за важное дѣло обвинить человѣка въ недобросовѣстности! Очень возможно, г. замаскированный рецензентъ, что вы не оцѣнили достаточно своего поступка; даже можетъ быть, что ваша неистовая филиппика, явно на-

правленная противъ Русскаго Слова, вытекала совершенно изъ другаго побужденія, чѣмъ чистый литературный укоръ. На страницахъ «Отечественныхъ Записокъ» много найдется такихъ безпристрастныхъ возгласовъ, пускаемыхъ на базаръ житейскихъ спекуляцій. Но позвольте доказать вамъ, что не я и не редакція «Русскаго Слова» безнаказанно шутятъ публикой, а вы и редакція «Отечественныхъ Записокъ.

Внимательное чтеніе моей рецензіи могло бы показать вамъ, что я, если не сказалъ ничего дѣльнаго въ своемъ разборѣ книги г. Иловайскаго, то во всякомъ случаѣ изъ этого никакъ нельзя вывести того заключенія, что я не читаю книгъ, о которыхъ пишу отзывы. Конечно, бываютъ и такіе случаи, и я думаю, что вы ближе другихъ знаете ихъ. Принесутъ, положимъ, изъ магазина г. Кожанчикова груду книгъ; статья должна быть готова черезъ день; разобрать ихъ дѣльно нѣтъ времени и охоты, а отказаться отъ работы не совсѣмъ удобно. Что дѣлать? А, вотъ счастливая мысль. Поставлю въ параллель оба учебника. Уничтожу Соловьева и по дорогѣ зацѣплю Русское Слово:—да и подѣломъ ему! Однимъ молчаніемъ не похоронишь его. На основаніи такихъ соображеній, говоря откровенно, крайне незамысловатыхъ, вы рѣшились обвинить нижеподписавшагося въ недобросовѣстномъ исполненіи принятой имъ на себя обязанности, замѣтивъ, что онъ не читаетъ книгъ, о которыхъ пишетъ отзывы.

Не правда; кромѣ обязанности рецензента, я читаю всѣ книги, относящіяся къ русской исторіи, какъ преподаватель этого предмета. Учебникъ г. Иловайскаго введенъ мною въ среднихъ, а учебникъ г Соловьева въ старшихъ классахъ того заведенія, гдѣ я преподаю. Ясно, что я нетолько читалъ, но и сравнивалъ ихъ.

Рецензія моя, можетъ быть, дастъ ошибочное воззрѣніе на учебники г.г. Соловьева и Иловайскаго,—это вопросъ другой. Ошибаться можетъ всякій, но все-таки она положительно говоритъ въ пользу близкаго моего знакомства съ книгами того и другаго историка. Повторяю еще разъ: учебникъ послѣдняго есть сокращеніе, безъ сомнѣнія, очень удачное, учебника Соловьева. Перейду къ фактамъ.

Первый важный поворотъ нашей исторіи совершился при Андреѣ Боголюбскомъ, который полагаетъ закваску будущему дѣлу московскихъ князей, иначе сказать, полагаетъ закваску развитію идеи московскаго самодержавія. Андрей какъ будто говоритъ своимъ потомкамъ:

оставьте югъ, полный смутъ и крамолъ, идите на сѣверъ въ Суздальскую область; здѣсь вамъ будетъ легче совершить ваше дѣло.

Вотъ какъ пишетъ объ этомъ г. Соловьевъ: «Андрей, рожденный и воспитанный на сѣверѣ (мы пропустимъ нѣкоторыя вводныя предложенія: они ничего не доказываютъ) съ самаго начала показывалъ нерасположеніе къ югу, и когда отецъ его Юрій, утвердившись окончательно въ Кіевѣ, хотѣлъ, чтобы Андрей помѣстился подлѣ него въ Вышгородѣ, то Андрей вопреки волѣ отцовской ушелъ изъ Вышгорода на сѣверъ и сталъ тамъ княжить».

Вотъ что говоритъ г. Иловайскій: «Андрей Боголюбскій не подражалъ своему отцу въ стремленіи къ югу: извѣстно, что получивъ старшинство въ родѣ Мономаховичей, онъ не поѣхалъ въ Кіевъ и продолжалъ жить на сѣверѣ, который представлялъ болѣе тишины и безопасности отъ русскихъ усобищъ и половецкихъ набѣговъ. И здѣсь старымъ городамъ Ростову и Суздалю великій князь предпочелъ молодой Владиміръ. Возвеличенный и украшенный Боголюбскимъ, этотъ городъ сдѣлался столицею суздальской области».

У Соловьева: Жители Ростова, какъ жители другихъ старшихъ русскихъ городовъ: Кіева, Новгорода, Полоцка, Смоленска, въ важныхъ случаяхъ сходились по звуку колокола на совѣщанія или вѣча, рѣшали тутъ дѣла и приговору этихъ повиновались города младшіе или пригороды.

У Иловайскаго: «Племянниковъ Боголюбскаго поддерживало вѣче стариныхъ городовъ Ростова и Суздаля ,которые завидовали возвышенію Владиміра, города младшаго (или пригорода) и хотѣли отнять у него первенство.

Зависть ростовцевъ развита у г. Соловьева въ другомъ мѣстѣ болѣе подробно. Онъ говоритъ: «Владимірцы приняли къ себѣ Михаила, какъ своего законнаго князя. Владимірцы должны были это сдѣлать потому, что въ случаѣ торжества ростовцевъ, они должны были отказаться нетолько отъ первенства, которое далъ имъ Андрей, утвердившій у нихъ свое мѣстопребываніе, но даже и отъ независимости, потому что ростовцы, озлобленные противъ нихъ за предпочтеніе, оказанное ихъ городу Андреемъ, говорили: Владиміръ нашъ пригородъ; тамъ живутъ наши холопы, каменьщики, сожжемъ ихъ городъ или посадимъ у нихъ своего посадника».

У г. Иловайскаго: «Ожесточенные его, т. е. Боголюбскаго, непомѣрною строгостью, бояре нако-

У г. Соловьева: «Скоро послѣ этого приближенные къ Андрею люди, ожесточенные его строго-

нецъ составили заговоръ и убили великаго князя въ его любимомъ селѣ Боголюбовѣ».

У г. Иловайскаго: «Вообще Всеволодъ III можетъ служить образцомъ сѣверно-русскихъ князей, у которыхъ отличительными свойствами были: осторожность, бережливость и постоянство въ достиженіи своихъ цѣлей». Далѣе у него же о Мстиславѣ Удаломъ: «Мстиславъ Удалой считается образцомъ южнаго русскаго князя, по своему безпокойному воинственному характеру; по своимъ блестящимъ, но безплоднымъ подвигамъ.

стью, составили заговоръ и убили его».

У г. Соловьева: «Самымъ знаменитымъ по храбрости былъ сынъ Мстислава Ростиславича Храбраго, Мстиславъ Удалой, бывшій подобно отцу образцомъ стараго южнаго русскаго князя: онъ не думалъ объ усиленіи себя и дѣтей своихъ на счетъ другихъ князей; не думалъ объ умноженіи своихъ волостей, но заботился только о томъ, какъ бы прославить себя воинскими подвигами, любилъ рѣшать споры битвами, въ которыхъ видѣлъ судъ Божій. Этимъ характеромъ своимъ Мстиславъ Удалой представлялъ противоположность характеру Всеволода III-го, который въ свою очередь былъ образцомъ большей части потомковъ своихъ, князей сѣверныхъ: былъ очень остороженъ, не охотникъ до рѣшительныхъ дѣйствій, до рѣшительныхъ битвъ, которыми можно вдругъ выиграть, но можно и вдругъ много потерять» и проч.

Г. Иловайскій также слѣпо держится за идеи г. Соловьева и при разсмотрѣніи внутренняго состоянія Руси удѣльно-вѣчевой. Въ послѣднемъ названіи только и заключается вся разница во взглядѣ его на первый періодъ нашей исторіи.

У г. Иловайскаго: «Верховная власть принадлежала князю. Онъ устроивалъ порядокъ въ своей волости, производилъ судъ и расправу, велъ войну и обыкновенно самъ начальствовалъ надъ войскомъ. Доходы его состояли: во-первыхъ, изъ дани; — сначала князья сами съ дружиною объѣзжали свои волости, чтобы собирать дань съ

У Соловьева: «Названіе князя на Руси принадлежало только членамъ рюрикова потомства, и не отнималось ни у кого изъ нихъ ни въ какомъ случаѣ; старшій между ними назывался великимъ княземъ. Князь былъ призванъ для того, чтобы княжить и владѣть; по словамъ лѣтописи, онъ заботился объ утвержденіи порядка на землѣ, о

подвластныхъ племенъ и творить между ними судъ; такой обычай назывался полюдьемъ, но потомъ они стали поручать судъ и сборъ дани въ областяхъ своимъ намѣстникамъ и слугамъ. Эта дань платилась преимущественно естественными произведеніями, одни давали хлѣбъ, другіе мѣха; только нѣкоторые богатые города, напримѣръ Новгородъ, платили серебромъ. Кромѣ даней въ княжескую казну собирались пошлины: торговыя — съ провозимыхъ товаровъ и судныя съ преступниковъ и тяжущихся. Князья получали еще доходы съ деревень, населенныхъ княжескою челядью; тутъ устраивались ихъ загородные дворы и складывалось всякое добро: скирды хлѣба, стоги сѣна, запасы меду, вина и проч.; тутъ же паслись стада рогатаго скота и многочисленные табуны лошадей. Въ дѣлахъ, касавшихся внутреннихъ междоусобій или внѣшней защиты, добрые князья имѣли обычай собирать своихъ родичей для общаго совѣта.

дѣлѣ военномъ, о законахъ. Князь обыкновенно былъ главнымъ вождемъ во время войны и верховнымъ судьею во время мира; онъ наказывалъ преступниковъ; его дворъ былъ мѣстомъ суда; его слуги были исполнителями судебныхъ приговоровъ. Князь собиралъ дань съ жителей своей области; кромѣ того въ его пользу шли пошлины, которыя собирались съ провозимыхъ товаровъ, съ обвиненныхъ при рѣшеніи дѣлъ судныхъ; наконецъ большой доходъ князьямъ приносили принадлежавшія имъ земли, населенныя рабами. На этихъ земляхъ князья устраивали себѣ дворы, гдѣ складывались всякаго рода вещи, нужныя въ хозяйствѣ, медъ, вино, мѣдь, желѣзо и т. п. Эти земли, доставлявшія множество съѣстныхъ припасовъ, давали возможность князьямъ угощать безпрестанно дружину, духовенство, иногда всѣхъ жителей городскихъ.

Выписывать-ли то, что говорятъ оба историка о дружинѣ, о городскомъ и сельскомъ населеніи, о законодательствѣ и проч.? Думаемъ, что нѣтъ нужды. Если приведенныя выше выписки не убѣдятъ васъ, любезная маска Отечественныхъ Записокъ, то не убѣдитъ и выписка цѣлой книги. Вы, между прочимъ, говорите въ своей замѣткѣ: г. Иловайскій не перечисляетъ всѣхъ сраженій, не упоминаетъ именъ многихъ и многихъ князей; но за-то лишь событіе особенно замѣчательно въ ходѣ-ли русской исторіи или для характеристики времени, г. Иловайскій останавливается на его подробностяхъ и событіе запечатлѣвается въ памяти ученика.

Мы нарочно старались выписывать именно такія мѣста, въ которыхъ выдавались бы особенно замѣчательныя событія или въ ходѣ нашей исторіи или характеристики времени. Читатели могутъ сами

послѣ этого повѣрить справедливость словъ г. неизвѣстнаго рецензента. По нашему мнѣнію, мы опять должны повторить прежнее: г. Иловайскій только передалъ сокращеннѣе то, что г. Соловьевъ передалъ болѣе подробно. Изъ этого никакъ не слѣдуетъ, что г. Иловайскій просто списывалъ изъ учебника своего предшественника. Мы говоримъ только, что первый неуклонно держался, какъ за путеводную нить, за идеи и воззрѣнія послѣдняго и до такой степени неуклонно, что ниразу не свернулъ съ торной дороги, указанной ему его образцомъ. Если подобную систему составленія учебника можно назвать сокращеніемъ другаго учебника, то мы были совершенно правы въ своей первой рецензіи. Всего осязательнѣе наше мнѣніе подтверждается тѣми выводами, въ которыхъ г. Иловайскій указываетъ обстоятельства, способствовавшія возвышенію Москвы. Эти обстоятельства, по мнѣнію г. Иловайскаго слѣдующія:

1) Выгодное географическое положеніе — вдали отъ сильныхъ внѣшнихъ враговъ.

У г. Соловьева то же. На первой страницѣ его исторіи вы найдете большую статью о значеніи географическаго положенія нашей страны.

2) Цѣлый рядъ даровитыхъ личностей на московскомъ столѣ, настойчивая политика и расчетливая хозяйственная дѣятельность.

У г. Соловьева мысль эта проходитъ сквозь всю исторію. Онъ бьетъ на нее по преимуществу.

3) Покровительство хановъ Золотой Орды.

У г. Соловьева это покровительство хановъ является прямымъ слѣдствіемъ умной и расчетливой политики московскихъ князей. Точно также смотритъ на это и г. Иловайскій.

4) Малочисленность княжеской фамиліи (сравнительно съ другими отраслями Рюриковичей) и отсутствіе внутреннихъ междоусобій до времени Василія Темнаго.

Въ учебникѣ г. Соловьева хотя и не встрѣчаемъ прямаго указанія на это обстоятельство, но оно вытекаетъ само собой изъ многихъ его положеній.

5) Утвержденіе новаго порядка престолонаслѣдія — отъ отца къ сыну (или старшинство племянника надъ дядею) и сочувствіе населенія къ этому новому порядку.

Мы считаемъ безполезнымъ выписывать всѣ строки изъ учебника г. Соловьева, въ которыхъ, чуть не на каждой страницѣ, высказывается и разсматривается это обстоятельство, способствовавшее воз-

вышенію Москвы. Да, наконецъ кто не знаетъ: родовыя отношенія — исходный пунктъ всѣхъ положеній г. Соловьева. Борьба дядей съ племянниками для насъ дѣло уже давно знакомое, со времени появленія перваго труда московскаго профессора.

6) Неустройство и раздробленіе сосѣднихъ княжествъ.

Дѣло не въ томъ, что сосѣднія княжества были неустроены и раздроблены, а въ томъ, что московскіе князья умѣли воспользоваться такимъ положеніемъ княжествъ. Это обстоятельство можно прямо отнести къ политикѣ московскихъ князей, умѣвшихъ довести сосѣднія княжества до совершеннаго разстройства, что не разъ высказано г. Соловьевымъ.

Отступленіе г. Иловайскаго отъ взгляда г. Соловьева заключается только въ томъ, что г. Иловайскій смотритъ на разстройства сосѣднихъ княжествъ какъ на какой-то самостоятельный пунктъ или выводъ, хотя онъ на самомъ дѣлѣ вполнѣ раздѣляетъ мнѣніе своего предшественника, т. е. считаетъ главнымъ фактомъ наслѣдственный умъ и наслѣдственную ловкость московскихъ князей. Словомъ, и г. Соловьевъ и г. Иловайскій и въ настоящемъ случаѣ сходятся въ своихъ главныхъ воззрѣніяхъ.

Продолжаемъ выписки.

У г. Соловьева: «Взявши престолъ съ бою противъ сильныхъ враговъ, противъ вельможъ, Василій не могъ питать къ нимъ расположенія, долженъ былъ смотрѣть на нихъ враждебно, удаляться отъ нихъ. Если вельможи жаловались и на Іоанна III, что онъ перемѣнилъ обращеніе съ ними и приписывали перемѣну эту внушенiмъ великой княгини Софьи, то еще больше стали жаловаться на сына Софьи: по ихъ отзывамъ, при Іоаннѣ III было имъ еще легко; Іоаннъ III еще совѣтовался съ ними и позволялъ противорѣчить себѣ; но Василій не допускалъ противорѣчій и рѣшалъ дѣла безъ бояръ у себя въ комнатѣ, съ своими приближенными людьми, ко-

У г. Иловайскаго: «Неудовольствія бояръ (на перемѣну въ обхожденіи великаго князя), начавшіяся при Іоаннѣ III, еще болѣе усилились при Василіѣ, который не терпѣлъ противорѣчій и только для виду отдавалъ дѣла на обсужденіе боярскаго совѣта или Думы. Знатныя лица, слишкомъ явно выражавшія свое неудовольствіе, подвергались строгому наказанію. Такъ, князь Василій Холмскій, женатый на сестрѣ государя, отправленъ въ заточеніе. Бояринъ Берсень-Беклемишевъ вздумалъ громко жаловаться на то, что великій князь слѣдуетъ новымъ обычаямъ, привезеннымъ его матерью Софьею, и что онъ рѣшаетъ всѣ дѣла «запершись, самъ-третей, у

торыми были дворецкій Шигона Поджогинъ, да человѣкъ пять дьяковъ; хотя по формѣ, дѣла были отдаваемы на обсужденіе совѣта изъ бояръ или, какъ тогда называли, думы. Такимъ образомъ Василій, по словамъ одного умнаго и наблюдательнаго иностранца, Герберштейна, кончилъ то, что начато было отцомъ его, и властью своею надъ подданными превосходилъ всѣхъ монарховъ въ цѣломъ свѣтѣ, имѣлъ неограниченную власть надъ жизнію, имуществомъ людей свѣтскихъ и духовныхъ, изъ совѣтниковъ его, бояръ, никто не смѣлъ противорѣчить или противиться приказанію. Первое мѣсто между боярами занималъ сначала князь Василій Холмскій; но, какъ видно, онъ пошелъ по слѣдамъ Патрикѣевыхъ, потому, что былъ заключенъ въ тюрьму; боярину Берсеню отрѣзали языкъ за то, что онъ вздумалъ жаловаться на великаго князя и на перемѣны, произведенныя, по его мнѣнію, Софьею; митрополитъ Варлаамъ былъ свергнутъ».

постели»; Берсеню за такія рѣчи отрубили голову. (Два лица, съ которыми Василій самъ-третей рѣшалъ государственныя дѣла, были: любимый его дворецкій Шигона Поджогинъ и одинъ изъ приближенныхъ дьяковъ). Митрополитъ Варлаамъ, неодобрявшій поступковъ Василія, лишился своего сына и заточенъ въ монастырь. Баронъ Герберштейнъ, бывшій въ Москвѣ посломъ германскаго императора, говоритъ въ своихъ любопытныхъ запискахъ о Россіи, что Василій властью надъ подданными превосходилъ всѣхъ монарховъ въ свѣтѣ.

Теперь спросимъ, на какомъ основаніи рецензентъ Отеч. Записокъ написалъ въ своей замѣткѣ слѣдующее: «Читатель, знакомый съ «взглядомъ г. Соловьева на русскую исторію и его способомъ изло«женія, пойметъ, что и въ учебникѣ онъ не могъ отказаться ни отъ «того, ни отъ другаго.» Дѣйствительно будущимъ поколѣніямъ русской земли суждено еще на гимназической скамьѣ познакомиться со взглядами Соловьева на родовой бытъ, съ его ипотезою о старыхъ и новыхъ городахъ. Пропускаемъ нѣсколько строкъ и выписываемъ далѣе: «Развивать молодые умы посредствомъ парадоксовъ, какъ нѣкогда предлагалъ г. Погодинъ въ своемъ Московскомъ Вѣстникѣ, значитъ внушить съ самаго начала умственной дѣятельности недовѣріе къ наукѣ. Вотъ почему составители лучшихъ учебниковъ ста-

раются навести ученика на мысль искусною группировкою фактовъ, а не собственными разсужденіями и заключеніями. Въ этомъ отношеніи книга г. Иловайскаго почти безукоризненна.»

Потрудитесь, г. рецензентъ, заглянуть въ вышеприведенныя нами выписки и посмотрите, что говоритъ въ нихъ г. Иловайскій.—Развѣ онъ не говоритъ, что вся идея усобицъ заключалась въ борьбѣ дядей съ племянниками, т. е., иначе сказать, въ борьбѣ за родовое старшинство.—Если г. Иловайскій не часто употребляетъ слово: «родовой» и вообще, какъ будто, избѣгаетъ его, то это еще не значитъ, что онъ положилъ какое-то новое начало въ основаніе своихъ историческихъ изслѣдованій.—Вотъ что онъ говоритъ на стр. 20-й: «На великокняжескомъ престолѣ, по понятіямъ того времени, долженъ былъ сидѣть старшій въ цѣломъ княжескомъ родѣ, и такъ какъ дяди считались старше своихъ племянниковъ, то Кіевъ перешелъ не къ сыну Изяслава, а къ его брату Всеволоду.» — Черезъ весь учебникъ г. Иловайскій проводитъ идею борьбы стараго порядка наслѣдованія престола съ новымъ.—Загляните въ 6 п. перечисленныхъ авторомъ обстоятельствъ, способствовавшихъ возвышенію Москвы.—А новые и старые города? Развѣ г. Иловайскій сказалъ намъ что нибудь новое по поводу роли этихъ городовъ въ нашей исторіи? Развѣ у него Андрей Боголюбскій, старые и новые города не составляютъ главныхъ явленій, около которыхъ группируются всѣ остальныя явленія? — Развѣ онъ не смотритъ на Ростовъ, Суздаль какъ на старые вѣчевые города, которые составляли реакцію стремленіямъ Боголюбскаго, ибо хотѣли отстоять свое прежнее устройство?—Г. Иловайскій говоритъ: «И здѣсь (т. е. на сѣверѣ) Андрей предпочелъ старымъ городамъ Ростову и Суздалю молодой Владиміръ.» А почему онъ предпочелъ, спрашиваемъ мы? Потому что ему было легче осуществить свои стремленія во Владимірѣ, городѣ новомъ, чѣмъ въ городахъ старыхъ, взросшихъ на вѣчевомъ устройствѣ. Разница только въ томъ, что у г. Соловьева всѣ эти отношенія объяснены подробнѣе и ярче бросаются въ глаза, между тѣмъ какъ г. Иловайскій многаго не договариваетъ, а только на это многое намекаетъ. Кажется, теперь можно убѣдиться, что если учебникъ г. Соловьева построенъ на ипотезахъ, то точно на такихъ же ипотезахъ построенъ и учебникъ г. Иловайскаго.—Далѣе рецензентъ Отечественныхъ Записокъ говоритъ, что г. Соловьевъ развиваетъ молодые умы посредствомъ парадоксовъ. А какъ назвать то, что г. Иловайскій

описываетъ событія послѣднихъ десяти лѣтъ и крымской войны?! Мы въ первый разъ слышимъ, что могутъ быть учебники исторіи нетолько минувшихъ событій, но и современныхъ, совершающихся въ–очію. Конечно, не хорошо искажать воспитаніе посредствомъ парадоксовъ, но едва-ли не хуже сообщать юношетству такіе факты, которые не могутъ подлежать въ данное время даже критикѣ. Мы непремѣнно указали бы на этотъ фактъ въ нашей первой статьѣ (въ Сент. кн. Рус. Слова), еслибъ *вторая* часть учебника г. Иловайскаго не явилась позже. Но почему рецензентъ Отечественныхъ Записокъ умолчалъ объ этомъ, имѣя подъ рукой полное сочиненіе г. Иловайскаго, — этого мы не понимаемъ. Равно не понимаемъ и того, почему онъ хвалитъ одну книгу и порицаетъ другую, тогда какъ недостатки ихъ общіе, — и вторая компилируетъ первую. Ужъ не подсказала ли вамъ, г. рецензентъ, какая нибудь крыса:

Молчи; все знаю я сама;
Да эта крыса мнѣ кума.

И. БѢЛОВЪ.

Землякамъ.

Надъ гробомъ Т. Г. Шевченка.

Еще одной жизни не стало! Еще одна могила въ числѣ народныхъ могилъ! 26 февраля, въ пять съ половиною часовъ, умеръ Шевченко. Поэтъ Украйны закрылъ глаза далеко отъ своей милой родины, подъ сѣрымъ небомъ Петербурга.

Впечатлѣніе еще слишкомъ тяжело, могила еще слишкомъ свѣжа, чтобъ хладнокровно говорить о любимомъ пѣвцѣ; но нельзя и не сказать, хоть сквозь слезы, о такомъ покойникѣ.

Въ нынѣшнемъ году Шевченко былъ болѣнъ, но выходилъ, навѣщалъ близкихъ ему людей, работалъ и не думалъ о смерти, еще надѣялся и мечталъ. Какъ старый знакомый я видѣлъ его въ послѣдній разъ въ академіи, въ его труженической студіи; онъ прислалъ за мной посовѣтоваться объ изданіи книгъ для народнаго чте-

нія. Заставъ его за работой, я дружески упрекнулъ Шевченко, что онъ не послушался меня и выходилъ въ сырую погоду. Онъ отвѣчалъ съ добродушной улыбкой: «Скучно было, не вытерпѣлъ». О литературѣ мы говорили однакожъ очень мало, а все время дѣлали предположенія о поѣздкѣ весной на родину: куда направиться, гдѣ разойтись и гдѣ потомъ встрѣтиться. Шевченко собирался купить себѣ землю по берегу Днѣпра и построить хату. Онъ показывалъ мнѣ планъ этой хаты, утѣшался, какъ дитя, мыслью, что огромное окно мастерской будетъ выходить на Днѣпръ, который онъ страстно любилъ. Сколько задушевной теплоты было въ этихъ грёзахъ о тихомъ пріютѣ среди добраго и простаго народа, которому искренно желалъ образованія и счастія. Онъ былъ разговорчивѣе чѣмъ когда нибудь, и каждое слово его въ дружеской бесѣдѣ падало мнѣ тяжелымъ камнемъ на сердцѣ, въ которомъ шевелилось подозрѣніе въ неизлѣчимости его болѣзни. Я оставался сколько могъ долѣе у Шевченко, словно предчувствуя вѣчную разлуку. Наконецъ я взялся за шляпу. «Посиди, покури еще, сказалъ онъ, мнѣ не хочется работать, *несдужаю, побалакаемъ.*» На окнѣ стоялъ у него горшекъ цвѣтовъ съ блѣдной тощей зеленью. Знаешь ли «началъ онъ,» что теперь меня больше всего печалитъ: это— невозможность пойдти въ какую нибудь хорошую оранжерею и побыть хоть полчаса среди цвѣтущихъ деревьевъ. Я тотчасъ же предложилъ ему прислать кустъ камелій весь къ цвѣту, который мнѣ недавно подарили. «Спасибо, не надо, отвѣчалъ онъ, у тебя у самаго, можетъ быть, это единственное наслажденіе. Не надо». Уходя, я совѣтовалъ ему не садиться близко къ окну, но онъ разсмѣялся и замѣтилъ, что занятія его требуютъ много свѣта. Я жаловался на распутицу и скорбѣлъ на невозможность посѣщать его часто, но просилъ увѣдомить, еслибъ болѣзнь задержала его въ квартирѣ. Прошло нѣсколько дней... меня никто не увѣдомилъ, а вчера вечеромъ я обнялъ уже бездыханный трупъ поэта... Послѣ краткой литіи мы перенесли покойника въ академическую церковь. Мало было посѣтителей, одни близкіе люди, но всѣ лица были глубоко опечалены, во всѣхъ глазахъ дрожали слезы... Міръ праху твоему! благородный поэтъ! Да будетъ надъ тобой «земля перомъ» по выраженію Украинцевъ. Ты имѣлъ слабости, какъ и всякій, но слабости эти выкупались и теплой любовью къ человѣчеству, и чистотой души, и той строгой честностью, которая такъ рѣдка въ мірѣ, и тѣмъ безкорыстіемъ, которое цѣнилъ ты выше всего въ горячо любимомъ народѣ. Прощай же, нашъ славный кобзарь!

При жизни не было у тебя радостей, да и по смерти не исполнилось твое давнишнее завѣщаніе, выраженное во время юности гармоническими стихами: тебя хоронятъ не на родинѣ, надъ любимымъ Днѣпромъ, а подъ снѣгами, на далекомъ сѣверѣ. Но ты и здѣсь не среди чужихъ: на гробѣ у тебя лежали цвѣты, а на могилу твою не одна Украинка положитъ душистый вѣнокъ, орошенный теплой любовной слезой.

А. ЧУЖБИНСКІЙ.

1861. Февраля 27-го.
Петербургъ.

ФЕЛЬЕТОНЪ.

(ДНЕВНИКЪ ТЁМНАГО ЧЕЛОВѢКА) (*).

Не помню какой именно мыслитель сказалъ, что у каждаго человѣка есть свой геній; изъ этого я вывожу самое простое и прямое слѣдствіе, что какъ вообще всѣ люди, такъ и я—человѣкъ геніальный. Но въ геніальности, какъ во всякомъ проявленіи нравственной силы, есть свои степени и переходы: къ разряду *великихъ* людей равно можно отнести и И. А. Гончарова и Вильгельма Шамии, г. Дудышкина и Елизавету Мурфи. Они всѣ, каждый въ своемъ родѣ—*великіе* люди и игра природы, — разница только въ степеняхъ и въ томъ, что великановъ роста показываютъ за деньги, а великановъ слова и мысли читаютъ и слушаютъ за деньги на разныхъ литературныхъ чтеніяхъ въ пользу и т. д. Для большаго сближенія слѣдуетъ замѣтить, что тѣхъ и другихъ простые смертные могутъ слышать и видѣть на одной общей аренѣ — въ штейнбоковскомъ пассажѣ. Несмотря на то, что во мнѣ нѣтъ ни художественной силы автора Обломова, ни физической мощи художника въ своемъ родѣ Вильгельма Шамии, ни *величественной* красоты М-lle Мурфи, наконецъ ни убѣдительнаго, широко-расплывающагося краснорѣчія М-г Дудышкина, — несмотря на все это, я — темный человѣкъ, сознаю, что я тоже геній весьма не мелкаго достоинства и высшей пробы. Я геній самъ по себѣ, а они — сами по себѣ, замѣчу я,

(*) У моихъ любезныхъ соотечественниковъ слово *человѣкъ* употребляется часто какъ каламбуръ, — поэтому спѣшу замѣтить, что здѣсь оно употреблено вовсе не въ переносномъ смыслѣ.

пародируя Хлестакова. Говорю это безъ всякаго жеманства и скромности, которая у насъ теперь постоянно связана съ понятіемъ бездарности. Притомъ же скромность — понятіе совершенно условное; высшая натура генія чужда ея узкихъ законовъ. Если ты (**), благородный читатель, вѣруешь въ нашихъ современныхъ русскихъ геніевъ, то я могу сослаться на ихъ авторитетъ и указать на нѣсколько фактовъ ихъ геніальной смѣлости. Развѣ не она внушила, напримѣръ, г. Дудышкину смѣлый приговоръ противъ Пушкина, развѣ не она руководила грозной полемикой Современника съ московскимъ профессоромъ, развѣ не при ея наитіи критикъ того же журнала такъ безцеремонно обошелся съ гг. Пироговымъ, Майковымъ, Лермонтовымъ и многими другими, и всѣхъ русскихъ поэтовъ произвелъ въ низшій чинъ *поэтиковъ*, развѣ не она внушила извѣстному литератору въ своемъ журналѣ расхвалить свою собственную драму, развѣ наконецъ не та же самоувѣренность руководила Краевскимъ, провозгласившимъ, что Отечественныя Записки постоянно продолжали дѣятельность Бѣлинскаго, и что даже ихъ дѣятельность въ послѣднее время была полнѣе и плодотворнѣе дѣятельности Бѣлинскаго. Ясно, что для всего этого нужна была геніальная рѣшимость и самоувѣренность. Бюфонъ говорилъ, что геній — есть терпѣніе въ высшей степени; у нашихъ же великихъ людей выходитъ обратно: по ихъ мнѣнію — нетерпѣніе въ высшей степени — есть уже геніальность.

Итакъ, господа, теперь мое шуточное признаніе въ своей собственной геніальности вамъ не должно уже казаться слишкомъ страннымъ.

Вѣдь нынѣ кто не геній?...

Мюнстеръ насчитаетъ вамъ этихъ геніевъ нѣсколько дюжинъ съ указаніемъ на ихъ изображенія въ своей портретной галлереѣ русскихъ знаменитостей, а г. Старчевскій укажетъ на цѣлый рядъ литогравированныхъ портретовъ своихъ сотрудниковъ, разосланныхъ при его газетѣ въ видѣ преміи. Я самъ получилъ такой же подарокъ съ

(**) Называю тебя *ты* совершенно не по одному принципу съ тѣмъ фельетонистомъ, который плакалъ о томъ, что въ воскресныхъ школахъ къ ученикамъ обращаются съ вѣжливымъ мѣстоимѣніемъ *вы*. Называю тебя *ты*, любезный читатель, единственно изъ любви къ высокому слогу.

изображеніемъ г. Кушнерева — и былъ не мало утѣшенъ милымъ сюрпризомъ.

Но обращусь теперь къ главной задачѣ своихъ замѣтокъ, къ задачѣ — явиться передъ публикою съ огромнымъ запасомъ новостей, которыхъ такъ жадно и свирѣпо ищутъ повсюду безпокойные современные фельетонисты, постоянно плачущіе о скудной бѣдности нашей общественной жизни. Пожалуй я и самъ готовъ воскликнуть вмѣстѣ съ ними: «о, тяжела ты шапка фельетониста», но воскликнуть совершенно по другой причинѣ. Пора намъ перестать смотрѣть на фельетонъ, какъ на легкую болтовню объ уличныхъ и бульварныхъ новостяхъ, о пикникахъ камелій, о разныхъ трактирныхъ герояхъ и хлыщахъ. Неужели въ этихъ мелкихъ новостяхъ, въ этихъ поношенныхъ типахъ — заключается вся наша общественная жизнь и дѣятельность? Поневолѣ, стянувъ фельетонъ въ такія тѣсныя рамки, скоро не найдешь для него содержанія. Фельетонъ — перенесенный къ намъ съ чужой почвы, еще до сихъ поръ не освоился съ новой ролью и не могъ принять своего собственнаго характера. Не смотря на легкую и игривую форму, этотъ отдѣлъ журнала имѣетъ назначеніе говорить обо всемъ, поднимать всѣвозможные вопросы, если они жизненны, и опускать всѣвозможные авторитеты, если они мертвы. Вотъ почему, придавая такое серьезное значеніе фельетону, я «темный человѣкъ» не безъ малой робости принимаю на себя облаченіе современнаго лѣтописца и начинаю писать свои замѣтки. И такъ —

Хоть поздно, а вступленье есть,

а о дальнѣйшихъ моихъ успѣхахъ или неудачахъ кто мнѣ предскажетъ?.. Да я бы ни кому и не повѣрилъ, даже самому специалисту по части предсказаній, знаменитому доктору Кеммину, который своими прорицаніями смутилъ такъ еще недавно всю суевѣрную часть Европы отъ французскихъ аббатовъ до петербургскихъ извощиковъ. Весь этотъ шумъ произвела брошюра, изданная этимъ шотландскимъ оракуломъ. Разгнѣвавшись на весь живущій человѣческій родъ за его безпрестанныя войны и междоусобія, докторъ Кемминъ возвѣстилъ, что міръ доживаетъ теперь свои послѣдніе годы и что не пройдетъ еще восьми лѣтъ, какъ земной шаръ разобьется въ дребезги и все живущее ляжетъ костьми. Вотъ какого рода предсказанія дѣлаетъ шотландскій *ученый*! Кто то недавно сравнивалъ этого иноземнаго

кудесника съ нашимъ роднымъ московскимъ блаженнымъ — Иваномъ Яковлевичемъ, но мнѣ пришло теперь на умъ другое сближеніе, которое кажется будетъ правдоподобнѣе. Я нашелъ, что у насъ есть еще иной ближайшій прототипъ д. Кеммина съ тѣми же самыми принципами, и именно г. Воскобойниковъ. Почти въ одно и то же время раздалось ихъ громоносное анаѳема отлученія, одного — отъ жизни, другаго — отъ литературы. Съ одной стороны, докторъ Кемминъ, видя гибельный скандалъ вездѣ, гдѣ только кипитъ война и народное движеніе, мрачно-гробовымъ голосомъ восклицалъ: «перестаньте драться гг. Французы, Китайцы и Итальянцы, — стыдно вамъ, — кончина міра близка», — съ другой стороны, на берегахъ Невы — такимъ же зловѣщимъ голосомъ взывалъ г. Воскобойниковъ: перестаньте драться гг. литераторы! стыдно: кончина литературы близка».

— Вотъ онъ антихристъ! вотъ онъ! кричитъ д. Кемминъ, указывая на бюстъ Наполеона III: вотъ онъ, виновникъ и родоначальникъ всѣхъ народныхъ демонстрацій и ужасовъ государственныхъ войнъ!

— Вотъ онъ, вотъ распространитель и первый запѣвала въ литературѣ скандаловъ! — надрываясь кричитъ въ свою очередь г. Воскобойниковъ, обѣими руками указывая на двѣ книжки очерковъ новаго поэта.

Такимъ образомъ, въ лицѣ доктора Кеммина г. Воскобойниковъ нашелъ себѣ достойнаго собрата съ одинакимъ міросозерцаніемъ. Живи докторъ Кемминъ въ Россіи — онъ непремѣнно бы точно такъ же ополчился за скандалъ на всѣхъ нашихъ литераторовъ вообще, а на новаго поэта въ особенности. Это можно бы смѣло предсказать.

Кстати теперь о главномъ врагѣ г. Воскобойникова. Прежде чѣмъ начать говорить о нашихъ новыхъ надеждахъ, новыхъ журналахъ, новыхъ обществахъ, я хочу сказать нѣсколько словъ о Новомъ Поэтѣ. Все гонимое, преслѣдуемое всегда и вездѣ возбуждало во мнѣ непритворную симпатію и сожалѣніе, и теперь нападки на новаго поэта, летящіе на него отвсюду, невольно заставляютъ меня съ чувствомъ говорить объ этомъ почтенномъ старцѣ. Я никогда, несмотря на мое сильное желаніе, не видалъ Новаго Поэта, но всегда почему-то очень любилъ его. Въ моемъ воображеніи уже много лѣтъ вполнѣ обозначился его полный образъ со всѣми малѣйшими подробностями фотографіи, и никто меня долго не могъ разувѣрить,

что я хоть сколько нибудь ошибаюсь въ своемъ представленіи. Новый Поэтъ всегда представлялся мнѣ маститымъ старцемъ,

Съ бородой Анакреона
И съ сѣдинами до плечъ,

старцемъ тихимъ и беззлобнымъ, кротко и спокойно, съ тихою ясною улыбкою старика Беранже, воспѣвающимъ невскихъ камелій. Новый Поэтъ иначе не являлся въ моихъ мечтахъ, какъ маститымъ старцемъ, въ длинномъ драдедамовомъ сюртукѣ, съ гладкими и всегда чистыми воротниками рубашки, выпущенными a l'enfant, изъ-подъ его широкаго галстуха, съ плавною и спокойною рѣчью и походкою. Сколько разъ, въ послѣдніе годы, встрѣчая Новаго Поэта попрежнему на страницахъ Современника, я горько сожалѣлъ объ участи этого старца въ чуждой ему средѣ новой редакціи журнала, гдѣ никто не сочувствовалъ больше Новому Поэту съ его мечтами о пикникахъ и таинственныхъ баликахъ съ комедіями и ихъ поклонниками. Виноватъ-ли былъ сердце-юный старецъ, что новая среда (людей дѣла будто-бы, а не слова) не раздѣляла его увлеченій эротическаго свойства и предложила ему вмѣсто прежней свирѣли своей желѣзный «Свистокъ», съ просьбой навсегда позабыть своихъ любимыхъ божковъ — Эрота и Пріапа. И вотъ —

Армансъ и Минъ — его рука
Чертить не смѣла силуэтъ,
И сталъ онъ въ лагерѣ «Свистка»
Съ инымъ призваніемъ поэтъ.
Но прежнимъ преданный страстямъ —
(Не измѣнилъ его Свистокъ)
Камелій милыхъ даже тамъ
Онъ воспѣвать лишь только могъ (*):
Такъ храмъ оставленный — всё храмъ,
Кумиръ поверженный — все богъ.

Вотъ что значитъ оставаться вѣрнымъ — первымъ молодымъ порывамъ своего сердца и не измѣнять имъ «ни въ жизни, ни въ Свисткѣ». Такъ за что же теперь отвсюду изъ стана газетныхъ

(*) См. Современникъ 1861 г. № 1, Свистокъ. Грезы и видѣнія Новаго Поэта.

витязей летятъ на Новаго Поэта стрѣлы за стрѣлами? За что на беззащитныя сѣдины старца эти громы обличеній въ его бездарности, чуть не въ тупости, какъ будто то и другое преступленіе и личная кому нибудь обида, какъ будто отсутствіе дарованія (положимъ даже и это) равносильно похищенію денегъ у пріятеля или убійству на большой дорогѣ?

Недавно я встрѣтился съ однимъ изъ такихъ недоброжелателей Новаго Поэта, впрочемъ съ человѣкомъ весьма порядочнымъ. Я самъ заговорилъ о Новомъ Поэтѣ, доказывая, сколько могъ, что въ его «Очеркахъ петербургской жизни» есть много наблюдательности и даже таланта.

— Помилуйте! увѣрялъ меня знакомый: всѣ герои вашего любимца есть не что иное, какъ ходячіе манкены для постояннаго вывѣшиванія разноцвѣтныхъ брюкъ и повязыванья пестрыхъ галстуховъ. Это все сколки съ какой-то одной личности, которая, за обѣдъ у Дюссо и новыя панталоны, готова, какъ за чечевичную похлебку, отдать каждый добрый порывъ, каждое мимолетное человѣческое движеніе. Во всѣхъ разсказахъ ни искры правды, а главное ни капли любви и теплаго чувства къ человѣку. А безъ этого что такое писатель? Кстати — я вамъ скажу одну эпиграмму, — она не моя; эту эпиграмму смѣло можно бы поставить вмѣсто эпитафіи на «Очеркахъ». Сказать вамъ?

— Пожалуйста. Во всякомъ случаѣ это назидательно.

— Всего только три стиха:

Фортуны баловень! Ты всѣмъ меня плѣнилъ:
Бѣльемъ батистовымъ, рѣчей свободныхъ тономъ,
Жилетомъ Шармера и легкимъ фельетономъ!

Когда мой знакомый кончилъ, я ничего не сказалъ, но только покачалъ головою. Явное пристрастіе!.. Ничего я не жду теперь съ такимъ нетерпѣніемъ, какъ продолженія Литературныхъ воспоминаній И. И. Панаева, и именно тѣхъ главъ, гдѣ долженъ будетъ явиться Новый Поэтъ. Г. Панаевъ, такой безпристрастный разскащикъ о жизни литераторовъ прошлой эпохи, что вѣроятно нарисуетъ намъ полный художественный портретъ Новаго Поэта и не поскупится на краски. Будемъ же ждать этихъ любопытныхъ страницъ.... Онъ же обѣщалъ дорисовать слегка обведенный портретъ милой личности г.

Краевскаго, какъ оказывается, всего болѣе замѣчательной выразительными глазами.

Но что же новаго въ Петербургѣ? Еслибъ нужно было говорить мнѣ только объ ежедневныхъ, мелкихъ и летучихъ новостяхъ столицы, то я дѣйствительно сталъ бы въ тупикъ. Прислушайтесь— чѣмъ занята была наша публика во время всѣхъ зимнихъ праздниковъ? что волновало ее? о чемъ говорила она? Я разумѣю здѣсь подъ словомъ публика не ту часть занятыхъ людей, сидящихъ за дѣломъ, не тружениковъ канцелярій, кабинетовъ и безсонной работы, гдѣ нибудь на чердакѣ, а ту наслаждающуюся, праздную публику, публику Невскаго проспекта, «вѣчно свободную, вѣчно довольную». Говорить о томъ, какъ проходитъ жизнь этихъ баловней и баловницъ фортуны въ калейдоскопѣ мелкихъ новостей, крупнаго мотовства и скучной пышности—какъ-то дико, а главное совѣстно. У этой публики есть свои присяжные фельстонисты, которые съ удивительной способностью умѣютъ занимать ее, раздражать ея нервы и болтать на двѣнадцати столбцахъ газеты о томъ, о сёмъ, а больше ни о чемъ т. е. о привозномъ ut'diez-ѣ Кравцева, о классической походкѣ Ристори въ Медеѣ,

> Объ искусствѣ Тамберлика,
> О талантѣ Розенгейма,

или о розовыхъ ногтягъ красавца—эквалибриста Жюля Леотара. И вотъ граціозная публика съ удовольствіемъ пробѣгаетъ граціозную болтовню летучей газеты. Но есть еще другая публика въ Петербургѣ, которая далеко не блаженствуетъ, а гдѣ-то тамъ, далеко отъ пышныхъ газовыхъ улицъ города, глухо и терпѣливо несетъ на себѣ всѣ неудобства и темныя стороны дорогой столичной жизни. Холодная зима нынѣшняго года, 30-ти % морозъ, дороговизна квартиръ и вообще всѣхъ жизненныхъ продуктовъ — все это дѣлаетъ тяжелымъ существоване бѣднаго класса. Въ то время, какъ дрова и квартиры дорожали у насъ съ каждымъ часомъ, морозъ становился рѣшительно ни почемъ, и тяжело становилось бѣднымъ жителямъ далекой Коломны и выборгской стороны, дрожавшихъ отъ холода и сырости. Но не такъ свидѣтельствовалъ у насъ морозъ, какъ наши домовладѣльцы. Морозъ все-таки уступчивѣе, — онъ былъ, а потомъ и смягчился, — но наши домовладѣльцы, не смотря ни на какія наставленія гласности въ лицѣ своего представителя Сорокина, про-

должаютъ попрежнему свирѣпствовать и набавлять цѣны на свои квартиры. Для людей съ ограниченными средствами, даже самыя небольшія квартиры отъ 400 до 600 р. рѣшительно становятся неприступными. Неужели же противъ этого безграничнаго произвола домохозяевъ нельзя принять никакихъ мѣръ? Неужели это еще долго не кончится?.. Поговаривали у насъ одно время объ учрежденіи новаго филантропическаго общества, съ цѣлью устроить дешевыя помѣщенія для людей дѣйствительно нуждающихся и несущихъ на себѣ всю тяжесть баснословныхъ цѣнъ петербургскихъ квартиръ, но эти общества послѣ многихъ обѣщаній вдругъ замолкли и куда-то скрылись. Какъ видно, это былъ одинъ изъ тѣхъ добрыхъ, но безцѣльныхъ и мимолетныхъ порывовъ, на которые мы всѣ такъ щедры. Мы всегда готовы, и надо замѣтить очень искренно —

Въ богато убранной палатѣ
Потолковать о бѣдномъ братѣ.
Погорячится о добрѣ,

а потомъ при первомъ новомъ впечатлѣніи готовы забыть и добро и бѣднаго брата.. И такъ, въ то время, когда наши филантропы строили воздушные замки съ дешевыми квартирами, неутомимые спекуляторы тоже строили замки, только уже не воздушные, а каменные. Дома этихъ спекуляторовъ всегда выростаютъ быстро, какъ грибы и строятся на-живую руку: главная цѣль домовладѣльца не въ томъ, чтобъ зданіе вышло прочно, сухо и удобно, а въ томъ, чтобъ какъ можно скорѣе кончить его постройку и набить домъ сверху до низу постояльцами. Теперь можно себѣ представить, какъ хороши должны быть квартиры въ такихъ домахъ—съ хозяйскимъ отопленіемъ только одинъ годъ послѣ постройки. Особенно возмутительны небольшія помѣщенія, похожія на подвалы, сырыя, холодныя, съ стѣнами постоянно влажными , съ постояльцами, которые за-живо рискуютъ подернуться плѣсенью и больные умереть въ погребахъ, выдаваемыхъ имъ за квартиры.

Я знаю въ Петербургѣ одного домовладѣльца, который не давно выстроилъ себѣ великолѣпный по виду домъ, — что вашъ замокъ Монферана! Всѣ квартиры скоро были заняты жильцами, кромѣ бель-этажа. Бель-этажъ стоялъ пустой, но хозяинъ не жилъ въ своемъ домѣ, а нанималъ большую квартиру въ другой улицѣ. Это меня удивило.

— Сколько вы платите за квартиру? спросилъ я домовладѣльца.

— Тысячу двѣсти рублей.

— Ну, а бель-этажъ въ вашемъ домѣ почемъ ходитъ?

— Да за ту же цѣну, да вотъ тысячи двухъ сотъ рублей никто не дастъ!

— Такъ отчего же вы сами не живете въ своемъ домѣ? удивлялся я.

— Да такъ, не совсѣмъ удобно...

— Да почему же? допытывался я.

— Да вотъ видите-ли, отчего, отвѣчалъ онъ мнѣ очень наивно: квартыры тамъ не совсѣмъ сухи, стѣны сырыя, и мнѣ съ семьей жить тамъ, между нами будь сказано, неудобно.

Почтенный домовладѣлецъ вѣроятно дѣйствительно предполагалъ, что это можетъ остаться между нами.

— Отчего же это, продолжалъ я допытываться: вашъ домъ построенъ уже два года и притомъ же за его постройкой вы сами слѣдили!..

— Слѣдить-то слѣдилъ, но вѣдь я его строилъ не съ тѣмъ, чтобъ въ немъ жить самому, а съ тѣмъ, чтобъ отдавать подъ квартиры, кончилъ съ самымъ добродушнымъ видомъ домовладѣлецъ. Ему и въ голову, какъ видно, никогда не приходило, что у его постояльцевъ также могутъ быть семьи, дѣти, которыя способны заболѣть и страдать отъ заразительнаго воздуха и сырости комнатъ. Вопросъ о домовладѣльцахъ такъ важенъ въ настоящее время, что на него нужно бы взглянуть серьезнѣе, не ограничиваясь только одними легкими преслѣдованіями гласности. Эта же самая гласность бываетъ же иногда болѣе сурова и настойчива въ своихъ преслѣдованіяхъ; нашла же она нужнымъ обратить свое вниманіе на одну русскую даму, которая не давно напечетала статью о поѣздкѣ своей къ Гарибальди. Дама эта, знакомая съ итальянскимъ языкомъ и литературой и постоянно слѣдившая за ходомъ дѣлъ въ Италіи, увлеченная, какъ и всѣ мы, честной личностью диктатора, захотѣла сама быть у него и —«поднести ему вѣнокъ,» пишетъ она, «изъ настоящаго лавра, сдѣланный наподобіе тѣхъ вѣнковъ, какіе мы видимъ на статуяхъ Римскихъ императоровъ. На связкѣ былъ сдѣланъ большой бантъ изъ широкой цвѣтной ленты съ двумя длинными концами. По бѣлому фону было напечатано золотыми буквами:» «viva l'incomparabile eroe Garibaldi per sempre, per sempre.» Въ Казертѣ русская дама под-

несла Гарибальди этотъ вѣнокъ въ «знакъ ея сочувствія и удивленія,» и выхлопотавъ себѣ чрезъ генеральскаго адъютантанта Гвеморало, фуляръ съ шеи героя, уѣхала. Что-же страшнаго и дикаго находятъ въ поступкѣ этой дамы? Въ русской женщинѣ увлеченія такого рода такъ рѣдки, она такъ мало сочувствуетъ всѣмъ нашимъ общечеловѣческимъ и гражданскимъ интересамъ, что подобное движеніе въ ней нужно скорѣе уважать, чѣмъ смѣяться надъ нимъ за одну его эксцентричность. Поступокъ этотъ потому только и эксцентриченъ, что онъ не въ характерѣ нашей русской женщины, которая скорѣе увлечется шляпкой или плащемъ à la Гарибальди, чѣмъ самой его личностью. Я вотъ увѣренъ, что такая дама, какъ *madame* de-Борисова, на которую гласность тоже обратила свое вниманіе, вѣроятно никогда бы не подумала дѣлать вѣнки для Гарибальди и отправляться ему на поклоненіе въ Италію. Эта почтенная дама, живущая близъ Новгорода на мызѣ Тырковой, вѣроятно прослышавъ, что въ г. Тамбовѣ открытъ *коммерческій–коннозаводскій клубъ*, тоже придумала открыть на своей мызѣ *клубъ собачьей псарни* Клубная псарня, — пріученная *ради забавы малолѣтнихъ дѣтей госпожи* Борисовой бросаться на проходящихъ, заѣла на-смерть нѣсколько человѣкъ. Когда на г. Борисову подали жалобу, то она въ своемъ отзывѣ начальнику губерніи, опиралась на то, что она *пользуется многолѣтнимъ авторитетомъ въ лучшемъ аристократическомъ кругу первой столицы имперіи!!..* На мызу былъ посланъ сперва исправникъ; исправникъ оказался человѣкомъ вполнѣ ловкимъ, человѣкомъ, о которомъ можно смѣло сказать, что онъ *собаку съѣлъ,* потому что, по его донесенію, злобныхъ собакъ вовсе не оказалось, но нашлись четыре *кроткія, ласковыя, безвредныя* болонки. Но послѣ, по новому слѣдствію, дознались, что собаки, разтерзавшія дѣвочку, дѣйствительно были, но неизвѣстно куда съ мызы скрылись.

Вотъ такая Новгородская собачница, забавляющая своихъ дѣтей собачьей травлей, вѣрно не способна увлечься итальянскими героями, — и ея похожденія гласность обязана поднимать и выводить на Божій свѣтъ изъ тьмы тайны. А такихъ тайнъ у насъ, кажется, не занимать стать.

Заговоривъ о гласномъ раскрытіи тайнъ, я вспомнилъ теперь о томъ, какъ крѣпко еще стоятъ за эту тайну и вообще за всякую замкнутость въ дѣятельности и жизни, нетолько люди рутины и

отживающей дряхлости, но даже тѣ, которые нѣкогда съ такимъ негодованіемъ возставали на все укрывающееся, избѣгающее гласности и открытаго образа дѣйствій. Даже эти крикуны и *піонеры* (выражаясь по Розенгейму) стали прикрывать свои дѣла и дѣятельность виноградными листкомъ скромности и тайны. Они поняли, что съ гласностью шутить нельзя, что она не кого ни щадитъ, и того гляди заглянетъ и въ ихъ собственный карманъ и совѣсть, и поэтому тотчасъ–же отступили и перешли въ чужой лагерь. Еще двухъ лѣтъ не прошло, напримѣръ съ тѣхъ поръ, какъ г. В. А. Кокоревъ на страницахъ Русскаго Вѣстника являлся предъ нами смѣлымъ рыцаремъ правды и чести, съ такимъ благороднымъ негодованіемъ говорилъ, что «*долгъ и честь* обязываютъ давать довѣрителямъ *откровенный* отчетъ; что въ дѣлахъ акціонерныхъ обществъ *тайна*, неоглашеніе подробностей, прикрытіе ошибокъ *должны быть признаны за гражданскія преступленія*... Но вотъ прошло два года, г. Кокоревъ *самъ* сталъ директоромъ акціонернаго общества «Сельскій хозяинъ,» и когда у новаго директора попросили откровеннаго отчета въ его дѣйствіяхъ, то куда дѣвался прежній рыцарь прогресса! Кокоревъ вдругъ отрекся отъ прежнихъ своихъ мнѣній и началъ пѣть другую пѣсню — *о необходимости тайны въ дѣлахъ коммерческихъ*.

И такой рѣзкій переломъ въ мнѣніи могъ произойти въ прогрессивномъ директорѣ въ продолженіи всего только двухъ лѣтъ! Удивительно смѣлое отреченіе въ виду общественнаго мнѣнія!

— Наша журнальная гласность, съ такою неутомимостью начавшая свое обличеніе во имя всеобщей пользы еще не всегда и не вездѣ рѣшается заявить свой голосъ и свою силу. Журналы и газеты, вѣрные еще старымъ авторитетамъ, не рѣшаются часто сбросить съ этихъ авторитетовъ ложную мишуру и показать ихъ намъ въ настоящемъ свѣтѣ. Это чувство невольной подчиненности и молчалинской терпимости — нельзя не замѣтить повсюду. Авторитетъ (ученый или литературный) сдѣлался контробандой нашей гласности. Едва только кто нибудь печатно подыметъ свой голосъ противъ какого нибудь застарѣлаго величія или Олимпійца, какъ тотчасъ всѣ закричатъ «разбой! пожаръ! скандалъ! Зачѣмъ вы ихъ трогаете! Идите къ другимъ: къ Аскоченскому, къ Козлянинову, тѣхъ всѣ бранятъ, а *ихъ* нельзя, *они* человѣкъ таланта! Никакъ нельзя!

Знаю я, напримѣръ, одного господина, который создалъ себѣ репутацію неприкосновенности двумя–тремя повѣстями изъ народнаго быта, неутомимой болтовней, доходящей до художественаго цинизма лжи и неправды. Господинъ этотъ шатался по Европѣ, ѣздилъ въ Парижъ на поклоненіе Дюма–отцу и канканирующимъ гризеткамъ на маленькихъ парижскихъ баликахъ и вездѣ принимаемъ былъ какъ одинъ изъ первоклассныхъ русскихъ талантовъ.

Теперь посмотримъ, какъ этотъ первоклассный русскій талантъ, явившись за границей, знакомитъ иностранцевъ своей собственной личностью съ типомъ русскаго писателя.

Былъ онъ въ Англіи. Явившись тамъ въ одномъ высокообразованномъ семействѣ, онъ былъ принятъ съ истиннымъ радушіемъ и уваженіемъ, какъ одинъ изъ образованнѣйшихъ людей Россіи.

Хозяинъ дома, послѣ первыхъ привѣтствій спѣшилъ представить его молодой дѣвушкѣ гуверпанткѣ, воспитывающей его дѣтей, а ему представилъ эту дѣвушку какъ поклонницу его дарованія и переводчицу нѣкоторыхъ его повѣстей на англійскій языкъ.

Гость сѣлъ, вставилъ въ глазъ лорнетъ и заболталъ безумолку, смѣясь безпощадно надъ всѣмъ русскимъ.

Всѣ были удивлены его тономъ и какимъ–то бездушнымъ, нелюбящимъ смѣхомъ.

— Но какъ же, въ вашихъ повѣстяхъ, наконецъ замѣтили ему, такъ много любви къ русскому человѣку, къ его простому быту? Неужели все это было съ вашей стороны не искренно?

— Утопіи, утопіи! увѣрялъ русскій талантъ, развалясь на диванѣ. Все, что въ моихъ повѣстяхъ писано, смѣю завѣрить васъ, все это вздоръ, чистѣйшій вздоръ! Русской простой человѣкъ... это ужасный, ужасный звѣрь! Неопрятность, варварство, глупость... все это чудовищно, безобразно, отвратительно!.. говорилъ онъ съ крикомъ, махая руками и широко, съ какимъ–то ужасомъ, раскрывая ротъ. «Дикость этого человѣка — необузданна, продолжалъ онъ, и ни что не можетъ подѣйствовать на его грубую натуру, кромѣ побой и постоянной палки надъ спиною. Варварство ужасное, непостижимое!

Послѣ одного такого визита, русскаго путешественника въ этотъ домъ въ другой разъ уже не приняли, но это ему нисколько не мѣшало въ другомъ и третьемъ мѣстѣ ради гримасы и какой–то дикой оригинальности продолжать клеветать на русскую жизнь и рускаго человѣка.

И вотъ такой-то господинъ имѣетъ у насъ нѣкоторый авторитетъ неприкосновенности, въ дѣлѣ гласности, авторитетъ рѣшительно ни на чемъ неоснованный. Подобнаго господина мы никогда не рѣшимся причислить къ небольшой и благородной кастѣ русскихъ писателей, горячо любящихъ и русскую жизнь и литературу и не играющихъ своими убѣжденіями по методѣ В. Кокорева.

— О, какъ невозвратно далеко ушло отъ насъ то время, когда печатный станокъ не пугалъ насъ своей силой, когда земскій и уѣздный судъ казался намъ страшнѣе суда общественнаго мнѣнія и еще неизвѣстной тогда гласности,—невозвратно прошли для насъ

Золотые дни покоя,
Безнаказнаго стяжанья,
Золотые дни застоя,
Произвола и молчанья.

И теперь какой то новый духъ,» духъ отрицанія и сомнѣнія» смутилъ этотъ долгой миръ и тишину огромной обломовки обличительнымъ словомъ и надъ всѣмъ живущимъ засверкали его два пронзительные, безстрастные и суровые глаза. Моя муза, до тѣхъ поръ молчаливая и неспособная воспѣвать соловьевъ, даже курскихъ, и весну и звѣзды, вдругъ въ первый разъ была вдохновлена этимъ новымъ духомъ и навѣяла на меня слѣдующее стихотвореніе.

ДЕМОНЪ ВѢКА.

Въ тѣ дни, когда намъ были новы
Всѣ впечатлѣнья раннихъ дней,
Плѣнялъ поэтовъ шумъ дубровы
И звонкій курской соловей,
Когда ихъ пѣсни съ пыломъ чувства
Встрѣчали мы съ припѣвомъ-bis,
Когда «искуство для искуства»
Былъ неизмѣнный нашъ девизъ,
Когда во всѣхъ лишь видя гномовъ,
Отъ сна раскрыть не въ силахъ глазъ,
Съ вѣнками свѣжими Обломовъ
Всходилъ съ одышкой на парнасъ,
Когда не вѣрили, какъ въ миѳъ мы
Въ грядущій гласности восходъ,
Когда пѣвецъ лишь трескомъ риѳмы

Дивилъ довѣрчивый народъ:
Слѣды невинныхъ наслажденій,
Желая съ сердца отогнать,
Тогда какой-то злобный геній
Сталъ насъ все чаще навѣщать.
Печальны были эти встрѣчи:
Его улыбка, мрачный жестъ,
И обличительныя рѣчи
И непрощающій протестъ—
Намъ обливали душу ядомъ;
Сталъ міръ и мраченъ и суровъ
И только пѣли предъ посадомъ
Всё обличающіе рядомъ
И Розенгеймъ и Кушнеревъ.
Злой геній гласностью одною
Людей коварно искушалъ,
Онъ «Наканунѣ» звалъ мечтою,
Онъ вдохновенье презиралъ.
Весеннихъ пѣсенъ, пѣсенъ майскихъ
Онъ пѣть поэтамъ не велѣлъ
И даже-«Бабушку» и «Райскихъ»
Благословить онъ не хотѣлъ.

Кончивъ это стихотвореніе, я не могу теперь не упомянуть о «Бабушкѣ» И. А. Гончарова, явившейся въ № 1 Отечественныхъ Записокъ на новый годъ. Первыхъ книжекъ журналовъ на новый годъ въ публикѣ ждутъ всегда не безъ любопытства, предполагая найти въ нихъ какой нибудь неожиданный и пріятный для себя подарокъ. Въ числѣ прочихъ ожиданій, съ особеннымъ интересомъ всѣ готовились встрѣтить и «Бабушку», о которой уже всюду прокричали. Въ публикѣ ходили слухи о невѣроятной, баснословной платѣ редактора за каждый листъ новаго произведенія.

— За каждый листъ-по 400 р. с., говорили вездѣ: вѣрно вещь превосходная!

— Скоро-ли выйдутъ Отечественныя Записки?—спрашивали другіе. Тамъ будетъ «Бабушка» Гончарова!

Вниманіе было напряжено. И вотъ наконецъ послѣдовалъ выходъ

Бабушки,— но въ публикѣ царствовало гробовое молчаніе. Я долго ждалъ криковъ, восторговъ, восклицаній—и ошибся.

— Что же Бабушка? спрашивалъ я у всѣхъ. — Отрывокъ, ни чего цѣлаго, полнаго? — отвѣчали кругомъ; впрочемъ написано хорошо.

Я понялъ наконецъ въ чемъ дѣло, и только могъ воскликнуть про себя: «вотъ тебѣ, бабушка, юрьевъ день».

Когда я самъ дочиталъ послѣднюю страницу «Бабушки,» которую все-таки не могъ не признать за *капитальное* произведеніе, принявъ въ соображеніе плату за каждый листъ, тогда мной овладѣло какое-то непонятное, тихое, благоговѣйное чувство и я невольно склонилъ къ книгѣ лице свое. Нѣкоторые люди, «нищіе духомъ», говорили мнѣ послѣ, что будто бы я спалъ надъ книгой, но это была клевета: я только благоговѣлъ надъ ней.

Но преклонялся я не передъ однимъ только авторомъ «Бабушки,» но и передъ самимъ редакторомъ Отечественныхъ Записокъ, который пріобрѣтеніемъ «Бабушки» доказалъ всѣмъ своимъ врагамъ, какъ высоко цѣнитъ онъ русскіе таланты и какъ въ то же время подымаетъ высоко литературный трудъ всей плачущей братіи. И я не могъ, умилясь при этомъ, не воскликнуть:

Въ своемъ упоренъ идеалѣ,
Таланты всюду онъ стерегъ,
И даже-скученъ и убогъ
Пріютъ найти въ его журналѣ
«Праздношатающійся» могъ.

И послѣ всего этого, еще есть люди, которые постоянно удивляются тому, что г. Краевскій находится въ числѣ литераторовъ и ученыхъ въ портретной галлереѣ Мюнстера. На это замѣчаніе можно было бы сказать много въ защиту Андрея Александровича, но теперь онъ самъ печатно отвѣтилъ на это, увѣдомленіемъ, что критическій отдѣлъ русской словесности въ Отечеств. Записк. онъ будетъ вести вмѣстѣ съ С. С. Дудышкинымъ. Чему же вы смѣетесь, господа? Что же въ самомъ дѣлѣ удивительнаго въ томъ, что почтенный редакторъ будетъ писать критическія статьи о русской литературѣ? Если г. Воскобойниковъ могъ обратить ваше вниманіе своей статьей о литературныхъ скандалахъ и Цыганахъ Пушкина, то отчего же издатель энциклопедическаго лексикона не можетъ напи-

сать «нѣчто о водевилѣ,», или «о значеніи Маколея въ русской духовной музыкѣ?» Отчего же не хотятъ признать въ г. Краевскомъ литератора и даже обвиняютъ его въ незнаніи слова — сен-симонистъ? Ясная клевета!

Недавно, напримѣръ, въ городѣ разнеслись слухи объ одномъ случаѣ съ почтеннымъ редакторомъ, находящимся въ дружескихъ сношеніяхъ съ Ицкой. Слухъ этотъ, которому я рѣшительно не вѣрю, привожу теперь единственно для того, чтобъ показать, до-чего иногда простирается недоброжелательность нѣкоторыхъ изобрѣтательныхъ людей.

Въ концѣ прошлаго мѣсяца, въ бенефисъ г-жи Линской, на сценѣ Александринскаго театра шла въ первый разъ комедія Островскаго—«Свои люди—сочтемся». Какъ извѣстно всѣмъ, эта пьеса уже была написана и напечатана давно и только на сценѣ являлась какъ новость.

Театръ былъ полонъ, пьеса сыграна ровно и добросовѣстно и публика, не избалованная хорошими комедіями, встрѣтила ее восторженно и нѣсколько разъ вызывала автора.

Маститый старецъ-редакторъ былъ тоже въ театрѣ свидѣтелемъ восторженнаго пріема комедіи публикой. Слыша отъ всѣхъ, что пьеса идетъ на сценѣ въ первый разъ, онъ вообразилъ, не такъ сильный въ исторіи русской литературы, что она, т. е. пьеса, только недавно написана Островскимъ. Редакторъ, быстро взвѣсивъ успѣхъ и достоинство пьесы, понялъ, что она была бы хорошимъ пріобрѣтеніемъ для его журнала. Цѣлый вечеръ эта мысль его занимала, и онъ уѣхалъ домой съ твердымъ рѣшеніемъ, во что бы то ни стало, пріобрѣсти комедію Островскаго.

На слѣдующее утро, рано, опасаясь, чтобъ его не предупредили журнальные собратья, редакторъ явился въ квартиру автора комедіи «Свои люди-сочтемся».

Раннее посѣщеніе и торжественный видъ редактора показались не много странными удивленному хозяину.

Наконецъ все объяснилось, когда «среброкудрый старецъ» приступилъ къ автору съ просьбой продать комедію въ его журналъ.

Авторъ изумился.—Какъ продать? во второй разъ?

Пришла очередь изумиться и «среброкудрому старцу.»—Какъ во второй разъ? прошепталъ онъ почти машинально.

— Да вѣдь моя комедія уже давно была напечатана! Вы ошиблись. Старецъ-редакторъ былъ пораженъ и стоялъ какъ убитый.

Разумѣется, весь комизмъ въ этой послѣдней сценѣ, которая тѣмъ больше смѣшна, чѣмъ менѣе вѣроятна. Ясно, что этому анекдоту также много можно вѣрить, какъ и тому, что Андрей Александровичъ Краевскій не знаетъ значенія слова сен-симонистъ.

Заговоривъ теперь о первомъ представленіи комедіи «Свои люди-сочтемся», считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ объ ея исполненіи на нашей сценѣ. О самой комедіи, которая всѣмъ знакома уже болѣе десяти лѣтъ—и которая сразу доставила ея автору почтеннѣйшее мѣсто въ средѣ русскихъ литераторовъ—толковать кажется нечего. Можно только сказать, что всѣ достоинства этого образцоваго произведенія выступили еще ярче при игрѣ пьесы на сценѣ. Можно было только замѣтить, что пятый актъ комедіи, придѣланный авторомъ впослѣдствіи—для морали... и для другихъ причинъ—не совсѣмъ ладится съ общей художественной полнотой произведенія. Но обращусь къ самому исполненію на сценѣ комедіи Островскаго. Если игра актеровъ въ этой пьесѣ не могла вполнѣ удовлетворить всѣмъ эстетическимъ требованіямъ, что почти невозможно, то покрайней мѣрѣ исполнители нигдѣ не портили пьесу своей игрой и умѣли передать многія ея сцены очень типично. Притомъ же, самая комедія до такой степени проникнута жизненнымъ началомъ и элементами правды, что сама уже много говорила за себя. Первое мѣсто, между исполнителями мы безспорно должны отдать г. Васильеву 2, взявшему на себя не легкую и сложную роль плута-прикащика Подхалюзина. Г. Васильевъ, молодой артистъ, такъ еще не давно явившійся на петербургской сценѣ, обратилъ на себя всеобщее вниманіе своимъ талантомъ и многіе кажется не напрасно надѣятся, что изъ него можетъ выйти замѣчательный русскій комикъ, комикъ въ строгомъ значеніи этого слова. Г. Васильевъ, видимо хорошо понялъ, что комизмъ артиста заключается не въ паясничествѣ и балаганствѣ для удовольствія райка и что не слишкомъ лестна такая репутація, и популярность, которую выкричалъ и выломалъ себѣ Бурдинъ; поэтому въ игрѣ Васильева видна всюду вдумчивость и сдержанность, въ его комизмѣ—самыя злыя слезы. Личность Подхалюзина, хитраго и мелкаго плута, который дѣлаетъ свою карьеру — очерчена въ игрѣ г. Васильева удивительно рельефно и полно.

Отъ отраднаго появленія даровитаго артиста на нашей сценѣ, не-

рейду теперь къ явленіямъ менѣе отраднымъ, но также въ своемъ родѣ артистическимъ.

Кому изъ насъ неизвѣстно, что многіе наши учителя и наставники, придерживаясь своей старой методы обученія, несмотря ни на какія завѣренія новой науки воспитанія, никакъ не могутъ еще освободиться отъ одного педагогическаго лишая, который ихъ постоянно безпокоитъ. Этотъ педагогическій лишай, — есть тѣлесное наказаніе и розги въ дѣлѣ воспитанія дѣтей. Въ розгѣ — такой педагогъ — боится потерять силу и опору; розга — это его гордость, его знамя, его педагогическое сладострастіе. Розга! Въ самомъ дѣлѣ:

Вѣдь это мозгъ костей, кровь нашихъ русскихъ жилъ,
Вѣдь это съ молокомъ мы матери всосали.

И вдругъ, слышитъ сѣдовласый педагогъ всеобщее проклятіе этой розгѣ и ея поклонникамъ, слышитъ протесты противъ старой методы наказанія.... Чтожъ было ему дѣлать? Какъ безъ боя уступить педагогическимъ новобранцамъ? И началъ онъ думать, долго думать, и — наконецъ вотъ что придумалъ.

Исторія эта случилась въ Воронежскомъ округѣ, гдѣ мысль о новой системѣ наказанія учениковъ осѣнила одного находчиваго и изобрѣтательнаго штатнаго смотрителя.

Получилъ онъ отъ своего начальства строгій выговоръ за слабые успѣхи воспитанниковъ въ наукахъ, съ предписаніемъ принять *надлежащія мѣры* къ возбужденію въ нихъ охоты къ занятіямъ. Педагогъ смутился духомъ и созвалъ совѣтъ учителей для обсужденія дѣла, какъ имъ быть и что предпринять? Въ совѣтѣ заикнулись было о розгахъ, но вспомнивъ о строптивомъ духѣ времени, объ эпидемической гласности и о прочихъ напастяхъ — замолчали и мрачно опустили головы, съ волненіемъ ожидая, что скажетъ *самъ* смотритель. И —

Педагога знать не даромъ
Ждали съ трепетомъ отвѣта:
Какъ глаза его сверкнули
На смущеніе совѣта.

* *

Онъ какъ барсъ въ желѣзной клѣткѣ
Вскрикнулъ вдругъ... и громко, внятно,
Предъ собратьями нѣмыми
Говоритъ смотритель штатный:

* *

— Пусть, шальная наша гласность
Сторожитъ людскія души,
Въ городахъ, въ судахъ, въ управахъ,
Въ селахъ, на морѣ, на сушѣ;

* *

Пусть стоитъ она незримо
Съ жидкимъ словомъ правды голой
Межъ исправникомъ и сотскимъ,
Между будкою и школой!

* *

Пусть! теперь ея нападокъ
Не должны бояться всѣ мы,
Всѣ мы будемъ подъ охраной
Мной придуманной системы!

* *

Чтобъ успѣшнѣй шло ученье,
Божій страхъ былъ въ дѣтскомъ мозгѣ:
Мы не сѣчь ихъ будемъ,—только
Подводить для страха къ розгѣ.

* *

Смолкнетъ гласность; визгомъ розогъ
Слухъ ея не возмутится,
И тогда намъ, о собратья!
Все простится! все простится!»

Такимъ образомъ, предложеніе совѣта—*не сѣчь учениковъ, а только подводить ихъ къ розгѣ*, было принято съ удовольствіемъ.

Но этотъ воронежскій педагогъ долженъ больше смѣшить насъ, чѣмъ огорчать. Вѣдь это послѣднія шалости отживающаго поколѣнія, послѣдняя пѣсня дряхлаго и отсталаго лебедя, вѣдь это предсмертная блажь старости, безвредной даже въ самомъ своемъ озлобленіи. Но вотъ грустно и тяжело бываетъ тогда, когда люди новой расы,

люди образованія и свѣжихъ силъ, на которыхъ опирается наше общее будущее, являются предъ общественнымъ мнѣніемъ въ невыгодномъ свѣтѣ и тѣмъ подрываютъ въ нашемъ обществѣ вѣру въ молодое поколѣніе, вѣру и безъ—того слабую. Грустно и тяжело видѣть, что люди изъ среды этого юнаго поколѣнія даютъ право своими поступками какой нибудь грязной домашней бесѣдѣ съ циническимъ торжествомъ восклицать: вотъ, посмотрите! Не правы—ли мы, называя вашъ прогрессъ окаяннымъ, а его юныхъ поборниковъ—нечестивыми и развратными? Посмотрите: вотъ что дѣлаютъ ваши прославляемые прогрессисты!

Вотъ потому—то мы съ большимъ негодованіемъ и готовы встрѣтить каждую недобросовѣстность въ людяхъ, только драпирующихся въ мантію прогресса, въ людяхъ красныхъ фразъ и темныхъ дѣлъ, и готовы такихъ людей выдать нетолько на съѣденіе Аскоченскаго, но и на всеобщій позоръ общественнаго мнѣнія. На всѣ эти мысли навела меня послѣдняя исторія въ харьковскомъ благородномъ собраніи. Такъ какъ объ этой печальной исторіи всѣ уже, я думаю, слышали, то передамъ ее только вкратцѣ. Въ Харьковѣ, въ благородномъ собраніи былъ маскарадъ. Въ числѣ прочихъ масокъ, явилась одна въ горномъ карпатскомъ костюмѣ, обратившая на себя всеобщее вниманіе изящными манерами и граціозностью въ танцахъ. Въ концѣ вечера эта маска, изъ верхней залы гдѣ танцовали, спустилась въ нижнюю, почти пустую залу. Когда она была уже на срединѣ комнаты, вдругъ подбѣгаетъ къ ней медикъ 5 курса Страховъ и по какой—то чудовищной фантазіи хватаетъ маску за ногу. Оскорбленная маска, въ ту же минуту отвѣчала на дерзость звонкой пощечиной. Не прошло пяти минутъ, какъ вокругъ маски столпилась толпа студентовъ, которые бросились на нее съ крикомъ: *бить ее, бить!* Маску начали защищать три француза и часть публики, стараясь объяснить нападающимъ всю недобросовѣстность ихъ поступка съ дамой. Но несмотря на заступничество — съ дамы все—таки, къ довершенію оскорбленія, сорвали маску; дама упала въ обморокъ и была тотчасъ же увезена домой. Большинство голосовъ обвинило студента, но онъ и его товарищи съ запальчивостью стали доказывать, что маска достойна была нанесенной ей дерзости, потому что она.... *модистка*, француженка изъ магазина! О иронія, иронія! Я будто уже слышу при этихъ словахъ злобный хохотъ и свистъ мефистофеля надъ мелочными прогрессистами, которые еще умѣютъ

мирить въ себѣ Европы лоскъ и варварство татарства. Невольно примѣнишь къ этимъ господамъ жесткое и суровое восклицаніе Наполеона I: «поскоблите русскаго — и вы найдете татарина!»

— Съ харьковскаго маскарада, съ его воинственными прогрессистами, которые публично оскорбляютъ беззащитныхъ женщинъ, я перенесу теперь тебя, любезный читатель, въ совершенно другое мѣсто: — въ далекую Сибирь, въ неизвѣстный міру Минусинскъ, и разскажу тебѣ совершенно другую повѣсть. Въ то время, когда у насъ въ Россіи,

От потрясеннаго Кремля,
До стѣнъ недвижнаго Китая,

почти всюду заводятъ безплатныя школы для образованія простаго народа, выказываютъ полную симпатію къ его участи, въ то же самое время нѣкоторые печальные факты доказываютъ намъ, какъ еще далеко не вездѣ и не всѣ раздѣляютъ эту симпатію и любовь къ рускому простому человѣку. Въ газетѣ «Амуръ» недавно былъ помѣщенъ любопытный разсказъ одного крестьянина о томъ, какъ они просились и Амуръ и какъ было удачно это переселеніе.

Заключая свои замѣтки, я приведу одну выдержку изъ этого печальнаго сказанія, которое стоитъ того, чтобъ на него обратить вниманіе.

— «Помнится, говоритъ крестьянинъ Оотій Шавкуновъ, начали мы хлопотать объ Амурѣ назадъ тому году четыре. Да, какъ только заслышали, что «есть-де указъ», — вызываютъ охотниковъ на Амуръ; желающихъ нашлось много. Мы собирались было подать прошеніе по начальству; да спустя нѣсколько времени стали толковать въ народѣ, что-де золотопромышленники, заслышавъ, что многіе хотятъ собираться на Амуръ, просили становаго исправника на Амуръ много народа не отпускать, а то-де хлѣбъ-то подорожаетъ, да и на промыслы нанимать народъ будетъ трудно.» И исправникъ съ ними согласился. А мы ужъ, какъ порѣшили идти на Амуръ, то оставаться въ Минусинскѣ сильно не хотѣлось! Собрались между собой, потолковали, да и рѣшили: что если проситься на Амуръ у мѣстнаго начальства, то только потратишь время, а на Амуръ не отпустятъ, а лучше попробовать отправить прошеніе въ Петербургъ. Такъ и сдѣлали. Отослали прошеніе съ почтой, и ждемъ, что намъ выйдетъ. Мѣсяца черезъ четыре объявили намъ въ волостномъ правленіи,

что по прошенію нашему мы бы ожидали распоряженія отъ мѣстнаго начальства. И деньги съ насъ взыскали за гербовую бумагу. Стороной же мы узнали, что пришла о нашемъ дѣлѣ бумага губернатору изъ Иркутска. Ну, вѣстимо дѣло, что губернаторъ передастъ дѣло исправнику, а исправникъ засѣдателю.

Недѣли черезъ двѣ прибѣжалъ къ намъ въ деревню (Екатерининскую) изъ волости засѣдатель Харченко съ благочиннымъ Угрюмовымъ, да привели съ собой палача. Прошло два дня; засѣдатель никого не спрашивалъ; на третій день собралъ все общество, да и говоритъ: «кто изъ васъ писался на Амуръ, становись особо, а кто не писался, оставайся на мѣстѣ.».

Когда мы отошли въ сторону и стали особо, подошелъ къ намъ благочинный, сталъ спрашивать насъ, какимъ крестомъ мы молимся? Мы отвѣчали ему, что мы молимся крестомъ благословеннымъ (двухперстнымъ). Тутъ онъ закричалъ на насъ, называя раскольниками и еретиками, приказалъ подать розогъ и начали сѣчь Трофима Шавкунова и Родіона Гостевскаго. А засѣдатель между тѣмъ спрашивалъ насъ: «съ чего вы взяли проситься на Амуръ?» Мы ему отвѣчали: что былъ-де указъ, вызывали желающихъ на Амуръ!» Вдругъ благочинный какъ прикрикнетъ на насъ: «да откуда вы взяли такой указъ? Такого указа совсѣмъ не было!»

Опросивъ всѣхъ насъ, засѣдатель вышелъ на крыльцо, да и объявилъ всему обществу, что онъ прикажетъ наказывать насъ за Амуръ. Въ тотъ день наказали Брагина, Аббакума Гостевскаго, да меня, а на слѣдующій день и другихъ, которые просились на Амуръ. Когда насъ сѣкли, засѣдатель все стоялъ на крыльцѣ, приказывалъ бить сильнѣе, да все приговаривалъ: «*вотъ вамъ Амуръ! вотъ вамъ Амуръ! не проситесь на Амуръ! не смущайте народъ!*»

Горькій и мрачный смыслъ этой исторіи дѣлается еще мрачнѣе отъ простоты и наивности самаго разсказа.

— Боже мой! Сколько темнаго, тяжелаго, печальнаго во всемъ этомъ! скажетъ читатель. Гдѣ нашъ прогрессъ? Что такое мы всѣ сами наконецъ, и наше время? На всѣ эти вопросы мы можемъ привести вмѣсто отвѣта слова М. П. Погодина, произнесенныя имъ 12-го января въ залѣ московскаго дворянскаго собранія. Въ этотъ день, бывшие студенты московскаго университета праздновали годовщину его основанія. На обѣдѣ, данномъ по этому случаю, въ присутствіи 253 человѣкъ, г. Погодинъ, провозгласивъ первый тостъ за здоровье

Государя Императора, произнесъ рѣчь, въ которой, между прочимъ, говорилъ слѣдующее:

«Мы живемъ въ мудреное время. Говорить легко на другой день, а наканунѣ — это совсѣмъ другое дѣло. Мы теперь именно наканунѣ важнѣйшихъ государственныхъ преобразованій и улучшеній: улучшенія крестьянскаго быта, гражданскаго судопроизводства, банковой системы, городскаго управленія, путей сообщенія и пр. и пр. Что же можно сказать безъ дерзости о такихъ великихъ предпріятіяхъ до ихъ утвержденія, исполненія, повѣрки опытомъ? Можно только молиться, можно только желать, чтобъ все начатое было совершенно успѣшно, согласно съ требованіями закона, разума, права, времени, къ истинной, прочной пользѣ всѣхъ сословій, всѣхъ русскихъ людей, въ равной степени; можно только желать, чтобъ Россія, устроясь или хоть положивъ твердое основаніе внутри того вожделѣннаго порядка, за которымъ предки наши, тысячу уже лѣтъ назадъ, ѣздили нарочно за море, заняла мѣсто въ системѣ государствъ, завѣщанное ей исторіей и назначенное географіей; можно только желать, чтобы всѣ европейскія племена, въ случаѣ нужды, родныя и чужія, находили въ ней свою естественную покровительницу и заступницу, безкорыстную и безпристрастную... чтобъ всѣ честныя и благородныя дѣла европейскія встрѣчали у насъ всегда доброжелательный, согласный, сильный отзывъ? Начало такому новому порядку вещей положилъ нынѣ царствующій Государь Императоръ, въ знаменитомъ рескриптѣ объ улучшеніи быта крестьянъ.... Позвольте мнѣ, мм. гг., какъ старому школяру, отдать дань педантизму и заключить мое слово строгимъ силлогизмомъ, составленнымъ изъ аксіомъ, съ подтвержденіемъ, по правиламъ риторики, изъ сочиненій славнаго писателя.

«Наука, отъ сотворенія міра, никогда не была, не могла и не можетъ быть, по естеству своему, за тѣсноту, за рабство.

«Университетъ никакой, никогда, по существу своему, не можетъ измѣнить наукѣ.

«Мы всѣ, сколько насъ здѣсь ни есть, принадлежимъ университету. Слѣдовательно?

«Слѣдовательно, нетолько по обычаю, но и по логикѣ, по влеченію благороднаго сердца, мы должны воскликнуть многія лѣта Государю, начинающему улучшеніе быта, освобожденіе.

«А вотъ, въ обѣщанное подтвержденіе и стихи нашего вѣщаго

поэта, безсмертнаго Пушкина, пророческіе стихи, которые сорокъ лѣтъ лежали подъ спудомъ и которые нынѣ, въ-очію исполняющіеся, вскрыть торжественно мы имѣемъ полное, сладкое право:

Увижу ль, о друзья, народъ неугнетенный
И рабство, павшее по манію Царя,
И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
Взойдетъ ли наконецъ прекрасная заря?»

Вслѣдъ за этими теплыми словами г. Погодина — было сказано еще не одно горячее слово. Укажемъ напр. на рѣчь профессора Ѳ. М. Дмитріева. Предлагая тостъ за Москву, онъ говорилъ объ отношеніяхъ, о связи, существующей между Москвой и московскимъ университетомъ; онъ коснулся при этомъ нравственнаго долга, налагаемаго настоящимъ положеніемъ вещей на всѣхъ членовъ общества и на членовъ университетскаго сословія въ особенности. «Въ наше время, сказалъ онъ, общественныя задачи умножаются; онѣ требуютъ отъ всѣхъ и каждаго особенно строгаго надзора за собою, особаго напряженія силъ. Будемъ надѣяться, что московскій университетъ выйдетъ съ честью изъ этого новаго испытанія. Преподаватели и студенты! Будемъ строго и внимательно слѣдить за собою; не забудемъ, что болѣе, чѣмъ когда нибудь, мы должны принести на служеніе обществу серьезную мысль, положительныя знанія, которыхъ оно вправѣ требовать отъ насъ, и прежде всего — способность и любовь къ труду. Эта задача не превышаетъ нашихъ силъ. Она въ особенности ясна и понятна московскому университету. Въ нашемъ университетѣ живо доброе преданіе; въ немъ есть духъ, никогда не покидавшій его....»

Далѣе г. Дмитріевъ переходитъ къ главной цѣли своей рѣчи: «Стремленіямъ нашего университета придетъ на помощь и московское общество. Здѣсь его живое отношеніе къ университетской дѣятельности будетъ особенно плодотворно. Оно будетъ столько же поддерживать насъ строгостью своего надзора, какъ и теплотой своего участія. Общественное мнѣніе видимо слагается и крѣпнетъ въ Россіи. Чѣмъ болѣе оно будетъ развиваться, тѣмъ спасительнѣе окажется связь университета съ Москвою...»

«Пожелаемъ же Москвѣ все большаго и большаго развитія въ ней общественной жизни. Начало уже положено. Въ послѣднее время литературная дѣятельность Москвы, почти замолкшая прежде,

снова оживилась, вступила въ новый періодъ, полный силы и жизни....»

Далѣе профессоръ упоминаетъ о готовящихся въ Москвѣ реформахъ: о преобразованіи полицейскаго управленія, о новомъ устройствѣ Думы, по образцу петербургской, съ участіемъ въ ней всѣхъ сословій; наконецъ—о благотворительномъ вліяніи, которое уже ощутила Москва отъ недавно-возникшаго тамъ (также по образцу петербургскаго) новаго учрежденія—коммисіи словеснаго суда для разбора дѣлъ между рядчиками и работниками.

Этотъ университетскій праздникъ не ограничился одними рѣчами: отъ словъ перешли и къ дѣлу. Приведенное г. Погодинымъ четверостишіе Пушкина послужило поводомъ къ открытію подписки на сооружаемый нашему незабвенному поэту памятникъ, который уже дозволено поставить, А. С. Пушкину, въ бывшемъ лицейскомъ саду, въ Царскомъ Селѣ.

ИЗЪ ИСТОРІИ ГРЕЦІИ, ГРОТА.

(Продолженіе).

Солонова конституція.

Посредствомъ изложенныхъ нами мѣръ облегченія (*), Солонъ достигъ результатовъ, далеко превосходящихъ все то, чего онъ могъ надѣяться. Онъ совершенно прекратилъ существовавшее въ обществѣ недовольство, и внушилъ своимъ согражданамъ такое довѣріе и такую благодарность, что вслѣдъ за тѣмъ онъ былъ призванъ начертать конституцію и законодательство для обезпеченія хода общественныхъ дѣлъ на будущее время. Конституціонныя положенія его важны и драгоцѣнны: что же касается до законодательства въ тѣсномъ смыслѣ, (уголовный и гражданскій кодексъ) то дошедшія до насъ свѣдѣнія о немъ болѣе любопытны, чѣмъ особенно важны въ юридическомъ отношеніи.

Было уже объяснено, что до временъ Солона граждане Аттики подраздѣлялись на четыре іонійскія филы, заключающія въ себѣ по одной системѣ дѣленія фратріи и роды, а по другой триттіи и наукраріи— государственная же власть находилась вся въ рукахъ сословія евпатридовъ, которое состояло или изъ нѣсколькихъ особенно уважаемыхъ родовъ или изъ совокупности знатныхъ фамилій, принадлежащихъ къ разнымъ родамъ. Солонъ ввелъ новое начало подраздѣленія, которое у Грековъ названо было тимократическимъ. Онъ раздѣлилъ гражданъ всѣхъ филъ, безъ всякаго отношенія къ ихъ родамъ и фратріямъ, на четыре класса, по количеству принадлежащей имъ собственности, которое онъ приказалъ привести въ извѣстность и внести въ общую государственную роспись. Тѣ, которыхъ годовой доходъ равнялся пяти-

(*) Солонъ, Отр. 27, изд. Шнейд.

стамъ медимнамъ хлѣба (около семисотъ англійскихъ бушелей) или превышалъ это количество (медимнъ хлѣба считался равноцѣннымъ монетной единицѣ, драхмѣ) составили высшій классъ. Тѣ, которые получали отъ пятисотъ до трехсотъ медимновъ или драхмъ, составили второй классъ, а отъ трехсотъ до двухсотъ—третій классъ (*). Въ четвертый и самый многочисленный классъ включены всѣ, не получавшіе и двухсотъ медимновъ. Граждане перваго класса, называвшіеся пентакосіомедимнами, одни только могли быть избираемы въ архонты и во всѣ другія высшія должности, граждане втораго класса назывались всадниками республики, такъ какъ у нихъ были достаточныя средства къ тому, чтобы держать лошадей и исполнять военную службу на конѣ: третій классъ называвшійся Zeugitae составлялъ тяжелую пѣхоту и долженъ былъ являться на службу въ полномъ вооруженіи. Всѣ граждане этихъ трехъ классовъ были внесены въ государственную роспись съ обозначеніемъ капитала, служащаго основаніемъ при взиманіи налоговъ и расчитаннаго, до извѣстной степени, соотвѣтственно годовому доходу, но съ уменьшеніемъ пропорціональнымъ пониженію суммы самаго дохода. Каждый платилъ подати соотвѣтственно суммѣ капитала, съ которою онъ значился въ росписи; такъ что этотъ прямой налогъ имѣлъ значеніе пропорціональнаго налога на доходы. Капиталъ гражданина, принадлежащаго къ самому богатому классу, къ пентакосіомедимнамъ, исчислялся въ двѣнадцать разъ болѣе противъ его годового дохода: капиталъ всадника въ десятеро, а капиталъ зевгита въ пятеро противъ его дохода. Такимъ образомъ пентакосіомедимнъ, котораго доходъ составлялъ ровно пятьсотъ драхмъ—*minimum* для этого класса, былъ означенъ въ росписи съ податнымъ капиталомъ въ шесть тысячъ драхмъ или въ одинъ талантъ, что составляетъ произведеніе отъ помноженія его дохода на двѣнадцать,—еслибы доходъ его простирался до тысячи драхмъ, то онъ былъ бы обозначенъ съ капиталомъ въ двѣнадцать тысячъ драхмъ или въ два таланта, при чемъ отношеніе дохода къ податному капиталу осталось бы тоже. Но когда мы переходимъ ко второму классу или всадникамъ, пропорція измѣняется,—всадникъ, имѣющій дохода ровно триста медимновъ или триста драхмъ, былъ внесенъ въ роспись съ капиталомъ въ три тысячи драхмъ — въ десятеро противъ его дѣйствительнаго дохода—и такъ далѣе въ той же пропорціи для всѣхъ цифръ дохода, выше трехсотъ и ниже пятисотъ драхмъ. Въ третьемъ классѣ, ниже трехсотъ драхмъ, пропорція во второй разъ

(*) Плутар. Солонъ 18—23; Поллуксъ VIII 130; Арист. Полит. II: 9: 4; Арист: Отр: *περὶ πολιτειων* 51 изд: Неймана; Гарпократ: и Фотій V *ἱππας*, Etymolog: Mag: *Ζευγισιον, Θητικὸν*, Схол: Аристоф: Equites:

измѣнятся — зевгитъ, обладающій ровно двумя стами драхмъ дохода значился съ капиталомъ, исчисленнымъ еще по низшей пропорціи,— въ одну тысячу драхмъ,—только въ пять разъ больше годоваго дохода; также и всѣ доходы этого класса, отъ 300 до 200 драхмъ, помножались на пять для полученія окладнаго капитала. Сообразно суммѣ внесенныхъ въ роспись капиталовъ, взимались всѣ прямые налоги: если государству нужно было взыскать по 1% прямаго налога, то бѣднѣйшій изъ пентакосіомедимновъ платилъ (съ капитала въ 6000 драхмъ) шестьдесятъ, бѣднѣйшій всадникъ (съ 3000 драхмъ) тридцать, а бѣднѣйшій зевгитъ (съ 1000 драхмъ) десять драхмъ. Этотъ способъ раскладки налоговъ имѣлъ значеніе пропорціонально измѣняемаго налога на доходы, если принимать въ соображеніе всѣ три класса, относительно же лицъ, принадлежащихъ къ одному и тому же классу—это составляло совершенно уравнительный налогъ (*).

Всѣ граждане, которыхъ доходъ составлялъ менѣе двухсотъ медимновъ или драхмъ, составляли четвертый классъ, и изъ нихъ должно было образоваться огромное большинство членовъ общины. Они не подлежали никакимъ прямымъ налогамъ и можетъ быть сначала даже не были внесены въ окладную роспись—это тѣмъ болѣе вѣроятно, что мы не знаемъ взимались ли дѣйствительно какіе нибудь налоги по этой росписи въ Солоновы времена. Говорятъ, что всѣ были граждане четвертаго класса названы тэтами, но ничто не подкрѣпляетъ этого факта, который потому и не можетъ быть принятъ: четвертый отдѣлъ въ понижающейся постепенности имуществъ дѣйствительно назывался census theticus, потому, что всѣ тэты заключались въ немъ и составляли большинство его членовъ; но нельзя предположить, чтобы владѣлецъ, получающій съ своей земли 100, 120, 140 или 180 драхмъ, могъ когда нибудь быть причисленъ къ классу тэтовъ (**).

Таковы были раздѣленія въ политической системѣ, установленной Солономъ и названной Аристотелемъ тимократіею; въ этой системѣ права дѣйствительныя и почетныя, служебныя обязанности и повинности каждаго гражданина опредѣлялись соотвѣтственно упроченной собственности каждаго. Хотя постепенность установлена такъ, какъ будто бы ею должно было измѣряться только поземельное имущество, однакоже мы можемъ скорѣе предположить, что и собственность другихъ родовъ предполагалось включить въ роспись, такъ какъ основаніемъ для опредѣле-

---

(*) Boeckl Staatsh. d. Ath. T. III гл: 5; Поллуксъ VIII 130; Демосѳ. cont. Makarlat.

(**) Boekh Staats. der Ath. т. III Платона Legg. V. VI; Tittmann Griech Staatsh. и K, T. Hermann Lehrbuch d. Griech. St. Alt.

нія лежащихъ на каждомъ гражданинѣ повинностей служилъ капиталъ Высшія почести въ государствѣ, то есть мѣста девяти ежегодно избираемыхъ архонтовъ, также какъ и членовъ ареонага, въ который всегда поступали отслужившіе архонты—можетъ быть также мѣсто пританиса наукраровъ,—были предоставлены первому классу: бѣдные евпатриды не могли занимать этихъ должностей, а богатые люди, не принадлежащіе къ ихъ сословію, допускались къ избранію. Другія мѣста, менѣе важныя, предоставлялись второму и третьему классамъ, которые сверхъ того были обязаны служить на войнѣ: одни — всадниками, другіе—тяжело.вооруженными пѣшими воинами. Сверхъ того государственныя литургіи, какъ ихъ называли—не вознаграждаемыя должности, приносящія исполнителю ихъ только безпокойство и издержки—какъ то должности тріерарха, хорэга, гимназіарха—были распредѣлены такъ или иначе между тремя классами, хотя мы и незнаемъ какимъ именно образомъ распредѣленіе было сдѣлано въ эти раннія времена. Съ другой стороны члены четвертаго или нисшаго класса были лишены права занимать государственныя должности, неучаствовали въ литургіяхъ, а на войнѣ служили или легковооруженными или въ паноплiяхъ (полныхъ вооруженiяхъ), заготовляемыхъ на счетъ государства. Неправильно было бы сказать, что они совсѣмъ не платили податей—косвенныя подати, какъ напримѣръ пошлины со ввозимыхъ товаровъ, падали на нихъ наравнѣ со всѣми—и не должно забывать, что въ теченіи весьма долгаго періода исторіи Аѳинъ, косвенные налоги взыскивались постоянно, между тѣмъ, какъ прямые взимались только въ рѣдкихъ случаяхъ.

Но хотя этотъ четвертый классъ, заключающій въ себѣ огромное большинство свободныхъ гражданъ, былъ лишенъ права занимать должности, но въ другомъ отношеніи совокупное значеніе этого класса весьма существеннымъ образомъ возвысилось. Онъ получилъ право участвовать въ избраніи годовыхъ архонтовъ изъ класса пентакосіомедимновъ и—что было еще важнѣе—архонты и всѣ другіе сановники, по окончаніи года своего служенія, вмѣсто отвѣтственности передъ ареопагомъ, были обязаны отдавать отчетъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ народному собранію, получающему вслѣдствіи того характеръ судилища. Они могли быть обвиняемы и вынуждены оправдываться, а, въ случаѣ доказанныхъ злоупотребленій, подвергались наказаніямъ и лишались обычной почести—мѣста въ совѣтѣ ареопага.

Если бы народное собраніе должно было дѣйствовать одно, безъ содѣйствія и руководства, эта отвѣтственность оказалась бы только мнимою. Но Солонъ сдѣлалъ ее дѣйствительною посредствомъ другаго новаго учрежденія, которое, какъ мы увидимъ въ послѣдствіи, много

содѣйствовало къ тому, чтобы выработалась аѳинская демократія. Онъ учредилъ пробулевтическій или предварительно обсуждающій сенатъ, имѣющій тѣсную связь и особыя отношенія съ народнымъ собраніемъ: онъ приготовлялъ дѣла къ его обсужденію, назначалъ собранія и руководствовалъ ими и заботился объ исполненіи состоявшихся постановленій. Этотъ сенатъ или совѣтъ, въ томъ видѣ, какъ его установилъ Солонъ, заключалъ въ себѣ четыреста членовъ, взятыхъ въ равномъ числѣ изъ всѣхъ четырехъ филъ—не по жребію, какъ мы увидимъ при дальнѣйшемъ развитіи демократіи, но по избранію народа, такимъ же образомъ какъ архонты—при чемъ граждане четвертаго или бѣднѣйшаго класса, хотя и участвовали въ выборѣ, но сами не могли быть избраны.

Но между тѣмъ какъ Солонъ создавалъ новый пробулевтическій сенатъ, сливающійся съ народнымъ собраніемъ и содѣйствующій ему, онъ не выказалъ никакой вражды къ существовавшему издревле совѣту или сенату Ареопага: напротивъ онъ усилилъ его значеніе, далъ ему обширныя права по наблюденію за исполненіемъ законовъ вообще и возложилъ на него цензорскую обязанность—наблюденіе за образомъ жизни и занятіями гражданъ, равно какъ и наказаніе людей праздныхъ и развратныхъ. Онъ самъ, какъ бывшій архонтъ, былъ членомъ этого стараго сената, и говорятъ, что онъ надѣялся посредствомъ двухъ совѣтовъ, удержать государство, какъ бы на двойномъ якорѣ, отъ всякихъ ударовъ и бурь (*).

Таковы единственныя политическія учрежденія,—за исключеніемъ нѣкоторыхъ законовъ, подлежащихъ теперь нашему обсужденію,—которыя мы имѣемъ основаніе приписать Солону, озаботившись должнымъ образомъ о различеніи того, что принадлежитъ Солону и его вѣку, отъ дальнѣйшихъ преобразованій аѳинской конституціи. Многіе весьма достойные повѣствователи о дѣлахъ Греціи, примѣру которыхъ отчасти послѣдовалъ и д-ръ Тирльуолль (**), имѣли обыкновеніе соединять имя Солона со всѣми тѣми явленіями политической и юридической жизни Аѳинъ, которыя они встрѣчали въ промежуткѣ времени отъ Перикла до Демосѳена—учрежденія сената пятисотъ, множество общественныхъ судей или присяжныхъ, по жребію избираемыхъ изъ народа, коммиссія такъ называемыхъ номотэтовъ, ежегодно избираемая для ревизіи законовъ, и уголовный процессъ,—такъ называемая графэ пара-

(*) Плутарха Солонъ 18, 19. 23; Филохора Отр. 60 изд: Дидо; Атенея IV; Валер: Макс: II 6.

(**) Меурзія Солонъ; Сигонія de Republ. Athen. Ваксмутъ Hellen Alterthumer. т. I, отд. 46, и 47: Титманъ Griech. Staatsverf; Платнеръ. der Attische Prozess, т. II гл. 5, д-ръ Тирльуолль Исторія Греціи т. II гл. XI.

номонъ,—который могъ быть начатъ противъ всякаго, предложившаго мѣру незаконную, противную конституціи или низшую. Есть дѣйствительно нѣкоторый поводъ къ смѣшенію временъ послѣдовавшихъ за Солоновыми съ самымъ временемъ его, въ образѣ выраженія ораторовъ: Демосѳенъ и Эсхинъ употребляютъ имя Солона безъ разбора и навываютъ его творцомъ учрежденій, принадлежавшихъ явно къ позднѣйшему времени, такъ напримѣръ разительная и вполнѣ характеристическая клятва избираемыхъ по жребію присяжныхъ, которую Демосѳенъ (*) приписываетъ Солону, сама заключаетъ въ себѣ множество доказательствъ, что она установлена послѣ Клисѳена—между прочимъ уже то, что въ ней упоминается сенатъ изъ пятисотъ, а не изъ четырехъ сотъ членовъ. Всѣ граждане, которые служили въ качествѣ присяжныхъ или дикастовъ, смотрѣли на Солона съ благоговѣніемъ, какъ на творца аѳинскаго законодательства; потому ораторъ могъ легко употребить его имя для усиленія своей рѣчи, не возбуждая критическихъ изслѣдованій о томъ принадлежало ли то именно учрежденіе, на которое онъ призывалъ вниманіе своихъ слушателей, самому Солону или позднѣйшимъ временамъ. Многія изъ тѣхъ учрежденій, которыя д-ръ Тирльуолль соединяетъ съ именемъ Солона, принадлежатъ къ явленіямъ послѣдней утонченности и выработки демократическаго начала въ Аѳинахъ—бъзъ сомнѣнія постепенно подготовленнымъ въ промежутокъ времени между Клисѳеномъ и Перикломъ, но не приведеннымъ въ дѣйствіе до появленія послѣдняго; такъ какъ едвали возможно себѣ представить всѣ эти многочисленныя дикастеріи съ правильною, часто требуемою и продолжительною дѣятельностью, безъ опредѣленной платы составляющимъ ихъ дикастамъ. Но эта плата начала производиться около временъ Перикла, если даже не по его собственному предложенію (**) и Демосѳенъ имѣлъ полное право утверждать, что если бы она была прекращена, то все судебное и административное устройство Аѳинъ разрушилось бы (***). Было бы чудомъ, которому мы могли бы повѣрить только при самыхъ ясныхъ доказательствахъ, если бы Солонъ, живя въ такія времена когда даже самыя начальныя примѣненія демократіи было неизвѣстны,—возъимѣлъ мысль о подобныхъ учрежденіяхъ. Еще большимъ чудомъ было бы, если бы полуосвобожденные тэты и мелкіе владѣльцы, для которыхъ онъ писалъ законы, еще трепещущіе подъ же-

---

(*) Демосѳ. cont. Timokrat. Эсхинъ cont. Ktesiph.) Д-ръ Тирльуалль Ист. Грец т. II; гл. XI Эсхинъ cont: Leptin; Вальцъ Collect· Rhetor. т· II стр. 223; Демосѳ. cont. Aristocrat.; Андокидъ Or. I, De Mysteriis.

(**) См. Boeckh Staatsh. d. Ath. т. II, кн. 15.

(***) Демосѳ. cont: Timokrat. гл. 26 ср. Аристоф. Ekklesiazusae 302.

лѣзною рукою евпатридовъ—архонтовъ, оказались вдругъ способны къ исполненію высокихъ обязанностей, къ которымъ граждане торжествующихъ Аѳинъ, при Периклѣ, полные сознаніемъ своего значенія и совершенно сливающіе свою личность съ величіемъ общества, стали годными лишь понемногу—и то не болѣе, какъ годными. Предположить, чтобы Солонъ придумалъ и установилъ, чтобы обезпечить періодическій пересмотръ и постепенное развитіе его законодательства, такое учрежденіе, какъ комиссія присяжныхъ номотэтовъ, которую мы видимъ дѣйствующею во времена Демосѳена—по нашему мнѣнію несогласно ни съ какою правильною оцѣнкою, какъ этого человѣка, такъ и его времени. Геродотъ говоритъ, что Солонъ, потребовавъ отъ Аѳинянъ торжественныхъ клятвъ въ томъ, что они не измѣнятъ ни одного изъ его законовъ въ продолженіи десяти лѣтъ, удалился изъ Аѳинъ на все это время, чтобы граждане не принудили его самого измѣнить законодательства. Плутархъ увѣдомляетъ насъ, что онъ придалъ своимъ законамъ обязательную силу на цѣлое столѣтіе (*). Солонъ самъ и прежде него Драконъ были призваны къ дѣлу составленія законовъ по особымъ обстоятельствамъ; мысль же о частомъ пересмотрѣ законовъ собраніемъ избранныхъ по жребію дикастовъ, принадлежитъ временамъ несравненно большаго развитія, и не могла быть присуща уму ни того, ни другаго. Деревянные свертки Солона, подобно таблицамъ римскихъ децемвировъ (**), безъ сомнѣнія были назначены къ тому, чтобы служить постояннымъ: fons omnis publici privatique juris (источникомъ всего общественнаго и частнаго права).

Разсмотрѣвъ существо дѣла мы увидимъ, что Солону разумнымъ образомъ можетъ быть приписано только, такъ сказать, заложеніе перваго камня того зданія аѳинской демократіи, которое мы находимъ во времена Перикла. «Я далъ народу,» говоритъ Солонъ, въ одномъ изъ сохранившихся отрывковъ его сочиненій, (***) столько участія во власти, сколько требовали его нужды, не расширяя и не уменьшая его значенія: объ тѣхъ также, которые дотого пользовались властью и богатствомъ, я позаботился, чтобы они не подверглись недостойному обращенію. Я закрывалъ могучимъ щитомъ, обѣ стороны, такъ, чтобы не допустить ни ту, ни другую до несправедливаго торжества. »Аристотель также говоритъ, что Солонъ далъ народу не болѣе власти, чѣмъ того требовала необходимость: (****) избирать должностныхъ лицъ и под-

(*) Герод. I, 29, Плутар, Солонъ, гл. 25 Авл. Гелл, II, 12.
(**) Лив. III, 34.
(***) Солонъ Отд. II. 3 изд. Шнейдев.
(****) Аристат. Полит. II. 9. 4.

вергать ихъ отвѣтственности; еслибы народъ имѣлъ менѣе этого, то онъ бы не могъ оставаться—спокойнымъ: онъ долженъ былъ бы впасть въ состояніе рабства и смотрѣть враждебно на весь существующій порядокъ вещей. Не менѣе ясно выражается Геродотъ, повѣствуя о переворотѣ впослѣдствіи совершенномъ Клисѳеномъ, который—говоритъ онъ нашелъ аѳинскій народъ лишеннымъ всякихъ правъ. (*) Эти мѣста повидимому положительно опровергаютъ предположеніе, само по себѣ довольно невѣроятное, что Солонъ былъ основателемъ особыхъ демократическихъ учрежденій аѳинской республики, какъ напримѣръ назначенія постоянныхъ и многочисленныхъ собраній дикастовъ для рѣшенія судебныхъ дѣлъ и для пересмотра законовъ. Настоящее демократическое движеніе въ Аѳинахъ—съ того времени, когда этотъ знаменитый Алкменидъ или по собственному желанію, или потому, что онъ былп побѣжденъ въ борьбѣ съ партіею Исагора, широкими уступками въ пользу народа пріобрѣлъ его дѣятельное содѣйствіе въ своихъ трудныхъ обстоятельствахъ. Между тѣмъ, какъ Солонъ и по своему показанію и по Аристотелеву, далъ народу столько власти, сколько требовала небходимость,—Клисѳенъ (по энергическому выраженію Геродота) (**) будучи побѣжденъ своимъ соперникомъ въ борьбѣ партій слилъ свои интересы съ интересами народа. Такимъ образомъ аѳинскій народъ былъ обязанъ своимъ первоначальнымъ допущеніемъ къ политическому значенію, расчетамъ слабѣйшей стороны въ борьбѣ, происходившей между аристократами—если не вполнѣ, то по крайней мѣрѣ отчасти,—хотя впрочемъ дѣйствія Клисѳена доказываютъ искреннее сочувствіе къ интересамъ народа. Но эта конституціонная уступка народу не была бы такъ изумительно богата положительными результатами, если бы ходъ дѣлъ, въ продолженіи цѣлаго полувѣка послѣ Клисѳена, не возбудилъ такъ сильно въ массахъ самоувѣренность, единодушіе и честолюбіе. Мы будемъ говорить далѣе объ тѣхъ историческихъ причинахъ, которыя, дѣйствуя на характеръ Аѳинянъ, дали такое развитіе великому демократическому движенію, начатому Клисѳеномъ:въ настоящее же время достаточно будетъ сказать, что эго движеніе начато Клисѳеномъ, а не Солономъ.

Но Солонова конституція, хотя и послужила только основаніемъ, была однакоже необходимымъоснованіемъ послѣдующей демократіи, и если бы интересы несчастнаго аѳинскаго народа, вмѣсто того, что бы быть поручены его безкорыстному и благотворному попеченію ,попали въ руки эгоистовъ, ищущихъ только собственнаго возвышенія, какъ

(*) Герод. V. 69.
(**) Герод. V. 66—69. Арист. Полит. VI. 2. 11, III. 1. 10.

Килонъ или Пизистратъ, то достопамятное развитіе аѳинскаго ума въ теченіи послѣдующаго вѣка вовсе бы не совершилось, и вся дальнѣйшая исторія Греціи вѣроятно приняла бы другой оборотъ. Солонъ оставилъ главныя проявленія государственной власти въ рукахъ олигархіи; борьбы партій, происшедшія между Пизистратомъ, Ликургомъ и Мегакломъ, тридцать лѣтъ спустя послѣ его законодательства, и окончившіяся деспотизмомъ Пизистрата, имѣютъ тотъ же самый олигархическій характеръ, которымъ отличались подобныя движенія до Солона. Но устроенная имъ олигархія была очень различна съ безусловною олигархіею, которую онъ нашелъ, приступая къ законодательству, и которая подвергала простолюдина самому тяжкому угнетенію, не оставляя ему никакого выхода изъ его скорбнаго положенія — какъ это изображено въ поэмахъ Солона.

Онъ былъ первый, который далъ и людямъ средняго состоянія и всей массѣ народа точку опоры противъ евпатридовъ; онъ далъ народу возможность отчасти защищать самого себя и ознакомилъ его съ понятіемъ объ этомъ самозащищеніи посредствомъ мирнаго употребленія конституціонныхъ правъ. Новою властью, посредствомъ которой самозащищеніе народа могло проявляться, было народное собраніе, названное геліэя, (*) которое было приведено въ правильную форму, вооружено расширенными привилегіями и подкрѣплялось необходимымъ союзникомъ — пробулевтическимъ или предварительно обсуждающимъ сенатомъ. Пока образъ правленія, учрежденный Солономъ, сохранялъ свою силу, собраніе это имѣло власть только второстепенную, данную ему исключительно съ цѣлью защитить слабыхъ отъ притѣсненія со стороны сильныхъ; но послѣ преобразованій, введенныхъ Клисѳеномъ оно сдѣлалось преобладающимъ. Оно постепенно раздѣлилось на тѣ многочисленныя народныя дикастеріи, которыя такъ сильно измѣнили и общественную и частную жизнь Аѳинянъ, пріобрѣло исключительное уваженіе и повиновеніе народа, и мало по малу подчинило себѣ всѣхъ отдѣльныхъ сановниковъ, облеченныхъ судебною властью. Народное собраніе, въ томъ видѣ, какъ оно учреждено было Солономъ, съ измѣненнымъ кругомъ дѣйствія и постоянною обязанностію контролировать и обсуждать дѣятельность отслужившихъ сановниковъ, представляло нѣчто среднее между пассивною гомерическою агорою и тѣми могущественными собраніями и дикастеріями, которыя внимали рѣчамъ Перикла и Демосѳена. Въ сравненіи съ этими послѣдними учрежденіями, оно имѣло только слабый оттѣнокъ демократизма и въ такомъ видѣ, естественно, представлялось Аристотелю, писавшему съ практическимъ знаніемъ

(*) Лизія cont. Theomnest. Поллуксъ VII. 5.' 22; Титманъ Griech. staat. стр. 215—16; Демосѳ. cont. Timokrat. гл. 21.

состоянія Аѳинъ во времена ораторовъ. Но въ сравненіи съ агорою, представляемою Гомеромъ, или съ порядкомъ вещей существовавшимъ въ Аттикѣ до Солона, оно безъ сомнѣнія, должно было казаться значительною уступкою демократическому элементу. Подвергнуть архонта изъ евпатридовъ необходимости быть избраннымъ массою народа, или подчинить его, по окончаніи служенія, отвѣтственности передъ чернью (какъ безъ сомнѣнія выражались евпатриды) должно было быть жестокимъ униженіемъ гордости господствовавшаго класса; надобно замѣтить, что конституція Солона была самымъ обширнымъ планомъ правительственной реформы, когда либо предложеннымъ въ Греціи, и что въ то время деспоты и олигархическія правительства раздѣляли между собою господство надъ всѣмъ греческимъ міромъ. Такъ какъ Солонъ, учреждая народное собраніе, вмѣстѣ съ его совѣщательнымъ сенатомъ, не имѣлъ ничего противъ ареопага и даже увеличилъ его власть, то надо полагать, что онъ главнымъ образомъ имѣлъ въ виду не ослабленіе олигархіи вообще, но улучшеніе управленія и уничтоженіе злоупотребленій отдѣльныхъ архонтовъ, и даже этой цѣли хотѣлъ достигнуть не уменьшая власть ихъ, а сдѣлавъ нѣкоторую степень популярности съ ихъ стороны необходимымъ условіемъ, подчинивъ ихъ волѣ народа и при вступленіи ихъ въ должность и при полученіи установленныхъ почестей по окончаніи срока служенія.

По нашему мнѣнію, неосновательно предполагать, что Солонъ судебную власть архонтовъ передалъ народнымъ дикастеріямъ; эти верховные судьи по прежнему оставались независимыми и продолжали творить судъ, не подвергаясь никакой аппеляціи. Они не были предсѣдателями собранія присяжныхъ какими сдѣлались потомъ, въ слѣдующемъ столѣтіи. (*) За исполненіе своихъ обязанностей они отвѣчали по окончаніи года, въ продолженіе котораго исправляли должность. Эта отвѣтственность служила обезпеченіемъ противъ злоупотребленій съ ихъ стороны,— обезпеченіемъ весьма недостаточнымъ, но не совсѣмъ безполезнымъ. Мы увидимъ, однакожъ, что эти архонты, имѣвшіе полную возможность усмирять, быть можетъ, даже угнетать бѣдныхъ, незнатныхъ людей, были безсильны противъ возстанія людей знатныхъ, принадлежавшихъ къ ихъ сословію, и окруженныхъ воинственными приверженцами, какъ Пизистратъ, Ликургъ и Мегаклъ. Сравнивая кровопролитную вражду этихъ честолюбивыхъ соискателей власти, кончившуюся деспотическою властью одного изъ нихъ, съ жаркою борьбою краснорѣчія происходившею въ послѣдствіи въ народномъ собраніи между Ѳемистокломъ и Аристидомъ, и мирно рѣшенною верховнымъ голосомъ

(*) Плутарха Solon 18. Д-ръ Тирльуоллъ History of Greece т. II. гл. XI.

народа, ни разу не нарушивъ общественнаго спокойствія,—мы должны согласиться, что демократическое правленіе послѣдующаго столѣтія несравненно лучше удовлетворяло требованіямъ порядка и прогресса, нежели устройство данное Солономъ.

Чтобы пріобрѣсти должное понятіе о движеніи греческаго ума и въ особенности аѳинскихъ дѣлъ, необходимо строго отличить Солонову конституцію отъ послѣдовавшей за нею демократіи. Этотъ образъ правленія достигъ полнаго развитія постепенными шагами, какъ мы увидимъ въ послѣдствіи. Демосѳенъ и Эсхинъ жили уже тогда, когда онъ былъ въ полной силѣ, какъ окончательно развившаяся система и когда уже отчасти забыты были прежніе переходы его изъ одного фазиса въ другой; дикастамъ, собиравшимся въ судъ, было пріятно соединять съ этимъ устройствомъ имена Солона, или Тезея, котораго они также по преданію очень уважали. Проницательный ихъ современникъ, Аристотель, не обманывался на этотъ счетъ; а столѣтіемъ раньше даже самые необразованные Аѳиняне не могли бы впасть въ подобное заблужденіе. Во все продолженіе демократическаго движенія, начиная со вторженія Персовъ и до пелопоннезской войны, и въ особенности во время перемѣнъ, предложенныхъ Перикломъ и Эфіалтомъ, въ Аѳинахъ постоянно существовала ревностная оппозиціоная партія, которая старалась напоминать что оно уже отступило и идетъ къ тому, чтобы отступить еще болѣе отъ границъ, начертанныхъ Солономъ. Знаменитый Периклъ подвергался безчисленнымъ нападеніямъ и въ народномъ собраніи, со стороны ораторовъ, и въ театрѣ, со стороны комическимъ писателей. Къ числу сарказмовъ, поражавшихъ политичесское направленіе того времени, по всей вѣроятности, должно отнести и жалобу, произнесенную поэтомъ Кратиномъ, на забвеніе, въ какое пришли имена Солона и Дракона. Въ одной изъ своихъ комедій, этотъ поэтъ говоритъ, между прочимъ: «Клянусь Солономъ и Дракономъ, которыхъ деревянныя скрижали теперь употребляются народомъ на то, чтобы жарить ячмень.» (*) Законы Солона относительно уголовныхъ преступленій, относительно наслѣдства и усыновленія, вообще относительно частныхъ дѣлъ, и т. д. сохранялись во всей силѣ; его цензъ, раздѣлявшійся на четыре степени, также продолжалъ существовать, по крайней мѣрѣ съ финансовой цѣлью, до вступленія въ архонты Навзиника, въ 377 году до Р. Х. Поэтому нельзя признать ошибочнымъ мнѣніе Цицерона, что въ его время законы Солона господствовали въ Аѳинахъ; (**) но политическое и судебное устройство, данное этимъ законода-

---

(*) Кратинъ у Плутарха. Solon. 25.

(**) Цицеронъ, Orat. pro Sext. Roscio, c. 25; Эліанъ. V. H. VIII, 10.

телемъ, подверглись такой же совершенной и замѣчательной перемѣнѣ, какъ и вообще характеръ и духъ аѳинскаго народа. Избраніе посредствомъ жребія архонтовъ и другихъ судей и раздѣленіе, также посредствомъ жребія, всѣхъ дикастовъ и присяжныхъ на особые разряды для судебныхъ дѣлъ рѣшительно нельзя отнести къ Солону: оно было введено послѣ переворота, произведеннаго Клисѳеномъ; по всей вѣроятности также и выборъ сенаторовъ посредствомъ жребія. Этотъ способъ избранія былъ симптомомъ ясно выразившагося демократическаго духа, какого нельзя найти въ учрежденіяхъ Солона.

Трудно съ точностью опредѣлить, каково было политическое положеніе древнихъ родовъ (gentes) и фратрій въ томъ видѣ какъ ихъ оставилъ Солонъ. Всѣ четыре филы состояли изъ этихъ родовъ и фратрій, и никто не могъ быть причисленъ къ какой нибудь филѣ, не бывши въ то-же время членомъ какого нибудь рода и фратріи. Въ совѣщательномъ сенатѣ находилось четыреста членовъ, по сту изъ каждой филы: по этому лица, не принадлежавшія ни къ одному рору или фратріи, немогли вступить въ это собраніе. Условія выбора, согласно древнему обычаю, были одинаковы для всѣхъ девяти архонтовъ,— поэтому также для сената ареопага. Такимъ образомъ Аѳинянинъ, не бывшій членомъ этихъ филъ могъ участвовать въ одномъ только народномъ собраніи: но въ качествѣ гражданина онъ имѣлъ право подавать голосъ при выборѣ архонтовъ и сенаторовъ, ежегодно разбирать ихъ дѣйствія и кромѣ того лично требовать удовлетворенія за злоупотребленія со стороны архонтовъ, тогда какъ не гражданинъ въ этомъ случаѣ могъ только представить за себя свидѣтеля гражданина, простата. Поэтому, кажется, всѣ лица, не принадлежавшія къ четыремъ филамъ, каково бы ни было ихъ состояніе, въ отношеніи политическихъ правъ находились на одномъ уровнѣ съ четвертымъ, бѣднѣйшимъ классомъ солоновскако ценза. Мы уже замѣтили, что даже прежде Солона число Аѳинянъ, непринадлежавшихъ ни къ одному роду или фратріи, по всей вѣроятности, было значительно: оно должно было увеличиваться все болѣе и болѣе, такъ какъ эти корпораціи представляли замкнутые кружки, между тѣмъ какъ новый законодатель старался привлечь въ Аѳины трудолюбивыхъ переселенцевъ изъ другихъ частей Греціи. Такое значительное и возраставшее неравенство политическихъ правъ отчасти объясняетъ слабость правительства въ дѣлѣ подавленія замысловъ Пизистрата и доказываетъ важность переворота, произведеннаго въ послѣдствіи Клисѳеномъ, уничтожившимъ четыре древнія филы и учредившимъ на мѣсто ихъ десять новыхъ, обнимающихъ все населеніе.

Объ устройствѣ, какое Солонъ далъ сенату и народному собранію,

мы не имѣемъ рѣшительно никакихъ свѣдѣній; тѣ извѣстія которыя мы имѣемъ относительно состоянія этихъ учрежденій во время позднѣйшаго господства демократическаго правленія сюда отнесены быть не могутъ.

Законы Солона были написаны на деревянныхъ валахъ и на треугольныхъ дощечкахъ письменами, называемыми boustrophêdon, въ которыхъ строки попеременно направлялись съ лѣва на право и съ права на лѣво, подобно бороздамъ, производимымъ плугомъ земледѣльца. Они сначала хранились въ акрополисѣ, а потомъ въ пританумѣ. На дощечкахъ, называвшихся kyrbeis, главнымъ образомъ помѣщались законы относительно священнодѣйствій; (*) на столбахъ, или валахъ, которыхъ было по крайней мѣрѣ шестнадцать, находились законы относительно дѣлъ мірскихъ. Эти постановленія дошли до насъ только въ небольшихъ отрывкахъ; притомъ многое приписывалось ораторами Солону, что на самомъ дѣлѣ относится ко временамъ позднѣйшимъ. Поэтому едва ли возможно составить критическое мнѣніе относительно цѣлаго законодательства и изложить общія начала и цѣли, руководившія законодателя.

Солонъ оставилъ неизмѣнными прежніе законы относительно убійствъ, такъ какъ эти законы имѣли связь съ религіозными чувствованіями народа. Такимъ образомъ, постановленія Дракона по этому предмету сохранились въ прежнемъ видѣ, тогда какъ другимъ предметамъ они, по мнѣнію Плутарха, были совершенно отмѣнены: (**) есть, однакожъ, причины думать, что эта отмѣна не была такъ рѣшительна, какъ полагаетъ этотъ біографъ.

Законы Солона болѣе или менѣе касались всѣхъ отраслей человѣческихъ интересовъ и обязанностей. Въ нихъ находились постановленія политическія и религіозныя, общественныя и частныя, гражданскія и уголовныя, торговыя, земледѣльческія исправительныя и направленныя противъ роскоши. Солонъ назначаетъ наказанія за преступленія, опредѣляетъ промыслы и положеніе гражданъ, предписываетъ подробныя правила относительно браковъ и похоронъ, употребленія общественныхъ колодцевъ и ключей и пользованія землями, составляющими смежное владѣніе нѣсколькихъ земледѣльцевъ. Сколько можно судить по достигшимъ до насъ не полнымъ отрывкамъ, въ этихъ законахъ не было никакого систематическаго распредѣленія или классификаціи. Нѣкоторые изъ нихъ были выражены только въ общихъ, неопредѣленныхъ чертахъ, другіе, напротивъ, опредѣляли самыя мелкія подробности правъ и обязанностей гражданскихъ.

(*) Плутархъ, Solon, 23—26.
(**) Плутархъ, Solon c. Cyrill. cont. Julian V, d. 169. ed. Spanheim.

Самымъ главнымъ постановленіемъ было измѣненіе закона относительно должниковъ и кредиторовъ, о которомъ упомянуто уже прежде, и уничтоженіе права отцовъ и братьевъ продавать въ неволю своихъ дочерей и сестеръ. Запрещеніе всякихъ условій относительно личной свободы само по себѣ уже было достаточно, чтобы произвести значительное улучшеніе въ характерѣ и положеніи бѣднѣйшаго класса. Результатъ, достигнутый въ этомъ отношеніи законодательствомъ Солона, былъ такъ очевиденъ, что Бекъ (Boeck) и нѣкоторые другіе знаменитые писатели приписываютъ этому законодателю уничтоженіе рабства и надѣленіе бѣдныхъ арендаторовъ собственностью въ занимаемыхъ ими земляхъ, посредствомъ уничтоженія правъ богатыхъ землевладѣльцевъ. Но это мнѣніе не подтверждается положительнымъ образомъ; въ отношеніи по земельныхъ правъ, мы не можемъ приписать Солону другой, болѣе сильной мѣры, чѣмъ уничтоженіе прежнихъ закладовъ земель (*)

Первый столбъ законовъ содержалъ постановленія относительно вывозной торговли. Въ немъ запрещался вывозъ всѣхъ произведеній аттической почвы, за исключеніемъ оливковаго масла. Мѣра, имѣвшая цѣлью поддержаніе этого закона, заслуживаетъ вниманія, потому что она объясняетъ понятія того времени. Архонтъ обязывался, подъ опасеніемъ пени въ сто драхмъ, подвергнуть торжественному проклятію всякаго, кто нарушитъ это постановленіе. (**) Эта запретительная мѣра, по всей вѣроятности, имѣла связь съ другими цѣлями, задуманными Солономъ, какъ полагаютъ нѣкоторые, въ особенности съ поощреніемъ ремесленниковъ и фабрикантовъ. Замѣтивъ, что многіе эмигранты пріѣзжали въ Аттику съ тѣмъ, чтобы поселиться въ этой странѣ, представлявшей болѣе безопасности каждому жителю, законодатель старался обратитъ ихъ болѣе къ мануфактурной промышленности, чѣмъ къ обработкѣ бѣдной отъ природы земли. (***) Онъ запрещалъ вступать въ число гражданъ всѣмъ переселенцамъ кромѣ тѣхъ, которые оставляли свое прежнее мѣстопребываніе навсегда и пріѣзжали въ Аѳины съ цѣлью занятія какимъ нибудь промысломъ. Чтобы предупредить праздность, онъ вмѣнилъ сенату ареопага въ обязанность наблюдать за образомъ жизни всѣхъ вообще гражданъ и наказывать всякаго, кто не имѣлъ опредѣленнаго рода занятій, для поддержанія жизни. Если сынъ не былъ обученъ отцомъ какому нибудь промыслу, Солонъ освобождалъ его отъ всякой обязанности содержать родителя

(*) Бекъ, staatsh. der Athener sect. III, отд. 5.

(**) Плутархъ, Solon, 24.

(***) Плутархъ, Solon.

въ старости. Съ цѣлью увеличить число ремесленниковъ, онъ обезпечилъ, или старался обезпечить за всѣми постоянными жителями Аттики монополію туземныхъ земледѣльческихъ продуктовъ, за исключеніемъ оливковаго масла, производившагося въ количествѣ, превышающемъ мѣстное употребленіе. Онъ желалъ, чтобы торговля съ чужими краями поддерживалась отпускомъ ремесленныхъ, а не земледѣльческихъ произведеній. Эта запретительная система въ существѣ основывалась на такихъ же началахъ, какъ и запретительные законы, господствовавшіе прежде въ Англіи, относительно хлѣба и шерсти, а также въ другихъ европейскихъ странахъ относительно разныхъ предметовъ торговли. Она, на сколько была дѣйствительна, клонилась къ ограниченію производства аттической почвы и такимъ образомъ къ предупрежденію возвышенія цѣнъ на земли,—цѣль менѣе предосудительная, нежели та, какую представляютъ прежніе хлѣбные законы Англіи, клонившіеся къ предупрежденію паденія цѣнъ на хлѣбъ. Но законъ Солона должно быть не имѣлъ силы въ отношеніи главныхъ предметовъ человѣческой потребности; Аттика ввозила постоянно въ большомъ количествѣ хлѣбъ и соль,—вѣроятно также шерсть, ленъ и строительный лѣсъ. Относился ли этотъ законъ также къ винным ягодамъ и меду, подлежитъ сомнѣнію; по крайней мѣрѣ, эти произведенія Аттики въ послѣдствіи употреблялись и славились во всей Греціи. Вѣроятно также серебренныя руды Лаурейума едва обработывались во время Солона: работы въ нихъ сдѣлались весьма значительными въ послѣдствіи и доставляли Аѳинянамъ удобное и выгодное средство для производства торговли съ чужими краями. (*)

Замѣчательно, съ какою заботливостью и Солонъ и Драконъ старались усилить въ своихъ согражданахъ любовь къ дѣятельности и труду; (**) мы увидимъ, что это самое чувство распространялъ и Периклъ, въ то время, когда Аѳины находились на высотѣ могущества. Нельзя оставить безъ вниманія этого ранняго проявленія въ Аттикѣ уваженія къ ремесленному труду, который въ большей части Греціи сравнительно считался унизительнымъ. Вообще Греки, тогда, признавали только войну, земледѣліе, гимнастическія и музыкальныя упражненія занятіями, достойными свободнаго гражданина. Примѣръ Спартанцевъ, освобождавшихся даже отъ земледѣлія и предоставлявшихъ это занятіе своимъ гелотамъ, возбуждалъ всеобщее удивленіе, хотя и не могъ найти подражателей въ большей части греческихъ земель. Даже люди, подобные Платону, Аристотелю и Ксенофонту, значительно содѣй-

(*) Плутархъ, Solon, 22—24.
Ксенофонтъ, De Vectigalibus, III, 2.

(**) Ѳукидидъ, II, 40.

ствовали къ распространенію этого чувства, которое они оправдывали на томъ основаніи, что занятія ремеслами не совмѣстны съ воинскими способностями. Городская промышленность обыкновенно обозначалась словомъ, выражавшимъ какое-то презрѣніе, и хотя она признавалась необходимою для существованія города, но считалась приличною только для низшаго, полупривилегированнаго класса гражданъ. Это-то общепринятое мнѣніе, господствовавшее не только въ Греціи, но и у иностранцевъ, нашло сильную оппозицію въ Аѳинахъ и въ Коринѳѣ (*). Торговля въ Коринѳѣ, а равно и въ Халкидѣ, на островѣ Евбеѣ, уже была значительна въ то время, какъ въ Аѳинахъ она едва существовала. Но деспотизмъ Періандра долженъ былъ обнаружить пагубное вліяніе на промышленность Коринѳа, тогда какъ современное ему законодательство Солона доставляло торговцамъ и ремесленникамъ новый пріютъ въ Аѳинахъ, привлекая, какъ въ акрополисъ, такъ и въ Пирей, то многочисленное городское населеніе, которое мы находимъ здѣсь въ слѣдующемъ столѣтіи. Увеличеніе числа городскихъ жителей, какъ гражданъ, такъ и метэковъ, или людей несвободныхъ, было весьма важнымъ фактомъ въ дѣлѣ прогресса Аѳинъ. Оно не только содѣйствовало распространенію торговли этого города, но также способствовало преобладанію его морскихъ силъ и вмѣстѣ съ тѣмъ придало особенное могущество его демократическому правленію. Притомъ, оно, повидимому, составляло отступленія отъ врожденной наклонности Аѳинянъ къ сельской жизни. Поэтому для насъ особенно важно упомянуть о немъ, какъ о слѣдствіи законодательства Солона.

Солонъ первый въ Аѳинахъ допустилъ право дѣлать завѣщаніе въ пользу постороннихъ лицъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣтъ законныхъ дѣтей. До него, повидимому, имущество умершаго, не оставившаго ни дѣтей, ни кровныхъ родственниковъ, переходило, по принятому обычаю, какъ въ Римѣ, въ родъ и фратрію, къ которымъ владѣтель принадлежалъ при жизни (**). У большей части народовъ, находящихся въ грубомъ состояніи, какъ напримѣръ, у древнихъ Германцевъ, у Римлянъ, до изданія двѣнадцати таблицъ, у древнихъ Индусовъ, и т. д., завѣщанія неизвѣстны. Членъ общества можетъ пользоваться своимъ имуществомъ только при жизни и его собственность въ нѣкоторой степени считается принадлежащею его родственникамъ, которые окончательно вступаютъ въ свои права послѣ его смерти. Эти понятія, по всей вѣроятности, существовали, и въ Аѳинахъ, тѣмъ болѣе, что

(*) Геродотъ, II, 166—167; сравни Ксенофонта, Oeconomic. IV, 3.

(**) См. диссертацію Бунсена (Bunsen), De Jure Hereditario Atheniensium, pp. 28, 29; и Германна Шеллинга, De Solonis Legibus ap. Oratt. Atticos, c. XVII.

тамъ наслѣдственность семейныхъ священнодѣйствій, въ которыхъ могли участвовать и дѣти, и ближайшіе родственники, казалась дѣломъ, касавшимся и общественнаго и частнаго интереса. По законамъ Солона каждый гражданинъ, умирающій бездѣтно, имѣлъ право завѣщать свое имущество, кому захочетъ, и это завѣщаніе имѣло законную силу, если только оно не было вынуждено или выманено обманомъ. Вообще говоря, это постановленіе господствовало во все продолженіе историческихъ временъ Аѳинъ. Если по смерти умершаго оставались сыновья, то они наслѣдовали имущество отца въ равныхъ доляхъ и обязывались выдать своихъ сестеръ замужъ, назначивъ имъ опредѣленное приданое. Если не было сыновей, то наслѣдство переходило къ дочерямъ, но отецъ, передъ смертію, въ нѣкоторой степени имѣлъ право назначить имъ мужей, съ которыми онѣ должны были дѣлить доставшееся имъ имущество. Въ случаѣ согласія дочерей, отецъ могъ дѣлать также другія распоряженія относительно своей собственности. Человѣкъ, не имѣвшій ни дѣтей, ни родственниковъ по прямой нисходящей линіи, могъ завѣщать свое имущество, по собственному усмотрѣнію, кому захочетъ; если онъ умиралъ безъ завѣщанія, то права на наслѣдство принадлежали сначала его отцу, потомъ его брату или дѣтямъ брата, а потомъ его сестрѣ или дѣтямъ сестры; если не существовало ни одного изъ такихъ родственниковъ, то наслѣдовали двоюродные братья со стороны отца, или двоюродные братья со-стороны матери; причемъ мужескій полъ имѣлъ преимущество передъ женскимъ. Таковы были главныя основанія законовъ Солона относительно наслѣдства, хотя частности, въ нѣкоторой степени, темны и сомнительны. Солонъ, опвидимому, первый установилъ право устранять, посредствомъ завѣщанія, настоящихъ родственниковъ и сочленовъ по роду отъ наслѣдованія имущества,—мѣра, согласовавшаяся съ его цѣлью поощрить и промышленныя занятія, и вмѣстѣ съ тѣмъ, увеличеніе собственности частныхъ лицъ (*).

Мы уже замѣтили, что Солонъ запретилъ отцамъ и братьямъ продажу дочерей и сестеръ въ неволю,—запрещеніе, показывающее, до какой степени женщины считались прежде предметомъ собственности. Повидимому, до этого времени изнасилованіе свободной женщины наказывалось по благоусмотрѣнію судей. Солонъ же первый назначилъ за такое преступленіе пеню въ сто драхмъ, а за обольщеніе свободной женщины пеню въ двадцат драхмъ. Кромѣ того полагаютъ, что онъ запретилъ невѣстамъ, отдаваемымъ замужъ, брать съ собою драгоцѣнности и разныя другія вещи, кромѣ трехъ платьевъ и нѣсколькихъ не очень дорогихъ уборовъ (**). Солонъ опредѣлилъ также

(*) Плутархъ, Solon, 21.
(**) Плутархъ, Solon, 20; Бунсенъ, De Jure Hered. Ath. p. 43.

правила, какія должны соблюдать женщины при похоронахъ своихъ родственниковъ: онъ запретилъ чрезмѣрное изъявленіе печали, пѣніе плачевныхъ пѣсенъ и цѣнныя жертвоприношенія по поводу этпхъ случаевъ и строго опредѣлилъ количество яствъ и питей, допускаемыхъ на погребальныхъ пиршествахъ. Повидимому, какъ въ Римѣ, такъ и въ Греціи, чувства долга и любви къ усопшимъ побуждали ихъ родственниковъ къ чрезмѣрному выраженію скорби и къ разорительнымъ издержкамъ на похороны и на угощеніе лицъ, участвовавшихъ въ погребальной процессіи. Всеобщая необходимость вмѣшательства закона въ эти дѣла подтверждается также примѣчаніемъ Плутарха, что и въ его родномъ городѣ, Херонеѣ, существовали подобныя запретительныя мѣры (*).

Мы должны еще упомянуть о другихъ законахъ Солона, опредѣлявшихъ наказаніе за разнаго рода преступленія. Законодатель рѣшительно запретилъ злословить людей, какъ умершихъ, такъ и живыхъ, въ храмахъ, передъ судьями или архонтами и на публичныхъ пиршествахъ, и назначилъ за такое преступленіе пеню въ три драхмы въ пользу обиженнаго и въ двѣ драхмы въ пользу общественной казны. Умѣренность наказаній, опредѣленныхъ Солономъ, доказывается не только этимъ закономъ противъ злословія, но и закономъ противъ грабежа, о которомъ было говорено прежде; и то и другое преступленіе гораздо строже наказывались впослѣдствіи, во время господства въ Аѳинахъ демократическаго правленія. Хотя законъ, запрещавшій злословить умершихъ, безъ сомнѣнія, основывается на естественномъ чувствѣ отвращенія къ подобному гнусному поступку; но онъ объясняется также отчасти страхомъ, какой питали древніе Греки къ гнѣву усопшихъ.

Повидимому, Солонъ опредѣлилъ также мѣру расходовъ на публичныя жертвоприношенія, хотя подробности этого закона намъ неизвѣстны: говорятъ, что законодатель оцѣнивалъ овцу, или медимнъ medimnus (пшеницы или ячменя?) въ одну драхму и установилъ также цѣну за каждаго отборнаго быка, назначаемаго для такихъ торжественныхъ случаевъ. Но удивительна щедрость награды, выдававшейся изъ общественной казны побѣдителю на олимпійскихъ или истмійскихъ играхъ: первый получалъ пятьсотъ драхмъ, сумму, равняющуюся высшему ежегодному доходу, показанному въ цензѣ, а второй сто драхмъ награды. Такая щедрость наградъ особенно поразительна въ сравненіи съ умѣренностью штрафовъ, назначенныхъ за грабежъ или злословіе. Неудиви-

(*) Плутархъ, тамъ же.

тельно, что философъ Ксенофанъ строго нападалъ на такую чрезмѣрную оцѣнку подобнаго рода подвиговъ, распространенную во всѣхъ греческихъ городахъ (*). Но мы должны замѣтить, что эти священныя игры служили главнымъ наружнымъ признакомъ мира и симпатіи между многочисленными общинами Греціи и что во времена Солона онѣ еще нуждались въ поощрительныхъ мѣрахъ. Въ видахъ освобожденія земли отъ хищныхъ животныхъ, законодатель назначилъ премію въ пять драхмъ за каждаго убитаго волка и въ одну драхму за каждаго убитаго волченка. Онъ также предписалъ правила относительно употребленія колодцевъ и относительно посѣва оливковыхъ деревъ, на земляхъ, находившихся въ совокупномъ владѣніи нѣсколькихъ лицъ. Сохранились ли эти постановленія въ продолженіи болѣе извѣстнаго періода аѳинской исторіи, мы не можемъ сказать съ достовѣрностью (**).

Въ отношеніи кражи, полагаютъ, что Солонъ отмѣнилъ смертную казнь, назначенную Дракономъ за это преступленіе, и что онъ замѣнилъ ее возмездіемъ, вдвое превышавшимъ цѣну похищенной собственности. Простота такого постановленія, быть можетъ, даетъ поводъ приписать его Солону; но законъ, существовавшій во времена ораторовъ, относительно кражи, по всей вѣроятности, изданъ въ позднѣйшее время, такъ какъ въ немъ излагаются разныя подробности относительно мѣста и формы судопроизводства, которыя не могутъ быть отнесены къ 46-й олимпіадѣ. Общественные обѣды въ пританеумѣ, въ которыхъ участвовали архонты и немногія избранныя лица, также не были учреждены Солономъ. Они существовали еще прежде, и Солонъ, быть можетъ, далъ этимъ обѣдамъ только болѣе опредѣленную форму: онъ приказалъ употреблять ячменные хлѣба въ обыкновенные дни, и пшеничные въ торжественныхъ случаяхъ, и опредѣлилъ сколько разъ одно и то же лицо могло занимать мѣсто за общимъ столомъ (***). Участіе въ общественныхъ обѣдахъ, въ пританеумѣ, считалось почетной наградой, находившеюся въ распоряженіи правительства.

Въ числѣ законовъ Солона немногіе обратили на себя такое вниманіе, какъ законъ, объявлявшій лишеннымъ чести и гражданскихъ правъ всякаго человѣка, который во время возстанія не приметъ стороны одной изъ враждующихъ партій. Подобный законъ, повидимому, имѣетъ болѣе характеръ нравственнаго осужденія или религіознаго проклятія, нежели мѣры, дѣйствительно годной для при-

(*) Плутархъ, Solon, 23. Ксенофанъ, Frag. 2, ed Schneidewin.
(**) Плутархъ, Solon, c. 23. См. Свидаса (Suidas), V, φεισόμεθα.
(***) Демосѳенъ, cont. Timokrat. pp. 733 — 736.

*

мѣненія въ извѣстномъ случаѣ и послѣ судебнаго слѣдствія. Но мы можемъ представить себѣ взглядъ, побудившій Солона къ этой мѣрѣ, и отыскать слѣды подобныхъ же идей въ позднѣйшемъ законодательствѣ Аттики. Очевидно, этотъ законъ могъ быть примѣняемъ только къ тѣмъ случаямъ, когда дѣйствительно вспыхивало возстаніе: предположимъ, что Килонъ занялъ акрополисъ, или что Периклъ, Мегаклъ и Ликургъ, съ оружіемъ въ рукахъ, находятся во главѣ своихъ приверженцевъ. Предположимъ также, что эти предводители богаты и могущественны, какъ дѣйствительно и должно было быть; въ такомъ случаѣ правительство, въ томъ видѣ, въ какомъ оно существовало при Солонѣ, даже послѣ его преобразованій, не въ состояніи было бы возстановить спокойствіе; оно бы само сдѣлалось одною изъ воюющихъ сторонъ. При такихъ обстоятельствахъ, чѣмъ скорѣе каждый гражданинъ объявитъ себя въ пользу той или другой партіи, тѣмъ скорѣе, повидимому, должны кончиться безпорядки. Ни что не можетъ быть вреднѣе равнодушія массы, предоставляющей спорящихъ на произволъ ихъ собственной судьбы и потомъ подчиняющейся побѣдителю (*); ни что, повидимому, не въ состояніи такъ сильно содѣйствовать возстанію, какъ увѣренность со стороны честолюбиваго искателя власти, что онъ, побѣдивъ слабыя силы, окружающія архонтовъ, и сдѣлавшись обладателемъ пританеума или акрополиса, безусловно подчинитъ себѣ всѣхъ остальныхъ свободныхъ людей. Но когда всѣ граждане должны принять дѣятельное участіе въ спорѣ, объявивъ себя въ пользу той или другой стороны; то такое предпріятіе становится болѣе опаснымъ. Тогда возмутитель можетъ расчитывать на успѣхъ только въ томъ случаѣ, если пользуется большою популярностью, или если существующее правительство составляетъ предметъ всеобщей ненависти. Это обстоятельство должно удержать его отъ честолюбивыхъ замысловъ, если нѣтъ надежды на то, чтобы большинство желало успѣха его предпріятію. Въ маленькихъ политическихъ обществахъ Греціи, въ особенности во времена Солона, когда число деспотовъ въ другихъ частяхъ этой страны особенно было значительно, каждое правительство такъ было слабо, что ниспроверженіе его въ случаѣ возстанія являлось дѣломъ сравнительно легкимъ. Оно могло удержаться только привязанностью большинства населенія, — если не предположить найма иностранныхъ войскъ, что превратило бы его власть въ насиліе и чего не могъ имѣть въ виду аѳинскій законодатель. Равнодушіе со стороны гражданъ могло бы предать правитель-

(*) Примѣръ такого равнодушія, обнаружившійся въ Аргосѣ, см. у Плутарха, въ его описаніи жизни Арата, главу 27.

ство въ жертву всякому отважному богачу, которому бы вздумалось явиться возмутителемъ. Для предотвращенія такого случая необходимо было, чтобы граждане держали сторону своихъ правителей нетолько на словахъ, но и на дѣлѣ, съ оружіемъ въ рукахъ, и чтобы готовность ихъ къ этому была заранѣе извѣстна. Такимъ образомъ законъ Солона данъ былъ съ цѣлью предупредить возстанія; онъ имѣлъ характеръ миролюбивый, даже въ случаѣ дѣйствительнаго возстанія, — потому что тогда граждане должны были бы раздѣлиться на неравныя партіи, что заставило бы слабѣйшую отказаться отъ осуществленія своихъ плановъ.

Должно замѣтить, что въ этомъ постановленіи Солона существующее правительсто выставляется только какъ одна изъ борющихся партій. Добрый гражданинъ не обязывается именно поддерживать его; можетъ идти за него или противъ него, смотря по обстоятельствавъ; ему предписывается, какъ долгъ, только положительное и заблаговременное принятіе участія въ дѣлѣ. Во времена Солона не было никакой политической идеи или системы, которая могла бы быть принята какъ неоспоримая, данная, никакого знамени, подъ которое граждане могли бы считать себя обязанными становиться при всевозможныхъ обстоятельствахъ. Выборъ былъ между умѣренною олигархіею въ дѣйствительности и могущимъ явиться деспотомъ; причемъ рѣдко можно было разсчитывать на расположеніе народа къ существующему правительству. Но вообще равнодушіе гражданъ къ государственному устройству изсчезло послѣ революціи *Клисѳена*, когда мысль о самоуправленіи народа и демократическія учрежденія стали знакомы и драгоцѣнны каждому гражданину. Мы увидимъ тогда Аѳинянъ обязующихся самыми искренними и торжественными клятвами защищать свою демократію отъ всѣхъ попытокъ ниспровергнуть ее; и найдемъ въ нихъ чувство стольже положительное и непоколебимое въ своемъ направленіи, какъ и энергическое въ своихъ проявленіяхъ. Но, замѣчая эту весьма важную перемѣну въ ихъ характерѣ, мы увидимъ въ тоже время, что мудрая мысль Солона—предупреждать мятежи обязаніемъ безпристрастнаго большинства высказаться въ пользу того или другаго изъ двухъ соперничествующихъ предводителей—не осталась безполезною. Цѣль спасительнаго учрежденія, называемаго остракизмомъ, въ существѣ было таже самая. Въ прежнія времена аѳинской демократіи, когда два предводителя партіи, могущественные по числу приверженцевъ и значенію своему, вступали въ ожесточенную и продолжительную борьбу, противодѣйствіе могло довести которую нибудь изъ нихъ до насилія. Кромѣ свойственной всякому надежды на успѣхъ, каждый изъ предводителей могъ опасаться, то если онъ останется въ границахъ закон-

ности, то сдѣлается жертвою наступательныхъ дѣйствій своихъ противниковъ. Чтобы предотвратить эту опасность, отъ народа требовали подачи голосовъ, о томъ, кому изъ двухъ предводителей идти во временное изгнаніе, которое не почиталось безчестіемъ и не сопровождалось лишеніемъ собственности. Извѣстное количество гражданъ, не менѣе шести тысячъ, должны были, подавая голоса тайно—а слѣдовательно и независимо—произнести приговоръ, по которому одинъ изъ двухъ соперниковъ подвергался десятилѣтнему изгнанію; тотъ, который оставался, хотя становился еще могущественнѣе, но уже не былъ въ *положеніи побуждающемъ* его къ нарушенію существующихъ учрежденій. Нѣсколько ниже мы опять поговоримъ объ этой благоразумной предосторожности и оправдаемъ ее отъ нѣкоторыхъ ошибочныхъ толкованій; теперь же замѣтимъ только аналогію ея съ прежнимъ закономъ Солона и направленіе ея клонящееся къ тому, чтобы прекращать борьбы партій, искуственнымъ вызовомъ мнѣній безпристрастныхъ гражданъ противъ одного изъ соперниковъ,—съ тѣмъ важнымъ различіемъ, что въ то время, какъ Солонъ представляетъ партіи уже дѣйствительно взявшимися за оружіе, остракизмъ предотвращаетъ это бѣдствіе, прилагая врачеваніе къ первымъ признакамъ болѣзни.

Въ предъидущей главѣ мы уже разсмотрѣли положенія Солона относительно правильнаго чтенія поэмъ Гомера. Любопытно противопоставить его уваженіе къ древней эпопеѣ отвращенію, обнаруженному имъ къ Өеспису и драмѣ, тогда только что рождавшейся и еще мало обѣщавшей въ будущемъ. Трагедія и комедія только что начинали прививаться къ лирической поэзіи и хоровой пѣснѣ. Сначала одинъ актеръ только помогалъ хору; впослѣдствіи явилось два актера, которые, представляя вымышленныя лица, вели между собою разговоръ, такимъ образомъ, что ихъ бесѣда и пѣсни хора составляли непревывный ходъ пьесы. Прослушавъ Өесписа, игравшаго (какъ и всѣ трагическіе и комическіе писатели того времени) въ своей комедіи, Солонъ спросилъ его, не стыдно-ли ему говорить такую ложь предъ множествомъ слушателей? И когда Өесписъ отвѣчалъ, что не находитъ въ этомъ ничего вреднаго, потому что это говорится и дѣлается единственно для удовольствія, Солонъ, стукнувъ палкою, съ негодованіемъ воскликнулъ: (*) Если мы станемъ цѣнить и уважать подобныя удовольствія, то скоро увидимъ послѣдствія ихъ въ нашихъ ежедневныхъ сношеніяхъ между собою» Было бы опрометчиво ручаться за подлинность этого анекдота; но мы можемъ принять его покрайней мѣрѣ какъ протестъ нѣкоторыхъ древнихъ философовъ противъ заключаю-

(*) Плутархъ—Солонъ, 29—Діогенъ Лаэрцій, I, 59.

щагося въ драмѣ обмана — протестъ тѣмъ болѣе любопытный, что онъ обозначаетъ начало борьбы, вызванной тѣмъ родомъ литературы, въ которомъ Аѳиняне достигли потомъ такого безпримѣрнаго совершенства.

Казалось бы, что законы Солона были объявлены, записаны и приняты безъ всякаго противорѣчія или сопротивленія. Говорятъ, что онъ самъ сказалъ объ нихъ, что это не лучшіе законы, которые онъ могъ бы выдумать, но лучшіе, къ принятію которыхъ онъ могъ бы убѣдить народъ. Онъ далъ имъ дѣйствительную силу только на десять лѣтъ, а сенатъ цѣлымъ собраніемъ и архонты лично поклялись соблюдать ихъ въ теченіе этого періода; (*) въ случаѣ же несоблюденія клятвы они должны были воздвигнуть въ Дельфахъ золотую статую въ человѣческій ростъ. Но хотя законы были приняты безъ затрудненія, однакожъ народу нелегко было понимать ихъ и повиноваться имъ, а составителю объяснять ихъ. Каждый день приходили къ Солону разныя лица — одни съ похвалами, другіе съ критическими замѣчаніями, или съ требованіемъ объяснить имъ смыслъ того или другаго постановленія, пока наконецъ ему не наскучили эти безконечные отвѣты и объясненія, которыя рѣдко удовлетворяли жаловавшихся и рѣдко устраняли темноту въ смыслѣ закона. Предвидя, что, оставшись въ отечествѣ, онъ принужденъ будетъ допустить перемѣны, Солонъ испросилъ у своихъ соотечественниковъ разрѣшеніе оставить ихъ на десять лѣтъ, полагая, что до истеченія этого срока они привыкнутъ къ его законамъ. Онъ оставилъ свое отечество въ полной увѣренности, что его законы останутся неизмѣнными до его возвращенія, ибо, говоритъ Геродотъ, «Аѳиняне *не могли* измѣнить ихъ, такъ какъ они торжественною клятвою были обязаны соблюдать ихъ въ теченіе десяти лѣтъ.» Тонъ, какимъ историкъ говоритъ о клятвѣ, какъ будтобы она составляла физическую необходимость и исключала всякую возможность противнаго дѣйствія, достоинъ замѣчанія, какъ черта, характеризующая Грековъ. (**)

Отправившись изъ Аѳинъ, Солонъ посѣтилъ сперва Египетъ, гдѣ вошелъ въ сношенія съ Псенофисомъ изъ Геліополя и Сонхисомъ изъ Саиса, египетскими жрецами, которые могли многое сообщить ему о своей древней исторіи; отъ нихъ онъ получилъ свѣдѣнія, въ дѣйствительности или только по увѣреніямъ ихъ, превосходившія древностью самыя древнія греческія преданія и особенно преданіе объ обширномъ затопленномъ островѣ Атлантидѣ и о войнѣ, которую предки Аѳинянъ

(*) Плутархъ—Солонъ 15.
(**) Геродотъ, I, 29.

очень успѣшно вели съ жителями этого острова за девять тысячъ лѣтъ передъ тѣмъ. Говорятъ, Солонъ началъ писать объ этомъ предметѣ эпическую поэму, которую онъ не успѣлъ окончить; отъ нея ничего не осталось. Изъ Египта онъ отправился въ Кипръ, гдѣ посѣтилъ небольшой городъ Эрею, первоначально основанный, какъ говорятъ, Демофономъ, сыномъ Тезея. Онъ находился тогда подъ владычествомъ Филокипра, такъ какъ вообще всякій городъ въ Кипрѣ имѣлъ своего особаго мелкаго владѣльца. Эрея лежала близъ рѣки Кларія, въ мѣстоположеніи крутомъ и безопасномъ, но неудобномъ и недоступномъ для подвозовъ. Солонъ совѣтовалъ Филокипру оставить старый городъ и выстроить новый въ плодоносной равнинѣ. Онъ самъ остался и принялъ на себя обязанность распорядителя новаго поселенія, принимая всѣ мѣры, необходимыя для успѣшнаго хода его; и дѣйствительно, переселенцы толпами переходили въ новую колонію которую Филокипръ, въ честь Солона, назвалъ *Соли*. Къ сожалѣнію, мы не знаемъ, въ чемъ состояли эти распоряженія; но самый фактъ подтверждается въ общихъ чертахъ поэмою самого Солона; строки, въ которыхъ онъ прощается съ Филокипромъ, покидая островъ, дошли до насъ. Въ этой поэмѣ всѣ распоряженія царя осыпаны похвалами.

Кромѣ того разсказываютъ, что Солонъ посѣтилъ Сардесъ, гдѣ бесѣдовалъ съ Лидійскимъ царемъ Ксерксомъ; эта бесѣда обращена Геродотомъ въ нравоучительный разсказъ, составляющій одинъ изъ прекраснѣйшихъ эпизодовъ во всей его исторіи. Хотя этотъ эпизодъ разсказывали и пересказывали, какъ совершенно достовѣрный;, однакожъ онъ несогласенъ съ хронологіею; впрочемъ, очень вѣроятно, что Солонъ когда нибудь посѣтилъ Сардесъ, гдѣ могъ видѣть Креза еще наслѣднымъ принцемъ.

Но если бы и не было никакихъ хронологическихъ противорѣчій, нравоучительная цѣль разсказа такъ ясна и такъ систематически проведена отъ начала до конца, что эти внутреннія основанія сами по себѣ достаточно сильны, чтобы поколебать достовѣрность факта, если только сомнѣніе не перевѣшиваются положительными современными свидѣтельствами, которыхъ въ настоящемъ случаѣ нѣтъ. Разсказъ о Солонѣ и Крезѣ можно принять только какъ нравоучительный вымыселъ, заимствованный Геродотомъ у какого нибудь философа и облеченный имъ въ свойственную ему прекрасную форму, которая въ настоящемъ случаѣ даже поэтичнѣе, чѣмъ обыкновенно. Я не могу выписать весь этотъ разсказъ и едва осмѣливаюсь сократить его. Тщеславный Крезъ, счастливый завоеватель и богачъ, старается убѣдить своего гостя, Солона, что онъ счастливѣйшій изъ смертныхъ. Дважды предпочтя ему скромнѣйшихъ, но достойныхъ греческихъ граждалъ, Солонъ на-

конецъ напоминаетъ, что обширныя владѣнія и власть слишкомъ ненадежны, чтобы могли служить доказательствомъ счастія; что боги завистливы и любятъ вмѣшиваться въ наши дѣла и нерѣдко посылаютъ человѣку кажущееся счастье, какъ бы въ видѣ приготовленія къ крайнимъ дѣйствіямъ, и что жизнь человѣка можно назвать счастливою только тогда, когда она кончилась и превратности стали въ ней невозможны. Крезъ почелъ это мнѣніе нелѣпымъ, но послѣ удаленія Солона »судъ боговъ палъ на него, вѣроятно, потому (замѣчаетъ Геродотъ), что онъ почиталъ себя счастливѣйшимъ изъ всѣхъ людей.» Сначала онъ лишился любимаго сына Атиса, смѣлаго и даровитаго юноши—другой его сынъ былъ нѣмъ. Олимпійскіе Мизіяне, раззоряемые хищностью страшнаго дикаго вепря, съ которымъ они не могли совладать, просили помощи Креза; царь послалъ къ нимъ избранный отрядъ охотниковъ, и позволилъ, хотя оченъ неохотно —потому что видѣлъ зловѣщій сонъ—отправиться съ ними своему сыну. Юный князь былъ нечаянно убитъ фригійскимъ изгнанникомъ Адрастомъ, когорому Крезъ далъ у себя убѣжище (*) лишь только онъ оправился послѣ этого несчастія, какъ быстро возросшее могущесто Кира и персидской монархіи вовлекло Креза въ войну съ нимъ, вопреки мнѣнію благоразумнѣйшихъ его совѣтниковъ. Послѣ борьбы, длившейся около трехъ лѣтъ, онъ потерпѣлъ окончательное пораженіе; столица его, Сардесъ была взята приступомъ и самъ онъ взятъ въ плѣнъ. Киръ приказалъ приготовить костеръ и возвести на него Креза, обремененнаго цѣпями, вмѣстѣ въ четырнадцатью лидійскими юношами, я намѣреваясь сжечь ихъ живыми, въ видѣ религіознаго жертвоприношенія или во исполненіе особаго обѣта, или, «можетъ быть, (замѣчаетъ Геродотъ), для того, чтобы увидѣть, не вступится-ли который нибудь изъ боговъ за человѣка, столь религіознаго какъ царь лидійскій.» (**) Въ такомъ бѣдственномъ положеніи Крезъ вспомнилъ когда-то презрѣнное имъ предсказаніе и три раза со стономъ произнесъ имя Солона. Киръ потребовалъ черезъ переводчиковъ объясненія этихъ восклицаній, и ему въ отвѣтъ разсказали анекдотъ объ аѳинскомъ законодателѣ и о торжественномъ предостереженіи, которое онъ сдѣлалъ Крезу во времена его могущества, относительно бренности человѣческаго величія. Разсказъ глубоко запалъ въ душу персидскяго государя, какъ намекъ на то, что и съ нимъ можетъ случиться тоже самое; онъ раскаялся въ своемъ намѣреніи и приказалъ погасить костеръ, который былъ уже зажженъ. Но приказаніе было дано слишкомъ поздно; напере-

(*) Геродотъ, I, 22—34.
(**) Геродотъ, I, 85.

коръ ревностнымъ усиліямъ присутствовавшихъ, погасить пламя было невозможно и Крезъ сгорѣлъ бы, еслибъ не воззвалъ о помощи къ Аполлону, котораго храмы дельфійскій и ѳивскій онъ украсилъ великолѣпными дарами. Его молитва была услышана: совершенно чистыя небеса покрылись тучами и пошелъ проливной дождь, который погасилъ пламя. (*)

Таковъ въ общемъ очеркѣ разсказъ, переданный вполнѣ и весьма трогательно у Геродота. Онъ могъ служить назидательнымъ чтеніемъ аѳинскому юношеству, равно какъ прекрасная сказка о Выборѣ Геракла, (Геркулеса) которая въ разсказѣ философа Продика (**), нѣсколько младшаго современника Геродота, пріобрѣла такую популярность. Онъ ярко уясняетъ религіозныя и нравственныя понятія древности: глубокое убѣжденіе въ ревности боговъ, недопускавшихъ гордости ни въ комъ, кромѣ себя самихъ, въ невозможности для человѣка осуществить для себя больше чѣмъ весьма скромную долю счастія въ опасности, которою грозитъ ему божественное мщеніе, если онъ когда нибудь переступаетъ эти границы, и, въ необходимость принимать въ основаніе всю жизнь для раціональнаго сравненія степени счастія разныхъ личностей, и какъ практическое слѣдствіе этихъ понятно,—постоянный протестъ моралистовъ противъ пылкихъ порывовъ и невоздержанныхъ стремленій. (***) Чѣмъ драгоцѣннѣе для насъ правоучительная сторона этого разсказа, тѣмъ менѣе мы можемъ принять его за историческій фактъ.

Очень жаль, что мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній о событіяхъ, происшедшихъ въ Аттикѣ непосредственно послѣ обнародованія солоновыхъ законовъ и учрежденій (въ 594 г. до. Р. Х.),—по которымъ мы имѣли бы возможность понять практическія послѣдствія этихъ перемѣнъ. Все, что мы далѣе знаемъ о дѣйствіяхъ Солона въ Аттикѣ, относится къ періоду, предшествовавшему первому похищенію Пизистратомъ въ 500 году до Р. Х.,—послѣ возвращенія Солона изъ его продолжительнаго странствованія. Мы опять видимъ нѣкоторыя олигархическія замѣшательства, какія господствовали до законодательства Солона: педіэи или зажиточные собственники аѳинскихъ окрестностей подъ предводительствомъ Ликурга; параліи южной Аттики подъ начальствомъ Мегакла, и бѣднѣйшій изъ трехъ разрядовъ,—діакріи или жители горъ восточнаго края, надъ которыми начальствовалъ Пизистратъ, вели ожесточенную междоусобную борьбу. По словамъ Плутарха, Солонъ возвратился въ Аѳины во время самаго

(*) Геродотъ I, 86, 87; сравни Плутарха Солонъ 27-28. См. подобный разсказъ о Гигесѣ, царѣ лидійскомъ (Валерій Максимъ VII, 1, 2).

(**) Ксенофонтъ. II, 1, 2,

(***) Герод. VII 10.

разгара этого мятежа. Онъ былъ съ уваженіемъ принятъ всѣми партіями, но его совѣтовъ уже не слушали, а годы не позволяли ему начать снова общественную дѣятельность. Онъ употребилъ всѣ усилія, чтобы смирить вражду партій и особенно старался противодѣйствовать честолюбію Пизистрата, дальнѣйшіе замыслы котораго онъ скоро открылъ.

Будущее величіе Пизистрата, какъ разсказываютъ, еще до его рожденія было предзнаменовано чудомъ, которое видѣлъ его отецъ Гиппократъ на Олимпійскихъ играхъ. Предзнаменованіе это осуществилось, отчасти вслѣдствіе его личной храбрости, обнаруженной при завоеваніи Низеи отъ Мегарянъ, отчасти вслѣдствіе популярности его рѣчи и обращенія, лицемѣрнаго принятія имъ на себя защиты бѣдныхъ(*) и хвастливаго отрѣченія отъ всякихъ себялюбивыхъ притязаній отчасти наконецъ вслѣдствіе искуснаго употребленія хитрости и силы. Послѣ безполезныхъ увѣщаній самому Пизистрату, Солонъ публично объявилъ его планы въ стихахъ, обращенныхъ къ народу. Обманъ, посредствомъ котораго Пизистратъ окончательно привелъ въ исполненіе свои замыслы, памятенъ въ греческихъ преданіяхъ. (**) Онъ явился однажды предъ Аѳинянами въ колесницѣ, запряженной парою муловъ; онъ самъ и его мулы были съ намѣреніемъ переранены; въ этомъ видѣ онъ возбудилъ состраданіе народа и просилъ его защиты, утверждая, что политическія враги съ оружіемъ напали на него. Онъ умолялъ народъ дать ему стражу и когда такимъ образомъ пробуждено было сочувствіе къ нему и враждебное чувство къ его мнимымъ убійцамъ, Аристонъ предложилъ сдѣлать формальное опредѣленіе—сенатъ, состоявшій изъ друзей Пизистрата, заранѣе утвердилъ предложеніе (***)—о предоставленіи Пизистрату имѣть тѣлохранителями пятьдесятъ человѣкъ вооруженныхъ палицами. Солонъ сильно возсталъ противъ этого предложенія; (****) но его преодолѣли и даже обошлись съ нимъ, какъ съ человѣкомъ, лишившимся здраваго смысла. Бѣдные дѣйствительно стояли за эту мѣру, между тѣмъ какъ богатые боялись выразить свое несогласіе, и когда роковое рѣшеніе было постановлено, Пизистратъ имѣлъ полное право утѣшить себя восклицаніемъ, что онъ оказался умнѣе первыхъ и рѣшительнѣе послѣднихъ. Это было однимъ изъ первыхъ извѣстныхъ примѣровъ употребленія изъясненной хитрости для похищенія свободы греческаго государства.

Неумѣренное народное расположеніе, вслѣдствіе котораго совершилась эта уступка, еще сильнѣе выразилось въ томъ, что не было при-

---

(*) Аристотель—Polit. V, 4, 5.; Плутархъ, Солонъ.
(**) Платонъ—Respublica, VIII, 565.
(***) Діогенъ Лаерц. I, 49.
(****) Плутархъ, Солонъ 29—30., Діогенъ Лаэрт. I, 50—51.

нято никакихъ предосторожностей, къ тому чтобъ Пизистратъ не перешелъ за ея предѣлы. Число тѣлохранителей не долго ограничивалось пятьюдесятью и палицы вскорѣ были замѣнены мечами. Такимъ образомъ Пизистратъ увидѣлъ возможность сбросить маску и овладѣть акрополисомъ. Главные его противники, Мегаклъ и Алкмеониды немедленно бѣжали изъ города; только почтенныя лѣта и неустрашимый патріотизмъ Солона тщетно противустояли похитителю. Солонъ публично явился на площади, ободрялъ и упрекалъ народъ, стараясь пробудить въ немъ духъ независимости. Предотвратить деспотизмъ, говорилъ онъ, былобы легко; свергнуть его теперь труднѣе, за то и представляетъ болѣе славы; (*) но слова его были тщетны—всякій, кто не былъ дѣйствительно преданъ Пизистрату, находился подъ вліяніемъ страха, и оставался въ бездѣйствіи; даже и тогда, когда Солонъ прибѣгнулъ къ послѣднему средству—и вооруженный сталъ въ дверяхъ своего дома, призывая всѣхъ къ оружію, никто не присоединился къ нему. «Я исполнилъ свой долгъ», воскликнулъ онъ наконецъ; «Я употребилъ всѣ силы на защиту отечества и законовъ» и отказался отъ всякаго дальнѣйшаго противодѣйствія, хотя впрочемъ отвергъ совѣтъ своихъ друзей, настаивавшихъ, чтобы онъ удалился изъ города; когда его спросили, на какую защиту онъ надѣется, онъ отвѣчалъ: «на мою старость». Онъ даже несчиталъ нужнымъ подавить вдохновеніе своей музы; до насъ дошло нѣсколько стиховъ, написанныхъ, кажется, въ ту минуту, когда сильная рука новаго деспота дала себя почувствовать народу; онъ говорилъ въ нихъ народу: «Если вы страдаете отъ собственной низости, не приписывайте этого богамъ. Вы сами отдали власть этимъ людямъ и тѣмъ повергли себя въ презрѣнное рабство».

Мы съ удовольствіемъ узнаемъ, что Пизистратъ, дѣйствія котораго во все время его владычества были сравнительно мягки, не тронулъ Солона. Какъ долго этотъ знаменитый дѣятель пережилъ практическое ниспроверженіе своей конституціи, мы не можемъ опредѣлить съ точностью; по наиболѣе достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, онъ умеръ въ слѣдующемъ году, будучи отъ роду около восьмидесяти лѣтъ.

Намъ остается пожалѣть, что мы лишены средствъ съ большею подробностью прослѣдить эту благородную, примѣрную личность. Она совмѣщаетъ въ себѣ лучшія стремленія своего вѣка, соединенныя со многими чисто личными достоинствами: высоко развитое нравственное чувство и не уменьшавшаяся съ годами жажда знаній, соединялись въ ней съ способностью создать правильно организованныя народныя учрежденія, видимо отличавшіяся отъ обыкновеннаго въ то время типа

(*) Плутархъ, Солонъ 30.—Діогенъ ст. I, 49.—Діодоръ Excerpta lib. VII—X ed; Maii. Fr. XIX—XXIV.

и духа правительствъ и расчитанныя на то, чтобъ пробудить въ аѳинскомъ народѣ новыя стремленія,—и съ глубокимъ сочувствіемъ къ страданіямъ бѣднаго класса, который Солонъ желалъ не только освободить отъ гнета богатыхъ, но и пріучить къ трудолюбію и самостоятельности. Наконецъ, во время обладанія неограниченною властью, онъ выказалъ не только совершенное отсутствіе эгоистическихъ и честолюбивыхъ стремленій, но и рѣдкое благоразуміе въ выборѣ средины между противуположными требованіями. При чтеніи его поэмъ должно всегда помнить, что все, что кажется теперь общимъ мѣстомъ, тогда было ново, и что для того сравнительно непросвѣщеннаго времени, картины общества, очерченныя Солономъ, казались свѣжими, а всѣ его совѣты должны были врѣзываться въ памяти народа. Поэмы, относящіяся къ предметамъ нравственности, вообще внушаютъ кротость въ отношеніи къ другимъ и умѣренность въ стремленіи къ личнымъ цѣлямъ; въ нихъ боги награждаютъ добро и наказываютъ зло, хотя иногда и очень поздно. Но его сочиненія, вызванныя текущими обстоятельствами, вообще созданы въ болѣе энергическомъ духѣ—въ однихъ онъ обвиняетъ богачей въ угнетеніи бѣдныхъ, въ другихъ возстаетъ противъ робкаго подчиненія Пизистрату и высказываетъ гордое сознаніе, что былъ всегда защитникомъ массы народа. Изъ первыхъ его поэмъ едвали что либо сохранилось; въ немногихъ строкахъ, дошедшихъ до насъ, высказывается веселый характеръ, впослѣдствіи естественно измѣненный политическими невзгодами, съ которыми онъ долженъ былъ бороться—съ бѣдствіями, возникшими изъ мегарской войны, изъ святотатственнаго умерщвленія Килона и изъ упадка народнаго духа, изцѣленнаго Епименидомъ, и наконецъ доставшеюся ему ролею посредника между жадною олигархіею и страждущимъ народомъ. Въ одной элегіи, надписанной Мимнерму, онъ называетъ шестидесятый годъ лучшимъ предѣломъ человѣческой жизни, а не восьмидесятый, на который указывалъ этотъ поэтъ; (*) но можно думать, что самъ онъ дожилъ до восьмидесяти лѣтъ, и одно изъ лучшихъ его дѣлъ—противодѣйствіе Пизистрату—совершилось передъ самою его смертію.

Существовало преданіе, что прахъ его былъ собранъ и разсѣянъ вокругъ острова Саламина; Плутархъ почитаетъ этотъ слухъ не основательнымъ, хотя впрочемъ прибавляетъ, что Аристотель и другіе замѣчательные люди вѣрили ему. Время его происхожденія никакъ не позже поэта Кратина, который намекаетъ на него въ одной изъ своихъ комедій и мы не расположены опровергать его (**). Судя по надписи на

(*) Солонъ—отрывокъ 22.

(**) Плутархъ—Солонъ, 32: Кратинъ Діогенъ Лаэрт. I, 62.

статуѣ Солона, онъ былъ Саламинецъ; во всякомъ случаѣ онъ былъ однимъ изъ главныхъ дѣятелей при пріобрѣтеніи острова во власть Аѳинъ, и очень вѣроятно, что подобно многимъ новымъ аѳинскимъ гражданамъ, тамъ поселившимся, онъ получилъ участокъ земли и былъ записанъ въ число саламинскихъ демотовъ. Разсѣяніе его праха въ разныхъ мѣстахъ острова связываетъ его съ нимъ, какъ будто бы основателя колоніи, и мы можемъ принять это, если не какъ выраженіе общественнаго желанія, то по крайней мѣрѣ, какъ выраженіе тщеславной привязанности къ нему переживщихъ его друзей.

Мы дошли до періода деспотизма Пизистрата (560 г. до Р. Х.), династія котораго управляла Аѳинами—съ небольшими промежутками при жизни самого Пизистрата—въ теченіе пятидесяти лѣтъ. Приступимъ теперь къ изложенію исторіи этого владычества, оказавшагося болѣе мягкимъ, чѣмъ вообще бывалъ греческій деспотизмъ, и произведшаго весьма важныя послѣдствія для Аѳинской республики.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ I.

Пятна жизни (повѣсть). А. Г. ВИТКОВСКАГО.
Поэтъ и цвѣточница (стихотв.). А. И. МАЙКОВА.
О значеніи критическихъ трудовъ *К. Аксакова* по русской исторіи. Н. И. КОСТОМАРОВА.
Къ Нѣману (стихотв.) В. Г. БЕНЕДИКТОВА.
Украинка въ Краковѣ (стихотв.) А. С.
Венгрія въ современныхъ ея отношеніяхъ къ Австріи. С. И. ПАЛАУЗОВА.
Гдѣ ты? (стихотв.). Л. А. МЕЯ.
Добрые люди (повѣсть). Ж. ЛИНСКОЙ.

ОТДѢЛЪ II.

Политика. Обзоръ современныхъ событій. Г. Б. . 1
Письмо изъ Парижа. ЖАКА ЛЕФРЕНЯ 18
Русская литература. Историческіе очерки русской народной словесности и искусства. Соч. *Ѳ. Буслаева*. Изд. *Д. Е. Кожанчикова*. Спб. 1861. Д. Л. МОРДОВЦОВА 1
Уличные типы. *А. Голицынскаго*, съ 20–ю рисунками *М. Пикколо*. Изд. *К. Рихау*. М. 1860. Д. И. ПИСАРЕВА. 58
Записки нѣкоторыхъ обстоятельствъ жизни и службы сен. *И. В. Лопухина*. М. 1860. В. К—АГО . . . 71
Житіе Ивана Яковлевича, извѣстнаго пророка въ Москвѣ. Соч. *И. Прыжова*. П. РУДНАГО 90
Очерки заграничной жизни. *А. Забѣлина*. Р. Р. . . 95

Крѣпостное населеніе въ Россіи по 10-й народной переписи. *А. Тройницкаго* 105
Иностранная литература. Послѣдніе дни римской имперіи, *А. Тьерри.* — В. Г. АВСѢЕНКО . . 1
Политическая исторія папъ, *Ланфрэ.* В. П. ПОПОВА . 18
Литературная корреспонденція. Э. РЕКЛЮ 30
Шесть лекцій о различныхъ силахъ матеріи. Соч. *Фарадэ.* В. Л. ХАНКИНА 36

ОТДѢЛЪ III.

Смѣсь. Современная нѣмецкая литература. Д. ФРЕНЦЕЛЯ. 1
Два письма къ А. Бестужеву. А. С. ПУШКИНА . . . 24
Принцъ Уэльскій на могилѣ Вашингтона. Я. БАЛЯСНАГО 28
Отвѣтъ отечественнымъ запискамъ. И. Д. БѢЛОВА . 37
Землякамъ, надъ гробомъ Т. Г. Шевченка. А. ЧУЖБИНСКАГО. 46
Фёльетонъ (Дневникъ темнаго человѣка) 49

Въ приложеніи. Изъ исторіи Греціи, Грота. Пер. Ѳ. Н. НЕНАРОКОМОВА.

ОПЕЧАТКИ ЯНВ. КН.

	Напечатано:			Читай:
	стран.	строка		
Иностр. Лит.	124 снизу	7	соціализмомъ	соціанизмомъ
Библіогр.	86 сверху	2	измѣненнымъ	неизмѣненнымъ
—	103 снизу	2	звѣрковъ	звуковъ

Печатать позволяется. С.-Петербургъ, 18 февраля 1861 года.

Ценсоръ *П. Новосильскій*.

Крѣпостное население въ Россіи по 10-й народной переписи. *А. Тройницкаго* 105
Иностранная литература. Последніе дни римской имперіи, *А. Тьерри.* — В. Г. АВСѢЕНКО . . 1
Политическая исторія папъ, *Ланфрэ.* В. П. ПОПОВА . 18
Литературная корреспонденція. Э. РЕКЛЮ 30
Шесть лекцій о различныхъ силахъ матеріи. Соч. *Фарадэ.* В. Л. ХАНКИНА 36

ОТДѢЛЪ III.

Смѣсь. Современная нѣмецкая литература. Д. ФРЕНЦЕЛЯ. 1
Два письма къ А. Бестужеву. А. С. ПУШКИНА . . . 24
Принцъ Уэльскій на могилѣ Вашингтона. Я. БАЛЯСНАГО 28
Отвѣтъ отечественнымъ запискамъ. И. Д. БѢЛОВА . 37
Землякамъ, надъ гробомъ Т. Г. Шевченка. А. ЧУЖБИНСКАГО. 46
Фёльетонъ (Дневникъ темнаго человѣка) 49

Въ приложеніи. Изъ исторіи Греціи, Грота. Пер. Ѳ. Н. НЕПАРОКОМОВА.